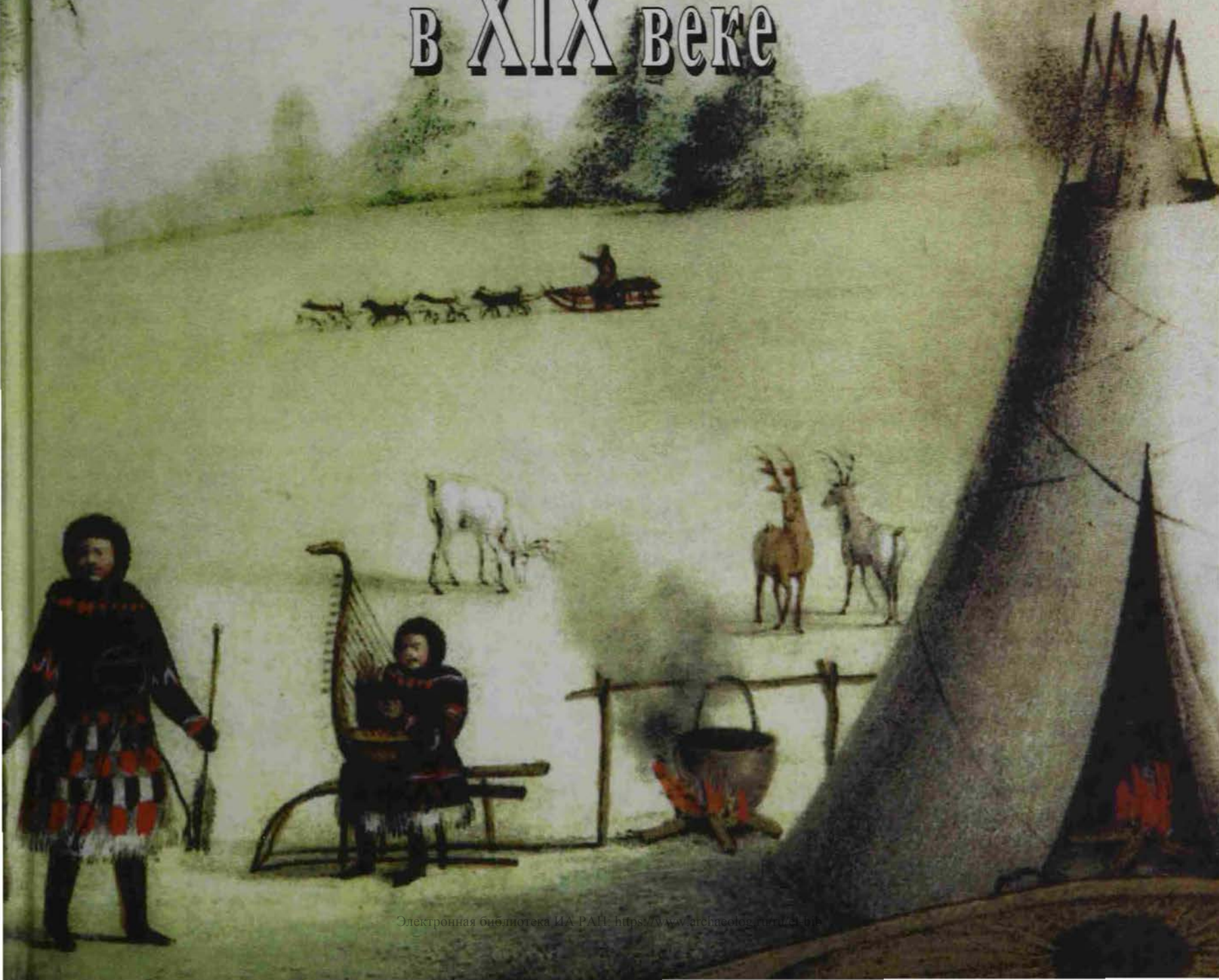

О. А. Мурашко Н. А. Кренке

Культура аборигенов Обдорского Севера в XIX веке

РОССИЙСКАЯ
АКАДЕМИЯ НАУК

ИНСТИТУТ
АРХЕОЛОГИИ

RUSSIAN
ACADEMY OF SCIENCES

INSTITUTE
OF ARCHAEOLOGY

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ им. М. В. ЛОМОНОСОВА

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ
И МУЗЕЙ АНТРОПОЛОГИИ им. Д. Н. АНУЧИНА

MOSCOW
STATE UNIVERSITY

INSTITUTE AND MUSEUM
OF ANTHROPOLOGY

Olga Murashko Nikolay Krenke

**The Culture of
Indigenous People
of Obdorsk North
in XIX century**

From Materials of the Archaeological-Ethnographic
Collection
Museum of Anthropology of Moscow State University

MOSCOW «NAUKA» 2001

О. А. Мурашко Н. А. Кренке

**Культура
аборигенов
Обдорского Севера
в XIX веке**

По археолого-этнографическим
коллекциям
Музея антропологии МГУ

МОСКВА «НАУКА» 2001

УДК 902/204
ББК 63.0
М 91

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)
проект № 01-01-16038д*

Ответственный редактор
академик Т.И. АЛЕКСЕЕВА

Рецензенты:
доктор исторических наук С.В. ОШИБКИНА,
доктор исторических наук Л.А. ЧВЫРЬ

На переплете гравюра из книги:
Белявский Фр. Поездка к Ледовитому морю. М., 1833

Мурашко О.А., Кренке Н.А.

Культура аборигенов Обдорского Севера в XIX веке (по археолого-этнографическим коллекциям Музея антропологии МГУ). — М.: Наука, 2001. 155 с., ил.

ISBN 5-02-008758-0

В монографии опубликована коллекция, собранная в 1909 г. в низовьях Оби. Центральное место занимают описания погребального обряда и вещевых комплексов погребений. Иллюстративный материал представлен серией чертежей погребений, выполненных в 1909 г., и фотографиями погребального инвентаря — изделий из дерева, кости, олова. Особое внимание уделено украшениям из металла. Отдельные главы посвящены проблемам датировки материала, интерпретации этнической принадлежности погребений, взаимодействию культур, элементам преемственности в сфере материальной и духовной культуры. В приложении даны полевые дневниковые записи собирателя коллекции Д.Т. Яновича.

Для археологов, историков, этнографов.

ТП-2001-II-№ 24

ISBN 5-02-008758-0

© Издательство “Наука”, 2001

Содержание

Глава 1. Введение	7
Глава 2. История изучения и судьба коллекции	11
Глава 3. Результаты изучения места могильника Халас-Пугор в 1991–1992 гг.	18
Глава 4. Историко-экономический контекст	22
Глава 5. Погребальный обряд	27
Глава 6. Инвентарь могильников (типы вещей)	34
Глава 7. Датировка могильников	66
Глава 8. Возможности этнической интерпретации	71
Глава 9. Материалы могильников как источник для изучения взаимо- действия культур в “контактной зоне”	79
Приложения	
1. Выдержки из «Дневника странствований на каюке “Орт” по Оби» Д.Т. Яновича в 1909 г.	84
2. Описания погребений (тексты составлены по рисункам и записям в полевом дневнике Д.Т. Яновича)	91
3. Местные названия предметов погребального инвентаря, упомянутые в полевых записях Д.Т. Яновича	125
4. Топонимика и ономастика по данным дневниковых записей Д.Т. Яновича	127
5. Докладная записка Д.Т. Яновича	129
6. Письмо О.О. Баклунда Д.Н. Анучину 1910 г.	131
7. Письмо Бруно Федоровича Адлера Максиму Григорьевичу Левину 1936 г.	133
8. Похозяйственные книги 1991 г. поселков Халас-Пугор и Горно-Князевск	134
Литература	138
Список сокращений	143
Список иллюстраций	144
Summary	147

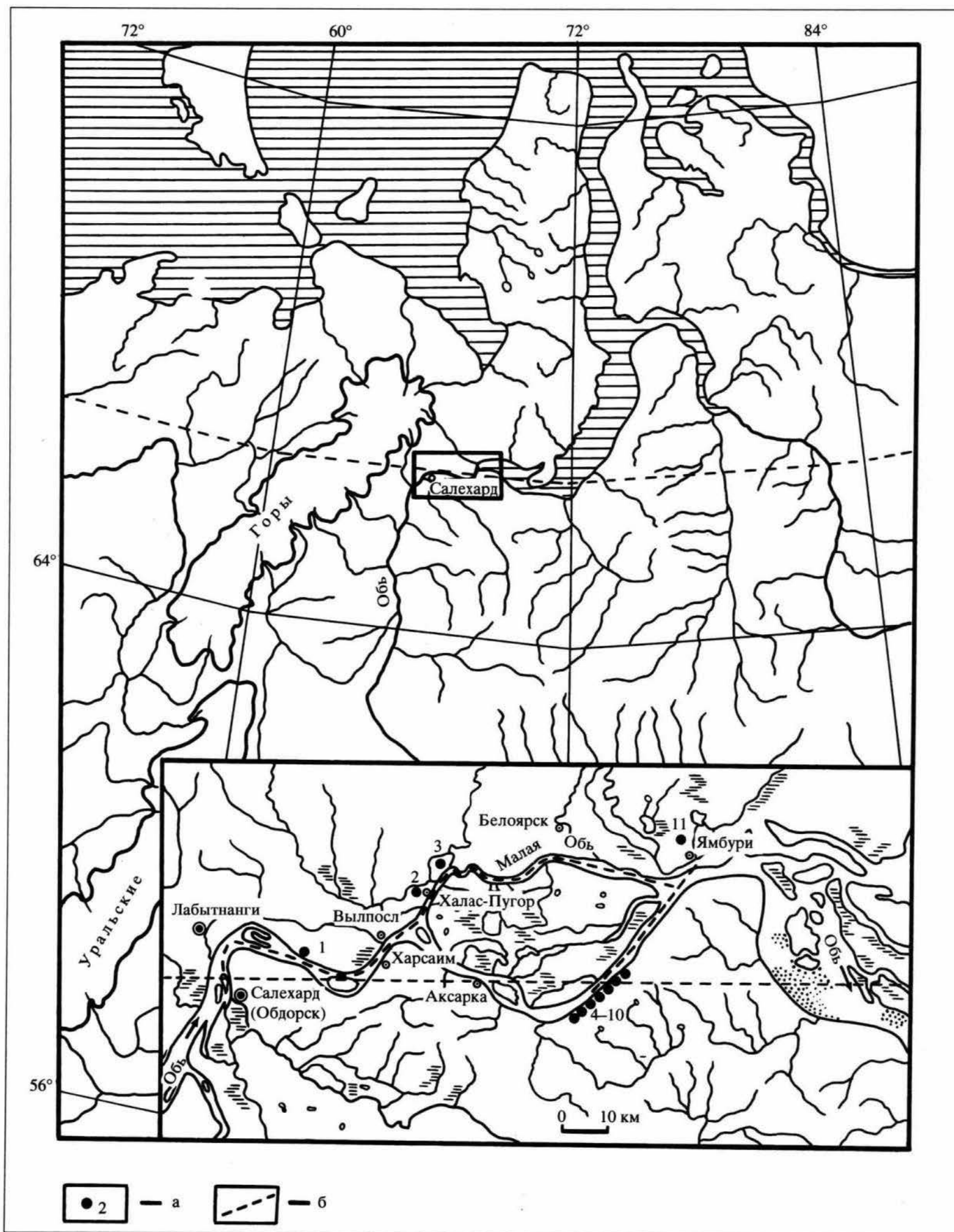

Рис. 1. Карта Полярного Урала и севера Западной Сибири

На врезке — район работы археолого-этнографического отряда экспедиции 1909 г.: а — изученные памятники; б — маршрут экспедиции. 1 — Пам-Пухол; 2 — Халас-Пугор; 3 — Еман-Нял Халас; 4–10 — Пури-Сале; Воде-Нял Халас; Тар-Вануйт Халайт; кладбище рода Ядопчей на о-ве Хяя; Яга-Няу Хальмээр; кладбище Пахрумковских юрт, Сарман-Вануй; Пайхата-Халайт; 11 — Юмбарда-Хальмээр

Введение

...Да и впредь о том заказ велели б есте учинить крепкой, чтобы служивые и всякие люди и новокрещенцы у Остяков Березовского уезду шайтанов не грабили, а могил у мертвых остяков не раскапывали, и обиды остякам некоторые не чинили.

*Из Указа царя Василия Шуйского от 25 мая 1610 г.
(Русская историческая библиотека. 1875. С. 216).*

Коллекция № 281 этнографического собрания Музея антропологии МГУ, получившая на музейном жаргоне не вполне корректное наименование “остяцкой”, была собрана Д.Т. Яновичем в 1909 г. Это одна из наиболее обширных коллекций в музеях России по материальной культуре аборигенов Нижней Оби в XIX в., происходящая, по преимуществу, из раскопок одного могильника Халас-Пугор, а также ряда кладбищ, расположенных по берегам Большой и Малой Оби, р. Лонгот-Юган (рис. 1). Коллекция привлекает и завораживает исследователя своим богатством и разнообразием, превосходящим возможные ожидания, и отпугивает необъятным числом и необычным обликом вещей. Изделия местного производства кажутся исследователю-сибиреведу более знакомыми, чем привозные — европейские, ставшие “неузнаваемыми”, приобретшими новое качество, побывав в культурном контексте Обского Севера.

Можно высказать несколько соображений для обоснования научной и культурной значимости материалов из могильников XVIII—XIX вв., располагавшихся в низовьях Оби.

Благодаря исключительной насыщенности погребений вещами и относительно хорошей сохранности изделий из органики коллекция дает очень полное представление о “вещевой среде”, окружавшей не только аборигенов Нижней Оби¹,

но и пришлое русское и зырянское население края.

Из описаний путешественников и ученых XIX в. мы знаем, что наиболее ярким ежегодным событием в жизни края, своего рода кульминацией жизненного годового цикла была обдорская ярмарка. Рассматриваемая коллекция — это своеобразный стоп-кадр, зеркало ярмарки XIX в. Если быть точным, то коллекция дает заключительную часть изображения. Смотря в это зеркало, мы как бы оказываемся в нарте остяка или самоеда, возвращающегося из Обдорска в последних числах января (рис. 6). При таком подходе коллекция вещей, гораздо более знакомых этнографу и антиквару, чем археологу, предполагает, скорее, не только изучение, а погружение и созерцание.

Уникальность и ценность материалов из “остяцкой коллекции” заключается также в том, что типичную по степени сохранности документацию

вались этнонимы “остяки”, “самоеды”, затем в процессе происшедшей на российском севере замены экзоэтнонимов на эндоэтнонимы название “остяки” было заменено на “ханты”, название “самоеды” на “ненцы”, “зыряне” — на “коми”. Как показали дальнейшие исследования, значения новых этнонимов не полностью совпали со старыми. Более подробно об исторической этнонимике изучаемого региона см. в главе 8. В тексте книги используются этнонимы, употреблявшиеся исследователями в советское и досоветское время.

¹ До конца первой трети XX в. для названий аборигенов Нижней Оби в русскоязычной литературе использо-

археологическую коллекцию мы имеем возможность сопоставить с данными обширного круга синхронных ей письменных источников. Фактически население окрестностей Обдорска стало в конце XVIII—XIX в. объектом постоянного “этнографического мониторинга”. Почти все десятилетия XIX в. отмечены экспедициями, посетившими низовья Оби. На кладбищах, раскопанных в 1909 г., были похоронены именно те люди, которых, вероятно, наблюдал в 1844 г. Александр Кастрен и другие путешественники, побывавшие в Обдорске в XIX в., и которых они описали в своих этнографических зарисовках.

Для истории материальной культуры район Нижнего Приобья представляет несомненный интерес. Эта территория в силу целого ряда причин традиционно обладала очень высокой притягательностью. Периодически район Обдорска становился крайним рубежом, которого достигали более южные и западные культуры, оставляя здесь обильный археологический след, сравнимый с накоплениями валунов в конечной морене ледника. Причем масштабы перемещений материальных объектов были очень значительны. Скандинавская овальная фибула X в. из музея Салехарда (Кренке, Макаров, 1995) или оловянные английские тарелки XIX в. в Иондырских юртах, найденные О. Финшем (Finsch, 1879) — яркие тому подтверждения. Уже в относительно недавнее историческое время в низовья Оби продвинулись ханты, а затем коми. Упорное стремление многих путешественников XIX в. достигнуть Обдорска также подтверждает парадокс притягательности “края цивилизации”.

В связи с наблюдаемыми элементами цикличности в истории региона срез XIX в. приобретает особую значимость. Впрочем, эта значимость, может быть, не ограничивается узкими территориальными рамками. Исключительные по богатству инвентаря верхнепалеолитические детские погребения Сунгирия (Позднепалеолитическое поселение Сунгирь, 1998) и самое богатое, также детское, захоронение могильника Халас-Пугор (№ 133) в культурологическом смысле — явления, имеющие сходство, допускающие сравнительное изучение.

Изучение памятников XIX в. Обского Севера ценно не только для ретроспекции, но и для понимания современных процессов в сфере функционирования традиционной материальной культуры. Многие изделия конца XIX в. (в качестве примера можно привести металлические украшения пояса, пряжки, ножны, украшения женской шапки и т.п.) продолжают оставаться образцом

для подражания и используются при производстве современных вещей (рис. 7, 8).

Археолого-этнографические исследования поздних погребальных памятников Нижнего Приобья сами по себе могут рассматриваться как интересный культурный феномен.

“Этнографическая экзотика”, резкая грань между двумя культурами: “европейской цивилизацией” и традиционным образом жизни коренного населения, ощущалась в Обдорске очень явно. Особенно образно это было описано А. Кастреном, который отмечал, что жизнь *a la samoedie* сочеталась в Обдорске с “тобольским духом”, суворовским табаком № 1 и т.п. Вероятно, именно поэтому путешественники, будь то астроном (М. Ковальский), врач (Ф. Белявский), топограф (И. Иванов), метеоролог (И. Росляков), чиновник (К. Губарев) или лингвист (А. Кастрен) неизбежно становились и этнографами.

Немалую роль в этнографической экзотике края играли кладбища местного населения, на которых наземные погребения были окружены брошенными нартами, следами поминальных жертвоприношений и часто полным набором бытовых утвари. Еще в 1946 г. В.Н. Чернецов обследовал такие кладбища в непосредственной близости от г. Салехарда (Талицкая, 1953. С. 246, 247).

Уже с начала XVII в., с появлением в Приобье постоянно живущих русских, началось массовое ограбление кладбищ (в воровство было вовлечено и местное население), которое даже вызвало к жизни царский указ 1610 г., запрещавший осквернение остяцких могил (см. эпиграф).

Ученые XIX в. не смогли удержаться от вполне понятного соблазна заглянуть в стоявшие у всех на виду маленькие этнографо-антропологические музеи — ящики с погребенными в них остяками и самоедами. При этом можно отметить интересное с культурологической точки зрения явление. В значительной степени содержавшиеся в могилах вещи были привозными, но ученые-европейцы не признавали их “своими”, а видели в них этнографические объекты, достойные собрания. Так, в коллекции Н.Л. Гондатти, собранной в 1885/86 г., имелись даже чайники и прочие вещи, незадолго до этого пересекшие Уральский хребет (Гондатти, 1888а). Те вещи, которые путешественники везли в качестве обменного фонда, вполне вероятно, впоследствии становились объектами сбора следующих поколений этнографов.

То есть ученые, приезжавшие в Обдорск в XIX в., осматривая могилы аборигенов, в каком-то смысле, смотрели в зеркало, не всегда узнавая отражения своей собственной культуры.

Перемещение одних и тех же объектов через Урал сначала с запада на восток, а потом обратно (уже в качестве экспонатов), свидетельствует о гораздо более сложном, чем это кажется на первый взгляд, взаимоотношении культуры “центра” и “периферии”. Можно даже сказать, что понять культуру “центра” в полной мере нельзя без изучения казальсь бы сугубо “этнографической периферии”. В этом видится еще один аспект ценности публикуемой коллекции.

Ввиду очень большого объема материала (вся коллекция насчитывает 5159 предметов, из которых 4330 происходят из раскопанных и “разобранных” погребений), при публикации были приняты следующие принципы отбора.

В составе коллекции имеется значительная часть, происходящая из раскопок одного могильника — Халас-Пугора. Кроме того, ряд погребений лучшим образом обеспечен документацией — это погребения, для которых сохранились детальные беловые чертежи.

Именно эти, лучшим образом документированные части коллекции в первую очередь вошли в публикацию и послужили основой для анализа. Чтобы дать представление обо всем разнообразии инвентаря, в монографии приводятся типологические таблицы вещей, которые составлялись по материалам всей коллекции из могильника Халас-Пугор и кладбищ, расположенных поблизости.

Рисунки и фотографии вещевых аналогий давались лишь в редких случаях, когда они были необходимы для выяснения форм предметов, представленных в коллекции фрагментами, или для установления генезиса изделий.

Монография состоит из девяти глав, включая введение.

Глава вторая посвящена изложению истории изучения могильника Халас-Пугор, начало которому было положено О. Финшем в 1876 г., описанию состава коллекции 1909 г., ее судьбы.

В третьей главе представлены результаты изучения места могильника Халас-Пугор, принятого в 1991 и 1992 гг., а также описание современного культурного контекста. Особое внимание было уделено фиксации представлений о памятнике, существующих у местных жителей.

Четвертая глава представляет собой обзор исторического фона, который позволяет понять особенности формирования материальной культуры аборигенного населения низовьев Оби. В ней акцентируется внимание на достаточно глубокую интеграцию коренных жителей обского севера XIX в. в “культуру империи”, рассматривается экономическая ситуация, способствовавшая мас-

совому включению привозных изделий в традиционную культуру.

В разделе о погребальном обряде (глава 5) материалы коллекции сопоставляются с другими данными о погребальных памятниках коренного населения низовьев Оби, анализируется характер могильных сооружений, одеяние и положение умерших, состав сопроводительного инвентаря и его расположение.

Шестая глава является комментарием к типологическим таблицам вещей.

В седьмой главе обосновывается датировка раскопанных погребений от конца XVIII в. до 1906 г.

Восьмая глава посвящена выяснению возможностей различных подходов к интерпретации этнической принадлежности могильников. Особенно подчеркиваются многозначность формулировки “этническая интерпретация” и трудности привлечения данных по материальной культуре для установления дефиниций, имеющих, по сути, процессуальный характер.

В девятой главе рассматриваются некоторые особенности взаимодействия различных культурных традиций на Нижней Оби, как синхронных, так и диахронных. Более детально анализируется феномен взаимной адаптации традиционной культуры коренных жителей региона и русской.

Подготовка материалов к публикации была завершена благодаря соединению усилий многих лиц и организаций. Коллекция, собранная 90 лет назад, была сохранена, несмотря на все сложные жизненные перипетии, в значительной мере благодаря изначальной широкой поддержке Н.Г. и Г.Г. Кузнецовых, финансировавших экспедицию, высокой оценке ее научной значимости проф. Д.Н. Анучиным, труду собирателя и хранителей.

В работе использованы материалы иллюстративного фонда Музея антропологии МГУ — стеклянные негативы (1930-х годов?) с изображением планшетов, на которые были нашиты комплексы погребального инвентаря, перебеленные в 1913—1914 гг. чертежи погребений.

Фотосъемка вещей выполнена Ю.Ю. Моргуновым, печать со стеклянных негативов и пересъемка чертежей — Ю.Ю. Моргуновым, Л.М. Нескверновой и Л.Е. Туранской. Карта подготовлена Н.Ф. Федоровой. Рисунки вещей, фотографии мест раскопок и современных жителей Халас-Пугора в 1991, 1992 гг. выполнены Н.А. Кренке.

Авторы выражают глубокую признательность руководству НИИ и Музея антропологии Мос-

ковского университета, Ямало-Ненецкому окружному музею в г. Салехарде, а также коллегам, всячески способствовавшим работе, принимавшим участие в исследованиях и обработке коллекции, обсуждении результатов, выполнившим по просьбе авторов ряд экспертиз: М.Д. Гвоздовер, Г.Н. Грачевой, Е.А. Давидович, Л.А. Дементьевой, Е.Ю. Ельковой, С.Г. Ефимовой, Т.Д. Корякиной, Н.Б. Леоновой, Л.Ф. Липатовой, Н.В. Лукиной, А.А. Мовсесян, Н.И. Новиковой, Н.А. Смирновой, Н.В. Федоровой, Р.Б. Эренбург, В.А. Гордееву, Е. Ко-

чегову, В.М. Кулемзину, Н.А. Макарову, И.В. Перевозчикову, С.В. Соколовскому, В.Е. Суздалеву, Г.А. Федорову-Давыдову, М.В. Фролову, И.Н. Черныху, К. Карпелану и Пирье Уйно.

Авторы благодарны потомкам собирателя — Н.Д. Янович и Я.Д. Яновичу, сохранившим полевые дневники своего отца и предоставившим их в наше распоряжение.

Особая благодарность — Т.И. Алексеевой и Л.А. Чвырь, которые ознакомились с рукописью в целом.

История изучения и судьба коллекции

Первое упоминание и краткое описание могильника Халас-Пугор принадлежит доктору О. Финшу — участнику Бременской экспедиции в Западную Сибирь 1876 г. (Финш, Брэм, 1882. С. 480; Finsch, 1879. S. 546). О. Финш и А. Брэм посетили это место в середине августа 1876 г., на обратном пути в Обдорск после исследований верховьев реки Щучьей. О. Финш положил начало раскопкам могильника, им было вскрыто, по крайней мере, 4 погребения, исследование черепов из которых было выполнено Рудольфом Вирховым (Finsch, 1879. S. 499). В заметках О. Финша описывается “типичное” языческое кладбище аборигенов, но структура текста позволяет предположить, что фактически описан могильник Халас-Пугор. Приведем это краткое, но насыщенное информацией описание полностью: “Все языческие могилы устроены так, как я описывал. Их довольно много, так как около Халиспагора я насчитал их до 50. Как о поле умершего, так и о его занятиях и состоянии всегда можно узнать безошибочно. Чем более наломанных саней, а также оленьих черепов около могилы, тем богаче и влиятельнее был покойник. Немногие настоящие могилы, т.е. ямы, покрытые досками, означают, очевидно, могилы бедняков, которым не на что было сделать гроб; около них обыкновенно не бывает ни саней, ни других снарядов. Так я нашел в одной могиле покойника лежащим на своих санях, и яма была выложена досками. Голова умершего, завернутая в меха и тряпье, обращена к югу, ноги к северу, так что, хотя могилы и разбросаны в беспорядке, но все они имеют одно и то же направление. Климат довольно долго предохраняет покойника от гниения, и доски ящика, если разрушаются со временем, то все-таки покрывают собою кости. Разрастающаяся на могиле береза-стланка служит для ее укрепления и обозначает место погребения по прошествии многих лет, когда от могил русских не остается никакого

следа. По поперечному разрезу таких березок, привезенных мною с могил, профессор Нордлингер определил возраст их в 40 лет” (Финш, Брэм А., 1882. С. 480).

Коллекция предметов, привезенная Финшем из Западной Сибири, была передана им в Королевский музей в Берлине.

Итальянский антрополог и этнограф Стефан Соммье (Stephen Sommier) совершил в 1880 г. по следам Финша и Брэма путешествие в низовья Оби (Sommier, 1885).

Соммье приводит не только остяцкое, но и самоедское название места могильника — “Kalmer gupo” (Хальмер гуно), которое так же, как и остяцкое название, переводится как “остров мертвых”. По описанию Соммье, кладбище располагалось на возвышенном над окружающей территорией месте, которое не заливалось водой. Здесь росло несколько берез (именно так место могильника выглядело и в 1992 г.). Раскопок могильника Соммье производить не стал, так как проживавший в Халас-Пугоре русский обдорянин П.Н. Росляков, арендовавший это рыболовное место, просил его уважать могилы, говоря, что местные жители сочтут его (Рослякова) ответственным за осквернение. Соммье приводит мнение Рослякова относительно того, что на кладбище были только остяцкие погребения (Sommier, 1885. P. 432).

“Самоедское кладбище” у юрт Халас-Пугор упоминает известный исследователь Тобольского края А.А. Дунин-Горкавич, который проезжал мимо него в 1908 г. на пароходе “Тобольск”, осуществляя судовую компасную съемку (Дунин-Горкавич, 1909. С. 33).

Наиболее полное исследование могильника Халас-Пугор было произведено в 1909 г. под руководством Д.Т. Яновича — члена русской академической экспедиции на Полярный Урал.

Подробная история организации комплексной экспедиции на Полярный Урал 1909 г., снаряженной на средства московских промышленников — братьев Николая Григорьевича и Григория Григорьевича Кузнецовых, изложена в работе начальника этой экспедиции — О.О. Баклунда (Баклунд, 1911).

Кроме этой публикации, важными источниками, позволяющими представить характер работы экспедиции, являются сохранившиеся полевые тетради Д.Т. Яновича, которые включают дневник (Прил. 1) и описания 280 погребений (Прил. 2). Эти документы хранились до 1994 г. в семье исследователя, затем были переданы авторам публикации.

Десять писем, касающихся экспедиции и коллекции, датирующиеся 1909—1936 гг., хранятся в научном архиве Музея антропологии Московского Университета. Это переписка между Д.Т. Яновичем и Д.Н. Анучиным, О.О. Баклундом и Д.Н. Анучиным, О.О. Баклундом и Б.Ф. Адлером, Б.Ф. Адлером и М.Г. Левиным, Д.Н. Анучиным и братьями Кузнецовыми.

Некоторые дополнительные сведения о пребывании участников экспедиции в Обдорске имеются в отчете Обдорского миссионерского братства за 1909 г. (Отчет., 1910).

Основное внимание организаторов экспедиции было нацелено на проведение топографических и естественнонаучных изысканий, однако и проведение этнографических исследований также предполагалось с самого начала.

Первые экспонаты — мужской и женский самоедские костюмы (МА МГУ, кол. № 346, 347) — были приобретены на ярмарке в Обдорске во время предварительной поездки члена будущей экспедиции Д.Я. Вардроппера в январе 1909 г.

Однако затем переговоры об участии в экспедиции лица, ведающего этнографической частью, затянулись и, по словам О. Баклунда, “в последний момент пришлось пригласить в качестве коллектора этнографических предметов студента Московского Университета Д.Т. Яновича” (Баклунд, 1911. С. 3).

Даниил Тимофеевич Янович (Янович-Равдан) родился в 1879 г. в Новгородской губ., учился в Московском университете (по другим сведениям окончил физико-математический факультет Санкт-Петербургского университета), служил в земстве, затем вернулся в Московский университет, откуда и был приглашен в экспедицию на Полярный Урал. Из дальнейшей его судьбы известно лишь, что он, по крайней мере, до 1913 г., продолжал обрабатывать в Московском

университете коллекции, собранные во время экспедиции 1909 г. В 1920-е годы руководил созданием этнографических экспозиций на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке в Москве, продолжал собирательскую деятельность и участвовал в работе ряда научных организаций этнографического профиля (Решетов, 1994. С. 200). В 1930 г. он работал в НИИ этнических и национальных культур народов Востока.

Справочник о научных работниках характеризует его как специалиста в области этнографии, современной материальной культуры, музееведения, современного народного искусства, антропологии (Научные работники Москвы, 1930).

В 1931 г. Д.Т. Янович подвергся политическим преследованиям. После первой ссылки, длившейся несколько лет, он вернулся в Москву и даже пытался продолжить обработку коллекции 1909 г. После вторичного ареста в 1937 г. он домой уже не вернулся, последние письма семье, датированные 1943 г., были посланы из Казахстана. По первому делу Д.Т. Янович был реабилитирован в 1959 г., а по второму — лишь в 1989 г. (Решетов, 1994. С. 200).

Д.Т. Янович является автором нескольких небольших журнальных публикаций на этнографические темы (Янович, 1926, 1930) и неопубликованных работ (в отделе рукописей Российской гос. библиотеки сохранился его договор 1918 г. с издательством М. и С. Сабашниковых на печатание статьи “Эволюция русского народного орнамента” — Ф. 261. Картон 9. Д. 34).

В настоящее время уже невозможно восстановить все детали организации экспедиции 1909 г., однако из писем и других косвенных данных становится ясным, что основные задачи программы этнографических и археолого-антропологических исследований были сформулированы Д.Н. Анучиным, профессором Московского университета, обосновывавшим концепцию триединства наук: антропологии, этнографии и археологии.

О давнем интересе Д.Н. Анучина к погребальным памятникам коренного населения низовьев Оби свидетельствует то, что еще в иллюстрациях к своей работе 1890 г. (Анучин, 1890) он воспроизвел рисунок С. Соммье (Sommier, 1885. Р. 242), изображающий фасад и разрез остяцкой гробницы у села Мужы. В более поздней работе (Анучин, 1899) Д.Н. Анучин для реконструкции верований “приуральской чуди” привлекал материалы, извлеченные при раскопках остяцких и вогульских могил XVIII—XIX вв.

По-видимому, Д.Н. Анучину принадлежала идея осуществить в ходе экспедиции 1909 г. сбор

для Музея антропологии Московского университета большой коллекции, характеризующей материальную культуру, погребальные обычаи и антропологический облик коренного населения низовьев Оби.

Промышленники братья Кузнецовы согласились финансировать не только сбор такой коллекции, но и ее последующую обработку, а также приобретение мебели для хранения и экспонирования в Московском университете.

Д.Т. Янович работал в основном составе экспедиции лишь в самом начале маршрута (Баклунд, 1911. С. 22) возле Иондырских юрт (с середины июня по 10 июля), затем же действовал самостоятельно, исследуя кладбища, одиночные могилы и жертвенные места по берегам Малой и Большой Оби между Обдорском и устьем р. Щучьей, откуда он был снят пароходом "Тобольск" в конце сентября.

Маршрут движения Д.Т. Яновича и характер полевых работ по материалам его дневника и докладной записке (Прил. 4, 5; рис. 1) можно реконструировать следующим образом (рис. 1). 7 августа 1909 г., двигаясь из Обдорска вниз по Оби, Д.Т. Янович раскопал погребения № 1, 2 в местности Пам-Пухол¹. Далее были разобраны погребения № 3–19 в урочище Еман-Нял Халас в устье р. Лонгот-Юган (отсюда была привезена мумия остяка в гробу-полулодке, в похоронной одежде, со всей погребальной обстановкой). 14–19 августа производились раскопки могильника Халас-Пугор (погр. № 20–173). Спустившись от Халас-Пугора до устья Малой Оби, Д.Т. Янович поднялся вверх по Большой Оби, где ниже юрт Аксарковских на правом берегу провел раскопки ряда кладбищ: Пури-Сале (погр. № 174–177); Орас-ях — кладбище остяков Сумутнельских юрт (погр. № 178–183); Воде-Нял Халас (погр. № 184–198); Тара-Вануй Халайт (погр. № 199–208); Хэ-я, кладбище рода Ядопчей (погр. № 209–250); Яга-Няу Хальмээр, кладбище Похрумковских (Похронховских) юрт, Сарман-Вануй (погр. № 251–269); Пайхата-Халайт (погр. № 270–297). Из последнего пункта лодка Д.Т. Яновича была отбуксирована пароходом до устья р. Щучьей, где

¹ Исследователем применялась единая сплошная нумерация раскопанных погребений из разных могильников, которая затем была перенесена в музейные описи. К сожалению, по неизвестным причинам музейные описи содержат существенную неточность, обнаружить которую стало возможно лишь в 1994 г., после знакомства с оригиналом полевого дневника Д.Т. Яновича. В описях все погребения, начиная с № 20 отнесены к могильнику Халас-Пугор, что не соответствует действительности.

он поднялся по протоке до озера Юмбар-то, на берегу которого были раскопаны погребения № 298–358 на кладбище Юмбарада-Хальмээр. Закончены раскопки были 8 сентября 1909 г., после чего экспедиция вернулась в Обдорск.

Всего, по словам исследователя, было раскопано 360 погребений, а привезенная в Москву коллекция насчитывала 351 череп (в том числе 49 полных костяков) и около 2500 предметов погребального инвентаря.

Фиксация раскопанных погребений велась Д.Т. Яновичем на сравнительно высоком для своего времени уровне: снимались многочисленные фотографии и кинофильм, о чем, к сожалению, нам известно лишь из писем, так как сами фотографии (за исключением одной) обнаружить не удалось. Составлялись подробные полевые чертежи погребений (рис. 9), на основании которых в 1912–1914 гг. были изготовлены беловые чертежи, где костяки изображены в масштабе около 1:3. Общих планов могильников не сохранилось, вероятно, они и не составлялись Д.Т. Яновичем.

Проведение раскопок погребений, несмотря на протесты начальника экспедиции О. Баклунда, осуществлялось Д.Т. Яновичем на глазах жителей, часто без учета их мнения о возможности проведения подобных работ, что вызвало недоброжелательное отношение местного населения. Из писем О. Баклунда (рис. 3) выясняется, что даже возникла угроза судебных разбирательств. Это обусловило трудности в транспортировке и хранении коллекции, состоявшей из вещей, происходящих "заведомо из могил", привело к порче части собранных вещей при их временном хранении в Обдорске и, по-видимому, к утрате значительного количества крупногабаритного погребального инвентаря (котлов, чайников, сундуков, весел и пр.). В 1909 г. коллекция, привезенная Д.Т. Яновичем, была размещена в Музее антропологии Московского университета, где хранится и в настоящее время под № 281. Из записок Д.Т. Яновича, адресованных Д.Н. Анучину, мы узнаем, что в 1909–1913 гг., кроме технической работы по систематизации коллекции и подготовке ее к экспонированию в музее, он готовил "отчет", который планировалось опубликовать на средства Кузнецовых (Научный архив МА МГУ, XI-46-7). Местонахождение данного отчета (если он и был написан) остается нам неизвестным.

Д.Т. Янович составил описи 264 погребальных комплексов (последний порядковый номер — 358). Меньшее количество комплексов погребального инвентаря по сравнению с общим числом раскопанных погребений, по-видимому, объ-

I

В осенний год в Антропологический музей передана
 Н. Гр. и Г. Гр. Кудряшовыми - организаторами экспедиции 1909 г.
 из Стверского Урала, этнографическая коллекция, собранная
 Д. Т. Яновичем между Обдорском и р. Мурьей у остринки
 и остринки самотов. Содержание следующее из 2000 шт.

1) 410 предметов домашнего быта и рукодел-
 -работов, фабричные по берегам Оби (идол бога Орта,
 бохмие и мажы идола юж-славян, швышские камни, божки
 в честь предков, локни, изображения стел. галар, предметов
 искусства идеализма, вещи с любовью и фетишистиче-
 ским, образцы одежды, домашней утвари, иконографиче-
 ского оленевода, образцы олений упряжки, работы котельных для
 упряжек, арканов, фетерие работы и шкуры оленей и палашки
 кожи, тиня зрелищ и поминков с работовых стел, раз-
 ная изображения фибриков, черники, капканные якоря, пого-
 нильные мешки, тиня скребок для отщипки ~~шкур~~ ^{кожи} и шаман,
 стелы с фетишистиче и кобылками наконечниками, деревянные
 лезвья для выжигания шкур, шкурки, женские портупеи
 для оленей и тундры, шкурки, шкурки, шкурки оленей, шкурки
 камни, табакерки, шкурки из лебединых костей, шкурки из
 костей дикаго гуся, обтиски шкурки, шкурки оленей, локни
 для отщипки шкур, ногая подставка, котельные крючки, камни
 для разбивания мозговых костей, берестяная мочка со стинкой для
 отщипки шкурки (возраст и пр.)

Рис. 2. Автограф первого листа докладной записки Д. Т. Яновича о результатах работы этнографического отряда экспедиции 1909 г. на Полярный Урал (Научный архив НИИ и Музея антропологии МГУ)

ясняется безинвентарностью части погребений и потерями в коллекции.

В конце 1930-х годов над "остяцкой" коллекцией в Музее антропологии МГУ начинал работу Б. А. Васильев (1899—1976), однако он также подвергся политическим репрессиям и был сослан в 1941 г. (Решетов, 1994. С. 192—194; Бычков, 1994. С. 285—298). В 1953 г. он был вновь принят в Музей антропологии хранителем этнографи-

ческих коллекций и проработал до 1960 г. Б. А. Васильев, по-видимому, проводил работу по поиску аналогий, уточнению комплексов погребального инвентаря. В этот период вещи были нашиты на планшеты, фотографии которых сохранились.

В 1970-е годы сотрудниками музея Н. Б. Леоновой, О. А. Мурашко, Р. Б. Эренбург была проведена новая инвентаризация коллекции, в ходе которой было учтено 5159 предметов. Из них 3464

Ваше доброе внимание экспедиции Бр. Курье-
цовых на Полярный Урал
Олега Оскаровна Баклунда.

Глубокоуважаемый Господин профессор,

покорнейше прошу прощения, если я еще раз
использую Ваше драгоценное время, но постараюсь быть
срочным. Вернувшись из Москвы со своего и чужого,
как оде экспедиции, во главе которой я стоял весь сентябрь
прошлого года, среди приятелей всегда распространяются
самые невероятные слухи, которые отчасти подтверждаются
только лишь легко, отчасти же против меня товарищей-спут-
ников и даже против Академии Наук, которая принимала
свое участие в организации экспедиции. Слухи достиг-
ли таких размеров, что знакомые мои уже считали эк-
спедицию неудобной темой для разговоров, и по возвращении из
Москвы этнографы академического Музея каждый в отдель-
ности обращались ко мне с вопросом, почему я не даю никак
подлинных экспедиционных сведений. Конечно, я любил, по-
тому что она может затронуть интересы музея, сообщить
в музеем от экспедиции, но к тому же буду иметь
свое личное участие. Но в конце концов мне было
придется прибегнуть к той же свободе... Чтобы предом-
братить такой метод применяю при себе копии с
писем И. А. Рогова-Моторова, скарлатины сего Обдорска,

Рис. 3. Автограф первого листа письма О.О. Баклунда к Д.Н. Анучину по поводу конфликта, возникшего в экс-
педиции 1909 г. (Научный архив НИИ и Музея антропологии МГУ)

достоверно идентифицируются с определенными погребальными комплексами (по инвентарным номерам, описям Яновича, архивным и иллюстративным документам); 701— относятся к коллекции вещей, собранных у местного населения; 994 предмета инвентарных номеров не имели, что, вероятно, объясняется как потерей номеров, так и тем, что Д.Т. Янович не закончил свою работу. Скорее всего, эти вещи также происходят из погребений.

Большее количество предметов, обнаруженных при инвентаризации коллекции в 1970-е годы, по сравнению с указаниями в записке Д.Т. Яновича, объясняется тем, что Д.Т. Янович обычно давал один номер целым группам мелких вещей (бляхи, пуговицы, кольца). Так же он поступал с фрагментами деревянной и керамической посуды, обломками древков стрел, деревянными счетными бирками и т.п.: предметы складывались

494
~~оборота~~
 Москва
 Москва 11, МГУ
 Институт Антропологии
 М. С. Левину
 от В. М. Лыткина, МГУ

Г. М. А.
 НАУЧНЫЙ АРХИВ
 XI-46-10

1971 36
 Завершено Максим
 Тригорский:

всего получено в. т.д. с приложением
 М. С. Тригорский от кабар просимого
 свертки, которая, к сожалению, мало
 употребительна. Никто из старших
 не помнит об экземпляре. Вообще
 даже самое время года те
 кладбища, к-де в. перемещение.
 Восток Москвы, к-то в. в.
 больше все интересуют, предвзв.
 -мелко болное, которое кладут с
 преимущественным воздухом с
 легкой приливом самоте.
 Это же и фитогеометрия свертки
 свертки. Углубление. Углубление.
 которая не имеет. Углубление.
 что Лыткин предвзв. на нем
 что касается о-е Лыткин, то это
 более к. Лыткин и Лыткин
 чем сведениям сведениям.
 Лыткин же Лыткин. сведения
 от Лыткин по Л. Лыткин, Лыткин
 Лыткин Лыткин.
 Лыткин Лыткин Лыткин Лыткин,
 Лыткин Лыткин Лыткин Лыткин,
 но как человек мало употребляется
 в Лыткин Лыткин. Он много употребляет

Рис. 4. Автограф первого листа письма Б. Ф. Адлера к М. Г. Левину (Научный архив НИИ и Музея антропологии МГУ)

в коробку, и всей коробке давался один инвентарный номер.

Общее количество сохранившихся к настоящему времени погребальных комплексов в остяцкой коллекции Музея антропологии МГУ — 279. Из 351 черепов, привезенных в 1909 г. в современной музейной описи числится 319 (Алексеева, Эренбург, 1979. С. 161), но реально сохранилось лишь 288 (Мурашко, Эренбург, 1977. С. 219). Утраченными оказались в основном детские черепа.

В 1933 г. несколько комплексов погребений из могильников Пайхата-Халайт и Юмбарада-Хальмээр были переданы в музей Пенсильванского университета в Филадельфии в США (погр. № 270, 276, 307, 310, 355).

Незначительная часть коллекции (погр. № 342) была передана в Музей народоведения в Москве, впоследствии расформированный.

К научной интерпретации материалов коллекции, собранной Д.Т. Яновичем, первыми приступили антропологи. Однако в 1936 г., когда известный московский антрополог М.Г. Левин начал работу с коллекцией, Д.Т. Яновича не было в Москве (он был репрессирован), и его архив оказался недоступен для исследователя. За дополнительной информацией, касающейся остяцкой коллекции, М.Г. Левин обратился к Бруно Федоровичу Адлеру, в прошлом сотруднику Этнографического музея в Санкт-Петербурге, профессору Казанского университета. В 1909–1910 гг. Б.Ф. Адлер принимал участие в делах экспедиции на Полярный Урал, им были даже разработаны специальные эскизы витрин для экспонирования коллекции. В 1936 г. Б.Ф. Адлер преподавал в средней школе г. Салехарда (Обдорск), где отбывал политическую ссылку, и смог сообщить в письме М.Г. Левину (Прил. 6; рис. 4) некоторые подробности относительно могильников, исследованных Д.Т. Яновичем, а также высказал свою точку зрения на научную ценность собранной в 1909 г. коллекции (“мост между археологией и этнографией”).

Результаты антропометрических измерений черепов из могильников, раскопанных Д.Т. Яновичем в 1909 г., были опубликованы М.Г. Левиным и послужили основой для краткой характеристики антропологического типа “хантэ” (Левин, 1941).

Почти одновременно с М.Г. Левиным коллекция черепов из Халас-Пугора была обмерена американским антропологом А. Хрдличкой, который включил эти данные в свой обзор краниологии сибирских народов (Hrdlička, 1942).

Впоследствии антропологические материалы могильника анализировались Г.Ф. Дебецом (Дебец, 1951), Я.Я. Рогинским (Рогинский, 1954) и

В.А. Дремовым (Дремов, 1973, 1984), обращавшимися в своих исследованиях, главным образом, к краниометрическим данным. Изучение палеопатологий по костям скелета было выполнено Т.А. Чикишевой и В.А. Бацевичем (Чикишева, Бацевич, 1988). Т.И. Алексеева, М.В. Козловская и В.Н. Федосова исследовали признаки посткраниального скелета, которые позволили осветить такие вопросы, как особенности питания представителей изучаемой популяции, характер и интенсивность физических нагрузок, влияние этих факторов на конституцию и показатели роста (Алексеева, Козловская, Федосова, 1988).

К вещевой части коллекции первым обратился А.П. Окладников, в связи с изучением бронзового зеркала XVII в. с изображением кентавра, найденного на о. Фаддея (Окладников, 1950). И.М. Голованова (Голованова, 1962) и С.В. Иванов (Иванов, 1963) привлекали материалы остяцкой коллекции МА МГУ в качестве аналогий. Со слов М.Д. Гвоздовер, являвшейся ответственной хранительницей коллекции, в конце 1940-х — 1950-е годы к ее материалам обращался С.Н. Замятнин. Его интересовали вопросы об особенностях культурной адаптации. К сожалению, наблюдения, сделанные этим талантливым исследователем, не нашли отражения в публикациях.

В.А. Могильникову коллекция из Халас-Пугора послужила для наблюдений над особенностями развития материальной культуры финно-угорских народов Сибири. Среди поздних материалов могильников дельты Оби автор выявлял пережитки более древних традиций (Могильников, 1964).

Авторами настоящей работы в содружестве с коллегами-антропологами был опубликован ряд предварительных статей, в которых рассматривается состав и история коллекции, этническая интерпретация могильника, отдельные категории инвентаря и культурологические проблемы (Мурашко, Эренбург, 1977; Мурашко, Ефимова, 1981; Мовсесян, Мурашко, 1983; Мурашко, Кренке, 1985; Krenke, 1992; Мурашко, Кренке, 1993; Murashko, Krenke, 1996).

После 1909 г. профессиональных раскопок могильника Халас-Пугор не производилось, однако любителями древностей это место посещалось. В краеведческом музее Ямало-Ненецкого округа в Салехарде хранится небольшая коллекция вещей средневекового возраста (более древних, чем могильник) из Халас-Пугора (литая из бронзы подвеска в форме головы лошади, фрагмент поясной пряжки с изображением голов и лап медведя, орнаментированный щиток для защиты руки при стрельбе из лука, ножны), переданная в 1981 г. Б.И. Василенко.

Результаты изучения места могильника Халас-Пугор в 1991–1992 гг.

Благодаря указаниям О. Баклунда, А. Дунина-Горкавича и самого Д.Т. Яновича, локализация места раскопок 1909 г. возле поселка Халас-Пугор, который существует и в настоящее время, не вызывает сомнений. Однако следует отметить, что, по-видимому, существовало как “узкое”, так и “широкое” толкование географического значения топонима Халас-Пугор. Кроме того, этот топоним встречается в Низовьях Оби не один раз. Так, кроме Халас-Пугора на Малой Оби, И. Шухов отметил небольшой остров с аналогичным названием “Халас-Пугор” в среднем течении р. Щучьей (Шухов, 1914. С. 17).

О широком толковании мы узнаем из записок П.И. Матвеева и поручика Орлова, составивших карту реки Щучьей в 1876 г. Они отмечали, что название Халас-Пугор относится к острову длиной 50 и шириной 15 верст, расположенному между двумя рукавами Оби — собственно Обью и Малой Обью (Матвеев, Орлов, 1877. С. 36, 37).

Окрестности поселка Халас-Пугор удалось посетить дважды: в апреле 1991 г., когда еще держалась зимняя погода, а местные жители не были заняты на промыслах и имели время для бесед, и в начале сентября 1992 г., до выпадения снега, когда условия для археологических наблюдений были наилучшими.

Маршруты обеих поездок были одинаковыми: Салехард — пос. Харсаим — пос. Халас-Пугор. Различались лишь средства передвижения. Весной 1991 г. из Салехарда до Харсаима можно было добраться лишь по льду Оби на грузовике, а далее до Халас-Пугора на снегокате “Буран”. Осенью 1992 г. путешествие проходило в менее

экзотических условиях — на рейсовом катере от Салехарда до Харсаима, откуда в Халас-Пугор переправились на небольшой деревянной моторной лодке (“бударке”) вместе с семьей Подранхасовых, жителей поселка.

Старинное кладбище Халас-Пугор в представлениях местных жителей

Расспросы относительно старинного кладбища у пос. Халас-Пугор были начаты еще в Москве. Г.Е. Вильчек, биогеограф, знаток низовьев Оби, неоднократно бывавший в Халас-Пугоре, любезно поделился ценной информацией об условиях организации экспедиции, но ничего не мог сказать о могильнике. Позже, уже в Салехарде, после бесед со многими людьми, бывавшими по разным делам в Халас-Пугоре, стало ясно, что старинное кладбище отнюдь нельзя назвать сейчас “знаменитым островом мертвых”, как оно именуется в записке Д.Т. Яновича 1909 г. Большинство наших собеседников знали Халас-Пугор лишь как рыболовное и рыбозаготовочное место, берег вглубь от пристани оставался для них почти “невидимым”. Вплоть до прибытия в пос. Харсаим вообще не было полной ясности относительно того, сохранилось ли возле поселка Халас-Пугор старинное кладбище.

Старшее и среднее поколение населения Харсаима в значительной степени состоит из уроженцев и бывших жителей Халас-Пугора, переведенных административно во вновь учрежденный поселок в 1950-х годах. Поэтому наши информаторы из Харсаима были хорошо осведомлены о

поселковом кладбище Халас-Пугора, где у них имеются могилы родных. Наиболее полная информация была получена от Г.Д. Филиппова (возраст около 40 лет) и А.М. Рочева, 1934 года рождения (оба по национальности коми).

По словам А.М. Рочева, на старом кладбище в Халас-Пугоре, которое находилось рядом с магазином, в 1942 г. уже не хоронили. Старое кладбище, с находившимися на нем наземными погребальными сооружениями, заросло и оставалось “как память”. Впрочем, никакого специального бережного сохранения со стороны жителей поселка, по-видимому, не было, или его не позволяли проявлять. Вспоминая, Рочев говорил: “Мы еще в тех краях, помню еще, ходим, когда учились, да головы еще валяются, вместо шариков гоняли, дети есть дети. Это дико сейчас стало.” (Запись 1992 г.).

По-видимому, прекращение функционирования старинного кладбища в Халас-Пугоре было обусловлено административным запретом, о котором сейчас сохранилось лишь смутное воспоминание.

А.М. Рочев несколько раз повторял, что хантам запрещали совершать наземные захоронения (по словам Г.Д. Филиппова, являвшегося в 1991 г. председателем сельского совета в Харсаме, и в настоящее время в поселках запрещено делать наземные захоронения). По версии А.М. Рочева, раньше ханты свозили всех своих на старое кладбище, в одно место. Потом, когда хоронить стало нельзя “из-за болезней”, они стали возить куда попало, каждый устраивал свое кладбище отдельно.

Когда образовался поселок (по-видимому, имеется в виду преобразование старого поселения Халас-Пугор в административный центр в конце 1930-х годов²), появляется второе кладбище на южном мысу высокого берега (рис. 10), где хоронили как коми, так и ханты, которых заставляли делать грунтовые захоронения. На вопрос “кто заставлял?” четкого ответа получено не было, а лишь было высказано предположение “Ну, видимо, сельсоветы, везде Советская власть тогда была”.

Две самые старые жительницы среди современного населения поселка Халас-Пугор — Дарья Кузьминична Выжигара (1917 г.р., по другим данным 1909 г.р.) и Александра Зосимовна Падранхасова (1917 г.р.) родились не в Халас-Пугоре, а поселились здесь уже будучи взрослыми и не помнили времена, когда старинное кладбище было действующим.

Д.С. Сяддай (родился в 1935 г. в окрестностях Горно-Князевска) переселился с матерью в Халас-Пугор с р. Лонгот-Юган в 1945 г. и от-

четливо помнит то время. Тогда в поселке был магазин, школа, существовал колхоз. Сами они до 1949 г. жили в чуме (“с одной стороны шкура, с другой — сено”). На старом кладбище в 1945 г. уже не хоронили. На просьбу рассказать что-либо о старинных кладбищах Даниил Степанович Сяддай и его жена Мария Петровна ответили, что сейчас все кладбища ограблены людьми, “которые не боятся”.

Поэтому, по их словам, и хоронить стали в земле, иначе сразу обворуют. Они же рассказывали, что на старом кладбище в поселке или в кустах рядом некоторые местные жители находили различные вещи и приносили их домой, но затем, испугавшись, выбрасывали. Таким образом, можно заключить, что старое кладбище в Халас-Пугоре воспринимается местным населением уже несколько отчужденно, вызывает определенный страх, здесь, по-видимому, не совершаются поминальные обряды. В то же время нельзя говорить и о целенаправленном избегании этого места: дома поселка расположены в нескольких десятках метров от кладбища, почти вплотную к нему проходит тропинка. То есть отношение современного населения к старому кладбищу вполне сопоставимо с отношением современного русского сельского населения к средневековым курганным могильникам.

Результаты археолого-этнографического обследования

Топографически место, где расположен поселок Халас-Пугор, представляет собой возвышенный участок левого берега Малой Оби, поднятый над водой на 4–5 м (абсолютные отметки — 7–7,8 м над уровнем моря) и имеющий протяжение с севера на юг около 500 м, а с востока на запад около 200 м. С юга возвышенное место ограничено протокой Халатур, с севера — довольно крутым обрывом. Обращенный к реке восточный берег также обрывистый и ежегодно размывается. На северо-западе берег плавно понижается, переходя в заболоченную низину, граничащую с небольшим озером. Во время разлива возвышенный участок берега превращается в остров.

До 1983 г. поселок находился на северной оконечности возвышенности. Сейчас здесь сохранилось несколько небольших нежилых деревянных построек и, в том числе, баня, в которой находится чугунный котел 1901 г. с плохо различимым клеймом “ПМЗ” (?). Не исключено, что эта постройка и есть баня, упомянутая в описании А.А. Дунина-Горкавича, сделанном по наблюде-

ниям 1908 г., когда в Халас-Пугоре имелись 2 жилых дома, казарма, отдельная кухня, амбар, баня, засольня, и 15 чумов (Дунин-Горкавич, 1909. С. 35). Берег возле старого места поселка являлся местом причаливания лодок и весь усеян обломками и целыми глиняными грузилами для сетей, огромным количеством осколков стекла (в том числе старого — XIX в.). Здесь были найдены кости животных (кухонные отбросы), фрагменты гончарной посуды с коричневой поливой и без нее, железные изделия — нож, огниво, пряжка от ремня, кованые гвозди, фрагменты резиновых сапог, а также более ранние находки, которые будут описаны ниже.

Изучение обнажения вдоль обрыва берега показало, что старому поселку предшествовало средневековое поселение, возраст которого может быть пока определен лишь ориентировочно концом I — началом II тыс. н.э. Стратиграфия отложений в районе прежнего места поселка в северной части возвышенного участка берега такова (рис. 5): сверху залегает темно-бурый торфообразный слой толщиной 20 см (1), ниже прослеживается стерильная прослойка песка толщиной около 15 см (2), под ней слой темно-серой супеси толщиной около 15–20 см (3). Слой 3 подстилали слоистые песчаные аллювиальные отложения. На участке зачистки разреза была прослежена западина (яма?), начинавшаяся с уровня основания слоя темно-серой супеси, глубина которой достигала 80 см, а диаметр превышал 1,5 м, на ее дне также прослеживался слой темно-серой супеси в несколько сантиметров толщиной. В слое 3 темно-серой супеси, а также на прибрежном песке были собраны фрагменты богато орнаментированной различными штампами керамики средневекового возраста, а также бронзовая пряжка, которые имеют аналогии среди древностей оронтурского и кинтусовского этапов развития материальной культуры населения Нижнего Приобья (Чернецов, 1957. С. 195, 207, 216, 223). Единичные находки лепной керамики прослеживались практически вдоль всего берега, вплоть до устья протоки Халатур. По мнению Н.В. Федоровой, ознакомившейся с рисунками, возраст керамики из Халас-Пугора может быть ориентировочно определен VI–VIII вв. н.э. (устное сообщение 1997 г.)

Середину “острова” занимают несколько бревенчатых домов современного поселка, построенных в 1983 г., по словам жителей, на “пустом месте”, (рис. 11, 12). Рядом у берега находятся сушилка для сетей, 2 мачты ветряных электродвигателей, которые так никогда и не удалось запустить, а также единственная скамеечка —

напротив дома Сяддаев — самой трезвой семьи в поселке (рис. 13).

Близко к южной оконечности возвышенного берега стоит геодезическая вышка, установленная в 1961 г. (рис. 11).

Между геодезической вышкой и домами поселка имеется небольшое возвышение (не более 1,5 м над окружающей поверхностью), на котором и расположено старинное кладбище. Место кладбища густо заросло кустарниковой березой, багульником, голубикой, но здесь есть и несколько берез-деревьев, высотой около 3–5 м (рис. 14).

Остатки наземных погребальных конструкций и самих захоронений прослеживаются на компактной территории площадью около 2000 кв. м. Общее количество видимых захоронений не превышает 40–60, но, на самом деле, погребений больше. В некоторых случаях заметно, как из-под более позднего погребального сооружения выступают развалившиеся и сгнившие остатки предшествовавшего ему более старого. На поверхности кладбища среди зарослей кустов видно несколько сравнительно хорошо сохранившихся прямоугольных ящиков длиной около 2 м, а шириной около 0,8 м (рис. 16–18). Высота их колеблется от 0,5 до 0,8 м в зависимости от сохранности. Они сколочены из досок с помощью стянутых гвоздей, круглых в сечении. То есть, по всей вероятности, эти сооружения датируются первыми десятилетиями XX в. (рис. 19). Крышки ящиков, которые были также из досок, обвалились, обнажив стоящие внутри лодки-гробы с обрезанными носом и кормой, которые зашиты досками (рис. 20). В некоторых случаях ящик развалился полностью, а лодка еще нет, что издали может создать впечатление погребения в лодке.

Остатков погребенных в большинстве случаев не видно, но в некоторых ящиках можно увидеть отмытый до белизны череп и погребальный инвентарь (бронзовые цепочки, колокольцы, фарфоровую посуду). Головой умершие ориентированы на ЮЮВ (рис. 21). В ногах внутри ящиков стоят бронзовые и железные котлы (рис. 22).

Некоторых умерших, по-видимому, все же закапывали в землю. Такие могилы имеют вид небольших, густо поросших кустами продолговатых холмиков, иногда обрамленных остатками деревянной конструкции. Остатков нарт между могилами не видно. На территории кладбища, по-видимому, разбросано довольно много вещей, которые скрыты под сплошным растительным покровом. При осмотре места нам попалась на глаза бронзовая табакерка, подражающая по форме берестя-

ной (аналогичные имеются в коллекции из раскопок), железный котел.

“Некрасивые и слишком откровенные” следы раскопок (Баклунд, 1911. С. 112), которые в 1909 г. были столь явными, что О.О. Баклунд заснял их, считая, что фотографии могут быть использованы как обвинительный документ, в настоящее время полностью стерты временем.

В памяти современного населения поселка сохранилось лишь очень смутное предание об археологических раскопках. В семье Сядаев старшее поколение припоминало, что по рассказам Марии Ендыровой, умершей лет 30 тому назад в возрасте около 60 лет, в местности Андыпохр, расположенной в 7 км ниже Халас-Пугора на Малой Оби, проводились раскопки и выкопанных оттуда умерших вывозили (может быть, этот рассказ соответствует данным о раскопках Д.Т. Яновичем отдельных погребений в различных местностях по Малой Оби ниже Халас-Пугора и вывозе мумии с устья Лонгот-Юган).

Действующее кладбище у поселка Халас-Пугор занимает участок высокого берега над протокой Халатур. Почти над всеми могилами установлены кресты, вокруг многих — металлические оградки. Лишь в нескольких случаях элементы традиционного обряда проявляются сильнее — могила перекрыта перевернутой лодкой, рядом стоит перевернутое железное ведро (рис. 26).

Такой же вид имеет и кладбище аборигенного населения в Харсаиме. Захоронения грунтовые, могилы расположены в относительном беспорядке, на них стоят деревянные кресты своеобразной формы, перекладины которых имеют овальные расширения на концах. На могилах лежат перевернутые столики с короткими ножками, ведра, бутылки, а рядом — нарты, оленьи рога и черепа, иногда насаженные на дерево (рис. 27).

Состав населения, проживавшего в поселке Халас-Пугор в 1992 г., отражен в похозяйственной книге (Прил. 8).

Историко-экономический контекст

История “Обдории”, базирующаяся на русских письменных источниках XIV–XVII вв., неоднократно излагалась в исторических трудах, этому предмету посвящены специальные работы (Бахрушин, 1927; 1935).

Важнейшие вехи, позволяющие ориентироваться в ранней истории Обдории — это летописные известия о походе новгородцев в низовья Оби в 1364 г. и экспедиции московских воевод 1499 г., документы, характеризующие функционирование Обдорской заставы в XVII в., учрежденной для взимания торговых пошлин, и, наконец, родословная обдорских князей Тайшиных.

Родословная Тайшиных дает уникальное свидетельство “консервативности” региона, где несмотря на все перипетии 400-летней истории удастся проследить генеалогические линии до XVI в.

Первый, известный по письменным источникам, представитель обдорской остяцкой династии князь Василий жил в конце XVI — начале XVII в. (казнен в 1607 или 1608 г. за попытку восстания против русских). Род обдорских князей, получивших в XVIII в. фамилию Тайшиных (от имени князя Тайши Гындина, жившего в начале XVIII в.), существует до сего времени. В поселке Горно-Князевск возле Обдорска (Князевские юрты — название XIX в.) — исторической резиденции князей Тайшиных — ныне проживает 18 человек, носящих фамилию Тайшины, и среди них Дмитрий Николаевич (1960 г.р.), являющийся внуком последнего князя (Прил. 8).

XVI в. отмечен номинальным подчинением Обдории власти московских правителей (с 1554 г. входит в царский титул). По-видимому, достаточно нерегулярные контакты в начале XVI в. по торговым путям, проложенным через Урал еще за несколько веков до этого, к концу

столетия становятся все более интенсивными. Торговля пустозерцев с закаменной самоядью в конце XVI — начале XVII в. приобретает постоянный характер, и источники отмечают такие формы взаимоотношений (закабаление, взимание старых долгов), которые становятся типичными позднее (Бахрушин, 1927. С. 72).

В XVII в. в Обдорском крае, как и в Сибири в целом, началась настоящая “пушная лихорадка”, в какой-то мере схожая с “золотыми лихорадками” XIX в. в Америке. Сбором ясака отнюдь не исчерпывалась эксплуатация пушных ресурсов региона. Через Собскую и Обдорскую заставы каждый сезон проходили многие десятки промышленников и торговцев. Для многих Носовой городок (основан в 1595 г.) — Обдорская застава являлся перевалочным пунктом на пути в Мангазею.

Путь от Ижмы до Обдорска при оптимальных условиях занимал в XVII в. всего 5–6 недель. XVII — начало XVIII в. — время многочисленных военных эпизодов, которые, хотя в них и принимало участие небольшое количество человек, были весьма существенны для жизни края с малочисленным населением. Обдорские князья и их родичи в это время еще сохраняют значение военных предводителей, которые выступают против русских (последний серьезный инцидент датируется 1662 г.), ведут войны с япинскими остяками (1718 г.), оказывают вооруженное сопротивление миссионерам.

Сборщики ясака и промышленники в XVII в. не раз подвергались нападениям на перевалах через Урал. К концу XVIII — началу XIX в. в крае произошли существенные перемены. Обдорск и его окрестности стали в полном смысле частью империи. В 1804 г. в Обдорске в “городовом карауле” было 6 казаков, которые осуществляли

полицейские функции (Миненко, 1975. С. 228). В 1807 г. было разобрано оставшееся крепостное деревянное строение Обдорского острога (Абрамов, 1857. С. 389).

Трудно определить, в какой мере усилия центральной власти по поддержанию имиджа князей Тайшиных и местных старшин (грамота Екатерины II, подтверждающая “княжеское” достоинство Тайшиных, посылка “жалованной” одежды и различных атрибутов власти Николаем I) отражали общий порядок, заведенный в империи по отношению к представителям местного самоуправления, а насколько являлись отражением желания подтвердить ставшую сомнительной к концу XVIII в. реальность существования “княжества”, включенного в царский титул.

О. Финш досадовал на то, что Иван Матвеевич Тайшин во время их встречи в Князь-Юртах в 1876 г. рассказывал не об обычаях остяков, а об императоре Николае I и Петербурге (Finsch, 1879. S. 394). Этот эпизод нельзя упускать, ввиду его значимости. Никто более Николая I не может претендовать на то, чтобы считаться символом Российской империи XIX в. Тот факт, что для остяка Тайшина Николай I и Петербургский двор были реальностью первого плана, говорит о многом.

Остяцкий идол, одетый в мундир чиновника при шпаге, которого видел Ю. Кушелевский (Кушелевский, 1868. С. 113) в Эндерских юртах (Ендырские, Иондырские — в 15 км к северу от Обдорска, на левом берегу Оби при устье протоки Выл-посл); остяцкий “князь”, выпрашивающий водку, перемежая это рассказами об императоре Николае; обдорские самоеды, борющиеся за честь поддержать на спуске нарты с “большим” чиновником (Губарев, 1863. С. 234) — достаточно красноречиво свидетельствуют о том, что аборигены Обдории сделали существенные шаги на пути интеграции в культуру империи. В то же время не следует преувеличивать роль политической сферы и глубину проникновения в культуру местного населения XIX в. системы ценностей, навязываемых извне.

Ф. Белявский приводит очень показательное высказывание одного из трех самоедских старшин, удостоившегося пожалованного царем кортика. Старшина сказал: “Жаль, что ножик не остр, а то хорошо было бы рыбу скоблить” (Белявский, 1833. С. 59). Этот забавный эпизод ярко иллюстрирует то, насколько чуждыми коренному населению казались предложенные Петербургом атрибуты власти.

К сожалению, мы имеем возможность увидеть жизнь Обдорского края XIX в. лишь глаза-

ми наблюдателей-европейцев. Социальные и экономические аспекты рыболовства на Оби, Обдорская ярмарка занимают главное место в их описаниях (так ли виделась жизнь аборигенам или они жили от одного медвежьего праздника до другого, нам неизвестно).

Высказав сожаление и опасение, мы несколько перестраховываемся, так как, на самом деле, далеки от мысли полностью противопоставлять культуру наблюдателей-европейцев и обдорских аборигенов. Во время своего путешествия в Халас-Пугор неоднократно приходилось сталкиваться с тем, что люди из числа коренного населения, ведущие преимущественно традиционное хозяйство, по поводу многих жизненных ситуаций могли говорить с автором этих строк так, что различие в культуре не представлялось существенным и взаимопонимание было адекватным. То же самое было и в XIX в., хотя тогда еще остяки не смотрели телевизор, не читали газет и не ездили в туристические поездки в европейские страны. Судя по тексту Финша, на него произвела глубокое впечатление беседа с Йорком Мамруном, принадлежавшим к боковой ветви княжеского рода Тайшиных. Йорк Мамрун сразу понял суть научных задач экспедиции и оказался способен вполне логично сопоставлять преимущества традиционной культуры и европейской образованности (Finsch, 1879. S. 491).

Описание экономического контекста представляется важным, так как это имеет существенное значение для получения представления о механизме формирования материальной культуры, частично нашедшей отражение в материалах коллекции из могильников дельты Оби.

Меновая торговля в Обдорске существовала еще в XVII в. и была приурочена ко времени внесения аборигенами ясака. В начале XVIII в. для прибыльного дела — торговли с аборигенами в Березов приезжали люди самых различных сословий из различных областей Сибири и Европейской России, но к 1760-м годам купцы из Тобольска захватывают монопольное положение на березовском рынке (Миненко, 1975. С. 65, 67).

Точные данные о динамике торговых оборотов в Обдорске в XVIII в. отсутствуют. Это объясняется тем, что торговля далеко не всегда носила легальный характер. И продавцы пушнины из числа коренных жителей, и покупатели стремились избегать огласки своих сделок, так как многие из них проводились в ущерб интересам сбора ясака в казну. Скрытность обдорской торговли, объяснявшаяся также закабаленностью коренных жителей долговыми обязательствами, поражала наблюдателей и в XIX в. (Белявский, 1833.

С. 41; Castren, 1853. S. 281, 282). В связи с этим даже статистические данные об оборотах Обдорской ярмарки во второй половине XIX в. вызывали сомнения современников (Губарев, 1863. С. 225). Согласно преданию, зафиксированному в XIX в., временные амбары и дома русских купцов появились в Обдорске с середины XVIII в. (Губарев, 1863. С. 224).

В 1826 г. в Обдорске было 2 церкви, 34 обывательских дома, 3 землянки, 5 казенных хлебных магазинов, 122 амбара, в которых торговали приезжающие на время купцы (Иванов, Бережных, 1847. С. 56), т. е. это был уже достаточно крупный центр, состав строений которого свидетельствует о торговой направленности. На плане Обдорска, снятом инструментально топографом Сониным в 1850 г., показано уже 40 дворов и обширные территории, занятые хозяйственными строениями (Ополовников, Ополовникова, 1998. С. 143).

Документы 1777 г. из Тобольского архива свидетельствуют, что активную торговлю в Обдорске вели представители местной администрации. Сын березовского городничего Евсева доставлял в Обдорск большие лодки (дощаники) с хлебом и товарами для обмена на пушнину (Миненко, 1975. С. 71).

В 1811 г. при попытке ограничить полулегальную торговлю лишь у одной партии березовских казаков, приехавших в Обдорск, было обнаружено товаров (муки, хлеба, мережи, табаку, сукна, котлов, пил, топоров, ножей, поскребалок, огнив, капканов и пр.) на 1677 рублей (Миненко, 1975. С. 71).

Для упорядочивания торговли на Обском севере и приведения ее в соответствие с существовавшим законодательством в 1788 г. были учреждены ярмарочные дни в Березове (Миненко, 1975. С. 72), а с начала XIX в. (точный год нам неизвестен) функционирует в январе ярмарка в Обдорске, выросшая из торгового, происходившего на "сугланном" месте (сибирский термин; см.: Даль, 1956. С. 353), где производилась сдача ясака.

Наиболее подробное описание перечня русских привозных товаров, продававшихся на Обдорской ярмарке, дано Григорием Спасским, которое мы приводим полностью: "...мука, хлеб, холсты, сукно, пояски гарусные, бисер, корольки, платки. Из железных вещей: капканы, топоры, ножи, пешни, цепи, пилы, медные и железные котлы и такие же кружки, носимые для щегольства на груди и на спине и привешиваемые на нитках, обнизанных корольками, к шапкам... наперстки, иглы, огнива, пуговицы, кольца, перстни, опояска, сшитые из черных юфтевых кож, обни-

занных разными медными фигурками и с медными пряжками, кои употребляют мужчины; юфтевые или конские черные и красные кожи, также сырые коровьи, употребляемые на оленью упряжь, масло коровье, ремни морского зайца и сети для деланья неводов. Из серебряных вещей: налобники, зарукавья и небольшие кружочки с изображениями человека или зверя. (Сии наиболее употребляются для украшения кумиров, особенно налобники и зарукавья.) Замечено, что мука, печеный хлеб и табак вымениваются гораздо более, нежели прочие товары, употребляемые не столько по нужде, сколько по прихоти" (Спасский, 1824. С. 282).

В 1816 г., по данным Спасского, аборигенами в Обдорске было продано шкур (за исключением поступивших в ясак песцов и лисиц) на 150 000 руб., что впрочем, не вполне согласуется с приводимыми им же цифрами о количестве закупленной муки и хлеба (Спасский, 1824. С. 283). Цифру 150 000 руб. повторяет А. Эрман (Erman, 1833. S. 651).

По официальным данным, вызывавшим сомнения современников, оборот Обдорской ярмарки составлял: в 1835 г. — 70 тыс. руб. (Гагемейстер, 1854. С. 581); в 1858 г. — 50 тыс. руб. (Памятная книжка Тобольской губ. на 1860 г. С. 207); в 1862 — 76 тыс. руб. (Губарев, 1863. С. 225); в 1881 г. пушнины было продано на 88 тыс. руб. (Sommer, 1885); в 1903 г. сумма вывезенных товаров составила 92 тыс. рублей, а ввезенных — 47 тыс. руб. (Дунин-Горкавич, 1909. С. 24). В 1906 г. оборот ярмарки оценен в 436 тыс. руб. (Памятная книжка Тобольской губ. на 1908 г.).

Общая сумма ввезенных в с. Обдорское товаров достигала в 1903 г. 300 000 руб., а вывезенной рыбы и пушнины — 700 000 руб. (Дунин-Горкавич, 1909. С. 24).

Кроме русских торговцев, в Обдорск ежегодно приезжали торговать зыряне из Архангельской губернии. Объем их торговых операций почти неизвестен. Лишь Н.А. Абрамов приводит цифру 3300 руб. в качестве стоимости привезенных зырянами товаров в 1850 г. (Абрамов, 1857. С. 417). Эта сумма, вероятно, не отражает масштабов истинной торговой активности зырян.

Торговля зырян развивалась очень успешно, а с середины XIX в. началось их переселение в Обдорск и его окрестности. По данным Дунина-Горкавича, первая семья поселилась в Обдорске в 1853 г., а к 1907 г. их было уже 107 семейств (Дунин-Горкавич, 1908. С. 16).

Кроме продовольствия (коровье масло, оленье мясо), зыряне ввозили значительное количе-

Таблица 1

**Цены на привозные товары на севере
Тобольской губ.**

(составлено по разным источникам)

Наименование товара	1826 г.	1860 г.	1888 г.	Конец XIX—начало XX в.
Нож			30 коп.	10 коп.
Топор		5 руб.	2 руб.	
Ружье				
Пороховница			75 коп.	
Стрела железная				25 коп.
Медные украшения (за фунт)				2—3 руб.
Перстень				2,5 коп.
Бисер (за 1 фунт)				35 коп.
Пачка бусин				1,5 руб.
Солдатские пуговицы (12 шт.)				1 руб.
Подвеска-конь				20 коп.
Подвеска-решетка			7 коп.	
Серебряная пластина со сценой охоты			3 руб.	
Бронзовая деталь упряжи (халцелуй)			70 коп.	
Ситцевая рубашка			1 руб.	
Сукно (71 см)			1,5 руб.	
Мука (16 кг)	1 руб.		1,4 руб.	
Табак (16 кг)	3—25 руб.			
Рукоять ножа медная литая			3 руб.	
Колокольчик медный			1 руб.	

ство предметов, необходимых в быту кочевников-аборигенов: меховую одежду, топоры, ящики для нарт, арканы (Бартенев, 1896. С. 37), бронзовые украшения (Хондажаевский, 1880. С. 21).

По-видимому, Обдорск действительно обладал “экономической притягательностью”. Не случайно самоеды, встреченные А. Норденшельдом на берегу пролива Югорский шар, го-

Таблица 2

**Цены на местные товары на севере
Тобольской губ.**

(составлено по разным источникам)

Наименование товара	1820-е годы	Середина XIX в.	Конец XIX—начало XX в.
Муксун (рыба)		10 коп.	17 коп.
Песец	5 руб.	2,5 руб.	2—5 руб.
Белка	50 коп.	8—20 коп.	10—20 коп.
Оленья шкура	2—3 руб.	1—2 руб.	1,5 руб.
Лисица		5—10 руб.	
Волк		5 руб.	
Лодка		5 руб.	
Арендная плата за рыболовный участок			20—300 руб.
Зарплата рабочего на рыбном промысле (за сезон)			20—30 руб.
Арендная плата за нарты с оленями			25 руб.

ворили ему, что зимою отправляются в Западную Сибирь, “так как хлеб там дешевле” (Норденшельд, 1881. С. 74). Не случайно О. Финш обнаружил в Обдорске шкурку американского бобра с клеймом лейпцигской фирмы (Finsch, 1879. S. 572).

Сравнение цен привозных товаров и предметов местного производства, традиционных объектов пушного и рыбного промыслов (табл. 1, 2) показывает, что коренные жители находились в достаточно неплохом положении. Цены на привозные изделия не были для них слишком обременительными. Конкуренция между русскими и зырянскими торговцами, антимонопольные меры русской администрации (Миненко, 1975. С. 74) привели даже к тому, что в конце XIX в. цены на привозные товары начали падать (Изделия остяков, 1911. С. 19).

Уровень цен на пушнину в Обдорске, а значит и в значительной степени благосостояние коренных жителей во второй половине XIX в., определялись мировыми ценами. Показательны в этом отношении сетования О. Финша, который напрасно надеялся обнаружить в Западной Сибири дешевые меха. Влияние лейпцигской ярмарки ощущалось в Обдорске самым непосредственным образом (Бартенев, 1896. С. 135).

Таким образом, картина, зафиксированная материалами могильника Халас-Пугор и других кладбищ аборигенного населения в дельте Оби, многие погребения которых поражают “богатством” погребального инвентаря, кажется, вполне адекватно отражает существовавшую экономическую ситуацию. Мы можем даже рискнуть предположить, что интересы торговли способствовали поддержанию существования такой формы погребального обряда, когда значительная часть бытовой утвари постоянно досрочно изымалась из обращения.

В то же время, очевидно, что сам обряд надления умершего “полным” комплектом вещей имел глубокие местные корни и объяснялся как представлениями остяков о загробном мире, так и

стремлением обезопасить живых от вредного влияния умерших.

Имеются данные, что ханты более южной группы легко жертвовали целыми жилыми постройками, где умирал кто-либо из родственников (Головнев, 1991). По данным Г.Н. Грачевой, некрещеные нганасаны считали необходимым поместить все вещи, принадлежавшие умершему и даже изготовленные им, в могилу, так как полагали, что душа умершего может возвращаться за этими вещами. Особенно это относилось к умершим в среднем и пожилом возрасте. У нганасан существовала поговорка “Баба умрет — весь чум унесет”, так как «умершая женщина должна была унести все, в чем присутствовала ее “жизненность”» (Грачева, 1983. С. 99).

Погребальный обряд

В настоящей главе делается попытка рассмотреть данные о погребальном обряде населения, оставившего могильник Халас-Пугор и другие погребальные памятники, изученные в 1909 г., в контексте сведений о погребальном обряде коренных жителей низовьев Оби, полученных за более чем 200-летнюю историю их археолого-этнографического изучения. При этом, употребляя термин “погребальный обряд”, мы, на самом деле, преимущественно подразумеваем лишь один из сегментов этого понятия, а именно, ту часть обряда, которая отражается в его “археологической проекции”, оставляет материализованный след в районе места захоронения — кладбища.

Источники и исследования по погребальному обряду коренного населения низовьев Оби

К настоящему времени мы имеем обширный список описаний и исследований погребального обряда коренных жителей Нижнего Приобья. По своим целям и степени достоверности информации, послужившей основой, эти описания существенно разнятся.

Судебно-медицинские описания. Нам известно лишь одно такое описание, опубликованное А.А. Дуниным-Горкавичем, датированное 1902 г. и относящееся к погребению “инородца” юрт Путолинских Лукосовской управы Сургутского уезда. Это описание замечательно подробным описанием *всех* предметов, обнаруженных в погребении. Ввиду уникальности данного источника, приводим его полностью: “При трупе... оказалось следующее имущество: 1) оленья шуба; 2) черный бараний полушубок; 3) желтый головной платок; 4) холщовый армяк; 5) старая небольшая шуба;

6) старое суконное пальто; 7) оленья шкура; 8) медный котел без ручки; 9) деревянная чашка; 10) деревянная сломанная ложка; 11) топор; 12) нож в ножнах; 13) опояска; 14) три пары ноговиц; 15) пара сапог с голенищами; 16) старые триковые шаровары; 17) корноватик; 18) блюдец; 19) чайная чашка; 20) кисет с табаком; 21) коробка спичек; 22) две стрелы; 23) две шапки; 24) два байковых зипуна; 25) табакерка с нюхательным табаком; 26) 7 копеек денег; 27) изображение оленя, вырезанное из бересты; 28) ситцевая рубашка; 29) триковые шаровары старые; 30) двое рукавиц; 31) гарусный шарф; 32) медный крест” (Дунин-Горкавич, 1904. С. 96).

Сообщения путешественников. Практически никто из авторов, оставивших записки о своем посещении Обдорского края, вне зависимости от того, были ли они филологами, астрономами, топографами или ставили перед собой специальные этнографические задачи, не обошел описания погребального обряда местного населения. Культурологические аспекты этого феномена уже частично были рассмотрены в главе 1, здесь же попытаемся проанализировать содержательную часть самих описаний.

Наиболее раннее описание погребальных обычаев остяков принадлежит миссионеру Григорию Новицкому. Текст “Краткого описания о народе остячком, сочиненного Григорием Новицким в 1715 г.” насыщено миссионерским пафосом, обличающим “зловредное идолопоклонство”, а сведения, фиксирующие этнографическую реальность, крайне скудны. Интересующая нас часть погребального обряда описана в этом источнике одной фразой: “Имения от частей, а паче нужное в житии: одежду, лук, топор, котел и прочая с умершим в гроб полагают” (Новицкий, 1894. С. 45–46). Здесь же впервые упомянут обычай

Сравнение погребального обряда остяков и самоедов по В.Ф.Зуеву

Элементы обряда	Остяки	Самоеды
Наличие вырытой в земле могилы	Да	Нет
Погребальный инвентарь	1) Все необходимое в "земной" жизни: постель, набор предметов домашнего обихода 2) Специально изготовленное деревянное кресало	1) Аналогично 2) Не отмечено
Расположение инвентаря	Не отмечено	Котел на голове
Остатки тризны	Опрокинутые нарты, упряжь и остатки забитых оленей возле могилы	Аналогично
Одевание умершего	1) Лучшая одежда	1) Вся одежда умершего 2) Обернут шкурой
Вместилище умершего	1) Лодка с обрубленным носом и кормой 2) "Геремок" из прутьев	1) "Обрубец" — деревянный ящик

остяков изготавливать изображение умершего: "Умершему же мужу жена... изсекше себе от древа наподобие человеческого кумира", одевает его наподобие мужа своего, помещает на место мужа и кормит тем, что он любил при жизни. Через год или больше идола в одежде "скрывают в землю" (Новицкий, 1894. С. 46).

Научное описание погребального обряда остяков и самоедов, безусловно оказавшее влияние на более поздние тексты других авторов, принадлежит В.Ф. Зуеву, побывавшему в окрестностях Обдорска в 1771 г. (Зуев, 1947). Материалы Зуева в сокращенном варианте были опубликованы через два года после его поездки (Pallas, 1773; Паллас, 1788).

Зуев по отдельности описывает погребальный обряд остяков и самоедов, но достоверность различий проблематична в силу особенностей структуры самих текстов описаний.

Данные Зуева о погребальном обряде остяков и самоедов, которые могут фиксироваться археологией, мы попытались свести в таблицу (см. табл. 3).

Астроном М.А. Ковальский, обследовавший северные окрестности Обдорска в 1848/49 г., не отмечает различий во внешнем виде могил остяков и самоедов — и те и другие, по его словам, имели вид ящиков, установленных на кольях над поверхностью земли (Ковальский, 1853).

Ю.И. Кушелевский, долго живший в Обдорске и бывший одно время главой местной администрации, описывает версию погребального обряда самоедов (христианизированную?), когда наземное сооружение отсутствует, а гроб в форме ящика засыпался землей. Погребение сопровождается оставлением в могиле и возле нее многочисленного бытового инвентаря, нарт (Кушелевский, 1868). Аналогичную форму погребального обряда у остяков в Обдорске описывал о. Иринарх (Шимановский), глава Обдорской миссии (Иринарх, 1903).

М.А. Кастрен упоминает об обычае обдорских остяков изготавливать изображение умершего, которое по прошествии определенного времени помещалось в могилу. Этот же обычай описан И.П. Росляковым (Росляков, 1895), наблюдения которого особенно ценны для нас.

Обдорянин И.П. Росляков, заведовавший метеорологической станцией в Обдорске, был, по видимому, сыном П.Н. Рослякова, арендовавшего рыболовные пески Халас-Пугор, знатока обычаев аборигенов. Можно предположить, что наблюдения, сделанные в Халас-Пугоре, были использованы И.П. Росляковым при написании суммарной характеристики похоронных обрядов остяков.

По Рослякову, остяки хоронили умерших в гробу-лодке с обрезанным концом, которую ста-

вили на землю, а сверху устраивали сруб. В него помещали вещи покойного.

Описания антропологов, этнографов, археологов. Описания, выполненные антропологами и этнографами конца XIX—XX в., составляют особую группу наблюдений благодаря целевым установкам авторов и их более детальному знакомству с конструкцией могил.

Обследование погребений коренного населения Нижней Оби проводилось О. Финшем в 1876 г. (Finsch, 1879), С. Сомье в 1880 (Sommeir, 1885), Н.Л. Гондатти в 1885 (Гондатти, 1888а), Д.Т. Яновичем и С. И. Руденко в 1909 г. (Руденко, 1914а), В.С. Адриановым в 1935—1936 гг., Г.Н. Грачевой в 1966 (Грачева, 1971), В.М. Морозовым в 1980 и 1981 гг. (Морозов, 1981).

Существенно, что в ряде случаев разными исследователями обследовались одни и те же или рядом расположенные памятники, как, например,

Халас-Пугор или кладбища в Яр-Сале и Сюней-Сале (полуостров Ямал, устье Оби).

Исследователями было выявлено несколько разновидностей форм погребальных сооружений, в географическом распространении которых можно выявить определенные особенности.

Южнее Березова наземные захоронения зафиксированы не были. Раскопки хантыйского могильника Перегребное-9, расположенного на Оби в 100 км выше по течению от Березова, показали, что погребения совершались в досчатых гробах на глубине 50–60 см (Морозов, 1981). Эти погребения датируются концом XIX — первой половиной XX в. и, вероятно, несут следы влияния христианской обрядности.

Над могилами сооружались своеобразные невысокие ящики из досок с двускатной кровлей (Руденко, 1914а), ареал распространения которых очень широк: от северной части Европейской России до Восточной Сибири. Севернее Березова в долине Оби появляются наземные захоронения в лодках, которые помещались в ящик из досок. Именно такие захоронения были изучены Сомме возле села Мужы (Sommeig, 1885. P. 242) на полпути от Березова до Обдорска. В окрестностях Обдорска и местностях к северу от него погребальные сооружения XIX–XX вв. аборигенного населения имеют локальные различия.

Неоднозначность погребального обряда у коренного населения этого района была замечена даже неспециалистами. Штурман И.Н. Иванов, обследовавший район устья Оби в 1826–1828 гг., писал: “Умерших (когда бывают с чумами в тундрах) кладут в сани, одетых в полный наряд и отвозят на дальнейшее расстояние, оставляя при них домашнюю утварь — топор, нож, чашку, ложку, хорей, а при женщинах нитки и иголки... На промыслах (по-видимому, имеются в виду рыбные. — *Авт.*), с покойниками хлопот гораздо меньше: их кладут в ящики и зарывают в землю” (Иванов, Бережных, 1847. С. 87).

Для внутренних тундровых районов в XIX в. были более характерны сооружения в виде ящиков, часто приподнятых над землей (Finsch, 1879; Грачева, 1971. С. 250). В долине Оби и по берегам Обской губы совместно встречаются наземные погребения в прямоугольных ящиках из досок, ящиках приближающихся по форме к лодке, колодах, настоящих лодках (Sommeig, 1885. P. 408; Грачева, 1971), имелись также и погребения в неглубоких могильных ямах, выложенных досками (Finsch, 1879. S. 546). Наблюдаются различия в способах конструктивного соединения досок в ящиках (Грачева, 1971. С. 59).

Вышеперечисленное многообразие отражает гетерогенность культуры населения региона, сложившейся к XIX в.

По-видимому, в воспроизводстве различных типов погребальных сооружений играли роль не только этнически обусловленные различия в традициях погребального обряда, взаимовлияние в долине Оби различных плотницких техник, воздействие христианских норм, но и реально существовавшие “старинные” материальные объекты (погребальные памятники), которые становились образцом для подражания.

Показателен в этом отношении рассказ Д.С. Сяддая, записанный нами в Халас-Пугоре 06.09.1992 г. Родители умершего юноши (дело было не в Халас-Пугоре) попросили Д.С. Сяддая изготовить гроб “по-старинному”, что он и исполнил, ориентируясь на образцы. В результате получился двойной гроб, поддерживаемый тремя парами стоек. По словам Даниила Степановича: “Никто меня не учил, когда делаешь, само собой показывается”.

Погребальный обряд по данным раскопок 1909 г.

О погребальном обряде раскопанных в 1909 г. захоронений можно судить, главным образом, по зарисовкам и записям в полевых тетрадях Д.Т. Яновича. Всего сохранились описания и зарисовки с натуры 286 погребений¹.

Наиболее крупный из раскопанных могильников — Халас-Пугор отличается сравнительной однородностью погребального обряда. Из 154 погребений лишь два помещены в ямы, остальные — наземные. Описывая надмогильные сооружения, Д.Т. Янович употреблял термины “верховой хольмер”, “хольмер”, хольмер на двух или трех стойках-укрепах. Внутри ящика-хольмера помещался гроб-полулодка, где находились взрослые погребенные ногами обязательно к носу лодки. Детские погребения, как правило, находились в гробах-ящиках. Иногда сверху гроб-полулодка покрывался другой полулодкой или досками от нарт, полотнищами бересты от чумов.

Все погребения, за исключением двух, имели южную, юго-западную или юго-восточную ориен-

¹ Кроме того, в иллюстративном фонде Музея антропологии и архиве потомков Яновича имеется серия белых чертежей, выполненных в 1912–1913 гг., и откорректированных Д.Т. Яновичем. На них изображены 43 индивидуальных, 7 парных, 1 тройное и 1 коллективное захоронение.

тировку, т.е. ногами вниз по течению реки. Аналогичная ориентировка являлась преобладающей и во всех кладбищах, раскопанных по Большой Оби. В погребениях, исследованных по реке Лонгот-Юган, преобладала ориентировка на С, СВ, СЗ, при этом ноги погребенных были обращены к реке.

Специфика наземных погребений, изученных на р. Лонгот-Юган, заключается в том, что некоторые из них не имели надмогильных сооружений и гробов. Умерших помещали на деревянном полу и закидывали сверху бревнами.

Кладбище “Воде-нял” на Большой Оби отличается от остальных сравнительно большой долей погребений, помещенных в ямы. При этом гробом также служила полулодка. Сверху могилу закидывали листовыми досками.

В родовом могильнике фамилии Ядопчу на острове Хея отличия прослеживались в том, что не только детей, но и взрослых, как правило, женщин, помещали в гробы-ящики. Почти половина женских погребений на этом кладбище — в гробах-ящиках. Эта особенность обряда сближает кладбище на о-ве Хея с могильником Юмбарада-Хальмээр, самым северным из раскопанных Д.Т. Яновичем в районе устья р. Щучьей. При этом необходимо отметить, что как следует из родословной Райки Ядопчу, составленной Яновичем (рис. 153), мужчины — потомки Ядопчу, как правило, имели жен ненецкого происхождения (“ямальских самоедок”).

Погребенные в могильнике Юмбарада были помещены в ящики-хольмеры, внутри которых не было дополнительных гробов-полулодок. Ориентировка погребений данного могильника — головой на северо-запад. Некоторые из погребений, вероятно, были совершены под влиянием христианской обрядности (наличие относительно глубокой могильной ямы — до 0,7 м, ориентировка головы на запад). Уникальной является встреченная в этом могильнике семейная (?) усыпальница.

Для всех могильников характерно вытянутое положение погребенных на спине. Имеются лишь несколько погребений, нарушающих это правило. Наиболее распространен вариант, характерный для всех половозрастных групп, когда погребенный вытянут на спине, руки вдоль туловища (рис. 28, погр. 27; рис. 30, погр. 68). Отмечены случаи, когда положение рук — иное. Кисти одной (рис. 46, погр. 332) или обеих рук (рис. 38, погр. 270; рис. 41, погр. 302) могут находиться в районе пояса (на тазе).

Безусловно, определенный обрядовый смысл заключался в помещении кистей рук погребенных под тазом (рис. 30, погр. 76; рис. 31, погр. 69; рис. 36, погр. 193). Это положение часто встре-

чается и одинаково характерно как для мужчин, так и для женщин. Характерно также завязывание кистей в тряпочку с бубенцами или колокольчиками (погр. № 3, 195). Во многих случаях тряпочка, обвязывавшая кисти, могла не сохраниться, но, вероятно, была о чем свидетельствуют зафиксированные колокольчики возле кистей рук (погр. № 24, 38, 52, 77, 121, 126, 128, 130, 139, 149, 150, 156 и др.)

Отмечено несколько случаев, когда руки погребенных были сложены на животе. Можно предположить, что в этом проявлялось влияние христианской обрядности, что подтверждают комплексы находок из погребений данного типа. Так, в погребении № 316 могильника Юмбарада-Хальмээр был найден нательный крестик (один из двух во всем могильнике).

Зафиксировано несколько случаев, когда погребенные положены ничком, на живот. Положение тела, рук и ног при этом могло быть различным: тело вытянуто, руки под животом; ноги слабо подогнуты, руки согнуты и возможно связаны в районе кистей. В одном случае в дневнике Д.Т. Яновича имеется пояснение, что захороненная женщина (рис. 50, в середине верхнего ряда, погребение № 352) была погребена в том положении, как она умерла и зачечнела. В других случаях имеются основания предполагать, что захороненные ничком были шаманами.

В комментарии Д.Т. Яновича к погребению № 192 (кладбище Воде-нял на Большой Оби) отмечено, что шаманов хоронят ничком, спиной кверху, руки вдоль тела, которое обвязывается веревками. На спину и поясницу были дополнительно положены речные валуны. Одевают мертвого шамана как живого. Про данное погребение Д.Т. Янович писал, что оно принадлежало шаману, похороненному в конце 1880-х годов, которого орас-ях (“родовое” название местного населения) почитают как святого.

В то же время, по-видимому, далеко не всегда погребения шаманов совершались с соблюдением полного набора предосторожностей. Так, в погребении № 130 могильника Халас-Пугор, атрибутированного Д.Т. Яновичем как шаманское (вероятно, со слов местных жителей), тело находилось в обычном вытянутом положении на спине, лишь пояс был завязан крепким толстым узлом. В комментарии к погребению № 166 Д.Т. Янович отмечал, что у погребенных мужчин пояс не завязывался, а у баб и шаманов завязывался большим узлом.

Шаманское погребение № 287 (рис. 39), принадлежало, по данным Д.Т. Яновича, остяку.

Оно выделяется положением рук умершего. Повидимому, они были крепко связаны.

В погребении № 208, принадлежавшем шаману-остяку Пикче-Ларку, у покойного были связаны кисти рук, ноги связаны оленьими жилами, веревка завязана вокруг плечей.

В погребении № 255, где похоронен шаман Сэба, лишь кисти рук были завязаны.

Упомянутое выше погребение № 173 в Халас-Пугоре, принадлежавшее остячке по имени Нэодю, шаманке, выделяется лишь тем, что оно совершено в яме, положение тела в гробу-полулодке — вытянутое, на спине, руки — вдоль тела. В погребении № 267 (рис. 37), где захоронен шаман Хеччи, положение тела “стандартное” — вытянут на спине, руки вдоль тела, ногами к носу лодки. Ни руки, ни ноги не завязаны.

Уникальным является погребение № 177 медвежьего шамана из рода Казым-хой. Голова, отделенная от туловища, была помещена в отдельную коробку, перед ней поставлен металлический ковшик.

Специфика шаманских погребений проявлялась также в присутствии в составе их инвентаря шаманских атрибутов, таких как бубен (погр. № 192), меч или крюк (погр. № 208, 222), идолы (погр. № 287). Нужно отметить при этом, что данный признак не может всегда интерпретироваться однозначно. Например, на детское погребение № 122 был сверху положен обод от бубна. Малый размер гроба этого погребения (85 см) заставляет предположить, что в нем был захоронен малолетний ребенок, который вряд ли мог быть шаманом.

Об одеянии умерших можно отметить, что наиболее четко проявляется традиция накрывать лицо материей, на которую нашивались пуговицы против глаз. Погребения в саване — редки, обычно прослеживались остатки верхней одежды — кожаный пояс, меховая шапка.

В нескольких случаях голова погребенного была накрыта котлом, возможно, таким образом преследовалась цель “изоляции” покойника от мира живых.

Погребальный инвентарь располагался на трех “уровнях”.

Первый — внешний. Часть вещей находились рядом с погребением (нарты) прислоненными к хольмеру (шесть хорея) либо положенными сверху на доски хольмера. Состав этих предметов разнообразен (луки, лопаты для ловли куропаток, ложка кремневых ружей, лыжи, весла, корыто для еды, чаша с табаком. По большей части, это крупногабаритные вещи, которые внутрь ящика просто не могли поместиться.

Второй уровень — пространство между стенками хольмера и гробом, крышка гроба. Здесь также часто встречаются крупногабаритные вещи, но далеко не только они. Возможно, например, что антропоморфные идолы, найденные на крышках гробов в погребениях № 44, 47, 94, 121, 125 могильника Халас-Пугор, были положены туда не в момент погребения, а какое-то время спустя.

Третий уровень — внутренний, внутри гроба рядом с телом покойного. Более половины комплексов коллекции насчитывают менее 10 вещей². Единичны погребения, содержащие 50 и более вещей. Наиболее обильное вещами погребение № 133 содержало 92 предмета и принадлежало подростку.

Почти во всех погребениях, мужских и женских, имеется столовая и/или кухонная посуда, в большинстве случаев деревянная. В женских погребениях ее ассортимент шире. Столовая посуда располагалась обычно у головы, реже — у туловища, кухонная — чаще у ног. В нескольких погребениях имелись сундучки для чайной посуды.

Как для мужских, так и для женских погребений характерно наличие ножей, топоров, деталей оленьей упряжи, табакерок. Иногда присутствовало по 2–3 ножа в одном погребении. Располагались они обычно в районе бедер, в некоторых случаях сохранилось их прикрепление к поясу с левой стороны. Топоры часто обращены рукоятями к кисти правой руки.

В мужских погребениях выделяется специфический мужской комплект вещей: орудия для обработки дерева (сверла-коловороты), охотничье оружие (лук, стрелы, пороховницы), хореи (шест для управления оленьей упряжкой).

Специфический комплект вещей из женских погребений состоял из орудий для обработки шкур (скобели, специальные доски, на которые натягивались шкуры), палки-выбивалки для чистки одежды, некоторые виды посуды (большие ложки-черпаки), рабочие мешки, набор украшений.

Детские погребения выделяются наличием игрушек.

В мужских погребениях, как правило, специфически “мужские” вещи располагались справа. В женских погребениях “женские” вещи чаще лежали слева или посередине.

Характерным элементом погребального инвентаря всех исследованных могильников, за ис-

² Нужно учитывать, что часть вещей, особенно крупного размера, Д.Т. Янович оказался не в состоянии привезти в Москву.

ключением Юмбарада-Хальмээр, являлись миниатюрные антропоморфные изображения, сделанные из дерева и одетые в “одежду”, вместо лица иногда прикреплены оловянные бляшки. Д.Т. Янович в описаниях приводит их остяцкое название — “сидырян” или “сончат”. Эти идолы, изготовлявшиеся в честь покойного, — временные вместилища его души. Располагались они часто вместе с комплектом посуды возле головы погребенного.

В шаманском погребении № 287 имеется набор из семи идолов другого типа, сделанных из продолговатых палок. Одежда у них отсутствует, зарубки отделяют тело от “ног”, которые совсем не проработаны. Аналогичные зарубки отделяют голову от туловища. На лице показаны глаза, нос и рот. Верх головы — остроконечный. В составе предметов при погребениях встречены также стружки от гроба, помещенные в глиняную крынку (погр. № 5), колода игральных карт (погр. № 3).

Редкими, но не случайными находками являются скорлупа утиных яиц, либо скелеты птиц, иногда один череп, встреченные при костяках (погр. № 7, 11, 31, 75, 92).

Попытка семантического анализа состава и расположения погребального инвентаря

Заявленная в заголовке тема представляется весьма заманчивой.

Здесь возможно прокомментировать все обнаруженные в литературе аналогии, а они столь бесчисленны, что “этногенетическим связям” и “этнокультурным взаимовлияниям” не будет конца.

В зафиксированном на чертежах расположении вещей, в семантике изображений на предметах, в погребальном обряде можно увидеть отражение представлений угорских и самодийских народов о семи, трех или двухмерном мире, зафиксированных этнографами (Чернецов, 1959; Грачева, 1983; Головнев, 1991).

Можно отметить, что почти полное отсутствие берестяной утвари в погребениях, видимо, не следствие ее плохой сохранности, а, вероятно, обусловлено отношением к ней, которое зафиксировано А. Головневым (1991). Берестяные вещи, в представлениях хантов, не принадлежали к миру сакрального.

Материалы могильников, раскопанных в 1909 г., заставляют задуматься о причинах наблюдаемого плюрализма в обращении с умершими, что проявилось в разнообразии внутримо-

гильных сооружений, “поз” костяков, наборах погребального инвентаря.

Обнаруженное в чертежах погребений наличие коллективных и парных захоронений не находит объяснений ни в описаниях погребальных обычаев угорских и самодийских народов XIX — XX вв., ни в православной погребальной традиции. Между тем, число коллективных и парных захоронений достаточно велико и не было случайным явлением. Быть может, здесь зафиксирована очень древняя традиция захоронения в “семейных склепах”, идущая из глубины времен, отраженная в археологических культурах, связываемых с этногенезом самодийских и угорских народов, сохранившаяся до XIX в. у обдорских аборигенов и уживавшаяся с традицией индивидуальных захоронений.

Разнообразие и уникальность каждого набора погребального инвентаря — следствие уникальности каждого умершего. Ведь в погребальный инвентарь входит то, чем владел при жизни умерший, чем он занимался, имело значение также был он богат или беден.

Набор погребального инвентаря — это то, в чем находится “душа” умершего, что он любил и что он будет все равно “тянуть” за собой, так что лучше сразу отдать (Грачева, 1983). Для мужчины это прежде всего — пояс, нож и весь охотничий прибор. Почти совсем ничего нет относящегося к рыболовству. Затем посуда, как местного изготовления, так и привозная, оленья упряжь. Редко — орудия домашних ремесел.

У женщин — это прежде всего посуда и все связанное с изготовлением одежды, затем украшения.

У детей закономерности нет — конечно, посуда, а потом, то, чем они успели завладеть из “взрослых” вещей, и игрушки.

Набор вещей в погребениях, с одной стороны, отражает комплексность хозяйственной деятельности обдорских аборигенов, ярко зафиксированную А. Кастреном, с другой — степень втянутости этого населения в торговые отношения с Россией и Европой.

Общее для всех погребений — это, прежде всего, обилие металлических вещей — их любили все.

Из металлических вещей наиболее яркая категория — бляхи. В связи с исследованием семантики сюжетов на бляхах (а ведь в них “жила душа”) можно идти по горизонтали, а можно по вертикали — вглубь времен.

Набор сюжетов на бляхах можно трактовать как случайный, привнесённый, так как для аборигенного населения бляхи были покупными вещами, и то, что они имели, диктовалось ярмарочным

ассортиментом. Но, с другой стороны, ярмарочный ассортимент изображений на бляхах определялся спросом. Известно, что бляхи заказывались аборигенами местным мастерам, что-то находило спрос, а что-то нет.

Набор сюжетов изображений на бляхах, преобладание некоторых из них в рассматриваемой коллекции, закономерности расположения блях с некоторыми сюжетами, отмеченные собирателем коллекции Д.Т. Яновичем и наблюдаемые в материалах чертежей погребений, при сравнении их с образным миром древних археологических культур, считающихся связанными с происхождением угорских и самодийских народов, дают возможность сделать некоторые выводы.

Мир образов и значений, представленный в сюжетах и формах блях, является результатом взаимодействия разновременных и разнообразных факторов.

Бляхи с сюжетами, связанными с изображением всадников, крылатых кентавров, личин, лошадей, водоплавающей птицы, льва, двух хищников у дерева, человека-медведя, и солярные изображения составляют 90% от всего числа блях, имеющих в коллекции. Эти сюжеты известны в древних культурах, связываемых с этногенезом угорских и самодийских народов, начиная с бронзового века, были знакомы предкам древних угров, самодийцев и русских по широко распространенным на территории Западной Сибири и Восточной Европы изделиям Сасанидского Востока, а также имели распространение в мифологии обских угров и самодийцев XIX–XX вв.

Как категория вещей бляхи в качестве амулетов-подвесок были распространены у предков русского и угорского населения в X–XIV вв. от Новгорода до Верхней Волги и Приуралья (Рябинин, 1981; Седова, 1981). При создании металлических блях-амулетов для коренного населения Западной Сибири русские и зырянские мастера XVII–XIX вв. обращались к арсеналу собственных языческих, архаических, “чудских” образов. Этот круг языческих мотивов, воссозданный ремесленниками на бляхах,

был воспринят как “свой” угорским и самодийскими народами Западной Сибири, что, видимо, обусловлено древним общим пластом культуры, связанным с сакральным применением художественных металлических изделий со сходными сюжетами, соответствующими миру образов, сохраненных в мифологии аборигенных народов.

Предложенная модель формирования набора сюжетов на бляхах-амулетах из “остяцкой” коллекции применима к описанию более широкой модели взаимодействия традиционных и инновационных элементов культуры в зонах контакта “аборигенной” и пришлой культур. Аборигенный мир (культура-реципиент) со всем арсеналом своих тысячелетних культурных традиций отбирает и адаптирует из предлагаемого внешним миром (культурой-донором) те элементы, которые находят мировоззренческие реминисценции и практическое применение в его собственной культуре. В свою очередь, культура-донор постоянно трансформирует ассортимент предложенный, исходя из спроса со стороны культуры-реципиента и собственного арсенала культурных традиций. По схеме, предложенной С.А. Арутюновым, импортные инновации и уникальные древние вещи сначала становятся символами престижа, а затем широко распространяются и приобретают статус традиционных, как это произошло с бляхами-подвесками. В XVII в. они единичны, в XIX в. они становятся ходовым товаром на Обдорской ярмарке, благодаря массовым отливкам со старых образцов. Так формируется облик новой модернизированной аборигенной культуры как на территории всей зоны контакта, в данном случае Западной Сибири, так и на уровне локальных субкультур, в данном случае Обдорского Севера.

В понимании вечного взаимодействия древнего и нового, своего и чужого — ключ к раскрытию семантики ни на что не похожей, синтетической, свободной от жесткого штампа культуры аборигенов Обдорского Севера конца XVIII и XIX вв., отразившейся в материалах погребений рассматриваемых могильников.

Инвентарь могильников (типы вещей)

Жетоны, монеты, монетовидные подвески (рис. 51)

Счетные жетоны

Счетные жетоны были найдены в двух погребениях могильника Халас-Пугор и одном погребении могильника Пайхата-Халайт. Медные жетоны XVII—XVIII вв., изготовленные в Нюрнберге, неоднократно встречены в археологических памятниках Западной и Восточной Сибири, на острове Вайгач, а также в Поволжье и Прикамье (Спаский, 1951; Дульзон, 1953; Молодин, 1979; Ожередов, Смолин, 1992; Хлобыстин, 1992; Шутова, 1992).

Жетоны из обоих могильников изготовлены Эрнстом Людвигом Сигизмундом Лауэром (1762–1853), работавшим в Нюрнберге с 1791 по 1797 г. (Спаский, 1951. С. 137). Аналогии имеются в собрании Томского областного музея и в Эрмитаже.

51.1. № 2556¹, погр. 277. Жетон, желтая медь, диаметр 2,6 см. Аверс — погрудное изображение Людовика XVI вправо, круговая легенда — LOUIS XVI ROI DES FRANSOIS.

Реверс — изображение парка с фонтаном в центре (Версаль?). Легенда по кругу в верхней части — LUST BAUT DAS LAND, в нижней части в обресе — RECH: PFEN E.L.?.L.

В жетоне пробито подтреугольное отверстие (ножом?) для использования его в качестве подвески.

51.2. № 2557, погр. 277. Жетон, желтая медь, диаметр 1,9 см. Аверс — изображение Людовика XVI (?) влево, легенда читается фрагментарно — D.G.....D.II.

Реверс — в центре изображение державы, увенчанной крестом и очерченной двойной линией обрамления, которое составлено из трех чередующихся дуг и углов (драйпас). Легенда по кругу — RECH PFEN. E.L(?)S. L(A)UER.

В жетоне пробито отверстие для использования его в качестве подвески.

51.3. № 1413, погр. 139. Жетон, желтая медь, диаметр 2,5 см. Аверс — изображение Людовика XVI влево, легенда по кругу — LUD XVI GF ? ETNAR

Реверс — изображение воина в шлеме с копьем и щитом (Марс?). Легенда по кругу — ARMIS NUNC TOTA, внизу в обресе легенда не сохранилась.

В жетоне пробито отверстие.

Аналогичный жетон — в погребении 150 (№ 1514).

51.4. № 1412, погр. 139. Жетон, желтая медь, диаметр 2,4 см, Аверс — изображение Людовика XVI влево, легенда по кругу — LUD XVI. D.G. F. E.N. REX.

Реверс — круговая композиция, состоящая из трех чередующихся лилий и трех корон с розеткой в центре, легенда — RECH: *(P)FEN*E.L.S.?. LAUER*

В жетоне пробито два отверстия.

Монеты

Монеты обнаружены в двух погребениях (могильники Халас-Пугор и остров Хейя). Все они, за исключением одной, использовались в качестве

¹ Инвентарный номер музейной описи коллекции № 281 МА МГУ.

ве подвесок. Авторы начала XIX в. отмечали, что обдорские остяки и самоеды не ценят монеты как средство для платежей, предпочитают обмен товарами, а из монет делают украшения (Белявский, 1833. С. 167; Гофман, 1856. С. 153).

51.5. № 776, погр. 89. Медная пятикопеечная монета 1766 г. На аверсе буквы Е.М. (екатеринбургская монета), чеканка Екатеринбургского монетного двора.

51.6. № 2263, погр. 243. Медная двухкопеечная монета 1800 г. На аверсе буквы Е.М. (екатеринбургская монета), чеканка Екатеринбургского монетного двора. В монете пробито отверстие для использования ее в качестве подвески.

Аналогичная монета была использована в качестве подвески к женскому украшению в погр. 89 (№ 760).

51.7. № 2264, погр. 243. Медная двухкопеечная монета 1801 г. На аверсе буквы Е.М. (екатеринбургская монета), чеканка Екатеринбургского монетного двора. В монете пробито отверстие для использования ее в качестве подвески.

№ 760, погр. 89. Медная двухкопеечная монета 1801 г. На аверсе буквы К.М. (колыванская монета), чеканка Колыванского монетного двора в Сибири. Вышеперечисленные монеты имели хождение в России до изменения веса монетной стопы в 1810 г. (Уздеников, 1985).

Монетовидные подвески

51.8. № 752, погр. 88. Круглая подвеска из оловянистого (?) сплава. С обеих сторон по кругу в несколько рядов — орнамент (выпуклые серповидные элементы и точки). В центре с обеих сторон — надписи на арабском языке. Из-за плохой сохранности частично читается лишь надпись с одной стороны.

По определению Е.А. Давидович (1991 г., личное сообщение), надпись представляет собой благословение (Алилах Мубарак).

По почерку подвеска может быть датирована временем позднее XVI в., скорее, XVIII—XIX вв. За образец могла быть взята провинциальная монета. Данное определение было поддержано также проф. Г.А. Федоровым-Давыдовым.

Аналогичные подвески были нашиты на хантыйское украшение, приобретенное Сирелиусом (U. T. Sirelius) в юртах (Kolongjaah) на р. Васюган (Vasjagan) в 1898 г. (Sirelius, 1983. S. 258).

Д.Т. Янович в своем отчете об экспедиции упоминает о приобретении в Аремзянских юртах на Иртыше у переселенцев из Бухары женского мусульманского амулета, привезенного из Мекки.

Мужские пояса (рис. 52)

52.1. № 1870, погр. 197. Пояс кожаный, длина 72 см, ширина 6,5 см. Украшен рядами круглых медных пуговиц, многие из которых выпали и не сохранились. К поясу прикреплены прямоугольный кожаный мешочек (12 × 5 см) для огнива (?), украшенный бронзовыми пуговицами, и бронзовые цепочки для крепления ножен, пороховницы и других принадлежностей.

Подобные пояса, украшенные рядами медных пуговиц, цепочки, состоящие из восьмеркообразных звеньев, сделанных из двойной проволоки, кольца которых находятся во взаимно перпендикулярных плоскостях, являются весьма характерными изделиями. В “остяцкой” коллекции они особенно часто встречаются в погребениях 300-х номеров, происходящих из могильника Юмбарда-Хальмээр в устье р. Щучьей.

Тожественные аналогии имеются среди этнографических коллекций, собранных у ненцев (Музей этнографии народов России; Музей антропологии и этнографии в Санкт-Петербурге. Народы Сибири, 1956. С. 621). У современных жителей Халас-Пугора (ханто-ненецких метисов) подобные пояса бытуют в качестве нарядных престижных элементов одежды, передающихся из поколения в поколение (рис. 7, 24, 25). Мода на данные пояса, украшенные медными пуговицами, существует у аборигенного населения низовьев Оби по крайней мере с начала XIX в., что зафиксировано описаниями одежды остяков, сделанными А. Эрманом (Erman, 1833. S. 651), Ф. Белявским (1833. С. 72), Н.А. Абрамовым (1857. С. 333) и Н.Л. Гондатти (1888а. С. 13). По данным Г. Спасского, “опоясы, сшитые из черных юфтевых кож, обнизанных разными медными фигурками и с медными пряжками, кои употребляют мужчины”, привозились русскими и продавались аборигенному населению на Обдорской ярмарке (Спасский, 1824. С. 282).

По-видимому, данные пояса, обшитые пуговицами, продавались не только населению Западной Сибири, но достигали и Камчатки. Камчадал, изображенный на гравюре в альбоме Паули, подпоясан тождественным поясом (Pauly, 1862).

52.2. № 2460, погр. 264. Пояс кожаный, длина фрагмента 42 см, ширина 4,5 см. Пояс украшен медными плоскими пуговицами диаметром 3,6 см с изображением воина с саблей в форме начала XIX в. (см. рис. 120, 5), выполненным в технике штамповки.

Этнографами описано два типа мужских поясов у остяков: широкий (4–5 см) — зимний и узкий (2–3 см) — летний (Старцев, 1928. С. 29). Оба

вышеописанных пояса, по-видимому, относятся к первому типу. По словам современных жителей Халас-Пугора, нашитые на пояс украшения имеют и утилитарное значение — благодаря им пояс не загибается (информатор А.М. Рочев).

Пряжки мужских поясов и пряжки неизвестного назначения (рис. 53)

Пряжки от мужских поясов найдены в 11 погребениях, из них 10 являются однотипными, различаются лишь особенностями орнаментации. Это пряжки, состоящие из двух медных пластин прямоугольной или близкой к прямоугольной формы, одна из которых имеет с оборотной стороны крючок, а парная пластина — прорези для крючка. У обеих пластин с тыльной стороны имеются петли для прикрепления к ремню. Данная форма пряжек является наиболее распространенной у коренного населения региона (ненцы, ханты, коми) с начала XIX в. (Egman, 1833. S. 620) и вплоть до настоящего времени. В 1991 г. пряжки весьма близких форм к тем, что были найдены в могильнике, продавались в магазине Салехарда (рис. 8) и предназначались для “оленоводов”. Необходимо отметить, что в настоящее время подобные пряжки используются и женщинами (Лукина, 1979. С. 159).

53.1. № 1698, погр. 183. Поясная пряжка, медь. Каждая половинка имеет размеры 11 × 5,8 см. Пряжка украшена циркульным и штампованным орнаментом, прорезь в форме сердечка. Пояс с тождественной пряжкой был подобран И.Н. Шуховым на хантыйском кладбище в Обдорске в 1911–1914 годах. (Народы севера Сибири в коллекциях Омского музея, 1986. С. 104, 257).

Тождественная пряжка изображена в альбоме Г. Паули на поясе камчадала (Pauly, 1862).

53.2. № 2428, погр. 260. Поясная пряжка, медь, размеры половинок — 12 × 5,5 см, прорезь в форме сердечка. Аналогичные пряжки были найдены на старом остяцком кладбище Обдорска в 1909 г. (Руденко, 1914б. С. 14, рис. 22). Близкая пряжка найдена в хольмере на р. Ходыта-яха (Ямал) в 1986 г. (хранится в Ин-те истории и археологии Уральского отд-ния РАН в Екатеринбурге)².

53.3. № 517, погр. 58. Фрагмент поясной пряжки, медь, размеры 5 × 5 см. На пряжке имеется литейный брак.

² Авторы благодарят Н.В. Федорову за возможность ознакомиться с материалами этого неопубликованного памятника.

53.4. № 852, погр. 98. Пряжка для ремня, обувная (?), медь, размеры 5,5 × 4 см. Найдена в женском погребении, в котором имелась специальная пряжка для поясного ремня. Следовательно, данная пряжка использовалась как-то иначе.

53.5. № 512, погр. 58. Пряжка (?), дерево, размеры 6,2 × 5 см.

53.6. № 239, погр. 34. Поясная пряжка, кость, размеры 8,3 × 6,5 см.

53.7. № 1660, погр. 168. Поясная пряжка, медь, размеры 9,5 × 5 см.

Мужской пояс с ножом в ножнах (рис. 54)

№ 3027, погр. 321. Пояс кожаный с медными пряжками, украшенный двумя рядами медных пуговиц. Длина пояса 61 см., ширина 4 см, размер пряжек 9 × 4,2 см., длина ножен 21 см. Ножны деревянные, обтянуты кожей и оббиты медными пластинками.

Аналогии таким пряжкам и ножнам имеются в этнографических коллекциях, собранных в конце XIX — первой половине XX в. у хантов и ненцев. (Finsch, 1879. Abb. 45; Sommier, 1885. S. 261; Сирелиус, 1907. С. 63; Народы Сибири, 1956. С. 621). Наиболее ранние свидетельства о бытовании данного вида изделий относятся к 1870-м годам (фотография из тобольского музея, опубликованная Финшем). Н.К. Хондажаевский приобрел подобный пояс в 1879 г. у ненцев, которые купили его у зырян (Народы севера Сибири в коллекциях Омского музея, 1986. С. 180, 285). Соммье купил пояс с аналогичной пряжкой в 1880 г. у остяков в Собских юртах. Тождественный пояс был приобретен в 1878 г. Норденшельдом у ненцев в пос. Хабарово на Югорском полуострове (Nordenskiold, 1882. S. 80). Пояса описываемого типа сохраняются в быту хантов и ненцев и в XX в. Есть они у уроженцев Халас-Пугора (и не только у них) и по сей день. На рис. 8 показаны пряжки от ремня, принадлежащего коми Григорию Филиппову, который был подарен ему отцом. Дед Григория Филиппова, родом из-под Архангельска, переселился в Халас-Пугор в 1930-е годы.

Рукояти ножей (рис. 55)

55.1, 2. № 1126, погр. 121. Рукоять ножа с обломком лезвия, бронза, железо, литье со вторичной обработкой. Длина — 15 см. Рукоять имеет расширенную верхнюю часть, украшена орнаментальными поясками из треугольников и че-

тырьмя сюжетными клеймами, изображающими, по всей видимости, библейский сюжет — суд царя Соломона (атрибуция Елены Ельковой, ГИМ). Верхний торец рукояти украшен изображением льва. У рукояти имелось сверху железное кольцо, которое утрачено. Тожественная рукоять, закупленная в 1890 г., имеется в коллекции Исторического музея в Москве (отдел металла, № 20170/3757).

55.3. № 196, погр. 30. Рукоять ножа, бронза, литье. Длина — 10,7 см. Средняя часть рукояти украшена несколькими поясами растительных и геометрических узоров. Четыре сюжетных клейма с изображением суда Соломона украшают верх и низ рукояти.

55.4. № 2281, погр. 245. Рукоять ножа, бронза, литье со вторичной обработкой, длина — 10,5 см, украшена поясами линейного и циркульного орнаментов. Нож с аналогичной рукоятью был найден при раскопках С.И. Руденко на старом остояцком кладбище Обдорска (Руденко, 19146. Рис. 3, г).

Рукоять аналогичной формы, но с иным сюжетом на клеймах была найдена в могиле в урочище Вылкар-Мыльк на р. Щучьей (Чернов, 1951а. С. 102—103).

Рукояти вышеописанной формы с расширенным навершием являлись, бесспорно, предметами массового русского ремесленного производства, изготовлялись разными мастерами, о чем свидетельствует различное качество изделий. Предметы данной типологической серии находились в обиходе хантов, проживающих близ Обдорска и в XX в. (этнографическая коллекция музея Коми-филиала Академии наук РАН в г. Сыктывкар).

55.5. № 507, погр. 56. Обкладка рукояти ножа, бронза, длина — 11,8 см, украшена поясами геометрического и растительного орнамента.

55.6. № 1515, погр. 151. Рукоять ножа, бронза, литье, длина — 14 см, имеет загнутое утолщенное навершие, украшена циркульным орнаментом.

Ножи (рис. 56, 57)

Ножи имеются в комплексах 54 погребений. Лезвия ножей различаются по ширине, длине, наличию или отсутствию уступа при переходе к черешку, наличию или отсутствию скоса спинки к лезвию. По-видимому, почти все ножи привозные, за исключением нескольких, переделанных из напильников. В описаниях путешественников (Кушелевский, 1868. С. 63) и этнографических исследованиях (Руденко, 19146. С. 4) отмечается наличие двух основных типов ножей: узких и

широких. Современные уроженцы Халас-Пугора также указывают на то, что ножи бывают именно этих двух типов. Узкий — для того чтобы закалывать оленя в сердце, широкий — для того чтобы ставить отметины на шкуре оленя (информатор А.М. Рочев).

56.1. № 1811, погр. 195. Нож с железной рукоятью, длина — 19,8 см. Лезвие закреплено в рукояти с помощью заклепок.

56.2. № 699, погр. 80. Нож с костяной рукоятью, длина — 25 см. Рукоять — две прямоугольные накладки скреплены с лезвием тремя заклепками. На лезвии имеется клеймо — круг с двойным ободком, внутри которого изображение льва, под ним надпись “ПАВЛА”. По-видимому, нож изготовлен кустарями, работавшими в районе с. Павлово на р. Оке — известном центре производства ножей в России в XIX в.

56.3. № 2333, погр. 247. Нож с костяной рукоятью, инкрустированной оловом, длина 26 см.

Данный экземпляр, судя по высокому качеству, является ремесленным изделием. Ножи со сходными рукоятями были в ходу у русских колонистов в Сибири уже в XVII в. (Исторический памятник русского арктического мореплавания XVII в. Табл. 2, 4). Исследователи отмечают, что, с одной стороны, аборигенные народы Сибири заимствовали технику инкрустации оловом от русских, но, с другой стороны, был распространен ввоз на Север ножей с инкрустированными оловом рукоятями русского производства (Иванов, 1963. С. 55). По данным С.И. Руденко, собранным в 1909 г., рукояти с инкрустацией оловом изготовлялись в небольшом количестве аборигенным населением — остяками и самоедами. Ножи с аналогичными рукоятями были найдены в могилах старого остояцкого кладбища Обдорска. (Руденко, 19146. С. 4).

56.4. № 1812, погр. 195. Нож с деревянной рукоятью, длина — 30 см, лезвие изготовлено из напильника. Изготовление остояцких ножей из напильников неоднократно отмечалось этнографами (Руденко, 19146. С. 4; Изделия остояцков Тобольской губернии, 1911. С. 127; Старцев, 1928. С. 42).

57.1. № 329, погр. 44. Нож с костяной рукоятью, длина — 13,5 см. Нож обнаружен в детском погребении, судя по небольшим размерам рукояти, это специальный детский нож.

57.2. № 2431, погр. 261. Нож железный, длина — 20,5 см. Лезвие с одной стороны украшено штампами в виде розеток, встреченных и на других изделиях из коллекции, в том числе на бронзовых украшениях.

57.3. № 375, погр. 46. Нож железный с деревянной рукоятью, украшенной оловянной инкрустацией. Длина — 23,5 см. На лезвии прослеживаются следы штампов, аналогичных 57.2.

57.4. № 2064, погр. 220. Нож железный с наборной рукоятью, состоящей из кружков, вырезанных из березовой коры. Длина — 24 см. Ножи с аналогичными рукоятями найдены и в других хантыйских могильниках XIX в. — в Обдорске (Руденко, 19146), у с. Перегребное выше по Оби (Морозов, 1981). Наборные рукояти из бересты были широко распространены в России в XIX в. Они встречаются не только у ножей, но и серпов. Аналогичная рукоять есть в этнографической коллекции из с. Дьяково, г. Москва, музей “Коломенское”.

57.5. № 2105, погр. 222. Нож железный с костяной рукоятью. Длина — 29,5 см.

Ножны (рис. 58)

Ножны имеются в 15 погребениях. Большинство из них деревянные, часто состоят из двух половинок, некоторые обтянуты кожей, поверх которой бываю еще закреплены медные пластинки (рис. 54). Деревянные ножны, тождественные найденным в могильнике Халас-Пугор, имеются в этнографических коллекциях, собранных у ненцев и северных хантов в начале XX в. (собрание Тобольского музея; Народы севера Сибири в коллекциях Омского музея, 1986. Прил., рис. 4).

58.1. № 1438, погр. 143. Ножны кожаные с тисненным орнаментом в виде звездочек. Длина — 21 см. Кожа, по-видимому, русской выделки (Руденко, 19146. С. 5).

58.2. № 1812, погр. 195. Ножны деревянные. Длина — 30 см.

Части “ружейного прибора” (рис. 59)

Предметы, связанные с огнестрельным оружием, встречены в десяти погребениях. Части ружей и ружейные кремни представлены единичными находками, в большем количестве встречены пороховницы. Атрибуция стеклянных пороховниц — предположительна, не исключено, что это табакерки.

59.1. № 314, погр. 41. Части пороховницы (обкладка и закрывающее приспособление), железо. Длина трубки — носика с клапаном (“петушок” — рус.) — 3,5 см. Пороховницы-натруски с плоским деревянным корпусом круглой формы, с

железным ободом и закрывающим устройством в виде трубки с пластинчатой пружиной фабричного и кустарного производства были распространены весьма широко, в том числе и в Западной Сибири. Их форма восходит к XVI в. Широко бытовали у народов Сибири во второй половине XIX — начале XX в. Ими пользовались как русские (Коровушкин, 1996), так и аборигены. Аналогичная вещь имеется в коллекции, собранной у остяков Сирелиусом (Sirelius, 1983. S. 282). Такие же имеются в Тобольском краеведческом музее (№ 9483) и Музее археологии и этнографии Сибири Томского университета (Каталог этнографических коллекций, 1979. С. 298), Омском музее (Народы севера Сибири в коллекциях Омского музея, 1986. Прил. С. 48), краеведческом музее г. Курган. Близкие по форме пороховницы В.Г. Богораз наблюдал у чукчей (Богораз, 1991. С. 96), а А.А. Попов у долган (Попов, 1958. С. 27). Для начала XX в. имеются данные о распространении у охотников-зырян как покупных, так и самодельных пороховниц рассматриваемого типа (Шухов, 1928).

59.2, 3. № 2849, погр. 309; № 1198, погр. 125. Ружейные кремни. Размеры: 3,4 × 2,7 см; 2,7 × 1,8 см.

59.4. № 2895, погр. 313. Фрагмент замка кремневого ружья. Длина — 8,7 см. Как свидетельствует А. Эрман, ружейные замки использовались не только по своему прямому назначению. Во время своей поездки по окрестностям Обдорска в 1828 г. Эрман видел ружейный замок, вплетенный в косу самоедки вместе с другими украшениями (Erman, 1833. S. 701).

59.5. № 2945, погр. 315. Пороховница деревянная имеет вид плоского флакона вытянутой восьмигранной формы, устье сделано из кости и имеет петлю для подвешивания. Длина — 17,5 см.

59.6. № 3022, погр. 320. Пороховница из розового стекла. Длина — 14,5 см. В Тобольском краеведческом музее имеются подобные пороховницы, сделанные на Аремзянском заводе (на Иртыше) во второй половине XIX в. Близкая по форме вещь темно-синего стекла была найдена в Москве в Александровском саду, возле башни Кутафьи (Коробков, 1936).

Табакерки из рога (рис. 60, 61)

Табакерки из рога, их фрагменты, подражания, выполненные из олова, встречены в 36 погребениях. Рожки с табаком отмечены В.Ф. Зуевым в 1771 г. (Зуев, 1947. С. 41). М.А. Коваль-

ский, зимовавший в Обдорске в 1848 г., упоминает рожок с табаком в перечне погребального инвентаря, который остяки обычно кладут в могилу (Ковальский, 1853. С. 26). Табакерки из коровьих рогов, инкрустированные оловом, встречены при раскопках старинных остяцких кладбищ возле с. Мужы (Sommier, 1885. P. 430) и в Обдорске. С.И. Руденко отмечал, что подобные табакерки ему не пришлось встретить в обиходе обследованных им групп остяков (Руденко, 1914б. С. 10). Отсутствуют они и в коллекциях других этнографов, посетивших Нижнюю Обь в конце XIX — начале XX в. Весьма вероятно, что данные изделия кустарного производства были привозными и изготовление их к началу XX в. было прекращено. В этнографических коллекциях, собранных у народов Сибири (ханты, долганы, шорцы и др.), имеются пороховницы из коровьих рогов, правда, без оловянной инкрустации, которые являлись необходимым элементом охотничьих поясов (Каталог этнографических коллекций Томского университета, 1979. С. 100, 248; Попов, 1958. С. 23). В связи с этим можно предположить, что некоторые из “табакерок” рассматриваемого типа использовались как пороховницы.

60.1. № 1817, погр. 197. Табакерка в виде рожка, олово. Длина — 18 см.

60.2. № 1212, погр. 126. Табакерка из коровьего рога, инкрустирована оловом. Длина — 18 см.

60.3. № 185, погр. 28. Табакерка из коровьего рога с оловянной инкрустацией. Длина — 19 см.

61.1. № 2065, погр. 220. Табакерка из коровьего рога, инкрустирована оловом. Длина — 13 см. Рог украшен композицией со схематическим изображением дерева, земли, на которой оно стоит, и зигзагообразной линией, проходящей над деревом, возможно, обозначающей небо.

61.2. № 2204, погр. 237. Табакерка из коровьего рога. Длина — 13,5 см. Орнаментальная композиция включает изображение дерева, стоящего на “земле”, групп кружков циркульного орнамента.

61.3. № 2507, погр. 274. Табакерка из коровьего рога. Длина — 24 см. Орнаментальная композиция включает изображение деревьев, стоящих на “земле” (три параллельные линии), и группы кружков циркульного орнамента.

61.4. № 1243, погр. 128. Табакерка из коровьего рога. Длина — 27 см. Орнамент представлен композициями из кружков разного диаметра. С.В. Иванов специально изучал данную табакерку и сходные с ней изделия и писал, что поряд-

ок расположения мотивов, соединенных в розетки, характерен для русской резьбы по кости XVIII — начала XIX в. По его предположению, данные табакерки были приобретены у русских и являются работой русских мастеров (Иванов, 1963. С. 65).

Стрелы (рис. 62)

Наконечники стрел имеются в комплексах 28 погребений коллекции. С учетом данных дневника Д.Т. Яновича, можно утверждать, что луки и стрелы были не менее, чем в 45 погребениях. Наиболее массовым типом являются крупные вильчатые срезни с упором при переходе к черешку или без него. Близкие по форме стрелы имеются в комплексах XVII в. (Исторический памятник русского арктического мореплавания, 1951. Табл. 4; Белов, Овсянников, Старков, 1981. Табл. 67). Подобные стрелы широко представлены в памятниках XVIII—XIX вв. различных регионов Западной и Восточной Сибири. Вильчатые срезни, тождественные найденным в могильнике Халас-Пугор, присутствовали среди инвентаря могил старого остяцкого кладбища в Обдорске (Руденко, 1914а. С. 6), в погребении, датирующемся серединой XIX в., раскопанном у р. Подьяха в устье Енисея (Музей антропологии и этнографии, кол. 6811). Данный тип стрел продолжал сохраняться в быту до конца XIX — начала XX в., они имеются в этнографических коллекциях (Sirelius, 1983; Sommier, 1885. P. 367; Дунин-Горкавич, 1911; Изделия остяков, 1911; Миддендорф, 1869. С. 600). А. Дунин-Горкавич свидетельствует, что наконечники стрел являлись предметом торга, а также изготавливались остяками самостоятельно путем перековки из лезвий ножей (Дунин-Горкавич, 1911. С. 100). Отметим, что по данным Д.Т. Яновича, шаман по имени Пикче-Ларку (погребение № 208) был кузнецом.

62.1. № 1658, погр. 166. Наконечник стрелы от лука, железо. Длина — 9,5 см. По данным А. Дунина-Горкавича, такие наконечники предназначались для охоты на белку (Дунин-Горкавич, 1911. С. 101).

62.2. № 2361, погр. 251. Наконечник стрелы от лука, железо. Длина — 20 см. По данным Дунина-Горкавича, такие наконечники предназначались для охоты на лису (Дунин-Горкавич, 1911. С. 101).

62.3. № 2337, погр. 247. Наконечник стрелы от лука, железо. Длина — 16 см.

62.4. № 2362, погр. 251. Наконечник стрелы от ловушки-самострела, железо. Длина — 24 см.

62.5. № 2176, погр. 233. Наконечник стрелы от лука, железо. Длина — 8 см. Срезни данной формы в виде узкой лопаточки были широко распространены в Евразии с эпохи средневековья. Подобные стрелы имеются в остяцких могильниках XVII в., расположенных в Томском Приобье — Пачанга, Березовая грива и др. (Томский областной краеведческий музей, кол. 1498; Музей археологии и этнографии Сибири Томского университета, кол. 6710), есть они и в могильнике XVIII в. Кыштовка 2 на р. Тара (Молодин, 1979. С. 170).

62.6. № 2335, погр. 247. Наконечник стрелы от лука, железо. Длина — 13 см. Признаки: вытянутое жаловидное лезвие ромбического сечения, расширенное внизу. Аналогичные наконечники известны по находкам XVII в. на острове Фаддея (Руденко, Станкевич, 1951. С. 99), в Мангазее (коллекция Государственного исторического музея М-70/44). Возможно, данный тип появился в Сибири вместе с русскими. По данным А. Дунина-Горкавича, в конце XIX — начале XX в. такие наконечники использовались для охоты на тетерева, утку (Дунин-Горкавич, 1911. С. 101).

62.7. № 620, погр. 73. Фрагмент древка стрелы, дерево. Длина — 26 см.

Снежные очки, пластины для защиты руки при стрельбе из лука (рис. 63)

Снежные очки и пластины для защиты руки при стрельбе из лука — редкие категории вещей в инвентаре могильника. Очки есть лишь в одном погребении, пластины — в двух.

63.1. № 2222, 2223, погр. 241. Очки для защиты глаз от сверкания весеннего снега, бронза. Размеры — 9 × 6 см. Аналогичные изделия имеются в этнографических коллекциях, собранных у различных народов циркумполярного Севера. Тобольским музеем были приобретены в Обдорске очки, сделанные из жести, нашитой на кожу, и опушенные мехом (Изделия остяков Тобольской губернии, 1911. С. 132).

63.2. № 2367, погр. 252. Пластина для защиты руки при стрельбе из лука (?), бронза. Размеры — 11,5 × 6,5 см. Пластина орнаментирована рядами точек, линий и серповидных элементов. Аналогичная пластина с близким орнаментом и прорезью в центре была обнаружена в погребении середины XIX в. у р. Подьяха в устье Енисея (Музей антропологии и этнографии, кол. 6811).

63.3. № 2892, погр. 313. Пластина для защиты руки при стрельбе из лука, бивень мамонта (?). Размеры 8,3 × 4,5 см. Аналогичные пластины, сделанные из кости, рога или бронзы были найдены в Мангазее (Белов, Овсянников, Старков, 1981. Табл. 65) среди находок XVII в. на острове Фаддея (Исторический памятник русского арктического мореплавания XVII в., 1951. С. 234), в остяцких погребениях в Обдорске (Руденко, 19146. С. 6, 7). Древнейшие щитки в Сибири датируются I тыс. н.э. (Руденко, Станкевич, 1951. С. 102). Они мало отличаются от тех, что были собраны этнографами в XIX—XX вв. (Sommier, 1885. P. 365; Каталог этнографических коллекций, 1979. С. 234; Изделия остяков, 1911. С. 129), в Сибири распространены повсеместно (Антропова, 1957. С. 191).

Изделия из дерева (рис. 64)

64.1. № 1957, погр. 207. Мерка для настораживания самострела, определяющая высоту полета стрелы, дерево. Длина — 25 см, в расширенном конце имеется воронкообразное углубление. На рукояти имеется засечка, которая, видимо, являлась отметкой для установки самострела. В могильнике одинаковые мерки встречены в двух погребениях. Аналогичная была приобретена Сирелиусом при путешествии на р. Васюган (Sirelius, 1983. S. 271), есть они и в коллекции Тобольского музея (Дунин-Горкавич, 1911).

64.2. № 3251, погр. 345. Часть деревянного молотка (?) в виде бочонка. Размеры 9,7 × 6 см.

64.3. № 3190, погр. 337. Футляр с подвижными боковыми стенками и петлей для подвешивания, дерево. Размеры 18 × 7 × 4,3 см. На одной стороне вырезаны тамгообразные знаки. Возможно, предназначен для хранения колоды карт.

Изделия из дерева и кости (рис. 65)

65.1. № 412, погр. 50. Футляр (табакерка) из плюсовой кости северного оленя. Длина — 22 см. Аналогичная табакерка была приобретена Соммье в 1880 г. у самоедов в дельте Оби (Sommier, 1885. P. 431).

65.2. № 422, погр. 52. Рукоять (?) с нарезками для счета (?), кость. Длина — 6,9 см.

65.3. № 396, погр. 49. Рукоять (?), дерево. Длина — 11 см.

65.4. № 1702, погр. 184. Крышка (?) с отверстием для петли, кость. Размеры 3,5 × 2,5 см.

65.5. № 2009, погр. 215. Крышка-затычка (?) с отверстием для петли, кость. Диаметр — 1,5 см.

Изделия из железа (рис. 66)

66.1. № 2422, погр. 258. Замок, железо. Размер 5,5 × 7,5 см.

66.2. № 2423, погр. 258. Ботало, с петлей для подвешивания, железо. Размер 15 × 9 см.

Оленья упряжь (рис. 67–73)

Детали оленьей упряжи сохранились в комплексах 56 погребений и являются одной из наиболее часто встречаемых групп вещей в погребениях (необходимо учитывать, что некоторые крупногабаритные детали оленьей упряжи, обнаруженные при раскопках, были утрачены при транспортировке и хранении коллекции). Они представлены костяными, деревянными и бронзовыми блоками, железными, костяными и бронзовыми пластинами от недоузтков, медными и железными “халцалуями” — скобами и вертлюгами для поддержания вожжи передового оленя, способ использования которых описан Н.В. Лукиной (Лукина, 1985. С. 31, 32, 339), железными цепями, широкими кожаными лямками, а также колокольчиками.

Медные части упряжи завозились из Европейской России (колокольцы из г. Слободского Вятской губ.), изготавливались в Тобольске (в инвентарной книге Тобольского музея, начатой в 1910 г., под № 5481 значатся “медные приборы оленьей упряжи, употребляемые самоедами, изготавливаются медниками в Тобольске, предмет торго”). В коллекции Тобольского музея имеются украшения оленьей упряжи (№ 1524), сделанные в мастерской Степанова в Тобольске (Дунин-Горкавич, 1911. С. 125). Исследователи конца XIX — начала XX в. отмечали, что медные детали оленьей упряжи, распространенные в низовьях Оби, изготавливались зырянами (Руденко, 19146. С. 11). Финш упоминает мастера-зырянина, проживавшего в Обдорске (Finsch, 1879. S. 455). Для датировки медных деталей оленьей упряжи, найденных в 1909 г. в могильнике Халас-Пугор и других памятниках, существенно, что описаний подобных вещей нет в работах XVIII в. В.Ф. Зуев, посетивший окрестности Обдорска в 1771 г. и уделивший специальное внимание описанию принадлежностей оленьей упряжи, наблюдал лишь изделия из кости и дерева.

67.1, 2. № 1872, погр. 197. Лямка кожаная, одевавшаяся на спину оленя, с прикрепленным к ней бронзовым вертлюгом для вожжи. Длина ремня — 77 см, ширина — 13,5 см. На коже имеется тиснение. Аналогичные лямки были встречены С.И. Руденко в остяцких погребениях в Обдорске. Он отмечает, что кожа русской выделки (Руденко, 19146. С. 10).

68.1. № 3417, погр. 358. Скоба “халцалуи” (пластина изогнутой формы), прикреплявшаяся к лямке на спине, на которой лежала вожжа передового оленя, медь. Длина — 20 см. Лицевая часть украшена рельефными литыми изображениями — в центре, в круге — личина (мужское лицо с бородой), по краям — медальоны с изображениями льва.

68.2. № 3033, погр. 323. Скоба “халцалуи”, прикреплявшаяся к лямке на спине оленя, медь. Длина — 20 см. На лицевой стороне растительный орнамент. Аналогичные были найдены на кладбище Обдорска (Руденко, 19146. С. 11). Близкое по форме изделие имеется в этнографической коллекции Тобольского музея (№ 1548/2329, приобретение 1897 г.). Кожаные лямки с медными скобами, собранные на севере Западной Сибири, имеются в коллекциях Омского музея (Народы севера Сибири в коллекциях Омского музея, 1986. Прил., рис. 14).

68.3. № 2432, погр. 261. Вертлюг для поддержания вожжи, медь. Состоит из диска диаметром 10,5 см и соединительной части для крепления к лямке упряжи и колец.

69.1. № 1570, погр. 159. Скоба, прикреплявшаяся к лямке на спине оленя, для поддержания вожжи, железо. Длина — 16,5 см.

69.2. № 2665, погр. 290. Деталь оленьей упряжи, железо. Длина — 16 см.

69.3. № 1487, погр. 149. Скоба, прикреплявшаяся к лямке на спине оленя для поддержания вожжи, железо. Длина — 23 см.

70.1. № 1780, погр. 194. Пластина — часть оленьей упряжи, закреплявшаяся на голове оленя, кость. Длина — 15,5 см.

70.2. № 1788, погр. 194. Пластина — часть оленьей упряжи, закреплявшаяся на голове оленя, кость. Длина — 16,5 см.

70.3. № 1784, погр. 194. Пластина — часть оленьей уздечки, кость. Длина — 14 см.

70.4. № 1781, погр. 194. Изогнутая пластина — часть оленьей узды, закреплявшаяся на голове оленя, кость. Длина — 21 см. Аналогичные предметы известны по находкам в археологических памятниках севера Западной Сибири XVII–XVIII вв. и более ранних — Мангазея (Белов, Овсянников, Старков, 1981. Табл. 60),

городище Мань-Няслан-тур (Чернецов, 1957. Табл. 46), Надымское городище (Кардаш, 2001). Имеются они и в комплексах конца XIX — начала XX в., например, могильник Тоньяха на левом берегу реки Таз (Зах, 2001).

70.5. № 1129, погр. 121. Изогнутая пластина — часть оленьей узды, закреплявшаяся на голове оленя, железо. Длина — 17 см.

70.6. № 3118, погр. 331. Изогнутая пластина — часть оленьей узды, закреплявшаяся на голове оленя, медь. Длина — 22 см.

71.1. № 2785, погр. 305. Крючок для распутывания узлов (?), олений рог. Длина — 14 см.

71.2. № 2934, погр. 314. Штырь, кость. Длина — 12 см.

71.3. № 1443, погр. 147. Деталь оленьей узды, рог. Длина — 25 см.

71.4. № 1442, погр. 147. Деталь оленьей узды (?), рог. Длина — 35 см.

72.1. № 1896, погр. 199. Блок для крепления оленьей упряжи к нартам, дерево. Длина — 12 см. Аналогичные изделия имеются как в археологических памятниках XVII в. (Белов, Овсянников, Старков, 1981. Табл. 60), так и в этнографических коллекциях, собранных в Тобольской губ. в начале XX в. (Народы севера Сибири в коллекциях Омского музея. 1986. С. 83, 241).

72.2. № 1762, погр. 194. Блок для крепления оленьей упряжи к нартам, дерево. Длина — 20 см.

72.3. № 1991, погр. 213. Блок для крепления оленьей упряжи к нартам, дерево. Длина — 25 см.

72.4. № 3115, погр. 331. Блок для крепления оленьей упряжи к нартам, медь. Длина — 23 см.

73.1. № 2388, погр. 256. Цепь от оленьей упряжи, железо. Длина — 73 см. Тождественные цепи были найдены С.И. Руденко на остяцком кладбище Обдорска. В 1909 г. подобные цепи сохранялись в быту, с их помощью упряжные олени за узду привязывались к спинной лямке впереди идущего оленя (Руденко, 19146. С. 10).

73.2. № 160, погр. 25. Цепь от оленьей упряжи (?), медь. Длина — 52 см.

73.3. № 3053, погр. 327. Цепь, медь. Длина — 9 см. Звенья цепи выполнены в зооморфном стиле.

73.4. № 2282, погр. 245. Цепь, железо. Длина 16 см.

Наконечники хореев, пешня (рис. 74)

Наконечники хореев есть в комплексах четырех погребений, в том числе в могильниках Юм-барада-Хальмээр и Яга-Няу Хальмээр. Аналогии имеются в этнографических коллекциях, соб-

ранных на севере Западной Сибири (фонды краеведческих музеев г. Салехарда, Дудинки; см.: Попов, 1958. С. 21). Хорей с железным наконечником был описан Ю.И. Кушелевским (Кушелевский, 1868. С. 62), зарисован О. Финшем в 1876 г. (Finsch, 1879. S. 481), который отмечал, что железные наконечники хореев в форме копья были грубой русской работы (Финш, Брэм, 1882. С. 408).

74.1. № 2970, погр. 318. Наконечник хороя (шеста для управления оленями) втульчатый с листовидным пером, имеющим продольное ребро, железо. Длина — 36 см.

74.2. № 2334, погр. 247. Наконечник хороя, черешковый, железо. Длина — 28 см. Данное изделие по форме нельзя отличить от наконечника копья. Наконечники копий подобной формы известны по этнографическим коллекциям, собранным у более южных групп хантов (Sirelius, 1983. S. 291).

74.3. № 2426, погр. 260. Пешня, инструмент для долбления льда, железо. Встречены в двух погребениях. Длина — 24,5 см. Аналогичная была найдена на остяцком кладбище в Обдорске (Руденко, 19146. С. 3). Имеется подобный инструмент и в материалах из раскопок Мангазеи (Исторический музей, Москва, кол. М-69 № 1171).

Топоры (рис. 75)

В коллекции сохранилось лишь 2 топора, что не отражает частоту встречаемости данной категории инвентаря в погребальных комплексах. Судя по имеющимся чертежам, топоры присутствовали примерно в каждом третьем погребении, отличались хорошей сохранностью рукоятей. По-видимому, они были утрачены вместе с большинством других крупногабаритных изделий. С.И. Руденко отмечал, что топоры являлись необходимой принадлежностью каждого раскопанного им остяцкого погребения (Руденко, 19146. С. 3).

75.1. № 2172, погр. 233. Топор, железо. Размеры — 14 × 14 см. С обеих сторон лезвия имеются клейма, что, по-видимому, свидетельствует о том, что данный топор фабричного, а не кустарного производства.

75.2. № 2198, погр. 235. Топор, железо. Размеры — 14 × 15 см. Клейма отсутствуют. Аналогичные топоры были найдены С.И. Руденко и У.Т. Сирелиусом на остяцком кладбище Обдорска (Руденко, 19146. С. 3; Сирелиус, 1907. Рис. 83).

Инструменты (рис. 76)

76.1. № 3216, погр. 340. Сверло лучковое, железо, дерево. Длина сверла с рукоятью — 31 см, длина лучка — 43 см. Лучковые сверла имеются в двух погребениях.

Сверла данного типа были широко распространены на севере Западной Сибири в XIX—XX вв. С.И. Руденко и У.Т. Сирелиус приводят сведения, что русское население называло эти сверла “остяцкими” (Руденко, 19146. С. 6; Сирелиус, 1907. С. 68). Многочисленные аналогии имеются в этнографических коллекциях, в том числе и собранных в Обдорске в начале XX в. (Народы севера Сибири в коллекциях Омского музея, 1986. С. 62, 235). Современные жители Халас-Пугора легко опознавали лучковое сверло по фотографии и говорили, что сами изготавливали такие же.

76.2. № 2891, погр. 313. Рубанок, дерево, железо. Длина — 18 см. В коллекции имеется один экземпляр. Судя по грубости отделки можно предположить, что рубанок местного изготовления. Рубанки входили в набор инструментов, использовавшихся в XIX — XX вв. в хозяйстве коренных жителей севера Западной Сибири, и представлены в этнографических коллекциях (Народы севера Сибири в коллекциях Омского музея, 1986. С. 169).

76.3. № 2101, погр. 221. Рукоять от инструмента типа напильника, дерево. Выточена на токарном станке (?). Длина — 9,4 см.

76.4. № 798, погр. 94. Шило четырехгранное, железо; рукоять деревянная самодельная. Длина с рукоятью — 7,6 см.

Струг и скобель (рис. 77)

Струги сохранились лишь в пяти погребениях, но изначально они были в значительно большем числе могил, многие из них были утрачены при перевозке и хранении коллекции.

77.1. № 1735, погр. 193. Струг для первичной обработки шкур, железо, дерево. Длина рукояти — 49 см, длина лезвия — 8,5 см. Данный “обдорский” тип стругов, отличающихся малой изогнутостью лезвия, был описан У.Т. Сирелиусом, побывавшем в Обдорске и его окрестностях в 1899—1900 гг. (Сирелиус, 1906. С. 12). Аналогичный струг имеется в этнографической коллекции, собранной Н.Г. Кудриным в 1916—1917 гг. в низовьях Оби севернее Обдорска (Народы севера Сибири в коллекциях Омского музея, 1986. С. 62, 63, 233). Имеются данные как о ввозе стругов в Обдорск торговцами

(Миненко, 1975. С. 71), так и об их изготовлении остяками (Изделия остяков, 1911. С. 14).

77.2. № 1961, погр. 210. Скобель, употребляемый для вторичной обработки шкур после выделки их стругом, железо. Длина — 53 см. В коллекции сохранился один экземпляр.

77.3. № 4354. Рукоять скобеля, дерево. Длина 61 см. Предмет происходит из этнографической коллекции, собранной Д.Т. Яновичем.

Предметы, связанные с женским рукоделием (рис. 78)

Наперстки имеются в комплексах 18 погребений. Большинство наперстков — сквозные, без доньшка. В одном случае наперсток был нашит на пояс как украшение. Хранились наперстки в маленьких кожаных мешочках. Массовый экспорт наперстков в Сибирь начался с XVII в., что зафиксировано археологически по материалам могильников коренного населения (Дульзон, 1955; Молодин, 1979; Кренке, 1984). О. Финш отмечал в 1876 г., что туземцы севера Западной Сибири охотно берут наперстки без доньшка в качестве обменного товара и используют их как украшения (Finsch, 1879. S. 390, 535).

78.1. № 1816, погр. 212. Мешочек для наперстка, кожа. Размер 4,2 × 4,2 см. Аналогичные были найдены на остяцком кладбище в Обдорске (Руденко, 19146. С. 16).

78.2. № 2030, погр. 217. Наперсток без доньшка, медь. Диаметр — 1,9 см.

78.3. № 2667, погр. 290. Наперсток с выпуклым донцем, медь. Диаметр — 1,7 см.

78.4. № 3163, погр. 332. Кошелек, украшенный орнаментом, кожа. Прошит нитками из сухожилий оленя. Размеры — 9 × 10 см.

78.5. № 1960, погр. 209. Мешочек, кожа. Размеры 6 × 10 см.

“Бёрдо” — приспособление для изготовления тесьмы, поясов и циновок (рис. 79)

79. № 1813, погр. 195. Бёрдо (сахал), дерево. Размер — 20,5 × 22 см. В могильнике встречены в трех погребениях. Тожественные по форме приспособления для плетения тесьмы и циновок были описаны У.Т. Сирелиусом, наблюдавшим их у остяков на р. Вах (Сирелиус, 1906. Рис. 65). Аналогичным инструментом пользовались ненцы и зыряне (Старцев, 1930. С. 61). У остяков сохранялись в быту и в середине XX в.

Кухонная утварь (рис. 80)

80.1. № 2897, погр. 313. Ушко котла, железо. Размеры — 6 × 5 см. В коллекции сохранился этот единственный фрагмент котла. Судя по чертежам и описаниям Д.Т. Яновича, котлы имелись во многих погребениях, но, по-видимому, из-за своей массивности и плохой сохранности не были взяты в коллекцию.

При раскопках остяцкого кладбища Обдорска также было установлено, что котлы или железные ведра являлись неперенным элементом погребального инвентаря (Руденко, 1914б. С. 8). До сих пор на старом кладбище в Халас-Пугоре можно увидеть железные и бронзовые котлы в разрушившихся от времени погребальных сооружениях (рис. 22).

80.2. № 2210, погр. 238. Крюк для вытаскивания мяса из котла (?), железо. Длина — 55 см. Встречен в двух погребениях.

80.3. № 3383, погр. 353. Крюк для подвешивания котла, железо. Длина — 40 см. Встречен в одном погребении. В этнографических описаниях упоминаются лишь деревянные крюки для подвешивания котлов, однако, по-видимому, существовали и железные.

80.4. № 1738, погр. 193. Штырь с отверстием, железо. Длина — 36 см.

Бронзовые ложки (рис. 81)

Бронзовые ложки встречены в четырех погребениях, все они, судя по форме, датируются XIX в.

81.1. № 293, погр. 40. Ложка, бронза. Длина — 22 см.

81.2. № 2530, погр. 277. Ложка, бронза. Длина — 19,5 см.

81.3. № 1141, погр. 121. Ложка, бронза. Длина — 21 см. На ручке имеется фабричное клеймо с буквами, которые предположительно читаются как "MISZ".

Деревянные ложки (рис. 82)

Столовые деревянные ложки встречены в 19 погребениях, подразделяются на привозные (с росписью, покрыты лаком) и ложки, возможно, местного происхождения грубой работы, без лакового покрытия, с короткой ручкой. Привозные ложки численно преобладают. По свидетельству Губарева, деревянные ложки являлись ходовым товаром на Обдорской ярмарке, который раскупался остяками и самоедами (Губарев, 1863.

С. 225). В дневниковых записях Д.Т. Яновича при описании погребений отмечены ложки русской и зырянской работы (погр. № 205).

82.1. № 1711, погр. 187. Ложка, дерево. Длина — 17 см. На ложке имеются следы коричневой краски.

82.2. № 1288, погр. 133. Ложка, дерево. Длина — 17 см. На ложке имеются следы росписи красной краской.

82.3. № 628, погр. 74. Ложка, дерево. Длина — 13 см.

82.4. № 533, погр. 103. Ложка, дерево. Длина — 15 см. На ложке есть следы лакового покрытия и росписи.

82.5. № 144, погр. 21. Ложка-черпак, дерево. Длина — 23 см.

Ложки-черпаки (рис. 83)

Большие ложки-черпаки являлись характерным элементом кухонной утвари хантов и ненцев (Руденко, 1914б. С. 9). В коллекции имеются в четырех погребениях. Вероятно, они местного производства. Такие черпаки присутствуют в этнографических коллекциях, собранных в различных местностях по Оби в начале XX в., их назначение — извлечение рыбы, жира из котла (Народы севера Сибири в коллекциях Омского музея, 1986. С. 78, 79, 235, 240).

83.1. № 1287, погр. 133. Ложка-черпак, дерево. Длина — 28 см.

83.2. № 1687, погр. 177. Ложка-черпак, дерево. Длина — 46 см.

Ковши (рис. 84)

Железные ковши имеются в трех погребениях и представлены двумя разновидностями — с длинной ручкой и округлым дном и с укороченной ручкой и уплощенным дном. Ковши последней разновидности имеют следы росписи красной, черной, золотой краской. Все они, несомненно, русского производства. В погребении на р. Подьяха в устье Енисея подобный ковш встречен с табакеркой 1834 г. (Музей антропологии и этнографии в Санкт-Петербурге, кол. № 6811). Аналогичный ковш происходит из хантыйского могильника XIX—XX вв. Перегребное-9 на Оби (Морозов, 1981).

84.1. № 2594, погр. 281. Ковш, железо. Длина — 21 см. Внутри ковша сохранились остатки росписи — пятна красной краски на черном фоне.

84.2. № 2398, погр. 257. Ковш, железо. Длина — 40 см.

Медная посуда (рис. 85)

Медные ковшики встречены в шести погребениях. Все они изготовлены из ковванной меди, внутри некоторые сохранили следы лужения. Медные миски есть в трех погребениях.

85.1. № 842, погр. 97. Ковшик, медь. Длина — 16 см.

85.2. № 3119, погр. 331. Ковшик, медь. Длина — 21,5 см.

85.3. № 568, погр. 69. Миска, медь. Диаметр — 10 см.

85.4. № 2425, погр. 260. Миска, медь. Диаметр — 17 см.

Фарфоровая посуда (рис. 86—88)

Фарфоровая чайная посуда — чашки, блюдца, крышечка от чайника имеются в комплексах пяти погребений коллекции. По данным дневника Д.Т. Яновича, фарфоровая посуда присутствовала в 23 погребениях. Исследователи начала XIX в. отмечали, что даже для остяцкого князя Тайшина употребление чайной чашки было столь непривычно, что он не умел держать ее в руках (Белявский, 1833. С. 54). К началу XX в. чайная посуда стала непременным атрибутом быта “инородцев” Нижней Оби (Руденко, 1914б. С. 10).

86.1. № 510, погр. 56. Чашка, фарфор. Высота — 6 см, диаметр — 8,5 см. Крышке кобальтом подглазурное, полихромная роспись и позолота подглазурная. Россия, Гжель, завод Гавриила Антоновича Маркова, 1860—1890-е годы.

86.2. № 2965, погр. 316. Блюдце, фарфор. Диаметр — 14 см. Полихромная роспись. Россия, Дмитровский завод в Вербилках (бывш. Гарднера) “Товарищества Матвея Сидоровича Кузнецова”, 1892—1917 гг.

87.1. № 3221, погр. 340. Чашка, фарфор. Высота — 7,2 см, диаметр — 7,5 см. Россия, Гжель. Завод Мефодия Васильевича Дунашова, конец 1850-х — 1870-е годы.

87.2. № 3222, погр. 340. Блюдце, фарфор. Диаметр — 14 см. Россия, Гжель, вторая половина XIX в.

88.1. № 1944, погр. 202. Чашка, фарфор. Высота — 6,5 см, диаметр — 7,8 см. Роспись коричневой и зеленой краской. Россия, Гжель, вторая половина XIX в.

88.2. № 2108, погр. 223. Фрагмент керамического блюда, желтая подглазурная роспись, фон — коричневая полива. Размеры 9,5 × 12 см.

88.3. № 1693, погр. 181. Горшочек керамический (чернильница?), коричневая полива. Высота — 5,7 см, диаметр — 5 см.

Посуда (рис. 89)

89.1. № 3384, погр. 353. Чаша из черепа. Диаметр — 9 см.

89.2. № 2966, погр. 316. Горшок, глина. Высота — 7,5 см, максимальный диаметр — 12,5 см.

Изделия из стекла (рис. 90, 91)

Стеклянная посуда и ее фрагменты имеются в десяти погребениях. Н.Л. Гондатти, посетивший Обдорск в 1885/86 г., писал о развитии среди аборигенов стремления к роскоши, которое выразилось, в частности, в распространении стеклянных украшений (Гондатти, 1888а. С. 29).

90.1. № 437, погр. 54. Рюмка, стекло. Высота — 9,5 см, диаметр — 5,4 см. Россия, 1830—1840-е годы. В могильнике на р. Чая в Томской обл. стеклянный кубок, декорированный сходным образом, был найден в погребении с монетами 1828—1835 гг. (Ожередов, 1989).

90.2. № 320, погр. 42. Рюмка, стекло. Высота — 9 см, диаметр — 5 см. Россия, первая половина XIX в.

90.3. № 3189, погр. 337. Тулово бокала, стекло, шлифовка, гравировка, ножка отпилена. Высота — 10,5 см, диаметр — 8 см. Россия, середина XVIII в.

90.4. № 2587, погр. 279. Флакон, стекло, дутье в форме. Россия (?), вторая половина XVIII в.

91.1. № 2236, погр. 242. Фрагмент штофа с клеймом “RFAY”, зеленое стекло. Размер 4,7 × 3,5 см.

91.2. № 2421, погр. 257. Флакон, зеленое стекло. Высота — 9,3 см.

91.3. № 3250, погр. 345. Бутылка, зеленое стекло. Высота — 17 см.

91.4. № 2884, погр. 312. Штоф, зеленое стекло. Высота — 17 см. На боковой стенке имеется клеймо — “ТГАШ/50”.

Деревянная посуда (рис. 92—94)

Деревянная посуда имеется в комплексах 24 погребений коллекции. Она представлена разнообразными чашками и ковшками (есть в 19 погребениях), корытцами для еды (имеются в пяти погребениях). Судя по дневниковым описаниям

Д.Т. Яновича, деревянная посуда (чаши, тарелки, рюмочки, корытца для еды) присутствовала не менее, чем в 124 погребениях. Видимо, большую часть ее не удалось взять в коллекцию. Письменные источники свидетельствуют о развитии товарном производстве в XIX в. деревянной посуды в различных частях Тобольской губернии (Памятная книжка Тобольской губернии на 1884 г., 1884. С. 148). В северной части губернии — в Сосьвинской, Подгородной и Куноватской волостях Березовского округа, расположенных сравнительно недалеко от Обдорска, существовали “крестьянские” промыслы по изготовлению деревянных корыт, чашек, а также ложек и ковшей из корней березы. Деревянные чашки были ходовым товаром на Обдорской ярмарке (Губарев, 1863. С. 224). Эта же продукция изготавливалась и “инородцами” (Скалозубов, 1895. С. 92), Финш утверждал даже, что вся деревянная посуда русских на верхней Оби изготовлена остяками (Finsch, 1879. S. 523). Для бытовой утвари населения, обитавшего в низовьях Оби, как хантов, так и ненцев, были характерны плоские корытца, из которых ели вареную рыбу (Бартенев, 1896. С. 73). Д.Т. Янович в своих описаниях отмечает чаши “владимирского типа”, “тобольской работы”. Аналогии экземплярам, имеющимся в коллекции из могильников, раскопанных в 1909 г., есть в этнографических коллекциях, собранных в различных местах по рекам Оби, Надыму, Полую в конце XIX — начале XX в. (Каталог этнографических коллекций музея Томского университета, 1979. С. 281; Народы севера Сибири в коллекциях Омского музея, 1986. С. 77, 173, 174, 239, 281). Ковши были также найдены при раскопках хантыйского кладбища в Обдорске (Руденко 19146. С. 9).

92.1. № 337, погр. 44. Чашка, дерево (березовый корень). Высота — 2,5 см, диаметр — 6 см.

92.2. № 2212, погр. 238. Чашка, дерево. Высота — 3,5 см, диаметр — 5,5 см.

92.3. № 2019, погр. 216. Чашка, дерево. Высота — 3 см, диаметр — 6 см. На стенках следы красной краски.

92.4. № 1742, погр. 193. Чашка, дерево. Высота — 5 см, диаметр — 11,5 см. Окрашена красной краской.

92.5. № 2028, погр. 217. Корытце для еды, дерево. Размеры — 8,5 × 5 см.

92.6. № 3075, погр. 329. Корытце для еды, дерево. Размеры — 11,5 × 20 см.

93.1. № 1741, погр. 193. Миска, дерево (березовый корень). Высота — 4,8 см, диаметр — 13 см.

93.2. № 701, погр. 80. Рюмка, дерево. Высота — 5 см, диаметр — 2,8 см.

93.3. № 2702, погр. 299. Миска, дерево. Высота — 8,2 см, диаметр — 19,2 см.

94.1. № 1363, погр. 138. Ковш, дерево, украшен резьбой. Размеры — 17 × 10 × 5 см. Ручка отломана.

94.2. № 2123, погр. 228. Фрагмент предмета неизвестного назначения, дерево, украшен резьбой. Длина — 16 см.

94.3. № 1213, погр. 126. Ковш в виде фигурки птицы, дерево. Диаметр — 10 см, высота — 10 см.

Культовая посуда (рис. 95)

95.1. № 2405, погр. 257. Тарелочка с изображением сцены охоты человека с луком на оленя (лося?), медь, чеканка. Диаметр — 9,7 см. Сбоку на тарелке имеется отверстие для подвешивания, что свидетельствует о неутилитарном использовании. Около десятка тарелочек с иконографически тождественным изображением известно по описаниям и находкам в низовьях Оби в районе Обдорска. По предположению Н.Ф. Прытковой, они производились в каком-то одном центре (Прыткова, 1949. С. 46). На некоторых тарелочках выбита дата — 1834 г. Подобные культовые тарелочки находились в обиходе до начала XX в. Тобольский музей приобрел одну из них в 1903 г. (№ 3890/1694). В инвентарной книге музея № 2 отмечено, что тарелочка происходит из Березовского уезда и датирована 1840-ми годами.

95.2. № 2284, погр. 245. Чарка (водочная), латунь (?) чеканка, гравировка. Высота — 3,7 см, диаметр — 5 см. Вторая половина XVIII в. В категорию культовой посуды данное изделие отнесено условно. Однако, не имея прямых доказательств, мы можем предположить культовое использование предмета, учитывая особое значение изображений птиц в культовой практике угорских народов (Анучин, 1899), а также то, что чарка явно древнее комплекса держащего ее погребения.

Изделия из бересты (рис. 96)

Орнаментированные изделия из бересты (не считая табакерок) присутствовали, по крайней мере, в 16 погребениях, что удалось установить по описям и старым фотографиям коллекции. В настоящее время они имеются лишь в пяти погребениях. В сохранившейся коллекции предста-

влены лишь коробочки прямоугольной формы, тогда как, судя по фотографиям, ранее в коллекции были и сосуды цилиндрической формы.

96.1. № 2151, погр. 231. Фрагмент коробки (чумашки), береста, орнамент выполнен при помощи выскабливания. Размеры 7 × 5 см.

96.2. № 1285, погр. 133. Коробка прямоугольной формы — чумашка, береста, орнамент нанесен с помощью коричневой краски и выскабливания. Размеры — 10 × 9 см.

96.3. № 1659, погр. 166. Коробка прямоугольной формы (развернута), береста, орнамент нанесен с помощью коричневой краски и выскабливания. Размер — 17 × 17 см. Аналогичная найдена на Надымском городище (Кардаш, 2001. Фото 187).

Гребни (рис. 97)

Гребни встречены в восьми погребениях, они изготовлены из меди или рога. По всей вероятности, гребни привозные. В конце XIX в. в Тюменском округе Тобольской губ. существовало местное производство гребней из рога до 9 тыс. штук в год (Скалозубов, 1895. С. 29), что, конечно, не могло обеспечить 700-тысячное население губернии.

97.1. № 3876, погр. 24. Гребень, медь, размеры 4,5 × 4 см. Тождественные гребни были распространены очень широко. Они обнаружены на пространстве от Карелии (Sirelius, 1915), севера Тверской области (дореволюционная находка из города Весьегонска — экспонат Тверского краеведческого музея № 1493/6870), Чебоксар на Волге (Краснов, Каховский, 1978. С. 140) до Южной Сибири (Левашова, 1939. С. 61). Аналогичные гребни имеются в этнографических коллекциях, собранных у марийцев, удмуртов и свадебном женском костюме мордвы-мокши (Калашников, Плужникова, 1990. С. 99). Один гребень найден в удмуртском могильнике Узей-Тукля, в погребении с монетой 1840 г. (Шутова, 1992. С. 41). Один гребень из Чердынского уезда есть в коллекции И.Н. Новокрещенных, хранящейся в краеведческом музее Екатеринбурга (№ СМ 12321). Три случайные находки гребней данного типа происходят из Башкирии (Исмагилов, 1995. С. 141), одна — из Оренбургской области (Sirelius, 1915).

Из Западной Сибири происходит случайная находка из села Редькино Белозерского района Курганской области (Краеведческий музей г. Курган, ОФ № 27560). Эти же гребни нашивались на праздничную одежду хантов Березовско-

го округа Тобольской губ. (Тобольский музей, № 1999/1624).

Ареал распространения убеждает нас в том, что это один из товаров русской торговли. Почти тождественная форма у всех экземпляров, возможно, указывает на какой-то один, пока не известный нам центр производства.

Эти гребни интересны тем, что их форма, вероятно, не случайно воспроизводит схему гребней-амулетов с парными конскими головами, встреченных в древнерусских комплексах XI–XII вв. (Rybakov, 1971. Р. 97; Недошивина, 1997). Возможно, что в XIX в. производители подвесок в виде гребней-амулетов вполне сознательно ориентировались на древние языческие образцы, создавая товары, предназначенные для торговли с “инородцами”.

97.2. № 2679, погр. 292. Гребень, медь. Размеры — 5,5 × 3,5 см. Аналогичный встречен в погребении конца XVII — первой половины XVIII в. в Мартыновском могильнике в Чувашии (Каховский, 1977. Рис. 129; Каховский Б.В., Каховский В.Ф., 1992. С. 129). Две находки были сделаны в Карелии в 1880-х годах, археологический контекст их неясен (Hackman, 1900. S. 53; Schwindt, 1893. S. 54). Судя по тому, что карельские находки были извлечены из земли в 1880-х годах и были приняты исследователями за “древние” вещи, достойные помещения в археологическую коллекцию, можно предполагать, что верхняя дата гребней рассматриваемого типа вряд ли моложе XVIII в. По-видимому, данные гребни являлись предметом русского производства.

97.3. № 1799, погр. 184. Гребень, рог. Размеры — 11 × 8,5 см.

97.4. № 2415, погр. 257. Гребень, рог. Размеры — 6,5 × 4,5 см.

97.5. № 3050, погр. 327. Гребень, медь. Размеры — 9 × 4,5 см.

97.6. № 3436, погр. 358. Гребень, рог. Размеры — 10,5 × 6,8 см.

Табакерки (рис. 98)

Табакерки в виде коробочек, овальных в плане, встречены в 29 погребениях. Большая часть этих табакерок сделана из бересты, 4 экземпляра изготовлены из медного листа, из дерева и кости — по одной. Табакерки данного типа были распространены в XIX в. очень широко: от Финляндии до Чукотки (Руденко, 19146. С. 9; Sommier, 1885. S. 429; Богораз, 1991. С. 139). Медные табакерки, вероятно, стали изготавливаться в

подражание берестяным с учетом пристрастия местного населения к металлическим изделиям. При посещении Халас-Пугора в 1992 г. медная табакерка попала на глаза среди вещей, разбросанных на территории старого кладбища. Медные табакерки встречены и в других хантыйских могильниках XIX в. по Оби (Морозов, 1981). Современные жители Халас-Пугора показывали в 1992 г. старинную табакерку, сделанную из мамонтовой кости, форма которой не отличалась от берестяных изделий.

98.1. № 2717, погр. 301. Табакерка, медь. Размеры — 7 × 7 см.

98.2. № 3179, погр. 336. Табакерка, медь, дерево. Размеры — 4,7 × 7,8 см.

98.3. № 775, погр. 91. Табакерка, береста. Размеры 5,8 × 7,6 см.

98.4. № 2649, погр. 287. Табакерка, береста, дерево. Размеры — 4,2 × 6,5 см.

98.5. № 1958, погр. 208. Табакерка, береста, дерево. Размеры — 6 × 7 см.

98.6. № 1691, погр. 181. Табакерка, береста, дерево. Размеры — 6,3 × 7,5 см.

Табакерки, подсвечник (рис. 99)

Табакерки для нюхательного табака в виде плоских круглых коробочек из бронзы, имеющие в центре круглое клеймо с двумя вариантами изображений — императрица (?) или неизвестный мужчина с бородой, встречены в десяти погребениях могильника. Изделия отличает высокая технология изготовления: они проточены на станке, изображение в клейме литое, фон покрыт позолотой. Местом изготовления, по-видимому, являлся какой-либо из центральных городов России. Время изготовления может быть определено как конец XVIII — начало XIX в. Типологически сходная табакерка (включая детали орнаментации), хранящаяся в Государственном историческом музее в Москве была сделана к юбилею (100-летию?) коронации Петра I и Екатерины I. В Скандинавских странах нюхательный табак продается в аналогичных по форме коробочках и в наши дни.

Фрагментированный подсвечник был зафиксирован лишь в одном погребении могильника. Степень его фрагментированности, по-видимому, исключает предположение, что он использовался по назначению. В обиходе жителей Халас-Пугора XIX в. были и целые бронзовые подсвечники. Один из них был найден Д.С. Сяддаем, современным жителем поселка.

99.1. № 1133, погр. 121. Деталь подсвечника, бронза. Длина — 10 см.

99.2. № 1135, погр. 121. Деталь подсвечника, бронза. Диаметр — 8 см.

99.3. № 1942, погр. 202. Табакерка для нюхательного табака, бронза, позолота. Диаметр — 7,5 см.

99.4. № 2214, погр. 238. Табакерка для нюхательного табака, бронза, позолота. Диаметр — 7,3 см.

Трубки курительные, пронизки, кресала (рис. 100, 101)

Трубки присутствуют в комплексах трех погребений коллекции, бронзовые пронизки — в 46 комплексах. Все пронизки, за исключением двух литых, сделаны из листовой меди, свернутой в трубочку, в них были продеты, по большей части, веревочки, прикреплявшие бляхи-подвески к зимней женской шапке.

Кресала, атрибуция которых не вызывает сомнений, встречены в трех погребениях.

100.1. № 528, погр. 60. Предмет неизвестного назначения, дерево. Размеры — 3,8 × 4,5 × 4,5 см.

100.2. № 2977, погр. 318. Трубка курительная, дерево. Размеры — 7,5 × 6 см. Аналогичная была приобретена Соммье у самоедов в дельте Оби в 1880 г. (Sommer, 1885. P. 432).

100.3. № 1697, погр. 183. Трубка курительная, кость. Длина — 9 см.

100.4. № 2271, погр. 243. Пронизка, медь, литье. Длина — 6,3 см. Аналогичная была найдена в 1979 г. в погребении XVIII—XIX вв. в урочище Большой Бердакит в бассейне р. Оленек на севере Якутии (материалы Н.Д. Архипова³). Тожественный экземпляр был найден и в Центральной Якутии (Гоголев, 1990. Табл. LI, 7). Фрагмент аналогичной пронизки был найден в 1996 г. на селище Пахрино под Москвой совместно с монетами XVIII—XIX вв. (Кренке, 1996), что, возможно, указывает на русское происхождение этого типа изделий.

100.5. № 2138, погр. 228. Пронизка, медь. Длина — 16,5 см.

101.1. № 118. Кресало железное. Длина 8,5 см. В русской археологической литературе данный тип получил название “калачевидное”, его появление восходит к раннему средневековью. В позднее время, включая XVIII—XIX вв., различные вариации этого типа кресал были распро-

³ Авторы благодарят Н.Д. Архипова за возможность ознакомиться с неопубликованными материалами.

странены от Скандинавии (Zachrisson, 1976. P. 68,69) до Чукотки (Богораз, 1991. С. 167).

101.2. № 92, погр. 11. Кресало, железо. Длина — 9,5 см.

Палки для выбивания снега и вшей из одежды (рис. 102)

Палки для выбивания снега из одежды присутствовали в комплексах многих погребений. Судя по сохранившимся чертежам погребений, выбивалки были примерно в 20% комплексов. К настоящему времени они все либо утрачены, либо в результате утери инвентарных номеров попали в “этнографическую” часть коллекции Д.Т. Яновича. Учитывая это, в данной таблице приведены вещи из “этнографической” коллекции, которые, весьма вероятно, происходят из погребений.

102.1. № 4392. Палка для выбивания снега из одежды, дерево. Длина — 66 см.

102.2. № 4389. Палка для выбивания снега из одежды, дерево. Длина — 73 см.

Фрагменты одежды (ткани, кожа, бисер). Рис. 103—107

Значительное число раскопанных погребений, как это можно установить по чертежам, отличалось хорошей сохранностью одежды и других изделий из органических материалов. Лишь небольшая часть этих предметов представлена в имеющейся коллекции.

103.1. № 377, погр. 46. Аппликация, кожа. Длина — 34 см.

103.2. № 4625. Аппликация, сукно красного, желтого, коричневого и синего цветов. Длина полосы — 110 см.

104.1. № 1819, погр. 195. Фрагмент ткани с набойкой, рисунок синего цвета на фоне розовых полосок. Размер — 38 × 30 см.

104.2. № 4623. Деталь одежды, зеленое сукно. Размер — 30 × 8 см.

104.3. № 2352, погр. 247. Тесьма, крапивные и шерстяные нитки. Длина — 33 см.

105.1. № 2109, погр. 223. Полоса коричневого сукна с шитьем зеленой (медной?) ниткой. Длина — 38 см.

105.2. № 588, погр. 71. Поясок, коричневый бархат, расшит позументом. Длина — 70 см.

106.1. № 173, погр. 25. Украшение из бисера. Длина — 51 см.

106.2. № 233, погр. 31. Украшение из бисера. Длина — 32 см.

107.1. № 1765, погр. 194. Фрагмент пояса, кожа, плетение, окрашен красной краской. Длина — 34 см.

107.2. № 890, погр. 96. Фрагмент пояса женского, прикрывающего половые органы (вороп), кожа. Длина — 40 см. Аналогичные были найдены на хантыйском кладбище в Обдорске (Руденко, 19146. С. 13).

Пряжки женские (рис. 108—117)

Массивные круглые пряжки, к которым привязывался пояс, охватывавший женскую зимнюю верхнюю одежду, встречены в 40 погребениях. По форме выделяется более десяти разновидностей этих пряжек. Наиболее раннее упоминание рассматриваемого типа пряжек имеется в работе В.Ф. Зуева 1771 г. Он писал, что пряжка в виде большого железного кольца, к которой привязывался пояс, являлась характерным аксессуаром одежды женщины-самоедки (Зуев, 1947. С. 28). Описание и изображение “большого медного круга наподобие пряжки, величиною с четверть аршина” приведено Ф. Белявским, который видел их на одежде женщин-аборигенок, прибывших на Обдорскую ярмарку (Белявский, 1833. С. 57; рис. 2). Сомме, бывший в Обдорске в 1880 г. (Sommer, 1887. P. 155), приводит рисунок, изображающий остячку из Обдорска, пояс которой закреплен большой кольцевидной пряжкой с двумя перекладинами (рис. 108). По мнению Н.Л. Гондатти, посетившего Обдорск зимой 1885/86 г., подобные пряжки характерны для одежды женщин “низовых инородцев, как самоедов, так и остяков” (Гондатти, 18886. С. 16). С.И. Руденко свидетельствует, что в 1909 г. подобные пряжки были очень распространены среди “низовских” (т.е. живущих в низовьях Оби) остяков (Руденко, 19146. С. 13). Опубликованная им пряжка была найдена в самоедском погребении в устье р. Ныды. Отсутствие пряжек от женских поясов среди инвентаря раскопанных 19 могил хантыйского кладбища Обдорска С.И. Руденко объяснял “случайностью”. В 1911 г. Тобольским музеем была приобретена в Обдорске медная пряжка рассматриваемого типа и атрибутирована как принадлежащая хантам (№ 1883). Пряжки тождественные той, что была приобретена Тобольским музеем, входили в состав женского костюма коми-ижемцев (Грибова, 1980. С. 71). Об изготовлении зырянми (коми) больших медных пряжек для застегивания женской одежды пишет Финш (Finsch, 1879. S. 535). Зыряне продавали эти изделия ос-

тякам и самоедам за высокую цену — две-три лисьи шкуры. В альбоме Г. Паули подобная пряжка изображена на поясе “мезенской самоедки” (Pauly, 1862). Бронзовая пряжка данной группы была найдена в 1986 г. в хольмере на р. Ходыта-яха на Ямале (кол. Ин-та истории и археологии Уральского отд-ния РАН). Еще в конце 1920-х годов на севере Ямала женщины носили подобные бронзовые пряжки (Земля Ямал, 1998. С. 126). В коллекции, собранной у ненцев в 1960-е годы, также есть подобные пряжки (Российский этнографический музей). Д.Т. Янович называл эти предметы самоедскими пряжками, а в одном случае (погр. № 295) употребил наименование “зырянская пряжка”.

109.1. № 2471, погр. 268. Пряжка поясная, железо. Диаметр — 19,5 см.

109.2. № 1132, погр. 121. Кольцо с несомкнутыми концами, железо. Диаметр — 8 см.

109.3. № 2256, погр. 243. Кольцо с несомкнутыми концами, железо. Диаметр — 8,5 см.

110. № 3416, погр. 358. Пряжка поясная, медь. Лицевая сторона покрыта штампованным орнаментом. Диаметр — 20 см.

111. № 2720, погр. 301. Пряжка поясная, медь. Диаметр — 16,5 см.

112. № 2134, погр. 228. Пряжка поясная, медь. Диаметр — 22,5 см.

113. № 2434, погр. 261. Пряжка поясная, медь. Диаметр — 21 см.

114. № 2658, погр. 289. Пряжка поясная, медь. Лицевая сторона покрыта штампованным орнаментом. Диаметр — 23 см.

115.1. № 1773, погр. 194. Пряжка поясная, медь. Лицевая сторона украшена штампованным орнаментом. Диаметр — 16,5 см.

115.2. № 2869, погр. 312. Пряжка поясная, медь. Диаметр — 16,3 см.

116.1. № 3252, погр. 346. Пряжка поясная, медь. Лицевая сторона украшена штампованным орнаментом. Диаметр — 15 см.

116.2. № 3178, погр. 336. Пряжка поясная, медь. Лицевая сторона украшена штампованным орнаментом. Диаметр — 16 см.

117. № 1214, погр. 126. Пряжка поясная, медь. Лицевая сторона украшена штампованным орнаментом. Диаметр — 21 см.

Оловянные отливки (рис. 118)

Оловянные отливки, которые использовались для украшения одежды, а также в качестве “лица” идольчиков, имеются в 66 погребениях. Всего в инвентаре могильников, изученных в 1909 г., присутствует около полутора десятков различных

форм оловянных отливок. Типы, приведенные на рис. 118 под № 1–12, встречаются неоднократно, причем некоторые варианты (№ 5, 6, 9) представлены многими десятками и даже сотнями экземпляров. Форма этих отливок восходит к форме бронзовых украшений, изготавливавшихся в Нижнем Приобье еще на рубеже I и II тыс. н.э. (Чернецов, 1957. Табл. 29, 37, 44). Отливки, помещенные под № 13–14, являются копиями с вещей русского производства (застежки, серьги) и представлены единичными экземплярами. Оловянные отливки, сходные с имеющимися в “остяцкой коллекции”, представлены на памятниках севера Западной Сибири, которые датируются XVII в. — Кинтусовский могильник 4, Надымское городище (Кардаш О.В., 2000. С. 43). Оловянные отливки встречаются в хантыйских могильниках XIX в. и святилищах практически по всему течению Оби от ее устья до устья Иртыша и в нижнем течении Иртыша (Руденко, 1914б; Морозов, 1981, 1992; Расторопов, 1982), на берегах р. Таз (Зах, 2001). Единичные находки известны с Полярного Урала с жертвенного места Вылкар-Мальк в бассейне р. Щучья (Чернов, 1951а. С. 102, 103) и с Ямала (хольмеры на р. Ходыта-яха, сборы 1986 г., кол. Ин-та истории и археологии Уральского отд-ния РАН), куда они могли попасть, например, в результате брачных контактов ямальских ненцев с нижнеобскими хантами. Процесс производства и разнообразие форм оловянных отливок, изготавливавшихся хантами вплоть до начала XX в., зафиксирован этнографами (Изделия остяков, 1911. С. 108–110).

118.1. № 1937, погр. 201. Нашивное украшение, олово. Диаметр — 1,4 см.

118.2. № 717, погр. 83. Нашивное украшение, олово. Диаметр — 1,5 см.

118.3. № 1167, погр. 121. Нашивное украшение, олово. Длина — 2,1 см.

118.4. № 1049, погр. 106. Нашивное украшение, олово. Размеры — 2 × 2 см.

118.5. № 1050, погр. 106. Нашивное украшение, олово. Размеры — 2 × 2 см.

118.6. № 389, погр. 48. Нашивное украшение, олово. Размеры — 2 × 2 см.

118.7. № 2152, погр. 231. Нашивное украшение, олово. Размеры — 3 × 3 см.

118.8. № 2139, погр. 228. Нашивное украшение, олово. Размеры — 3,3 × 3 см.

118.9. № 2301, погр. 245. Нашивное украшение, олово. Размеры — 3,3 × 3,3 см.

118.10. № 1650, погр. 165. Нашивное украшение, олово. Размеры — 4,5 × 4,5 см.

118.11. № 2384, погр. 254. Нашивное украшение, олово. Длина — 4,5 см.

118.12. № 2711, погр. 299. Нашивное украшение, олово. Размеры — 6 × 5 см.

118.13. № 1640, погр. 164. Оловянная отливка, за образец взята книжная застёжка (?). Два фрагмента. Длина — 5 + 3 см.

118.14. № 1185, погр. 116. Подвеска (сережка?), олово. За образец для отливки взята сережка русского типа. Длина — 3 см. Близкие по форме серебряные серьги — “чюски” имеются в краеведческом музее в Архангельске (Ясинский, Овсянников, 1998. С. 36).

Перстни, кольца (рис. 119)

Медные и оловянные перстни и кольца встречены в 74 погребениях (всего около 350 экземпляров). Если учитывать все нюансы различий изображений на печатках перстней, присутствующих в коллекции, и их форму, то можно выделить более 30 разновидностей. По-видимому, перстни и кольца являлись массовой продукцией различных кустарных мастерских, чем и объясняется такое разнообразие. О. Финш отмечал, что медные кольца благодаря их дешевизне являются очень распространенным украшением у остяков, их одевают по нескольку на один палец (Finsch 1879. S. 536). Ю. Кушелевский, бывший в 1850-е годы главой обдорской администрации, писал, что самоедки носят на пальцах множество медных колец (Кушелевский, 1868. С. 61). Соммье приводит портреты детей князя Куноватской волости с многочисленными кольцами на пальцах (Sommer, 1887. P. 171). Об устойчивости этой традиции свидетельствует то, что и в XX в. на руке остяка можно было встретить до 10 колец (Старцев, 1928. С. 31). Кольца входили также в состав украшений кос и одежды (Ковальский, 1853. С. 24). Н.Л. Гондатти специально останавливался на описании того, как сибирские купцы, закупаая кольца на Ирбитской ярмарке и обменивая их на пушной товар на Обдорской ярмарке, получали неоправданно большую прибыль, достигавшую 500% (Гондатти, 1888а. С. 19).

119.1. № 2310, погр. 245. Перстень, медь. Диаметр печатки — 1,6 см, диаметр кольца — 2,1 см.

119.2. № 1624, погр. 162. Перстень, медь. Диаметр — 2,2 см.

119.3. № 1347, погр. 133. Перстень, медь. Диаметр — 1,8 см.

119.4. № 1382, погр. 138. Перстень, медь. Диаметр — 2,2 см.

119.5. № 2312, погр. 245. Перстень, медь. Диаметр печатки — 1,8 см, диаметр кольца — 2,3 см.

119.6. № 1226, погр. 126. Перстень, медь. Диаметр — 2,4 см. Аналогичный был приобретен в 1925 г. А.К. Ивановым у шорцев Алтая (Каталог этнографических коллекций Томского университета, 1979. С. 117).

119.7. № 4709. Перстень, медь. Размер щитка — 1,6 × 1,6 см, диаметр кольца — 2,2 см.

119.8. № 2239, погр. 242. Перстень, белый металл. Диаметр — 2,3 см. Перстни этой серии в имеются в комплексах 11 погребений, раскопанных в 1909 г. Д.Т. Яновичем. Они были обнаружены также в погребениях остяцкого кладбища Обдорска (Руденко, 19146. С. 16), в могильнике Пуляка на р. Кеть в погребении с русскими монетами 1737 г. (Гребнева, 1976). Аналогичный перстень был найден в Москве при раскопках на “Романовом дворе” за зданием Московского Университета на Моховой улице в слое XVIII в. (Н.А. Кренке, материалы раскопок 1999 г.)

119.9. № 1352, погр. 133. Перстень, медь. Диаметр — 2,2 см. Этот тип перстней — наиболее распространенный, встречен в 14 погребениях. Аналогичный был приобретен в 1925 г. А.К. Ивановым у шорцев Алтая (Каталог этнографических коллекций Томского университета, 1979. С. 117).

119.10. № 1384, погр. 138. Перстень, медь. Диаметр — 2,2 см.

119.11. № 4702. Перстень, медь. Диаметр — щитка — 1,6 см, диаметр кольца — 2,0 см.

119.12. № 2027, погр. 216. Перстень, медь. Диаметр — 2 см.

119.13. № 3956. Перстень, медь. Диаметр — 2,2 см.

119.14. № 1386, погр. 138. Перстень, медь. Диаметр — 2 см. Перстни этой серии встречены в пяти погребениях. Тожественный экземпляр был найден возле святилища Болванов нос на острове Вайгач вместе с другими вещами XVIII—XIX вв. (Хлобыстин, 1986), на городище Ермаково в Сургутском Приобье (Морозов, 1992. С. 49).

119.15. № 1622, погр. 162. Перстень, медь. Диаметр — 2 см. Перстни этой серии встречены в пяти погребениях.

119.16. № 2315, погр. 245. Перстень, медь. Размер печатки — 1,6 × 1,6 см, диаметр кольца — 2,5 см.

119.17. № 1227, погр. 126. Перстень, медь. Диаметр — 2,3 см.

119.18. № 863, погр. 98. Перстень с вензелем, медь. Размер печатки — 2 × 1,8 см, диаметр кольца — 2,3 см.

119.19. № 2309, погр. 245. Перстень, медь. Размер печатки — 1,7 × 1,7 см, диаметр

кольца — 2,1 см. На печатке — гравированная буква “Я”.

119.20. № 4703. Перстень, медь. Размер печатки — 2 × 1,8 см, диаметр кольца — 2,2 см. Перстни XIX в. с изображением птицы продолжают традицию перстней более раннего времени (Молодин, 1979. С. 177).

119.21. № 2510, погр. 274. Перстень, медь. Размер печатки — 1 × 1 см, диаметр — 2 см.

119.22. № 2932, погр. 314. Перстень со стеклянными вставками, медь. Диаметр — 1,6 см. Перстни этой серии есть в трех погребениях. Тожественный был найден на остояцком кладбище Обдорска (Руденко, 19146. С. 16).

119.23. № 1339, погр. 133. Кольцо, медь. Диаметр — 2 см.

119.24. № 1628, погр. 162. Кольцо, медь. Диаметр — 2 см.

Пуговицы, нашивные украшения (рис. 120, 121)

Плоские и выпуклые пуговицы — одна из наиболее массовых категорий вещей. Они есть в 113 погребениях, использовались преимущественно в качестве украшений.

Пуговицами обшивались кожаные пояса, мешочки для оселков, и проч. По свидетельству Ф. Белявского, пуговицы использовались для украшения кос и зимней шапки (Белявский, 1833. С. 163, 164). Одежда европейского типа с пуговицами была мало распространена у остяков в XIX в., хотя в небольшом количестве все же имела у аборигенного населения низовьев Оби. Известно, что князь Тайшин имел “жалованную одежду” (Белявский, 1833. С. 55; Губарев, 1863. С. 232). Кушелевский видел у остяков Эндырских юрт идола, одетого в мундир чиновника (Кушелевский, 1868. С. 113). По-видимому, пуговицы рассматривались остяками как элементы одежды высокого статуса и поэтому отношение к ним было особое. В 1909 г. проводник экспедиции Баклунда, остяк по имени Наука, глядя на сотрудников экспедиции, одетых в костюмы цвета “хаки”, усомнился в том, что это действительно “большие чиновники, приехали из Петербурга”, так как на них нет блестящих металлических пуговиц (Баклунд, 1911. С. 18). И. Шухов, посетивший р. Щучью в 1913 г., так описывал свою встречу с остяками: “остяки меня рассматривали, показывали на пуговицы” (Шухов, 1914. С. 9).

В XIX в. Сибирь являлась рынком массового сбыта пуговиц. В описании крупнейшей в России Нижегородской ярмарки отмечается, что высере-

бранные и вызолоченные пуговицы привозятся преимущественно из Москвы и затем идут в Сибирь (Мельников, 1846. С. 63). Эрман, имевший возможность осмотреть товары, приготовленные для торговли с остяками и самоедами на Обдорской ярмарке, отмечал, что среди металлических изделий главное место занимали латунные пуговицы (Erman, 1833. S. 651).

120.1. № 3188, погр. 337. Пуговица дисковидная с гравированным изображением охотника, держащего убитого зайца, медь (латунь?). Диаметр — 3 см. Встречена в одном погребении.

120.2. № 3012, погр. 320. Пуговица дисковидная с гравированным изображением почтальона на коне, трубящего в рожок, медь. Диаметр — 3,6 см. Этот тип встречен в двух погребениях.

120.3. № 2368, погр. 252. Пуговица дисковидная с гравированным изображением святого Георгия, поражающего змия, медь. Диаметр — 3,7 см. Этот тип встречен в шести погребениях. Такие же пуговицы встречены в культовом комплексе на городище Ермаково 1 в Сургутском Приобье (Морозов, 1992. С. 49) и в хольмере на р. Ходыта-яха на Ямале (колл. Ин-та истории и археологии Уральского отд-ния РАН).

120.4. № 190, погр. 29. Пуговица дисковидная с гравированным изображением бегущего оленя, медь (латунь?). Диаметр — 3,4 см. Этот тип встречен в двух погребениях. Тожественные пуговицы есть в коллекции Государственного Исторического музея в Москве (ГИМ, отдел металла, № 47911/Лу 2960).

120.5. № 3370, погр. 351. Пуговица дисковидная с гравированным изображением воина, опирающегося на саблю, медь. Диаметр 3,6 см. Этот тип встречен в четырех погребениях.

120.6. № 2551, погр. 277. Пуговица дисковидная с изображением герба города Перми (медведь с Евангелием на спине), медь. Диаметр — 2,5 см. Встречена в одном погребении.

120.7. № 2055, погр. 218. Пуговица дисковидная с изображением герба города Псков (?), медь. Диаметр — 1,7 см. На обороте надпись “Grebbe* Moscow”. Встречена в одном погребении. Пуговичная фабрика Гребе работала в Москве в конце XIX — начале XX в. (Вся Москва, 1895).

№ 3152, погр. 331. Пуговица дисковидная с изображением герба города Тобольска, медь. Диаметр — 2 см. На оборотной стороне буквы “ФМКГВ”. Встречена в одном погребении. Аналогичная найдена в культовом комплексе на городище Ермаково 1 в 60 км к СВ от г. Сургута (Морозов, 1992. С. 47).

120.8. № 2149, погр. 230. Пуговица дисковидная с изображением цветка, медь. Диаметр — 2,7 см. Встречена в одном погребении. О пуговицах с изображением цветка писал Эрман (Erman, 1833. S. 651).

120.9. № 2607, погр. 281. Пуговица дисковидная с изображением цветка, медь. Диаметр — 3,7 см. Встречена в одном погребении.

№ 300, погр. 40. Пуговица дисковидно-выпуклая с изображением цветка, медь. Диаметр — 2,6 см. Встречена в одном погребении.

120.10. № 1428, погр. 141. Пуговица дисковидная с литым растительным орнаментом, медь. Диаметр — 2,4 см. Этот тип встречен в трех погребениях.

120.11. № 1583, погр. 159. Пуговица дисковидная с литым растительным орнаментом, медь. Диаметр — 3 см. Этот тип встречен в двух погребениях. Аналогия — в хольмере на р. Ходыта-яха на Ямале (кол. Ин-та истории и археологии Уральского отд-ния РАН).

120.12. № 1654, погр. 165. Пуговица дисковидная с геометрической гравировкой, медь. Диаметр — 2,2 см. Встречена в одном погребении. В Государственном Историческом музее в Москве аналогичные пуговицы имеются на лакейском костюме середины XIX в. (отдел тканей, костюм № 122).

120.13. № 680, погр. 74. Пуговица дисковидная с “ковровой” гравировкой, медь. Диаметр — 3,6 см. Встречена в одном погребении.

120.14. № 1152, погр. 157. Пуговица дисковидно-ажурная, медь. Диаметр 1,8 см. Встречена в одном погребении.

120.15. № 3069, погр. 327. Пуговица дисковидная с гравировкой в виде розетки, медь. Диаметр — 2 см. Встречена в одном погребении.

№ 524, погр. 59. Пуговица дисковидная, медь. Диаметр — 2,7 см. Встречена в одном погребении.

120.16. № 3002, погр. 320. Пуговица (украшение конской сбруи), медь. Диаметр — 2,8 см. Имеет две продольные прорези в центре и зубчатый край диска. Сам диск украшен циркульным орнаментом. Встречены в двух погребениях. Известны многочисленные аналогии, в том числе этнографические сборы Б.О. Долгих на Таймыре (Музей антропологии и этнографии в Санкт-Петербурге, кол. 4980), коллекция предметов “извоза” XIX в. И.К. Мартемьянова (Тобольский музей), раскопки усадьбы XIX в. в с. Дьяково (г. Москва, музей “Коломенское”), селище Пахрино под Москвой на месте государственной конюшни (Кренке, 1996).

120.17. № 1846, погр. 195. Пуговица гладкая выпукло-дисковидная, медь. Диаметр — 2 см. Встречены в 40 погребениях. Этот массовый тип пуговиц характерен для комплексов XVIII—XIX вв. Встречен, в частности, в хольмере на р. Ходыта-яха.

Погр. 71. Пуговица артиллериста с двумя перекрещенными душками, медь. Диаметр — 2,6 см. Встречена в одном погребении. По свидетельству Н.К. Хондажаевского, остяки и самоеды украшают себя преимущественно старыми солдатскими пуговицами (Хондажаевский, 1880. С. 21).

121.1. № 2191, погр. 233. Пуговица дисковидная гладкая, медь. Диаметр — 3,3 см. Встречены более чем в 20 погребениях.

121.2. № 1911, погр. 199. Пуговица дисковидная с циркульным орнаментом, медь. Диаметр — 3,8 см. Встречены более чем в 20 погребениях.

121.3. № 680, погр. 74. Пуговица дисковидная со штампами-розетками, медь. Диаметр — 3 см. Встречена в одном погребении.

121.4. № 1122, погр. 120. Пуговица дисковидная с гравировкой в виде шести лучей в центре, медь, позолота. Диаметр — 4 см. Встречена в одном погребении.

121.5. № 1551, погр. 157. Пуговица дисковидная с изображением льва, медь, литье. Диаметр — 3,8 см. Встречена в одном погребении.

121.6. № 680, погр. 74. Пуговица дисковидная с восьмилучевой звездой в центре, медь. Диаметр — 3,2 см. Встречена в одном погребении.

121.7. № 1461, погр. 147. Пуговица дисковидная с гравировкой, имитирующей камни, в центре, медь. Диаметр — 3,5 см. Встречена в одном погребении.

121.8. № 2154, погр. 231. Пуговица дисковидная с циркульным орнаментом и восемью углублениями по кругу, медь. Диаметр — 3,5 см. Встречены в четырех погребениях.

121.9. № 2279, погр. 244. Пуговица дисковидная с литым изображением Геракла (Аполлона?), медь. Диаметр — 3,5 см. Встречена в одном погребении.

121.10. № 2182, погр. 233. Нашивное ажурное украшение в виде колеса с шестью спицами, медь. Диаметр — 4 см. Встречено в семи погребениях.

№ 315, погр. 41. Нашивное ажурное украшение в виде креста в круге, медь. Диаметр — 3,5 см. Встречено в одном погребении.

121.11. № 1154, погр. 121. Пуговица дисковидно-выпуклая гладкая “дугая”, медь. Диаметр — 2,4 см.

№ 1892, погр. 197. Пуговица дутая, медь. Диаметр — 1,6 см. Встречены в девяти погребениях.

121.12. № 2057, погр. 218. Нашивное украшение в виде прямоугольной вытянутой пластинки с тремя вздутиями, медь. Длина — 3 см. Встречены в двух погребениях. Близкие по форме нашивные украшения широко представлены в остояцких могильниках XVII в. Томского Приобья (Дульзон, 1953, 1955а), тождественные изделия встречены в погребении XIX в. на р. Подьяха (устье Енисея), а также имеются в этнографических коллекциях, собранных у энцев и кетов, проживающих на Нижнем Енисее (Народы Сибири, 1956. С. 663; Долгих, 1961).

121.13. № 685, погр. 74. Нашивное украшение в виде пластинки с шестью вздутиями, медь. Длина — 6 см. Встречено в одном погребении.

121.14. № 2485, погр. 272. Нашивное украшение в виде фигуры лучника, медь. Размеры — 4,5 × 2,5 см. Встречено в шести погребениях. Аналогичные украшения были нашиты на пояс, приобретенный Соммье в 1880 г. в Собских юртах (Sommier, 1885. P. 261).

121.15. № 1533, погр. 156. Фрагмент скобы для поддержания вожжи, использованный как нашивное украшение, медь. Размер — 4 × 3,8 см.

121.16. № 1411, погр. 139. Нашивное украшение, переделанное из игровой фишки (?), белый металл. Диаметр — 2 см. Встречено в одном погребении.

Пуговицы-подвески, серьги, бубенчики, колокольчики (рис. 122)

Пуговицы-подвески встречены более чем в 60 погребениях. Пуговицы можно разделить на три группы: литые, полые, со стеклянной бусиной в центре. Пуговицы являлись “консервативной” категорией вещей — изделия XIX в. очень мало отличались от более ранних (Молодин, 1979. С. 179). В конце XIX в. в Тобольской губ. существовало местное производство литых пуговиц (Скалозубов, 1895. С. 43), но большинство пуговиц, найденных в могильниках, расположенных в низовьях Оби, вероятно, привезено из Европейской России. В частности, об этом свидетельствуют археологические находки XVIII—XIX вв. в Москве (Кренке, 1987).

Бубенчики встречены в 24 погребениях, колокольчики — в 45. Несколько колокольчиков имеют тождественные надписи — “Василей Макушин 1817 в городе Слободском”. Форма колокольчиков и бубенчиков стандартна, все они про-

изведены в России. В Сибири они были распространены очень широко, вплоть до Тувы (Дьяконова, 1975. С. 79). Коренное население Нижнего Приобья употребляло колокольчики для украшения женской одежды, оленей и нарт (Белявский, 1833. С. 164), в качестве специфического атрибута погребальных сооружений (Finsch, 1879. Abb. 42). Серьги и их фрагменты встречены лишь в трех погребениях, нет никакой уверенности, что данные предметы употреблялись в качестве серег. Малочисленность серег в коллекции подтверждают слова Н.Л. Гондатти о том, что “инородцы” вместо серег продевают в мочку уха ремешки с нанизанными бусами, медными цепочками. Во время поездки на север Западной Сибири в 1885/86 г. Гондатти вынужден был раздарить русским все серьги, взятые им в качестве обменного товара (Гондатти, 1888а. С. 7).

122.1. № 685, погр. 74. Предмет неизвестного назначения (“висюлька”, украшавшая какой-то предмет домашнего обихода, возможно, от выдвигающегося ящика шкатулки или т.п.), медь. Длина — 1,5 см.

122.2. № 363, погр. 45. Пуговицы-подвески биконические, медь. Длина — 1 см.

122.3. № 2319, погр. 245. Пуговица-подвеска каплевидная гладкая, медь, литье. Высота — 1 см. Эта серия — одна из наиболее распространенных, встречена в 12 погребениях.

122.4. № 736, погр. 86. Пуговица-подвеска каплевидная, медь, литье. С нижней стороны орнамент в виде четырех вписанных друг в друга окружностей. Диаметр — 1,1 см. Эта серия — наиболее распространенная, встречена в 36 погребениях. Аналогичные пуговицы были найдены на селище Пахрино под Москвой (Кренке, 1996), в с. Дьяково (Москва) в 1997 г.

122.5. № 2824, погр. 309. Пуговица-подвеска каплевидная, с нижней стороны орнамент в виде окружности в центре, от которой отходят три луча-лепестка. Между лучами — по три точки-углубления. Медь, литье. Диаметр — 1,2 см. Эта серия — одна из наиболее распространенных, встречена в 11 погребениях. Аналогии найдены в селе Дьяково (Москва) и Прибайкалье (Асеев, 1974).

122.6. № 2166, погр. 232. Пуговица-подвеска каплевидная. Средняя часть выполнена из стекла. Олово, стекло (красно-бело-черное). Диаметр — 1,2 см.

122.7. № 1370, погр. 138. Пуговица-подвеска каплевидная. Средняя часть выполнена из стекла, олово, стекло (синее и белое). Высота — 2 см.

122.8. № 3157, погр. 331. Пуговица-подвеска, медь, стеклянная паста (голубая). Диаметр — 1,6 см.

122.9. № 749, погр. 88. Пуговица-подвеска каплевидная, с нижней стороны орнаментирована зигзагообразными линиями. Медь (полая). Диаметр — 1 см.

122.10. № 2824, погр. 309. Пуговица-подвеска каплевидная, с нижней стороны орнамент из прямых выпуклых линий, расходящихся от основания. Медь (полая). Диаметр — 1,2 см.

122.11. № 1892, погр. 197. Пуговица-подвеска, медь, литые. Диаметр — 1,3 см.

122.12. № 1971, погр. 210. Бубенчик, средняя часть орнаментирована тремя желобками и валиками, медь. Высота — 2,5 см. Очень близкие по форме изделия бытовали на территории Руси в XI—XIII вв. (Седова, 1981; Лесман, 1990. С. 61), аналогичные встречены на территории Перми вычегодской (Археология республики Коми, 1997. С. 638). Не исключено, что данный экземпляр является древней вещью.

122.13. № 2011, погр. 215. Бубенчик (фрагмент), медь. Диаметр — 1,3 см.

122.14. № 2449, погр. 263. Бубенчик с крестовидной прорезью, медь. Диаметр — 3,7 см.

122.15. № 1366, погр. 138. Бубенчик со щелевидной прорезью, медь. Диаметр — 2,2 см. Аналогичный на городище Ермаково 1 (Морозов, 1992. С. 49).

122.16. № 440, погр. 54. Серьга из витой проволоки с двумя круглыми стеклянными вставками и вытянутой конической привеской, медь, стекло. Высота — 5 см.

122.17. № 1266, погр. 132. Подвеска от серьги, стекло (синее с белым). Длина — 1,7 см.

122.18. № 3165, погр. 332. Серьга, медь, стекло (черное). Длина — 3,6 см.

122.19. № 2160, погр. 232. Колокольчик, медь. Высота — 3,7 см.

122.20. № 2408, погр. 257. Колокольчик, медь. Высота — 2,5 см.

122.21. № 3359, погр. 351. Колокольчик, медь. Высота — 7,5 см. По краю надпись "Василей Макушин 1817 в городе Слободском". Колокольчики этой очень массовой серии сохранялись в быту в течение всего XIX в. и попали в этнографические коллекции (Государственный музей этнографии народов России).

Комбинированные украшения с основой в форме лунницы (рис. 123, 124)

Украшения, состоящие из медной пластинки в форме лунницы и прикрепленных к ней подвесок, найдены в 14 погребениях. Аналогичные украше-

ния известны преимущественно по археологическим погребальным комплексам XIX в., изученным при раскопках Л.П. Хлобыстина и Г.Н. Грачевой на Таймыре (Музей антропологии и этнографии в Санкт-Петербурге, кол. 6628), и этнографическим коллекциям, собранным у нганасан (Попов, 1948. С. 74; Василевич, 1949. С. 59; Грачева, 1981). У нганасан данные изделия украшали женский нагрудник и головной убор. Фрагмент пластины-лунницы был найден в верховьях р. Щучья (Чернов, 1951а. С. 102—103; Чернов, 1985. С. 164). Целая пластина находилась в погребении у р. Падимей-Вис в Большеземельской тундре с колокольчиком 1814 г. (Чернов, 1951б. С. 319).

123. № 760, погр. 89. Комбинированное украшение: к пластине-луннице прикреплено 4 подвески на ремешках — две двухкопеечные монеты 1801 г., дисковидная пуговица с циркульным орнаментом и дисковидная подвеска с ушком. На ремешки нанизаны стеклянные бусы и медные пронизки-трубочки. Медь, стекло. Размер пластины-лунницы — 15 × 3,5 см.

124.1. № 761, погр. 89. Комбинированное украшение. К пластине-луннице прикреплены подвески, вырезанные из листовой меди, ромбической и округлой формы (сохранилось 6). Ремешки продеты через медные трубочки-пронизки и стеклянные бусы. Медь, стеклянная паста. Длина пластины лунницы — 10,5 см.

124.2. № 1740, погр. 133. Комбинированное украшение. Сохранилась лишь пластина-лунница и несколько ремешков для подвесок, с нанизанными на них бусами. Пластина орнаментирована гравировкой в виде параллельных линий по периметру и полулунных вдавлений. Медь, стеклянная паста. Размер — 20 × 4,3 см.

Бляхи-подвески, бляхи-зеркала (рис. 125—141)

Бляхи из медных сплавов встречены в 162 погребениях (общее количество блях — 580). Они использовались преимущественно как украшения и амулеты. По-видимому, именно в качестве амулетов их клали на сердце погребенных мужчин, как это отмечал Д.Т. Янович. Судя по записям Б.О. Долгих, сделанным в 1948 г. на Таймыре (Музей антропологии и этнографии в Санкт-Петербурге, кол. 4980), еще в середине XX в. аборигенное население севера Западной Сибири продолжало почитать бляхи в качестве амулетов. Нганасаны — информаторы Б.О. Долгих — могли дифференцированно интерпретировать са-

кральную сущность различных изображений на бляхах. Несколько блях, тождественных тем, которые представлены в коллекции, были нашиты на костюм нганасанского шамана Т.Д. Костеркина, камлавшего в нем еще в 1978 г. (Симченко, 1996).

Бляхи-зеркала, получившие распространение в Сибири, изначально являлись продукцией русских ремесленников. Наиболее ранние комплексы, содержащие эти бляхи, относятся к XVII в. и связаны с русскими колонистами и торговцами — находки на острове Фаддея (Исторический памятник русского арктического мореплавания XVII в., 1951), Мангазея (Белов, Овсянников, Старков, 1981).

Иконография многих сюжетов блях имеет близкие аналогии среди других категорий русского искусства XVII—XVIII вв. В качестве примеров можно привести изразцы (рис. 138, сравни с бляхами на рис. 139), медные чернильницы, украшения конской узда и бляхи коновалов. Сюжеты некоторых блях являются заимствованиями из русской геральдики: двуглавый орел с короной (государственный герб), охотник с луком перед деревом, на которое забрался соболю, олень (эти сюжеты встречаются на печатях местной сибирской администрации). Важнейшим аргументом в пользу русского производства является также география находок блях. Ареал их распространения охватывает всю Сибирь (Окладников, 1950), что, конечно, могло быть обеспечено лишь деятельностью русских торговцев.

Ажурные бляхи-подвески XIX в. с композициями, представляющими вариации на темы креста и лучей в круге (солярные), имеют прототипы среди находок в памятниках XVII—XVIII вв., изученных в Нарымском Приобье и бассейне Чулыма (Боброва, Петрова, 1992). Эти более ранние находки также, вероятно, являлись предметами русского экспорта и отличались от подвесок XIX в. несколько меньшими размерами (диаметр около 4,5 см) и меньшим разнообразием форм.

В XVIII—XIX вв., по-видимому, существовали многочисленные мастерские, изготавливавшие отливки блях по старым образцам. Из них известны мастерская Степанова в г. Тобольске, Михаленко в г. Березове (Дунин-Горкавич, 1911. С. 125). Этим же промыслом занимался один поляк из Тобольска (Анучин, 1899. С. 51). Несомненно, велико было участие зырян в производстве медных отливок, мастера-зыряне проживали и в Обдорске (Хондажаевский, 1880. С. 21; Finsch, 1879. S. 455). По данным Н.А. Абрамова, в 1850 г. на Обдорскую ярмарку зыряне Архангельской губернии привезли разных медных и

железных изделий на 400 рублей (Абрамов, 1857. С. 17). По мнению Л.Н. Гончаровой, крупными центрами медного литья, откуда шли поставки в Сибирь, являлись село Кимжа на р. Мезени и село Ижма на р. Печоре (Гончарова, 1983. С. 109). В XX в. медные бляхи отливались и в Туле (Иванов, 1963).

Типологическое разнообразие блях-подвесок и блях-зеркал, представленных в коллекции из могильников, весьма велико — более 90 вариантов.

125.1. № 4985. Подвеска ажурная в виде креста, вписанного в круг, украшена штампами-розетками, медь, литье. Диаметр — 5 см. Встречена в пяти погребениях.

125.2. № 1540, погр. 157. Подвеска ажурная в виде креста, вписанного в круг, медь, литье. Диаметр — 3,2 см. Встречена в одном погребении.

125.3. № 1304, погр. 133. Подвеска ажурная в виде креста, вписанного в круг, украшена штампами-розетками, медь, литье. Диаметр — 5 см. Встречена в четырех погребениях.

125.4. № 3011, погр. 320. Подвеска ажурная в виде креста, вписанного в восьмигранник, украшена штампами-розетками, медь, литье. Размеры 6 × 5 см. Встречена в одном погребении.

125.5. № 2875, погр. 312. Подвеска ажурная в виде креста с расширяющимися лопастями, вписанного в круг, медь, литье. Диаметр — 4,5 см. Встречена в одном погребении.

125.6. № 917, погр. 100. Подвеска ажурная в виде ромбов, вписанных в круг, медь, литье. Диаметр — 8 см. Встречена в трех погребениях.

125.7. № 2535, погр. 277. Подвеска ажурная в виде колеса с шестью спицами, украшена штампами-розетками, медь, литье. Диаметр — 8,5 см. Встречена в одном погребении.

125.8. № 1435, погр. 141. Подвеска ажурная в виде звезды с восьмью лучами, вписанной в круг, украшена штампами-розетками, медь, литье. Диаметр — 6 см. Встречена в девяти погребениях. Аналогичные были найдены на кладбище в Обдорске (Руденко, 19146. С. 19). Тождественные подвески украшали женскую шапку, приобретенную А.Э. Норденшельдом в 1878 г. у ненцев в пос. Хабарово на Югорском полуострове (Nordenskiöld, 1882. S. 71).

125.9. № 1295, погр. 133. Подвеска ажурная в виде звезды с шестью лучами, украшена штампами-розетками, медь, литье. Диаметр — 6 см. Встречена в 20 погребениях. Аналогичные были найдены на кладбище в Обдорске (Руденко, 19146. С. 19), такие же подвески украшали жен-

скую самоедскую шапку, приобретенную Норденшельдом. Этот тип есть в коллекции из хольмеров на р. Ходыта-яха на Ямале.

125.10. № 4982. Подвеска ажурная в виде креста с расширенными к концам лопастями, вписанного в круг, украшена штампами — зигзагообразные линии, медь, литье. Диаметр — 5,7 см. Аналогии в коллекции из хольмеров на р. Ходыта-яха на Ямале.

126.1. № 1247, погр. 128. Подвеска ажурная в виде колеса с тремя спицами и кольцом в середине, украшена штампами-розетками, медь, литье. Диаметр — 7 см. Встречена в трех погребениях. Аналогичные найдены в погребениях тувинцев XVIII—XIX вв. (Дьяконова, 1975. С. 35), в Хакасии (Государственный Эрмитаж, кол. 5531).

126.2. № 3390, погр. 353. Подвеска ажурная в виде колеса с тремя спицами и кольцом в середине, украшена штампами-розетками, медь, литье. Диаметр — 7 см. Встречена в одном погребении. Аналогичная в коллекции из хольмеров на р. Ходыта-яха на Ямале.

126.3. № 2581, погр. 279. Подвеска ажурная в виде колеса с четырьмя фигурными спицами, медь, литье. Диаметр — 7 см. Встречена в одном погребении.

126.4. № 2128, погр. 228. Подвеска ажурная в виде решетки, вписанной в круг, украшена штампами-розетками, медь, литье. Диаметр — 9,5 см. Встречена в десяти погребениях.

126.5. № 2512, погр. 274. Подвеска ажурная в виде колеса с десятью спицами и кругом в центре, украшена штампами-розетками, медь, литье. Диаметр — 10 см. Встречена в четырех погребениях.

127.1. № 1257, погр. 132. Подвеска ажурная в виде креста, вписанного в круг, украшена штампами-розетками, медь, литье. Диаметр — 9,3 см. Встречена в одном погребении.

127.2. № 4979. Подвеска ажурная в виде колеса с шестью фигурными спицами и кольцом в центре, медь, литье. Диаметр — 10,5 см. Встречена в трех погребениях. Аналогичная бляха показана на рисунке Кушелевского, изображающего “остятку, жену самоеда Нячи” (Кушелевский, 1868).

127.3. № 1220, погр. 126. Подвеска ажурная в виде колеса с шестью спицами и кольцом в центре, медь, литье. Диаметр — 10 см. Встречена в одном погребении. Очень близкая по форме подвеска изображена в атласе И.Д. Булычева как украшение косы “сидячей корячки” с полуострова Камчатка (Булычев, 1856).

127.4. № 1592, погр. 159. Подвеска ажурная в виде ажурного креста с ромбом в центре, впи-

санного в восьмигранник, медь, литье. Размеры — 11,5 × 10 см. Встречена в четырех погребениях. Аналогичные найдены на кладбище в Обдорске (Руденко, 19146. С. 19).

128.1. № 1999, погр. 213. Подвеска ажурная в виде креста, разделяющего четыре сердечка, вписанные в круг, медь, литье. Диаметр — 8,3 см. Встречена в одном погребении.

128.2. № 2357, погр. 249. Подвеска ажурная в виде шестигранника с круглым отверстием в центре, вписанного в круг, украшена штампами-розетками, медь, литье. Диаметр — 7 см. Встречена в пяти погребениях. Тождественная подвеска, украшала женский ненецкий костюм XIX в. в с. Кимжа (кол. Архангельского музея, Гончарова, 1983. С. 111).

128.3. № 286, погр. 38. Подвеска ажурная медь, литье. Диаметр — 10,5 см. Встречена в одном погребении.

128.4. № 1593, погр. 159. Подвеска ажурная в виде двойного кольца, между которыми вписано семь четырехугольников, медь, литье. Диаметр — 7,5 см. Встречена в одном погребении.

128.5. № 2356, погр. 249. Подвеска ажурная в виде колеса с восемью спицами, прорези как сердечки, медь, литье. Диаметр — 10,5 см. Встречена в одном погребении. Аналогичная по форме, но меньших размеров бляха была найдена в погребении XIX в. могильника Усть-Балык в районе г. Нефтеюганска на Оби (Семенова, 1984).

128.6. № 1207, погр. 125. Подвеска ажурная с прорезями в виде чередующихся сердечек и восьмеркообразных фигур, медь, литье. Диаметр — 8,5 см. Встречена в одном погребении. В коллекции в двух погребениях имеются бляхи очень близкого рисунка и чуть больших размеров. Аналогичная бляха была найдена в нанайском погребении середины XIX в. в низовьях Амура (Медведев, 1979. С. 199).

129.1, 2. № 2874, погр. 312. Подвески ажурные в виде сердечка с прорезью-сердечком, медь, литье. Размер — 5 × 4 см. Встречены в одном погребении. Аналогичные подвески были очень распространены в конце XIX в. у коми, ненцев и обских угров (Грибова, 1975. Табл. 23). Дериваты подвесок этого типа производятся и сейчас и в 1991 г. продавались в магазине г. Салехарда.

129.3. № 2873, погр. 312. Подвеска ажурная в виде сердечка с прорезью-сердечком, медь, литье. Размер — 6 × 4 см. Встречена в одном погребении.

129.4. № 1750, погр. 193. Подвеска ажурная с изображением человека с поднятыми руками в ромбической рамке, медь, литье. Размер — 7 × 4,5 см. Встречена в пяти погребениях. Тожде-

ственные подвески украшали женскую шапку, приобретенную Соммье в 1880 г. у самоедов в Хале-Пугоре (Sommer, 1885. P. 357). М. Лаптандер на р. Щучьей в 1982 г. имела такую же (Орлов, 1982. С. 44). В этнографических коллекциях конца XIX—XX в. известны многочисленные упрощенные по форме подвески, являющиеся развитием данного типа (Дунин-Горкавич, 1911. Рис. 37; Грибова, 1975. Табл. 23). Встречены также в комплексах в хольмерах с реки Ходыта-яха на Ямале.

129.5. № 3393, погр. 353. Подвеска ажурная с изображением медведя в ромбической рамке, медь, литье. Размер — 7 × 4,5 см. Встречена в семи погребениях. Тожественные найдены в могиле у фактории Лоборова на р. Щучья (Чернов, 1951а. С. 102, 103), украшали шапку М. Лаптандер, проживавшей на р. Щучья (Орлов В., 1982). Аналогичная была изготовлена (?) селькупским шаманом в 1920-х годах на р. Часыльке (Северные россыпи, 1962. С. 217).

129.6. № 1790, погр. 194. Подвеска ажурная зооморфная (?), медь, литье. Размер — 6,5 × 3,5 см. Встречена в трех погребениях. Этот тип подвесок был широко распространен в конце XIX в. и широко представлен в этнографических коллекциях (Sommer, 1885. P. 357; Дунин-Горкавич, 1911. Рис. 37; экспозиции Музея этнографии народов СССР, Тобольского музея, кол. У. Салиндер из пос. Кутопьюган Надымского района в музее Салехарда). Имеются в комплексах из хольмеров на р. Ходыта-яха на Ямале, в могиле у фактории Лоборова на р. Щучье (Чернов, 1951а. С. 102, 103). Прототипы подвесок появляются в памятниках Западной Сибири XVII—XVIII вв. (Дульзон, 1955; Гребнева, 1976).

129.7. № 3366, погр. 351. Подвеска ажурная в виде решетки, вписанной в ромб, с выступами-лапками, медь, литье. Размер — 9 × 5,5 см. Встречена в пяти погребениях. Аналогии имеются в этнографических коллекциях, собранных у большеземельских ненцев и на севере Западной Сибири (Грибова, 1975. Табл. 20, Историко-этнографический атлас народов Сибири, 1961); васюганских хантов (Sirelius, 1983. S. 293); в инвентаре погребений XIX в., изученных Л.П. Хлобыстиным и Г.Н. Грачевой на Таймыре (Музей антропологии и этнографии, кол. 6628). Тожественные найдены в верховьях р. Щучьей (Чернов, 1951а. С. 102, 103), в хольмерах на р. Ходыта-яха на Ямале.

129.8. № 995, погр. 106. Подвеска ажурная с изображением медведя, вписанного в круг, медь, литье. Диаметр — 3,5 см. Встречена в одном погребении.

129.9. № 1822, погр. 195. Подвеска ажурная в виде решетки, вписанной в ромб, медь, литье. Размер — 16 × 8 см.

130.1. № 2685, погр. 293. Подвеска ажурная с изображением оседланной лошади, медь, литье. Диаметр — 8 см. Встречена в одном погребении.

130.2. № 2261, погр. 243. Подвеска ажурная с изображением лошади со всадником (?), медь, литье. Диаметр — 8 см. Встречена в одном погребении. Аналогичная найдена на кладбище Обдорска (Руденко, 1914б. С. 19), бляха этой серии есть среди находок неизвестного происхождения в музее Салехарда (Обдорска).

130.3. № 2960, погр. 316. Подвеска ажурная с изображением конька, украшена циркульным орнаментом, медь, литье. Диаметр — 11 см. Встречена в одном погребении. Наличие коньковых медных привесок у остячек отмечал В.Ф. Зуев (Зуев, 1947. С. 27). Аналогичная подвеска привезена И.Н. Шуховым (?) из экспедиции в Обдорск в 1911 г. (Жук, Мельников, 1995. С. 12).

130.4. № 2259, погр. 243. Подвеска ажурная с изображением конька, медь, литье. Диаметр — 6,2 см. Встречена в трех погребениях. Аналогичная есть среди находок неизвестного происхождения в музее Салехарда.

130.5. № 2292, погр. 245. Подвеска ажурная с изображением конька, украшена циркульным орнаментом, медь, литье. Диаметр — 7 см. Встречена в 14 погребениях. Аналогичная была найдена на кладбище в Обдорске (Руденко, 1914б. С. 19). Норденшельд приобрел тождественную подвеску в 1878 г. у ненцев в пос. Хабарово (Nordenskiöld, 1882. S. 79). Тожественная есть в комплексе из погребения у р. Падимей-Вис в Большеземельской тундре (Чернов, 1951б. С. 319; 1985. С. 164), этнографические сборы в с. Кимжа Мезенского р-на Архангельской обл. (Гончарова, 1983. С. 111).

130.6. № 893, погр. 96. Подвеска ажурная с изображением бегущих животных: сверху — лев (?), снизу — конь, медь, литье. Диаметр — 11 см. Встречена в одном погребении.

131.1. № 1967, погр. 210. Подвеска ажурная с изображением птицы-феникса (?) с поднятыми крыльями и запрокинутой головой, медь, литье. Диаметр — 6,3 см. Встречена в пяти погребениях.

131.2. № 1436, погр. 141. Подвеска ажурная с изображением птицы, медь, литье. Диаметр — 6 см. Встречена в двух погребениях. Аналогичная была найдена Н. Гондатти в вогульских погребениях (Анучин, 1899. С. 51).

131.3. № 2296, погр. 245. Подвеска ажурная с изображением водоплавающей птицы, украше-

на циркульном орнаментом, медь, литье. Диаметр — 7 см. Встречена в шести погребениях. Бляхи этой серии относятся к числу весьма распространенных. Они были найдены Н. Гондатти в вогульских могилах (Анучин, 1899. С. 50), имеются в этнографических коллекциях, собранных у большеземельских ненцев (Грибова, 1975. Табл. 20).

131.4. № 2815, погр. 309. Подвеска ажурная с изображением водоплавающей птицы, украшена циркульным орнаментом, медь, литье. Диаметр — 10,5 см. Встречена в двух погребениях. Аналогичная имеется в Тобольском музее (Дунин-Горкавич, 1911. Рис. 36).

131.5. № 1835, погр. 195. Подвеска с изображением водоплавающей птицы, медь, литье. Диаметр — 4,2 см. Встречена в одном погребении. Аналогичные были найдены Н. Гондатти в вогульских могилах (Анучин, 1899. С. 51) и С. Руденко на кладбище Обдорска (Руденко, 1914б. С. 18), присутствуют в комплексах из хольмеров на р. Ходыта-яха на Ямале и из жертвенного места Вылкар-Мыльк в бассейне р. Щучьей (Чернов, 1951а. С. 102, 103).

131.6. № 2072, погр. 220. Подвеска с изображением птицы, медь, литье. Диаметр — 3 см. Встречена в одном погребении. Тожественная имеется в коллекции У. Салиндер из пос. Кутопьюган Надымского района (Музей в Салехарде), в коллекции из хольмеров на р. Ходыта-яха на Ямале.

131.7. № 1786, погр. 194. Подвеска с изображением водоплавающей птицы, оловянистый (?) сплав, литье. Диаметр — 6 см. Встречена в двух погребениях. Аналогии имеются в коллекциях Государственного Исторического музея в Москве среди приобретений конца XIX в. (Голованова, 1962. С. 139), в Тобольском музее (Дунин-Горкавич, 1911. Рис. 37).

132.1. № 1673, погр. 174. Подвеска ажурная в виде кольца с четырьмя спицами и изображением льва в центральном круглом клейме, медь, литье. Диаметр — 6,2 см. Встречена в одном погребении.

132.2. № 1208, погр. 125. Подвеска ажурная с изображением человека, вписанного в круг, медь, литье. Диаметр — 8,5 см. Встречена в одном погребении. Аналогичные подвески (2а) были найдены в Южной Сибири в погребениях "енисейских тюрков" (Теплоухов, 1932. С. 410).

132.3. № 505, погр. 54. Подвеска круглая с ушком с изображением льва, медь, литье. Диаметр — 3,2 см. Встречена в двух погребениях.

132.4. № 3326, погр. 350. Подвеска ажурная с изображением льва в центре, медь, литье. Ди-

аметр — 8 см. Встречена в одном погребении. Близкую по форме подвеску к поясу Р. Маак приобрел в Якутии. По его мнению, на ней изображен барс, убитый в окрестностях Якутска в 1814 г. (Маак, 1887. С. XI). Аналогичные украшали шапку М. Лаптандер с р. Щучья (Орлов, 1982. С. 45), передник эвенкийки А. Лебедевой из пос. Ойетунг Аллаиховского р-на Красноярского края (Гончарова, 1983. С. 108).

132.5. № 1751, погр. 193. Подвеска ажурная с зубчатым краем (от конской сбруи), украшена циркульным орнаментом, медь, литье. Диаметр — 5,2 см. Встречена в одном погребении.

132.6. № 3324, погр. 350. Подвеска ажурная в виде прямоугольника с продольной прорезью, в нижней части ряд подтреугольных выступов с отверстиями для подвешивания привесок (часть сложного украшения), медь, литье. Размер — 11 × 3,5 см. Встречена в одном погребении. Аналогичная, приобретенная до 1888 г. в Нарымском округе, имеется в коллекции Томского университета (Каталог этнографических коллекций Томского университета, 1979. С. 281, 294). Близкие по форме были изготовлены в мастерской Михайленко в Березове в конце XIX в. (Северные россыпи, 1962. С. 229).

133.1. № 346002, погр. 350. Подвеска трапециевидная из листа меди. Размер 4,3 × 3 см. Встречена в одном погребении.

133.2. № 1520, погр. 152. Подвеска овальная из листа меди. Размер 4,3 × 3 см. Встречена в одном погребении.

133.3. № 3334, погр. 350. Подвеска ажурная в виде кольца с круглыми прорезями, медь, литье. Диаметр — 4,3 см. Встречена в трех погребениях. Аналогичные были найдены в погребении XIX в. у пос. Усть-Авам на Таймыре (Музей антропологии и этнографии, кол. 6628), якутских (тунгусских?) погребениях XVIII—XIX вв. (Маак, 1887. Табл. 1).

133.4. № 950, погр. 103. Подвеска круглая ажурная с изображением вписанной в кольцо царской эмблемы — двуглавый орел с короной, скипетром и державой, медь, литье. Диаметр — 7 см. Встречена в одном погребении. Тожественная найдена в погребении у р. Падимей-Вис в Большеземельской тундре с колокольчиком 1814 г. (Чернов, 1951б. С. 319; 1985. С. 164), экземпляр имеется в коллекции П.И. Щукина в ГИМе (Голованова, 1962. С. 139).

133.5. № 2600, погр. 281. Подвеска ажурная с изображением геральдической сцены — лев борющийся с единорогом. Над их головами — корона. Медь, литье. Диаметр — 4,8 см. Встречена в одном погребении. Сюжет, вероятно, заимство-

ван с английского герба. В России очень распространен с XVI в., воспроизводился на печатях, изразцах, изделиях из металлов (Румянцев, 1869; Художественный металл в России 17 — начала 20 в., 1981).

133.6. № 1674, погр. 174. Подвеска ажурная с изображением в центральном кольце царской эмблемы — двуглавого орла с короной, скипетром и державой, медь, литье. Диаметр — 10,2 см. Встречена в одном погребении. Подобные бляхи, но более массивные, изготавливались в качестве украшений конской сбруи (ГИМ, отдел металла).

133.7. № 2297, погр. 245. Подвеска ажурная с изображением орла, медь, литье. Диаметр — 10,2 см. Встречена в 11 погребениях. Тожественные были найдены Н. Гондатти в вогульских могилах (Анучин, 1899. С. 50), бляхи этой серии есть в Тобольском музее (Дунин-Горкавич, 1911. Рис. 36).

134.1. № 2129, погр. 228. Подвеска круглая с изображением крылатого кентавра в короне, натягивающего лук, повернутого налево, фон покрыт завитками, медь, литье. Диаметр — 7 см. Имеется ушко для подвешивания. Встречена в четырех погребениях. Аналогичные найдены на кладбище Обдорска (Руденко, 19146. С. 18). Тожественные имеются в этнографических коллекциях (кол. У. Салиндер в музее г. Салехарда). Непосредственные иконографические прототипы блях с данным сюжетом представлены в русских изразцах XVII в. В качестве примера можно привести краснорельефный изразец из колокольни Афанасьевского монастыря в Ярославле (Ярославский музей-заповедник, № 4961). Кентавр на этом изразце вписан в круг, фон внутри круга заполнен изображениями выющихся растений. Главные отличия изображения на изразце от медной бляхи в отсутствии у кентавра на изразце крыльев и короны. Сходство в компоновке изображений, совпадение деталей передачи позы и фона указывает на наличие иконографической преемственности.

134.2. № 2130, погр. 228. Подвеска круглая с изображением крылатого кентавра в короне, натягивающего лук, повернутого вправо, медь, литье. Имеются три пары сдвоенных отверстий для пришивания бляхи. Диаметр — 7 см. Встречена в четырех погребениях. Аналогичные есть в Тобольском музее (Дунин-Горкавич, 1911. Рис. 36, 37), среди этнографических сборов Б.О. Долгих на Таймыре (Музей антропологии и этнографии, кол. 4980), в коллекции, привезенной в 1911 г. И.Н. Шуковым из Обдорска (Жук, Мельников, 1995. С. 11), в сборах из хольмеров на р. Ходы-

та-яха на Ямале, в числе подвесок к шапке, принадлежавшей М. Лаптандер с р. Щучьей (Орлов, 1982. С. 45).

134.3. № 2048, погр. 218. Бляха-зеркало с изображением всадника, натягивающего лук, медь, литье. Диаметр — 8 см. Встречена в десяти погребениях.

134.4. № 1203, погр. 125. Бляха-зеркало с изображением крылатого кентавра в короне, обращенного влево, натягивающего лук. Фон заполнен орнаментальными завитками. Вокруг центрального изображения идет кайма, заполненная “рубчиком”. Медь, литье. Диаметр 9 см. Встречена в четырех погребениях. Аналогичные были найдены на кладбищах возле Обдорска (Руденко, 19146. С. 18; Гончарова, 1983. С. 116). Известны находки с Ямала (сборы на р. Ходыта-Яха 1986 г.) и на территории Большеземельской тундры. В погребении на р. Падимей-Вис найдена бляха, представляющая упрощенный вариант данного типа (Чернов, 19516. С. 319; 1985. С. 164). Аналогичная бляха была обнаружена в д. Устье возле Пустозерска в низовьях р. Печоры (Овсянников, 1997. С. 96). Этот же тип блях есть в коллекции, привезенной из Обдорска в 1911 г. И.Н. Шуковым (Жук, Мельникова, 1995. С. 11).

134.5. № 2124, погр. 228. Бляха-зеркало с изображением крылатого кентавра в короне с жезлом и щитом. Медь, литье. Диаметр 9,2 см. Встречена в девяти погребениях. Наиболее ранняя бляха данного типа была обнаружена в комплексе XVII в. на острове Фаддея (Исторический памятник русского арктического мореплавания XVII в., 1951. С. 160). Многочисленные аналогии (более 20 экз.), собранные А.П. Окладниковым, показывают, что бляхи с кентавром этого иконографического типа были распространены в XIX в. по всей Сибири и особенно на севере Западной Сибири (Окладников, 1950, С. 143). Из этого региона происходит серия новых находок. В районе Надыма было найдено не менее трех блях. Одна находится в частной коллекции Д.Л. Менро (сотрудник музея “Коломенское”), другая была подобрана М.Д. Сониным (Овсянников, 1997. С. 97), третья имеется в коллекции У. Салиндер (хранится в музее в Салехарде). Тожественная бляха происходит из сборов 1986 г. в хольмерах на Ямале у р. Ходыта-Яха (кол. Ин-та истории и археологии Уральского отд-ния РАН в Екатеринбурге). Серия беспаспортных находок хранится в музее в Салехарде. Аналогичная бляха хранится в Омском краеведческом музее, куда была доставлена И.Н. Шуковым (?) из экспедиции в Обдорск в

1911 г. (Жук, Мельников, 1995. С. 11) и в ГИМе имеется вариант этого типа бляхи (Голованова, 1962. С. 139).

Несколько находок было сделано к западу от Урала в Большеземельской тундре. К бляхе, включенной в сводку А.П. Окладникова (1950. С. 145), приобретенной в 1872 г. у самоедов на р. Усе, следует добавить бляху из погребения на р. Падимей-Вис, найденную в комплексе с валдайским колокольчиком 1814 г. (Чернов, 1951б. С. 318, 319; 1985. С. 164), и бляху из д. Пылемец в низовьях Печоры (Овсянников, 1997. С. 97, 98). Имеются и этнографические данные о том, что в конце XIX в. бляхи с кентаврами украшали одежду ненцев (Окладников, 1950. С. 145).

На крайнем северо-востоке Азии у юкагигов и ламутов (эвенгов) бляхи с крылатым кентавром были также распространены. К списку находок, учтенных А.П. Окладниковым, следует добавить бляху, нашитую на передник ламутки, сфотографированной В.И. Иохельсоном (фото опубликовано: Берг, 1935. С. 373), а также фотографию бляхи, нашитой на летнюю одежду тунгусов, опубликованную Г. Кенанном (Кеннан, 1910). Аналогичная бляха "из старых поступлений" с четырьмя отверстиями для нашивания на одежду имеется в экспозиции краеведческого музея в Петропавловске-Камчатском в витрине, посвященной эвенкам. Таким образом, в Восточную Сибирь была завезена большая серия блях с крылатым кентавром.

Уникальной по своему географическому положению является находка бляхи с кентавром из Воронежской губернии (Окладников, 1950. С. 144).

135.1. № 2033, погр. 217. Бляха-зеркало с изображением театрального представления (камлание в чуме?), медь, литье. Диаметр — 8,5 см. Встречена в четырех погребениях. Имеется также среди этнографических сборов в районе Обдорска (Гончарова, 1983. С. 116).

135.2. № 2723, погр. 301. Бляха-зеркало с изображением охотника с луком, целящегося в пушного зверька (соболь, белка?) на дереве, медь, литье. Диаметр — 8,2 см. Встречена в одном погребении. Аналогичная найдена в хольмере на р. Ходыта-яха на Ямале.

135.3. № 926, погр. 102. Подвеска с изображением всадника на одной стороне и мужской головы в профиль — на другой, оловянистый сплав, литье. Диаметр — 4,2 см. Встречена в одном погребении.

135.4. № 1826, погр. 195. Подвеска с изображением оленя, медь, литье. Диаметр — 8 см.

Встречена в одном погребении. Аналогичная найдена в хольмере на р. Ходыта-яха на Ямале.

135.5. № 638, погр. 74. Бляха-зеркало с изображением сцены борьбы льва с пятиглавым драконом, медь, литье. Диаметр — 8,7 см. Встречена в одном погребении. Аналогичная есть в музее Салехарда среди находок неизвестного происхождения. Тожественная найдена в погребении у р. Падимей-Вис в Большеземельской тундре (Чернов, 1951б. С. 319; 1985. С. 164).

135.6. № 2390, погр. 256. Подвеска с изображением двух львов, сидящих по обеим сторонам мирового древа, медь, литье. Диаметр — 9,2 см. Встречена в девяти погребениях. Бляха с этим же сюжетом, но несколько меньших размеров найдена в Мангазее (Белов, Овсянников, Старков, 1981. Табл. 49). Аналогичные бляхи найдены в погребении на острове Ольхон на Байкале (Казанцев, Хороших, 1962), в погребении XIX в. на р. Подьяха в устье Енисея (Музей антропологии и этнографии, кол. 6611), на кладбище Обдорска (Руденко, 1914б. С. 18), а также в коллекции сборов в районе Обдорска, хранящейся в МАЭ (Гончарова, 1983. С. 111), одна бляха есть в музее Салехарда среди находок неизвестного происхождения. Бытование блях данного типа было зафиксировано этнографами (Грибова, 1975. Табл. 23; Историко-этнографический атлас народов Сибири, 1961). Бляха этого типа была нашита на одежду нганасанского шамана Т.Д. Костеркина (Симченко, 1996. С. 206).

Среди русских изразцов XVII в. имеется несколько вариантов изображений сюжета с двумя львами и мировым деревом в центре (Розенфельдт, 1968. С. 117; кол. Музея истории Москвы).

В коллекции из могильника Халас-Пугор в погребении 108 присутствовала бляха (ныне утраченная), которая известна по фотографии 1930-х годов, с близкой сюжетной схемой: мировое древо в центре и семь львов вокруг него. Тожественные бляхи есть в собраниях музея в Салехарде (рис. 136) и Исторического музея в Москве (Голованова, 1962. С. 138). В обоих случаях отсутствует информация об обстоятельствах поступления изделий в коллекции. Аналогичная бляха есть в коллекции из хольмеров на р. Ходыта-яха на Ямале.

139.1. № 1209, погр. 125. Подвеска ажурная с изображением всадника, медь, литье. Диаметр — 8 см. Встречена в одном погребении.

139.2. № 2006, погр. 214. Подвеска ажурная с изображением всадника, обращенного вправо, медь, литье. Диаметр — 9 см. Встречена в двух погребениях. Тожественные бляхи были найдены возле Обдорска (Гончарова, 1983. С. 116), в

верховьях р. Щучьей (Чернов, 1951а. С. 102, 103), у озера Нумго в Нарымском Приобье (Ожередов, Приступа, 1997). Такая же бляха была привезена И.Н. Шуховым из экспедиции в Обдорск в 1911 г. (Жук, Мельников, 1995. С. 12). Бляха со всадником была нашита на костюме нганасанского шамана Т.Д. Костеркина (Симченко, 1996. С. 206). Его потомок Леонид Костеркин камлал на Таймыре в 1999 г. с висящей на груди бляхой данного типа (фото Л. Круглова. Выставка «Северная цивилизация на пороге XXI века. Москва, Государственный музей современной истории России»). Близкие аналогии этому типу — бляхи от конской сбруи русской работы XIX в., которые имеются в собраниях Государственного Исторического музея в Москве (№ 63062/м7199) и Музея этнографии народов России в Петербурге (Народное искусство, 1975).

139.3. № 1453, погр. 147. Подвеска с изображением всадника, на заднем гладком фоне — два цветка, по периметру — ободок-плетенка, медь, литье. Диаметр — 9 см. Встречена в 13 погребениях. Тожественные бляхи были найдены на кладбище Обдорска (Руденко, 19146. С. 18), на хантыйском кладбище XIX в. на р. Тым в Томской области возле пос. Неготка (Яковлев, 1980, 1992), есть они в коллекции Тобольского музея (Дунин-Горкавич, 1911. Рис. 36).

Изразцы второй половины XVII в. с тождественной сюжетной схемой (рис. 138) есть на крыльце трапезной Борисоглебского монастыря под Ростовом (Кривоносов, Макаров, 1986). Примечательно совпадение не только сюжетной схемы, но и ряда деталей иконографии изразцов и медных блях (рис. 138), а именно поза коня и всадника, наличие цветков перед лошадью и за спиной всадника. Важно отметить, что в XIX в. делались копии с изразцов XVII в. Так, в Ярославском музее-заповеднике хранятся изразцы-новоделы, изготовленные на заводе В.А. Аксенова (Рыбинский уезд Ярославской губ.) для реставрации трапезной палаты Борисоглебского монастыря (ЯМЗ-5935)⁴. Похожие изображения имеются на таком массовом виде русских изделий XVII в., как бронзовые чернильницы (Государственный Исторический музей в Москве, № 36696/м 2028).

139.4. № 725, погр. 86. Подвеска с изображением всадника, медь, литье. Диаметр — 9 см. Отличается от предыдущей лишь способом передачи фона — перекрестное рифление. Встречены

в трех погребениях. Аналогичные в этнографической коллекции из района Обдорска (Гончарова, 1983. С. 116)

139.5. № 282, погр. 38. Подвеска с изображением всадника, фон заполнен перекрестным рифлением, медь, литье. Диаметр — 9 см. Встречена в шести погребениях. Аналогичные из этнографической коллекции из района Обдорска (Гончарова, 1983. С. 116).

139.6. № 2289, погр. 245. Подвеска с изображением всадника, медь, литье. Диаметр — 9 см. Отличается от предыдущей лишь гладким задним фоном. Встречена в четырех погребениях. Тожественная найдена в погребении у р. Падимей-Вис в Большеземельской тундре вместе с колокольчиком 1814 г. (Чернов, 1951б. С. 319; 1985. С. 164), есть в этнографических сборах в районе Обдорска (Гончарова, 1983. С. 116).

140.1. № 2794, погр. 306. Подвеска в виде диска, украшенного циркульным орнаментом, медь, литье. Диаметр — 8 см. Встречена в 48 погребениях. Данный вид блях был наиболее массовым. Они встречены также на кладбище Обдорска (Руденко, 19146. С. 17). Тожественные бляхи украшали самоедскую женскую шапку, приобретенную Норденшельдом в 1878 г. в Хабарово (Nordenskiöld, 1882. С. 71).

140.2. № 1979, погр. 211. Подвеска в виде диска с орнаментом, медь, литье, чеканка. Диаметр — 9 см.

140.3. № 3387, погр. 353. Круглая подвеска в виде диска с изображением деревьев, выполненных двумя типами штампов, медь, литье, чеканка. Диаметр — 11 см.

140.4. № 837, погр. 96. Подвеска в виде диска с изображением креста в круге, медь, литье, чеканка. Диаметр — 10,6 см.

140.5. № 2291, погр. 245. Подвеска в виде диска с орнаментом в виде дерева, медь, литье, чеканка. Диаметр — 11 см.

140.6. № 2110, погр. 223. Подвеска в виде гладкого диска, медь, литье. Диаметр — 9 см. Встречена в 11 погребениях. Аналогичные были найдены в ненецкой могиле на р. Падимей-Вис в Большеземельской тундре (Чернов, 1985. С. 164).

141.1. № 1523, погр. 152. Подвеска с личиной в центре и 11 выступами-лапками, медь, литье. Диаметр — 3,5 см. Встречена в трех погребениях. Аналогичные подвески имеются в этнографических коллекциях, собранных у остяков нарымского края (Клюева, Михайлова, 1988. С. 109), в коллекции У. Салиндер из Надымского района (Музей в Салехарде). Личинами украшались бляхи конской узды (Государственный Историче-

⁴ Авторы благодарят хранителя фонда керамики Ярославского музея-заповедника М.Л. Фисенко за консультации.

ский музей в Москве). Весьма вероятно, что прототипом подвесок с личинами являются бронзовые замочки-маскароны XVIII в. (рис. 141: 4а).

141.2. № 2035, погр. 217. Подвеска с личиной в центре и 11 отростками-лапками по периметру, медь, литье. Диаметр — 4 см. Встречена в двух погребениях.

141.3. № 1307, погр. 133. Подвеска с личиной в центре и девятью выступами-лапками по периметру, медь, литье. Диаметр — 3,5 см. Встречена в двух погребениях.

141.4. № 2722, погр. 301. Подвеска с личиной в центре и пятью выступами по периметру, медь, литье. Диаметр — 3,1 см. Встречена в одном погребении.

141.5. № 1541, погр. 157. Подвеска с розеткой в центре и десятью выступами-лапками по периметру, медь, литье. Диаметр — 3 см. Встречена в пяти погребениях (в том числе вариант подвесок без отростков). Аналогичные подвески поступили в музей Томского университета из Нарымского округа до 1888 г. (Каталог этнографических коллекций музея Томского университета, 1979. С. 281, 294), этот тип есть в коллекции из хольмеров на р. Ходыта-яха.

141.6. № 1838, погр. 195. Подвеска с розеткой в центре, медь, литье. Диаметр — 2,5 см. Встречена в одном погребении.

141.7. № 2262, погр. 243. Подвеска, орнаментированная рельефными концентрическими окружностями, медь, штамповка. Размер — 5 × 5 см. Встречена в одном погребении.

141.8. № 3393, погр. 353. Подвеска, орнаментированная концентрическими окружностями, медь, литье. Диаметр — 5,5 см. Встречена в девяти погребениях.

141.9. № 2287, погр. 245. Подвеска, орнаментированная рельефными концентрическими окружностями, медь, штамповка. Размер — 9 × 9 см. Встречена в 15 погребениях. Аналогичные подвески имели широкое распространение на севере Западной Сибири в конце XIX — начале XX в. Они встречены на кладбище Обдорска (Руденко, 19146. С. 17), входили в состав культового комплекта нганасан (Грачева, 1981).

141.10. № 1473, погр. 148. Подвеска, орнаментированная рельефными выступами, медь, штамповка. Размер 9 × 8 см. Встречена в одном погребении.

Бусы (рис. 142)

Бусы и бисер из стекла и олова встречены в 125 погребениях.

142.1, 2. № 341, погр. 44. Бусы из стеклян-

ной пасты зеленоватого цвета. Боченковидно-ребристые. Диаметр — 1,7 см.

142.3. № 2096, погр. 220. Бусы ребристые, олово. Размеры — 0,7 см.

142.4. № 1682, погр. 174. Бусы округлые черного цвета с белыми глазками, стекло.

142.5, 6. № 340, погр. 44. Бусы округлые, золотостеклянные. Диаметр — 1,5 см.

142.7. № 1679, погр. 174. Бусы округлые синие, белые, зеленые, красные, желтые; стекло.

142.8. № 2327, погр. 245. Бусы округлые, боченковидные белые, синие, коричневые; стекло.

Медные и свинцовые предметы (рис. 143)

143.1. № 2191, погр. 233. Предмет неизвестного назначения, медь. Размеры — 3,5 × 3,3 см.

143.2. № 1642, погр. 164. Украшение нашивное, ажурное, медь. Размеры — 3,5 × 2,5 см. Большие серии аналогий данным украшениям известны по материалам из погребений и поселений XVIII в., изученных в Центральной Якутии и в бассейне Вилюя (Маак, 1887; Константинов, 1971; Гоголев, 1990. Табл. LI, 4) Данный вид украшений по-якутски назывался кыбака-симэх (Гоголев, 1990. С. 90). Украшение, найденное в Халас-Пугоре, представляет собой вторичную отливку, возможно, с якутского оригинала.

143.3. № 1641, погр. 164. Украшение (ремня?), медь. Выполнено в том же стиле, что и № 143.2. Размеры — 3 × 2 см.

143.4. № 2963, погр. 316. Крест нательный восьмиконечный, медь. Размер — 3 × 2 см.

143.5. № 1165, погр. 116. Предмет неизвестного назначения (мощевик?). Состоит из двух половин, соединенных шарниром, медный сплав? Размер — 3,5 × 1,5 см.

143.6. № 3139, погр. 331. Товарная пломба (по определению П.Г. Гайдукова), свинец. Диаметр — 4 см. Надпись на лицевой стороне — "ИВАНА : АЛ... ..УТЕКИНА *".

Игрушки (рис. 144)

Игрушки встречены в трех погребениях (два детских, одно — взрослое). О распространении самодельных детских игрушек у хантов низовьев Оби писал Финш (Finsch, 1879. S. 537, Abb. 30). Были в ходу и покупные игрушки. Известно, в частности, что профессор Якобий дарил остяцким детям игрушки (Бартенев, 1895. С. 100). Возможно, что не все игрушки, встреченные в коллекции, использовались для детских

игр. По свидетельству Н.Л. Гондатти, покупные русские игрушки ханты переосмыслили и использовали их в качестве изображений богов (Гондатти, 1888б. С. 55).

144.1–4. №№ 1354, 1353, 1355, 1358, погр. 133 (детское). Комплект деревянных игрушек. Размер антропоморфной фигурки — $2 \times 5,5$ см, фигурок животных — 4×5 см, лодки — $4,5 \times 20$ см. Первоначально, судя по фотографии 1930-х годов, в комплект входило 2 антропоморфные фигурки, 6 фигурок животных и лодка.

144.5, 6. № 347 а, б, погр. 44 (детское). Фигурка всадника, дерево. Размер всадника — 6×15 см, лошади — 10×17 см. Стиль изображения имеет много общего с глиняными фигурками всадников с городища Подчеваш возле Тобольска (Мошинская, 1953. С. 210), датирующегося второй половиной I тыс. н.э. (Могильников, 1987. С. 192).

144.7. № 651, погр. 74 (взрослое, пол не определен). Фигурка человека, олово. Высота — 9 см.

Антропоморфные куклы-идолы (рис. 145–150)

Антропоморфные деревянные изображения, по-видимому, связанные с культом умерших, были встречены в 78 погребениях (в настоящее время в коллекции сохранились в 64 погребениях). Большинство изображений практически тождественны: на плоской деревянной основе выделена голова и ноги, руки отсутствуют, вместо лица иногда имеется оловянная бляшка. Куклы одеты в одежду из сукна и кожи. Другой тип изображений (рис. 150) имеет лицо, “тело” идола объемно, сделано из круглой палки. Не исключено, что за этими различиями в иконографии кроются и различия в семантике.

Почти все исследователи, оставившие описание коренного населения Низовьев Оби (как остяков, так и самоедов), отмечали, что у них существовал обычай изготавливать изображение умершего родича, которое в течение определенного времени хранилось его родственниками дома (Белявский, 1833. С. 98, 99; Ковальский, 1853. С. 27; Castren, 1853; Абрамов, 1857. С. 335; Кушелевский, 1868. С. 120; Finsch, 1879. S. 547; Шухов, 1914. С. 12 и др.).

Дальнейшая судьба этих изображений бывала различна. Их клали в специальные амбарчики (Ковальский, 1853. С. 27; Finsch, 1879. S. 547), зарывали на кладбище или помещали в “гробницу” покойного (Росляков, 1896. С. 5). Свидетельство И.П. Рослякова особенно важно, так как есть ос-

нования предполагать, что его наблюдения связаны именно с Халас-Пугором. Помещение изображений умерших в могилы, по-видимому, не было общепринятой нормой среди коренного населения Низовьев Оби, что дало основание Финшу вообще поставить под сомнение существование такого обряда (Finsch, 1879. S. 547). Остяки — информаторы С.И. Руденко не могли объяснить причины наличия деревянного идола в одежде в одной из раскопанных могил старого остяцкого кладбища Обдорска (Руденко, 1914б. С. 21).

Отождествление обнаруженных в могилах Халас-Пугора идольчиков с изображениями умерших основывается, в первую очередь, на их внешнем сходстве с описаниями и этнографическими аналогиями, а также на прямых указаниях И.П. Рослякова о том, что обрядовая норма помещения изображений умерших в могилы существовала.

145. № 816, погр. 95. Изображение умершего. Дерево, олово, кожа, сукно. Размеры — 34×12 см.

146. № 1868, погр. 195. Два деревянных изображения умерших в кожаном мешочке. Размер — 21×13 см.

147.1. № 2372, погр. 252. Изображение умершего, на месте лица прикреплена пластина из жести. Дерево, сукно, жсть. Размер — $4,5 \times 20$ см.

147.2. № 1249, погр. 128. Изображение умершего. Дерево, ткань. Размер — 4×20 см.

147.3. № 688, погр. 74. Изображение умершего. Дерево, кожа, ткань. Размер — 4×17 см.

148.1. № 2497, погр. 272. Изображение умершего, на месте лица прикреплена оловянная отливка. Дерево, олово, сукно. Размер — 5×15 см.

148.2. № 2653, погр. 287. Изображение умершего, на месте “лица” прикреплена оловянная отливка, дерево, олово, сукно. Размер — 5×15 см.

148.3. № 839, погр. 96. Изображение умершего. Дерево, сукно.

148.4. № 506, погр. 54. Изображение умершего, на месте “лица” прикреплена оловянная отливка, шея обмотана цепочкой с пуговицами. Дерево, сукно, олово, медь.

149.1. № 780, погр. 91. Изображение умершего. Дерево, ткань. Размер — $4,5 \times 13,5$ см.

149.2. № 607, погр. 71. Изображение умершего. К голове прикреплена оловянная отливка, тело обмотано низками бисера, бус, цепочкой. Дерево, олово, сукно. Размер — 6×15 см.

149.3. № 1256, погр. 131. Изображение умершего. Дерево, ткань. Размер — 3×13 см.

149.4. № 2387, погр. 254. Изображение умершего. Дерево. Размер — 3 × 14 см

149.5. № 394, погр. 48. Изображение умершего. Дерево. Размер — 3 × 13 см.

149.6. № 2494, погр. 258. Изображение умершего. Дерево, ткань. Размер — 3,5 × 18 см.

150.1. № 1073, погр. 109. Идол с выделенными ногами и головой подтреугольной формы. Дерево. Размер — 4 × 21,5 см.

150.2. № 2498, погр. 272. Идол с приостренной головой. Дерево. Размер — 4,5 × 20 см.

150.3. № 2477, погр. 269. Изображение умершего в виде “головы на ножках”. Дерево. Размер — 2,5 × 10,5 см.

150.4. № 2420, погр. 257. Изображение умершего. Дерево. Размер — 2,8 × 13,5 см.

Деревянные кресты (рис. 151)

Наличие деревянных крестов на традиционных погребальных сооружениях остяков и самоэдов отмечено несколькими наблюдателями, побывавшими в окрестностях Обдорска во второй половине XIX в. (Finsch, 1879. S. 549; Носилов, 1895. С. 331). По-видимому, на кладбищах Халас-Пугор и Юмбарада-Хальмээр некоторые могилы также имели кресты или их имитации. В коллекции имеется два деревянных креста.

151.1. № 700, погр. 80. Крест шестиконечный. Дерево. Размер 9 × 15 см.

151.2. № 3441, погр. 358. Крест намогильный шестиконечный (нижняя перекладина утрачена). Дерево. Размер — 20 × 40 см.

Древние, вторично использованные вещи (рис. 152)

В составе инвентаря погребений имеется ряд вещей, датирующихся не XVIII—XIX вв., а гораздо более ранним временем. Такие вещи присутствуют в семи погребениях (причем сами погребения, безусловно, датируются XIX в.). В том числе 5 погребений с древними вещами относятся к могильнику Халас-Пугор.

152.1. № 1186, погр. 123. Подвеска зооморфная полая. Бронза. Размер — 3 × 3 см. Близкие по форме подвески имеются в могильнике Ленк-понк, датирующемся преимущественно второй половиной I тыс. н.э. (Чернецов, 1957. С. 203).

152.2. № 435, погр. 54. Рукоять (?), бронза. Размер — 2,6 × 7,3 см. Близкая аналогия, происходящая из таежного Приобья хранится в Ямало-ненецком окружном музее. Ее дата по Н.В. Федоровой — около середины I тыс. н.э. (Сокровища Приобья, 1996. С. 51).

152.3. № 2317, погр. 245. Серьга с напускными бусинами, украшенными зернью, серебро. Диаметр — 4 см. Украшения этого стиля были распространены в Западной Сибири в XI—XIII вв., куда попадали из Волжской Булгарии. Найдены в Кинтусовском (Чернецов, 1957. С. 226), Ликинском (Могильников, 1987. С. 319), Сайгатинском III могильниках (Угорское Наследие, 1994. Кат. № 244—248). Учитывая такие признаки, как низкое качество серебра, плохая обмотка и т.п., Н.В. Федорова датировала находку из могильника с о. Хэя временем не ранее XIV в.

152.4. № 604, погр. 71. Серьга с пуговицей, бронза. Размер серьги — 6 × 3 см. Аналогии серьге имеются в могильнике Уна-пай XI—XIII вв. (Чернецов, 1957. С. 229).

152.5. № 305, погр. 41. Наконечник стрелы, бронза. Длина — 5,5 см. Аналогичные стрелы были распространены в Нижнем Приобье в железном веке, встречены при раскопках Усть-Полуйского городища (Чернецов, 1953. С. 125). Возраст может быть определен в широких пределах: первые века до н.э. — первые века н.э.

152.6, 7. № 1980, погр. 211. Лапчатые подвески, бронза. Размер — 5,5 × 3 см. Этот тип украшений был очень распространен в бассейне Оби и вообще на севере Западной Сибири в XI—XIV вв. (Чернецов, 1957; Хлобыстин, Овсянников, 1973; Боброва, 1981, Угорское наследие, 1994. Кат. № 14—150). Варианты этого типа украшений встречены в Приобье и в более поздних памятниках (Морозов, 1992. С. 48, 49). Н.В. Федорова датирует их XIII—XIV вв. (устное сообщение 16.05.1997). Аналогичные подвески, также во вторичном использовании, были встречены в погребении XIX в., изученном Г.А. Черновым возле фактории Лаборовая на р. Щучья (Чернов, 1951а. С. 102, 103).

152.8. № 1836, погр. 127. Пояс с нашивными бляхами. Бронзовая бляха с восемью выпуклостями (размер — 6,5 × 5 см) имеет аналогии среди находок железного века. Случай вторичной утилизации блях этого типа не единичен. В.Н. Чернецов в 1929 г. видел аналогичную бляху на поясе ненца на Ямале (Чернецов, 1953. С. 128, 134).

Датировка могильников

Обращаясь к датировке раскопанных в 1909 г. погребений могильника Халас-Пугор следует учитывать, что фактически идет речь о датировке могил, располагавшихся на территории действовавшего на момент раскопок кладбища, функционирование которого прекратилось лишь в 1930–1940-е годы, насколько это помнят ныне живущие жители поселка.

В 1876 г. первый исследователь могильника, О. Финш, насчитал здесь 50 выделявшихся на поверхности погребений, но отмечал также, что среди них имеются такие, которые различимы лишь по более густой растительности. Спилы кустарниковой березы с таких мест показали, что ее возраст достигал 40 лет (Finsch, 1879. S. 547). Таким образом, наличие могил 1820–1830-х годов более чем вероятно.

За последнюю четверть XIX в. к 50 могилам, увиденным Финшем, могло прибавиться примерно еще столько же, если исходить из предположительных данных об уровне смертности населения Халас-Пугора (см. главу 8). Таким образом, можно предположить, что в 1909 г. на кладбище имелось не менее 100 погребений середины – второй половины XIX в., которые и стали объектом раскопок.

Так как Д.Т. Яновичем было раскопано в Халас-Пугоре всего около 150 погребений, то следует предположить, что материалы раскопок содержат также комплексы первой половины XIX в. и, может быть, конца XVIII в.

Эти чисто умозрительные соображения могут быть подкреплены аргументами, базирующимися на анализе объектов материальной культуры, и некоторыми другими косвенными данными, которые приводятся далее.

Предметы погребального инвентаря, наряду с внешними наблюдениями, позволяют судить о

датировке погребений. Так в погребении № 89 был найден медный пятак 1766 г. совместно с медными двухкопеечными монетами 1800 и 1801 гг. Екатеринбургского монетного двора.

В погребении № 88 содержалась монетовидная подвеска, сделанная по образцу провинциальной монеты, с арабской надписью-благословением, датируемая по почерку XVIII–XIX вв. (определение Е.А. Давидович, поддержанное проф. Г.А. Федоровым-Давыдовым). Аналогичные подвески можно было встретить на севере Западной Сибири и на рубеже XIX–XX вв. Так, они присутствуют на хантыйском украшении, приобретенном Сирелиусом на р. Васюган в 1898 г. (Sirelius, 1983. S. 258).

Бронзовые поддужные колокольчики, отлитые Василием Макушиным в г. Слободском Вятской губ. в 1817 г., встречены в погребении № 133 (аналогичный на рис. 122: 21). При этом необходимо учитывать, что аналогичные колокольцы имелись и среди этнографических сборов Д.Т. Яновича. В 1966 г. Г.Н. Грачевой в современном ненецком захоронении на Ямале был встречен колокольчик 1806 г. (Грачева, 1971. С. 253).

Валдайский колокольчик, отлитый в 1810 г., находился в погребении № 126.

В погребениях № 139 и 150 обнаружены счетные жетоны Эрнста Лаурера, работавшего в Нюрнберге с 1791 по 1797 г. (рис. 51) с изображением короля Франции Людовика XVI (Спаский, 1951. С. 137). Безусловно, эти жетоны дают нам лишь *terminus post quem*. В жетонах проделаны отверстия, то есть они использовались как украшения. Вполне вероятно, что время их бытования было достаточно длительным, и погребения, где они найдены, относятся не к XVIII, а к XIX в.

В нескольких погребениях встречены табакерки для нюхательного табака в виде плоских круглых коробочек из бронзы, имеющие в центре круглое клеймо с двумя вариантами изображений — императрица Екатерины II (?) или мужчина с бородой (рис. 99). Табакерки отличает высокая технология изготовления: они проточены на станке, изображение в клейме литое, фон покрыт позолотой. Местом изготовления, по-видимому, являлся какой-либо из центральных городов России. Время изготовления может быть определено как конец XVIII — начало XIX в. В погребении № 202 могильника Тар-Вануй Халайт аналогичная табакерка с изображением Екатерины II встречена совместно с фарфоровой чашкой гжельского производства второй половины XIX в.

В погребении № 56 присутствовала фарфоровая чашка с росписью кобальтом (рис. 86: 1) завода Г.А. Маркова, расположенного в Бронницком уезде Московской губ. (основан в 1830 г.). По особенностям клейма эта чашка может быть датирована 1860—1890-ми годами (определение Т.Д. Корякиной). Фарфоровая посуда была найдена в восьми раскопанных погребениях могильника.

Кроме фарфоровой посуды, в погребениях имеются и изделия из стекла. В погребении № 41 найден зеленый полуштоф с надписью “1814 г.” (не сохранился в коллекции). Рюмка из погребения № 54 (рис. 90: 1) датируется по стилистическим признакам 1830—1840-ми годами. В могильнике на р. Чае в Томской обл. аналогичный стеклянный кубок был найден в погребении с монетами 1828—1836 гг. (Ожередов, 1989).

Игрушка, оловянный человечек, одетый по моде первой половины XIX в. происходит из погребения № 74 (рис. 144: 7).

На XIX в. указывают бронзовые и деревянные ложки, встреченные в погребениях № 40, 103, 121, 133 (рис. 81, 82). На некоторых деревянных изделиях сохранились остатки лака и росписи. По свидетельству Губарева, деревянные ложки являлись ходовым товаром на Обдорской ярмарке, который раскупался остяками и самоедами (Губарев, 1863. С. 225). Также XIX в. датируется и бронзовый подсвечник, фрагменты которого найдены в погребении № 121 (рис. 99: 1).

К XIX в., бесспорно, относится обширный комплекс пуговиц, в том числе с изображением воина в форме начала этого столетия (они встречены в нескольких могильниках, раскопанных в 1909 г. — погребения № 50, 203, 264, 351 — рис. 120: 5).

В погребении № 80 был найден нож с костяной рукоятью и клеймом “ПАВЛА” на лезвии

(рис. 56). По-видимому, он изготовлен в мастерских, работавших в районе с. Павлово на р. Оке в Нижегородской губ. — известном центре производства ножей в России в XIX в.

Табакерки (пороховницы?) из коровьего рога с инкрустацией оловом встречены в погребениях № 28, 126, 128 (рис. 60). Наличие у остяков низовьев Оби рожков с табаком отмечено В.Ф. Зуевым в 1771 г. (Зуев, 1947. С. 41). М.А. Ковальский, зимовавший в Обдорске в 1848 г., упоминает рожок с табаком в перечне погребального инвентаря, который остяки обычно кладут в могилу (Ковальский, 1853. С. 26). С.И. Руденко, путешествовавший одновременно с Д.Т. Яновичем в Нижнем Приобье, отмечал, что подобные табакерки ему не пришлось встретить в обиходе обследованных им групп остяков (Руденко, 1914б. С. 10), однако в погребениях на кладбище возле Обдорска, датированных им по совокупности признаков 1840—1850-ми годами, аналогичные предметы присутствовали (Руденко, 1914б. С. 10). С.В. Иванов, специально изучавший одну из табакерок без инкрустации, но с резным орнаментом (рис. 61), найденную в Халас-Пугоре (погр. № 128), отмечал, что украшающий ее циркулярный орнамент, характерен для русской резьбы по кости XVIII — начала XIX в. По его предположению, данные табакерки приобретены у русских и являются работой русских мастеров (Иванов, 1963. С. 65).

Значительная часть типов предметов, имеющих в коллекции из могильника Халас-Пугор, представлены также и в этнографических коллекциях, собранных в конце XIX — начале XX в. В их числе — медный гребень (погр. № 24) с парными конскими головками, видимо, русского производства (рис. 97: 1). Тожественные экземпляры, использовавшиеся как украшения, есть на праздничной одежде хантов Березовского округа (Тобольский музей, инв. № 1999/1624) и на костюме мордвы-мокши в Поволжье (Калашников, Плужникова, 1990: 99). Другой пример — массивные круглые ажурные пряжки, к которым привязывался пояс, охватывавший женскую верхнюю одежду, изготовленные из железа или меди — погребения № 121, 126 и др. (рис. 109, 117). Эти предметы описаны Зуевым (Зуев, 1947. С. 28) и Белявским (Белявский, 1833. С. 57). Финш пишет о том, что они изготавливались зырянами (коми) и продавались самоедам за высокую цену (Finsch, 1879. S. 535). В альбоме Г. Паули подобная пряжка изображена на поясе “мезенской самоедки” (Pauly, 1862). Пряжку описываемого типа мы видим на поясе обдорской остячки на рисунке в работе Соммье (рис. 108).

Для выяснения ранней даты могильника может быть использован тезис “от противного”. В качестве важного хронологического индикатора может быть использован набор перстней. Это одна из наиболее массовых категорий инвентаря, которая достаточно надежно хронологически дифференцируется. В Халас-Пугоре нет перстней тех типов, которые были найдены в западно-сибирских могильниках XVII — первой половины XVIII в. (Молодин, 1979). Этот факт указывает на то, что, по-видимому, погребения древнее конца XVIII в. в Халас-Пугоре не были обнаружены.

Большинство раскопанных погребений, судя по вещам, относятся к первой половине — середине XIX в., наиболее поздние — к концу столетия. В подтверждение последнего вывода можно привести еще одно важное косвенное свидетельство. Из письма начальника экспедиции О.О. Баклунда проф. Д.Н. Анучину от 14.10.1910 (архив Музея антропологии МГУ) следует, что раскопки Д.Т. Яновича привели к конфликту с местным населением и возникла даже угроза судебных разбирательств (очень важно!), что, видимо, указывает на разрушение совсем недавних погребений¹.

После раскопок на Халас-Пугоре экспедиция 1909 г. переместилась на Большую Обь, где работы велись на нескольких крупных могильниках (№ 4—10 на рис. 1). Некоторые из погребений, раскопанных на кладбище Воде-Нял, были совершены в последней четверти XIX в. Так, погребения № 192, 193, 196 принадлежали людям, которых член экспедиции старик Райка лично знал (см. описание погребения в приложении). Погребение № 197 остяка по имени Ханды-орас-ях было совершено, судя по генеалогическим данным, собранным Д.Т. Яновичем, в конце 1820-х — начале 1830-х годов.

¹ Необходимо отметить, что совсем незадолго до работ экспедиции, в 1901 г. в Обдорске разбирались уже аналогичное дело: “1901 г. января 24 дня старшины Обдорской волости Ермик Ендырев, Николай Калимов разобрали дело, присланное г-ном прокурором Тобольского окружного суда от 7 августа 1898 г. за № 7093 о разрытии 6 могил умерших инородцев Ендыревых и Калимовых и похищении у них имущества. Из числа похищенного обнаружено некоторое количество у инородца Василия Юмина.

По соглашению потерпевших постановили: вещи, найденные у Юмина, хранящиеся в управе, выдать потерпевшим, а виновного по инородческому обычаю постановили наказать розгами — 40 ударами — и дело считать конченным. Решением не доволен Василий Юмин. Решением довольны и вещи получили: Калим Етмась, Вынца, Ялна, Енета Марь” (Обдорской управы книга... 1970).

Более 40 погребений (№ 209—253) было раскопано на острове Хэя — родовом кладбище фамилии Ядопчу. Благодаря тому, что в экспедиции работали двое представителей этого рода (Максим 22 лет и его отец Райка 65 лет), Д.Т. Яновичу удалось получить подробную информацию об этом памятнике. Вот его описание из дневника: “На небольшом сухом песчаном холмике, густо заросшем березой, ивой, рябиной, воронцом, мхами и лишаями — тесно друг около друга, стоят или лучше сказать лежат следы от хольмеров, некоторые из них поросли большими деревьями из самой середины; ни одного целого, свежего нет. Ядопчу давно уже не хоронят здесь своих, последнее погребение было совершено здесь лет 48 тому назад” (т. е. около 1860 г. — Н.К.). Судя по родословной рода Ядопчу, составленной Д.Т. Яновичем (рис. 153), раскопанные им погребения относились к интервалу от рубежа XVIII—XIX вв. до середины XIX столетия. Могилы Ядопчу (погребение № 230), прапрадеда проводника экспедиции Максима Ядопчу, включала штампованную подвеску, аналогичную представленной на рис. 141: 9, гладкую круглую бляху-подвеску (типа рис. 140: 6) и вильчатые стрелы. Такие же стрелы (рис. 62: 2, 4) лежали в могиле Падянге Ядопчу — прадеда Максима (погр. 251). В комплексах вещей других погребений этого могильника также преобладают вещи XIX в., но есть и более ранние. Так, в погребении № 245 была найдена латунная (?) водочная чарка (рис. 95: 2), украшенная чеканкой и гравировкой, датирующаяся по стилистическим признакам второй половиной XVIII в. В этом же погребении была найдена и еще более древняя вещь — серебряная серьга с напускными бусинами, украшенными зернью, датирующаяся XIII—XIV вв. Ни чарка, ни, тем более, серьга не определяют возраст данного погребения, где были найдены украшения, характерные для XIX в. (рис. 130: 5; 141: 9).

Особенный интерес для датировки представляет медная тарелочка с изображением сцены охоты (рис. 95: 1), найденная в погребении № 257 на кладбище Сарман-Вануй возле бывших Похрумковских (Похронховских) юрт. Сбоку на тарелочке имеются отверстия для подвешивания, что, по-видимому, указывает на ее неутилитарное (культовое) использование. Около десятка таких тарелочек с иконографически тождественным изображением известно по описаниям и находкам в низовьях Оби в районе Обдорска. По предположению Н.Ф. Прытковой, они производились в каком-то одном центре (Прыткова, 1949. С. 46). На некоторых тарелочках выбита дата — 1834 г. Подобные тарелоч-

ки находились в обиходе до начала XX в. Тобольский музей приобрел одну из них в 1903 г. (№ 3890/1694).

Последним пунктом на Большой Оби, где проводил работы Д.Т. Янович, являлись окрестности Пай-Хату (Казым-Пайхатские юрты), где в трех местах было сосредоточено до 200 хольмеров. Согласно дневнику Д.Т. Яновича, работы велись на “новом” кладбище, где было раскопано более двух десятков погребений, включая парные (рис. 49). Не исключено, что среди этих погребений были и достаточно древние. Например, у нас нет формальных причин отвергать возможность датировать второй половиной XVIII в. погребение № 292, где было найдено всего две вещи — обломок деревянной чаши и медный гребень (рис. 97: 2). Последний, вероятно, являлся предметом русского экспорта. Аналогичный был встречен в погребении конца XVII — начала XVIII в. Мартыновского могильника в Чувашии (Каховский Б., Каховский В., 1992. С. 129).

Погребения № 298—358, исследованные в 1909 г., относятся к кладбищу Юмбарада-Хальмээр, располагавшемуся в районе устья р. Щучьей у озера Юмбар-то (рис 1, № 11). Д.Т. Янович так описывает это место: “Кладбище расположено на С-З высоком берегу, на песчаном обрыве высотой 4 аршина, спадающем к озеру. Могил много, штук 100, расположены они в северо-западном направлении по гребешку холма водораздела, который сливается с берегом другого озера с чистой и вкусной водой, лежащего у западного конца кладбища, где в последнем десятилетии похоронена жена вотчинника Юмбарского самоеда Хонанта и где стоят две небольшие листовенницы, одинокие среди тундровой растительности...” Хольмеры представляли собой ящики с “двускатной” крышей, между которыми выделялась своими размерами коллективная усыпальница (рис. 50), к северу от каждой могилы находилось большое количество брошенных нарт. Возраст раскопанных погребений сугубо поздний — по преимуществу это вторая половина XIX в. Об этом свидетельствует прекрасная сохранность органики и набор вещей.

Колокольчики 1817 г. были найдены в погребениях № 308, 351. В погребении № 340 была чашка завода М.В. Дунашова, датирующаяся 1850—1870-ми годами, а в погребении № 316 встречено блюдо товарищества М.С. Кузнецова, датирующееся временем позднее 1892 г. Из этого же погребения происходит нательный крестик (рис. 143: 4). Сбруйное украшение (рис. 120: 16) из погребений № 320 и 350 представляет собой характерный тип, распространенный по всей России в XIX в.

Очень характерным предметом является мужской пояс с пряжкой и ножом в ножнах (рис. 54). Наиболее ранние свидетельства о бытовании данного вида изделий относятся к 1870-м годам (фотография из тобольского музея, опубликованная Финшем). Пояса данного типа сохраняются в быту хантов и ненцев по сей день, есть они, в частности, и у уроженцев Халас-Пугора.

Медные детали оленьей упряжи (рис. 68, 70, 72) распространились, видимо, в XIX в. (по крайней мере, В.Ф. Зуев о них не упоминал, хотя подробно описывал оленью сбрую).

Медные бляхи-подвески, украшавшие женские шапки и использовавшиеся в качестве амулетов — одна из наиболее распространенных категорий вещей в раскопанных в низовьях Оби погребениях. Они встречены в 162 комплексах, в коллекции представлено 90 типов, насчитывающих в совокупности 580 экземпляров (Мурашко, Кренке, 1985). Русский экспорт в Сибирь прототипов этих блях начался еще в XVII в. (Окладников, 1950). В XVIII—XIX вв. в Западной Сибири (в Тобольске, Березове, Обдорске и т.д.) и Архангельской губ. существовали многочисленные мастерские, отливавшие эти бляхи по старым образцам.

Среди вышеперечисленных поздних вещей в могильнике Юмбарада Хальмээр была найдена лишь одна более древняя — тулово бокала из стекла с отпиленной ножкой (свидетельство использования предмета в течение длительного времени?), украшенное гравировкой, русского производства середины XVIII в. (рис. 90: 3; погр. № 337).

Специфика вещевого комплекса погребений могильников, раскопанных в 1909 г., заключается в обилии привозных, по преимуществу металлических изделий. Судя по письменным источникам, особенно массовый привоз подобного рода товаров в Обдорскую волость начался в конце XVIII — первой половине XIX в. после учреждения в 1788 г. Березовской, а в начале XIX в. Обдорской ярмарок (Миненко, 1975).

Подводя итоги нашему анализу, нужно отметить, что в погребениях, которые надежно датируются XIX в., содержатся почти все типы предметов, представленных в коллекции. Исходя из этого можно предположить, что к XIX в. относится основная масса раскопанных погребений. Точно установить, имеются ли среди раскопанных погребений захоронения, совершенные в конце XVIII в., не представляется возможным при современном уровне наших знаний материальной культуры. Не исключено, что многие бедные ин-

вентарем погребения относятся именно к этому периоду.

Верхнюю хронологическую границу раскопанной группы погребений, учитывая вышеприведенные доводы, вероятно, следует отнести к концу XIX в. Погребение 316 на основании наличия в нем блюда завода “Товарищества М.С. Кузнецова” было совершено позднее 1892 г. Напомним, что это погребение крещеной женщины с нательным крестом. Судя по наличию тождественных чайников в погребениях № 313, 316 и 340 они приблизительно синхронны и датируются 1890-ми годами. Этой позднейшей груп-

пе захоронений близки по возрасту, по-видимому, почти все погребения могильника Юмбарада-Хальмээр, а также сходные с ними по вещевому комплексу погребения могильника Халас-Пугор № 24, 133, погребения № 192, 193, 195, 196 могильника Воде-Нял, совершенные приблизительно в 1880–1890-х годах, по данным, записанным Д.Т. Яновичем (см. описание погребений).

Наиболее поздним из раскопанных Д.Т. Яновичем погребений, вероятно, является захоронение шамана Пикче-Ларку на кладбище Тар-Вануйт-Халайт, умершего в 1906 г. (погр. № 208).

Возможности этнической интерпретации

При попытке этнической интерпретации археологических материалов 281 коллекции МА МГУ были предприняты исследования истории интерпретации археологических и антропологических материалов из раскопок Д.Т. Яновича; сравнительный и статистический анализ археологических материалов; изучение исторического контекста места и времени, в которых возникли могильники и проводились их раскопки.

История определения этнической принадлежности населения, оставившего могильники, раскопанные Д.Т. Яновичем

Первая попытка этнической идентификации населения, оставившего поздние могильники на Нижней Оби принадлежит О. Финшу, а исследование самих черепов — Р. Вирхову.

О. Финш предоставил Р. Вирхову на исследование 17 черепов из “языческих могил” как раз из тех мест, где через 33 года собирал свою коллекцию Д.Т. Янович, и в том числе, 4 черепа из Халас-Пугора. Цитируя и интерпретируя результаты исследования Вирхова, О. Финш писал: «черепа с нижней Оби (Халиспагор) допускают “предположение о большом смещении племен”, так как между 4 черепами был один с узким, один с средним, один с плоским и один с необыкновенно широким переносьем... Отсюда должно было бы заключить, например, что черепа А и Б из Халиспагора принадлежат самоедам, но я имею полное основание думать, что эти черепа были настоящие остяцкие, между тем как черепа с отпечатком финского типа (как например № 6), по всему вероятно, самоедского происхождения» (Finsch, 1879. S. 499).

Из полемического текста О. Финша видно, что он остался недоволен результатами исследования Р. Вирхова, которые вошли в противоречие с его собственным мнением. Но на чем основана убежденность О. Финша в верности собственной этнической интерпретации из его текста остается неясным. Вероятно, Финш располагал какой-то определенной информацией о населении Халас-Пугора, которая позволяла ему быть столь категоричным. Вряд ли определения Финша основывались на анализе погребального обряда, так как он сам отмечал, что “в упомянутой местности оба народа встречаются вместе и способ их погребения одинаков” (Finsch, 1879. S. 499).

В связи с этим любопытно вспомнить одно замечание С. Соммье: На Халас-Пугоре он встретил единственного русского, Рослякова, который прекрасно помнил посещение Халас-Пугора Финшем и Бремом. П.Н. Росляков уверял Соммье, “что могилы почти единственно остяцкие” (Sommier, 1885. P. 431). Весьма вероятно, что, мнение Рослякова, которое привел Соммье, являлось также и источником уверенности Финша, тем более, что он указывал на то, что обязан Рослякову получением ценной информации.

В 1941 г. были опубликованы результаты исследований серии черепов из Халас-Пугора М.Г. Левиным. Эта публикация является кратким отчетом о краниометрическом изучении нескольких серий черепов из северо-западной Сибири. Об интересующей нас серии черепов сказано лишь, что она происходит с кладбища Халас-Пугор, “которое, по имеющимся данным, может считаться остяцким, лишь с очень небольшой примесью ненцев” (Левин, 1941. С. 27).

В Научном архиве Музея антропологии МГУ сохранилось письмо Б.Ф. Адлера, от 1936 г., являющееся, судя по тексту, ответом на

запрос М.Г. Левина. В этом письме Б.Ф. Адлер писал, что Халас-Пугор “представляет большое, старое кладбище преимущественно остяцкое с легкой примесью самоедов”. Эти “данные” и использовал, по-видимому, М.Г. Левин в своем кратком сообщении. Б.Ф. Адлер отбывал ссылку в Салехарде и не мог удалиться из города, поэтому его сведения могли быть получены только путем опросов местного населения.

Г.Ф. Дебец при построении классификации монголоидных типов Северной Азии использовал результаты измерений М.Г. Левина. Принцип представления краниологических материалов в монографии Г.Ф. Дебеца был избран этнический, в современных этнических терминах. Раздел “ханты” представлен краниологической серией из Халас-Пугора, в раздел “ненцы”, наряду с другими малочисленными сериями, входит также шесть черепов из Халас-Пугора, погребения которых отмечены в описи Яновича словом “самоед” (Дебец, 1951. С. 257–258).

В 1942 г. к материалам из Халас-Пугора обратился американский антрополог А. Хрдличка, который использовал их для сравнительного анализа как “остяцкую” серию (Hrdlička, 1942).

В 1973 г. В.А. Дремов, используя результаты измерений, опубликованные Г.Ф. Дебецом, пришел к выводу, что по некоторым признакам черепа из Халас-Пугора “приближаются к черепам ненцев, что очевидно отражает реальный факт смешения ненцев и хантов в низовых р. Оби”, и заключил, что “ханты Халас-Пугора и сургутские представляют наиболее своеобразные варианты, сложившиеся в результате смешения обских угров с соседними этническими группами” (Дремов, 1973. С. 101–102).

В двух культурологических работах 1950 и 1964 годов, где археологами использовались материалы рассматриваемой коллекции, они интерпретируются как “остяцкие” или “хантыйские” (Окладников, 1950; Могильников, 1964).

Попытки этнической идентификации материалов могильников с помощью историографического, статистического и компаративного методов

В современном научном паспорте коллекции значится — “ханты, ненцы”. Это лишь результат перевода на современный язык этнической атрибуции коллекции ее собирателем. В “Докладной записке Д.Т. Яновича” 1909 г. сообщается: “В отчетном году в Антропологический музей по-

жертвована Н.Гр. и Г.Гр. Кузнецовыми, — организаторами экспедиции 1909 г. на Северный Урал, этнографическая коллекция, собранная Д.Т. Яновичем между Обдорском и р. Щучьей у остяков и остяцких самоедов”.

Следует отметить, что в музейных описях 1930-х годов все погребения, начиная с № 20 по № 360 числились из одного могильника Халас-Пугор. Принадлежность погребений с № 174 к другим могильникам выяснилась только в 1994 г., после обнаружения дневников Д.Т. Яновича.

Приведем вначале историко-демографические данные о составе населения в районе самого крупного из раскопанных могильников — Халас-Пугора (погребения № 20–173).

По данным Ревизии 1795 г., в Войтважском городке проживало 129 остяков в 16 хозяйствах (Соколова, 1979. С. 347). Соммье, посетивший Халас-Пугор в 1880 г., отметил, что в этом пункте проживало “24 остяка с их семьями и 5 самоедов” (Sommier, 1885. P. 432).

По переписи 1897 г., в юртах “Войтважских (Халас-Пугор) при р. Малой Оби” числилось 26 хозяйств “остяков”, 66 женщин и 66 мужчин, самоеды отсутствовали. По статистическим данным 1903 г. в юртах Войтважских было всего 3 двора, в которых проживало 13 человек (Список населенных мест Тобольской губ., 1904).

В 1908 г. А.А. Дунин-Горкавич видел в Халас-Пугоре 2 жилых дома и 15 чумов.

В 1909 г. в Халас-Пугоре было не менее 11 чумов (Баклунд, 1911. С. 112).

В 1924 г. в рыболовных песках Халас-Пугор отмечено 2 двора и 10 жителей в них (Список населенных пунктов Тобольского округа, 1924. С. 39).

По переписи 1926 г., в юртах и рыболовных песках Халас-Пугор проживали 31 человек — 7 хантов, 10 ненцев, 5 зырян, 9 лиц других национальностей (Список населенных пунктов Тобольского округа, 1926).

Население Войтважских юрт, вероятно всего, и оставило могильник Халас-Пугор, раскопанный Д.Т. Яновичем.

Б.О. Долгих, давая характеристику населения Обдорского района по материалам переписи 1926 г., отмечал, что в основном здесь находились рыболовные пески “обдорских остяков”, но сюда же зимой приходили ненцы со всего Ямала и, в том числе, “ненецкие роды остяцкого происхождения” (Долгих, 1970).

В полевом дневнике Д.Т. Яновича значится, что вотчинниками Халас-Пугора были остяки “фамилии Осяс-ях” и “самоеды Янгаровы”, на

некоторых других кладбищах были похоронены “остяки Суматнельских, Казымских и Похронховских юрт”.

До получения этой информации авторами статьи была сделана попытка разобраться в этой множественной этнической идентификации материалов коллекции с помощью сравнительного и статистического методов.

Вначале была предпринята попытка тотального статистического анализа — выделения неких устойчивых комплексов вещей методом критерия сопряженности или определения коэффициента корреляции признаков. При этом некоторые категории вещей неизбежно выпадали из исследования из-за своей малочисленности, а выявленные усеченные “комплексы” не поддавались этнической интерпретации.

Изучение территорий распространения и производства различных категорий вещей, представленных в коллекции, показало, что большинство из них, судя по этнографической литературе и описаниям коллекций материальной культуры других народов Сибири, являлись для народов Сибири в XVIII — начале XX в. предметами торговли и обмена — это не только металлические украшения, но и ножи, топоры, сверла, скобели, металлические имитации элементов оленьей упряжи, деревянные, роговые, стеклянные и металлические табакерки и пороховницы, бусы, бисер и т.п.

Из массовых категорий вещей, встреченных в коллекции, лишь деревянные антропоморфные изображения и женские круглые поясные пряжки могут рассматриваться (и то лишь предположительно) как “этнические маркеры”. Антропоморфные изображения — как “хантыйские”; круглые пряжки — как “ненецкие”. Лишь у остяков исследователями был зафиксирован обычай помещать деревянные антропоморфные изображения (вместилища душ умерших) в могилу (Кастрен, 1860; Росляков, 1895; Старцев, 1928).

Антропоморфные изображения зафиксированы в 78 погребениях.

Массивные кольцевидные женские поясные пряжки в XVIII в. В.Ф. Зуевым отмечены только у ненцев (Зуев, 1947. С. 28). Д.Т. Янович также пишет об этих пряжках как о “самоедских”. Однако другие исследователи XIX—XX вв. наблюдали их уже и у хантыек и зырян. В коллекции пряжки встречены 44 раза, преимущественно в могильнике Юмбарада-Хальмээр.

Расчет показателя сопряженности признаков позволил установить, что между наличием антропоморфного изображения и кольцевидной пряжкой в женских погребениях связь отрицательная.

Кроме того, некоторые обрядовые нормы как будто бы имеют определенную этническую основу. Обычай хантов помещать бляхи на груди умершего с магическими целями описан В.Н. Чернецовым (Чернецов, 1959). У ненцев этот обычай в этнографической литературе не отмечен.

Обычай использовать лодку в качестве гроба, по данным этнографов, более характерен для хантов, чем для ненцев (Зуев, 1947; Гондатти, 1888б; Бартенев, 1895; Росляков, 1895; Хомич, 1966; Соколова, 1971; Грачева, 1971).

Попытка рассчитать показатель сопряженности этих признаков позволила установить, что между наличием антропоморфного изображения и обычаем класть бляху на грудь в группе мужских погребений прослеживается статистически достоверная положительная связь. Наблюдается также тенденция сочетания “хантыйских” вещевых маркеров с погребениями в лодке, а “ненецких” — с погребениями в “ящике”.

Таким образом были выделены три группы погребений: с признаками “хантыйской” и “ненецкой” традиции и с наличием или отсутствием признаков обеих традиций.

Как выяснилось впоследствии, после обнаружения дневников Д.Т. Яновича, проведенное с помощью статистики разделение всего массива погребений на части с “хантыйской” и “ненецкой” традициями на удивление точно совпало с делением материала по могильникам. На Халас-Пугоре преобладали погребения со смешанными традициями, на Лонгот-Югане и Юмбарада — с “самоедскими”, на остальных кладбищах преобладали погребения с “остяцкими” традициями (см. список могильников в Прил. 7). Но проблемы этнической идентификации материалов коллекции это не снимает.

Соотношение средних значений краниометрических признаков не выявило статистически достоверных различий между группами (Мовсесян, Мурашко, 1983). Некоторые отличия краниологической серии, возможно, указывают на роль метисационных процессов в формировании антропологического облика этой группы (Мурашко, Ефимова, 1981).

Источники XVIII в. свидетельствуют не только о смешанном проживании “остяков” и “самоедов” в низовьях Оби, но и о существовании групп смешанного происхождения. В.Ф. Зуев, побывавший в Обдорске в 1771 г., писал: “...но те самоеды, которые отчасти около Обского устья за рыбным промыслом расположились, суть междуумки сих двух народов, обоих приняли обхождение и поступки, ибо совсем сходны с самоед-

скими, сходны и с остячками, с самоедью поступают по-самоедски, а с остяками по-остячки; однако смешение их везде явствует, так что остяк мало понимает речей его, равным образом и самоедин мало толкует, и хотя жен берут от остяков и самоедцов, но в том нет не мало затруднения” (Зуев, 1947. С. 21–22).

О наличии большого количества смешанных браков у обдорских “остяков” и “самоедов” в XVIII в. свидетельствуют данные ревизий (Бабаков, 1976; Васильев, 1979; Соколова, 1983). По подсчетам В.И. Васильева, по материалам IV ревизии (1782 г.) 43% браков остяков Обдорского городка было заключено с “самоедками”, и у 38% самоедов Обдорской волости — с “остячками” (Васильев, 1979. С. 125–126). В юртах Войтвасжских (Халас-Пугор) по данным IV ревизии между отяками и самоедами было заключено 12% от общего числа браков (Бабаков, 1976. С. 103). По данным ревизии 1795 г., 40,5% браков жителей шести “остяцких городков”, расположенных ниже Обдорска, заключено с “самоедками” (Соколова, 1983. С. 123).

Ю.И. Кушелевский, исследовавший возможность сухопутных путей сообщения между реками Енисеем и Обью в 1862 г. в своих “Путевых записках” писал: “Мне желательно было писать об остяках и самоедах отдельно, так как эти племена резко отличаются между собою языком и видом, но родственные их связи до того слили их нравы и обычаи, что в настоящее время между этими племенами гораздо более общего. Самостоятельность первобытных их нравов, если не совсем еще потеряна, то зато искажена влиянием русских промышленников и торговцев, зырян и пустозер. Следовательно рассказывая о самоедах настоящего края, я должен оставить желание описывать их отдельно, тем более, что определить с точностью коренное происхождение смешанных их обыкновений и нравов по национальностям считаю невозможным, не имея на то положительных данных” (Кушелевский, 1868. С. 3).

Александр Кастрен, побывавший в Обдорске в 1844 г., писал: “По образу жизни обдорские остяки распадаются на два рода: на рыболовов и оленеводов. Первые держатся по рекам, преимущественно по Оби и Нарыму; последние кочуют, по крайней мере некоторую часть года, по тундрам и находятся тут в постоянных сношениях с самоедами. Число остяков, занимающихся оленеводством, сравнительно весьма невелико и уменьшается ежегодно вследствие смешения с многочисленным самоедским племенем. Влияние последнего так сильно, что остяки-олeneводы не только усвоили себе религию, нравы и образ

жизни своих соседей, но даже и на языке их говорят свободнее, чем на родном. Поэтому желающий изучить особенности остяцкого быта должен обратиться к остякам-рыболовам. Но и эти живут не одинаким образом: одни занимаются только рыболовством, другие и рыболовством и оленеводством. Последние должны, по крайней мере летом, разделяться по этим двум хозяйствам, одни остаются близ рек, другие следуют за оленями в их странствиях... Кочуя со своими оленями по берегу Ледовитого моря, остяк, подобно русским и самоедам, ловит рыбу, бьет моржей, тюленей, белых медведей и т.д... Самоеды и остяки, занимающиеся исключительно одним только оленеводством, отправляются к морским берегам ранней весною; те же которые оставляют часть своего семейства на берегах рек, не спешат, потому что не доходят до отдаленных морских берегов. Во время пребывания в лесах они живут в постоянных жилищах, так называемых юртах, которых у самоедов и постоянно кочующих остяков не бывает... К концу декабря все эти кочующие толпы являются на Обдорскую ярмарку.” (Кастрен, 1860. С. 192–193).

В этой пространной цитате не только точно отражена система природопользования аборигенного населения Обдорского Севера, синтезировавшая все традиционные способы освоения природных ресурсов данного региона, но проиллюстрирована невозможность этнической категоризации этого населения с помощью административных этнографических стереотипов: “остяк, рыболов, юрта” — “самоед, оленевод, чум”.

В языке Обдорских остяков авторы XIX в. отмечали множество лексических заимствований из самоедского и зырянского языков (Абрамов, 1857. С. 332). Современная таксономия языка обдорских остяков, видимо, не определена, и в работе одного автора встречается как “обдорский диалект”, так и “обдорское наречие западного диалекта хантыйского языка” (Терешкин, 1966). У “ненцев южной части Ямальского полуострова” отмечены многочисленные лексические заимствования из “хантыйского языка” (Терещенко, 1966. С. 393). П. Хайду отмечает для северных хантыйских диалектов лексические заимствования из языков коми и ненцев и широкое распространение двуязычия и многоязычия (Хайду, 1985. С. 48).

Судя по дробной локально-диалектальной дифференциации самодийских и обско-угорских языков, локальной идентификации аборигенного населения (распространение самоназваний по месту обитания), многочисленным описаниям локальных субэтнических и интерэтнических вариантов

материальной культуры у народов северо-западной Сибири, ситуация языково-культурно-хозяйственного синтеза “обдорских остяков и самоедов” была скорее правилом, чем исключением.

Этнокультурная и этнолингвистическая ситуация, описанная В.Ф. Зуевым в последней трети XVIII в., и авторами XIX в. укладывается в картину этнической непрерывности, характеризующуюся состоянием невыраженности лингвистических и этнографических границ наблюдаемых общностей. Теоретический анализ подобных ситуаций был дан в работах В.П. Алексеева и М.В. Крюкова (Алексеев, 1979; Крюков, 1989).

Таким образом, очевидно, что исследуемые могильники располагались в районе длительного и тесного контакта представителей всех трех ветвей уральских языков (хантыйского, ненецкого, коми). Эта территория характеризовалась также взаимодействием всех видов арктического традиционного природопользования и непосредственным воздействием товарных отношений с Россией через Обдорскую ярмарку, где обдорские аборигены проводили около двух месяцев в году.

Поставив перед собой задачу “определения этнической принадлежности” материалов музейной коллекции погребального инвентаря, датированного XIX в., из раскопок начала XX в. мы совершили обычную ошибку “подмены смыслов”, не только не определив, что такое “этническая принадлежность”, но и “этническую принадлежность” кого и чего мы хотим установить. Тех, чьи могилы раскопал в 1909 г. Д.Т. Янович, или изготовителей тех вещей, которые оказались в могилах, или дифференцировать этно-культурные традиции в технике изготовления и облике дошедших до нас вещей?

Результаты изучения костных останков говорят лишь об особом локальном физическом типе населения Обдорского севера, вероятно, возникшем в результате длительных метисационных процессов между представителями обских угров, самодийцев и, возможно, других групп.

Этно-культурологическое исследование предметов коллекции показало, что вещевые комплексы могил состоят из предметов, происхождение которых является результатом культурного взаимодействия разновременных местных и иноэтнических традиций и торгового обмена между локальными группами коренного населения, предков современных хантов и ненцев, и представителями пришлого населения — зырянами, русскими, “татарами” и пр.

Таким образом, исследование погребального инвентаря и антропологического материала, представленных в музейной коллекции, не дает возможности сделать определенное заключение об “этнической принадлежности” населения, оставившего могильники.

Этничность по дневникам и полевым записям Д.Т. Яновича

Совершенно особый пласт этнографических сведений сообщают полевые дневники Д.Т. Яновича. Дневниковые записи охватывают период с 7 августа по 15 сентября 1909 года.

Всего Д.Т. Яновичем за один месяц было раскопано 11 кладбищ.

Пятая часть всех погребений, описанных в дневниках, имеет обозначение “этнической принадлежности” погребенного в терминах, соответствовавших официальной этнонимике того времени: “остяк”, “самоед”, “остяцкий самоед/самоедский остяк”.

Для некоторых кладбищ также обозначена этническая принадлежность. Например, «Кладбище самоедского рода Янгаровых на “Святом мысу” в устье р. Лонгот-Юган» (погребения № 3–19). Но тут же, из записей по отдельным погребениям следует, что этническая идентификация погребенных обозначена только в восьми случаях, и из них в двух случаях погребения определены как “остяк”. По какой причине отсутствует информация об этническом определении остальных восьми погребений — неизвестно.

В комментариях к погребениям с острова Хея имеется интересное пояснение, раскрывающее смысл употреблявшихся этнических терминов: “покойники рода Ядопчу Похрон-ях с женами из ямальских самоедов и потому до сих пор говорят меж собою по-самоедски — самоедские остяки”.

В описании Д.Т. Яновича к погребению № 197 кладбища Воде-Нял отмечено, что покойника звали “Ханды-орас-ях (не настоящий остяк, а остяк самоедского происхождения, все из рода орас-ях женятся на ямальских самоедках, также как и Ядопчу)”. Видимо, эти сведения были сообщены стариком Райкой Ядопчу, участником экспедиции.

Вообще, в дневниковых записях присутствуют сведения о двух десятках именных погребений с указанием родственных отношений погребенных или их особенностей, восемь погребений принадлежат шаманам, чьи имена были известны участникам раскопок.

Фигуры двух местных участников раскопок и их отношение к самому факту раскопок представляют большой интерес для изучения этнического самосознания коренного населения Нижней Оби в начале XX в. Это “старик Райка Ядопчу”, который появляется в записях Д.Т. Яновича 21 августа: “надо заехать за стариком Райкой, знающим, где похоронен медвежий шаман”. Райка Ядопчу 29 августа привозит в экспедицию шамана Неокдэтту. В этот же день Янович записывает, что он ночует с двумя шаманами — “остяцкий Райка, самоедский Неокдэтта”.

При встрече Неокдэтта рассказывает разные истории, которые записывает Янович: «...Шаман знает все места, где в ... густых кустах за труднопроходимыми оврагами спрятаны родовые идолы-покровители, он эксплуатирует свою старую веру, не признавая ее святой, крадет медные вещи у покойников, деньги в священных котлах около идолов, а с Тарасовым обобрал в прошлом году какого-то богатого остяка, предварительно напив его пьяным; деньги поделили, “причем русскому досталось десять тысяч, а мне остяку три.”... Вызвался сам добыть для меня идол Орас-яхов. Старик Няурем из Войкар обещал мне показать где-то в устье Малой Оби в кустах целых трех идолов — имен которых он не знает. При них 3 громадных медных котла, один с серебряными большими вещами, больше с сережками и разными подвесками, второй с золотыми и серебряными кольцами, третий с деньгами — самый большой; на щеках у самого большого идола по серебряному блюду, в глазах по серебряному рублю. Увидим, правда ли.» (Запись 29 августа).

На следующий день, после раскопок Д.Т. Янович вынужден записать: «Меня ждал Ядопчу с Неокдэтта, которые побывали у двух идолов и обоих, как говорят, нашли ограбленными. “Св. запор” увезен, вещи его разбросаны, уцелел только сундук с его одежками, который они и захватили, Сончат шамана Хэмберча (Орас-хой), а главное удалось достать небольшого остяцкого идола “Орт-их” (по самоедски Иерку сын Яумал), принадлежавшего роду Казымях в юртах на острове “Хея”...Вместо Мушинского двенадцатым будет у нас Неокдэтта — самоед.» (Запись 30 августа). Неокдэтта хочет всеми силами быть полезным экспедиции. “Неокдэтта привез из своего чума бубен, будет узнавать, где спрятаны идолы, чтобы украсть их для меня”, — записывает Д.Т. Янович 31 августа.

Участвуя в раскопках кладбища рода Ядопчу, Райка Ядопчу рассказывает Д.Т. Яновичу об умерших, кто был хороший охотник, кто с кем в родстве. “Его отец Япта — старик 90 лет, пос-

ледние дни свои доживал в Обдорске, похоронен на местном кладбище по христианскому обряду...” (запись 27 августа). По рассказам Райки Ядопчу, Янович составил пятипоколенную генеалогию рода Ядопчу, в которой родоначальник Ядопчу фигурирует как прапрадедушка Райки (см. рис. 153).

Что означает такое отстраненное отношение участников раскопок — “остяцкого и самоедского шаманов” — к могилам своих предков и к своим святилищам? Глубокую стадию распада традиционного мышления, сознание обреченной подчиненности “начальству”, каковым они считали Д.Т. Яновича, или, может быть, уверенность этих шаманов в их особых отношениях с миром мертвых и духов?

К раскопкам Д.Т. Яновича известно и другое отношение местного населения, зафиксированное в его собственных дневниках. Д.Т. Яновичу приходилось отказываться от раскопок иногда из-за нежелания “испортить отношения” с влиятельными родственниками умерших (запись 11 августа) или по их просьбе — “Непа Хонинта, который в благодарность за то, что я исполнил его просьбу не брать костей его родителей, — обещал мне подарить шкурку черной лисы” (запись 9 сентября). О том же Непа Хонинта на следующий день Д.Т. Янович записывает: «В чуме у них купил ноттарму его отца “Сероку Хонинта”...В подарок от него получил шкурку черной лисицы» (10 сентября).

Для “самоеда” Непы Хонинта, видимо, было очень важно сохранить на месте кости родителей, а вместилище души своего умершего отца — “ныттарму”, да еще лису впридачу он отдал подпаивавшему его (как это видно из дневниковой записи) столичному “начальнику”. Наверное, эта запись — очень наглядная иллюстрация состояния души аборигена, обреченно мечущейся перед лицом “начальства”, которое вольно собирать не только ясак, но и кости предков.

Участие “остяка” и “самоеда” в раскопках, а также, видимо, присутствие других местных жителей, позволило Д.Т. Яновичу записать местные названия различных предметов погребального инвентаря. Эти местные слова собраны в Приложении 3.

Любопытно, что антропоморфные деревянные изображения, найденные в погребениях, имеют, в записи Д.Т. Яновича, 5 названий (см. Прил. 3). Антропоморфные изображения разнообразны по форме, все пять названий упоминаются в этнографической литературе, часто разные названия связывают с различными функциями называемых объектов. С.В. Ивановым в 1970 г.

по музейным материалам и этнографическим описаниям была проведена классификация деревянных антропоморфных изображений по их форме, названию и функциям в мировоззрении обских угров, выделены типы изображений “вместилищ души умерших”, “промысловых духов” и “духов хранителей очага”. Мы также предприняли попытку связать определенные названия и типы изображений, обнаруженные в погребениях. Оказалось, что совершенно одинаковые по виду изображения в разных погребениях назывались по-разному и наоборот, разные по внешнему виду изображения назывались одинаково.

Замечания, разбросанные в путевом дневнике и описаниях погребений Д.Т. Яновича иллюстрируют характерную для коренного населения Нижней Оби социальную организацию, выраженную в использовании личных имен, фамилий и родов (Соколова, 1983). Например, “покойники остяцкого рода Ядопчу Похрон-ях (больше из ямальских самоедов..)” (Прил. 2, кладбище на о. Хея); “остяк по имени Хохи из рода Ларху-ях, брат похороненного в погребении 207” (погр. 205, Прил. 2); “погребение 207. Остяк по имени Паппа из рода Ларку-Похрон-ях”, “Кладбище Похронховских юрт. Погр 251. Остяк по имени Паданг, сын Ядопчу, отец Япта”, “Остяцкий шаман Хэчи-сэбын-Казым-хой” (погр. 267, Прил. 2) — генеалогические линии и одновременно фамилии, топонимы (названия “юрт”), выступающие в разных сочетаниях для обозначения названия родственно-территориальных группировок, не поддающиеся классификации, но понятные для тех, кто их произносит (см. подробнее Прил. 7).

В текстах встречаются также и другие “родовые” названия остяков, “остяк рода Осяс” (запись 19 августа, Прил. 1), “остяк рода Орас-ях” (погр. 196, Прил. 2), “Остяк Ханды-хой” (погр. 281, Прил. 2), не зафиксированные в переписных и клировых материалах Обдорского Севера конца XVIII в., как в опубликованных (Соколова, 1973), так и любезно предоставленных ею рукописных данных. Не обнаружены они и в материалах переписи 1897 г. Эти результаты можно интерпретировать двояко: либо “остяцкий” состав населения Обдорского Севера сильно изменился за сто лет, либо у “обдорских остяков” существовала двойная система имен — для внутреннего пользования и для официального учета.

Механизм возникновения и употребления родовых “остяцких” названий хорошо прослеживается по такой выборке цитат из дневников Д.Т. Яновича о “роде Ядопчу” — “Остяк по име-

ни Сялтуко из рода Ядопчу” (погр. 212), “Шаман по имени Нэуа из фамилии Ядопчу” (погр. 222); “кладбище фамилии Ядопчу рода Похрон-ях Похронковских юрт” (погр. 229), “Ядопчу прапрадед” (погр. 230).

“Самоедские” роды-фамилии — “род Янгаровых”, “род Хонинта”, “род Ломдо”, личное имя “шамана Неокдэтта” — в несколько измененной транскрипции можно найти в списке родов “самоедов” Обдорской инородческой управы Тобольской губернии 1897 г. (Васильев, 1979).

Удалось ли с помощью этноидентифицирующих записей Д.Т. Яновича плучить дополнительную информацию об этнической принадлежности кладбищ и погребений, выявить их новые типичные “остяцкие” и “самоедские” черты. К сожалению — нет.

Во-первых, по материалам дневников невозможно установить, были ли зафиксированные определения этнической принадлежности погребенных дословной передачей сведений, полученных от коренных жителей, или здесь присутствует доля интерпретации Д.Т. Яновича.

Во-вторых, попытки разделить погребения, обозначенные как “остяцкие” или “самоедские”, на две группы по каким-либо устойчивым признакам не дали результатов по десяти раскопанным кладбищам. Описания погребальных сооружений могильников и сопровождающая их информация лишь показывают, что отдельные могильники, раскопанные Д.Т. Яновичем, принадлежали различным “родам” или родственно-территориальным группировкам смешанного происхождения.

Эти “роды”, видимо, обладали некоей культурной спецификой, которая находила свое отражение в наборе форм погребальных сооружений и инвентаря. Так некоторые погребения закидывались бревнами, перекрывались берестой. По одному из таких случаев Д.Т. Янович приводит объяснения Райки Ядопчу — “могила в земле, закидана сверху стволами лиственниц, которые лежат на гробовых досках, закрытых берестяными тисками. Некому было делать хольмер, один Хэмбэрча, а он был мал, так как отец умер молодым” (погр. 197, Прил. 2). В двух женских погребениях встречаются человеческие кости от других особей (детская лопатка и челюсть), в двух других — скорлупа от утиных яиц. Погребения каждого “родового” могильника демонстрируют разнородность.

Лишь один, отдаленный и раскопанный последним, могильник Юмбарада был относительно однородным и “типично самоедским”. Среди описанных в дневнике 22 погребений этого мо-

гильника не было ни одного в лодке — все в “ящиках”, не встречено ни одного “антропоморфного деревянного изображения”, у всех женщин были “самоедские пряжки”.

В любом случае, мы не можем установить определенного соотношения терминов официальной этнической идентификации XIX—XX вв. аборигенного населения Нижней Оби и терминологии, которая употреблялась самими аборигенами XIX в. для выражения этнической идентичности, адекватной их самосознанию. Без этого знания, с нашей точки зрения, невозможно говорить об “этнической принадлежности” населения, оставившего могильники, раскопанные Д.Т. Яновичем.

Поэтому совокупность дошедших до нас археологических материалов, сохранившихся в исследуемой коллекции, мы можем интерпретировать лишь как позднеколониальный вариант культуры коренных народов Обдорского Севера.

Культура обдорских аборигенов XIX в., с одной стороны, дробилась на множество вариантов, сохранявших в себе локально-родовую специфику отдельных групп самодийского и угорского населения Нижней Оби, в рамках единого типа традиционного хозяйства и природопользования. С другой стороны, эта культура испытывала мощное нивелирующее воздействие извне, и оказалась включенной, особенно в XIX в., в структуру тесных торговых связей.

Материалы могильников как источник для изучения взаимодействия культур в “контактной зоне”

Обозначение “контактная зона” действительно очень подходит для характеристики района Обдорска XIX в. Можно условно выделить несколько основных фронтов контактов:

1. Между традиционной культурой хантов и ненцев — охотников, рыболовов и оленеводов — и технологически продвинутой, ориентированной на торговлю зырянской и русской культурой. Последняя являлась также посредником проникновения в зону контакта культурных импульсов отдаленных регионов — Европейской России и Европы. Письменные источники фиксируют присутствие в Обдорске и “татарских” купцов (Castren, 1853. S. 279). Подтверждение тому, что среднеазиатские культурные влияния достигали полярных окраин имеется и среди археологического материала.

2. Взаимодействие аборигенных этнических культур, преимущественно хантыйской и ненцевской, культурная ассимиляция которых происходила в изучаемом районе особенно интенсивно.

3. Контакт между христианством и традиционным языческим мировоззрением. Обдорск в XIX в. являлся центром христианизации края. Здесь находилась специальная, единственная в Западной Сибири “противуязыческая миссия”. Многочисленные документы миссии, сопоставленные с археологическим материалом, позволяют глубже понять феномен христианизации.

4. Контакт разновременных культур. Материалы коллекции и современные этнографические наблюдения в Халас-Пугоре показывают

реальность достаточно “активного” взаимодействия живой культуры с предшествовавшими ей мертвыми, сохранявшимися лишь в виде археологических остатков.

Взаимодействие аборигенной культуры, зырянской и русской. Западноевропейские и среднеазиатские включения в сфере материальной культуры

В четвертой главе уже приводились некоторые факты, не позволяющие рассматривать коренное население Обского севера XIX в. как изолированных от цивилизации туземцев. Практически во всех письменных свидетельствах по истории края проступают те или иные черты интегрированности его обитателей в “культуру империи”. Портрет императора Александра II можно было встретить даже в самоедском чуме на полуострове Ямал (Головнев, Зайцев, 1992. С. 63).

Более близкое знакомство с Обдорским краем показало, что его материальный мир как в прошлом, так и в настоящее время гораздо более “проницаем” и пронизан дальними, казалось бы, крайне маловероятными связями, чем это представляется а priori. Приведем лишь несколько ярких примеров, относящихся к различным эпохам: из Березова происходит византийская чаша с русской надписью (Могильников, 1987. С. 340), а в музее Салехарда хранится овальная скандинавская двухскорлупная фибула X в., найденная,

по-видимому, где-то в пределах округа. В XIX в. О. Финш, как уже упоминалось, обнаружил в Обдорске шкурки североамериканских бобров с клеймом лейпцигской фирмы (Finsch, 1879. S. 571). В настоящее время рыбоконсервный завод Салехарда работает в основном на привозной тихоокеанской рыбе.

В данный контекст хорошо “вписываются” и материалы могильника Халас-Пугор. Счетные жетоны из Нюрнберга и монетовидные подвески с арабскими надписями, изготовленные, вероятно, в Средней Азии (рис. 51), очерчивают границы максимально удаленных, вероятно, опосредованных, связей.

По набору встреченных в могильнике предметов можно выделить несколько видов проявления взаимодействия аборигенной/русской культур в “сфере вещей”.

“Случайные заимствования”. Ученые XIX в. отмечали, что торговцы навязывают местному населению совершенно ненужные им предметы роскоши. Действительно, среди материалов погребений Обдорского Севера присутствуют некоторые привозные изделия, вряд ли употреблявшиеся местным населением по своему прямому функциональному назначению. Это части бронзовых подсвечников, стеклянные флаконы, товарная пломба. Возможно, при включении подобных вещей в культуру коренного населения им придавалось престижно-знаковое значение.

К этой категории примыкают изготовленные местным населением подражания привозным вещам, причем исходное функциональное значение вещи утрачивалось. Например, из олова отливались копии застежек, которые использовались затем в качестве украшений (рис. 118: 13).

Очень многочисленные категории инвентаря погребений составляют привозные бытовые предметы — топоры, ножи, чашки, ложки, котлы, сбруйные украшения, пуговицы, наперстки и т.д. Эти предметы прочно вошли в местную культуру. В некоторых случаях функции их были немного изменены или дополнены. Украшения лошадиной сбруи (рис. 120: 16) стали украшениями людей, бронзовые котлы кроме своего утилитарного назначения приобрели и сакрально-символическое, стали важным элементом погребальной обрядности, напильники традиционно использовались для изготовления из них ножей.

Таким образом, сформировался набор предметов, с одной стороны, привозных, но, с другой стороны, устойчиво включенных в культуру коренного населения и характеризующих ее. Некоторые заимствования кажутся неожиданными. Так, шаман по имени Хэччи-сэбын (погр. 267)

был похоронен в русском шерстяном пиджаке, который он надевал во время камланий. То есть пиджак русского производства вытеснил традиционный шаманский костюм, заменил его.

Особый интерес представляют вещи, которые демонстрируют не просто перенос объекта из одной культурной среды в другую, но процесс адаптации культур друг к другу. Большую и наиболее эффектную серию предметов из могильника составляют бронзовые бляхи с изображением всадников, кентавров, личин, медведей, древа жизни, человеко-медведей, водоплавающих птиц, коней, орлов, солярных символов, а также более редких сюжетов — сцена охоты на белку, геральдический двухглавый орел, олень, гидра, борющаяся со львом, единорог со львом. В этом же контексте следует рассматривать бронзовые детали оленьей упряжи, бронзовые тарелочки и рукояти ножей.

Все эти предметы объединяет то, что их появление во многом определилось нуждами сибирской торговли. Русские и зырянские мастера, стремясь учесть вкусы местного коренного населения и обеспечить хорошую рыночную конъюнктуру своим изделиям, фактически выработали специальный “колониальный” стиль.

Рассмотрим подробнее некоторые изделия и сюжеты, их иконографию.

Бляхи, изображающие всадника. Иконографические особенности блях с этим сюжетом бесспорно отсылают нас к русскому декоративно-прикладному искусству XVII в. Сюжетные, и, что особенно важно, иконографически близкие аналогии найденным в Сибири бляхам имеются среди изразцов (иконографически наиболее близкие — изразцы крыльца трапезной Борисоглебского монастыря под Ростовом). Бронзовые чернильницы XVII в. русского производства также дают большую серию изображений всадника.

В Европейской России в XVIII—XIX вв. бытовали близкие по сюжету, но не тождественные металлические бляхи — так называемые “бляхи коновалов”.

Особенность блях из Сибири, производившихся вплоть до конца XIX в., в том, что изображение всадника на них сохраняло в малоизмененном виде иконографические черты изображений XVII в., а форма блях была близка металлическим зеркалам.

Бляхам, изображающим кентавра, и древнерусским изображениям кентавра посвящены специальные исследования (Окладников, 1950). Так же как и в случае с бляхами-всадниками, можно считать доказанным, что все варианты изображений кентавров на бляхах имели иконографически близкие прототипы среди различных видов изде-

лий русских ремесленников XVII в. и более ранних (изразцы, металлическое литье и т.д.). Но в то же время, как это убедительно было доказано А.П. Окладниковым, зеркала-бляхи, распространенные в Сибири, являлись новым типом изделий, возникшим, по-видимому, в связи с запросами сибирского рынка.

К XVII в., по-видимому, относится сложение иконографии блях с двумя львами, симметрично предстоящими с двух сторон древа. Сюжет также известен по изразцам. Возможно, находка из Мангазеи, если она действительно датируется XVII в., дает ранний пример сложения иконографии изображения (Белов, Овсянников, Старков, 1981. Табл. 49).

Обращает на себя внимание характер географического распространения блях с перечисленными сюжетами — фактически это вся Сибирь. Видимо, это свидетельствует о том, что, по крайней мере, на раннем этапе производство этих блях концентрировалось в каком-то центре (центрах?) Европейской России, откуда они легко распространялись по всей Сибири.

XVIII—XIX вв. отмечены новыми “находками” русских и зырянских ремесленников, нашедших формы изделий, удачно соответствовавших запросам и представлениям народов севера Сибири. В комплексах XVIII—XIX вв. с севера Западной Сибири и, в том числе, среди материалов Халас-Пугора имеются бляхи-личины. Бляхи-личины были широко распространены в Сибири в предшествующие эпохи, что, видимо, и обусловило популярность поздних блях с этим сюжетом. Существенно при этом, что иконография блях-личин XVIII—XIX вв. вряд ли может быть выведена из сибирских прототипов, а, скорее, восходит к барочным образцам замочков-маскаронов XVIII в. Четкость изображений и тонкая вторичная обработка, характерная для личин на замках, была утрачена при многократном копировании.

Огромное распространение в XIX в. в Сибири и бассейне Печоры получили прорезные подвески с изображениями водоплавающих птиц, лошадей, людей, медведей, различных звездообразных и солярных изображений. Все эти сюжеты имеют прототипы как в сибирских, так и восточноевропейских средневековых древностях. Однако иконографическое решение блях с перечисленными сюжетами относится, по-видимому, к концу XVIII—XIX вв., в более ранних памятниках их нет.

Кроме блях с распространенными сюжетами имеются и редко встречающиеся изображения. К ним можно отнести борющегося единорога со львом, геральдического двуглавого орла. Харак-

терно, что эти сюжеты были очень широко распространены на различных предметах русского декоративно-прикладного искусства, изразцах, но, по-видимому, не находя отклика у сибирского потребителя, не стали здесь популярными.

В могильнике Халас-Пугор встречена бронзовая рукоять ножа, вероятно, произведенная в каком-то русском центре, на которой высокопрофессиональным мастером изображены сцены “суда Соломона” (рис. 55). Безусловно эффектная вещь прижилась и стала воспроизводиться в многочисленных отливках. При этом “читаемость” сложного сюжета оказалась малосущественной.

Другой интересный пример дают уже упомянутые бронзовые и серебряные тарелочки. Их производили, вероятно, в Санкт-Петербурге. Производители были знакомы с иллюстрациями к книге Георги “Описание всех в Российском государстве обитающих народов”. Тарелочки были предназначены именно для сибирского рынка. Однако сюжеты, почерпнутые из труда Георги, были слишком сложны для тиражирования, массовое распространение получил более простой и, вероятно, более отвечающий местным вкусам сюжет со сценой охоты (рис. 95).

Торгово-ремесленная русско-зырянская культура, с одной стороны, адаптировалась к запросам местного населения, но, с другой стороны, навязывала моду, способствуя выработке выгодных для торговли видов изделий. Вероятно, именно так можно трактовать появление излишне тяжелой и вряд ли функционально оправданной бронзовой оленьей упряжи. Причем это не только украшения, но и блоки недоуздки, которые в точности копировали легкие и функциональные местные изделия из кости и дерева. Имеются в материалах могильника также бронзовые и оловянные копии легких роговых и берестяных пороховниц и табакерок.

Избыточное насыщение материальной культуры аборигенов металлом явление отнюдь не уникальное для обдорского севера. Схожее явление наблюдалось, например, у индейцев Британской Колумбии (Jonaitis, 1988). Медные вещи имели, очевидно, знаковый смысл, являлись символами социального статуса и т.п.

Таким образом, мы наблюдаем как бы симметричную картину: коренное население копирует в новом материале привозные изделия, русские и зырянские ремесленники — копируют традиционные изделия хантов и самоедов в меди и бронзе. Очевидно, прослеживаются попытки освоения русскими ремесленниками сибирского рынка путем выработки типов изделий, отвечающих местным вкусам.

Взаимодействие русской и аборигенной культуры в религиозной сфере

Крещению инородцев Обдорского края русская администрация придавала большое значение. Значительные суммы тратились на содержание специальной миссии, несмотря на то, что судя по ее отчетам, крестить удавалось лишь очень незначительную часть язычников. Даже глава туземной администрации — остяцкий князь И.М. Тайшин, скончавшийся в 1886 г., не соблюдал христианские обряды, не вступал в церковный брак и поэтому не имел законных наследников, был похоронен не на христианском кладбище. В то же время исследователи конца XIX в. отмечали, что даже на традиционных кладбищах местного населения вблизи Обдорска имелись могилы с крестами (Носилов, 1895). О. Иринарх, стоявший во главе миссии в конце XIX — начале XX в., оставил интересное описание полужыческого полухристианского погребального обряда хантов. Интересно проследить некоторые материальные проявления феномена “двоеверия”, типичного для начальных этапов христианизации.

Как следует из описания о. Иринарха, и что в полной мере подтверждается комплексами раскопанных могильников, отправление христианского обряда оставляло мало материальных следов. В материалах могильников имеется лишь два нательных крестика, что отнюдь не означает того, что все остальные погребенные были некрещеными. Из описаний о. Иринарха следует, что христианство, подтверждая и усиливая веру в загробный мир, возможно, невольно поддерживало и исполнение языческого обряда наделения покойного всеми необходимыми материальными атрибутами для загробного существования. Можно также предположить, что в условиях усилившегося давления со стороны христианства на традиционное религиозное мировоззрение хантов и ненцев, наблюдалась и обратная реакция, усиливалась потребность в амулетах и атрибутах, связываемых с персонажами языческого пантеона. Характерно, что активизация язычества в среде коренного населения происходила также не без участия русской культуры. Ю.И. Кушелевский в 1868 г. отмечал, что русские промышленники тайно продают в Обдорске “серебряные короны” для идолов крещеных инородцев (Кушелевский, 1868).

Внедрение в культуру коренного населения бронзовых блях способствовало поддержанию в условиях христианизации блоков традиционного

религиозного мировоззрения. Бляхи очень быстро сакрализировались. Материалы могильника Халас-Пугор, этнографические наблюдения Д.Т. Яновича, В.Н. Чернецова и Б.О. Долгих свидетельствуют уже о существовании стойкой традиции их восприятия не только в качестве украшений, но и как амулетов. Бляхи стали занимать определенное место в похоронном ритуале — их клали на сердце погребенным. Такое использование блях соответствовало языческим по сути представлениям, вкладывавшимся в изображения русскими ремесленниками-изготовителями.

Взаимодействие аборигенных культур

В разделе, посвященном этнической интерпретации материалов могильника, уже была сделана попытка выявления хантыйских и ненецких элементов. К сожалению, музейная археологическая коллекция формируется в результате прохождения через столь большое количество “фильтров” (начиная от отбора вещей при совершении погребения и естественных процессов гниения до утрат вещей в процессе раскопок и хранения), что поле нашего видения материальной культуры оказывается чрезвычайно суженным. При этом за пределами этого поля оказываются, в первую очередь, как раз вещи местного производства, изготовленные из органических материалов.

Материалы могильника Халас-Пугор позволяют говорить о сближенной, синкретичной аборигенной культуре. Об обособленном существовании хантыйских и ненецких черт трудно говорить. В то же время прослеживается значительная вариативность обрядовых норм, которая проявлялась как в типе захоронения (грунтовое, наземное), так и в типе погребальных сооружений, наборе сопроводительного инвентаря. Повидимому, это явление следует рассматривать как признак интенсивности и “продуктивности” ханто-ненецкого культурного взаимодействия в районе низовий Оби. Дневники Д.Т. Яновича дают длинный список вещей, имевших этническую атрибуцию: “платок остяцкой работы”, “ситцевый остяцкий платок”, “шелковый остяцкий платок” (погр. 220), “остяцкий ковшик (погр. 169)”, “половник остяцкого типа” (погр. 45), “остяцкая железная чашка” (погр. 256), “черпалка остяцкого типа” (погр. 41), “остяцкая маленькая ложка” (погр. 51), “остяцкий капор” (погр. 49), “бахрома остяцкого типа” (погр. 54), “корыто для еды остяцкого типа” (погр. 45), “самоедские алаки”, “ковш самоедский птичкой” (погр. 162),

“ковш самоедский с носиком” (погр. 169), “самоедский нож с железной ручкой” (погр. 198), “самоедская пряжка” (погр. 216), “самоедские очки” и т.д. Часто вещи различной местной “этнической принадлежности” (вероятно, говорить об этнической принадлежности вещей вообще не вполне корректно) встречаются в одних и тех же погребальных комплексах. Использование этих вещей — условных маркеров — “без разбора” жителями Обдорского Севера, видимо, было достаточно типично. Также использовались “русские бродни”, “чаши тобольской работы, ложки”, “зырянские коробочки, ложки, шерстяные чулки”.

В материалах коллекции можно выделить отдельные вещи, указывающие на связи с районом Нижнего Енисея, Таймыра, Якутии. Это литая пронизка и продолговатые нашивки с выпуклинками (рис. 100, 121).

Контакт разновременных культур

Как показывают материалы могильников, изученных в 1909 г., отнюдь не только археологи своими раскопками включают древние вещи в современный контекст, обеспечивая тем самым взаимодействие разновременных культур. В составе погребальных комплексов имеется целый ряд древних вещей I — начала II тыс. н.э. (лапчатые подвески, наконечник стрелы, поясная пряжка, зооморфная фигурка, серебряное височное кольцо — рис. 152). Археологический контекст, в ко-

тором найдены эти вещи, не оставляет сомнений в том, что они были утилизированы вторично.

При посещении Халас-Пугора и опросе его жителей в 1992 г. выяснилось, что такая вторичная утилизация найденных древних вещей является обычным делом на относительно изолированном пространстве “острова”. В семье Сяддаев хранится подсвечник XIX в., найденный главой семьи. Подставка подсвечника была затем вновь утеряна и заменена крышкой от самовара. Рассказывали также о том, что один человек взял бляхи из погребения, но потом ему приснился дурной сон, и он выбросил их. Среди местного населения до сих пор бытует поверье, что древние вещи, которые находят на поверхности, вытолкнули из недр земли живущие там “сииртя”. Причем такой вещью может быть и монета XVIII в. Наблюдения, сделанные в Халас-Пугоре, показывают, что живущие там ханты и ненцы вполне осознанно стремятся к обладанию старинными вещами. Хранят “табакерку бабушки”, “ножны отца”, отказываясь променять их на дорогие современные вещи (цветной телевизор и т.п.), при изготовлении украшений ориентируются на старые образцы.

В XVIII—XIX вв. коренное население Нижнего Приобья уже утратило традиции бронзового литья, поэтому влияние вновь обретенных старинных вещей все же было ограниченным. В данном случае важно подчеркнуть сам факт проницаемости временной границы, реальность непосредственного соприкосновения разновременных культур.

Выдержки из «Дневника странствований на каюке “Орт” по Оби» Д.Т. Яновича в 1909 г.¹

7 августа. ПАМ-ПУХОЛ. 2 женских погребения.

11 августа. В полчетвертого утра двинулись на веслах вниз, на ХЭХЭ-ЯГА (ЛОНГОТ-ЮГАН) искать черепов гилянов и идол Лонтхор... В 10 часов утра гребец разбудил меня около кладбища на ХАЛАС-ПУГОРЕ. Могил очень много (штук более 100), поэтому двинусь дальше в ЛОНГОТ-ЮГАН, а потом на обратном пути сделаю тут остановку дней на 5... При чудной тихой летней погоде въехали в Хэгэ-ягу. Слева крутой берег с песчаным обрывом, по краю которого растут лиственницы, и среди них белеются бревна одинокого хольмера. За первым бугром, который оказался “концом святого мыса”, показалась круглая высокая горка с чумом из целых сухих лиственниц, предназначенным для хранения идола... В чуме на одной из лиственниц привязаны жертвенные платки и деньги в... (неразб.), стоит два сундука, опорожненных зырянами, старый бубен, деревянный нож, мелкий сядай и оленьи шкуры. Дверь из трех досок, приваленных к поперечной, просунутой в жерди. С платками, поясками и тряпочками, бубен, поперечины от маленьких нарт, палки с зарубками — число обещанных божеству оленей в случае удачи на будущей охоте (под разным благовидным предлогом количество жертв изменяется, например, обещал зарезать 5 оленей, если удастся добыть черную лису, но добыв ее, закалывает

2 шт. — от того, что она была плохого сорта... Дверь в западной части; с восточной — полукругом стоят деревянные “сядаи”. Стоящие новые — за ними лежат старые, упавшие от старости; их не убирают и не сжигают, сами должны “рассеяться” по миру (слиться с ним) — сгнить.

12 августа... Рассчитал лоцмана Ивана Н., архангельского самоеда, который провел меня по протокам в устье ЛОНГОТ-ЮГАН. Весь день до ночи вскрывал хольмеры и разрывал с рабочими могилы на старом самоедском кладбище на южном склоне святого мыса. Нашел избушку с мужским остяцким “сончат” (взяты в коллекцию). Вскрыты погребения № 3–18 включительно...

13 августа. Утром в 5 часов фото “сядаев” около “Мяро” и северную кучу черепов диких оленей... Через 1 час вижу подплывает к нам компания остяцких самоедов с ХАЛАС-ПУГОРА — 3-е мужчин, 4 бабы и 2-е мальчишек. Оказывается, это спешно приехали на наш дым от большого костра, в котором сжигали гнилую одежду из гроба богатого остяка, боялись, что жжем рыбий жир, запасенный в нарте. Старик Ночо наболтал им на обратном пути всякие небылицы и всполошил всех остяков и самоедов ХАЛАС-ПУГОРА. Осмотрели свои вещи и успокоились, а хорошо говорящий по-русски самоед Николай Янгаров, воспитанник обдорского пансиона, вотчинник здешних мест, сообщил мне много интересных подробностей про здешнее жертвенное место. Спутник его хромой старик Тасям рассказал несколько остяцких преданий и объяснил про Яумал-орта. Пробыли они до вечера, и поэтому

¹ Дневник хранился в архиве Н.Д. Янович, дочери Д.Т. Яновича. Написан карандашом на обычной ученической тетради в линейку.

мне не удалось сходить и разрыть дальних ино-родческих могил, так как дальнее кладбище принадлежит крещеному самоеду Янгарову, и там под крестами похоронены его родители, братья и сестры и дети. Имея в виду возвращение в ХАЛАС-ПУГОР, где на кладбище есть более 200 могил — и остяцких и самоедских — я не пошел докапывать здешнее, чтобы не нажить врага в лице Николая Янгарова, а даже нанял его в проводники. После укладки черепов по ящикам и установки их на каюк — двинулись и ночью были около ХАЛАС-ПУГОРА, где у берега, выше юрт и заночевали.

14 августа. С трудом пристали к берегу Малой Оби... С 11 часов началась разборка хольмеров. Сделаны № 20—28 включительно. С утра было солнце, а потом дождь прервал работу.

Найден очень интересный кожаный пояс со старинными оловянными и медными бляшками. Начат № 29 на котором лежало 9 стрел, обращенных наконечниками на север... Во время раскопок приходили 3 остяка и 4 зырянских работника любопытствовать, что мы делаем. Стоят, смотрят молча.

15 августа. ... Раскопано 29—47, последнее только начато. Сегодня — новости: в гробах и на них встречены деревянные сидирянчи, много пестрых бус, интересное детское двойное погребение в одной камере (№ 44) с деревянными игрушками и стеклянной позолоченной бусой и интереснейшей пряжкой. Затем в могиле № 41 встречено 2 наконечника от стрел, в других очень интересный ковшичек птичкой... Добыто 19 черепов.

16 августа. До часу дня сделали 47—55 включительно. Нашли очень интересную (54 погребение) литую старую ложку с головой некоего зверя на ручке и большие фарфоровые пуговицы на оловянных ушках от сахэ... Кончили сегодня в 9 часов на 71 номере. В последних гробах найдено 2 сидирянча, старинная медная ендова и большой старый русский ковш и нож с узорчатой ручкой (орнамент крестиком, к сожалению сильно попорчен временем).

17 августа. Работали с 7 утра до 1 часа дня затем с половины третьего до 8, когда совсем стемнело. Добыто 30 черепов, из вещей особенно интересны 2 плоские круглые табакерки 18 столетия, одна с изображением Екатерины II. Все могилы № 72—101 — очень старые, хольмеры большей частью обвалились, крышки гробов сгнили и лежат на костяках, кругом все заросло цепким кустарником карликовой березы и воронцом...

18 августа. ... В 3 часа дня пришли с новым материалом: в некоторых из сегодняшних погребений найдено много медных самоедских вещей —

медные литые петли от оленьей упряжи, пряжки, бляшки, орнаментированная чашка и интересный глиняный маленький горшочек, в котором ставили питье для сидирянча умершей (мог. № 121)... Сегодня пришлось прервать на 135 №. Последним номером пошло у меня погребение остяцкой девочки с деревянными игрушками, посеребренной чеканной полоской с головного убора, изображающей охоту и очень интересными медными бляшками с человеческими лицами и барсами.

19 августа. ... Костяки на этом кладбище, кажется, все истлевшие, беру одни черепа и вещи, так что дело идет довольно быстро. Верхних ящиков и гробов — одни следы, все заросло сплошь старой карликовой березой и воронцом. Из сегодняшних находок интересен самоедский квадратный ковшик с резной ручкой, несколько блях, старинная медная большая пуговица со львом, мелкие бляшки с бубенчиками по краю. На раскопки заходил старый остяк, местный вотчинник рода Осяс с сыном, смотрели на нашу святотатственную работу и мирно беседовали со мной о Калдаси-пудэнчи. День мой закончился № 173-м. Взят целый скелет остячки, похороненной отдельно от кладбища на берегу каменной Оби под березками; она была здесь на острове замужем за самоедом, умела шаманить и потому погребена в стороне от простых смертных; звали ее "Нэодию" по фамилии Ядопэ.

20 августа. Встал в 5 часов утра и после кофе вместе с Тяжелниковым пошел фотографировать типы в Халас-Пугорские чумы. За съемку давал остячкам и самоедкам серебряные кольца, чтобы загладить дурное впечатление, произведенное на них моей работой. Как-никак а полтора ста дедушек и бабушек я от них увез. Погода сегодня дивная: тихо, светло, тепло. После еды в полдвенадцатого отвалим дальше. Простоял здесь целую неделю. Тороплюсь на Сангом-пане, чтобы с высокого его берега снять освещенную солнцем низину Каменной Оби со всеми ветвями протоков и ручьев. Уплочено в Халас-Пугоре 15 коп. за пучок ниток из оленьих жил, 1 руб. за 5 шишек от хореев, длинный скребок для мездры, ланча-хор (особый лонч, который кормят начиная с осени, чтобы в продолжение зимы добыть как можно больше белок).

В 2 часа доходим до Сангом-пане и пристали под избушками... Двинулись в 7 часов. Стало темнеть и проехав верст 8 до того места, где в Малую Обь впадает Кривая Обь, отходящая от нее против Халас-Пугора, заночевали до утра.

21 августа. Переехали Обь к тому месту, где неводили какие-то люди, а вдали за кустами виделись берестяные чумы. Оказалось, что неводит

богатый остяк Сергей рода ояс из Кривообских юрт с самоедом Янгой по фамилии Ламдо и архангельским Преркой и каким-то белорусым зырянином, который держит с ним пол-невод. Сергей сразу стал мне приятелем, продал мне деревянный ковш, 4 наплава со своими яспасами, а Ламдо — деревянные ножны с памятками-зарубками, обозначающими число дней, оставшихся до первого сентября, срока невожья. Оба рассказали мне через Ядопчу дорогу на Седельпиновский (?) песок, куда надо заехать за стариком Райкой, знающим, где похоронен медвежий шаман... Поехали дальше и сделав небольшую остановку в верхнем Халэу-туре у рыбопромышленника Дмитрия Аристарховича Чупрова, где заходил я в остяцкий чум и купил очень интересный круглый и плоский камень “ялтан-ногда-кэу” — употребляемый остячками для окуривания своих genitalia после menstrua и родов, чтобы “очиститься”; к камням этим никому из мужчин нельзя прикасаться, так как они считаются оскверненными женской печатью и пропитаны ею.

23 августа. Перевал через Обь (выше было описано путешествие по Малой Оби до ее устья. — Авт.). 3 детских хольмера на Пури-салэ. Сбор черепов на разрушенном медведем кладбище. Добрались до ВОДЕ-НЯЛ'а осмотрели свящ. жер...

24 августа. Раскопки (№ 184—198) и фото в ВОДЕ-НЯЛ до ночи.

25 августа. Карпова “Кланя” взял мой “Орт” на буксир и довез от Воде-Няла до ТАРВА-НУИ, где я рознял несколько хольмеров (№ 199—208). Костяк шамана Пича Ларку взят весь.

26 августа. Невозможность пристать к кладбищу Ядопчей, остановка на ХЭ-Я...

27 августа. Отправились на берег на кладбище фамилии Ядопчу. На небольшом сухом песчаном холмике, густо заросшем березой, ивой, рябиной, воронцом, мхами и лишаями — тесно друг около друга, стоят или лучше сказать лежат следы от хольмеров, некоторые из них проросли большими деревьями из самой середины; ни одного целого, свежего нет. Ядопчу давно уже не хоронят здесь своих, последнее погребение было совершено здесь лет 48 тому назад, как помнит Райка, еще не бывший в то время женатым. Его отец “Япта” — старик лет 90, последние дни свои доживал в Обдорске, похоронили на местном кладбище по христианскому обряду...

Кладбище было прежде гораздо больше, кроме оставшейся группы погребений одной фамилии, были еще 2 более старинные, уже смытые Обью. На берегу поставил 2 палатки, где после

раскопок остались почти все рабочие, кроме Ядопчей. Сегодня сделано по 229 номер. Костяков не было.

28 августа. С утра до вечера раскопаны № 230—250. Взял один только костяк, да и то неполный и не из фамилии Ядопчу, а какого-то самоеда, по словам Райки. Упакованы предыдущие номера.

29 августа... С утра сегодня стоит прелестная погода и жаль, что только к вечеру удалось поехать на правый берег, на кладбище ТАНЫН-КОЛОУА-ЯХА-НЯУ ХАЛЬМЭЭР, то есть у подъема к устью реки Няу. Дотемна успел разрыть лишь три могилы — Падянга, его дочери и дальнего родственника Ханэнга. Ядопчу приехал с шаманом Неокдэтта, которого отпустил Тарасов до самого конца моего странствования по Оби. Шаман знает все места, где в... густых кустах за труднопроходимыми оврагами спрятаны родовые идолы-покровители, он эксплуатирует свою старую веру, не признавая ее святой, крадет медные вещи у покойников, деньги в священных котлах около идолов, а с Тарасовым обобрал в прошлом году какого-то богатого остяка, предварительно напоив его пьяным; деньги поделили, “причем русскому досталось десять тысяч, а мне, остяку, три...”... Вызвался сам добыть для меня идол Орас-яхов. Старик Няурем из Войкар обещал мне показать где-то в устье Малой Оби в кустах целых 3-х идолов — имен которых он не знает. При них 3 громадных медных котла, один с серебряными большими вещами, больше с сережками и разными подвесками, второй с золотыми и серебряными кольцами, третий с деньгами — самый большой; на щеках у самого большого идола по серебряному блюду, в глазах по серебряному рублю. Увидим, правда ли. Может быть, удастся съездить. Каюк пристал ниже кладбища к Сарман-Вануй, где есть две избушки и куда приезжают неводить с того берега тарасовские рабочие. Говорят, и здесь есть несколько хольмеров. Один — детский, сколочен только три дня тому назад. Отец покойника просил не увозить любимого сына, хотя бы и в царский музей. Конечно я не возьму трупика. К ночи я немножко разхворался и мне было не особенно приятно соседство 3-х остяков — двое на полу моей каюты — 2 шамана — остяцкий Райка, самоедский Неокдэтта и молодой Ядопчу. Самоед хвалился, что может протыкать себя ножом, впуская его в левый бок и вынимая из правого, может держаться над горящим огнем, некоторое время повисая в воздухе и т.д.

30 августа. САРМАН-ВАНУЙ. В 4 часа утра после чая и напутствий Ядопчу с Неокдэтта

в калданной лодочке отправились за идолами; обещают привезти двух и наверное ни одного не найдут... В 3 часа все-таки решил себя пересилить и поехал, несмотря на головную боль, на кладбище, недокопанное вчера. С 254 по 264. Костяки все плохи, еле уцелели головы. Попалось два двойных погребения (мужа с женой). Из новых вещей — 2 больших медных цилиндра с винтовыми пробками для водки, полный набор костяных стрел у шамана Хачэуа и инструментальный ящик для этой же цели с костяной фигуркой волка внутри. Кончил в полной темноте при фонарях. Обратный путь был не особенно приятен, разыгралась буря, пошел дождь, лодку заливало, качало и два раза в полной темноте посадило на мель у береговых кос. Доехал к 9 часам. Меня ждал Ядопчу с Неокдэтта, которые побывали у двух идолов и обоих, как говорят, нашли ограбленными. “Св. запор” увезен, вещи его разбросаны, уцелел только сундук с его одежками, который они и захватили, сончат шамана Хэмберча (Орас-хой), а главное, удалось достать небольшого остяцкого идола “Орт-их” (по самоедски Иерку сын Яумал), принадлежавшего роду Казым-ях в юртах на острове “Хея”... Вместо Мушинского двенадцатым будет у нас Неокдэтта — самоед.

31 августа. САРМАН-ВАНУЙ. Рассчитал Мушинского, отправил его с рабочими на большой лодке на Тарасовскую баржу, а сам с Григорьевым и старым Ядопчей пошел за черепами на местное кладбище... Сделано сегодня мало, с № 265 по 269 включительно. Взято 4 костяка. Обь очень сердито бьет пенистыми волнами наш берег и из-за этого после обеда, приготовленного Аристарховым, нельзя было двигаться к ПАЙ-ХАТУ, где в 3-х местах есть около 200 хольмеров. Шаман Неокдетта привез из своего чума бубен: будет узнавать, где спрятаны идолы, чтобы украсть их для меня.

1 сентября. Встали в 4 часа утра, поехали на веслах и в 9 были уже у могил на новом кладбище ПАЙХАТА-ХАЛАЙТ. До заката солнца сделано 18 погребений с № 270—288, причем попало 3 двойных, из них 2 взрослых, одно самоедское, которое фотографировал.

2 сентября. Встал в 6, чтобы работать сегодня без перерыва на отдых: некогда, мало голов собрано, да и вещей также. Думаю порыться в десятке очень старых могил, совершенно заросших большим березняком. Не успел я описать 3-го погребения, как подошедший к мысу Нянг-нял белого цвета пароходик дал свисток, один, другой и третий — звали лодку с берега, оказалось рыбопромышленник Ф. на своем пароходе “Желан-

ном” согласился оказать мне любезность и отвезти к большому кладбищу на устье ЩУЧЬЕЙ реки... Здешнее кладбище осталось неоконченным, а так как оно находится близко от Обдорска — решил предпочесть ему большое старинное кладбище на Щучьей реке. Пристав Василий Никифорович Крылов прислал мне старых газет для обертки вещей и в письме сообщил, что о казенном пароходе, который должен за нами прийти из Тюмени — ничего еще не слышать. Рочев говорит, что Руденко копает черепа тоже где-то здесь около меня, почта в Обдорск не приходила, Иринарх не приехал из Петербурга. Через 2 часа доехал до устья р. ЩУЧЬЕЙ и пристал к паузку Афанасия Меркурьевича Рочев-Моторова, толстяка рыбопромышленника. Молодой Рочев только что сойдя с парохода захоптал с рабочими: сгружали караваи черного хлеба в рогожных кулях, с палочками, на которых вырезаны метки-зарубки, обозначающие долги, толпились около хозяйской каюты полупьяные остяки и самоеды, в черных гусях и замшевых малицах слонялись остячки, прикрываясь платками, черноглазые татарчата любопытно оглядывали меня своими красивыми глазенками; мать Ядопчи — 70-летняя енисейская самоедка, скуластая, с бледной кожей, слезящимися глазами — держала красивого рыжего китайского кота на руках и беседовала со мной...

3 сентября. ... К вечеру доехал на парусе до устья ЮМБАР-ЛАРА, где поев ячменной каши, стал заряжать оба аппарата, чтобы быть заранее готовым запечатлеть кладбище перед разгромом.

4 сентября. ЮМБАР-ТО. Утром при безоблачном небе, подгоняемый свежаватым ветерком я поехал на неводнике в мелеющее озеро, оставив “Орт”. Половина пути прошло без особых приключений, версты же через 2 пошли мели и “пята”, т.е. илистое вязкое дно, в котором тонут и засасываются ноги, что я и имел возможность испытать, сойдя с лодки и застряв по колено, так что только при помощи Неокдетты, Ислама, Ядопчи-младшего и Пушневского удалось мне освободиться из липкого берегового теста. Кладбище расположено на С-З высоком берегу, песчаным обрывом высотой 4 аршина, спадающим к озеру, почти целиком занесенному илом. В высокую воду сюда заходит рыба метать икру, здесь ее и запирают, перегораживая пролив поперек так называемыми запорами. Могил много, шт. 100, расположены они в С-З направлении по гребешку холма водораздела, который сливается с берегом другого озера с чистой и вкусной водой, лежащего у западного конца кладбища, где в последнем десятилетии похоронена жена местного вотчин-

ника, юмбарского самоеда Хонинта, и где стоят две небольшие листовницы, одинокие среди тундровой растительности, покрывающей окрестность. К северу видны чумы, оленье стадо и какие-то белые точки, принятые мной за экспедиционные палатки и обманувшие меня — послал узнать, не подъехали ли с моря мои коллеги, оказалось — обыкновенные оленеводы, уже подошедшие с Ямала идвигающиеся к городу. Работали сегодня немного. Сделано с № 298 по 307. Послал за остальными палатками, своими вещами, провизией и пр. Ночевал с оставшимися рабочими в большой палатке, почти не спал, зяб, грелся у костра... Пишу — ночь темная, мрачная, слышны издали крики оленеводов, рабочие храпят на деревянном полу палатки, усталой широкими сухими досками от хольмеров, горит большой костер из покойницких нарт, во множестве лежащих на север от каждой могилы: по туземному обычаю — при могиле остаются сани, принадлежавшие покойному, а также те, на которых привезен труп.

5 сентября. ЮМБАР-ТО. Сделали с № 308 по 323, взял несколько костяков, из интересных вещей отмечаю две старинные дубовые пороховницы, несколько самоедских долбленых чашек, костяшки от оленьей уздечки, деревянный плоский ковш очень старой работы, подставка, употребляемая самоедами при стрельбе ползком из ружья на моржей, белых медведей и пр., два капкана.

6 сентября. До 3-х дня я успел вскрыть и описать с № 324 по 338 включительно. Найден медный гребень, ковшичек с птичкой и замечательный футляр для карточной колоды, деревянный резной, весь покрытый орнаментом. Бляхи и пряжки — прежнего типа... Самоедские хольмеры двускатные ящики хуже остяцких сохраняют трупы, там гниение идет равномерно, здесь же мелкие кости совершенно пропадают, тогда как на лице, спине и руках даже кожа сохраняется в целости. Одному пришлось сегодня даже перерубать топором шею...

7 сентября. С утра дул сильный северный ветер, палатка оледенела и потому поднялся с трудом к 9 часам. Сегодня ровно месяц, как я выехал из Обдорска и последний хольмер описывал на холоду под снегом и ветром — с удовлетворением получен № 355, так что можно считать, что задача этого месяца выполнена. Из редкостей найдена деревянная фигурка волка, полный набор костяшек для оленьей уздечки и упряжи, костяная чашечка, украшенная примитивной резьбой меч от вшей, две деревянные петли от женской ездовой нарты и узорчатый наконечник стрелы из ма-

монтовой кости. Оставляю 30 хольмеров неосмотренными, так как стужа не дает работать.

8 сентября. В 5 утра отправил на маленькой остяцкой лодочке первую порцию багажа — 5 ящиков с черепами и вещами. Шаман Неокдетта с Васькой Ядопчу потащили ее на веревочных лямках и с трудом добрались до поставленного на якорь в середине озера Юмбар неводника: вода замерзла по мелким местам и дно лодочки сильно пострадало от льдин, так как брести пришлось почти по брюхо в холодной воде, пробиваться через лед и кроме того, вязнуть в "няше", которой покрыто почти все дно... В 9 часов лодку погрузили снова, сложив туда две большие палатки, инструменты, посуду и вновь наполненный ящик с материалом из погребений № 356, 357, 358, которые я успел все-таки разобрать сегодня, как только ветер сменился на западный. .. Впереди снова брел в ярко-зеленом гусе шаман-самоед, справа тянул лямку одетый в темно-серый гусь — поляк Мицевич, сзади подталкивал ее мой неизменный Ядопчу и Пушневский, гусь которого сшит из светло-серого с желтым оттенком арестантского халата, бубновый туз на нем хотя и заштопан, но ясно виднеется на спине... Брели час, брели другой, останавливаясь для отдыха, я сидел стараясь не шевелиться, чтобы не нарушить равновесия углового судна и поэтому несмотря на теплую одежду озяб довольно основательно... Устал, а все-таки 10 самоедских костяков есть в коллекции.

9 сентября. Утром во время выгрузки ящиков из неводника на каюк, подъехали на лодке 4 самоеда. Оказалось, что братья Хонинта из юрт на устье Щучьей. Привезли мне письмо Баклунда, посланное эстафетой с Халас-Пугора. Экспедиция вернулась в Обдорск, и мне остается только как можно скорее ехать назад, чтобы попасть домой. Увидеть своих и готовиться к экзаменам. Самоеды говорят, что где-то здесь поблизости стоит пароход; хорошо бы к нему прицепиться и добраться на всех парах до счастливого конца. Движусь бечевой в обратный путь. Только к вечеру дотянулся до чумов старшего Хонинта — Хате, известного больше под именем Никапорки. Купил у него запас рыбы — щук и налимов. Видел тобольскую татарку, вышедшую недавно замуж за самоеда; она прекрасно знает язык, носит самоедский халат, заплетает косы и только овалом лица отличается от своих новых родных, родовой тип которых ей надлежит испортить примесью своей мухамедданской крови... Непа Хонинта, который в благодарность за то, что я исполнил его просьбу не брать костей его родителей — обещал подарить мне шкурку черной лисицы.

10 сентября. **ЛЕВЫЙ БЕРЕГ ЩУЧЬЕЙ. ВОТЧИНА ЮМБАР.** Не успел одеться и выпить свой кофе после половины жареного муксуна, как явился Непи сын Сероки Хонинта в замшевой малице с каймой из белой собачьей шкуры. Черные как смоль волосы, темно-карие глубоко сидящие под густыми махровыми бровями зоркие умные глаза, правильный короткий нос, тонкие бритые губы, крупный гладко стриженный подбородок, коричневатый цвет лица — вот очерк внешнего облика богача самоеда, местного вотчинника. «Что-то болит голове, хочется выпить, что говорил там тебе казенный человек: я привез тебе письмо сразу без канители, не то что Орасьяхи, которые тебя прозвали “хальмерным царем” (хальмээр паренъода), “халайт-хан” по-остяцки и отговаривали всех везти тебе казенное письмо». Немного погодя явилась в грязном рабочем халате его супруга и заявила, что у нее во рту что-то высох язык; пришлось и ей дать полкружки водки... В чуме у них купил ноттарму его отца “Сероку Хонинта”, два женских мешка, двойной скребок, костяную мерку для пороха, деревянную ступку для нюхательного табака, ороп и другие мелочи. В подарок получил шкурку черной лисицы.

11 сентября. Ветер переменялся и пришлось идти на веслах, что при этих гребцах очень трудно: никому не посоветую брать сибирских “политиков” в качестве рабочих — хлопают без толку веслами, зябнут, так как одеты в лохмотья, ленивы, капризны и нахальны, как и подобает людям, которым терять нечего. Часа в 3 дня остановились у Товы-пухол, где живет остяк шаман — приятель Неокдэтта. К сожалению, хозяин дома не оказался и мне пришлось ограничиться покупкой бабьих мешков и всякой мелочи... С утра шел снег, берег побелел, и лиственничная поросль красиво чернеет и желтеет на снежном фоне. Купив ручной лук, только, к сожалению, без тетивы.. поехал на другую сторону в Сядэн-сэхэпухол к родственнику Ядопчи, хранящему похолнял — небесную стрелу в качестве лонча. Самого старика шамана дома не оказалось, бабу же и дочку я живо прельстил пряниками, кольцами и бусами; купил несколько узорчатых мешков, разливательную ложку, образцы узоров, суконный портфельчик для огнива, два “оропа” — проданные со смехом и прибаутками, пряжки и прочее...»

12 сентября... Расходы по моей поездке будут с избытком уравновешаны коллекцией вещей, собранных в могилах. Интересно будет сделать точный подсчет — сколько блях, пряжек, вообще бытовых предметов найдено мною.

После отъезда Сэуноп (?) сходил в ивовые кусты на берегу и сфотографировал 2-х юх-гилянов, помогавших местному вотчиннику ловить рыбу и кучу оленьих черепов, висевших на ветвях. Часа в 3 поехал то на веслах, то бечевою и стал на ночевку у протопоповского рыболовного заведения, которое стоит на “Сумат-ням-похор”. На ночное дежурство назначил шамана Неокдэтта и Ядопчу; с сегодняшнего дня надо зорко следить, не пройдет ли “Тобольск” — казенный пароход, посланный за экспедицией и зачем-то и с кем-то ушедший на низ. Перед тем как заснуть долго любовался на северное сияние. Вижу я его впервые...

13 сентября. С утра дует сильный и холодный западный ветер... Стою и жду “хорошей” погоды, то есть северного ветра, теперь мне попутного...

14 сентября. Буря не прекращается; “Орт” мой мотается из стороны в сторону, едва придерживаясь за два якоря и бечеву, крепко привязанную к мачте и борту. Дует холодный резкий и сильный западный ветер; значит на Урале снег и большое понижение температуры. Лодка качается, ящиков нумеровать и перевязывать нельзя, кружится голова, хотя я все-таки привожу в порядок фотоаппарат и укладываю вещи в чемодан, а Григорьева с Ядопчей засадил за привязывание этикеток к вещам, купленным в чумах и юртах... К ночи ветер стих, стало очень сильно и сухо подмораживать... На вахте — самоедский шаман Неокдэтта.

15 сентября. Обь стихла, дует легкий южный ветер, небо было как зимою, светит яркое негнущее солнце, парохода все нет и нет; скверно, если придется застрячь: черепа плохо уложены и везти их по осенней гололедице на лошадях нельзя — все переколотится, особенно старые деревянные вещи и детские головы; придется или оставить всю коллекцию до следующей навигации, или переупаковывать все, затратив на перевозку громадные средства... Часов в 5 вечера показался казенный пароход “Тобольск”, на который я пересел вместе с Ядопчей и своими вещами. В рубке 1-го класса познакомился с А.А. Дуниным-Горкавичем — знатоком здешних мест. На борту парохода меня встретил Лев Петрович Оболтин — брат священника в Мужах, — помощник березовского исправника. Это то самое лицо, который больше всех хлопотал подготавливая Ямальскую экспедицию приват-доцента Житкова. В рубке за обеденным столом познакомился с расстриженным иеромонахом из Хэ — Климентом и капитаном парохода Константином Павловичем Белоблоцким.

Этнографические черновые записи

8 августа. “Сончат делают из лиственницы, любимого божьего дерева самоедов, а у остяков больше береза. Мужской сончат должен храниться 5 лет дома, после этого срока кладут куклу в гроб к покойнику на костяк. Женский через 4 года”.

“Лонгот — святое изображение, земной божок.”

“Неттырма — делают из дерева, из которого делают гроб, безразлично из какого дерева, лицо из меди и из свинца делают. Кукла делается в память покойника для постоянного напоминания о нем и играет роль портрета, который кормят, но им не приносят жертв.” “Если хочешь извести че-

ловека, надо сделать его юх-гилян и стрелять в него, а потом привязать к камню и утопить в Большой Оби”.

“В чумах божьи куклы — Орт-ихат — сыновья Орта сидят в переднем углу чума. Самый божественный Орт — на верху Оби около Самаровского”

“Сарт-хор. Щучья икона, деревянное изображение щуки, помогающее при рези в желудке”.

“Гроб по остяцки — хам-юх, гробница — сабам, по самоедски гроб — пьемб, верховой ящик — тьин”.

“Остяки на сончатах делают ножки, а самоеды — нет”.

Описания погребений (тексты составлены по рисункам и записям в полевом дневнике Д.Т. Яновича)¹

Могильник Пам-Похол-халас (погребения 1, 2)

Погребение 1. Девушка. Гроб-полулодка. Возле лодки лежали две палки, топор, нож. Покойница вытянута на спине, ногами к носу лодки, руки вдоль туловища. Слева от головы — деревянная рюмка, табакерка, подвески, цепочка, бисер, бусы. Справа от головы — бутылка, бусы, антропоморфное изображение. На груди — деревянная дощечка — огниво, бисер. У правого плеча — игольник, наперсток. На животе — шерстяная опояска, слева от таза — швейная доска. Между бедер — монета, черпак. У левой голени — берестяная коробка. В ногах — берестяное корытце, ручка от черпака.

Погребение 2. Гроб-ящик длиной 1,7 м, шириной в головах 0,75 м, в ногах — 0,67 м. Вытянут на спине, руки вдоль тела. У левого плеча — ложка и деревянная круглая чаша. Справа от головы — табакерка. На ногах — остатки обуви. У правой ноги — нож, игольник из оленьей кости, портфельчик с огнивом, мешочек. У левой ноги — ковш, ящик, а в нем — глиняная чашечка и кольцо железное от котла.

Кладбище самоедское рода Янгаровых на “Святом мысу” в устье р. Лонгот-Юган (погребения № 3–19)²

Погребение 3. Остязк Полуёйских юрт, похороненный по просьбе своих родных на кладбище рода Янгаровых. Хольмер длиной 2,1 м, шириной 0,8 м, высотой 0,7 м. Скреплен 3-мя парами стоек. Головой на юг. На средней стойке висит колокольчик³, рядом шест с 6-ю черепами от оленей, заколотых в жертву. Рядом стоит хорей. В головах стоит котел красной меди с дыркой и опрокинутая скамеечка. На хольмере лежит маленькое корыто, лопата с длинным черенком, употребляемая при ловле куропаток силками, лук ручной, стрела с вильчатым железным наконечником, 2 ложки от кремневых ружей, пара лыж, дно от колданной лодки со срезанными концами, корыто для еды. Покрытие хольмера из необработанных листовенных жердей. Под ними — берестяное полотнище от чума, сшитое оленьими жилами, под которым — лямки оленьей упряжи. Под берестяным покрытием — 3 доски от днища широкой и длинной нарты, на которой был привезен гроб с покойником и 2 стрелы (одна оперенная

¹ Дневник с кроками чертежей погребений занимает 8 ученических тетрадей. В большинстве случаев имеется зарисовка погребения, которая окружена надписями, поясняющими рисунок. Все записи и рисунки выполнены карандашом Д.Т. Яновичем и рабочим экспедиции, политическим ссыльным Пушневским.

² Старое кладбище находится на мысу на правом берегу р. Лонгот-Юган несколько ниже по течению от “святого чума”.

³ Родственники придя к хольмеру звонят в висящий на нем колокол, чтобы звук его донесся до души покойника и известил о пришедших гостях и о предстоящей трапезе.

орлиным пером с вильчатым наконечником. Под досками, служившими крышкой гроба, — кусок ярко-желтого сукна размером 2 x 1,25 м.

На гробе лежали 2 оленьих шкуры, 2 оленьих гуся и женский халат без орнамента, в котором обыкновенно спят, 3 пары сапог из оленьей кожи с такими же чулками. Гроб лежит на оленьей шкуре, которой окутывают зимой чумы, и стоит на чайнике, который помещен на дне ящика в ногах покойника. Между гробом и стенками хольмера в головах лежали 2 ножа и колода игральных карт, в ногах — оленья упряжь, сундучок и железное копье с хорея, железный капкан, нож в ножнах, летние пимы.

Длина гроба 1,9 м, ширина в головах 0,75 м, в ногах 0,35 м. Гробом является обрезанная спереди и сзади лодка, распиленная пополам, причем бока от другой половины служат крышкой.

Покойник вытянут на спине, головой на юг, ногами к носу лодки, руки вдоль туловища, кисти завязаны в тряпку с бубенцами. Труп накрыт пестрым ситцевым пологом, которым закрываются летом от комаров, обернут в спальный сах. На покойнике спальная ягушка из оленьего меха, черный суконный гусь, гусь из оленьего меха с суконными ленточками, прикрепленными на плечах, замшевая малица с обивкой из собачьего меха, “парка” из шкуры пешки с орнаментированным подолом, гусь из белой оленьей шерсти. На груди ситцевая мужская рубашка. Покойник голый в одних пимах, на животе лежат 2 пары штанов — покупные из материи и замшевые.

В углах гроба в головах — по паре летних замшевых пимов. У головы справа — фарфоровая чашка с отбитой ручкой, у головы слева — фарфоровая чашка. У таза справа — деревянная, окрашенная в красную краску долбленная чаша с остатками баранок из белой муки. В ногах 2 пары пимов и 2 кожаных ремешка с нанизанными на них медными цепочками от ножа. Тут же нож с деревянной ручкой. По сторонам от ног по шерстяному чулку зырянской работы. У правой ноги топор. Взят гроб с телом и часть вещей.

Погребение 4. Женское. Разрушенная сверху верховая могила, открыта сверху, череп обнажен. Головой на север. Ногами к р. Лонгот-Юган. Размер 2 м длиной, 0,8 м шириной в головах, 0,5 м шириной в ногах. Уцелело дно, на котором лежат кости, одежды нет. Могила была, очевидно, ограблена. С трупа были сняты одежды и оставлена только подстилка — оленья шкура. Вытянута на спине, руки раздвинуты в локтях, ноги под углом к туловищу. В головах — туес, медная бляха с всадником, перстень, опрокинутый глиняный горшок, на котором сгнившее лукошко, железная

цепь от оленьей упряжи, половинка медной бляхи. На груди узорчатая пряжка от пояса, огниво железное. У левой руки — скребок-яглоб, железка для скoblения шкур и изготовления замши. Справа от таза — ложка деревянная. Около правой руки — кости новорожденного ребенка.

Погребение 5. Женщина-самоедка. Верховой хольмер с 2-мя крепежами длиной 1,9 м, шириной 0,8 м, высотой 0,75 м. Вещей сверху нет, кроме ломаного корыта. Головой на СВ, ногами к реке. Вытянута на спине, руки вдоль тела. Кисти рук подсунуты под таз. Слева от головы опрокинутый железный ковш и под ним топор, медная пуговица. Справа от головы — деревянная долбленная чашка, которой накрыт пояс с медной кольцевой женской пряжкой. У левого плеча — берестяная табакерка. У правой руки — ложка. На груди круглая бляха от головного убора. Справа от таза нож с инкрустированной оловом рукояткой. На одном пальце правой руки — перстенок. Между бедер и слева от таза — 2 медных кольца диаметром 3,5 см. У правой голени — женский нож, скребок, у левой ноги — двойной скребок, медная подвеска, медная пряжка для вожжи — халцелуй. В ногах опрокинутая глиняная крынка со стружками, которые отлетели при делании гроба, опрокинутый глиняный горшок. Костяные пряжки от сбруи, гнилые ремни от оленьей упряжи, деревянная палка для вытрясания вшей из постелей — “петеньц” (самоедск.).

Погребение 6. Верховой хольмер длиной 2 м, шириной 85 см в головах и 40 см в ногах. Головой на восток, ногами к реке. Мужчина вытянут на спине, руки вдоль тела, кисти под костями таза. У головы слева — деревянная чаша, лопата, справа — топор, рукоятка которого лежит на груди. Справа от таза — мужской нож и железный наконечник от хорея. У левой стопы — глиняная чашка.

Погребение 7. Самоедка. Хольмер, в нем гроб-полулодка, голова к северу, ноги, обращенные к носу лодки, ориентированы к реке. Вытянута на спине, руки вдоль тела, кисти рук под костями таза. Одежды нет — погребение старое, все сгнило. На груди синяя стеклянная бусина, круглая бляха, у левой руки — табакерка. На тазе — корыто для еды не перевернутое. На костях — скорлупа от утиных яиц. Между бедер — костяной наконечник от скребка для чесания спины, нож, между голеней — ножницы.

Погребение 8. Остячка. Провалившийся хольмер длиной 2,2 м, шириной в головах 0,8 м, в ногах — 0,5 м с разрушенным гробом-полулодкой. Крышка из другой половины. В ногах стоит опрокинутый клепаный железный котел и на

палке звонок на цепи из 5 железных звеньев. Между стенкой хольмера и гробом-лодкой напротив правой руки лежит нож. Головой на север, ногами к реке. Вытянута на спине, кисти рук под тазом. Слева от головы — берестяной туес. Под левой рукой медная бляха от головного убора, под правой рукой — 3 такие бляхи. На животе женская кольцевая пряжка от пояса диаметром 22 см. Слева от таза — рожок-табака, двойной скребок.

Погребение 9. Хольмера нет, закидано бревнами. Очень старое. Головой на север, ногами к реке. Вытянут на спине, руки согнуты, кисть левой на животе, кисть правой подтянута к правой ключице. Лицо закрыто куском красного сукна. Поверх костяка — лук ручной. За головой лежит напильник. У правого локтя калачевидное кресало и бусина. Кожаный пояс лежит под спиной и не завязан. На левом бедре кусок оленьей кожи с пряжкой, у правого бедра — нож. Между голени — пенал из лебединой кости — игольник, у правой голени — топор, рукоятью в сторону головы.

Погребение 10. Бревна, которыми закрыта могила, лежат в уровень с поверхностью земли, сверху все заросло травой, брусникой, воронцом. Костяк на деревянном полу на земле длиной 2,3 м, шириной в головах — 0,75 м, в ногах — 0,55 м. Головой на СЗ. Вытянут на правом боку, руки вдоль тела. Правая кисть под тазом, левая — на тазе. На костяке лежало 2 лука. Слева от головы — деревянная чаша, возле нее кусок оленьей кости. За головой — разбитая кость от задней ноги оленя. Справа от головы железный ковшик. У левого бедра — топор, рукоятью в сторону головы, у правой голени — железный наконечник стрелы.

Погребение 11. Женское. Костяк на деревянном полу на земле. Закидано лиственничными бревнами. Длина помоста 2 м, ширина в головах 0,75 м, в ногах — 0,54 м. Голова на ЮВ. Вытянут на спине, руки вдоль тела. Правая кисть на тазе, в ней железное огниво. За головой — котел. На груди обрывок оленьей шкуры и сукна. Справа от головы — железная петля от котельной дужки, железный наконечник от хорья. На груди у левого локтя — разбитое утиное яйцо. У левого бедра — железный скребок для выделки шкур. У правой голени — нож, в ногах — разбитый глиняный горшочек без узора. На ногах деревянный нож длиной 70 см — распиральная палка для растягивания шкур.

Погребение 12. Детское верховое. Уцелели ребрышки и круглая пуговица, больше ничего.

Погребение 13. Верховой хольмер детский длиной 0,78 м, шириной 0,3 м, высотой 0,18 м.

Погребение 14. Самоедка. Длина 2 м, ширина в ногах 0,7 м. Головой на запад, ногами к реке. Голова накрыта железным котелком. На голове 2 медных бляхи и остатки кожаной шапки, на левом плече ковшик, у правого плеча — огниво железное. На животе женская кольцевая пряжка от пояса, у левой ноги — топор, у правой — скребок.

Погребение 15. Погребение детское наземное, костяк закидан лиственницами. Череп на левом боку, челюсть свернута в правую сторону. Вытянут на спине, руки вдоль тела. Над головой железный ковшик. На груди — медные пуговицы с шерстяного пояса. Ниже таза медный стаканчик. Слева вдоль тела — лук длиной 94 см.

Погребение 16. Самоедка. Погребение наземное под накиданными сверху лиственницами. Длина 2 м, ширина 0,6 м. Головой на север, вытянуто на спине, руки вдоль тела. Вокруг головы 3 медных бляхи с “лонт-хор”. Справа от головы — деревянный горшочек и ложка. У левой руки — костяной игольник, у правой руки — железный цилиндрический наперсток, двойной скребок, палка длиной 80 см. На животе — железная кольцевая пряжка от женского пояса диаметром 26 см. У левого бедра — топор, рукоятью в сторону головы.

Погребение 17. Детский гробик, сшитый по краям веревками, длиной 77 см, шириной 40 см, высотой 25 см в могиле глубиной 0,5 аршина от поверхности земли. Головой на юг. В головах за гробом стоял котелок. Труп замотан в оленьи шкуры. В головах стоят деревянная чашка, бутылка, белое блюдо. На животе — голубое блюдо.

Погребение 18. Детский верховой хольмер длиной 1,4 м, шириной в ногах 0,25 м, в головах — 0,6 м. Головой на СЗ. На животе деревянная чашечка.

Погребение 19. Отдельное погребение наверху песчаного обрыва на правом берегу р. Лонгот-юган между святым чумом и старым кладбищем. Головой на СВ. Гроб длиной 2,45 м, шириной в ногах 0,45 м, в головах — 0,75 м. Вытянут на спине. Положение некоторых костей нарушено. У головы справа — звено от цепочки, на груди — наконечник стрелы. В районе таза — огниво, нож. Слева вдоль тела — лук.

Могильник Халас-Пугор (погребения 20—173)

Погребение 20. Женское в гробе-полулодке. На крышке справа под опрокинутой полулодкой — топор. В головах рядом с гробом — желез-

ный котел. Головой на юг, ногами к носу лодки, вытянуто на спине, руки вдоль туловища, кисти под тазовыми костями. Лицо закрыто тряпкой, под головой пучки "отлиба". Труп покрыт ситцевым пологом и оленьей шкурой. Ноги в меховых кисах. У головы слева — деревянная чаша с ложкой. Справа от головы — рожок-табакерка, железный ковш, суконный портфель для отлиба, идолы, сгнивший кожаный мешок, к которому привязана костяная копоушка. На правой руке — деревянный черпак, вдоль правой руки деревянная колотушка. На тазе опрокинута берестяная коробочка, берестяная табакерка. Слева от таза — нож в деревянных ножнах, на правой руке медное кольцо. Между ног — грудинная птичья кость лежит на старом "оропе", подшитом берестой. У правого бедра — 4 пуговицы.

Погребение 21. Гроб-полулодка, носом к северу. Голова на юг, вытянут на спине, руки вдоль тела. На груди холщевая тряпка. У головы справа — олений позвонок. Медная пуговица на груди. Под тазом железное кольцо от штанов.

Погребение 22. Самоедка. Верховой хольмер длиной 2,15 м, шириной 0,75 м, высотой 0,5 м, гроб-полулодка. Крышка из двух частей. Гроб накрыт сукном и оленьими шкурами. На крышке гроба баранья лопатка. Костяк накрыт желтым сукном и завернут в оленьи шкуры. Лицо закрыто холщевой тряпкой с 3 медными пуговицами, из которых одна лежала на носу, другая под левой скулой. Платок прикрывал голову и был подостлан под спину до таза. Длина от атланта до пят 1,17 м. Головой на юг, ногами к носу лодки, вытянуто на спине, руки вдоль тела. Справа от головы — пучок шерстяной тесьмы для кос. На левом плече — чаша, накрытая парчой. На груди — рог-табакерка, заткнутая отлибом. На животе — медные узорчатые бляхи и бусы от шапки. Вдоль левой руки — топор, рукоятку в сторону головы. На тазе опрокинута деревянная круглая чаша, под ней плоская железная. У таза справа — нож женский, круглая медная бляха. Справа от тела — "хыр" — большой мешок с отлибом из оленьей кожи со вставками из оленьих лбов. Под мешком плоский железный ковш.

Погребение 23. Женское. Верховой хольмер длиной 2 м, шириной в головах — 0,95 м, в ногах — 0,65 м. Гроб-полулодка. Головой на юг, ногами к носу лодки, вытянуто на спине, руки вдоль тела. На дне гроба соломенная плетеная узорчатая подстилка. Лицо закрыто платком. У головы слева — берестяная коробочка, справа — свернутая шерстяная тесьма для кос. На правом плече — суконный портфельчик с деревянной дощечкой. На левом плече — фарфоровая чашка. На груди мед-

ный наперсток, медная плоская пуговица. Под спиной — бусы. У правой руки — железный ковш, табакерка берестяная, железная пластина огнива, истлевший мешочек с человеческими зубами. На животе — деревянная поварешка и утиное яйцо. У пальцев обеих рук по бубенчику. На правой руке два кольца. Слева от таза — женский нож. Между бедер — неперевернутая деревянная чаша диаметром 18 см. Под тазом — бляха от кос. На костях ног широкие плетеные шерстяные "алаки". В ногах железная цепь в 5 звеньев, которой привязывают задних оленей, свернутые "алаки", широкие ремни от женской оленьей упряжи, деревянные петли-блоки от упряжи.

Погребение 24. Верховой хольмер с 3-мя закрепами. На паре средних по оленьему лбу с рогами. Ширина хольмера 1 м, длина 2,85 м, высота 60 см. На крышке гроба — берестяная покрывка от чума. На хольмере железный клепаемый котел и большой ножной лук на лис, зайцев, медведей, волков и пр.

Гроб-полулодка. Труп накрыт желтым сукном. Женское погребение. Труп обернут в расширенный бисером сах, на соломенной плетеной подстилке. Голова на юг, вытянут на спине, руки полусогнуты, кисти в области таза. У головы — женская шапка, стеклянная рюмка, 3 прорезных бляхи. На голове — платок с нашитыми висюльками, обе косы поверх трупа. Справа — топор, слева — березовая палка длиной 1 м. На поясе и животе — деревянная поварешка, точеный деревянный боченок с крышечкой, железный ковшик с ложкой, оловянные бляшки. На руке 8 колец и бубенчик. В ногах — 28 железных звеньев от цепей задних оленей, оленья упряжь, медный колокольчик, алаки, деревянная чашка, сундук 15 x 24 x 35 см. В сундуке пряжка от упряжи передового оленя — халцелуй, 2 женских ножа, женский остяцкий платок с бахромой, бусы, цепочка, оловянная пряжка.

Погребение 25. На поверхности земли, хольмер сгнил, в полулодке, длина 2 м, ширина 0,55 м, голова на ЮЗ. Вытянут на спине. В головах халцелуй, костяшки от оленьей уздечки, у локтя справа — круглая медная пуговица. В ногах — железная цепь для задних оленей.

Погребение 26. Погребение в земле, ниже поверхности, гроб-полулодка. Длина гроба 2,1 м, ширина 50 см. Голова на СВ. Вытянут на спине, кисти рук под тазом. Похоронен на соломенной подстилке. Над головой железная стрела, на груди 2 медные солдатские пуговицы, большая синяя стеклянная бусина. У правой руки — ножик.

Погребение 27. Хольмер разрушен, погребение в полулодке, длина гроба 2 м 40 см, высота

0,35 м. Мужское. Голова на юг, вытянут на спине. У правого плеча — рожок с оловянной инкрустацией. На животе — кожаный пояс с оловянными бляшками и медной пряжкой, мужской нож, табакерка-рожок.

Погребение 28. Верховой хольмер, скреплен 3-мя парами закреп. Длина 3 м 50 см, ширина 95 см — 1,1 м, высота — 0,53 м, высота стоек 1,5 м. На первой паре стоек слева — два оленьих черепа с рогами, справа — один. На задней паре стоек по оленьему черепу. На крышке хольмера — кормовое весло от лодки, ножной лук. Под крышкой хольмера гроб-полулодка узким концом к С. На левой стороне 9 стрел наконечниками на С. (7 с железными наконечниками и 2 с деревянными на белок). Каждая стрела надломана по обычаю.

Погребение 29. Верховой хольмер длиной 1,58 м, шириной в ногах 0,65 м, в головах — 0,67 м, высота — 57 см. Гробом служит хозяйственный ящик для вещей. У головы слева берестяная чашка, справа — деревянная кукла-сончат, железный ковш, у правого плеча — берестяная табакерка, у левого — деревянная ложка, у левой руки — вторая берестяная табакерка, на животе бляшка с 6-ти лучевой звездой, белая бусина, 2 пряжки (медная и свинцовая). Слева от пояса — женский нож, синяя бусина, у левой ноги корыто для еды.

Погребение 30. В верховом хольмере, в полулодке. Длина гроба 2,3 м, ширина 0,75 м. На крышке кожаный алаки. У конца лодки — сундук. В нем деревянная чашка, медный колокольчик, две круглые большие бляхи и деревянный “сидырянч” (сончат) закутан в сукно. Рядом с сундуком — 2 медных колокольца, железный ковш, кольца и цепь от упряжи. Головой на ЮЗ. Вытянуто на спине. Женское. Голова закрыта суконным платком, на глазах и носу нашито по медной пуговице по самоедскому обычаю. Голова в кожаном головном уборе с медными подвесками на кожаных ремешках, покрыт бусами и медными и железными трубочками. Тело завернуто в черный суконный сах, на подоле которого пришиты пуговицы, оловянные бляшки. В головах 2 деревянные чаши, ложка с бусами. У левого плеча кожаный мешок с бахромой, в нем рожок-табакерка. На косах две медные бляхи. На животе медная бляха со всадником. Ниже таза — деревянная чаша, под ней 3 медных толстых кольца, между ног — кости ребенка. В ногах маленький сундучок. В нем ложка, медные кольца, оловянные подвески и пуговицы.

Погребение 31. Верховой хольмер, гроб-ящик длиной 2,25 м, шириной в ногах 0,60 м, в

головах — 0,72 м. На хольмере были пять четырехгранных железных палочки, заостренные с одной стороны. Мужчина, вытянут на спине, руки вдоль туловища. На левом глазу — бляшка. Слева от головы — деревянные чаша с ложкой, справа от головы — деревянная опрокинутая чаша, у правого плеча — берестяная табакерка, у кисти левой руки — утиное яйцо, нож мужской в деревянных ножнах.

Погребение 32. Верховой хольмерчик, в нем гроб-полулодка (нос). У носа лодки небольшое корытце для воды. Головой на юг, вытянут на спине на соломенной подстилке. В головах лежит сончат-сидырянг, под ним 4 кольца и синие бусы. У правого плеча — железный ковшик, у левого — берестяная коробочка, на груди — ложка, у левой руки — 4 медных кольца и мужской нож, у правого колена — стрела.

Погребение 33. Верховой хольмерчик длиной 1,5 м, шириной 0,5 м. Все открыто, череп побелел от времени. Головой на юг. Сохранились кости спины и левое бедро, возле которого мужской нож.

Погребение 34. Верховой хольмер, в нем гроб-полулодка носом на СВ. Все поросло карликовой березой. На крышке хольмера было кормовое весло и мужские лыжи. Длина гроба 2,55 м, ширина — 0,7 м. Голова на ЮЗ, вытянут на спине, руки вдоль тела, кисти — под тазом. В головах справа железное ведро, в котором лежали ложка и деревянный сидырянг, слева от головы — деревянная чаша. На правом плече — ложка, на груди опрокинута деревянная плоская чашечка, нож женский, на сердце — круглая бляха с ушком, на тазе — мужской кожаный пояс с медными пуговицами, слева — мужской нож, справа — 3 железных наконечника от стрел, дровки сгнили, у правого колена медное кольцо. В ногах опрокинутый медный котел, под которым ничего не было.

Погребение 35. Хольмер верховой в деревянных скрепах, наверх положены две оленьи головы и ковшик. Гроб-полулодка ориентирован носом на СВ, длиной 2,26 м, шириной в головах 0,82 м. Мужчина, ногами к носу лодки, вытянут на спине, кисти рук под тазом. У головы справа — берестяная коробочка, у правого локтя — роговая табакерка, на животе — бляха, у левой руки — нож мужской, пистонница, у левой ноги — топор с рукоятью, в ногах — костяные блоки от оленьей упряжи.

Погребение 36. Верховой хольмер, на нем лыжи и лук, все поросло карликовой березой. Гроб-полулодка носом на север, истлел. Длина гроба 2 м, ширина 0,75 м. Голова на юг, вытянут на спине. Лицо накрыто платком и куском желто-

го сатина. Под левым плечом 3 наконечника железных стрел, рядом деревянный уполовник с короткой ручкой, нож в ножнах, деревянная истлевшая самоедская трубка, у правого плеча — глиняный горшочек, старинный стеклянный штоф от водки, на животе — пряжка с изображением “гуся”, вдоль правой руки — деревянная стрела с тупым концом на белку, на тазе и левом бедре — 2 медных кольца, в ногах — кожаные ремни — “алаки” от оленьей упряжи.

Погребение 37. Хольмер верховой на 3 скрепах, сверху положен железный ковш без ручки и рог, гроб-лодка с обрезанной кормой и носом длиной 2,53 м, ширина в головах 0,53 м, сужается к ногам. Под лодкой — ручной лук. Женское, головой на ЮЗ. Вытянуто на спине. У головы слева — деревянная чаша, разбитая бутылка, справа — нож женский, детская человеческая лопатка, рюмка деревянная, на сердце — подвеска с конем, в районе таза — деревянная чаша, бубенчик, звонок, в ногах — корыто для еды остяцкого типа, котел железный, топор без топорща. Вдоль тела справа — ножной лук.

Погребение 38. Верховой хольмер с 3-мя парами скреп, на восточной последней — оленьи лбы с рогами, гроб-полулодка с провалом над костяком, носом на север. Длина 2,65 м, ширина — 0,9 м. Головой на юг, вытянуто на спине, женское остяцкое, под телом женский остяцкий ситцевый платок с холщевой бахромой. Под носом лодки женские оленьи алаки, железный котел, железные цепи для оленьей упряжи. Лицо накрыто ситцевым платком. У головы справа — 4 медные большие круглые бляхи, берестяной туесок, железный ковшик, слева — 2 деревянные чаши. У правой руки — 3 широких женских ножа, колокольчик. На животе — медная бляха. Ниже таза — большой железный ковш, на коленях — берестяная коробка, в ногах деревянное корыто.

Погребение 39. Верховой хольмер длиной 1,8 м, ширина в головах 0,8 м, в ногах — 0,60 м, в нем гроб-ящик длиной 1,28 м, шириной 0,62 м в головах, 0,52 м в ногах. Ориентирован головой на юг, вытянут на спине, кисти рук под тазом. У головы слева — пуговицы медные на тряпке, которой было закрыто лицо, деревянная чашка, у головы справа — железная чашка, туес с кедровыми орехами, трубка курительная, на правом локте — табакерка, на животе — чаша деревянная, у правой руки — женский нож, между ног — остяцкое корыто для еды деревянное, у правого бедра — колокольчик. Котел железный стоит в ногах вне гроба внутри хольмера.

Погребение 40. Верховой хольмер длиной 1,15 м, в нем гробик длиной 1 м. Самоедская де-

вочка. Головой на ЮВ, вытянуто на спине, лежит на соломенной подстилке. Лицо укрыто тряпкой с 3 медными пуговицами на глазах и рте, на голове деревянный сидырянг лежит внутри опрокинутой деревянной чаши, ножны от ножа. Голова в кожаном истлевшем головном уборе с бляхами-подвесками на ремешках с бусами. Слева от головы — ложка, половник, старинная бутылка, справа от головы — бляшка, медная столовая ложка, 3 деревянных сидырянга лежат на коже, под ними желтое сукно. Около сидырянга цепочка, кольца, оловяная бляшка. У правой руки — нож, на животе бляха и деревянная чаша, у левой руки — нож. В ногах — голубые бусы.

Погребение 41. Заросло карликовой березой. Молодой человек. Верховой хольмер с гробом-полулодкой, ногами к носу, ориентированному на СЗ. Голова на ЮВ, вытянут на спине на берестяной подстилке, череп голый. Слева от головы железный ковш с отломанной ручкой, справа — квадратная берестяная коробка и деревянная чашка. На животе кожаный пояс с медными пуговицами, у левой руки 4 стрелы с железными наконечниками. У правого плеча 2 медных наконечника стрел, деревянные ножны. У колен — 2 кольца медных от кисов. В ногах топор, 2 железных наконечника стрел, пряжка от оленьей упряжи, опрокинутая натруска, зеленый полуштоф с надписью “1814 г”, большая черпалка остяцкого типа, деревянная круглая чаша, ложка, костяная шишка от хорея, нож.

Погребение 42. Верховой хольмер, гроб детский длиной 1,28 м, шириной в головах 0,64 м, в ногах — 0,59 м. Хольмер укреплен 2 закрепками, какие бывают вообще у остяков и самоедов: два кола с поперечинами с выдолбленными отверстиями для надевания на колы. Высота хольмера 0,50 м, от ветхости наклонился вправо, на крышке гроба — шайтанчик. Гроб покрыт зеленым сукном под досками. Вытянут, руки вдоль тела, голова на запад. Под головой фарфоровая чашка. Слева от головы кружка, в которой 3 медные пуговицы, 3 кольца и цепочка, чашка в форме птички, у правого плеча деревянная ложка. На животе деревянная чаша, у левого колена узкий нож. В ногах деревянная чаша токарной работы.

Погребение 43. Верховой хольмер длиной 1 м, шириной 34 см, гробик в высоту хольмера, ногами на СВ, детское. Лицо покрыто сукном, на лбу пуговица. На шее буса, 4 кольца, 5 оловянных пряжек. На груди медная круглая бляха, у пояса — два колокольца. В ногах берестяная узорчатая коробка.

Погребение 44. Двойное детское. Верховой хольмер с двумя скрепами, обросший кустарником.

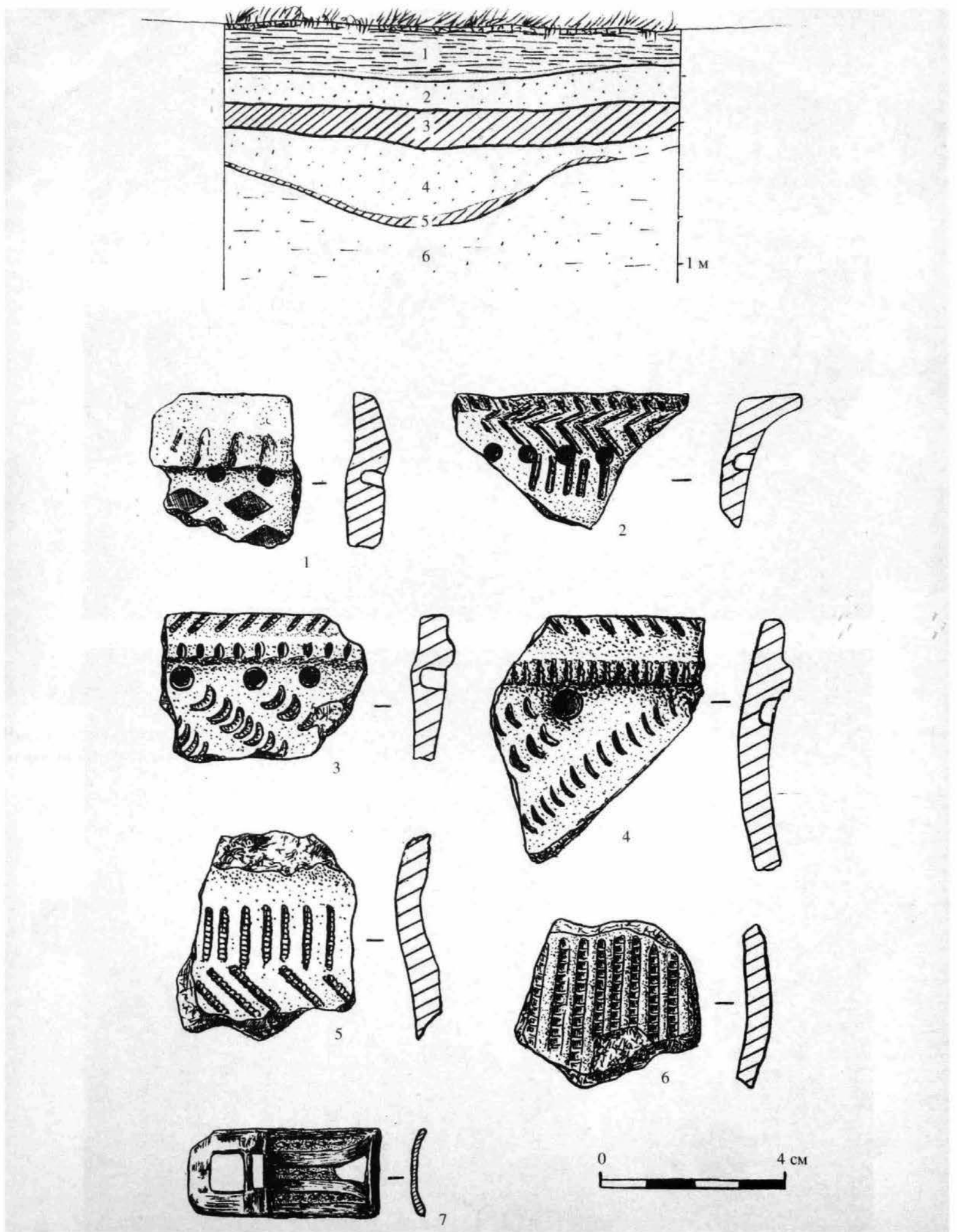

Рис. 5. Профиль верхней части обнажения левого берега Малой Оби в 150 м к северу от домов поселка Халас-Пугор: 1 — дерновый торфообразный слой, 2 — светло-бурый песок, 3 — темно-серая супесь (культурный слой), 4 — светло-бурый песок, 5 — темно-серая супесь, 6 — песчаные аллювиальные отложения. Внизу — керамика и медная пряжка, найденные у подножья обнажения в 1992 г.

Рис. 6. Вид Обдорска с кочующими самоедами и обдорской ярмарки (по Кушелевскому, 1868)

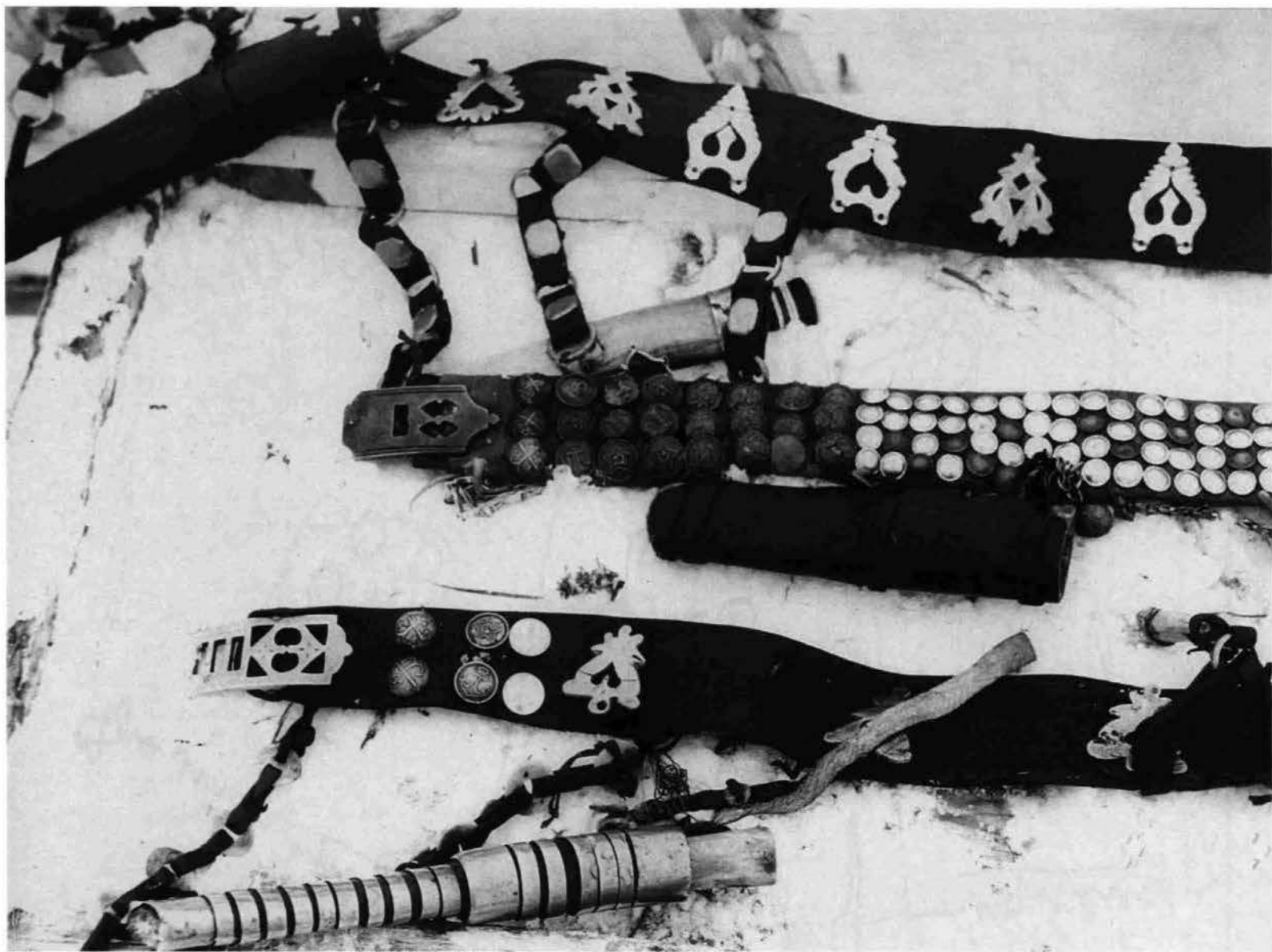

Рис. 7. Мужские пояса с металлическими пряжками, обшитые пуговицами, принадлежащие семье Сядаев, современных жителей пос. Халас-Пугор (снимок 1991 г.)

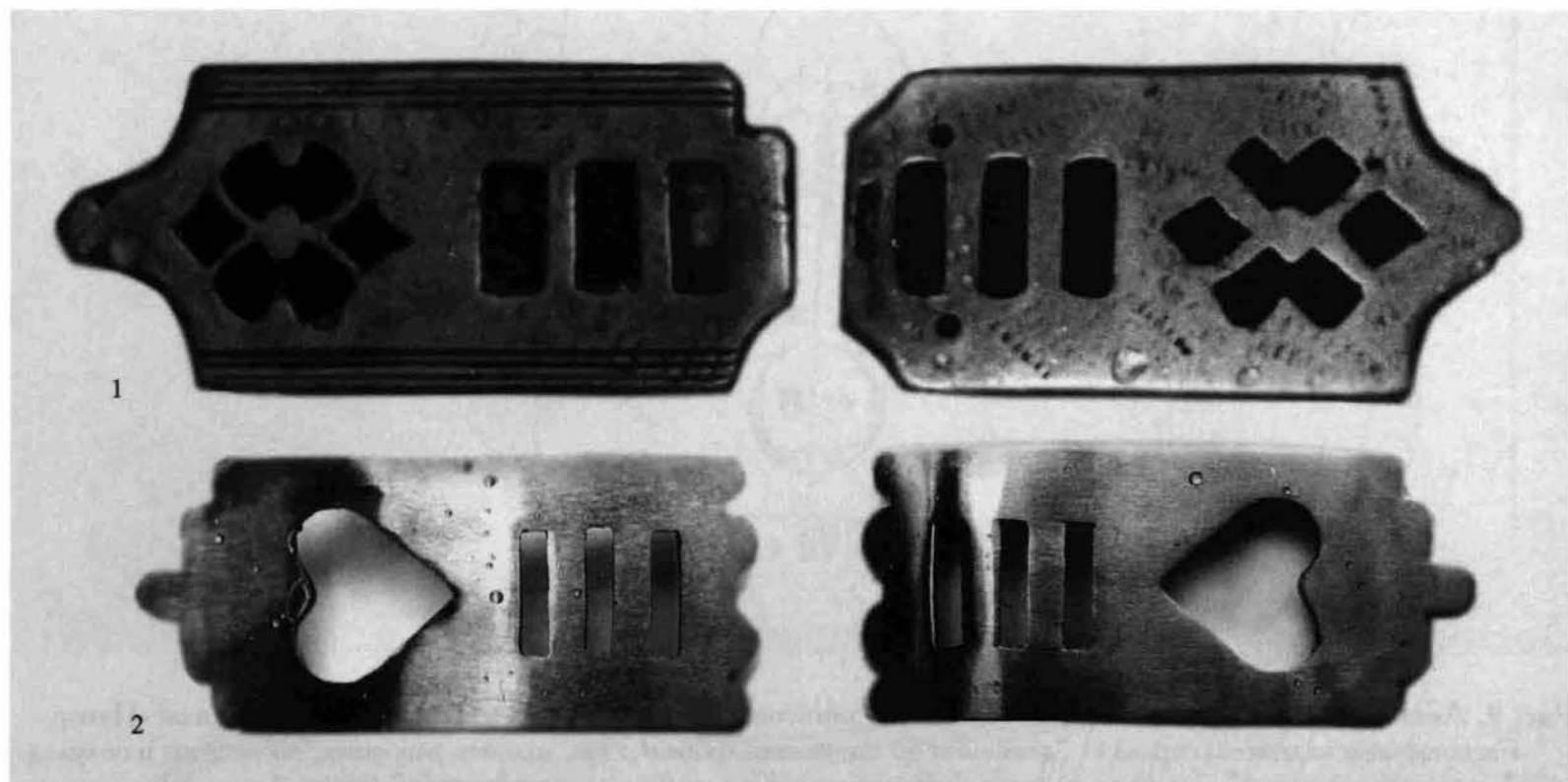

Рис. 8. Пряжка от пояса Г.Д. Филиппова, уроженца Халас-Пугора, подаренного ему отцом (1). Пряжки для “олениводов” (2), купленные в магазине в Салехарде в 1991 г., изготовленные кооперативом из Новослободского (?)

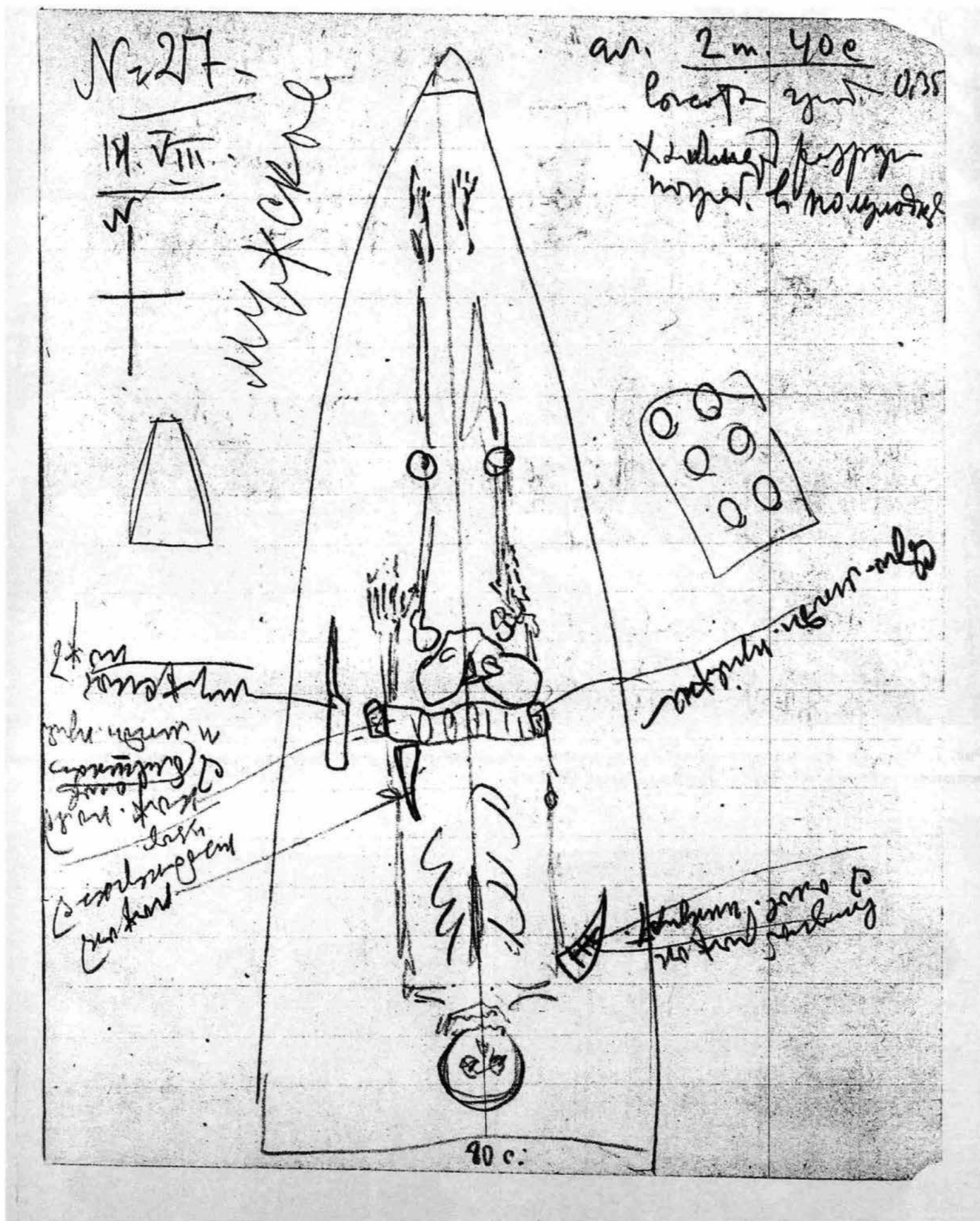

Рис. 9. Лист из полевого дневника Д.Т. Яновича с зарисованным погребением 27 в могильнике Халас-Путор
 Расшифровка надписей: справа — “длина 2 м 40 см, высота гроба 0,35 м, хольмер разрушен, погребение в полуодке”, “серо-медная пряжка”, “рожек с оловянной инкрустацией”; слева — “мужской нож”, “кожаный пояс с оловянными бляшками”, “рожек”

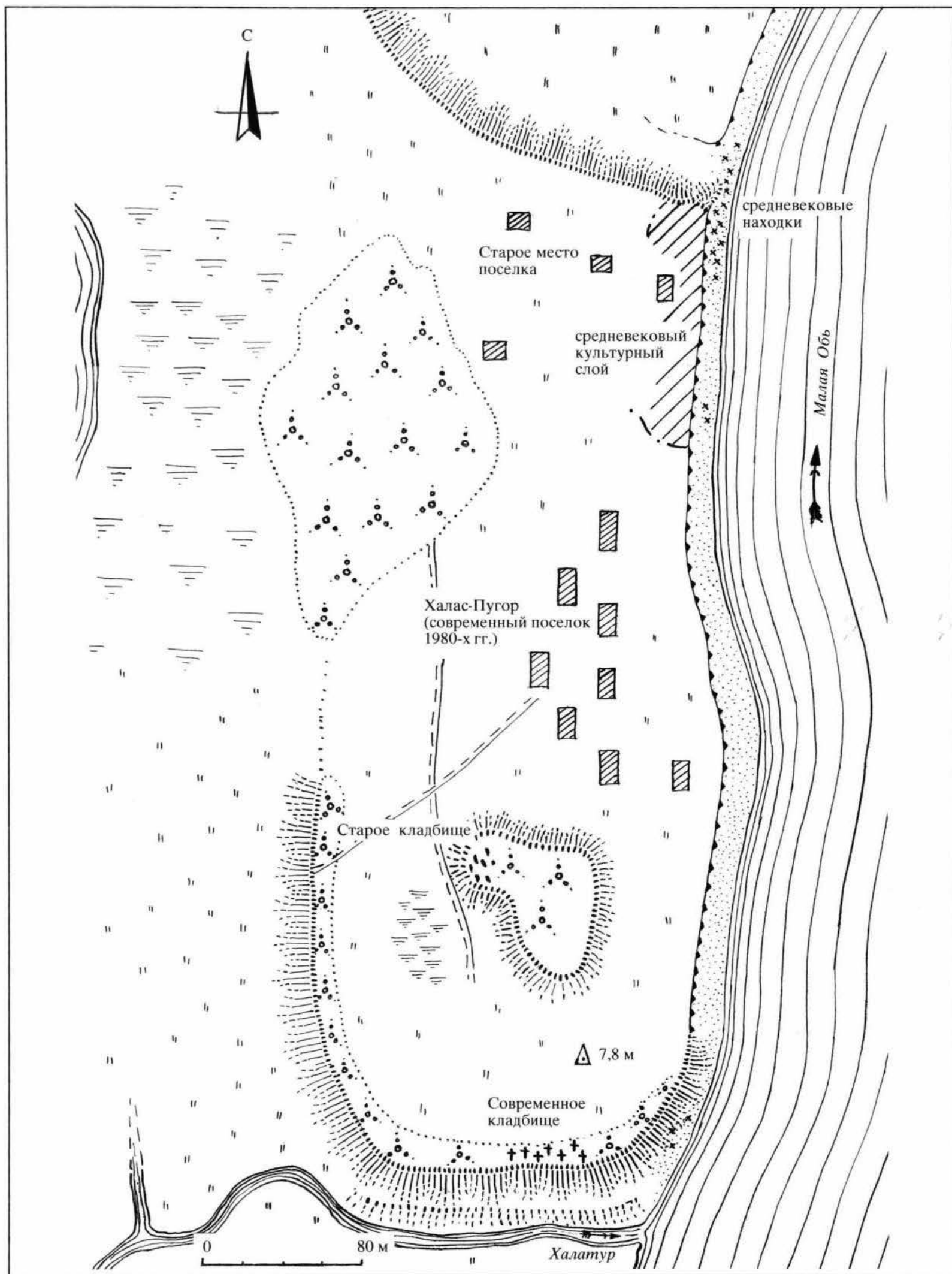

Рис. 10. План поселка и урочища Халас-Пугор по глазомерной съемке Н.А. Кренке 1991, 1992 гг.

Рис. 11. Вид на Халас-Пугор с Малой Оби (снимок 1991 г.)

Рис. 12. Вид на поселок Халас-Пугор от старого кладбища (снимок 1991 г.)

Рис. 13. Вид на дома современного поселка Халас-Пугор с севера от старого места поселка. На переднем плане слева от мачты ветряка — скамеечка семьи Сядаев (снимок 1992 г.)

Рис. 14. Вид с юга на старое кладбище в Халас-Пугоре, сзади виднеются крыши домов поселка (снимок 1991 г.)

Рис. 15. Брошенные дома (баня и сарай) старого поселка Халас-Пугор (снимок 1991 г.)

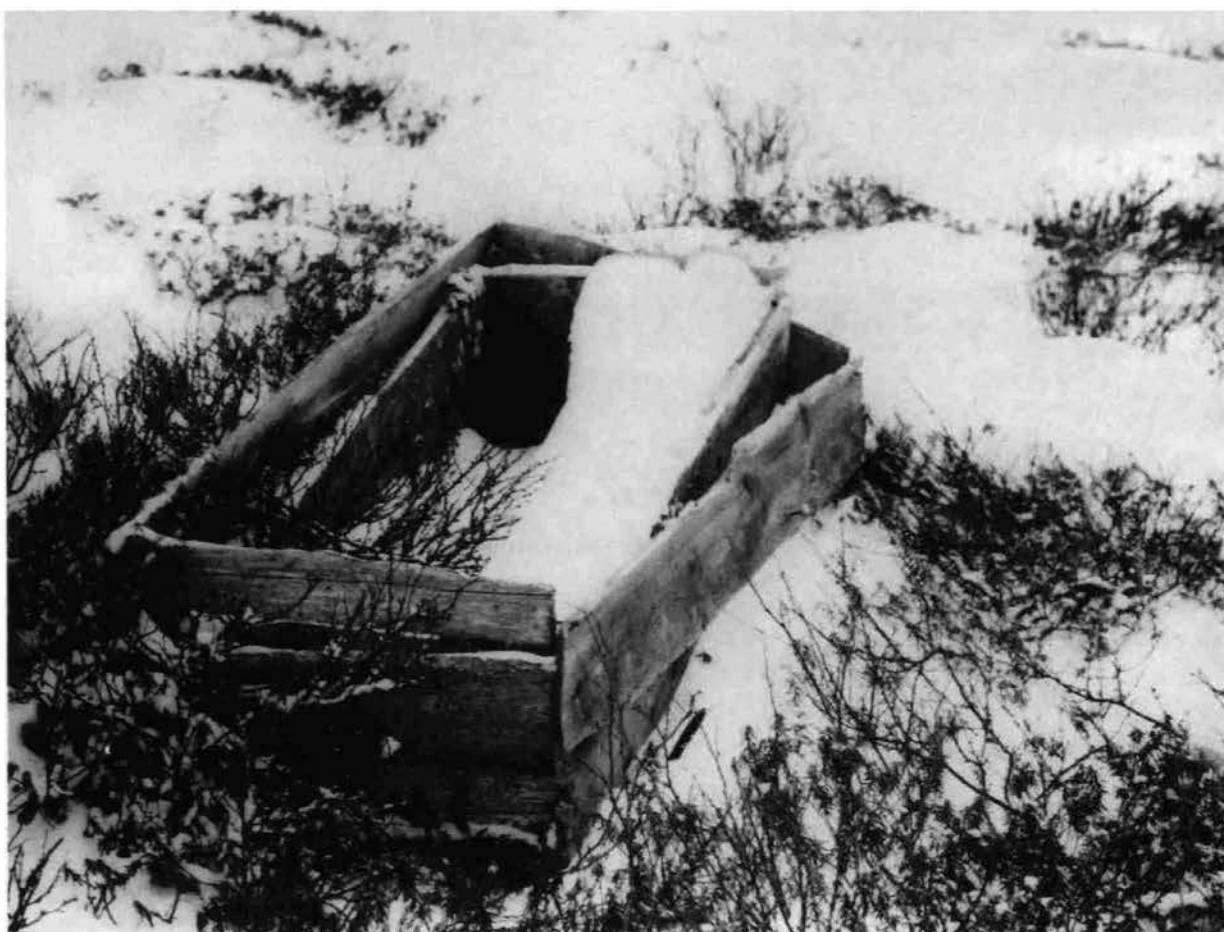

Рис. 16. Старое кладбище Халас-Пугор. Надмогильное сооружение в виде ящика (снимок 1991 г.)

Рис. 17. Старое кладбище Халас-Пугор. Гроб-лодка с обрезанной кормой в деревянном ящике (снимок 1991 г.)

Рис. 18. Старое кладбище в Халас-Пугоре. Вид с юго-запада, на заднем плане — постройки поселка (снимок 1992 г.)

Рис. 19. Старое кладбище в Халас-Пугоре. “Молодая” группа наземных погребений в ящиках, сколоченных тянутыми гвоздями (снимок 1992 г.)

Рис. 20. Старое кладбище в Халас-Пугоре. Погребение в лодке с обрезанными носом и кормой (снимок 1992 г.)

Рис. 21. Старое кладбище в Халас-Пугоре. Погребение в лодке с обрезанной кормой (снимок 1992 г.)

Рис. 22. Старое кладбище Халас-Пугор. Котел в ислевшем наземном погребении (снимок 1992 г.)

Рис. 23. Одно из наземных погребений старого кладбища в Халас-Пугоре в двойном ящике (снимок 1992 г.)

Рис. 24. Поселок Халас-Пугор. Сын Д.С. Сяддая в зимней одежде (снимок 1991 г.)

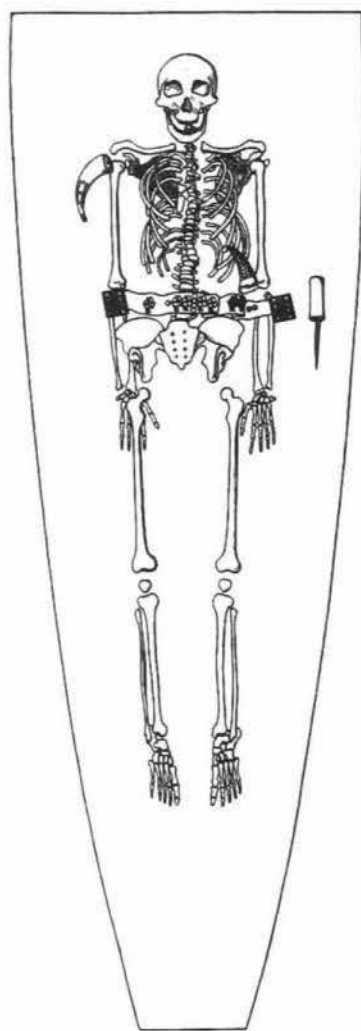
Рис. 25. Поселок Харсаим. Местный житель на крыльце сельского совета (снимок 1991 г.)

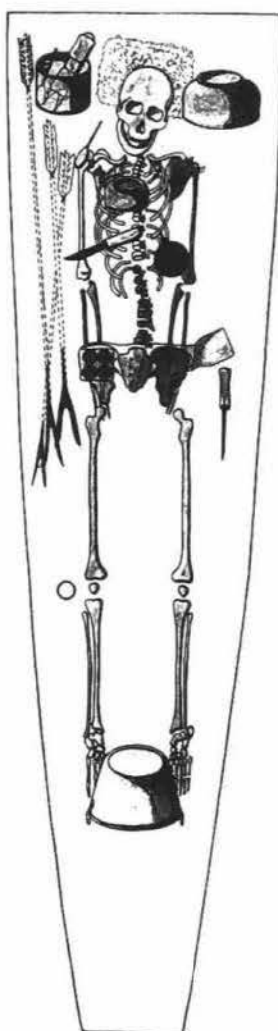
Рис. 26. Новое кладбище в Халас-Пугоре. Перевернутая лодка на надмогильном холме (снимок 1992 г.)

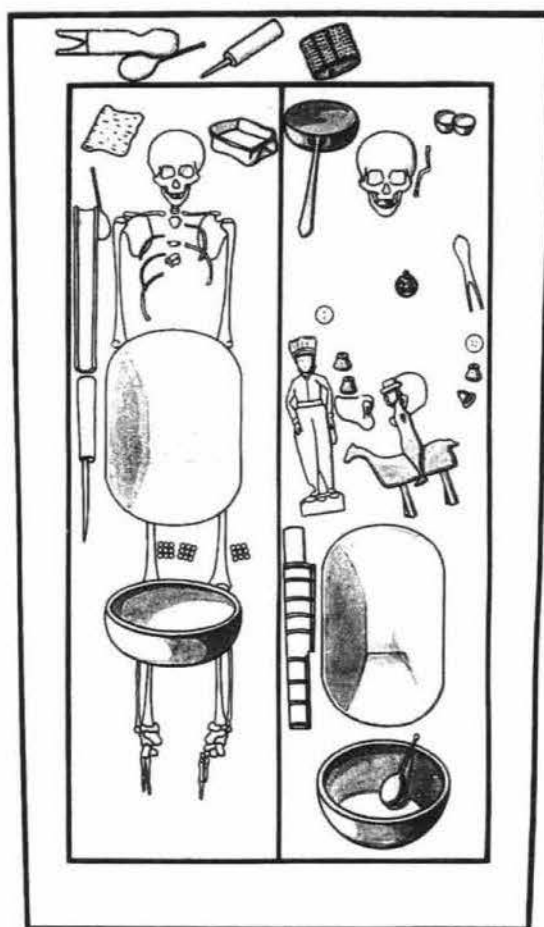
Рис. 27. Кладбище аборигенного населения в поселке Харсаим (снимок 1992 г.)

п. 27

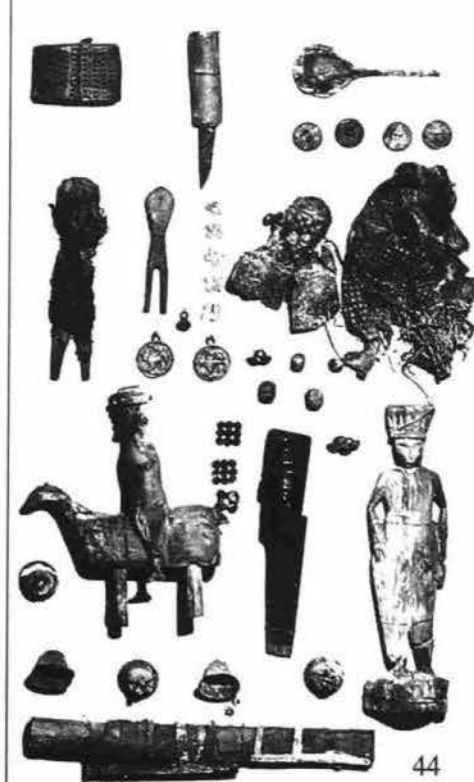
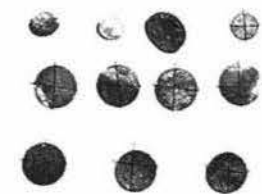
п. 34

п. 44

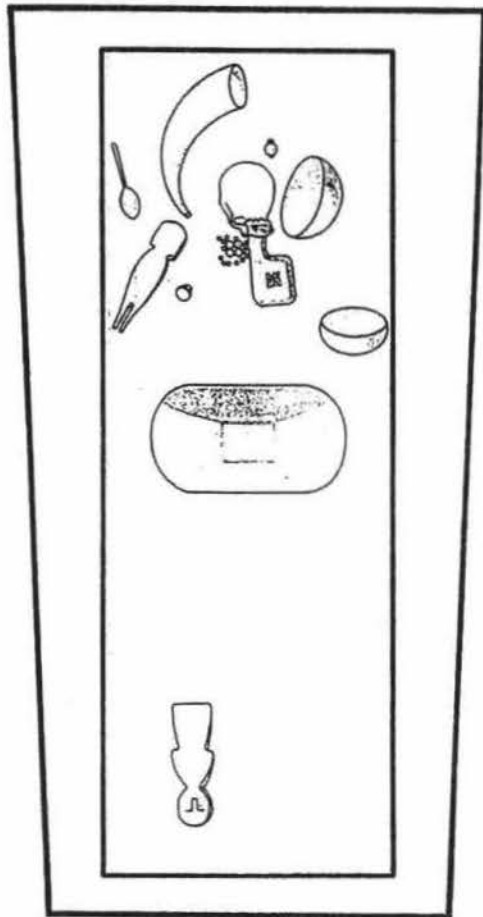

34

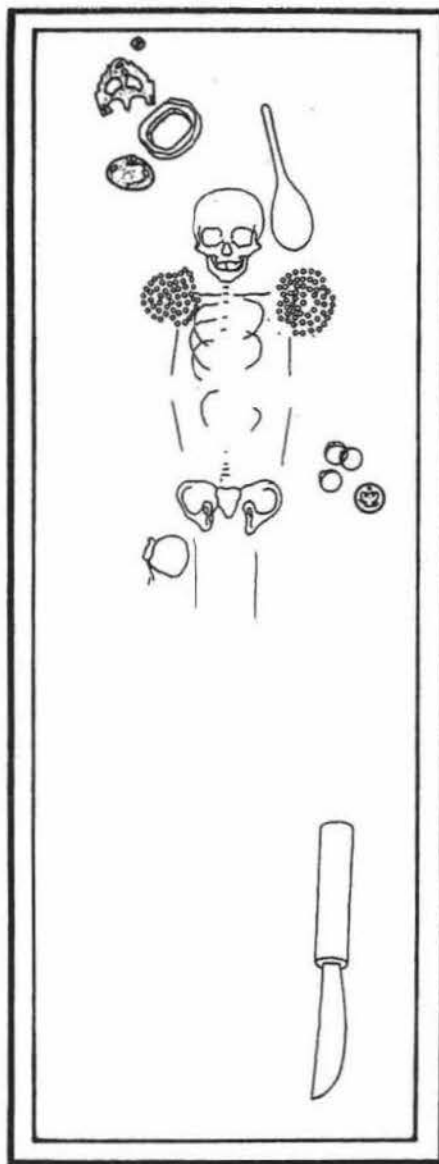

44

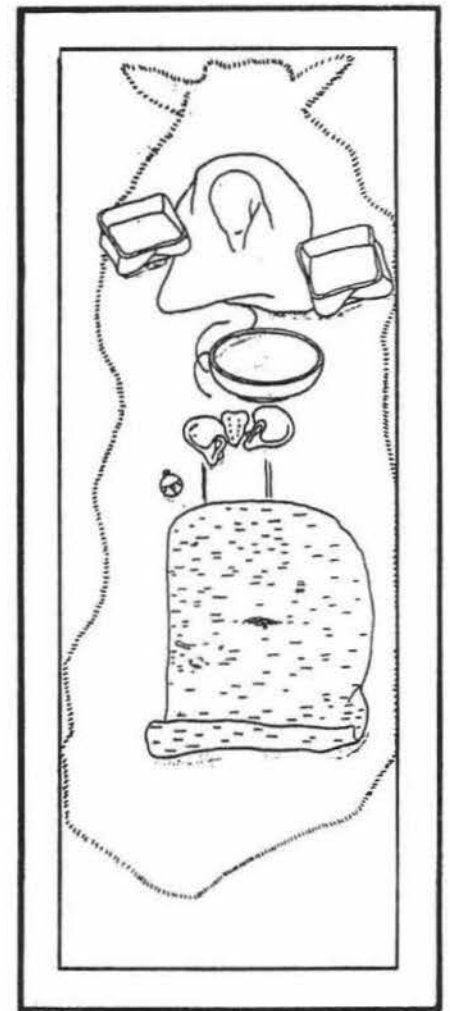
Рис. 28. Могильник Халас-Пугор. Чертежи и комплексы вещей погребений 27, 34, 44

п. 48

п. 58

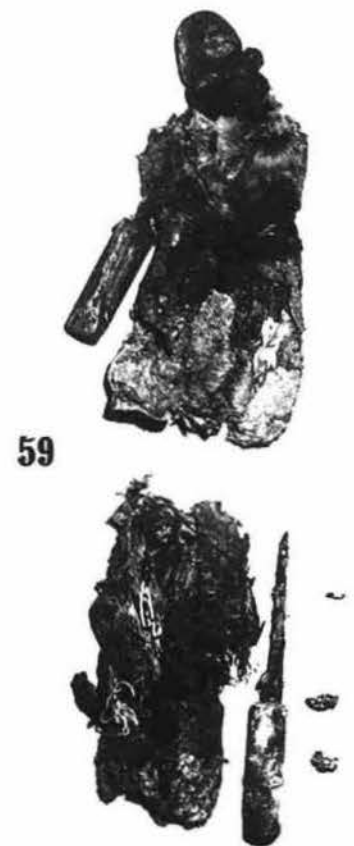
п. 59

48

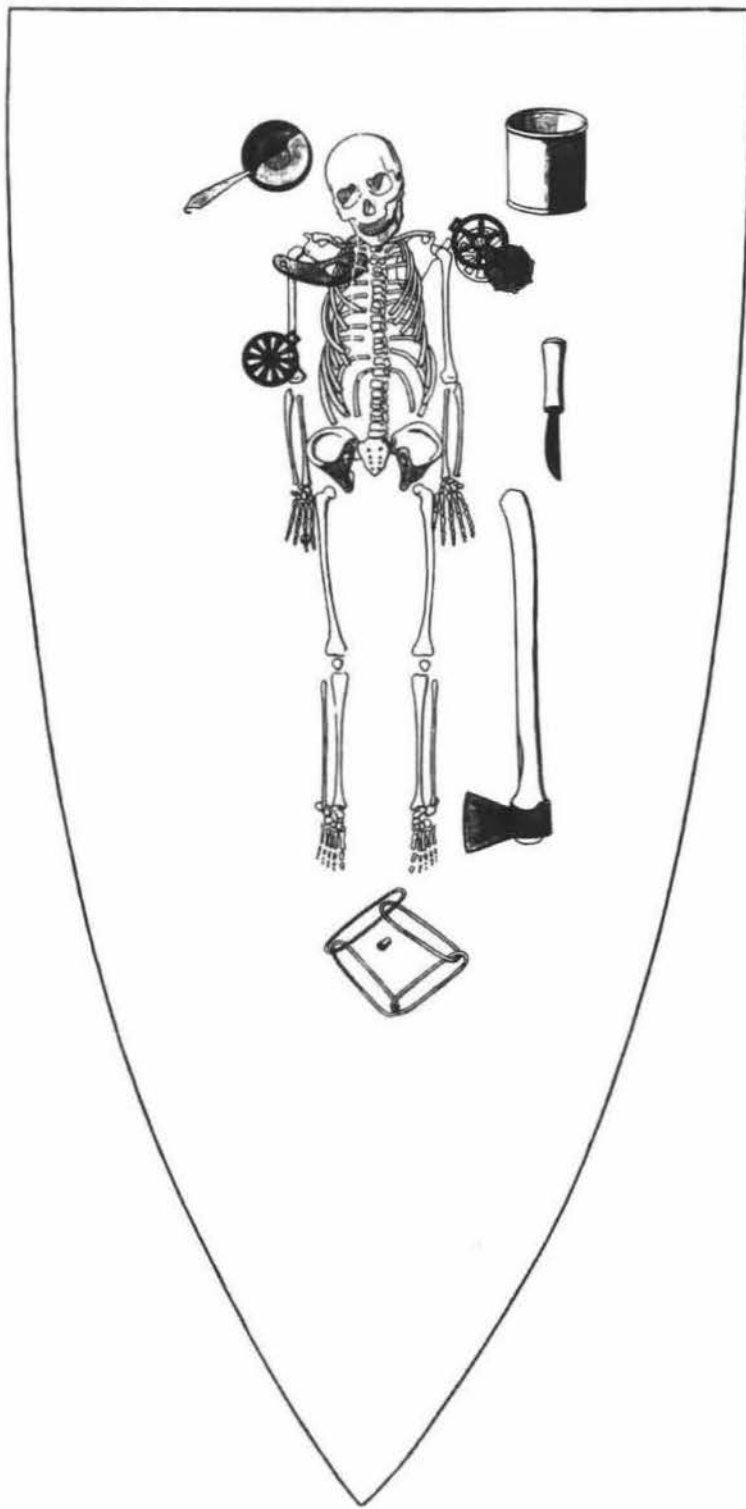

58

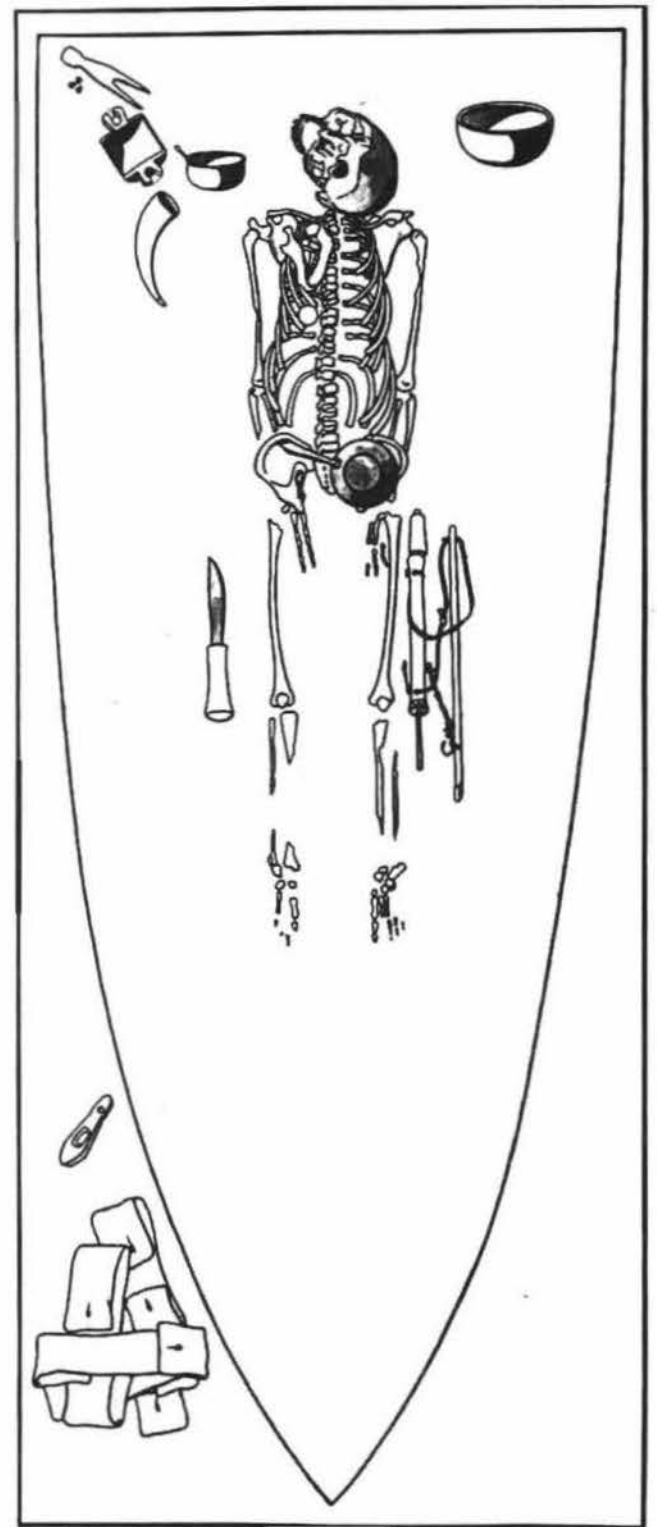

59

Рис. 29. Могильник Халас-Пугор. Чертежи и комплексы вещей погребений 48, 58, 59

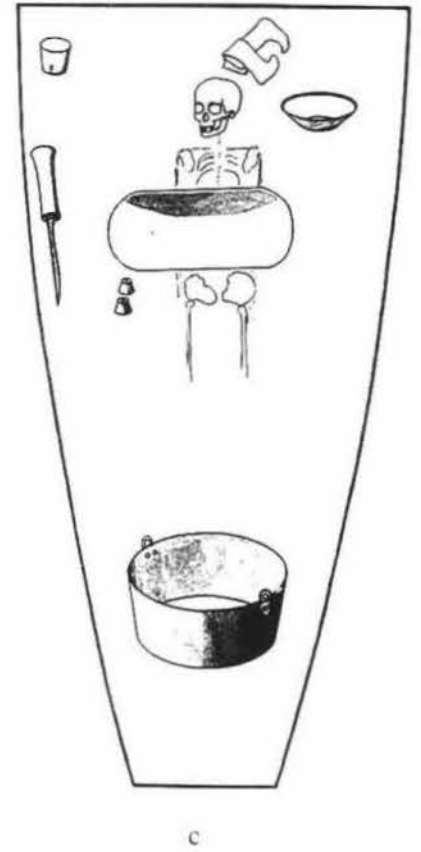
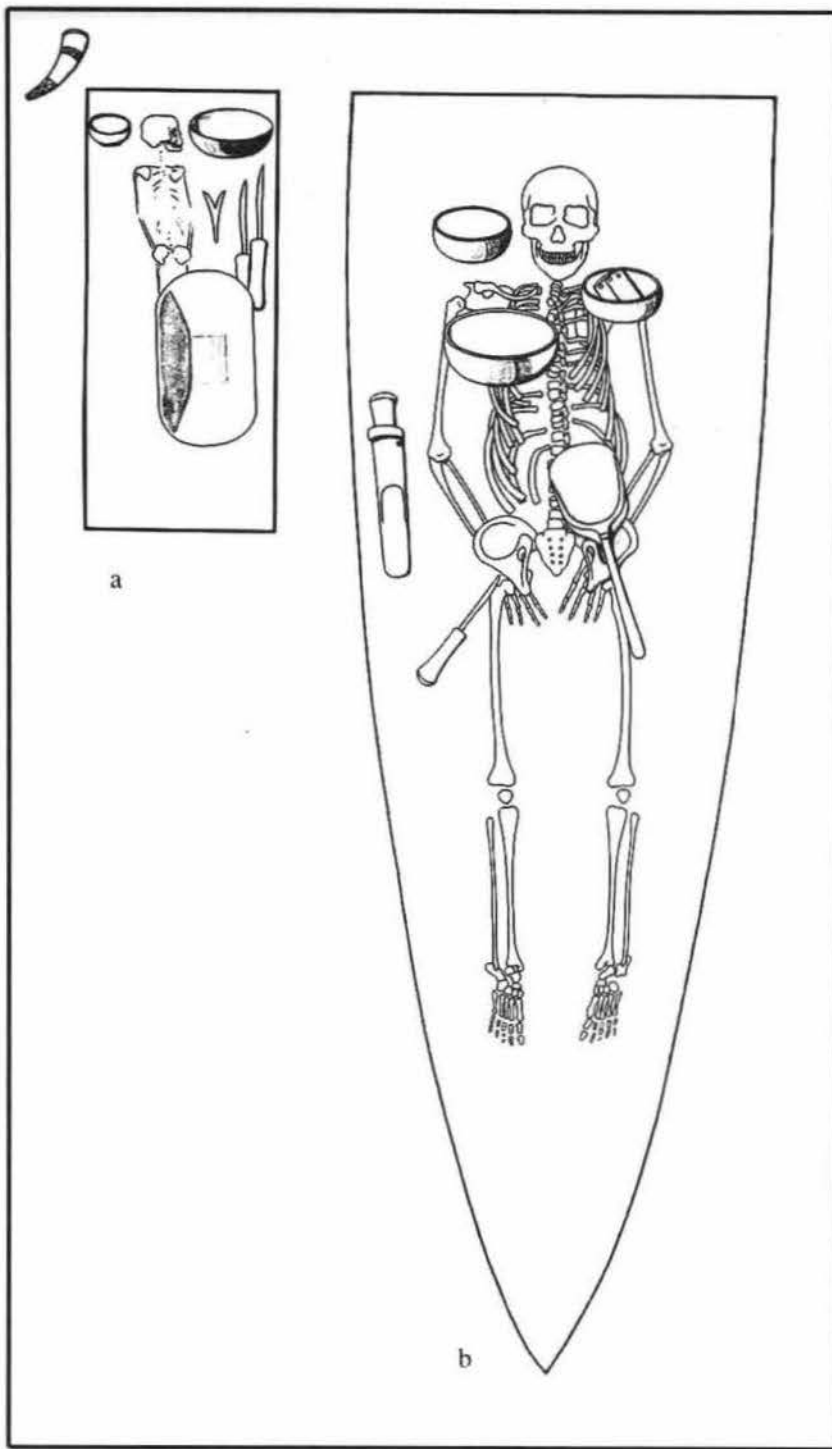
п. 68

п. 76

Рис. 30. Могильник Халас-Пугор. Чертежи и комплексы вещей погребений 68 и 76

п. 69

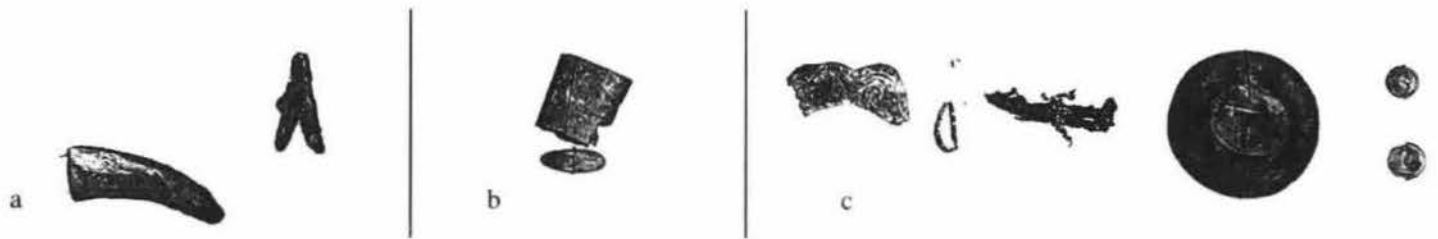
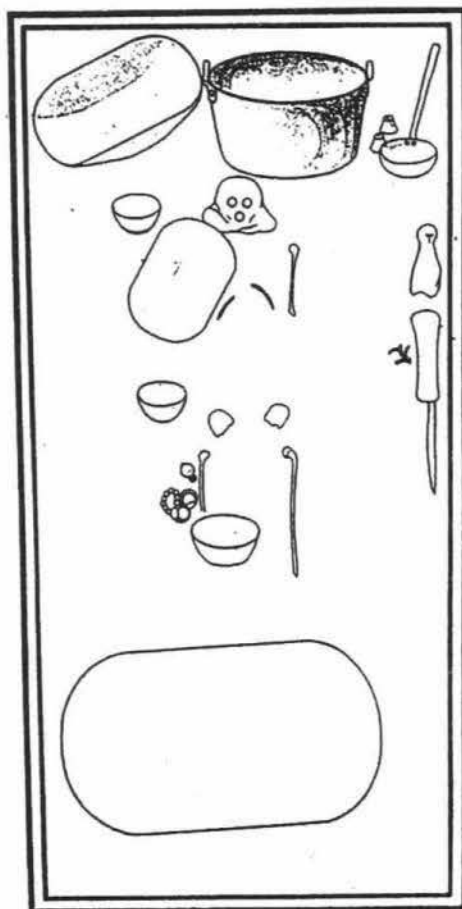
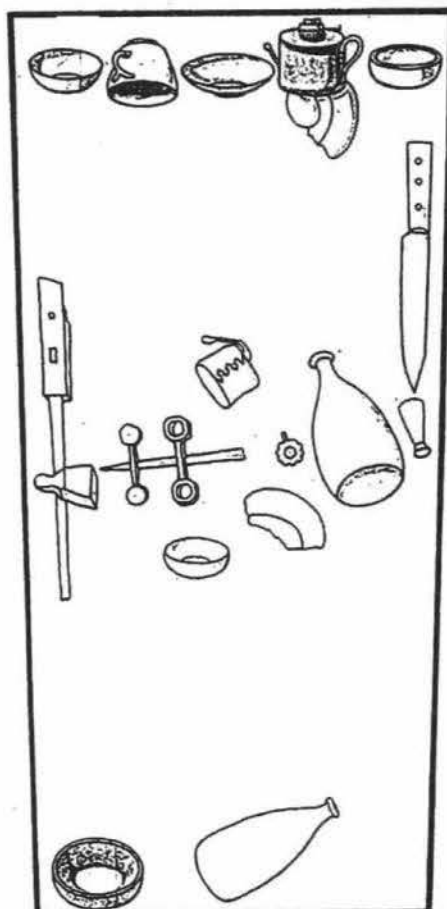

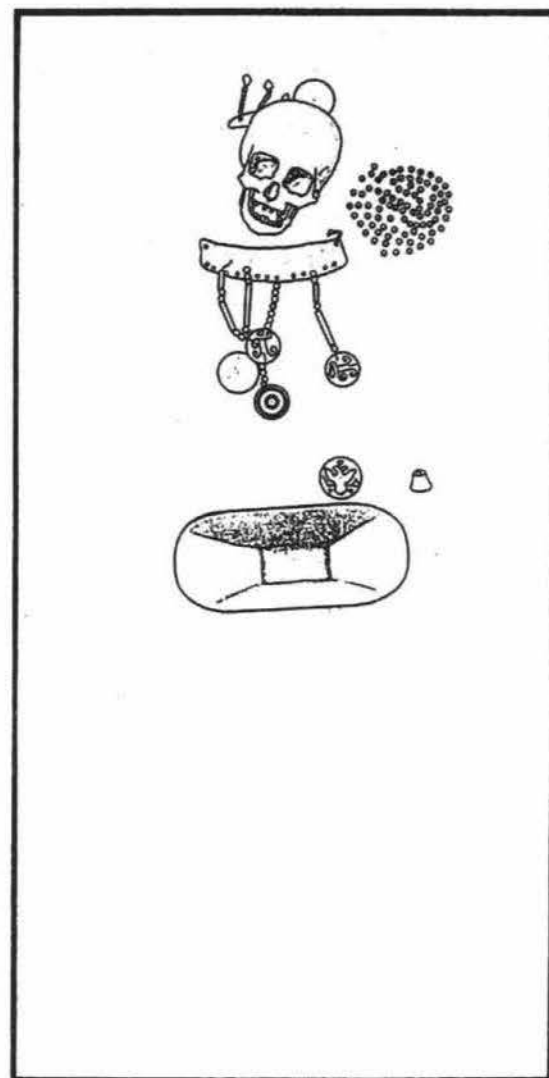
Рис. 31. Могильник Халас-Пугор. Чертежи и комплексы вещей погребений 69 а, б, с

п. 75

п. 80

п. 89

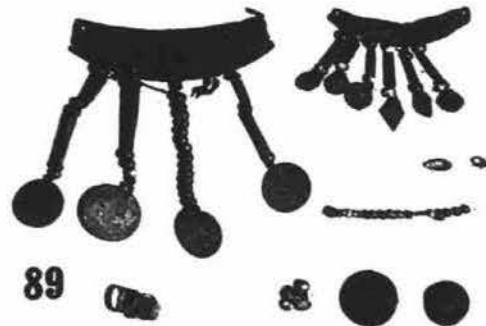
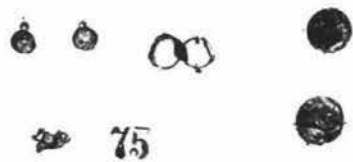
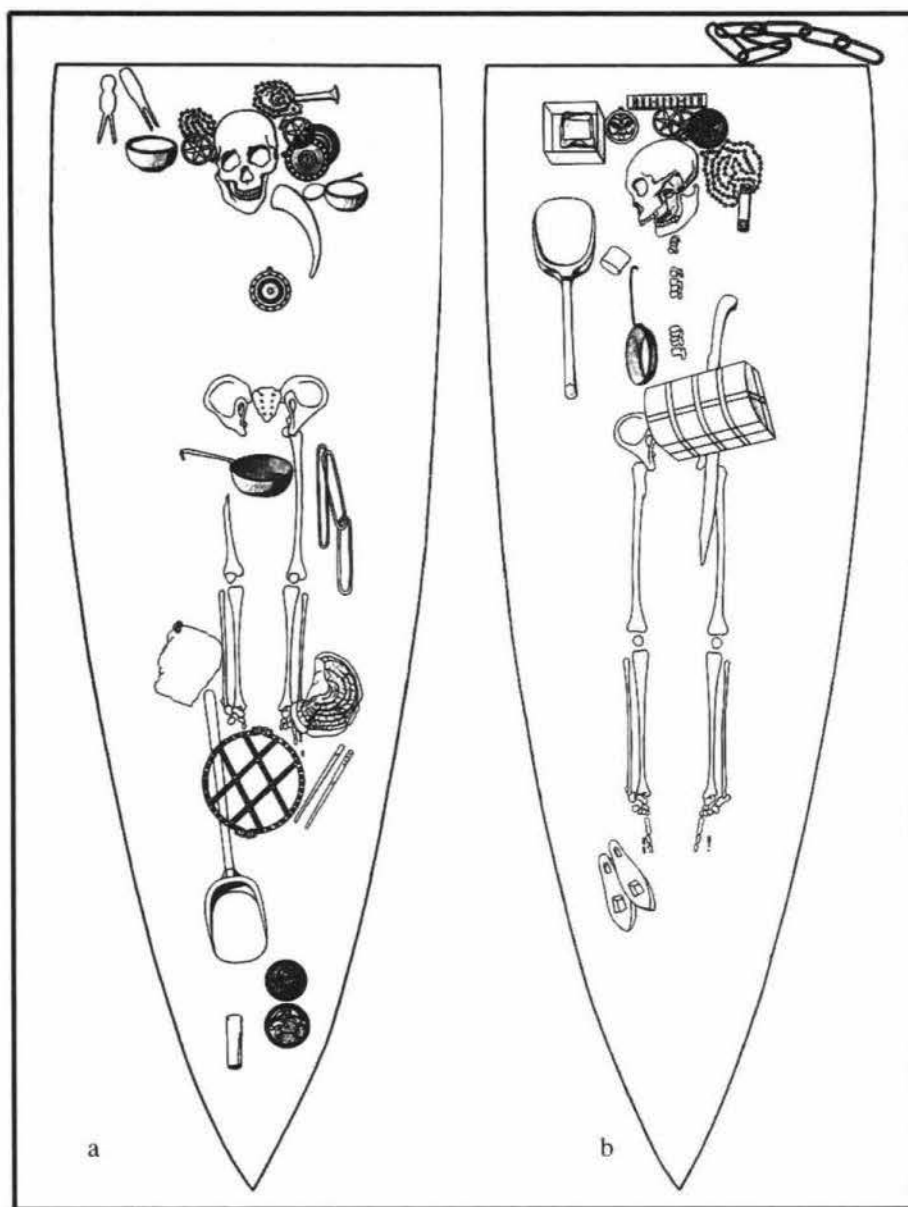

Рис. 32. Могильник Халас-Пугор. Чертежи и комплексы вещей погребений 75, 80, 89

п. 103

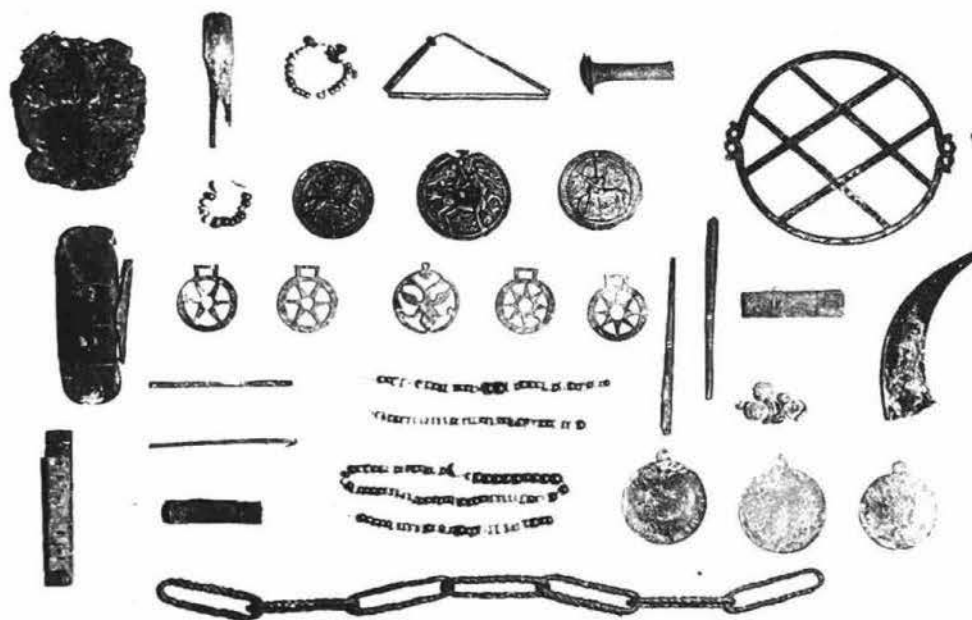
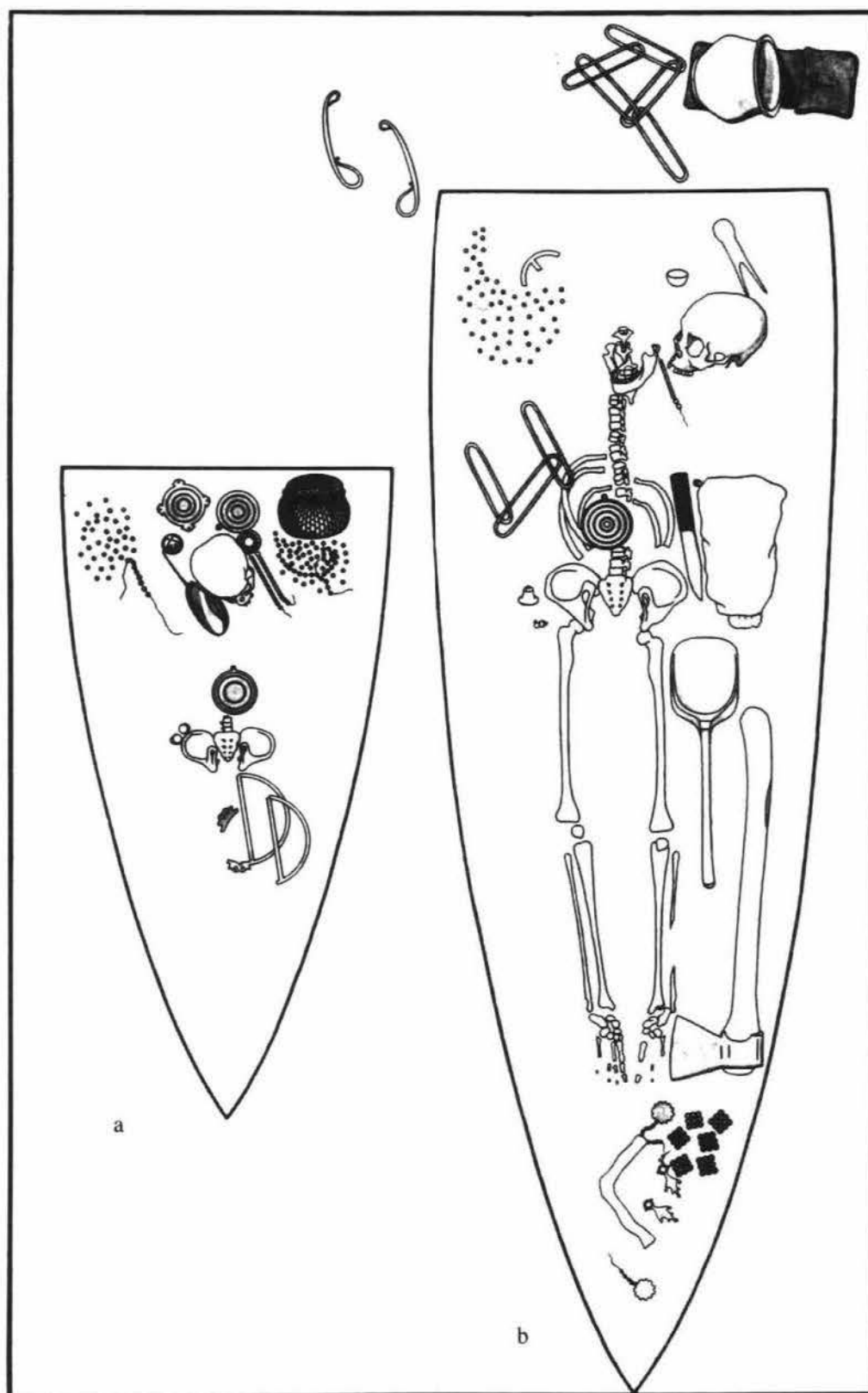

Рис. 33. Могильник Халас-Пугор. Чертежи и комплексы вещей погребений 103 а, б

п. 106

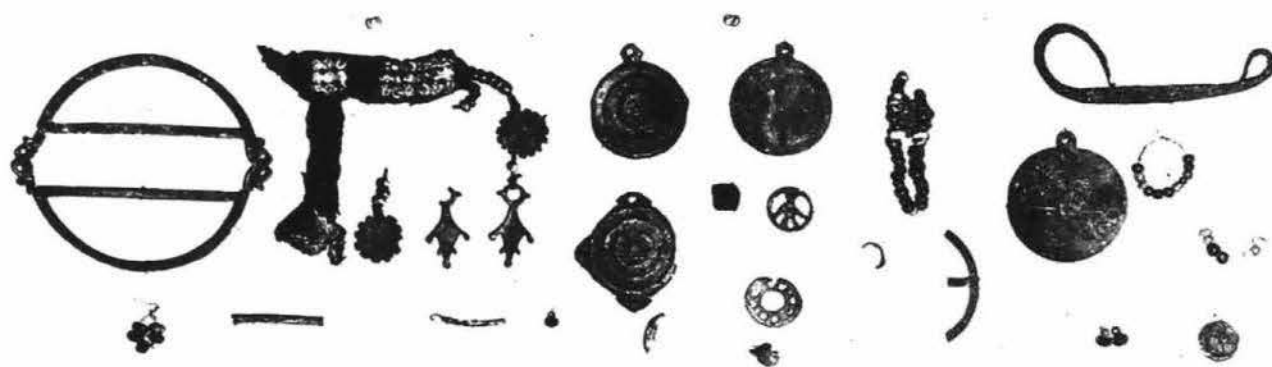
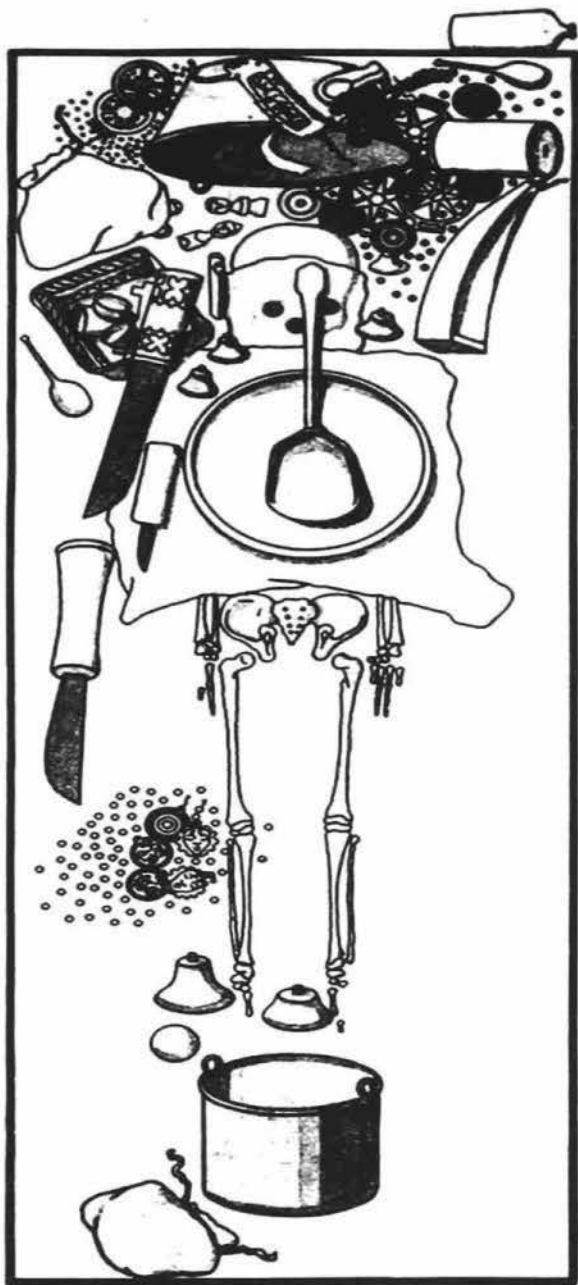

Рис. 34. Могильник Халас-Пугор. Чертежи и комплексы вещей погребений 106 а, б

п. 133

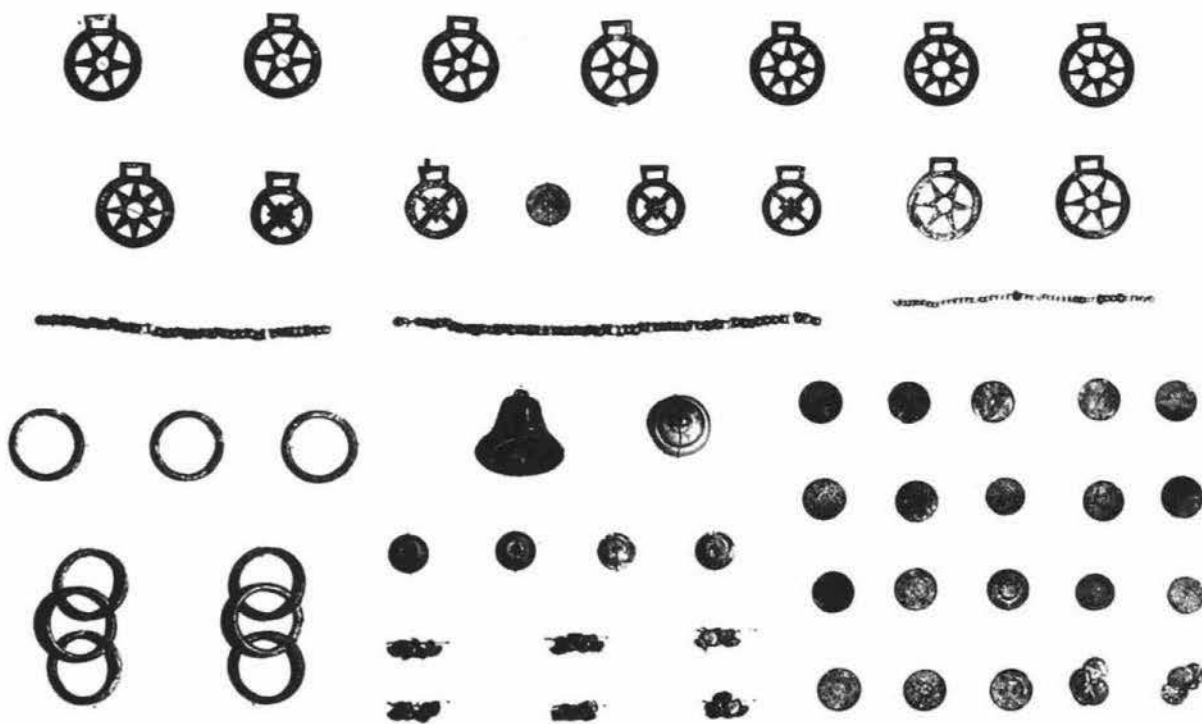
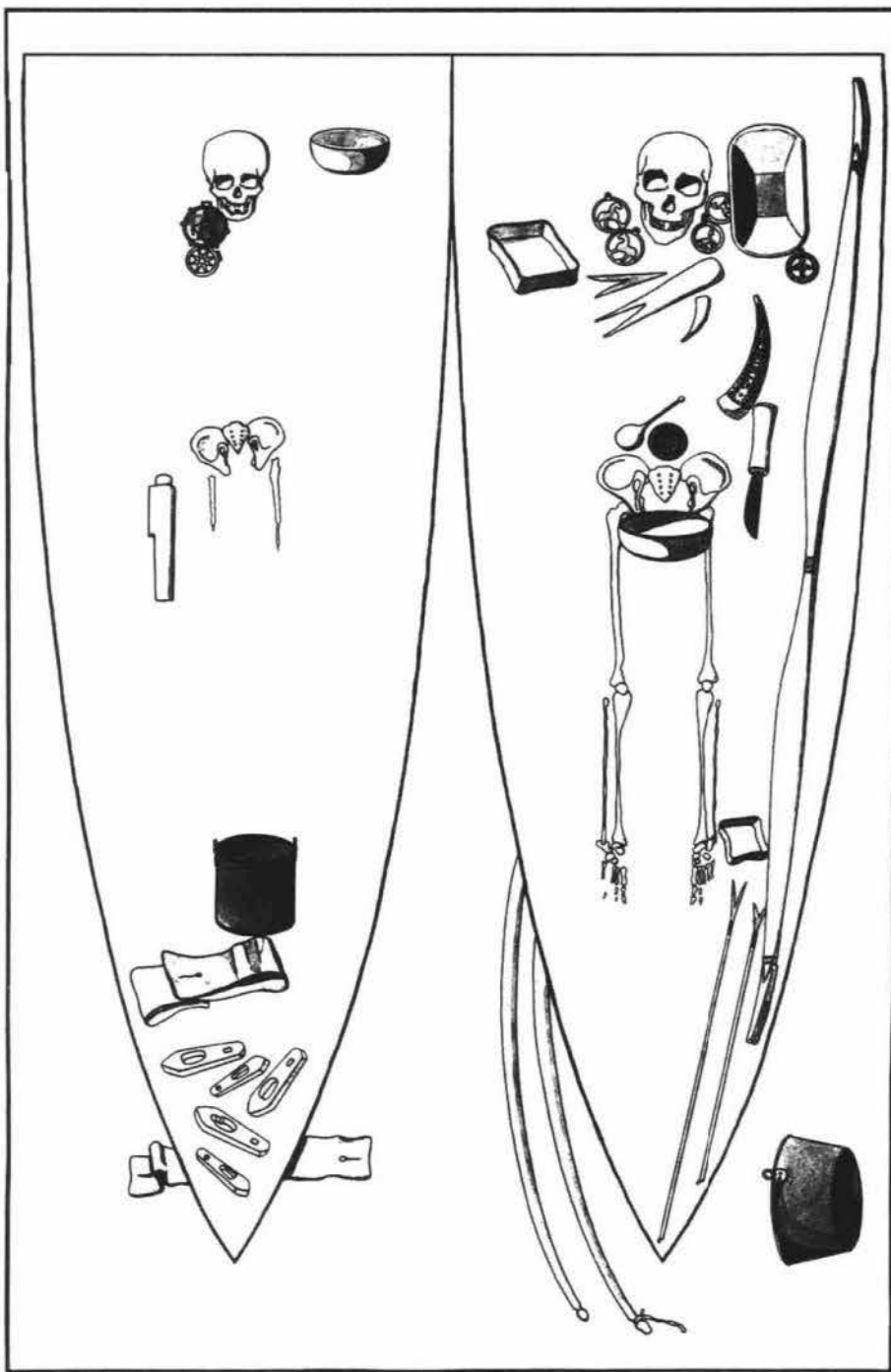
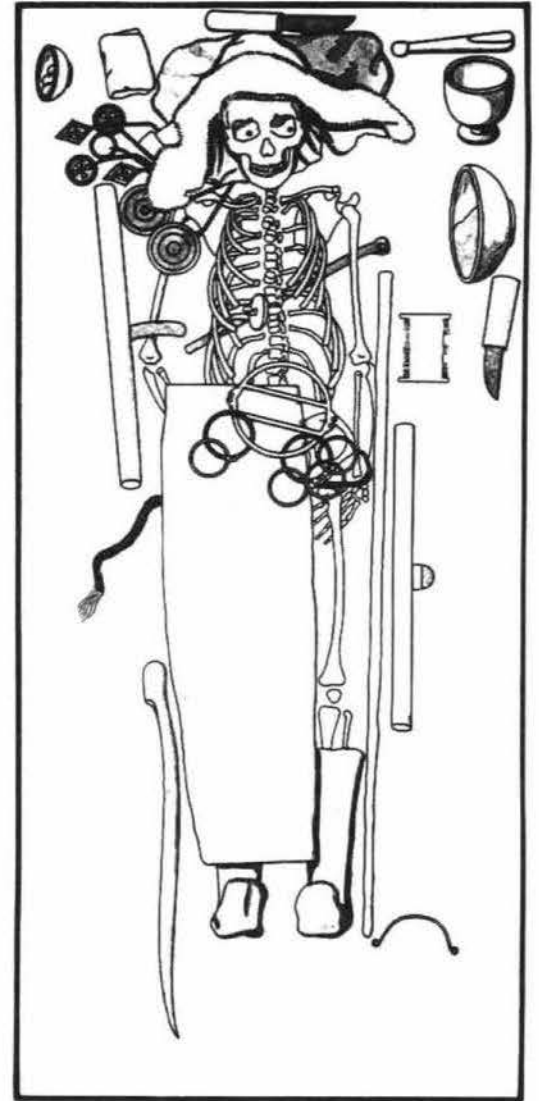

Рис. 35. Могильник Халас-Пугор. Чертежи и комплекс вещей погребения 133

п. 141

п. 193

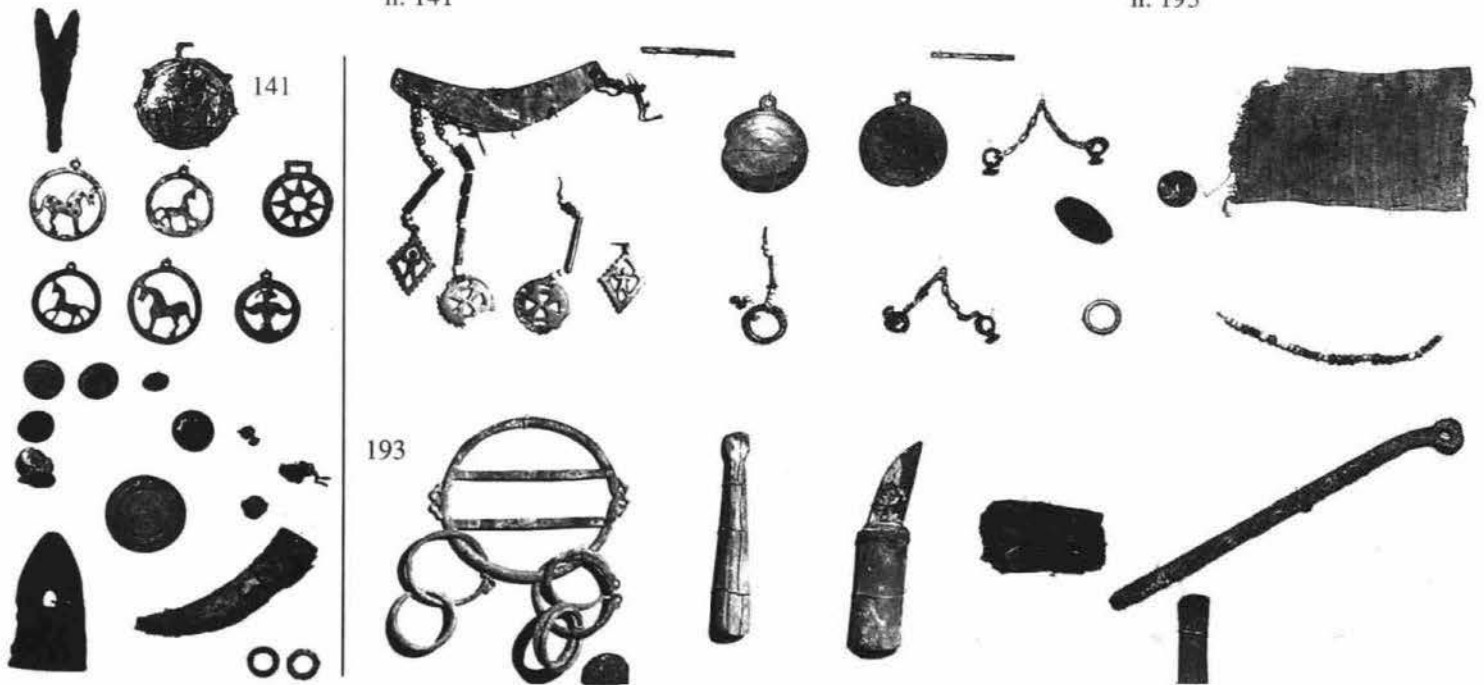
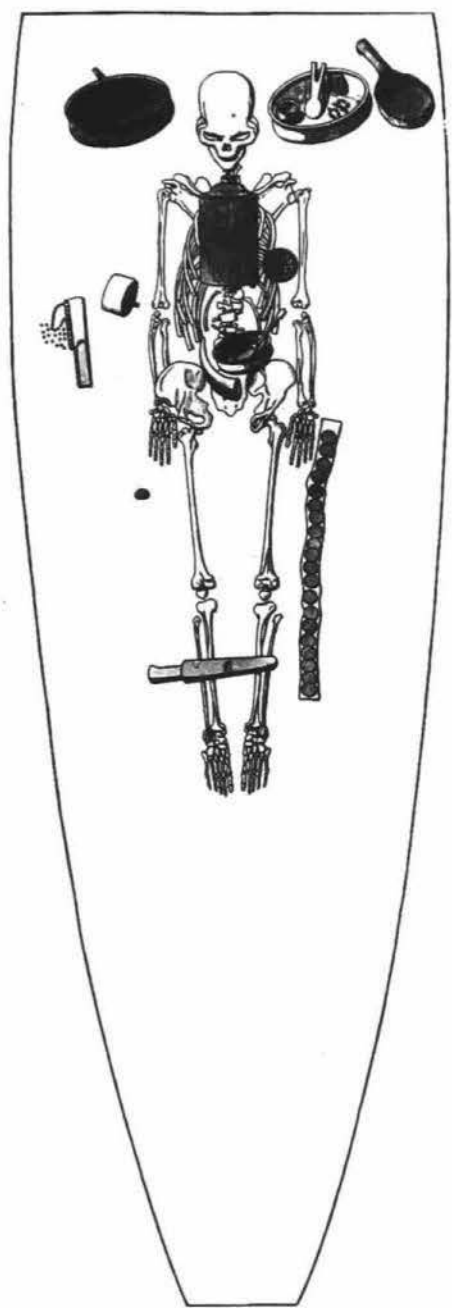
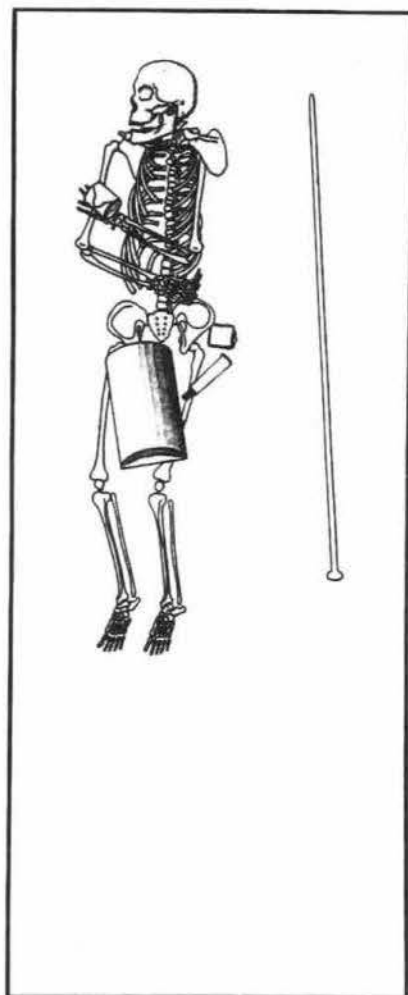

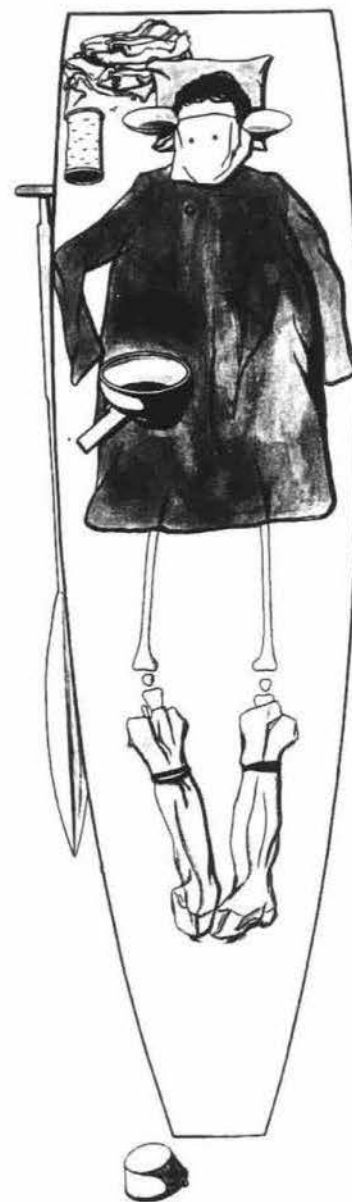
Рис. 36. Могильник Халас-Пугор. Чертежи и комплекс вещей погребения 141; могильник Воде-Нял Халас, погребение 193

п. 264

п. 266

п. 267

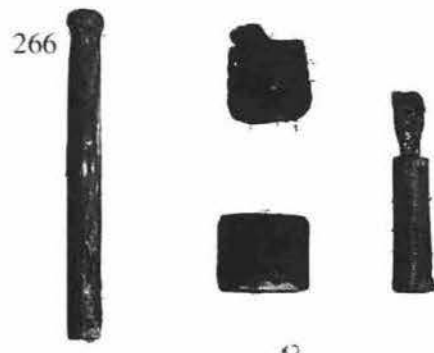
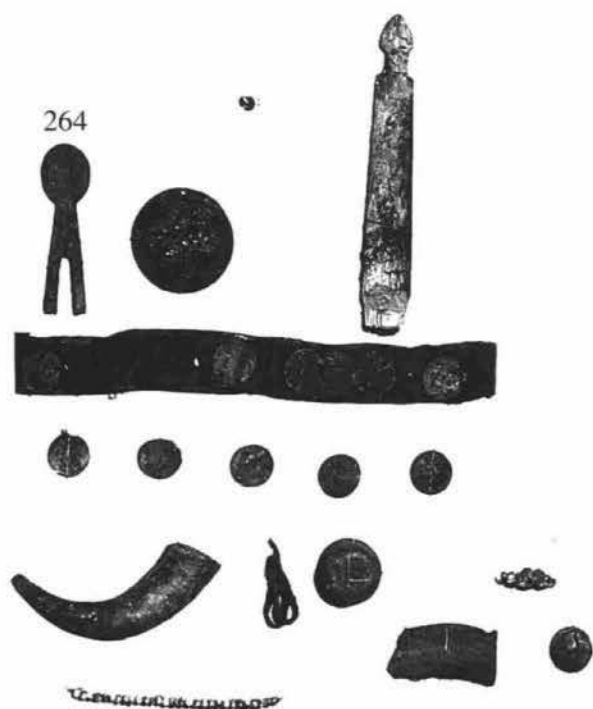
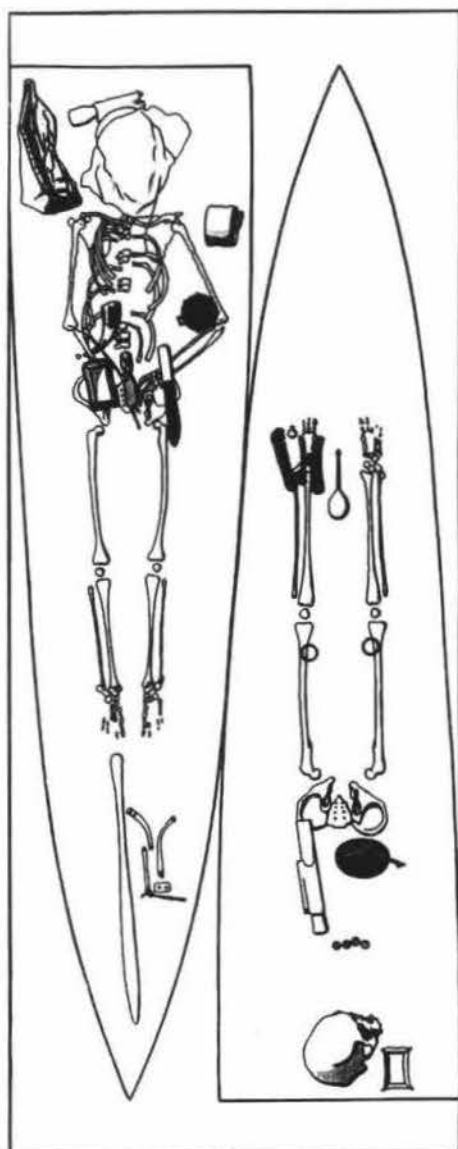
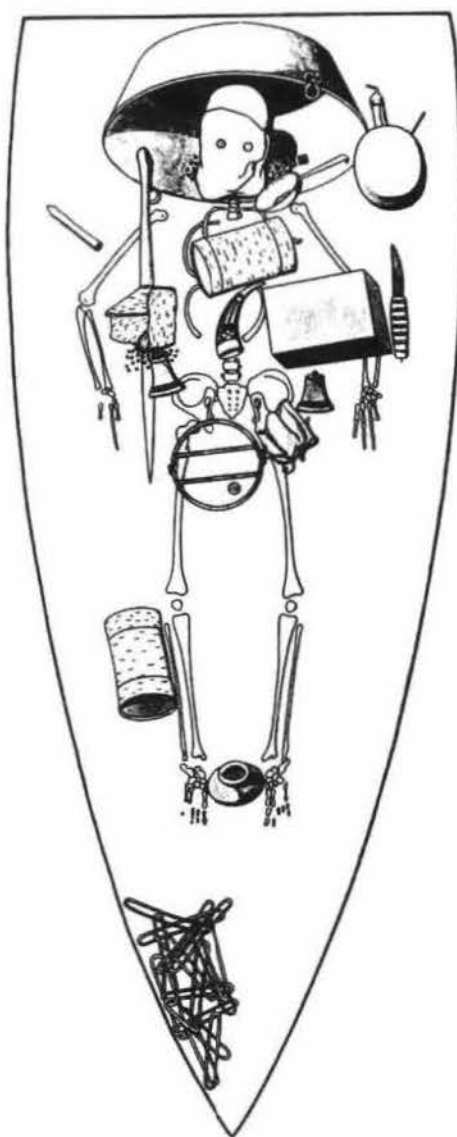

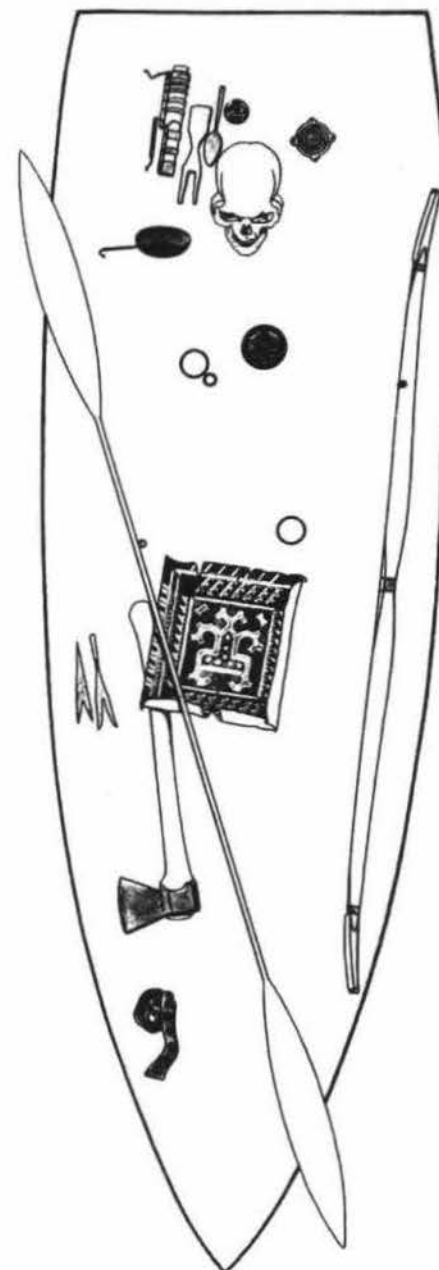
Рис. 37. Могильник Сарман-Вануй. Чертежи и комплексы вещей погребений 264, 266, 267

п. 270

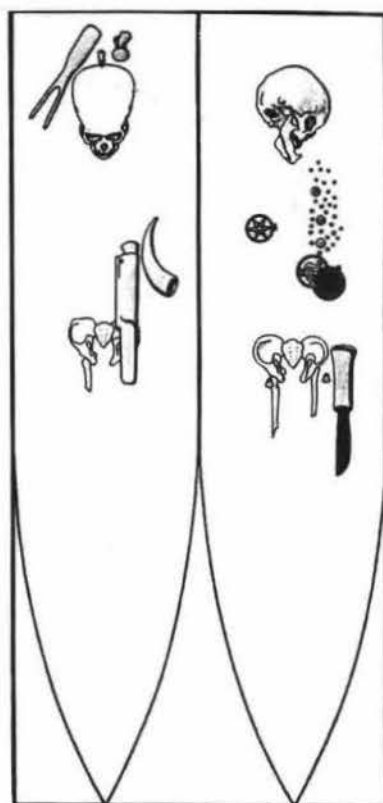

п. 278

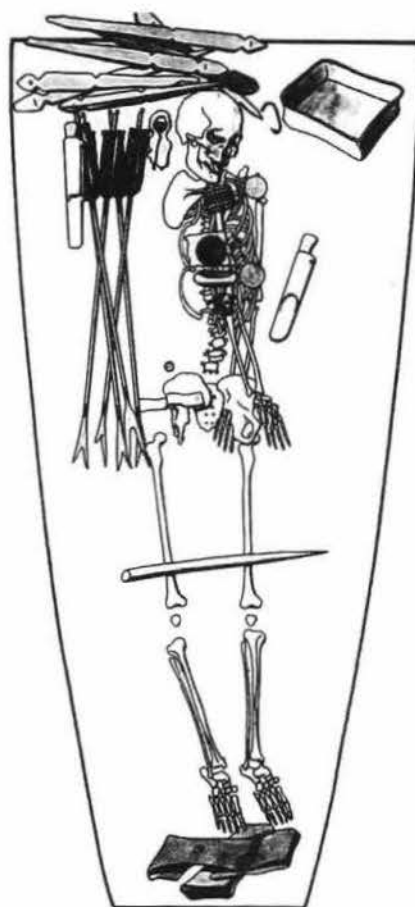

п. 281

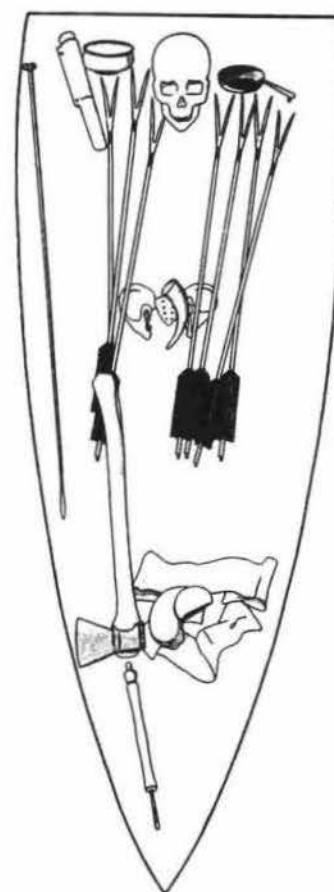
Рис. 38. Могильник Пайхата-Халайт. Чертежи и комплексы погребений 270, 278, 281

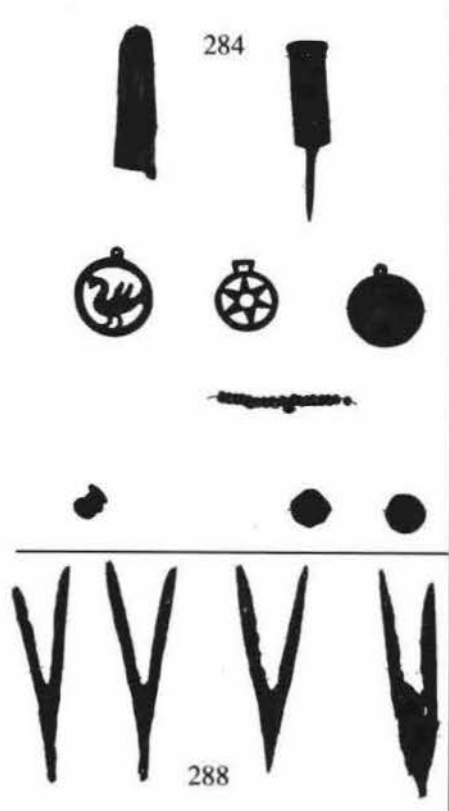
п. 84

п. 287

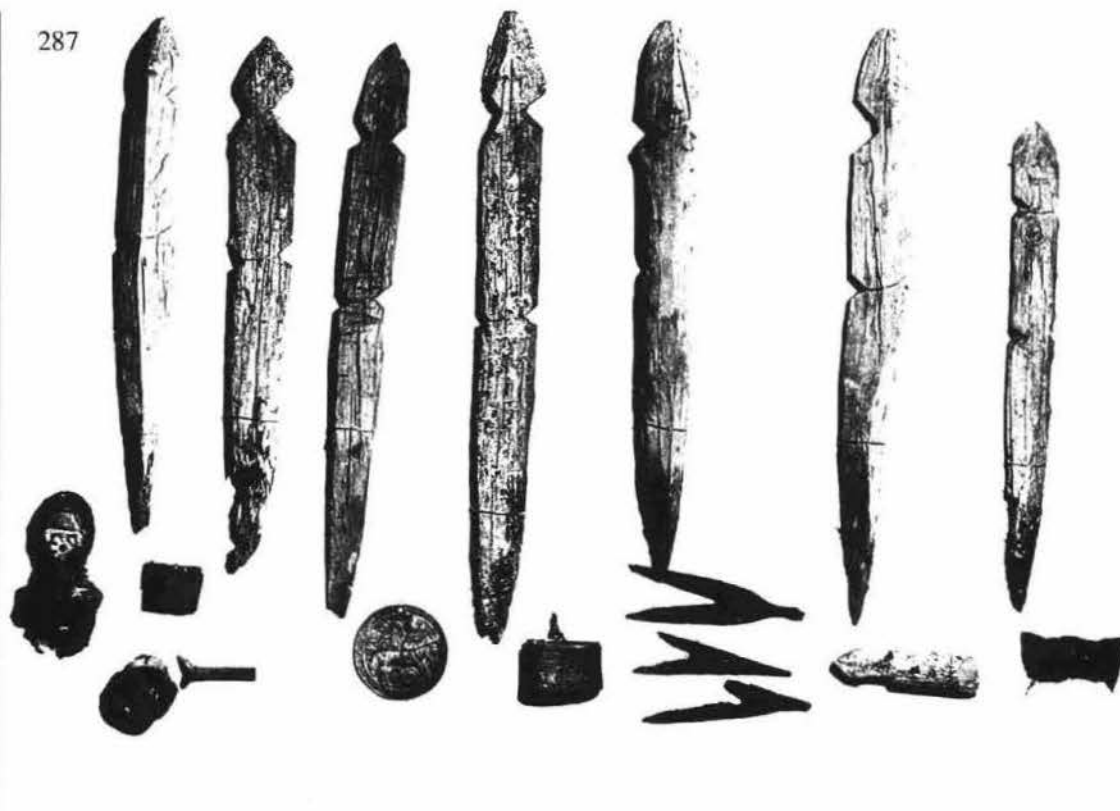

п. 288

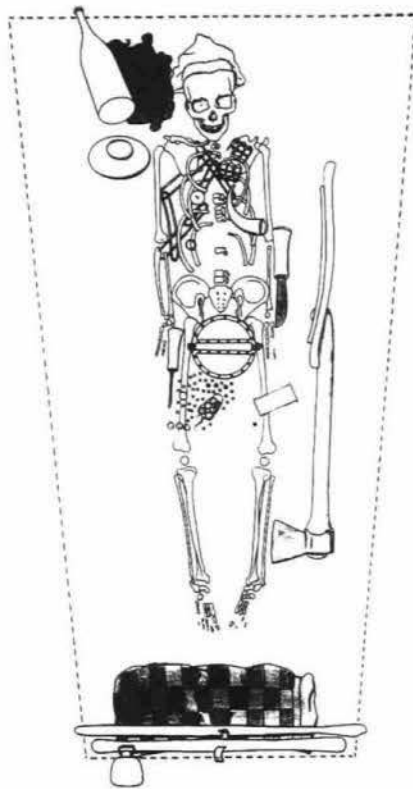
284

288

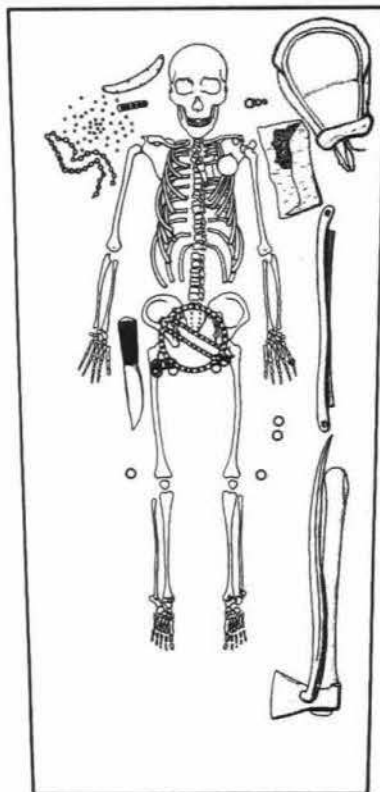

287

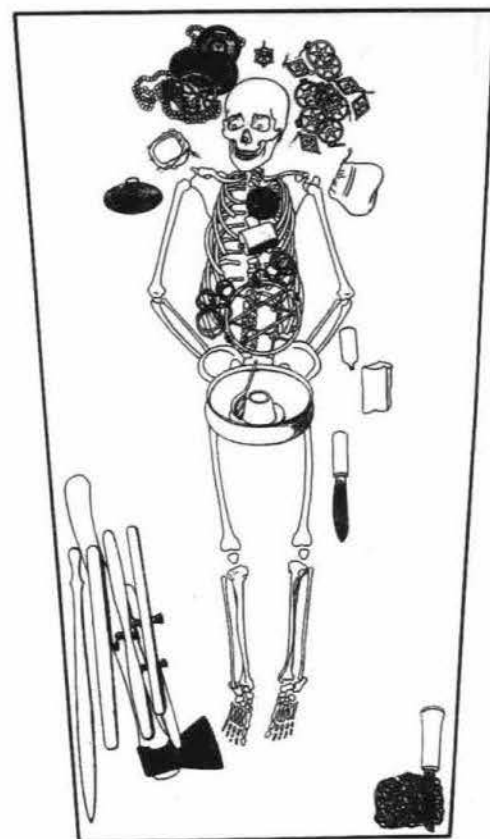
Рис. 39. Могильник Пайхата-Халайт. Чертежи и комплексы погребений 284, 287, 288

п. 299

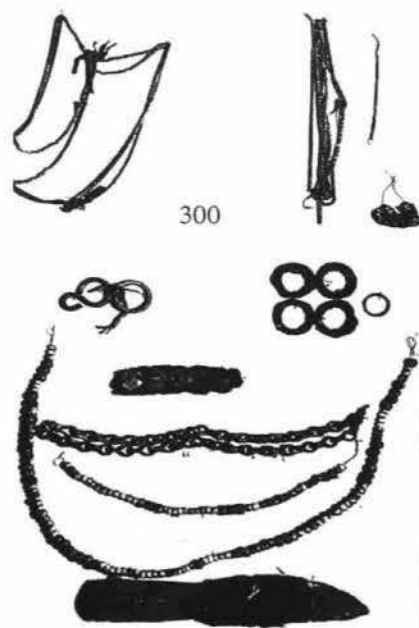
п. 300

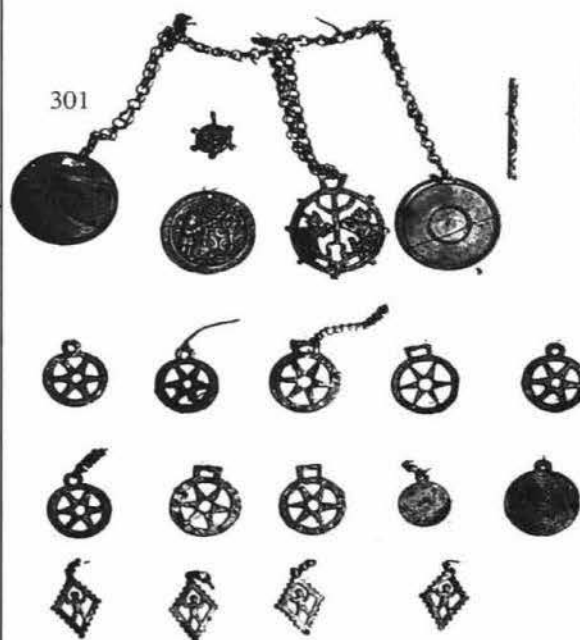
п. 301

299

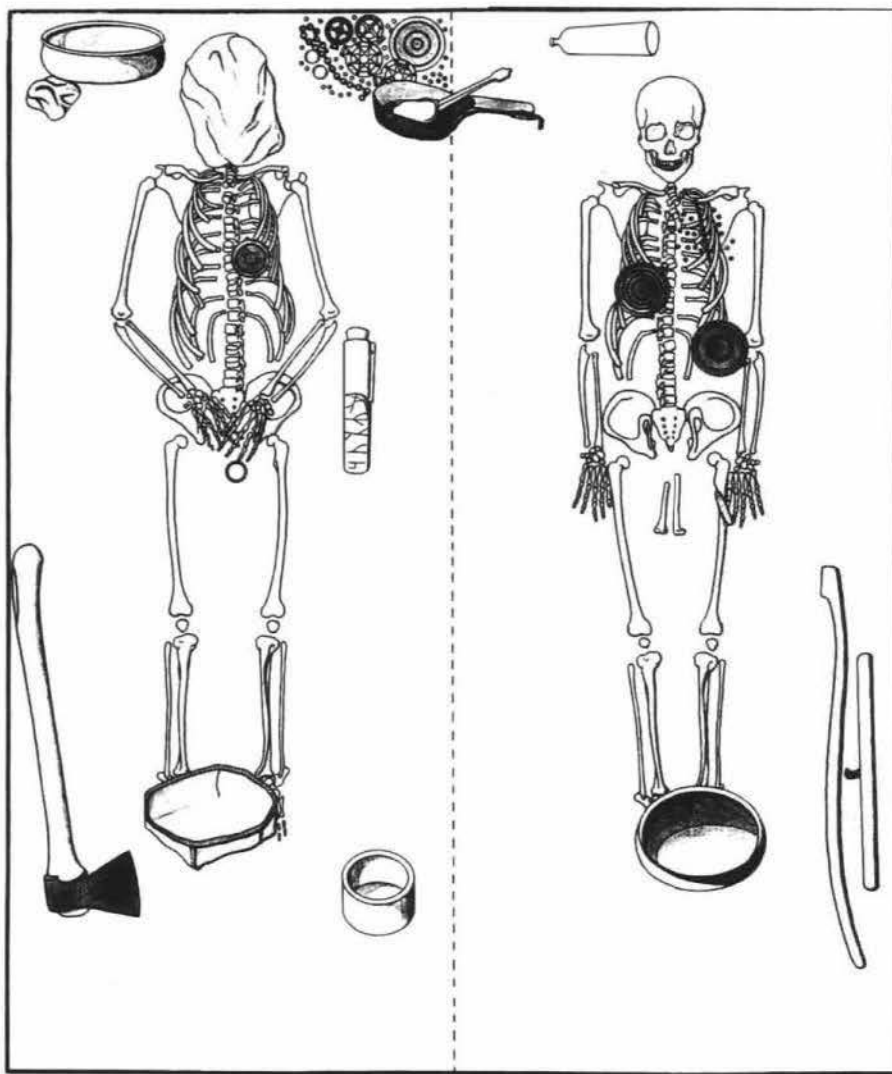
300

301

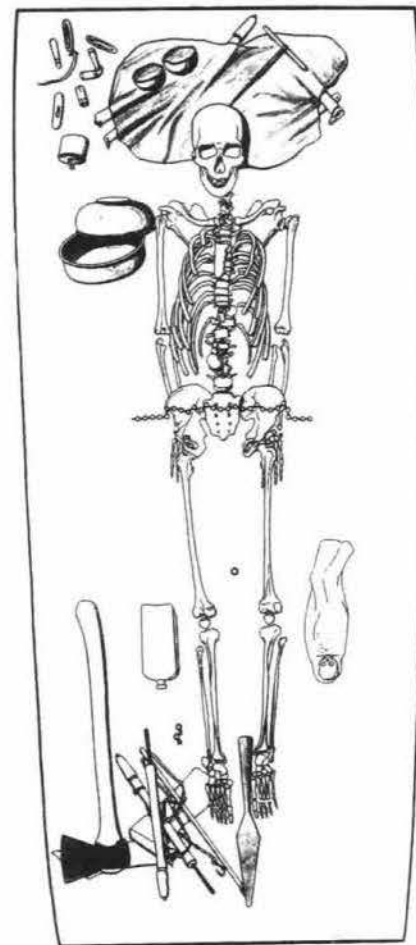

Рис. 40. Могильник Юмбарда-Хальмээр. Чертежи и комплексы погребений 299, 300, 301

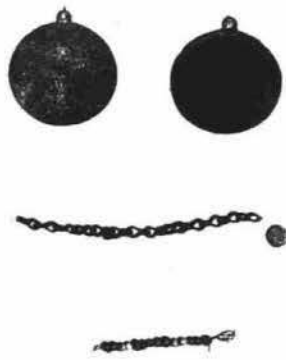
п. 302

п. 303

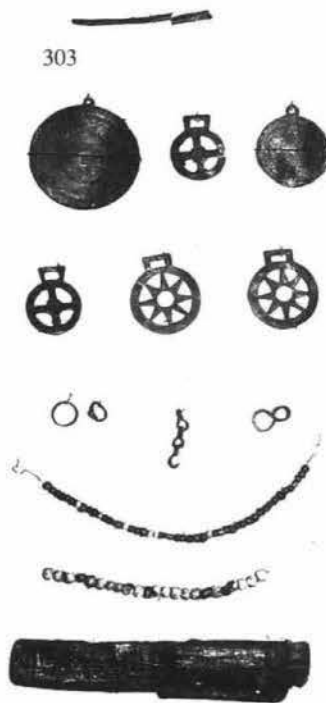

п. 305

302

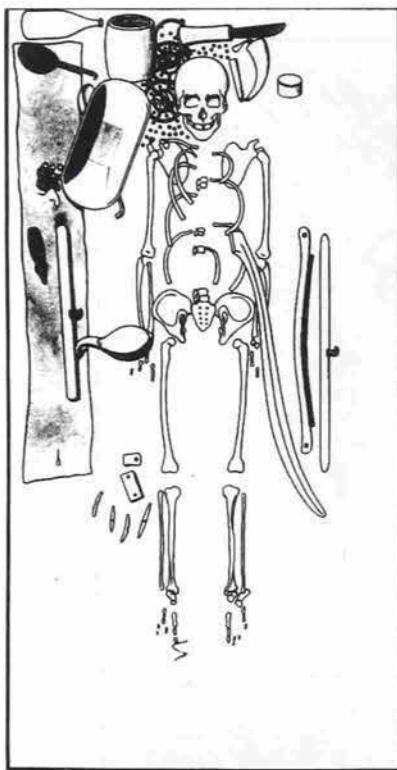
303

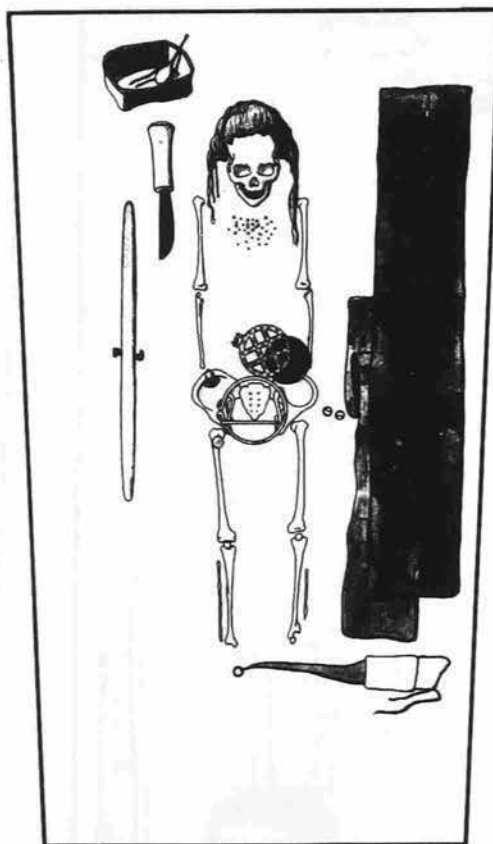
305

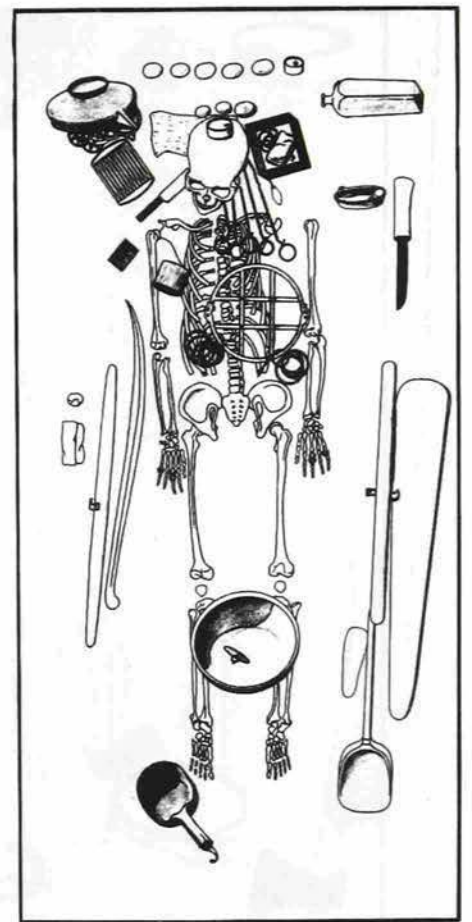
Рис. 41. Могильник Юмбарада-Хальмээр. Чертежи и комплексы погребений 302, 303, 305

п. 307

п. 308

п. 310

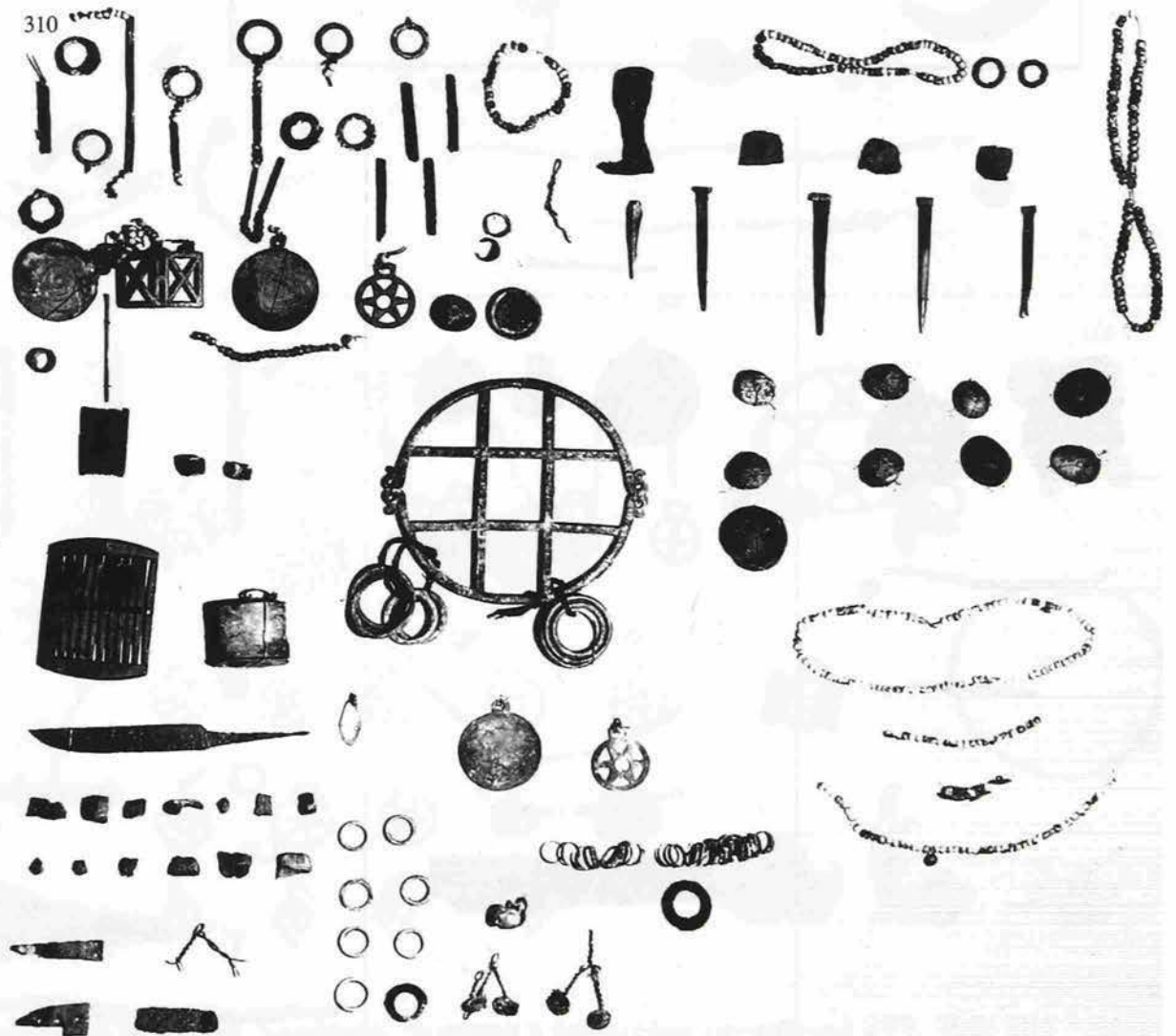

Рис. 42. Могильник Юмбарда-Хальмээр. Чертежи и комплексы погребений 307, 308, 310

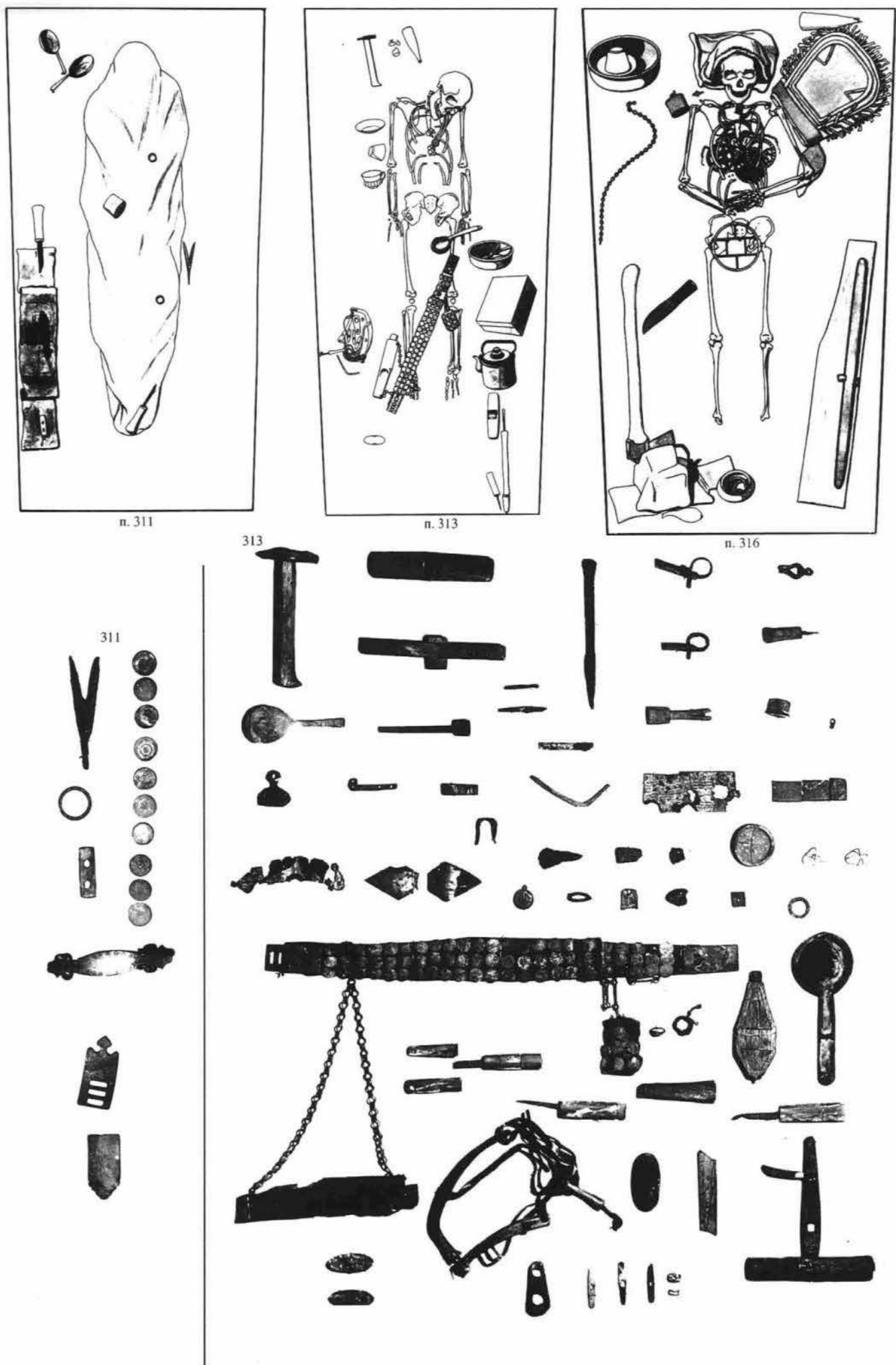
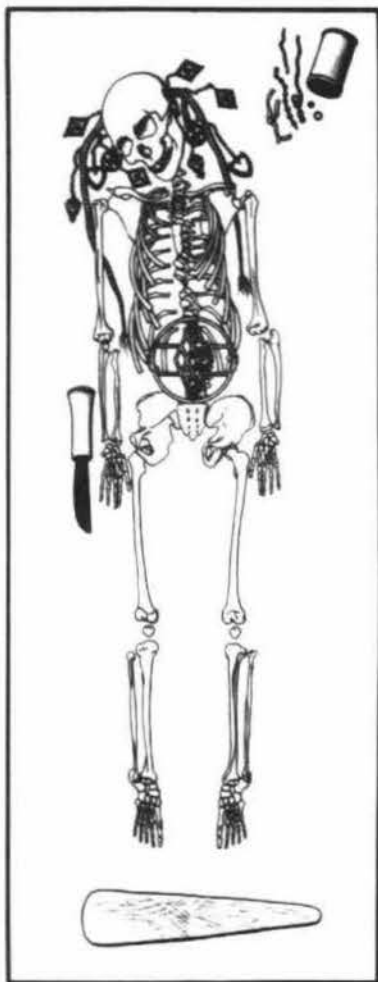
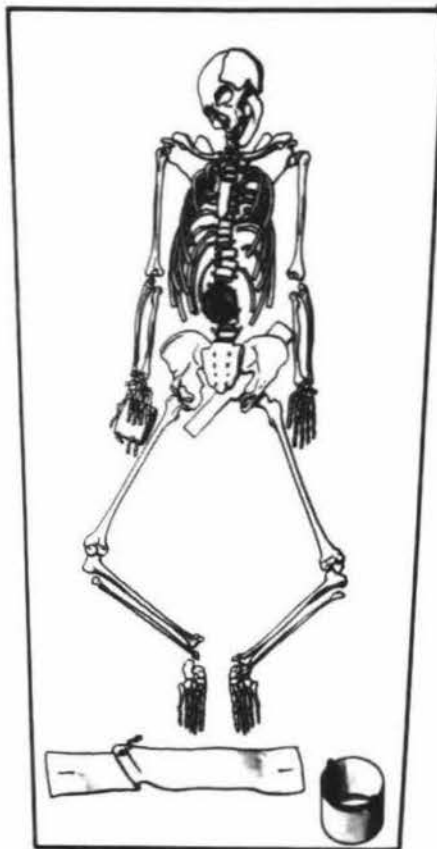

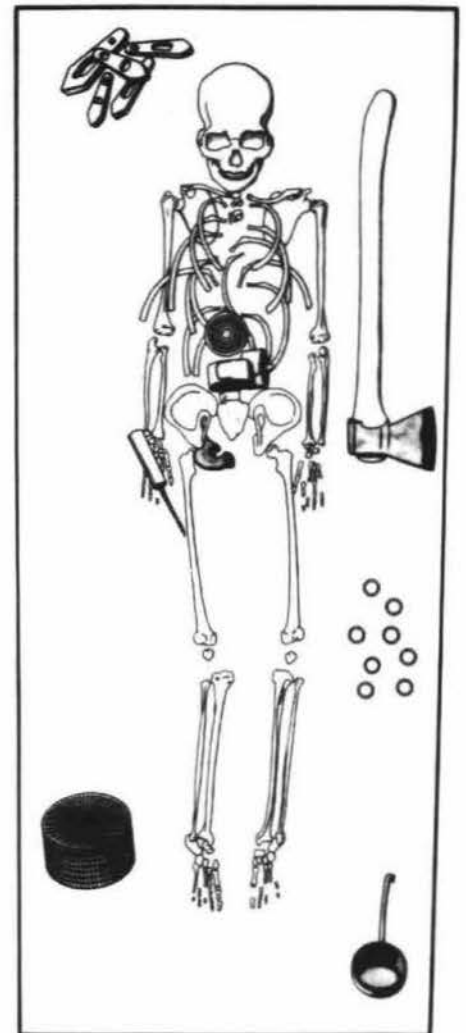
Рис. 43. Могильник Юмбарада-Хальмээр. Чертежи и комплексы погребений 311, 313, 316

п. 312

п.317

п. 318

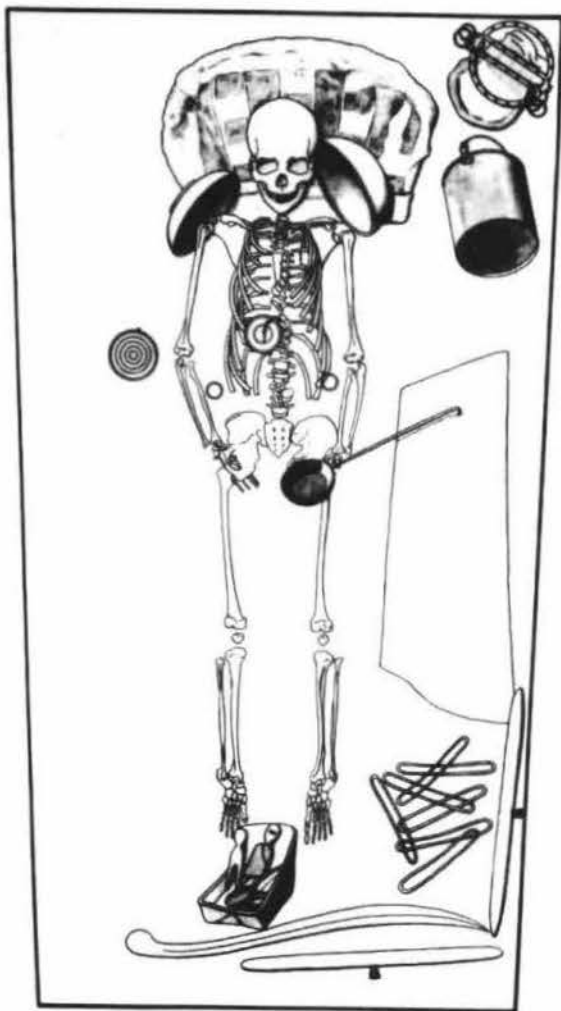
317

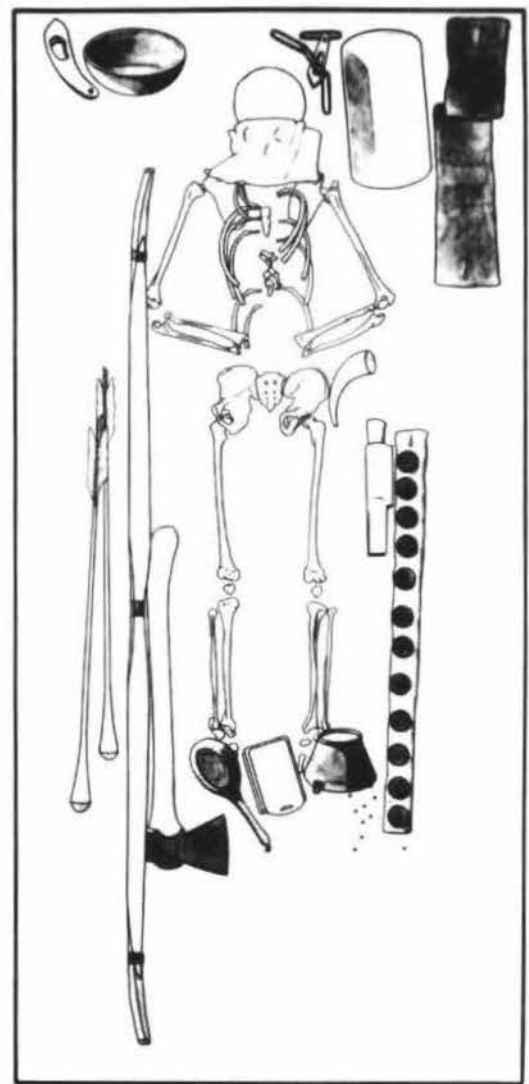
318

Рис. 44. Могильник Юмбарда-Хальмээр. Чертежи и комплексы погребений 312, 317, 318

п. 320

п. 323

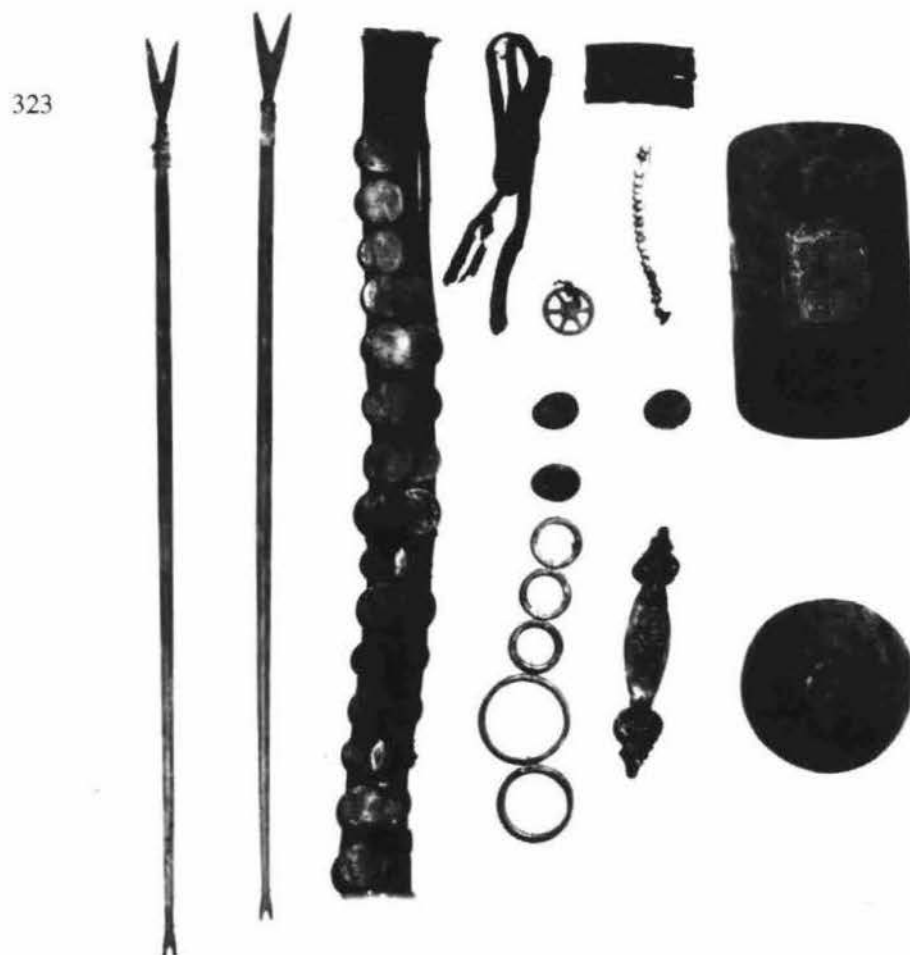
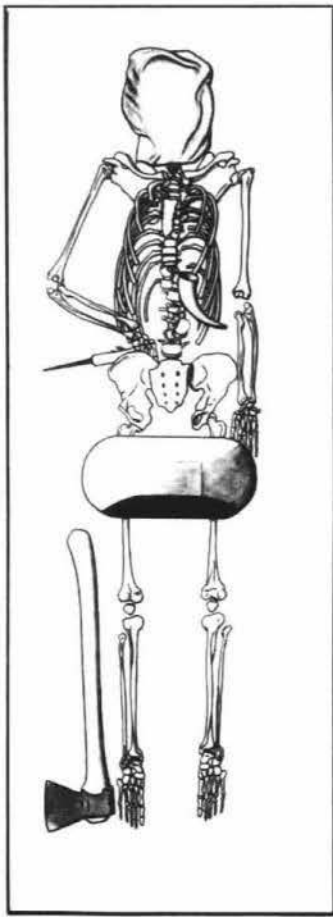

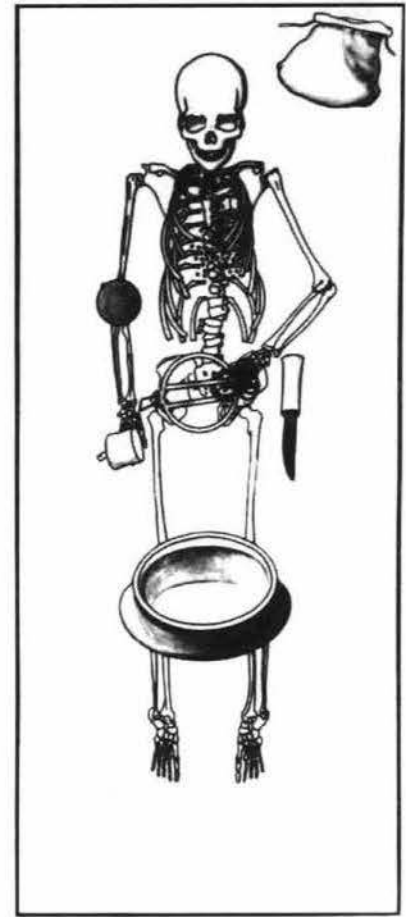
Рис. 45. Могильник Юмбарада-Хальмээр. Чертежи и комплексы погребений 320, 323

п. 324

п. 331

п. 332

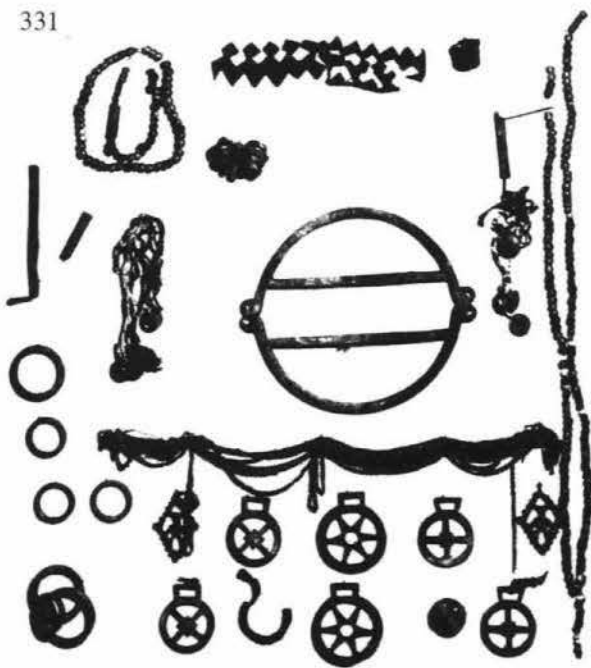
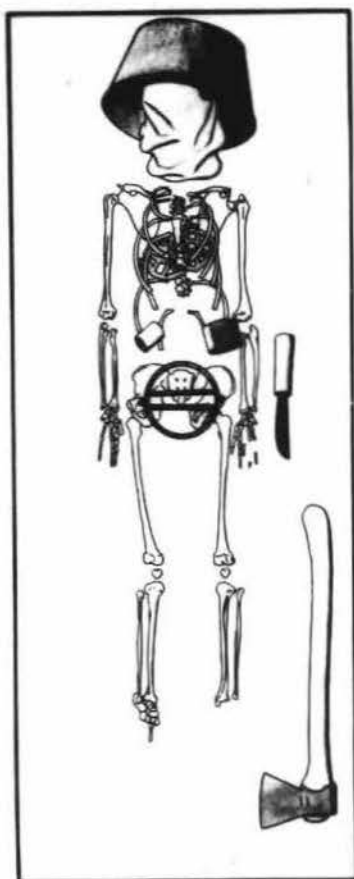
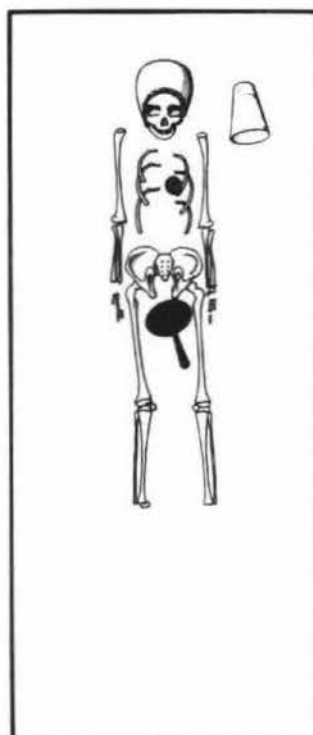

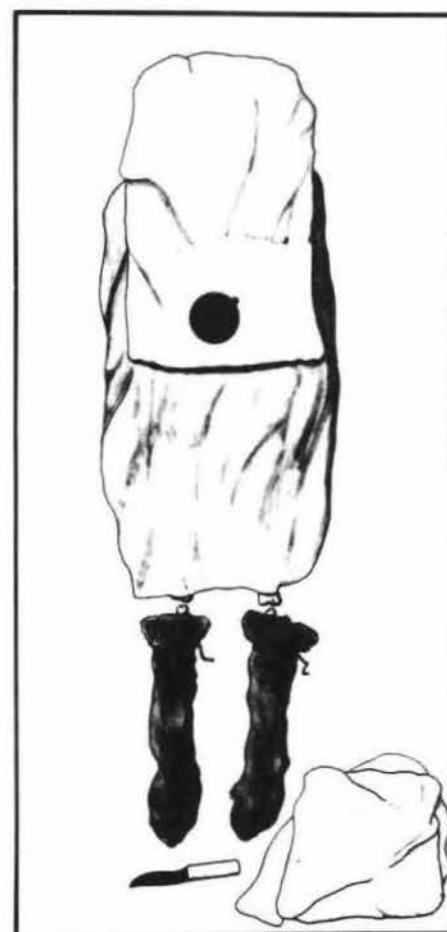
Рис. 46. Могильник Юмбарада-Хальмээр. Чертежи и комплексы погребений 324, 331, 332

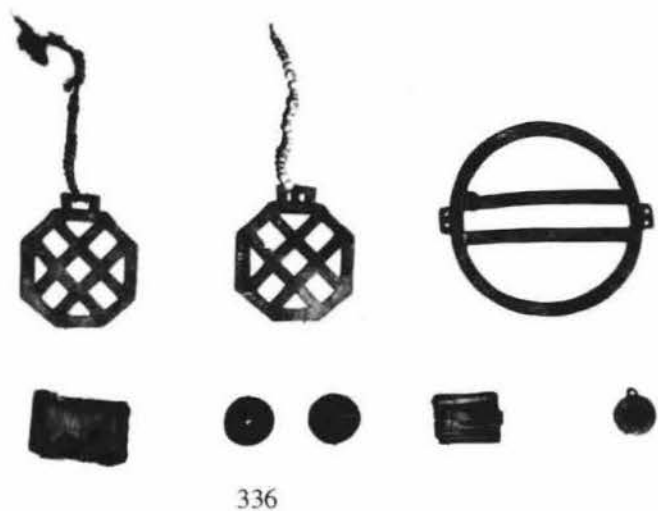
п. 336

п. 337

п. 339

336

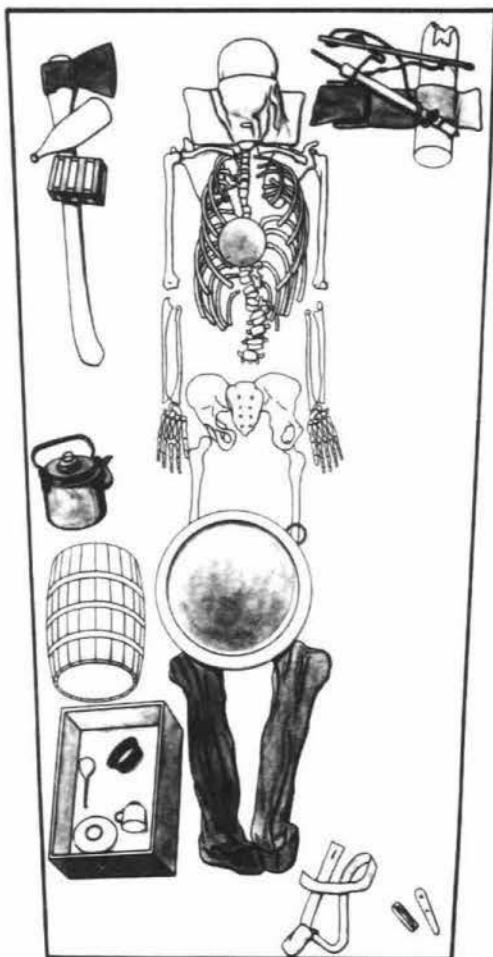

337

339

Рис. 47. Могильник Юмбарада-Хальмээр. Чертежи и комплексы погребений 336, 337, 339

п. 340

п. 342

п.358

340

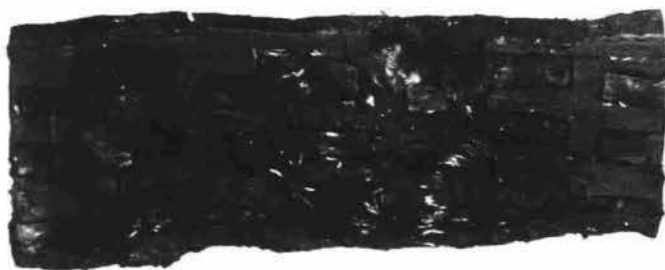
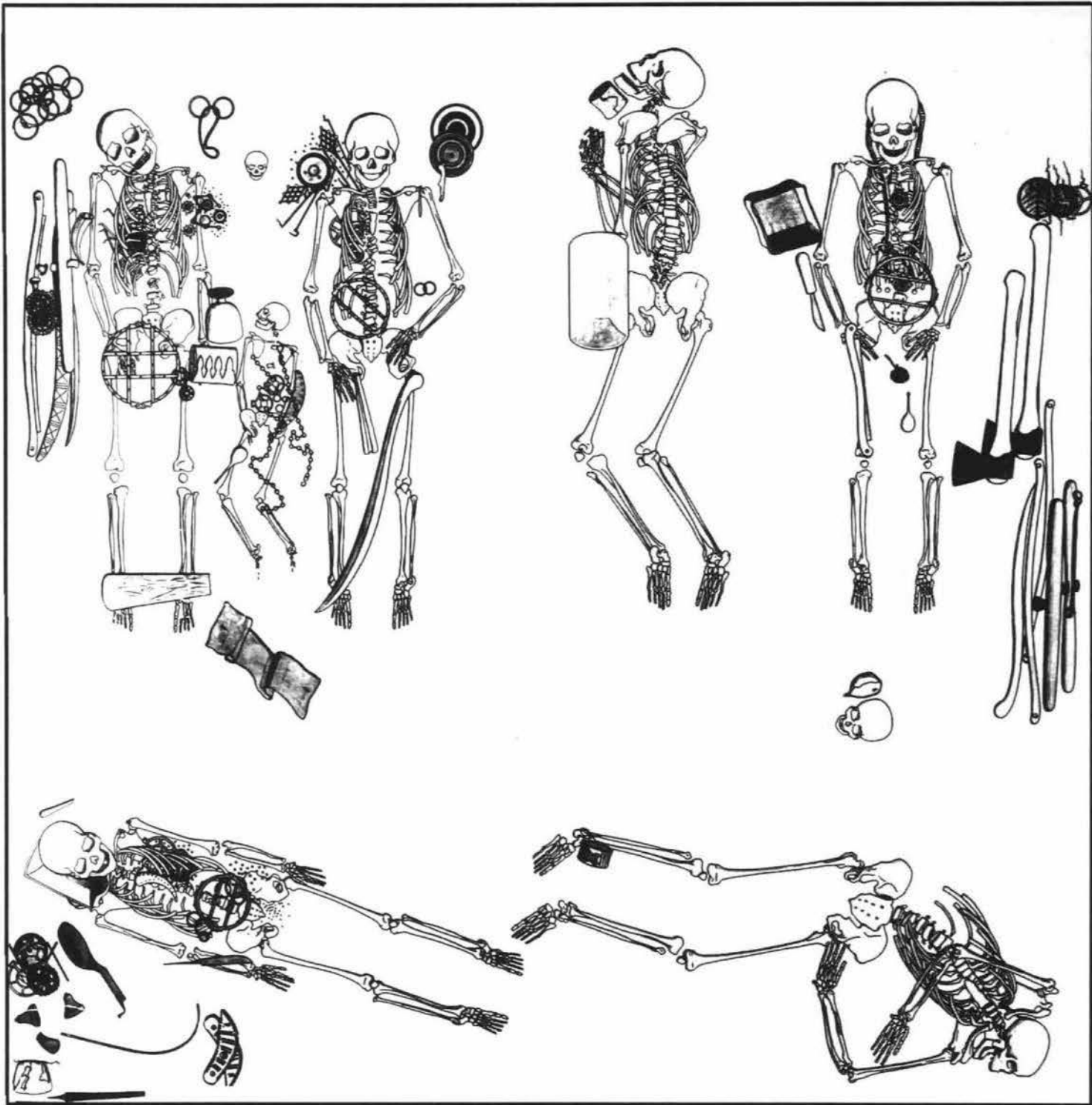

Рис. 48. Могильник Юмбарада-Хальмээр. Чертежи и комплексы погребений 340, 342, 358

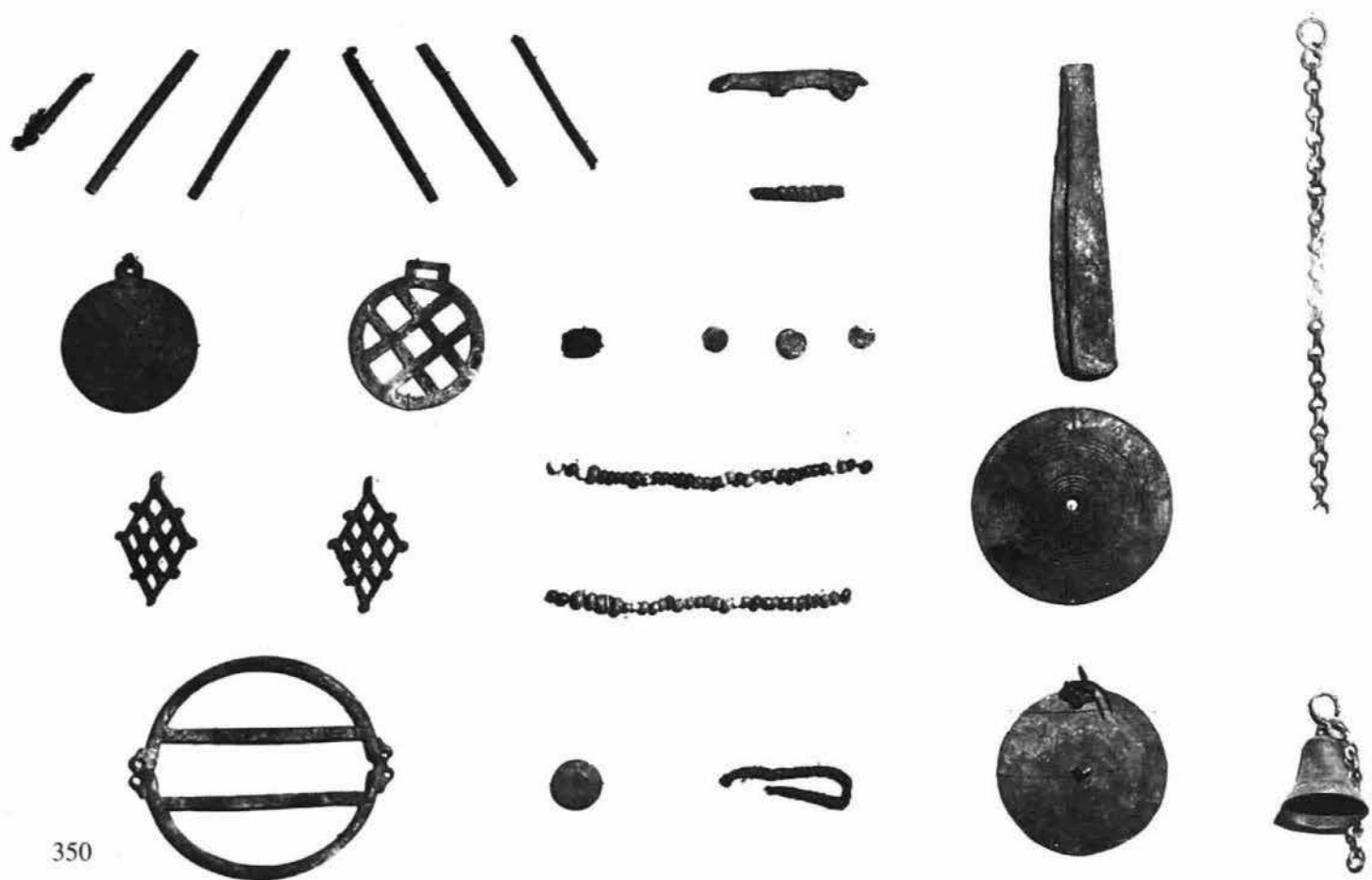
Рис. 49. Могильник Пайхата-Халайт. Погребение 270. Прорисовка фотографии 1909 г.

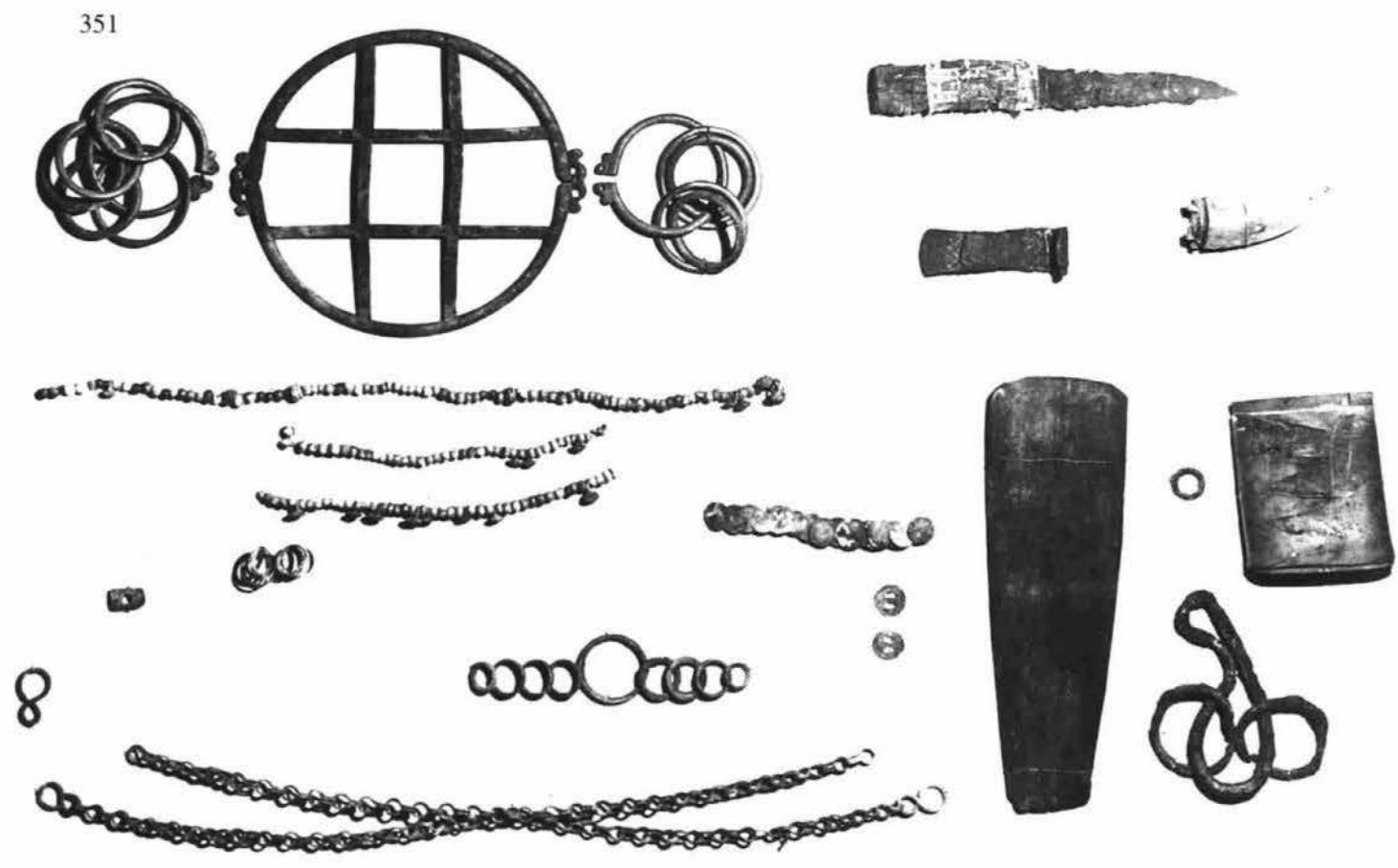
355

354

Рис. 50. Могильник Юмбарада-Хальмээр. Чертежи и комплексы погребений 350–355 (коллективная усыпальница)

350

351

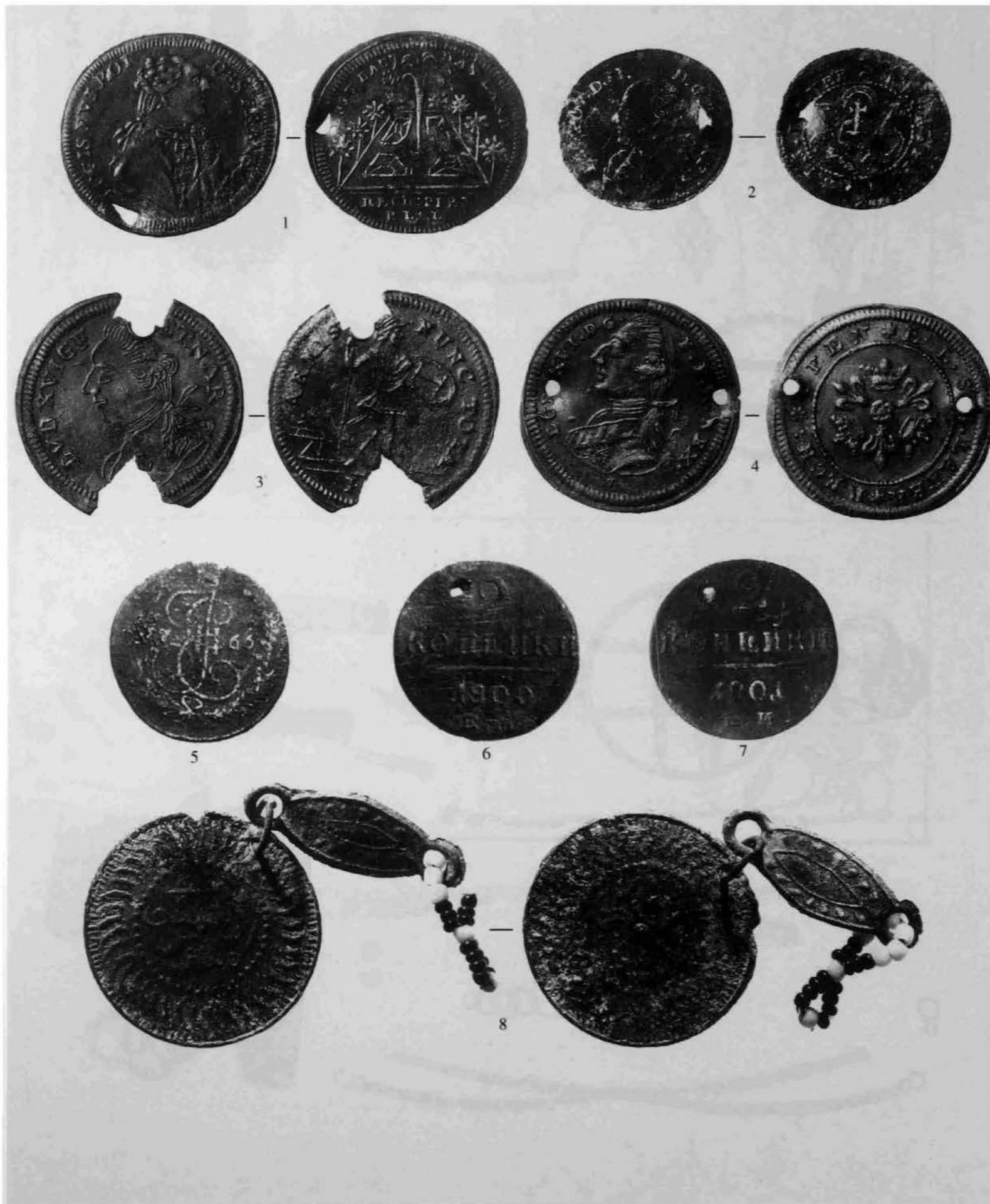

Рис. 51. Счетные жетоны, монеты и монетовидные подвески

Рис. 52. Мужские пояса

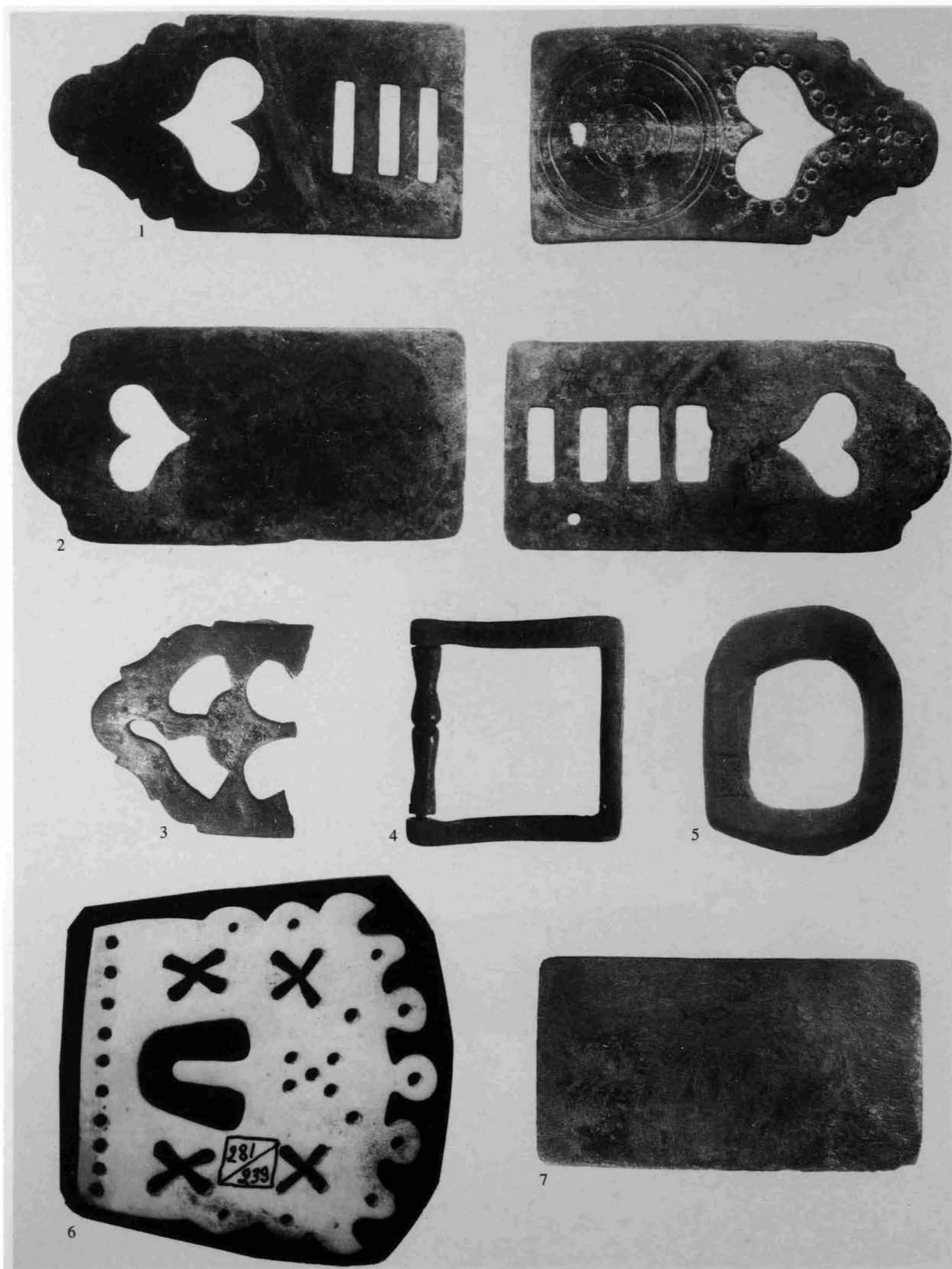

Рис. 53. Пряжки мужских поясов и пряжки неизвестного назначения

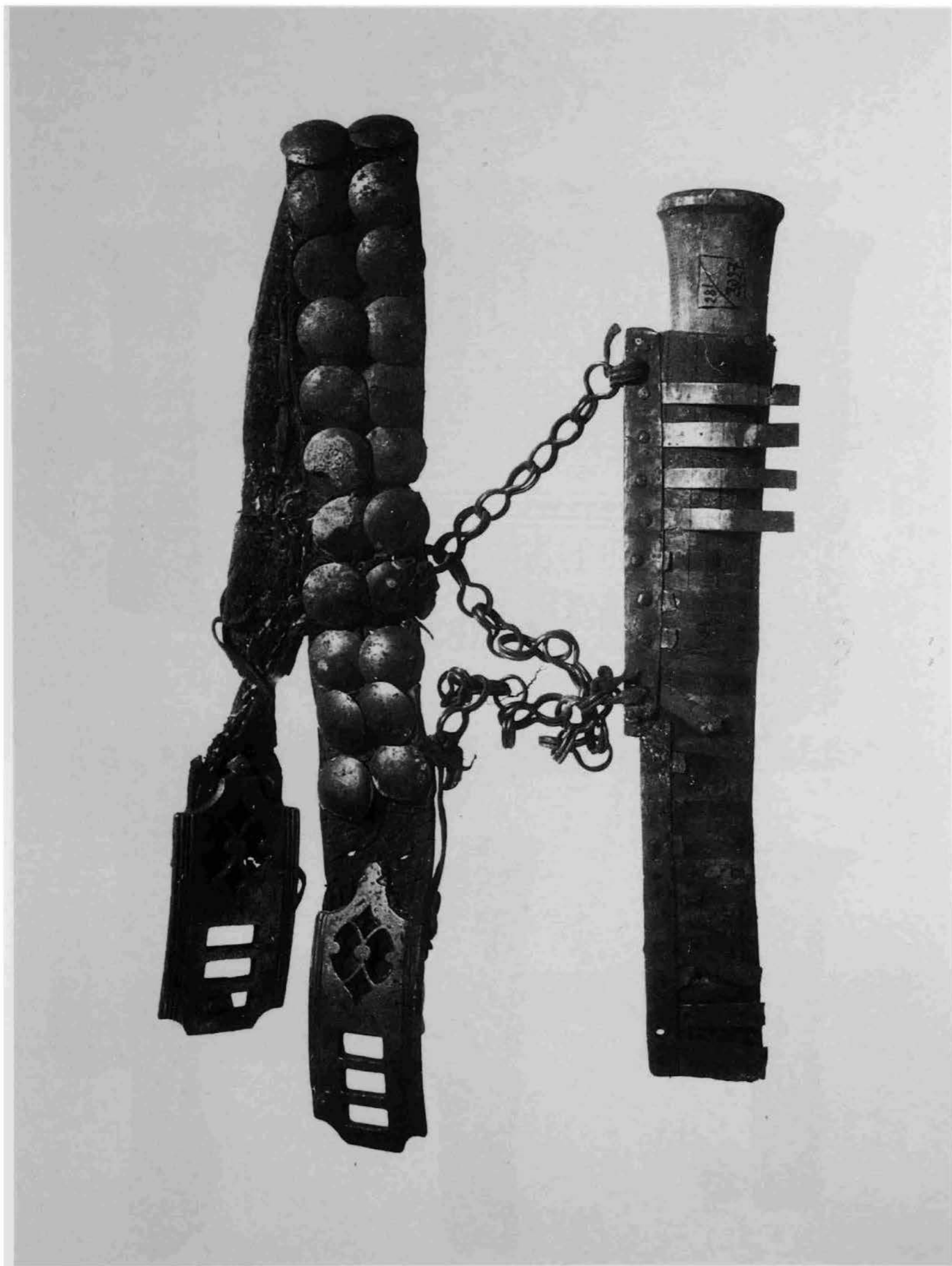

Рис. 54. Мужской пояс с ножом в ножнах

Рис. 55. Рукояти ножей

Рис. 56. Ножи

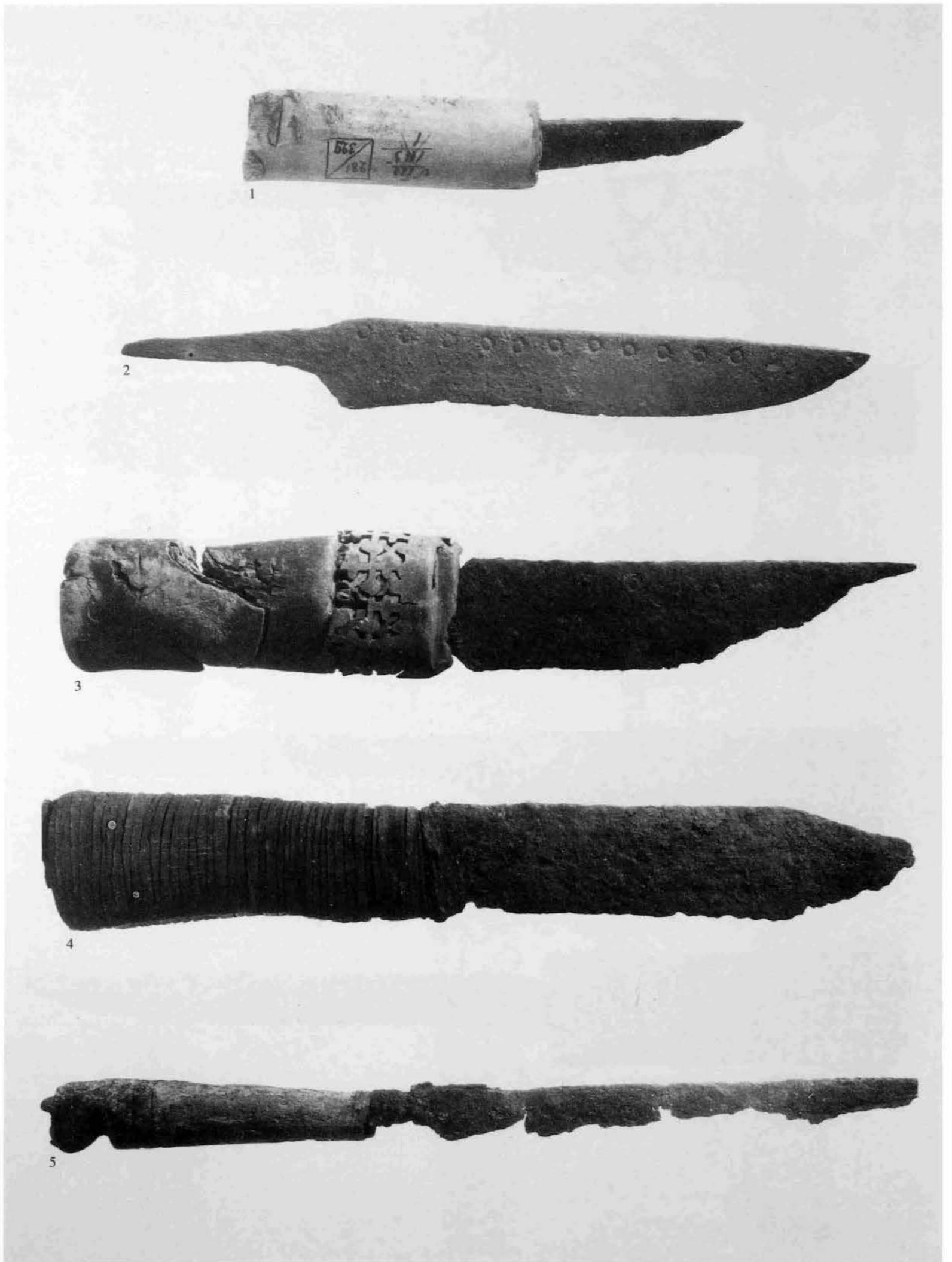

Рис. 57. Ножи

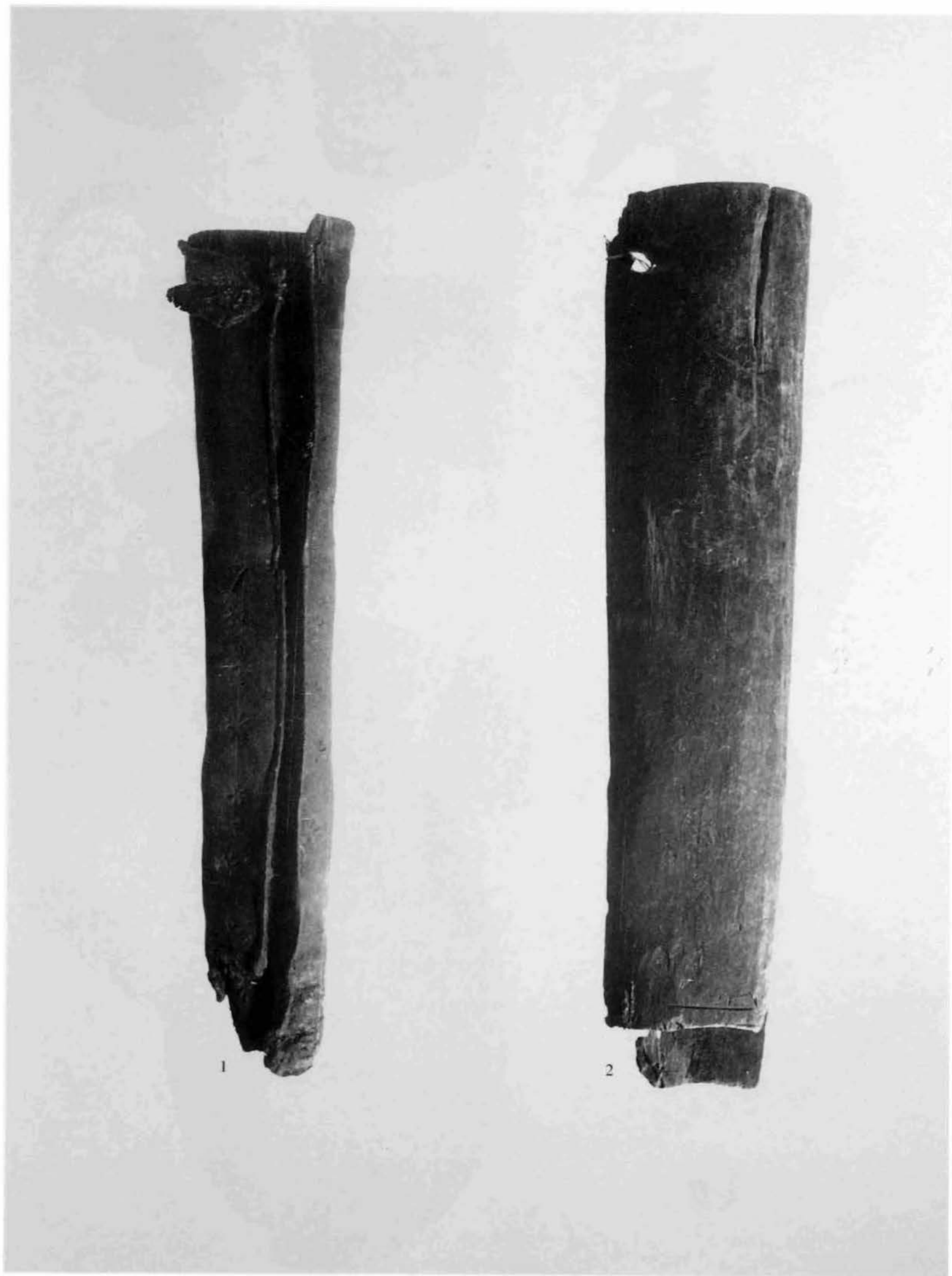

Рис. 58. Ножны для ножей

Рис. 59. Части “ружейного прибора”

Рис. 60. Табакерки из рога

Рис. 61. Табакерки из рога

Рис. 62. Наконечники стрел и древко стрелы

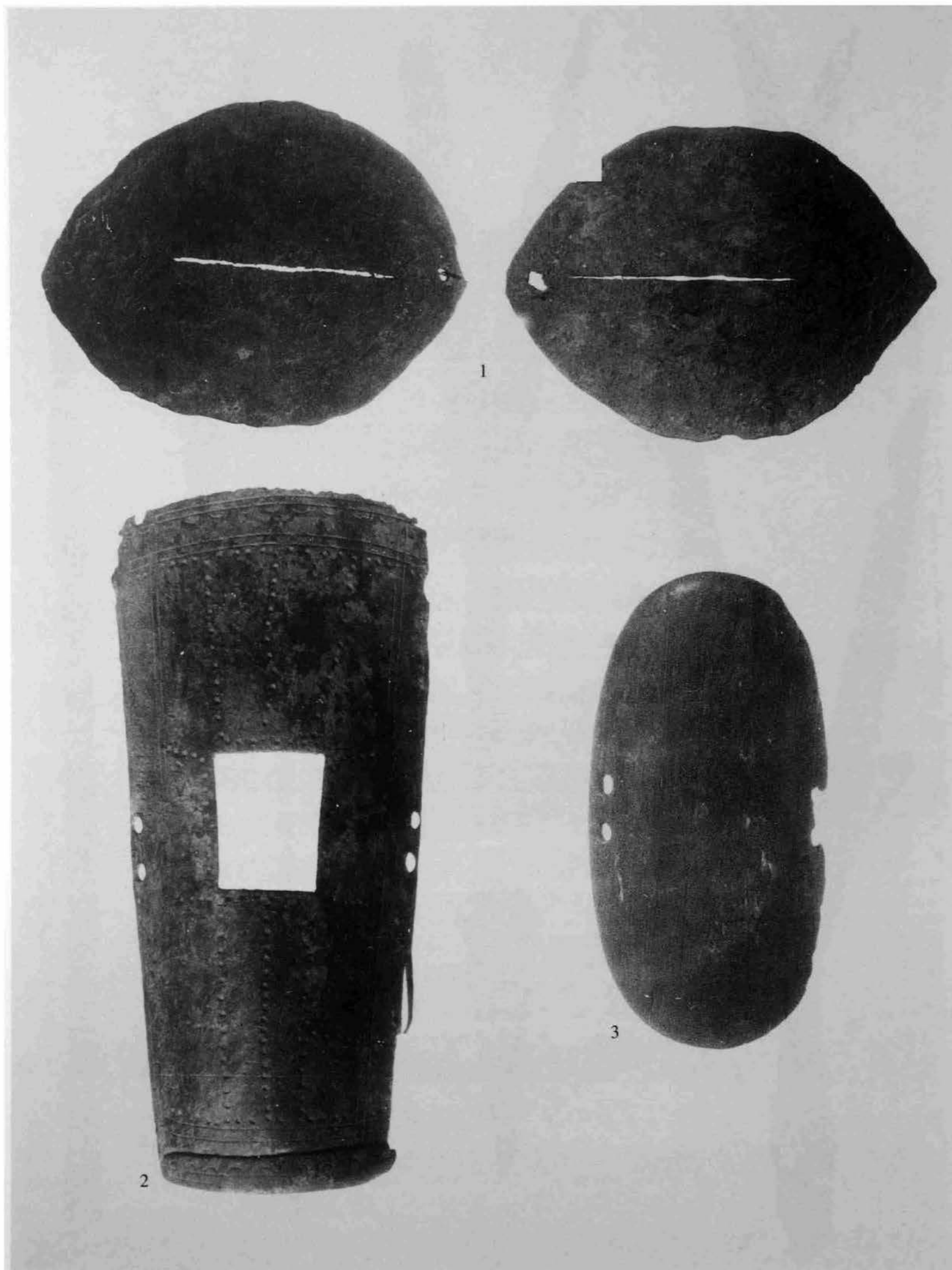

Рис. 63. Очки для защиты глаз от блеска снега и пластины для предохранения руки при стрельбе из лука

Рис. 64. Изделия из дерева

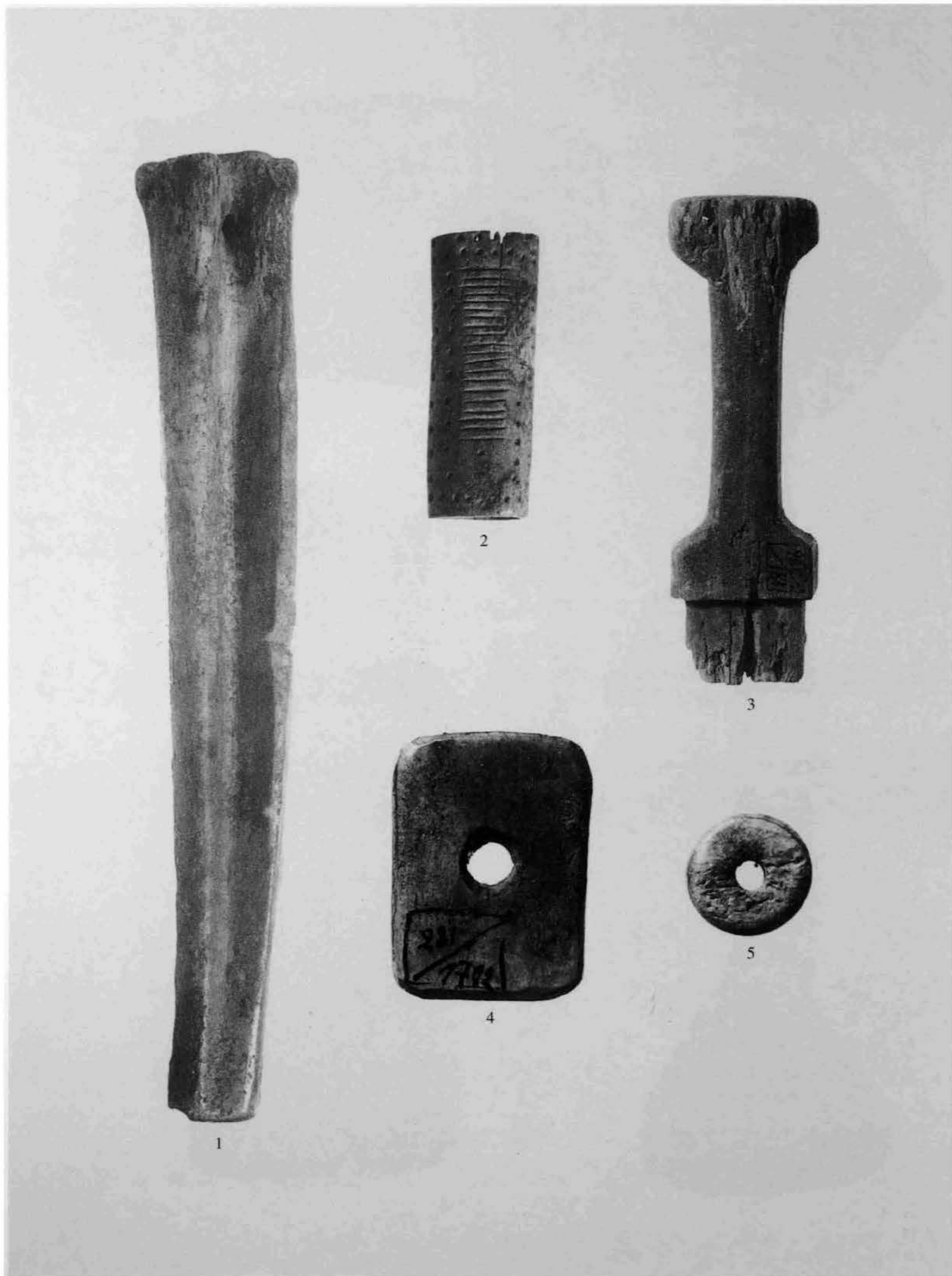

Рис. 65. Изделия из кости и дерева

Рис. 66. Замок и ботало

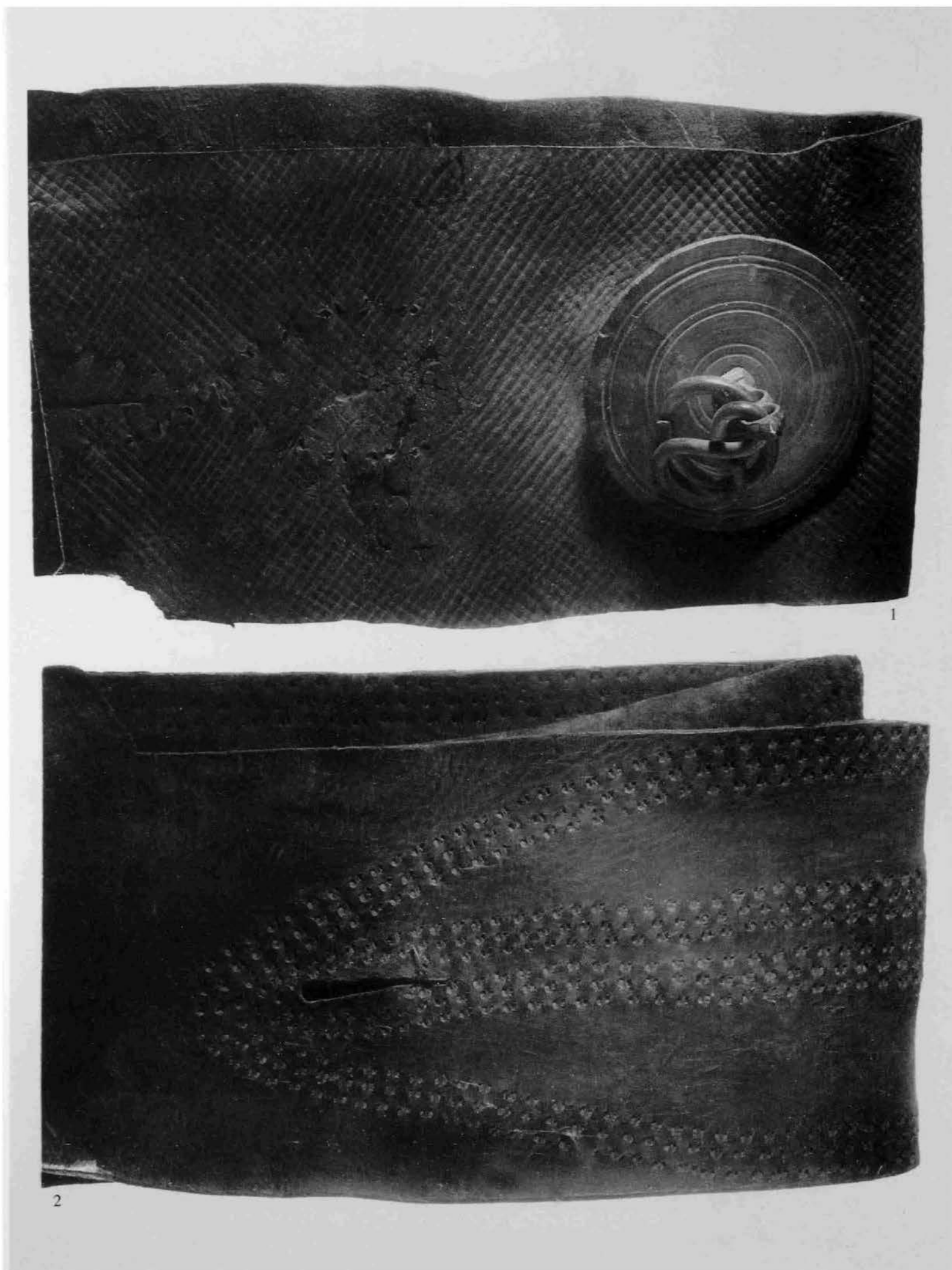

Рис. 67. Кожаная лямка оленьей упряжи

Рис. 68. Медные детали оленьей упряжи

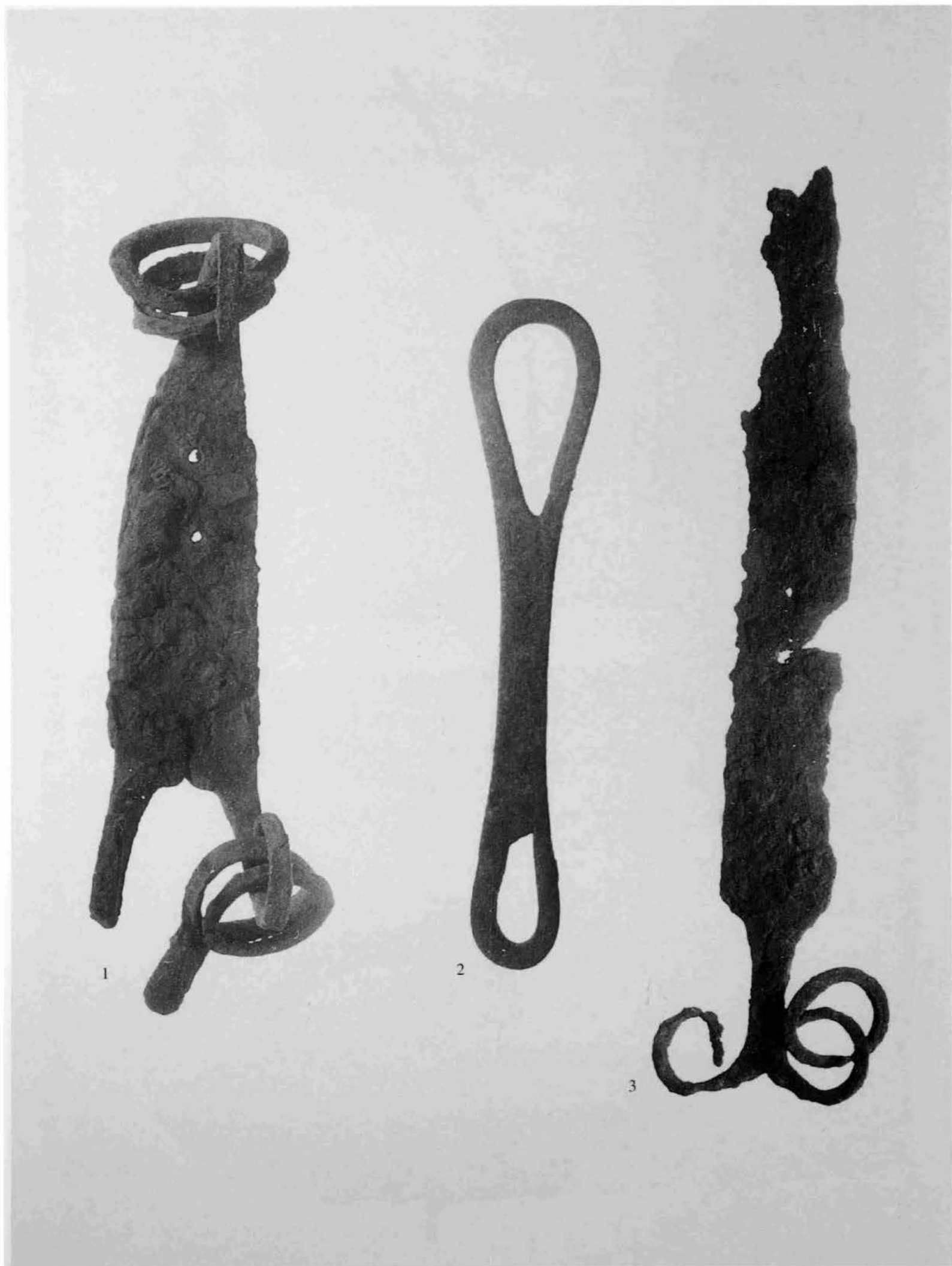

Рис. 69. Железные детали оленьей упряжи

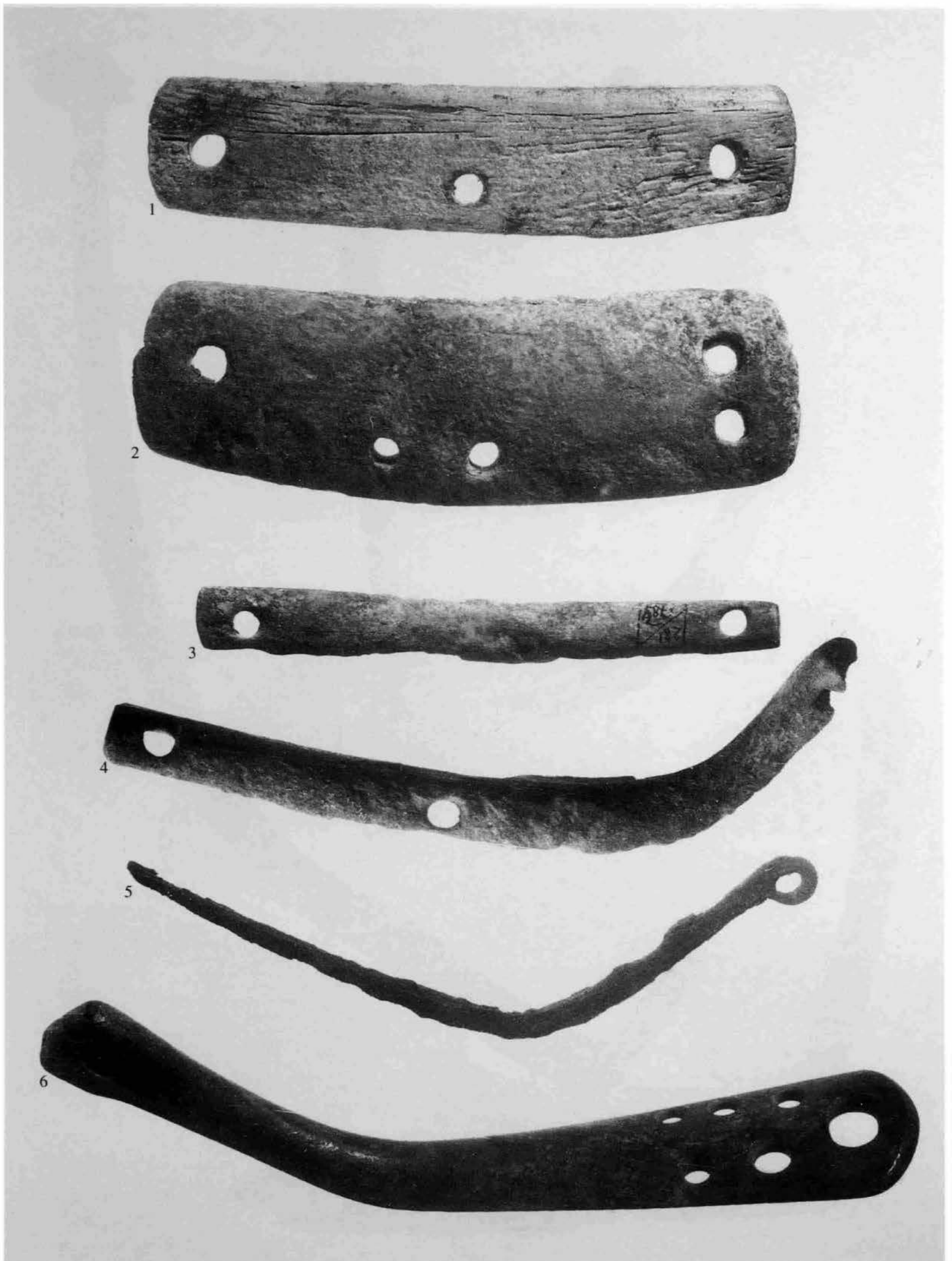

Рис. 70. Костяные и медные детали оленьей упряжи

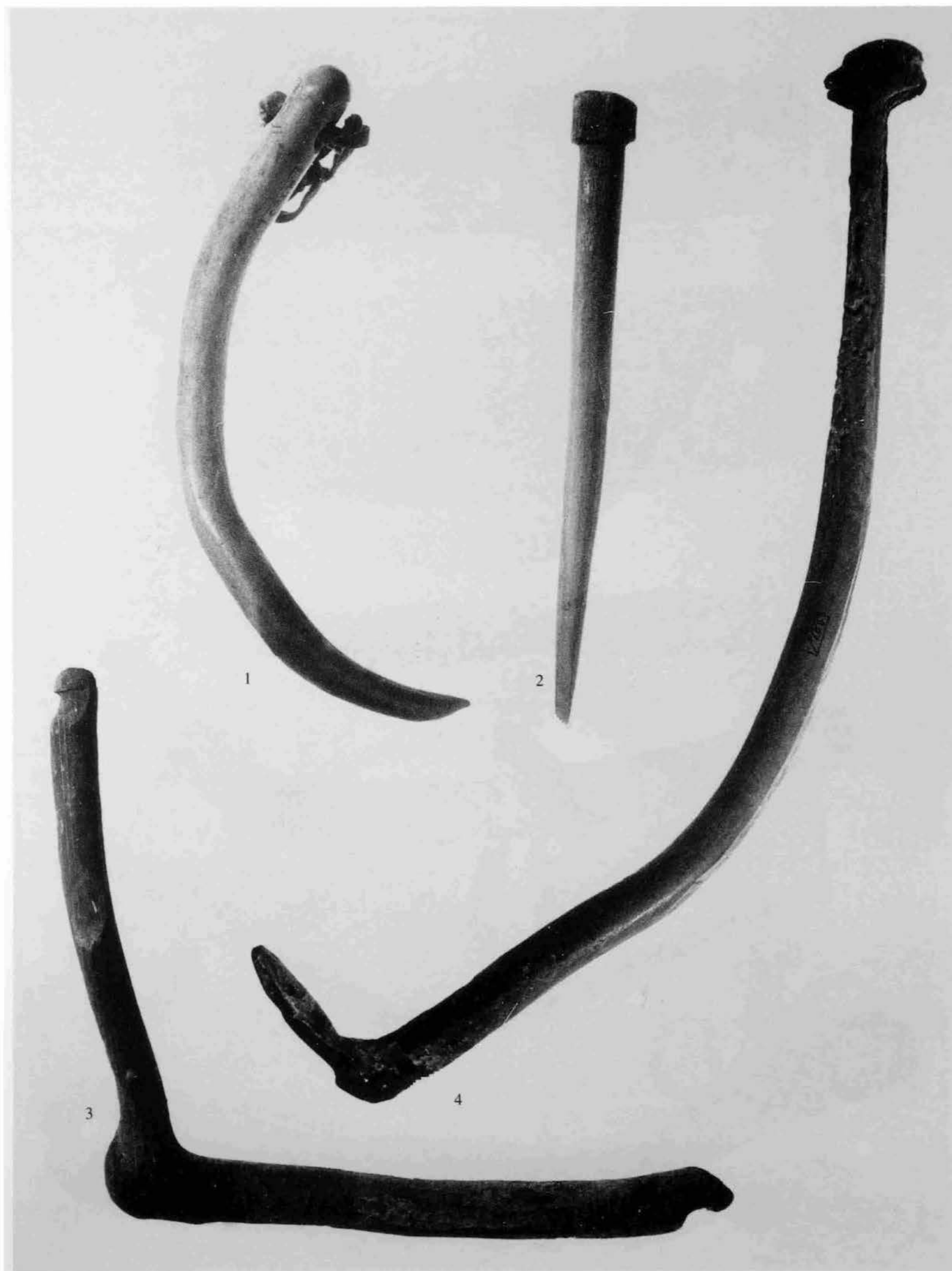

Рис. 71. Крюк для распутывания узлов и детали узды

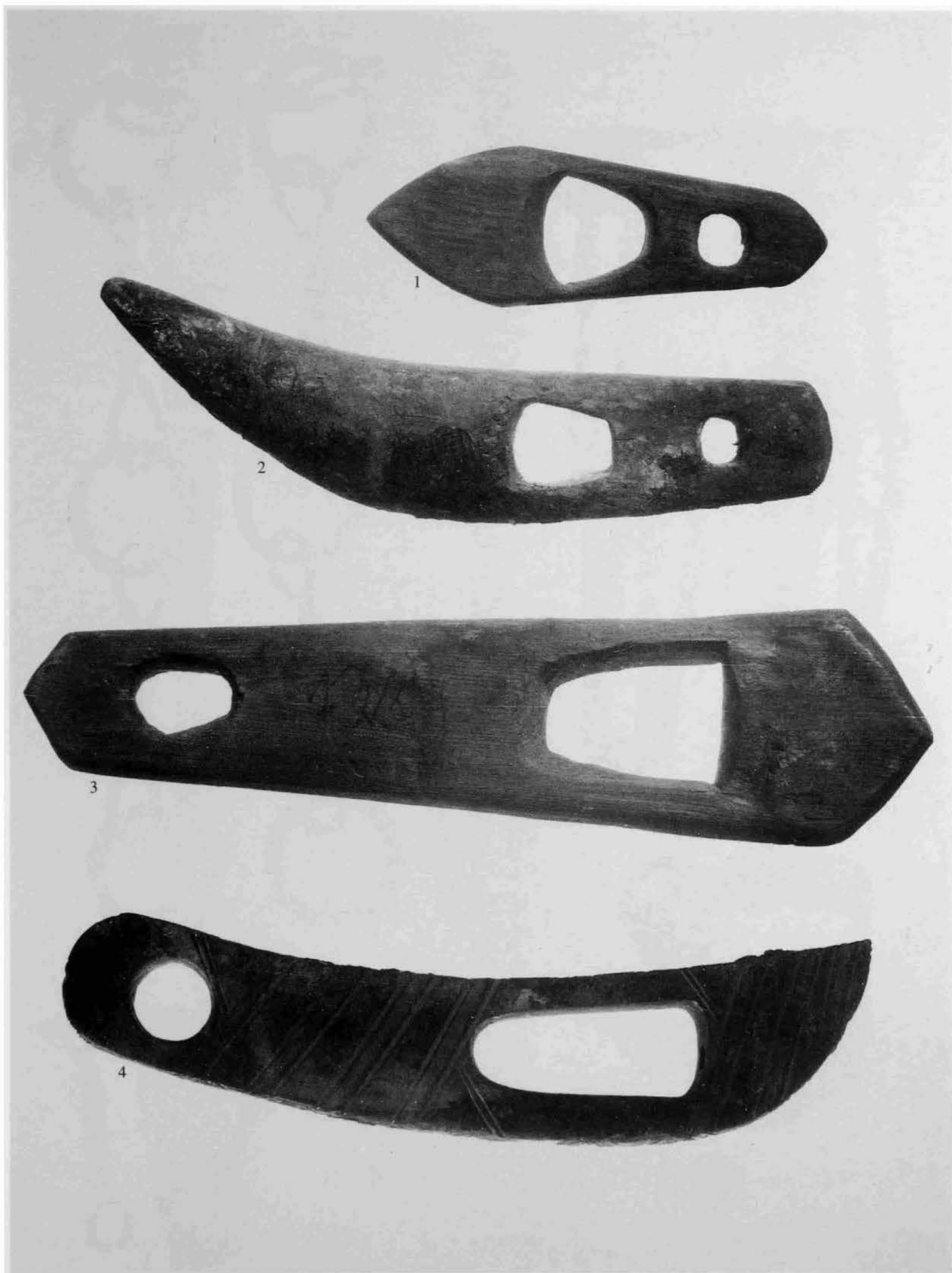

Рис. 72. Блоки для крепления оленьей упряжи к нартам

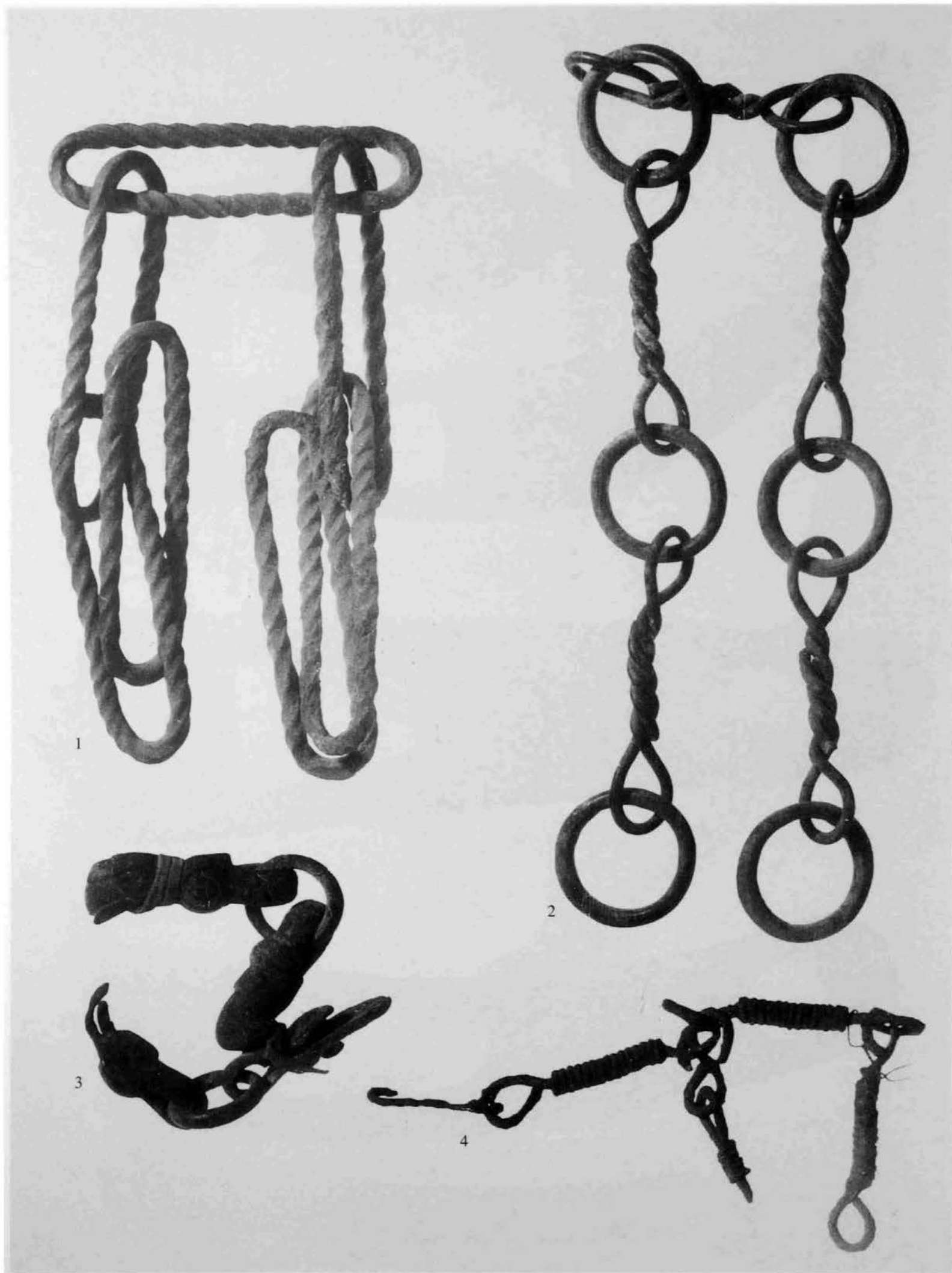

Рис. 73. Цепи от оленьей упряжи

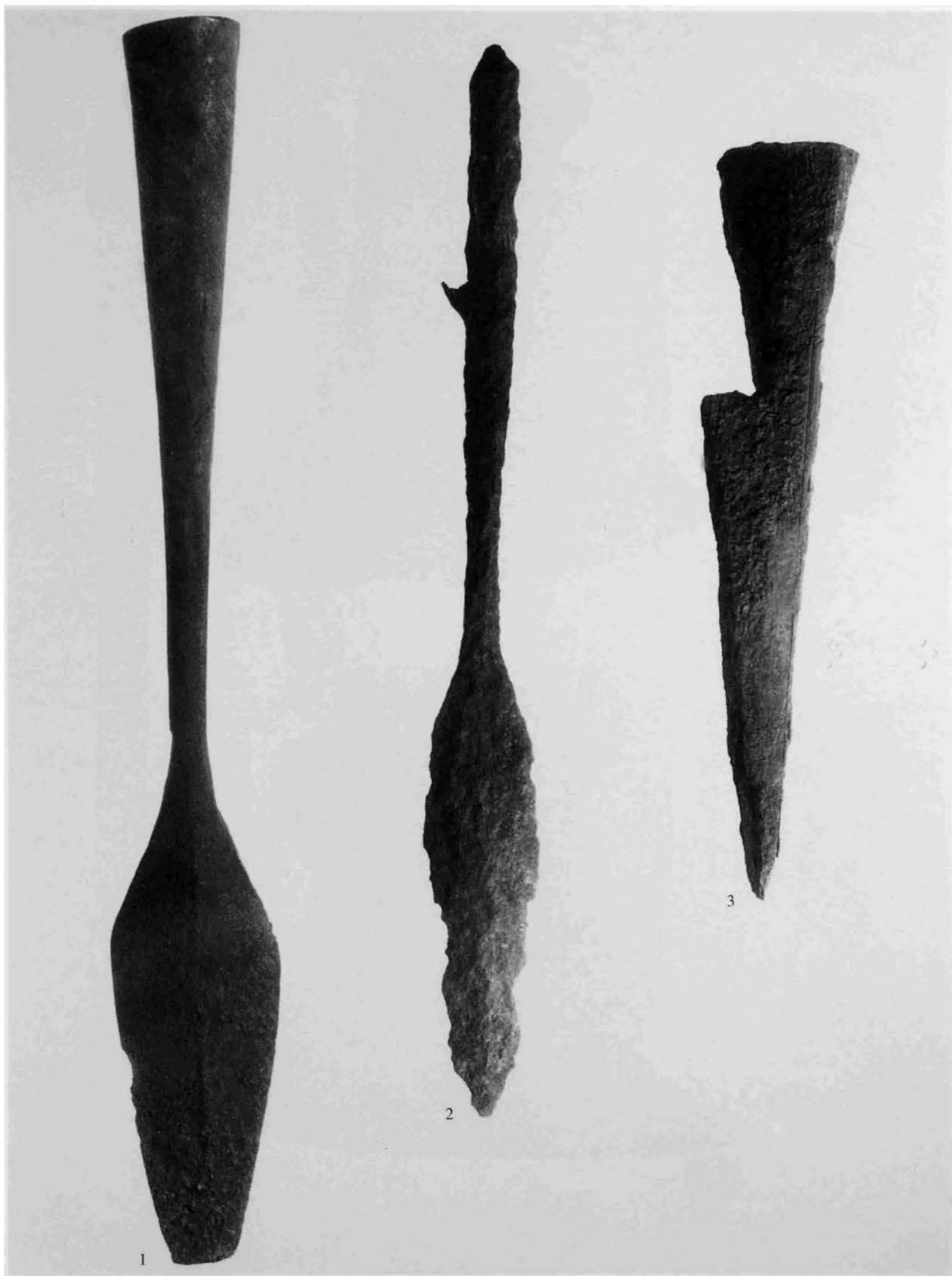

Рис. 74. Наконечники хореев и пешня

Рис. 75. Топоры

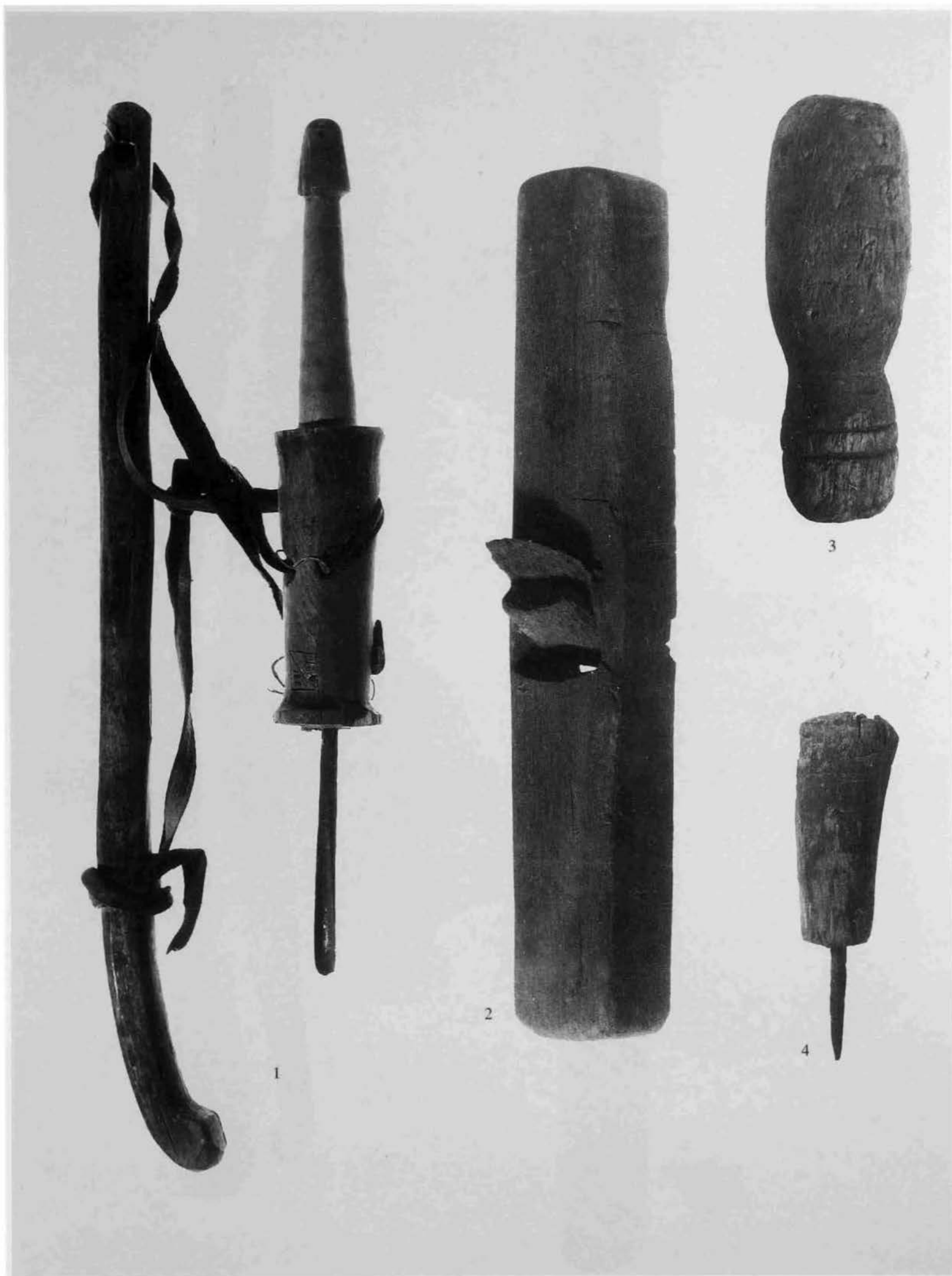

Рис. 76. Лучковое сверло, рубанок и шило

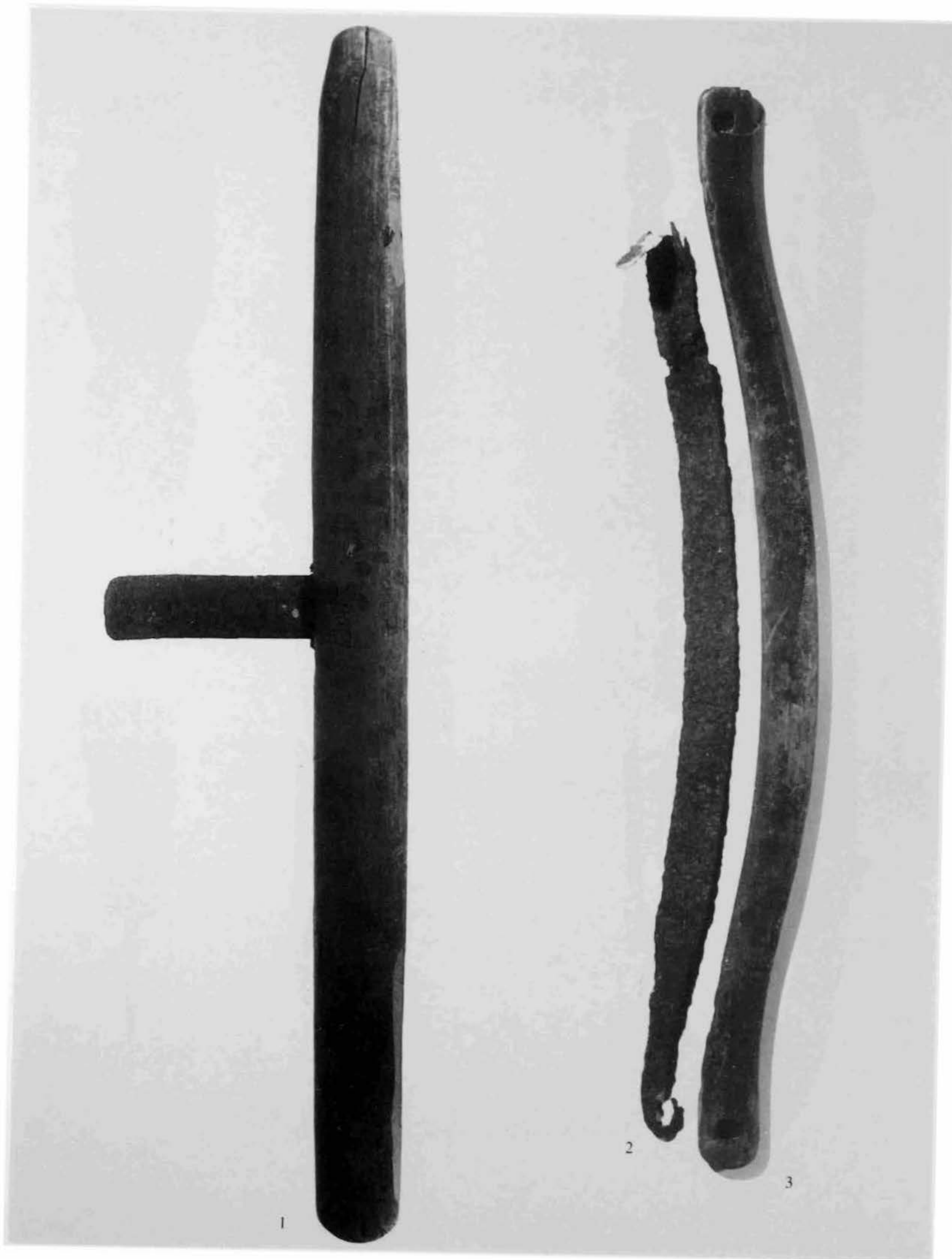

Рис. 77. Струг и скобель

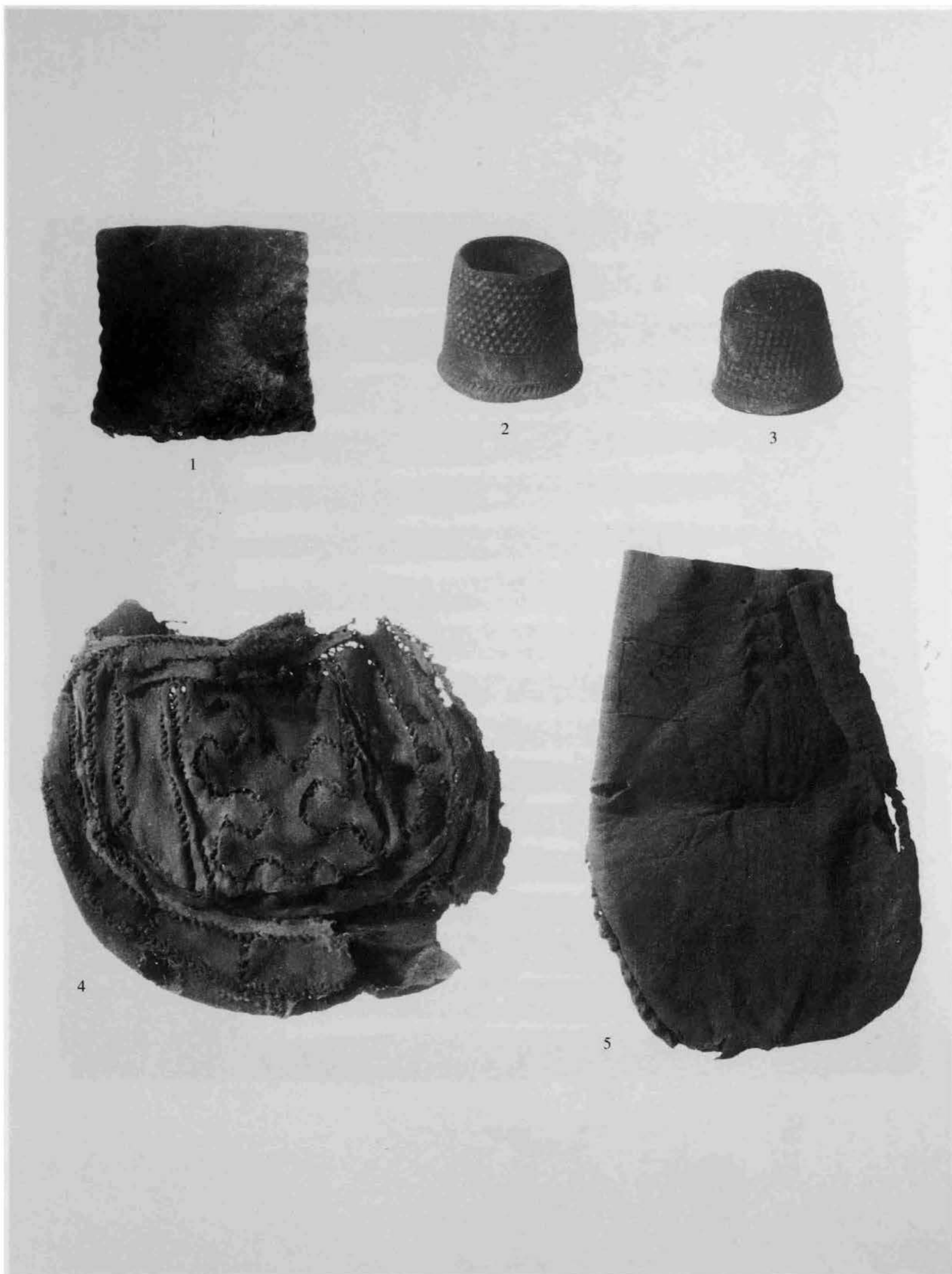

Рис. 78. Футляр для наперстка, наперстки и сумочки для шитья

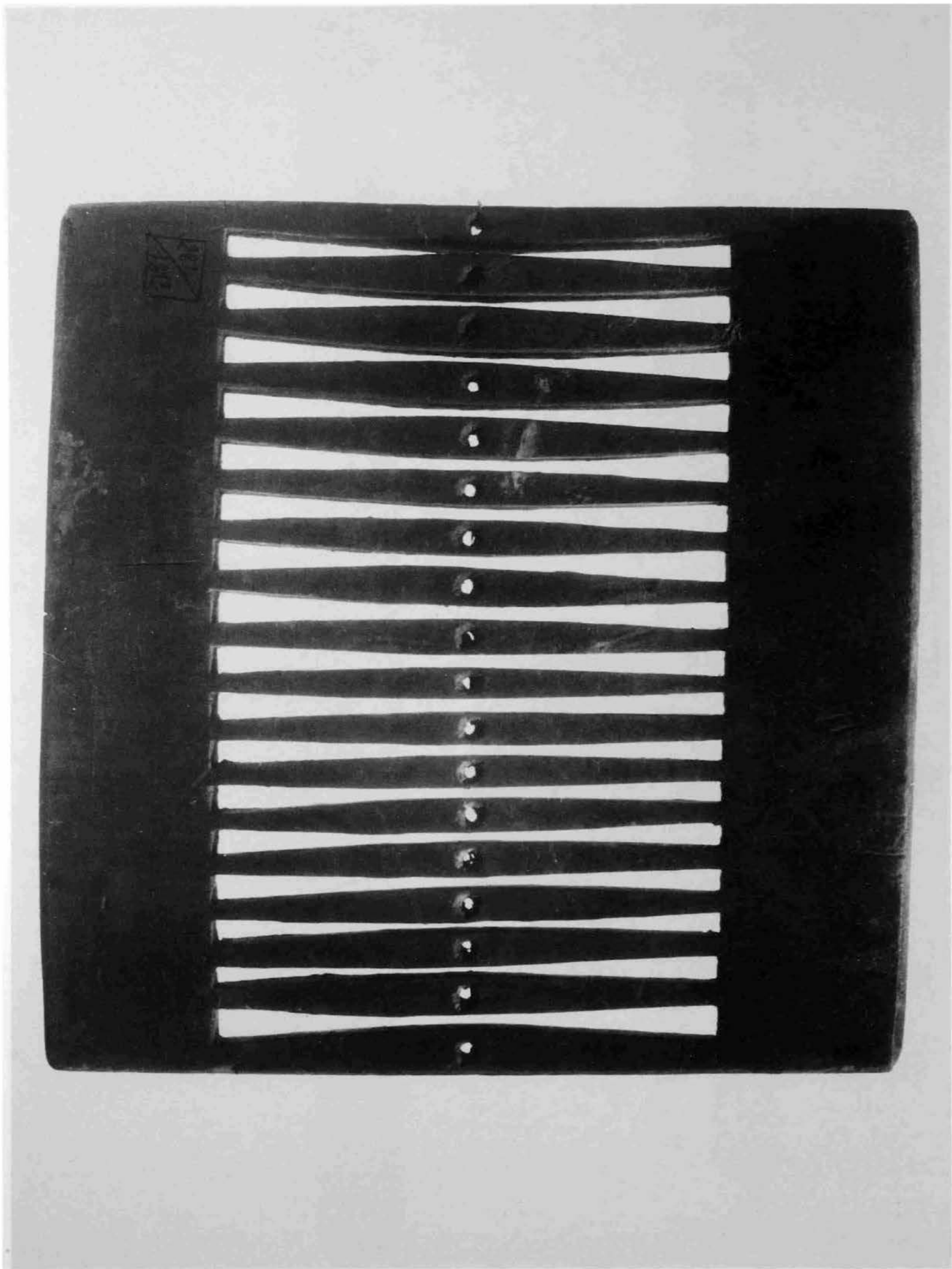

Рис. 79. Бёрдо (приспособление для плетения поясков)

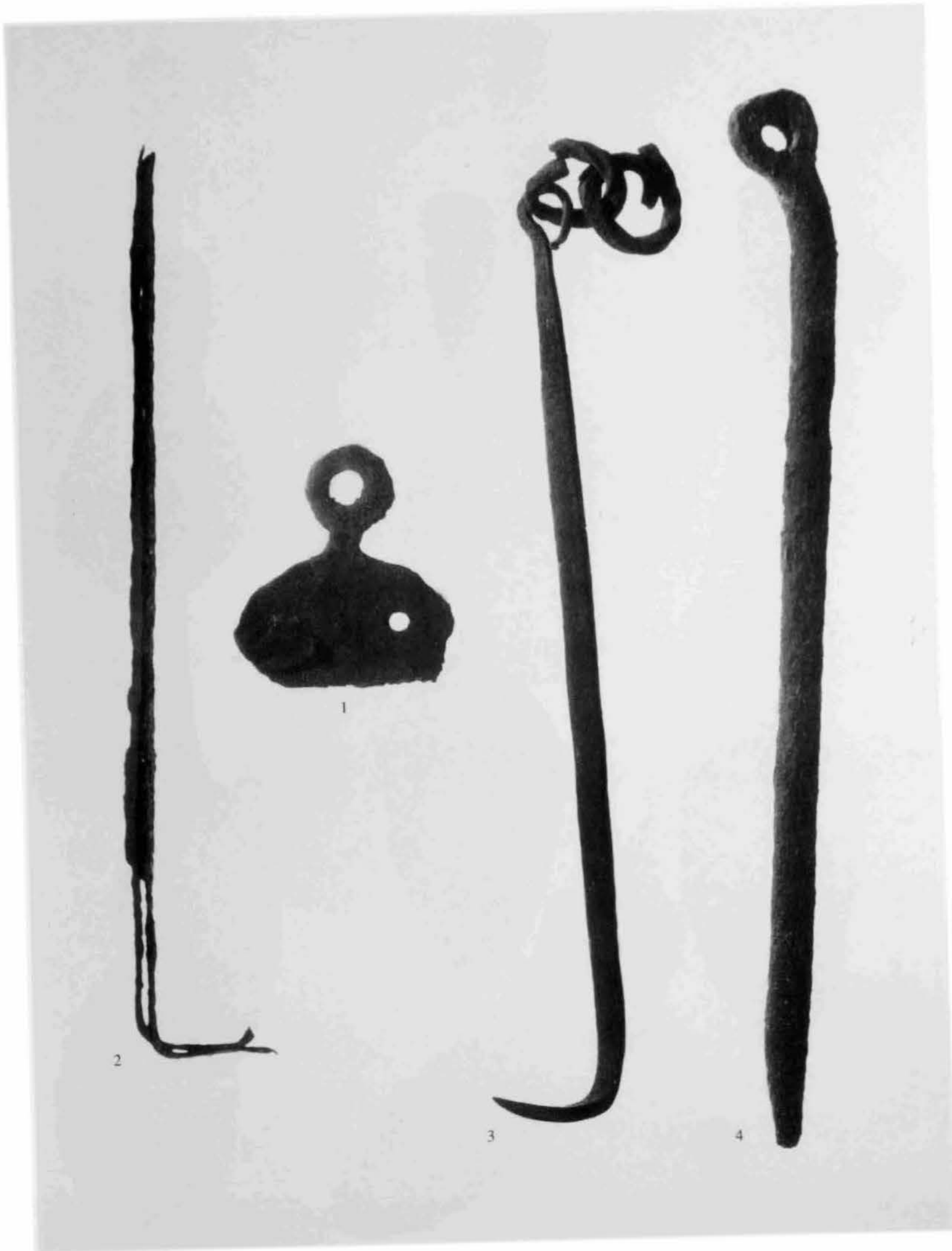

Рис. 80. Крюки для доставания мяса из котла и ушко котла

Рис. 81. Ложки бронзовые

Рис. 82. Ложки деревянные

Рис. 83. Черпаки деревянные

Рис. 84. Ковшики железные

Рис. 85. Ковшики и миски медные

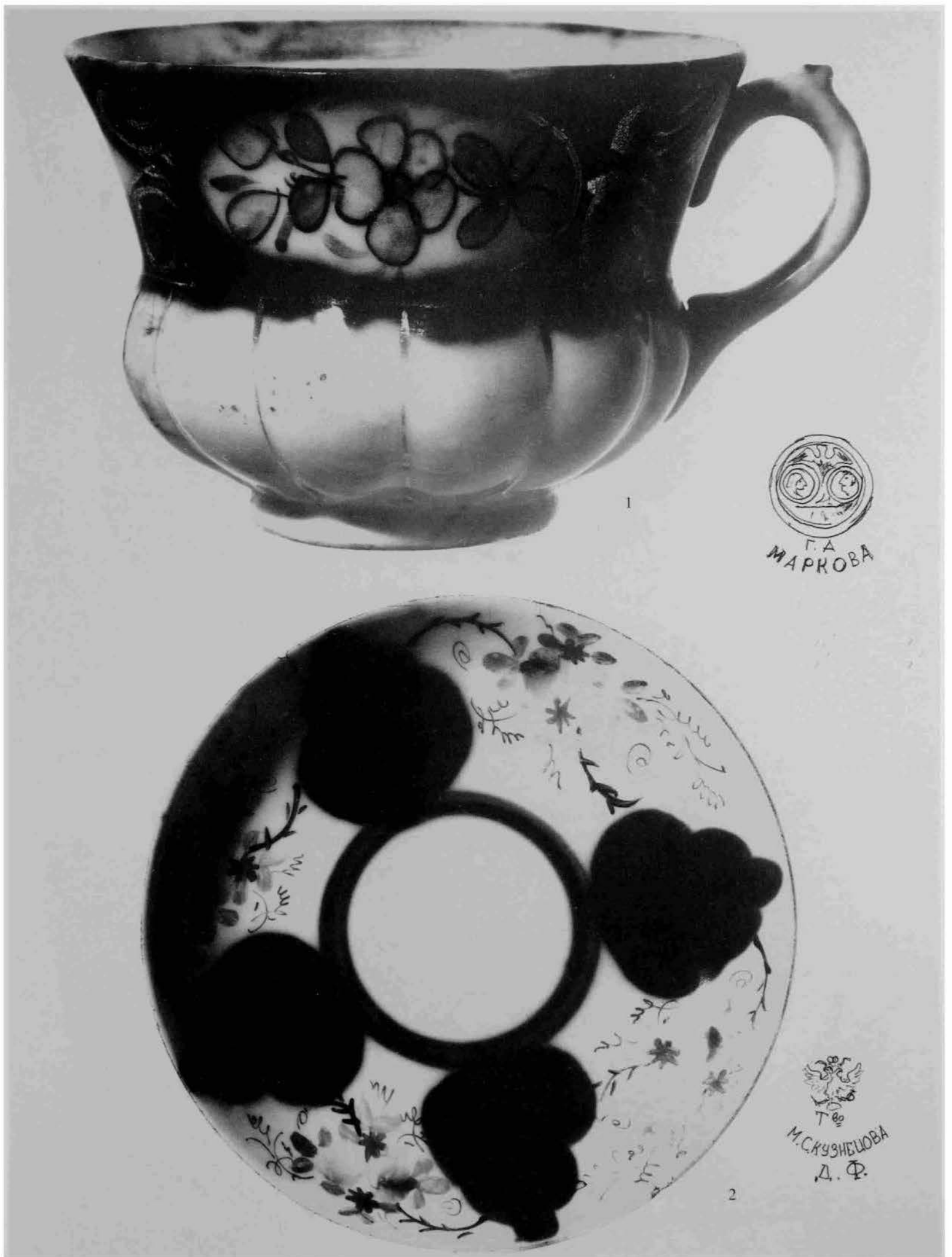

Рис. 86. Чашка фарфоровая завода Г. Маркова и блюдце завода М.С. Кузнецова

Рис. 87. Чашка фарфоровая завода Дунашова и блюдце гжельское

Рис. 88. Чашка фарфоровая гжельская, фрагмент глиняного блюда и чернильница

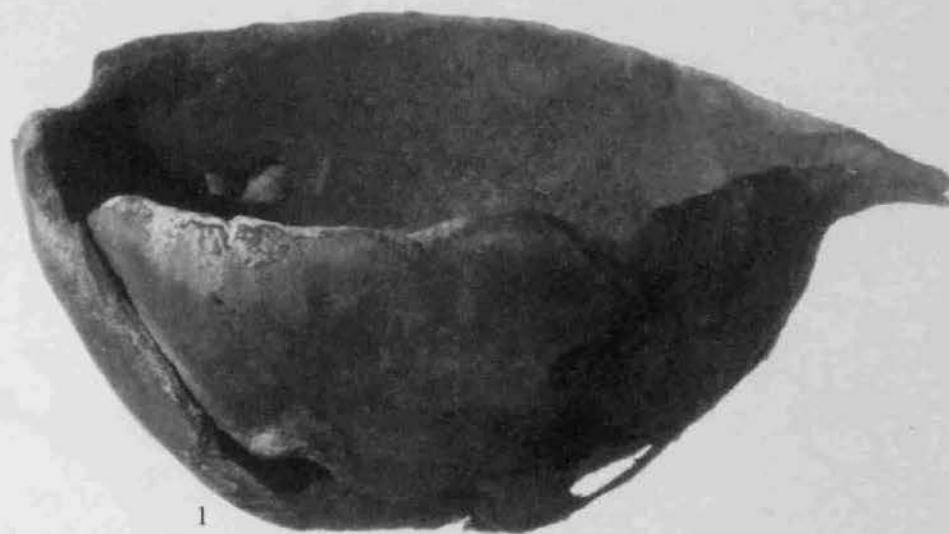

Рис. 89. Чаша из черепа и глиняный горшок

Рис. 90. Рюмки, кубок и флакон из стекла

Рис. 91. Бутылки и штоф стеклянные

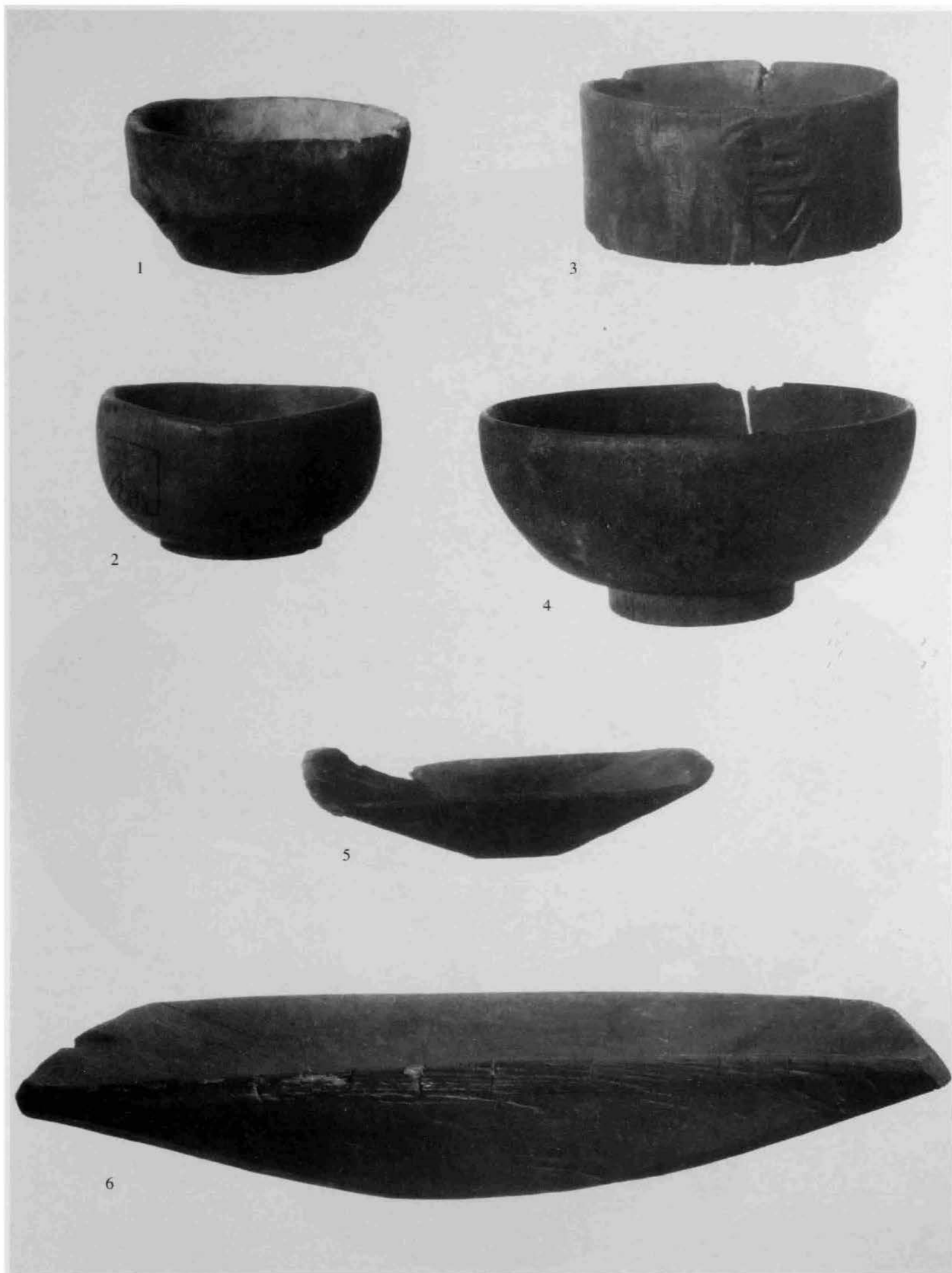

Рис. 92. Чашки и корытца для еды деревянные

Рис. 93. Чаши и рюмка деревянные

Рис. 94. Ковшики и изделие неизвестного назначения деревянные

Рис. 95. Культовая посуда

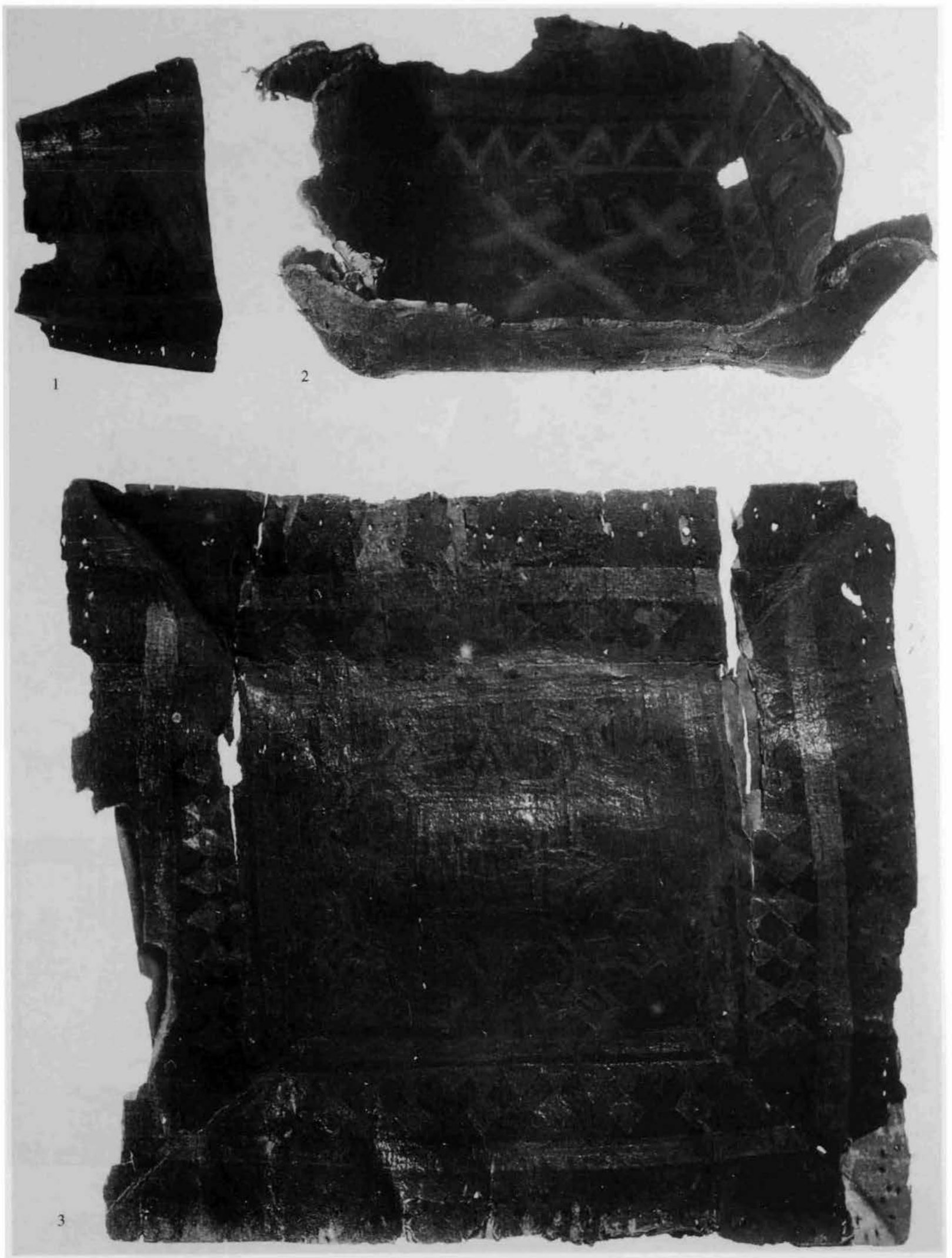

Рис. 96. Берестяные коробочки

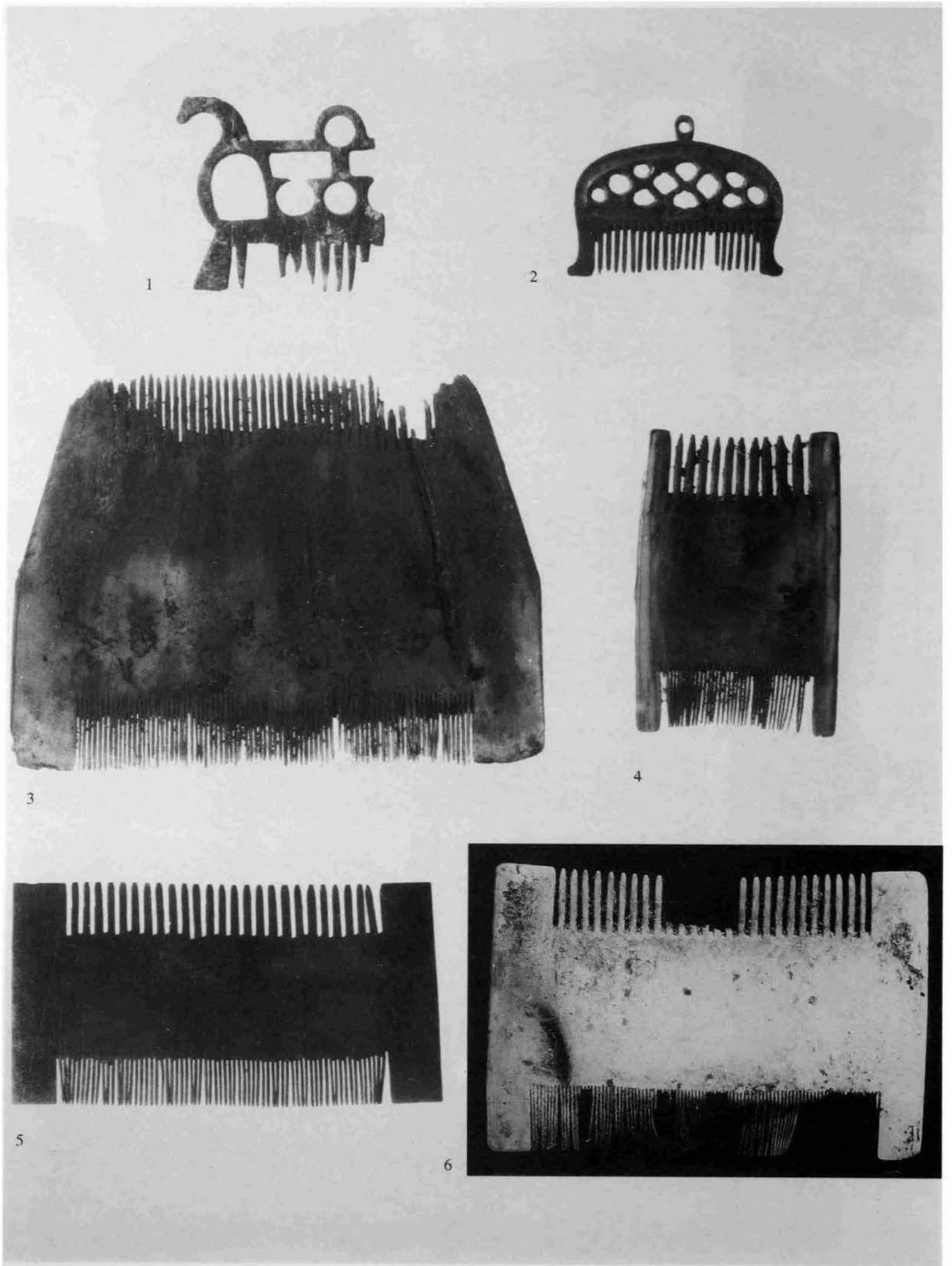

Рис. 97. Гребни

Рис. 98. Табакерки берестяные и медные

Рис. 99. Подсвечник и табакерки бронзовые

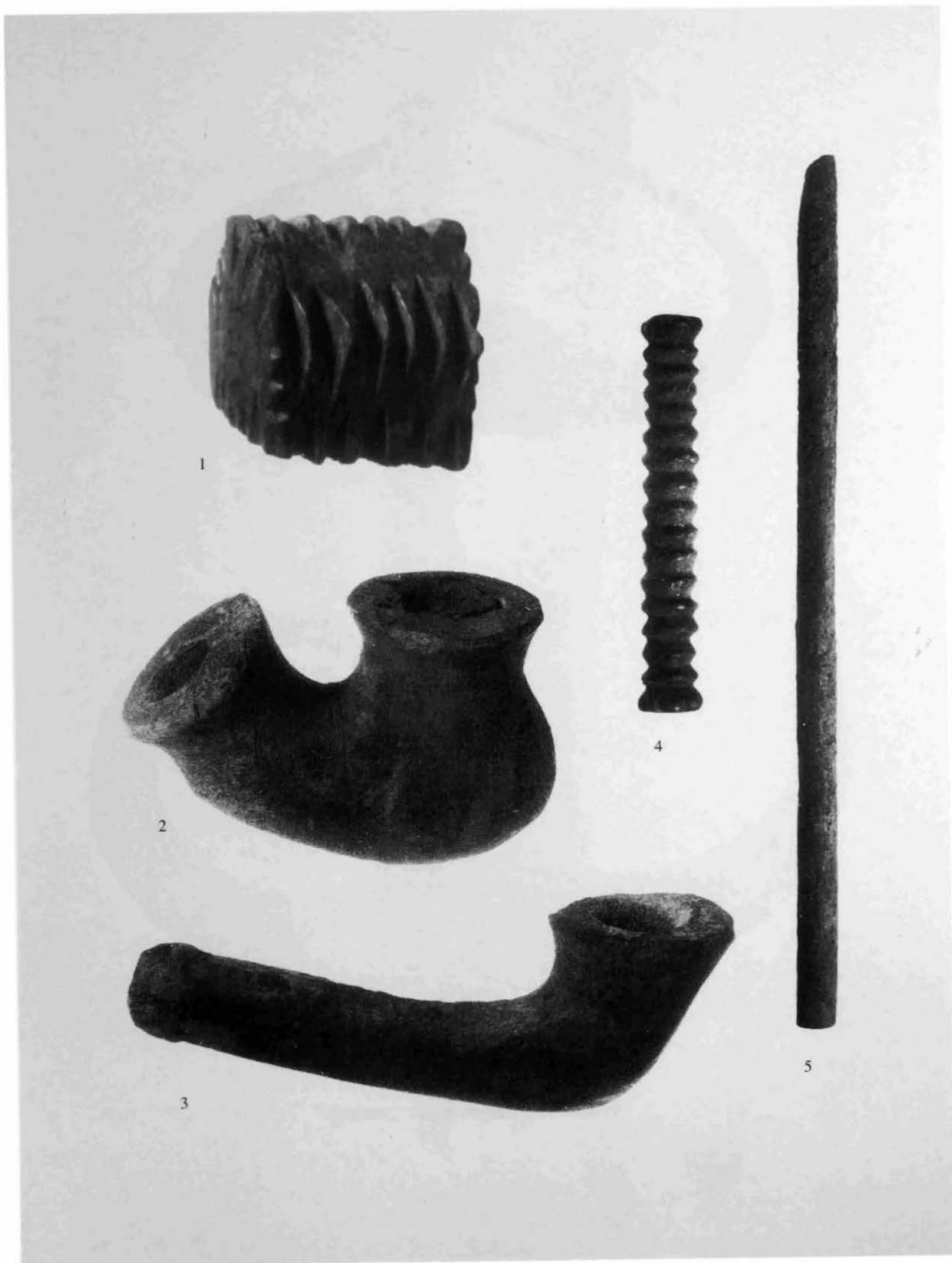

Рис. 100. Трубки курительные и медные пронизки

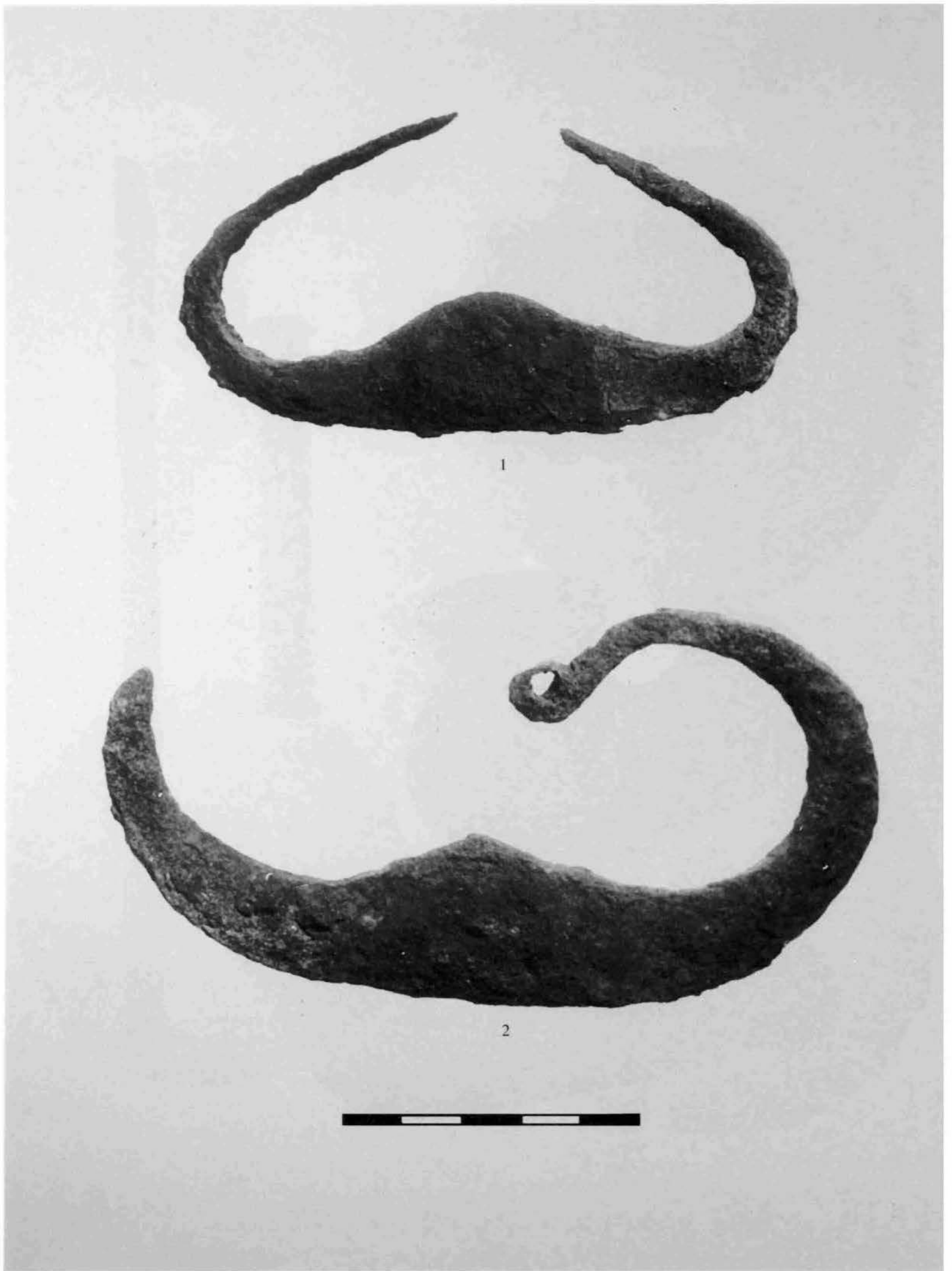

Рис. 101. Кресала железные

Рис. 102. Палки для выбивания снега и вшей из одежды

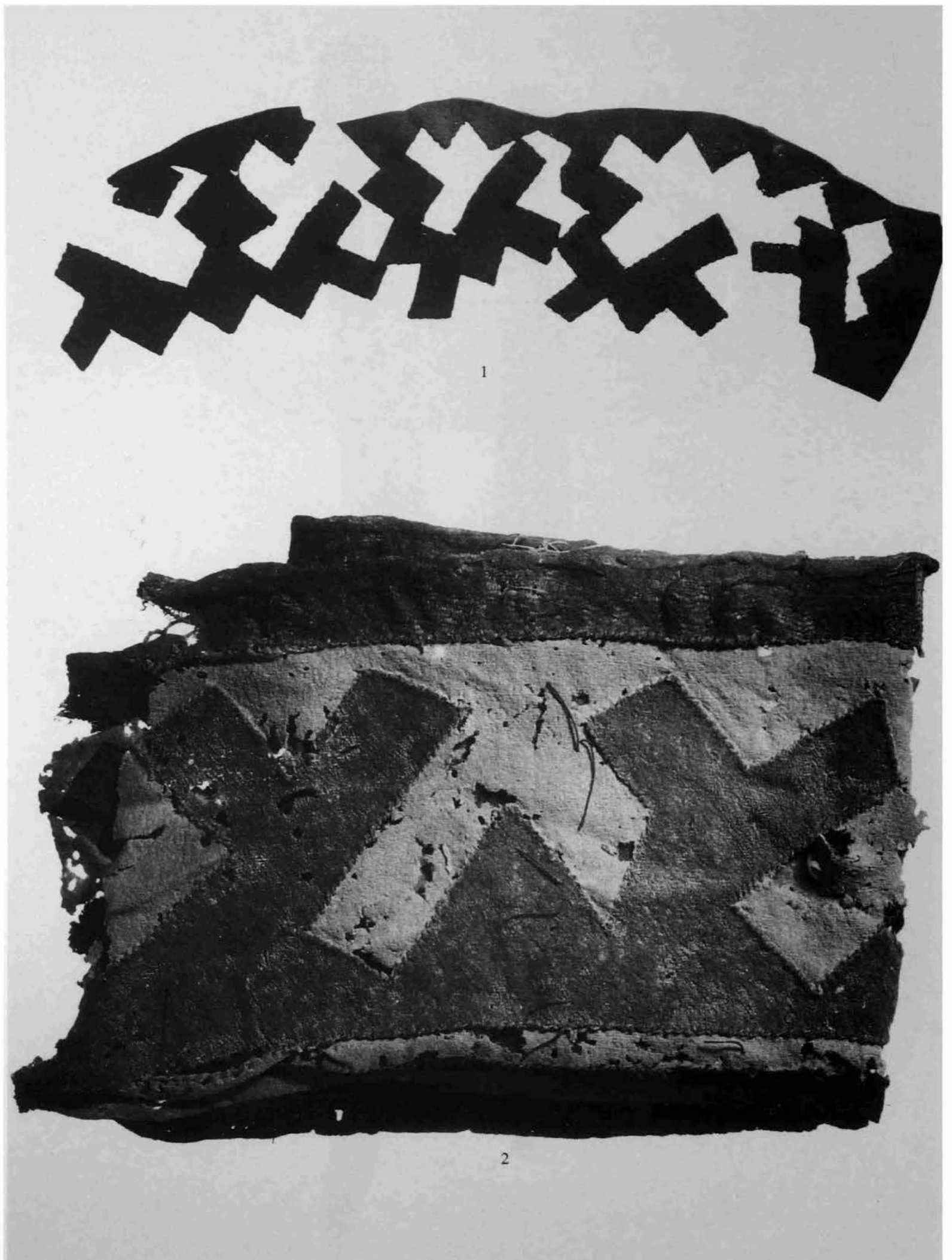

Рис. 103. Кожа и ткань с орнаментом

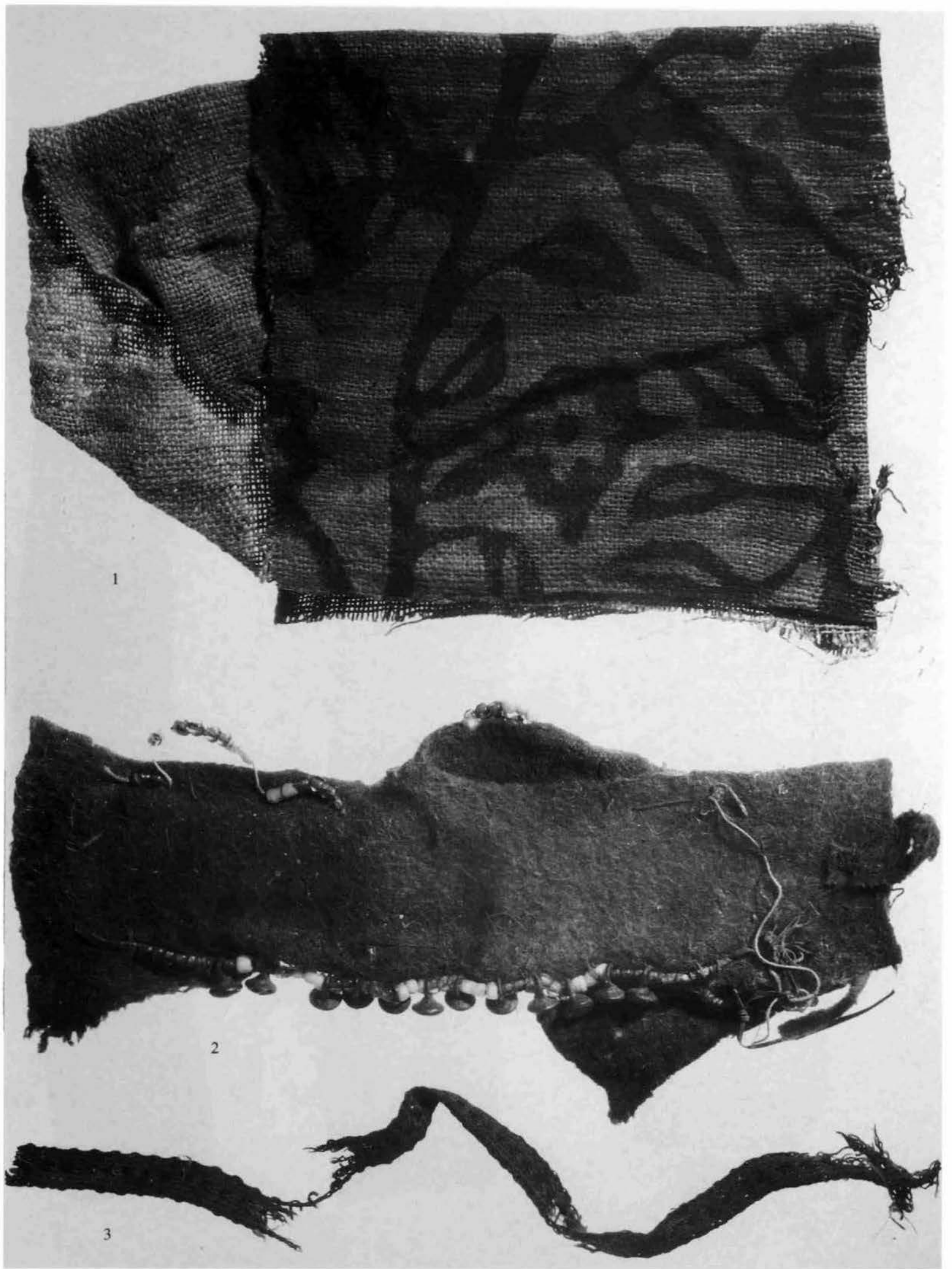

Рис. 104. Фрагменты ткани, сукна и тесьмы

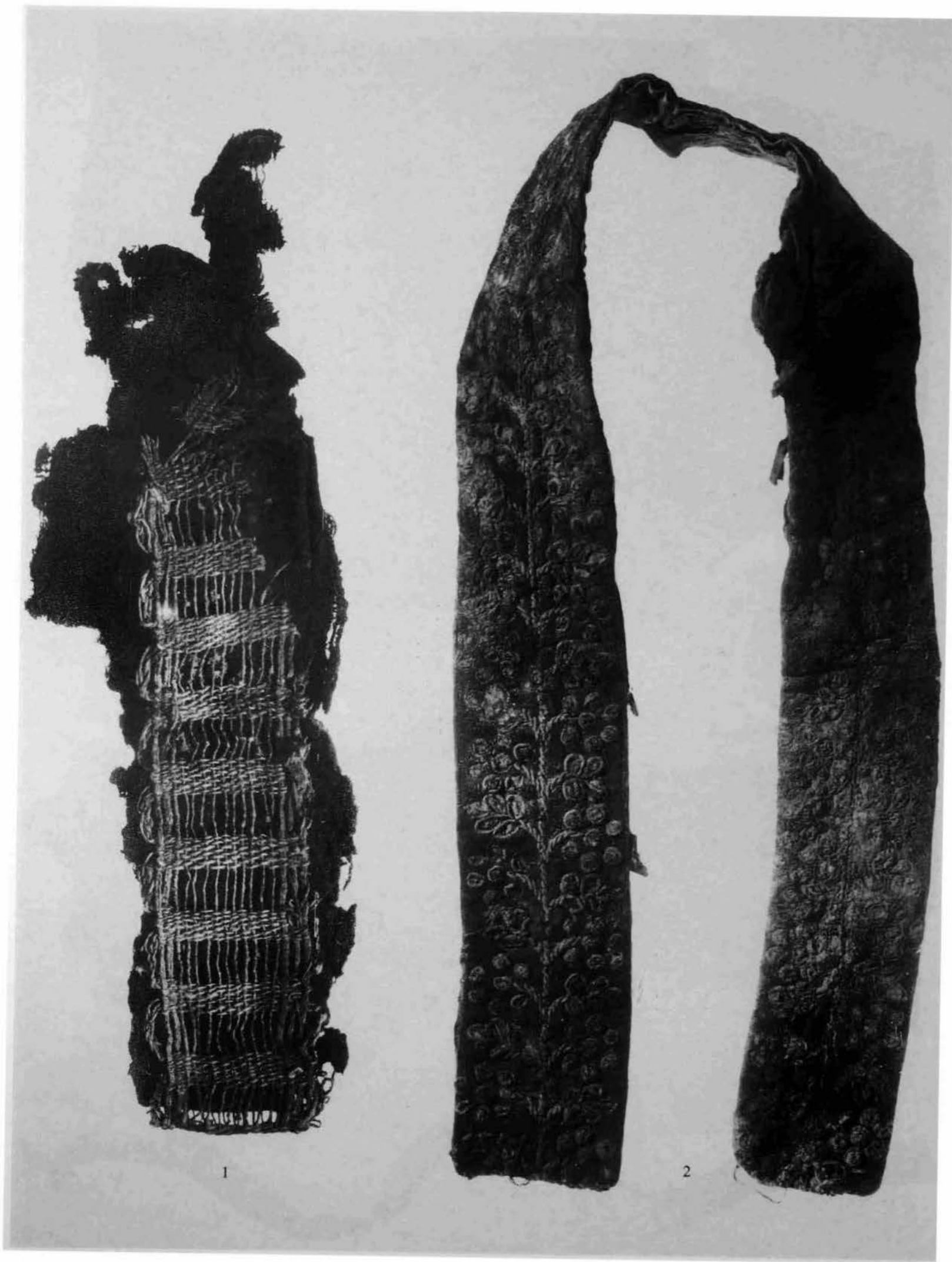

Рис. 105. Ткань с шитьем

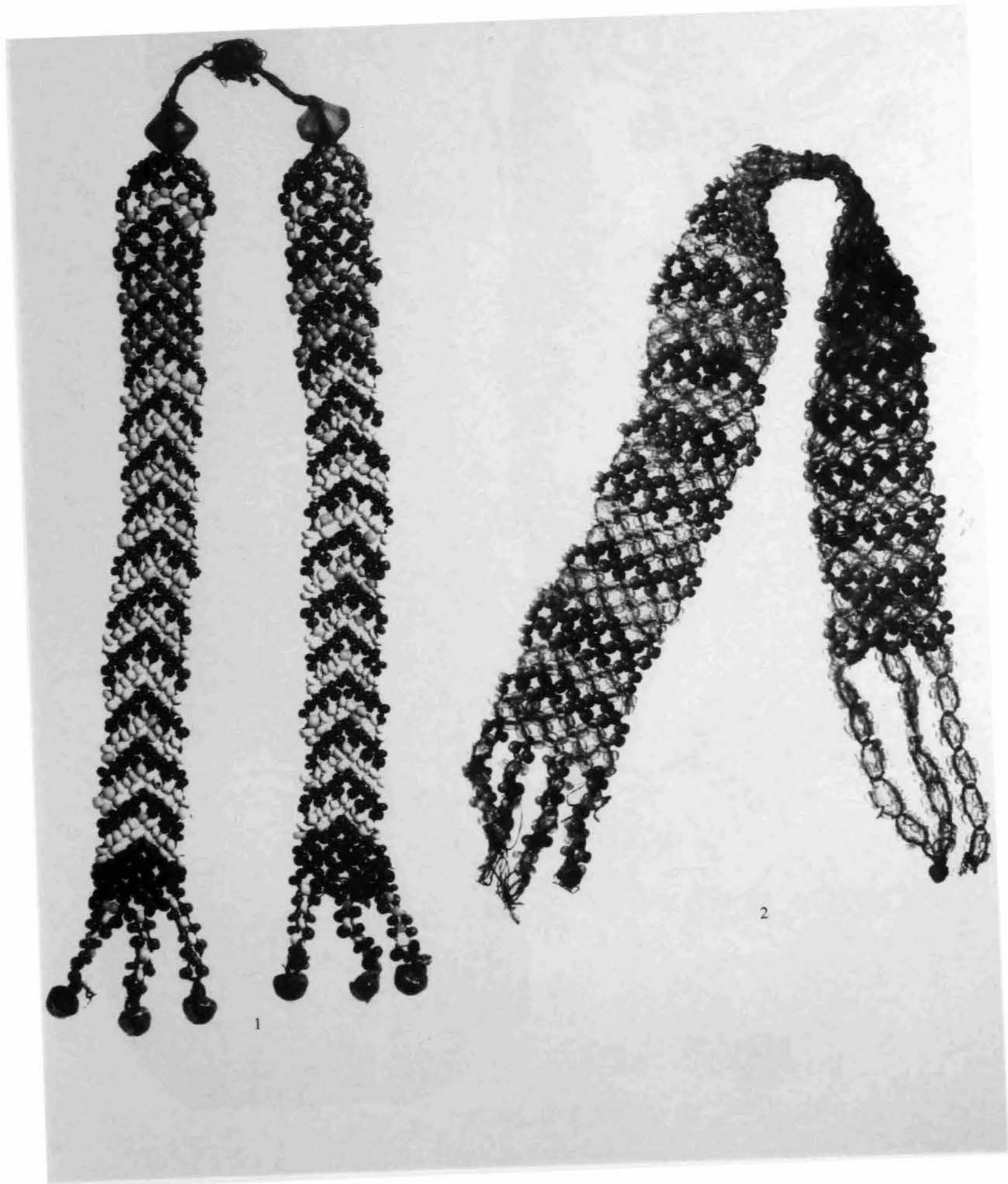

Рис. 106. Украшения из бисера

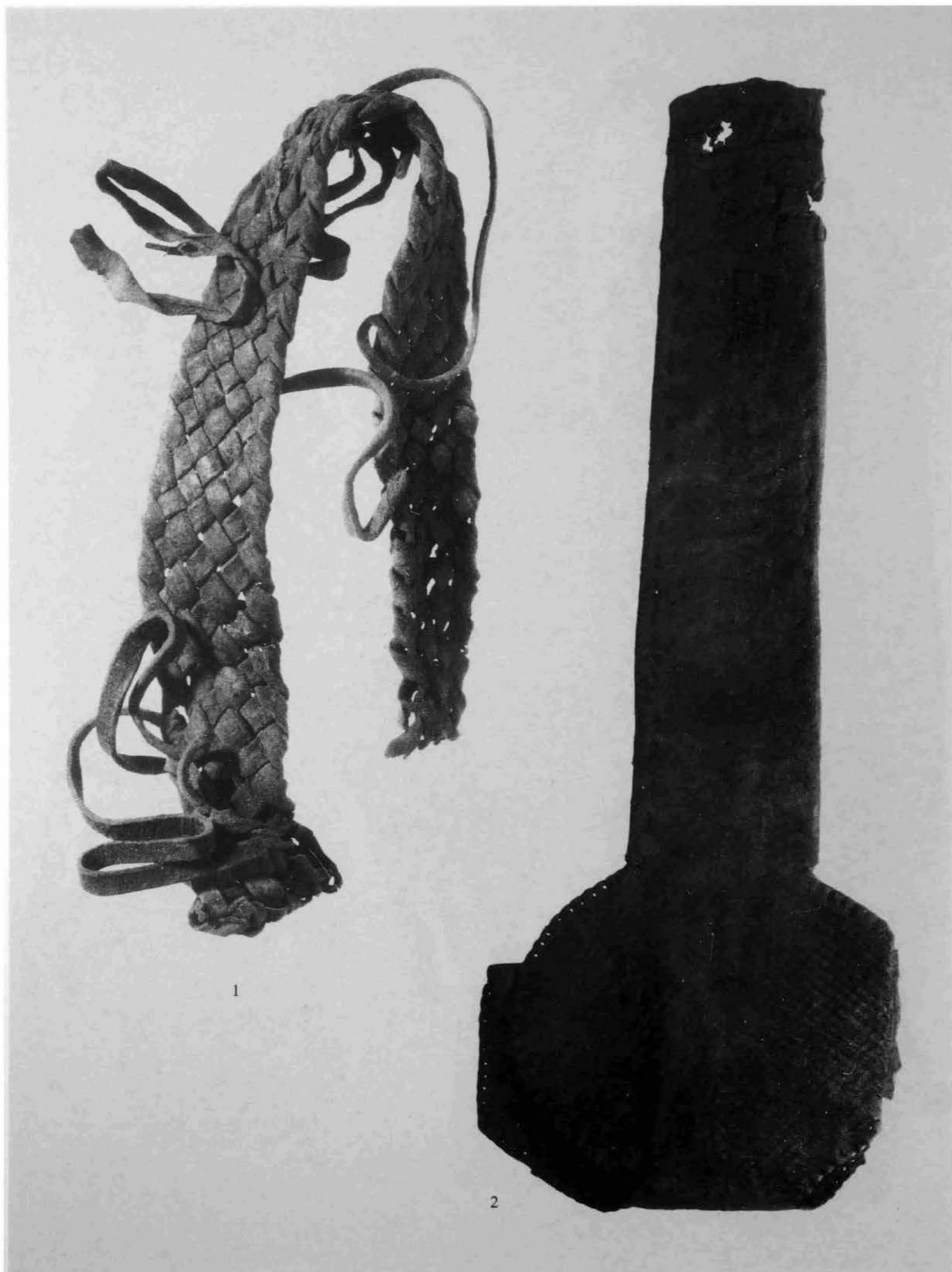

Рис. 107. Поясок и кожаный предмет для прикрытия женских половых органов (вороп)

OSTIACCHI DI OBDORSK

Рис. 108. Обдорские остяки (по Sommer, 1887)

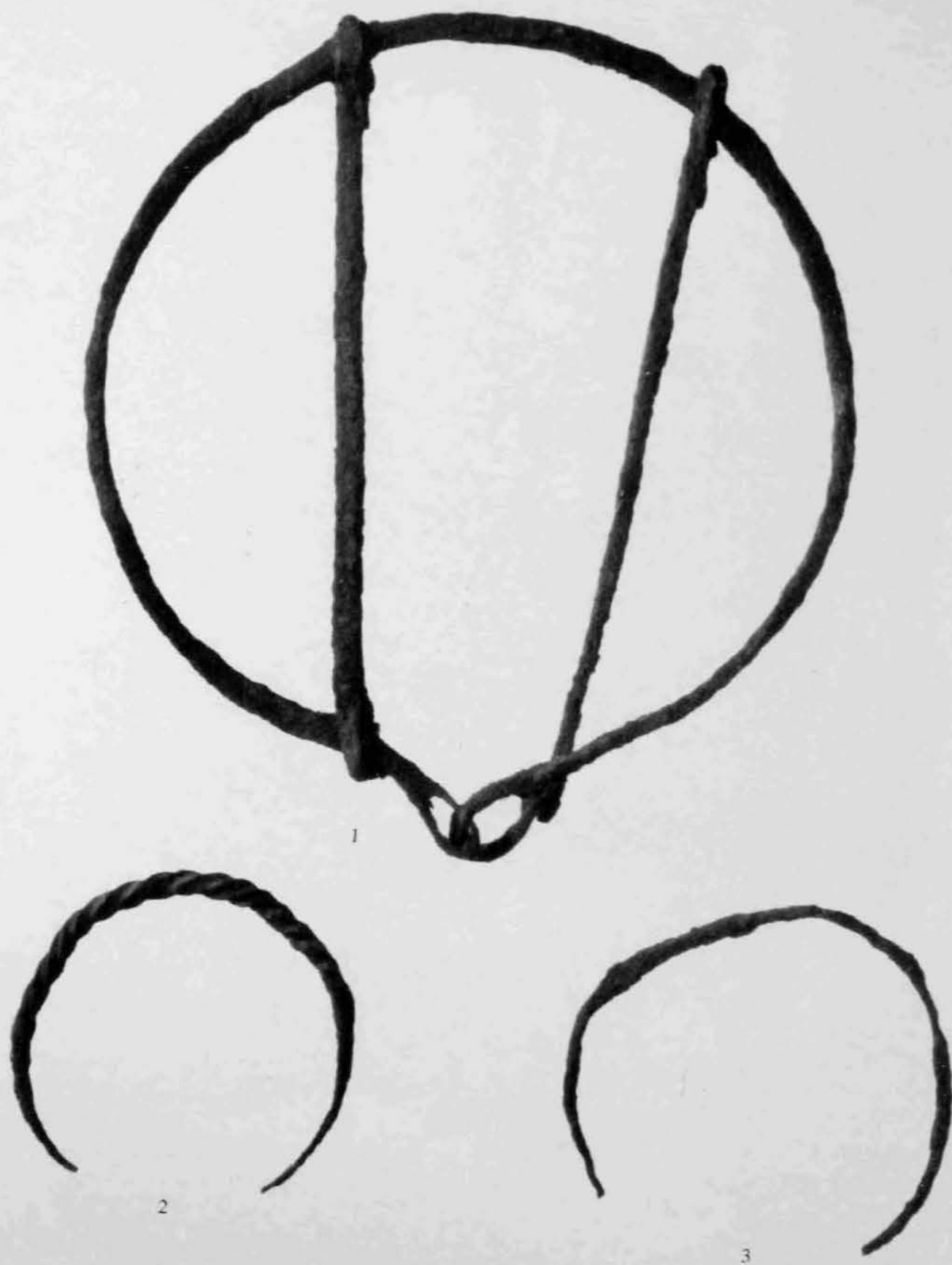

Рис. 109. Пряжка от женского пояса из железа

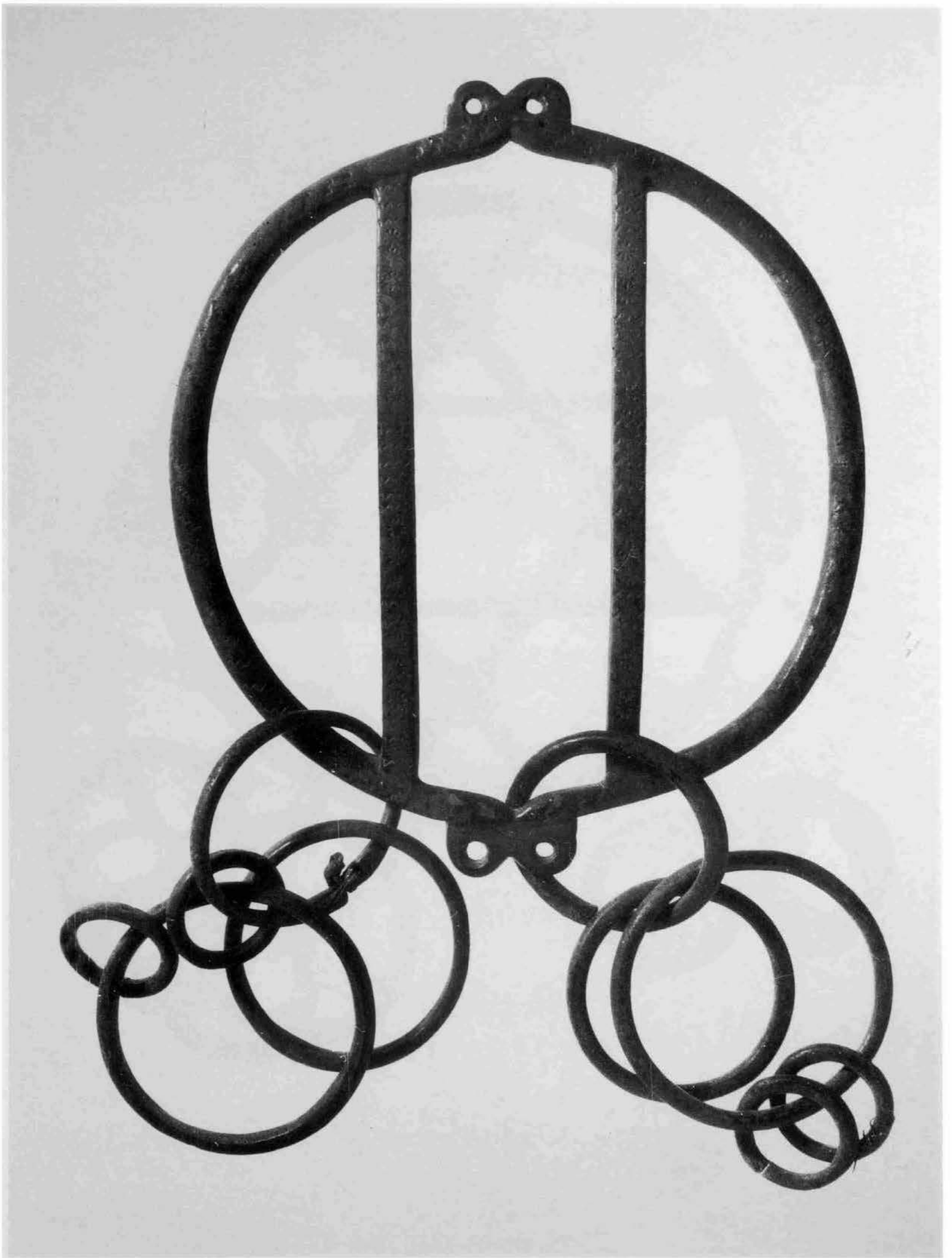

Рис. 110. Пряжка от женского пояса из меди

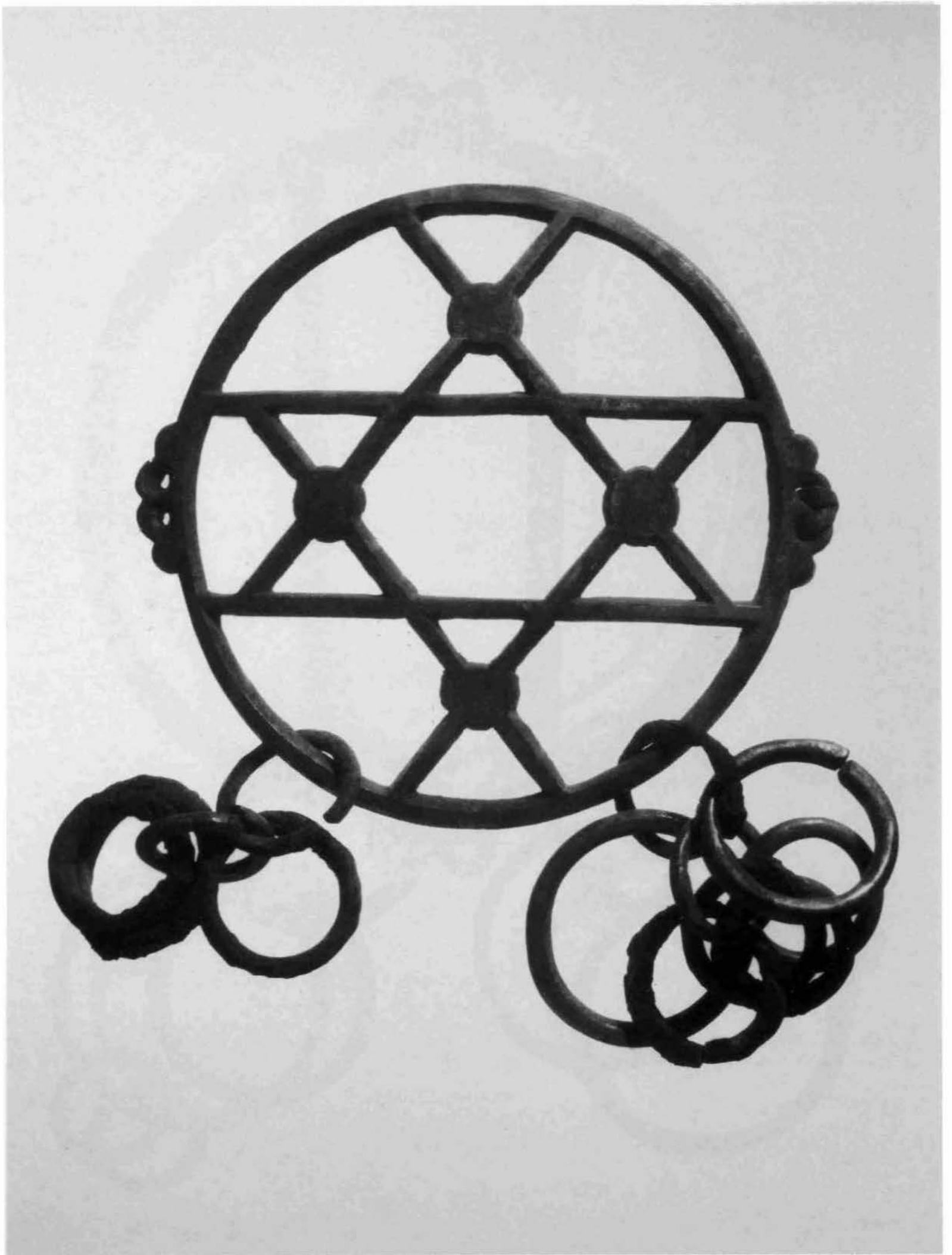

Рис. 111. Пряжка от женского пояса из меди

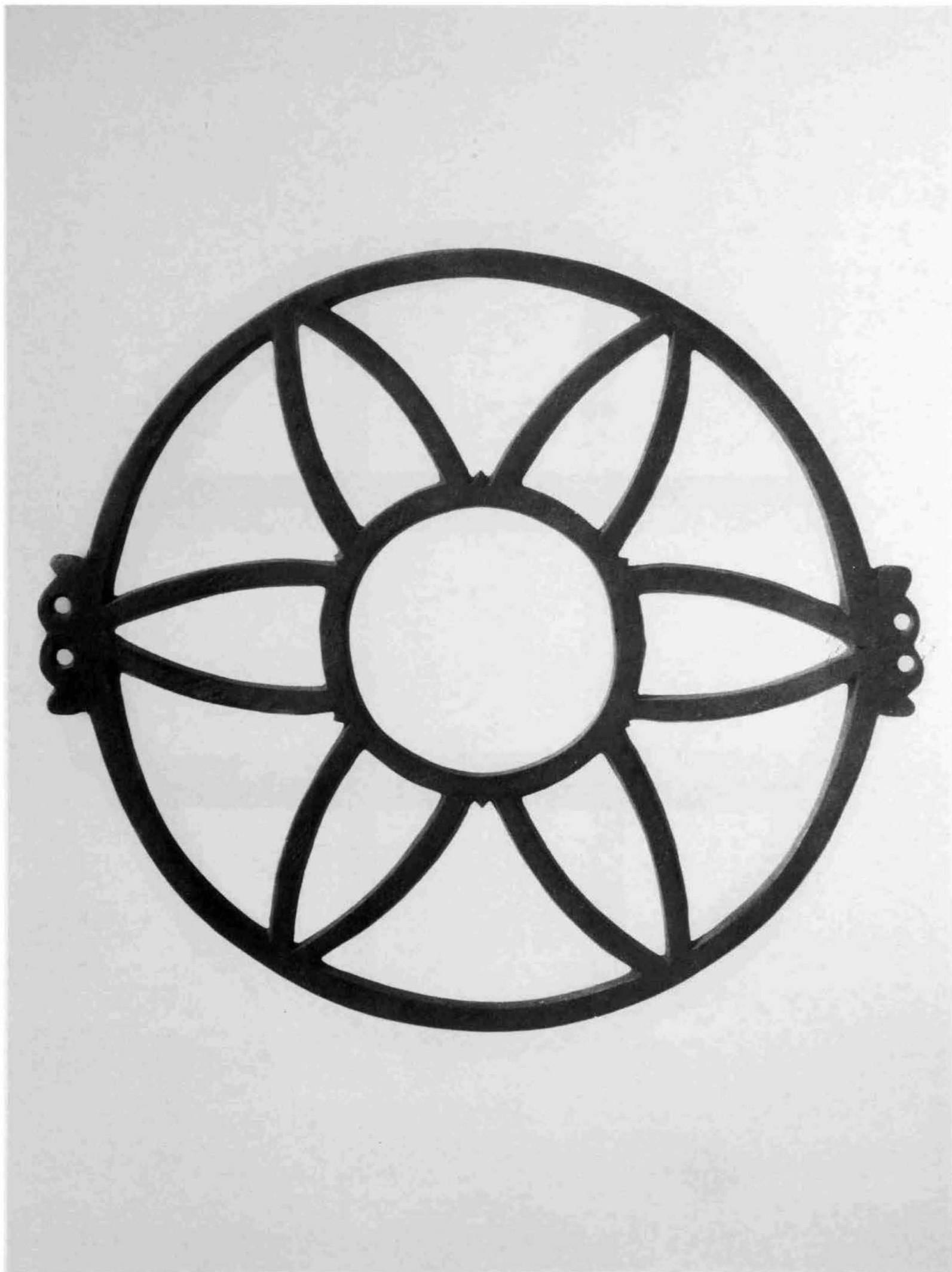

Рис. 112. Пряжка от женского пояса из меди

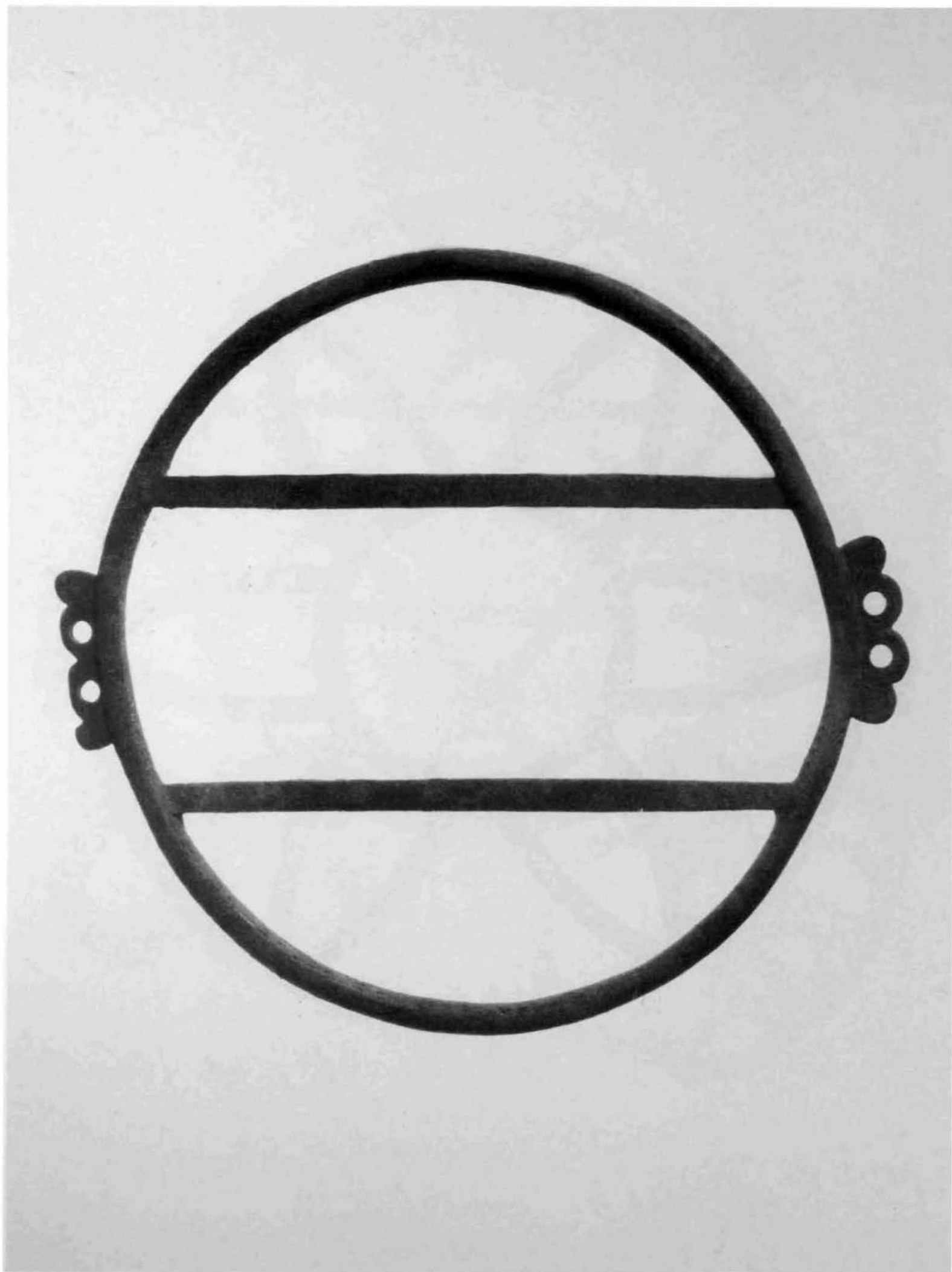

Рис. 113. Пряжка от женского пояса из меди

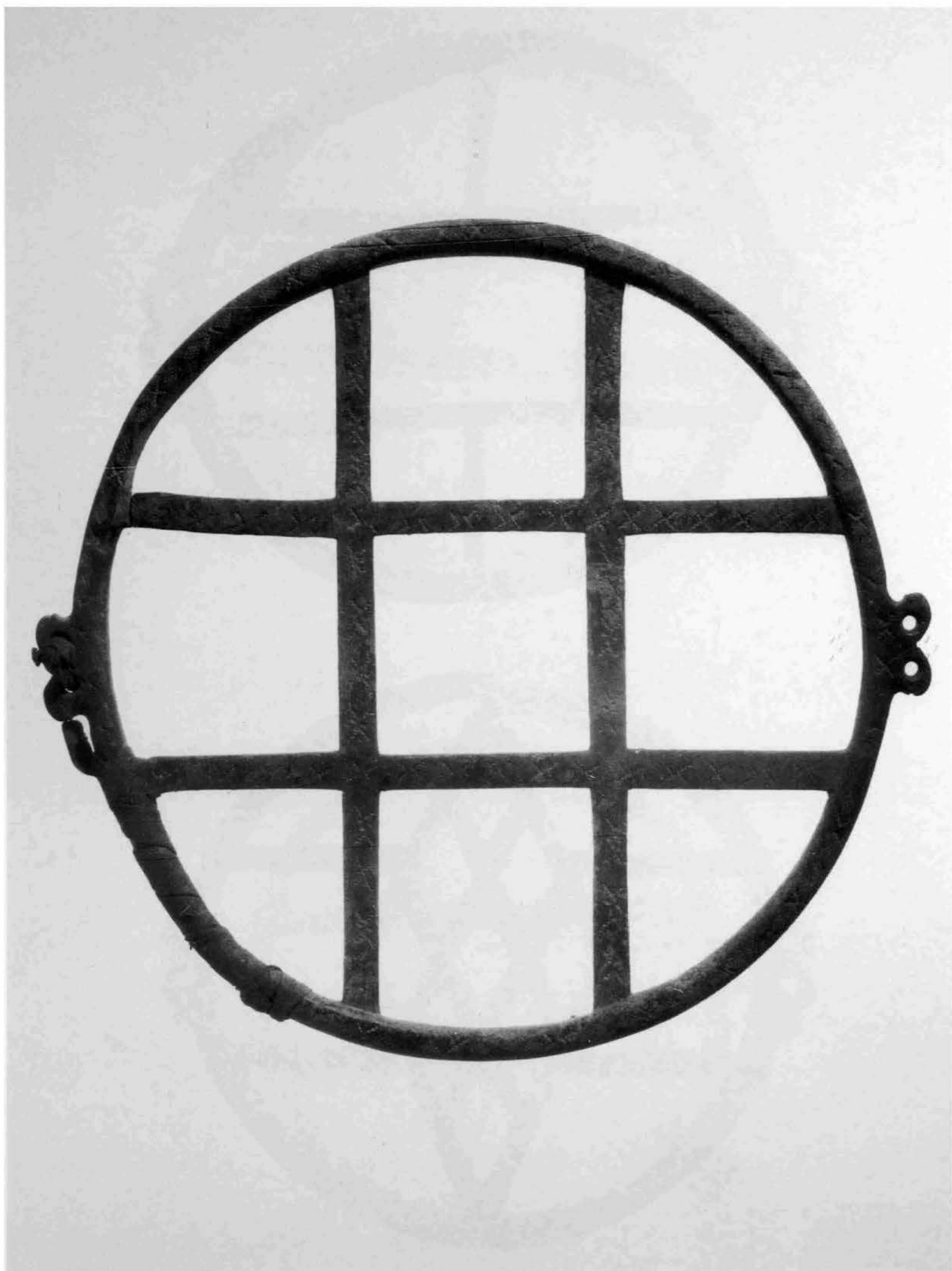

Рис. 114. Пряжка от женского пояса из меди

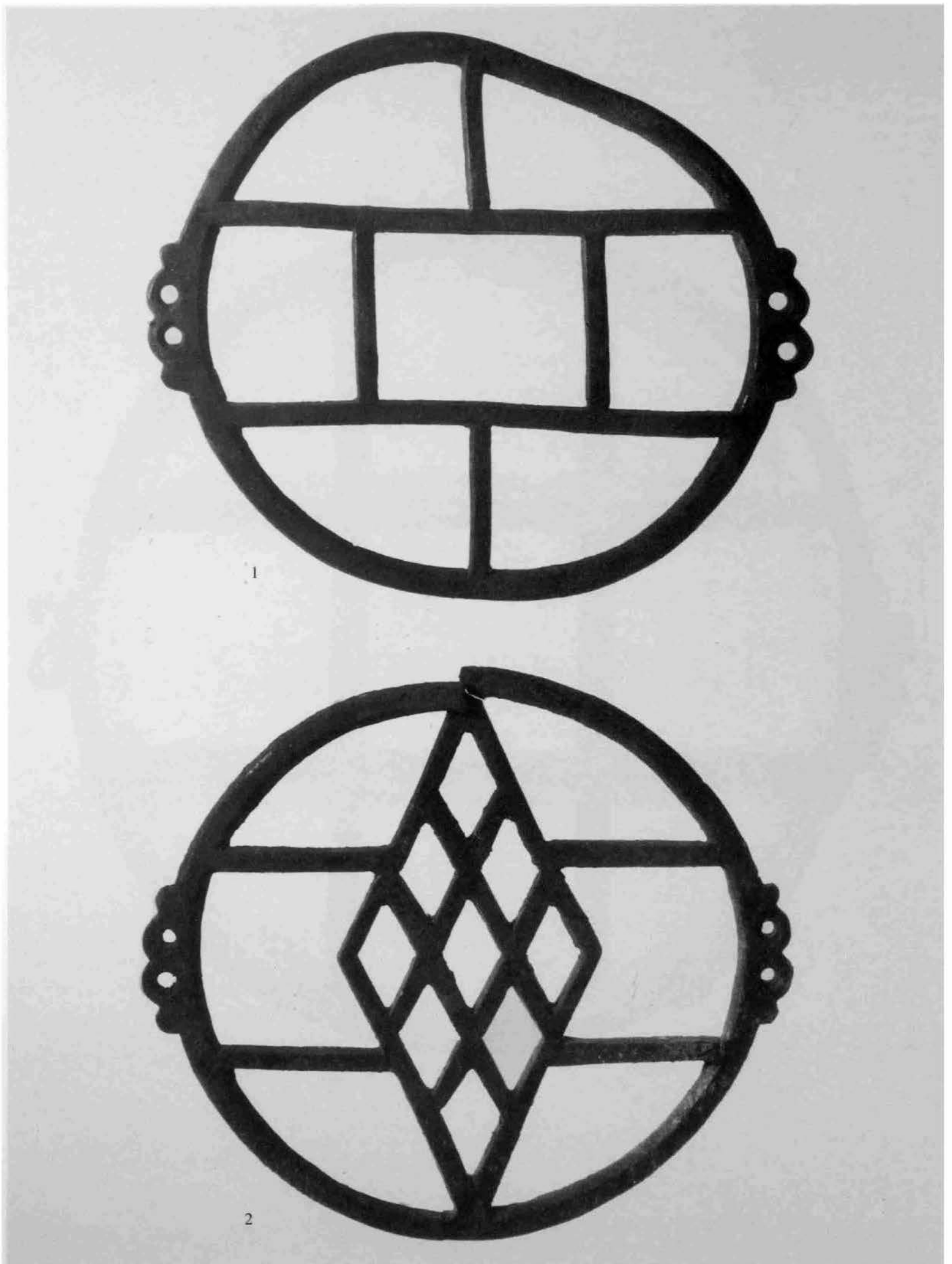

Рис. 115. Пряжки от женского пояса из меди

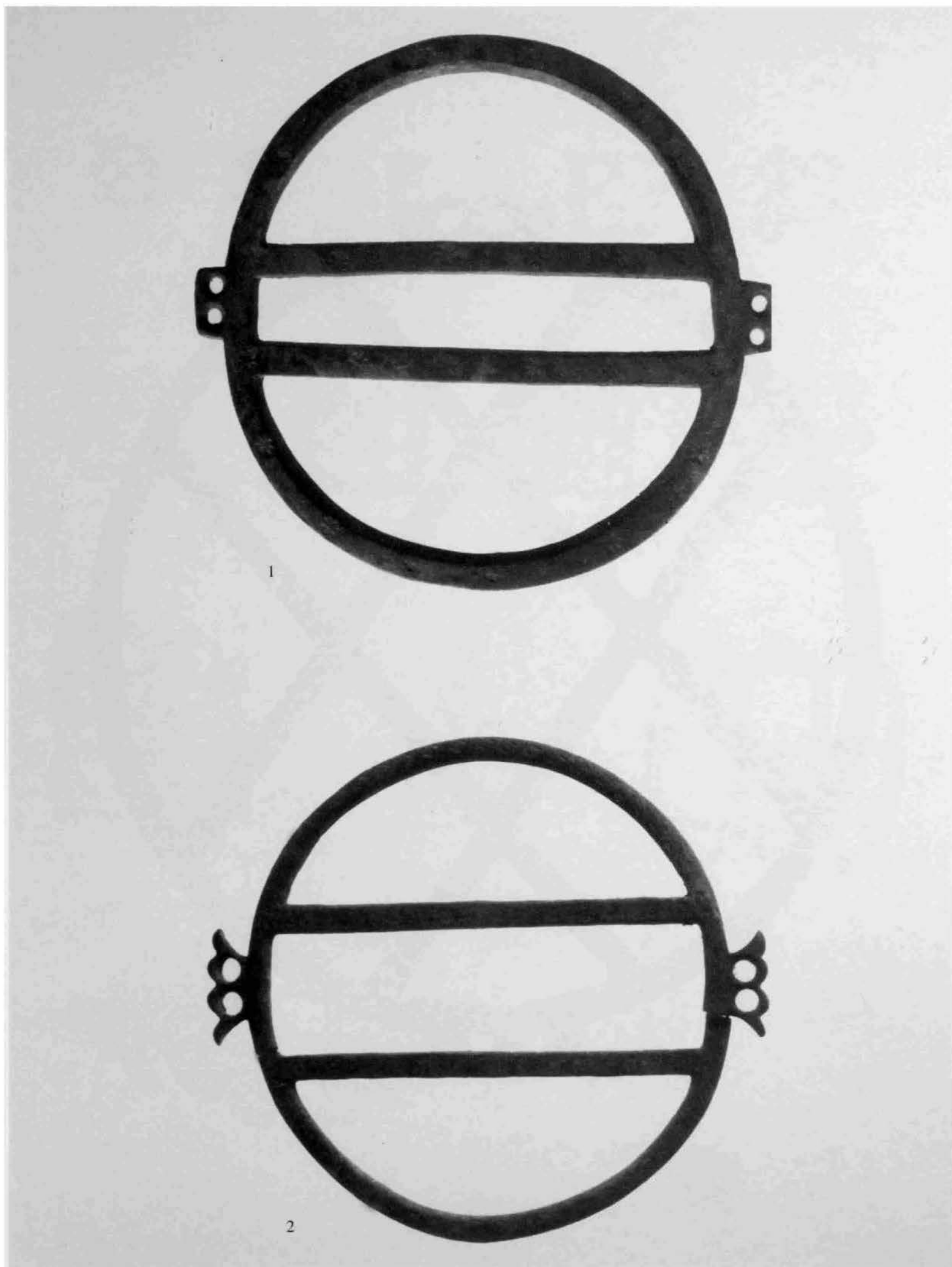

Рис. 116. Пряжки от женского пояса из меди

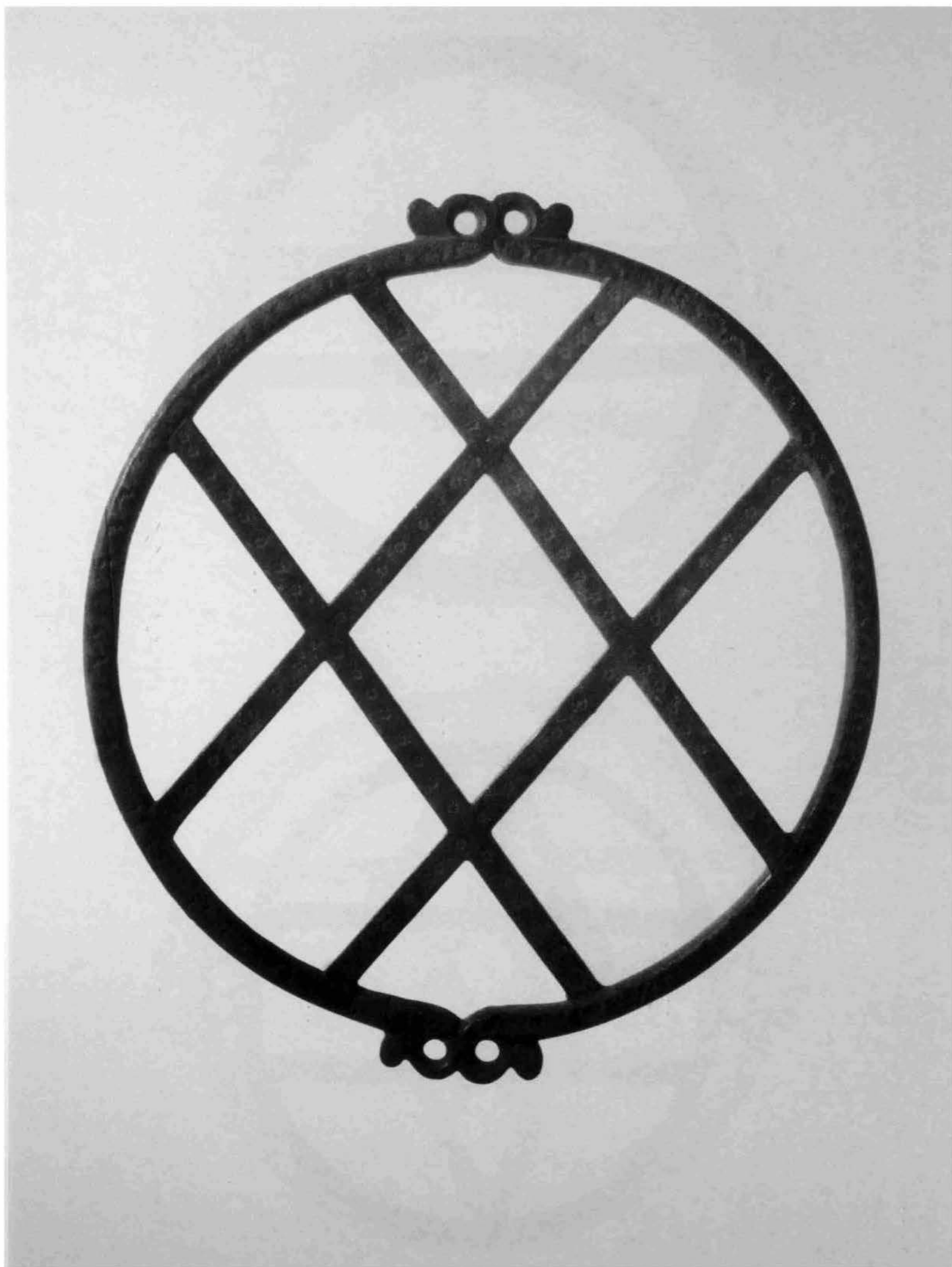

Рис. 117. Пряжка от женского пояса из меди

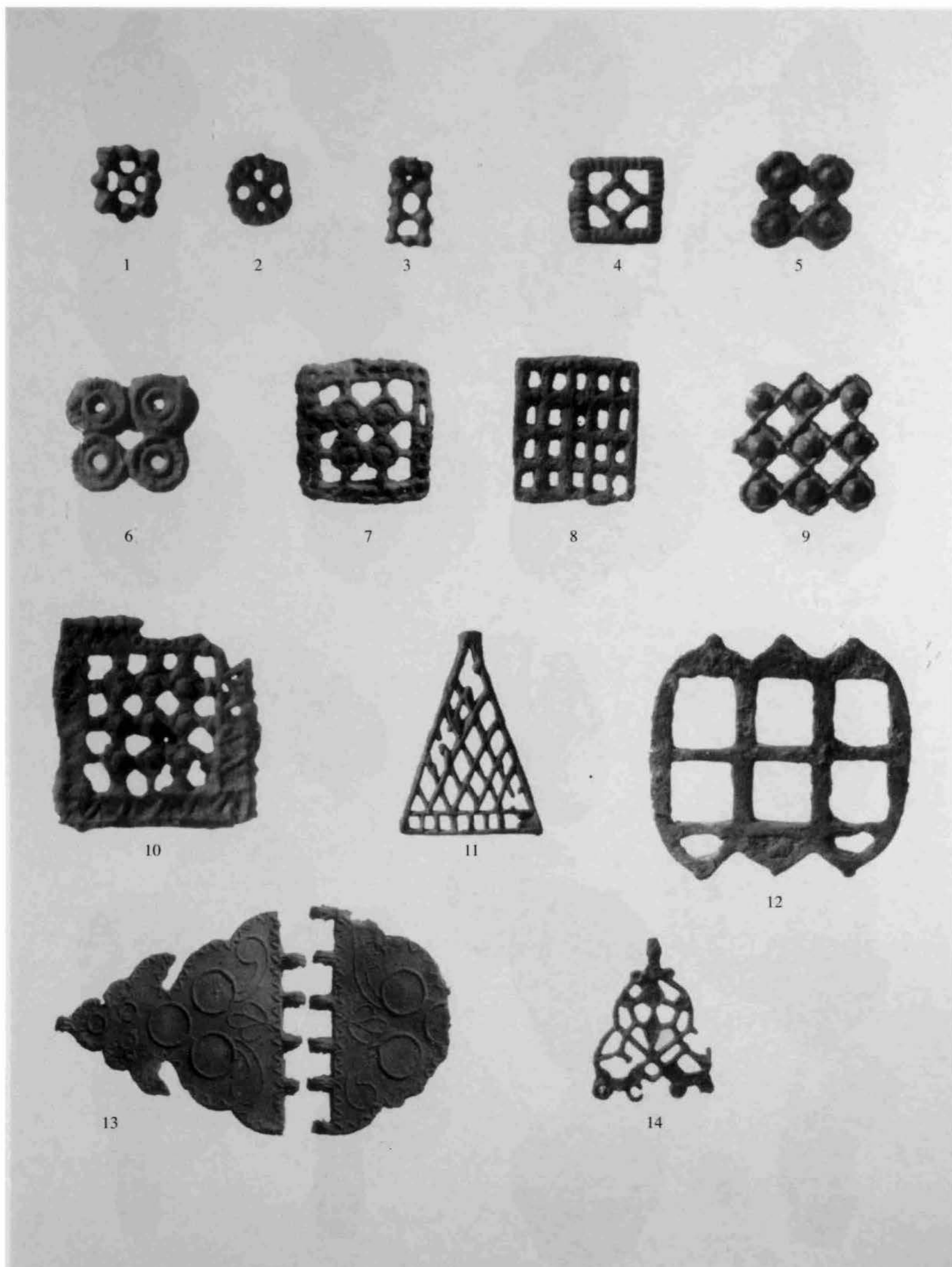

Рис. 118. Оловянные отливки

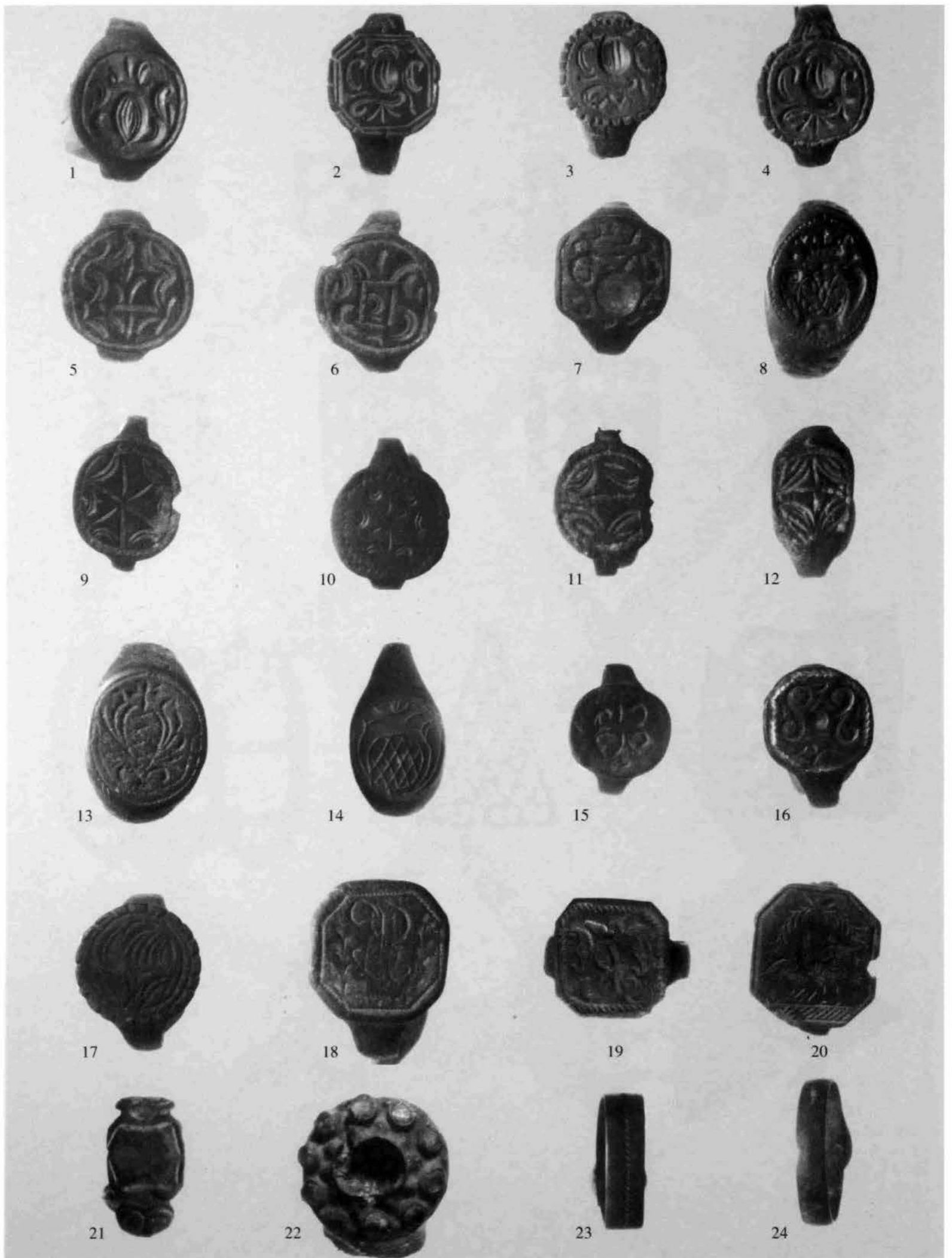

Рис. 119. Перстни и кольца

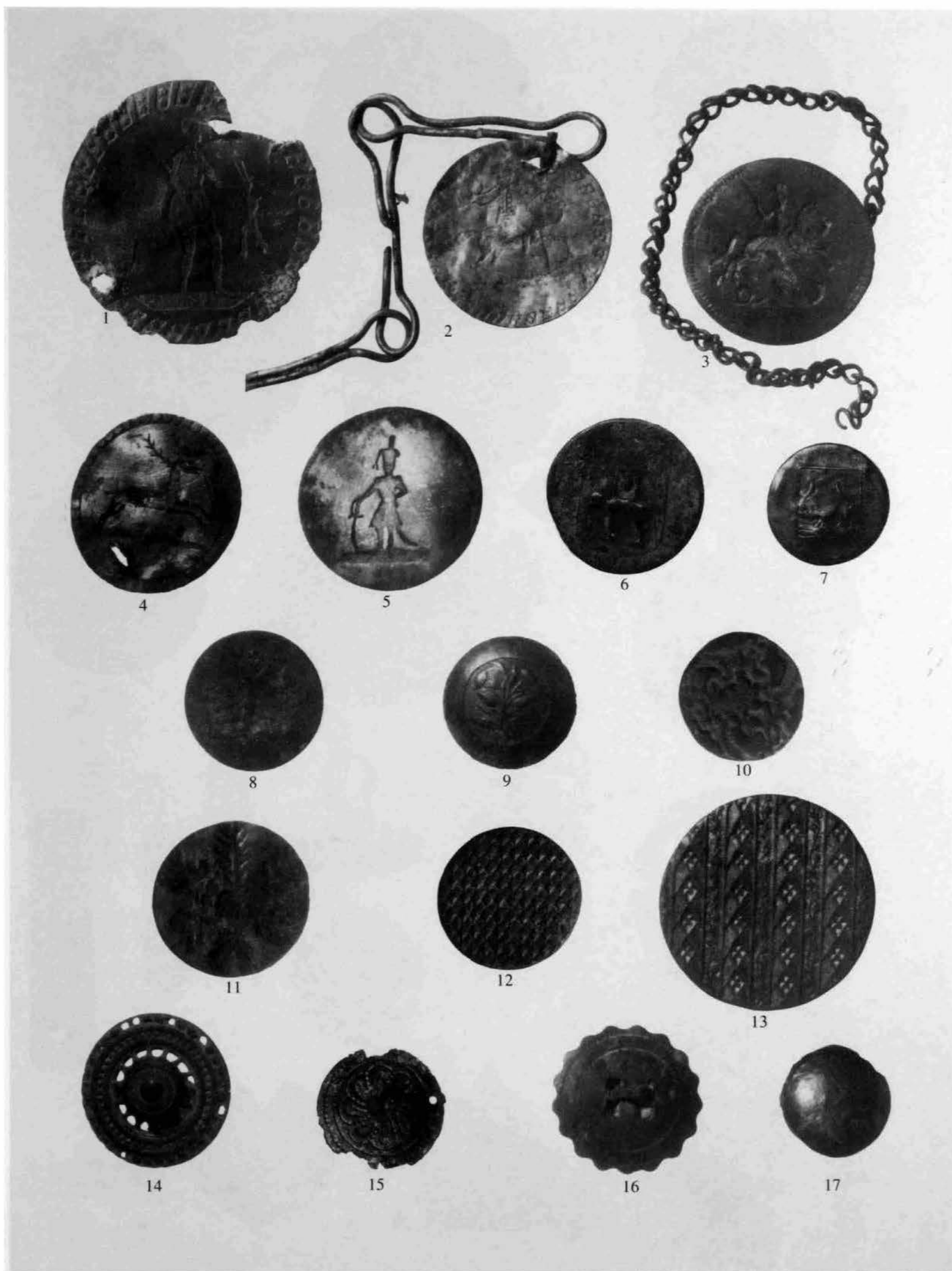

Рис. 120. Пуговицы и сбруйное украшение (16) 105

Рис. 121. Пуговицы и нашивные украшения

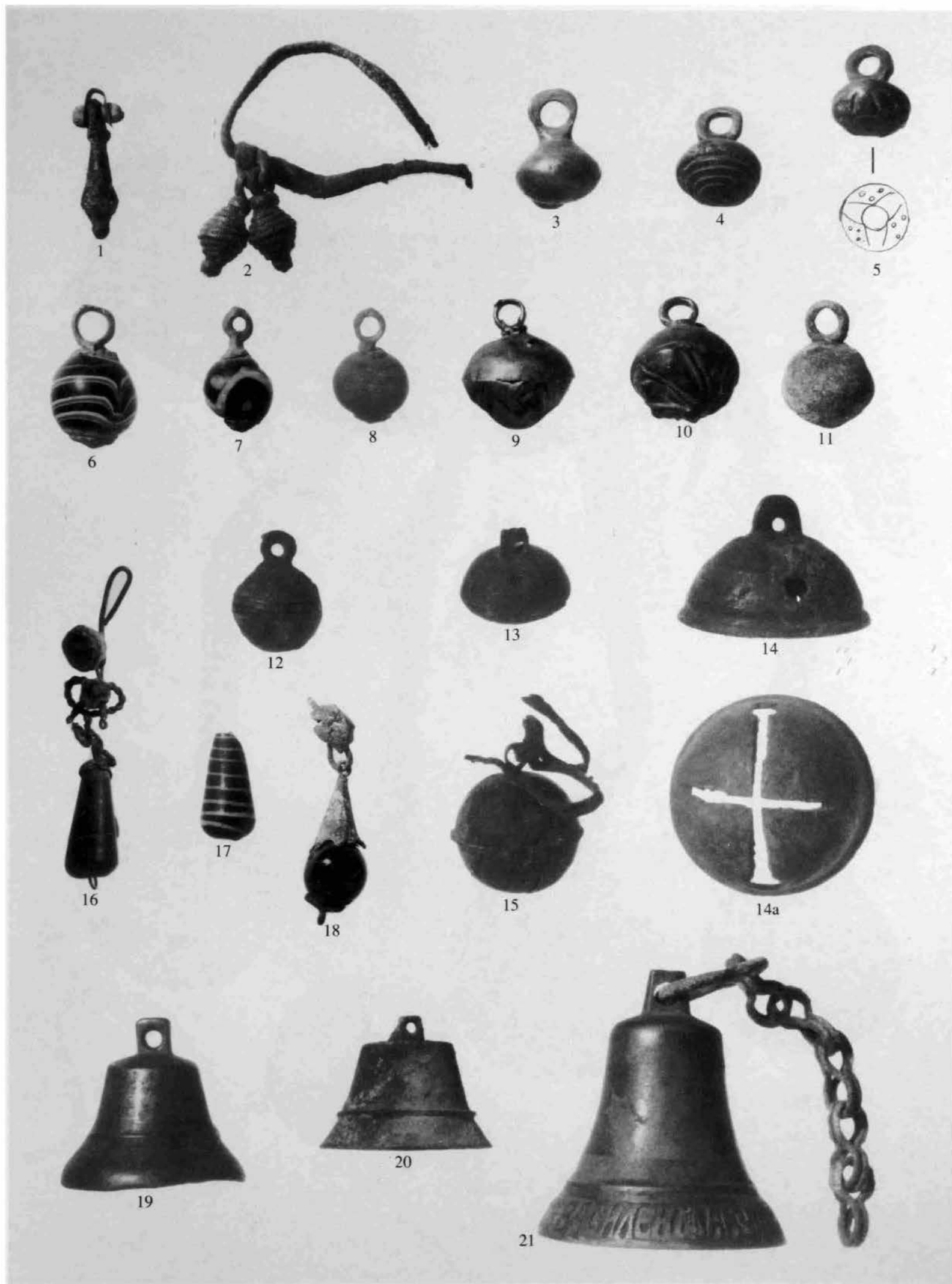

Рис. 122. Бусы, бубенчики и колокольцы

Рис. 123. Украшение шапки (?) в виде лунницы с подвесками

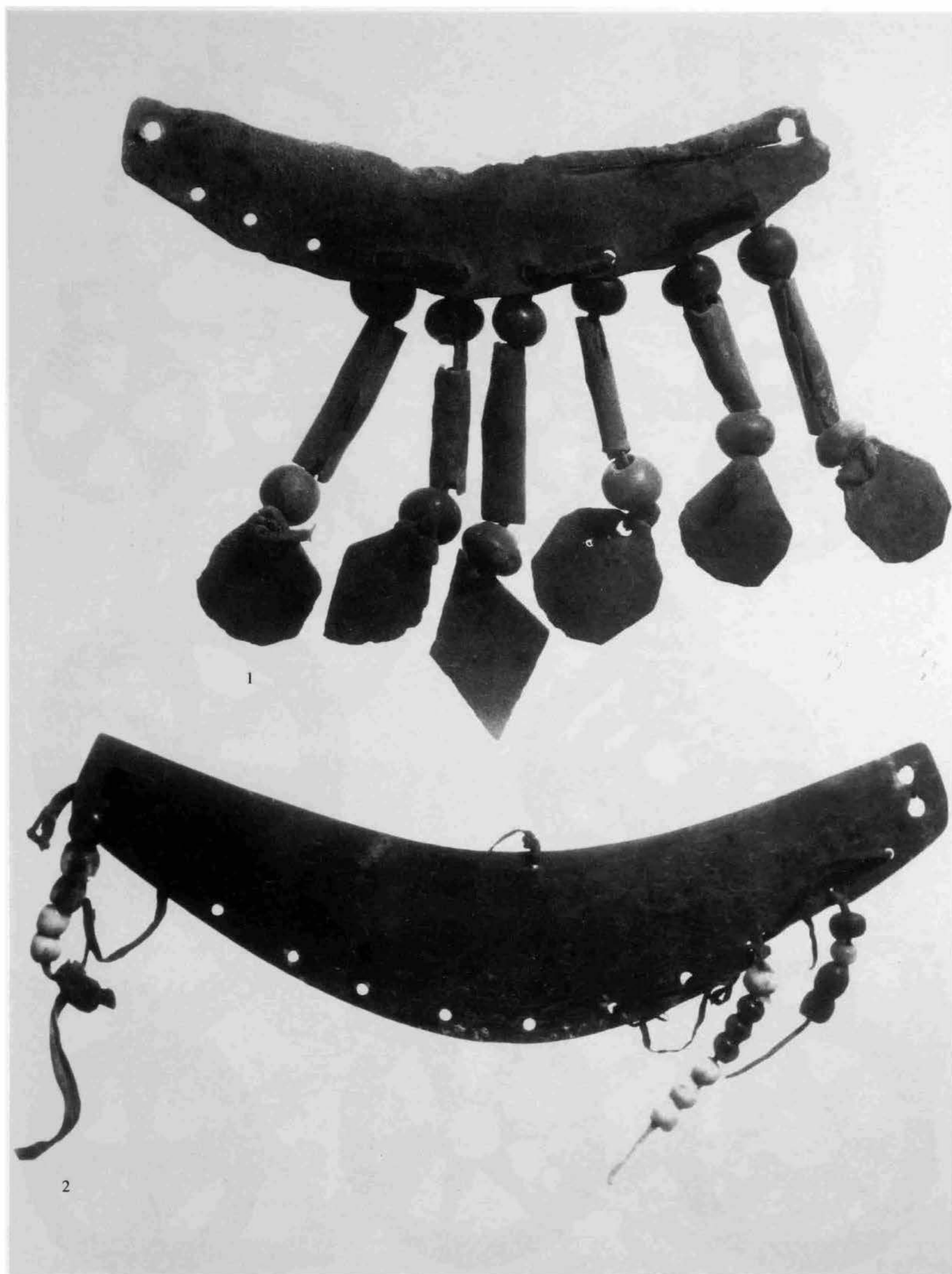

Рис. 124. Украшения шапки (?) в виде лунницы с подвесками

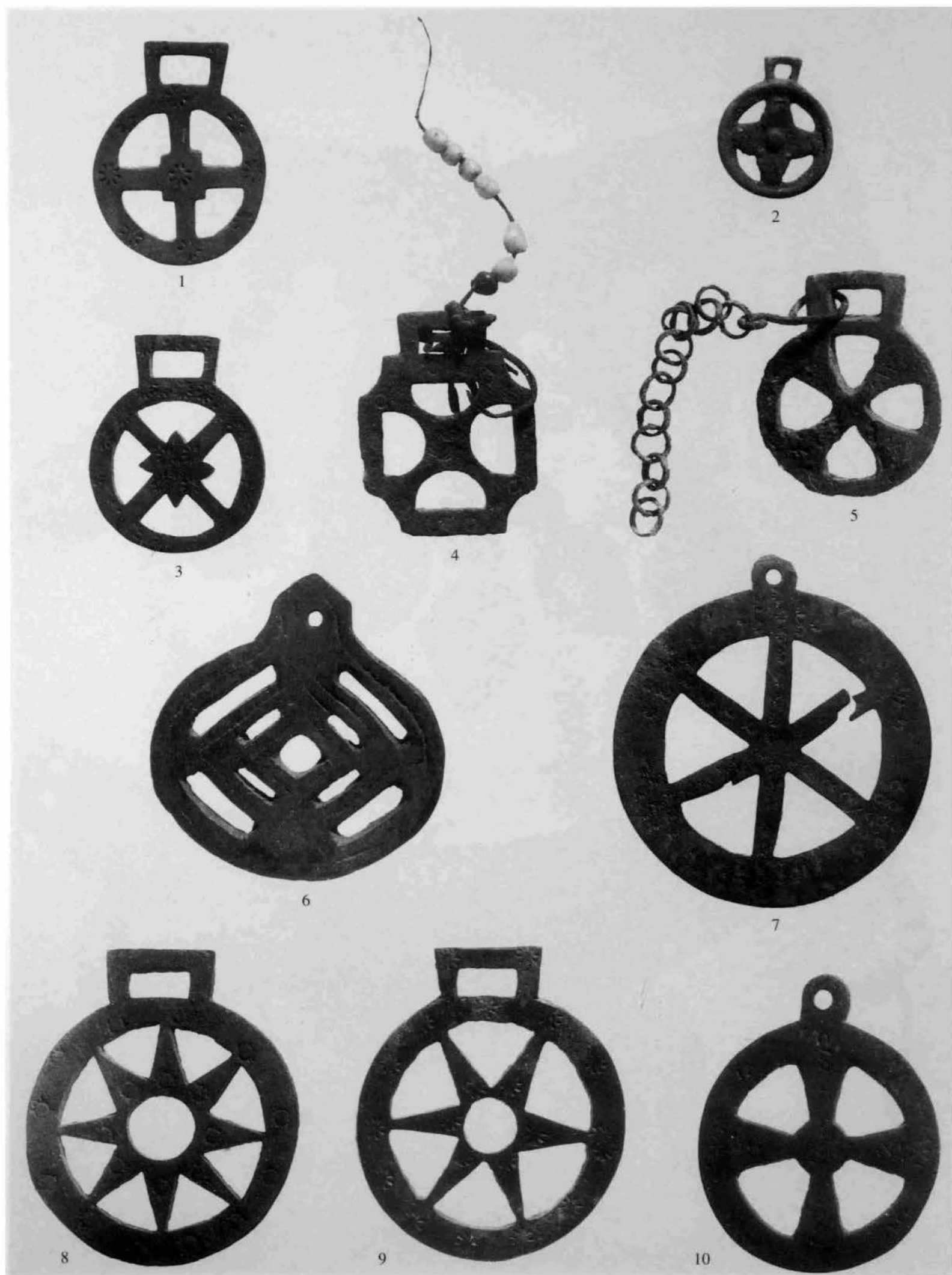

Рис. 125. Ажурные медные бляхи-подвески

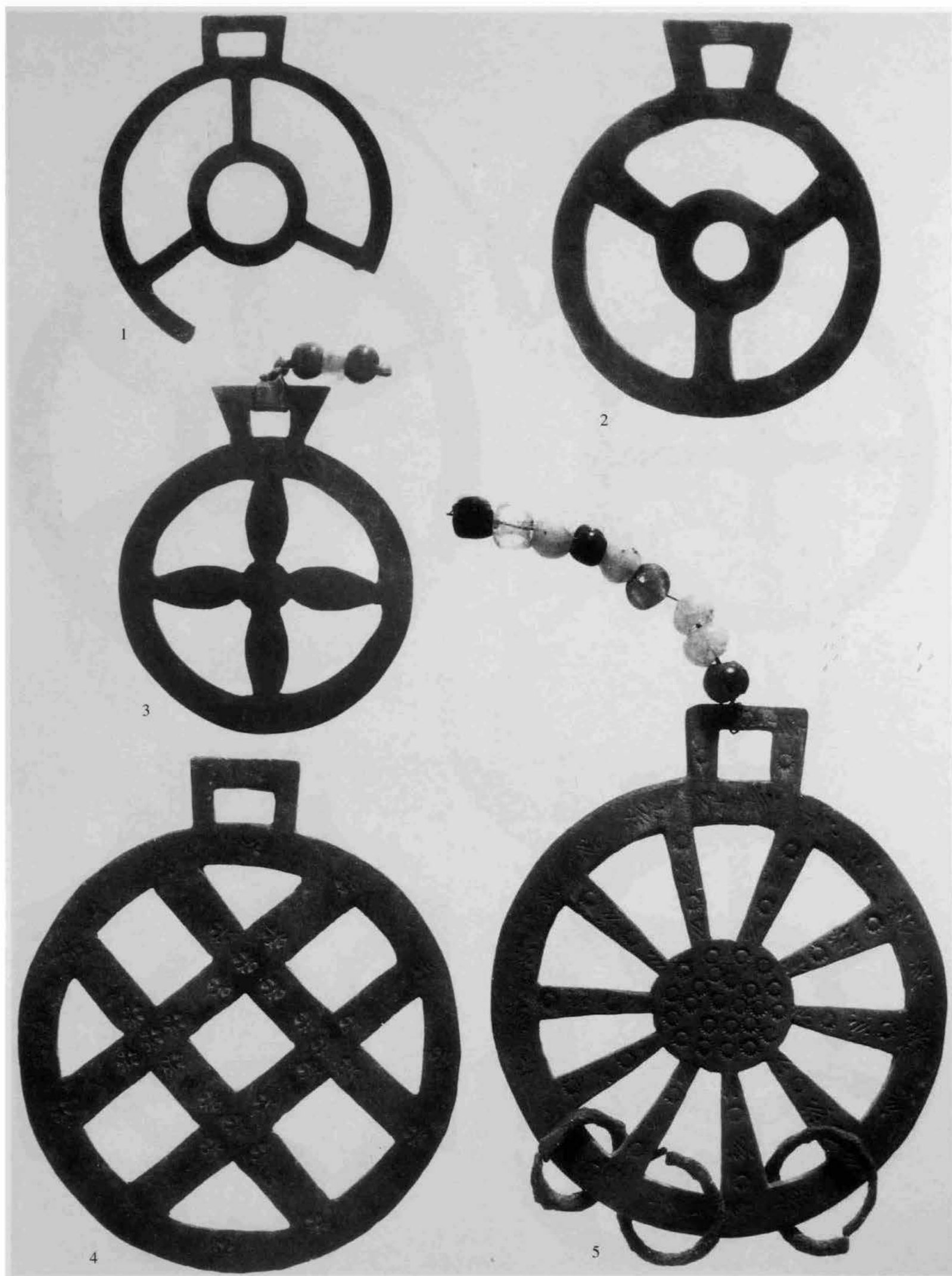

Рис. 126. Ажурные медные бляхи-подвески

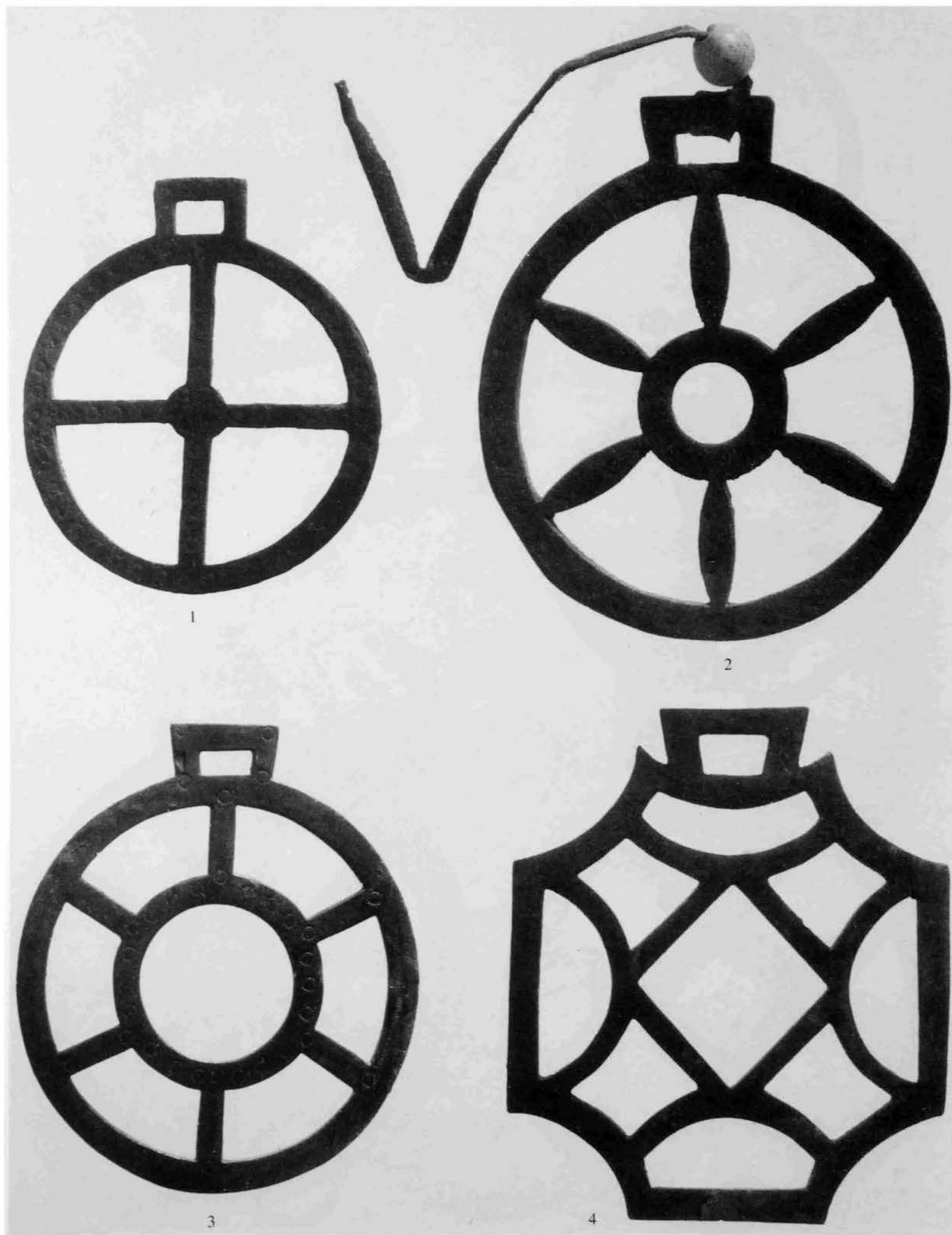

Рис. 127. Ажурные медные бляхи-подвески

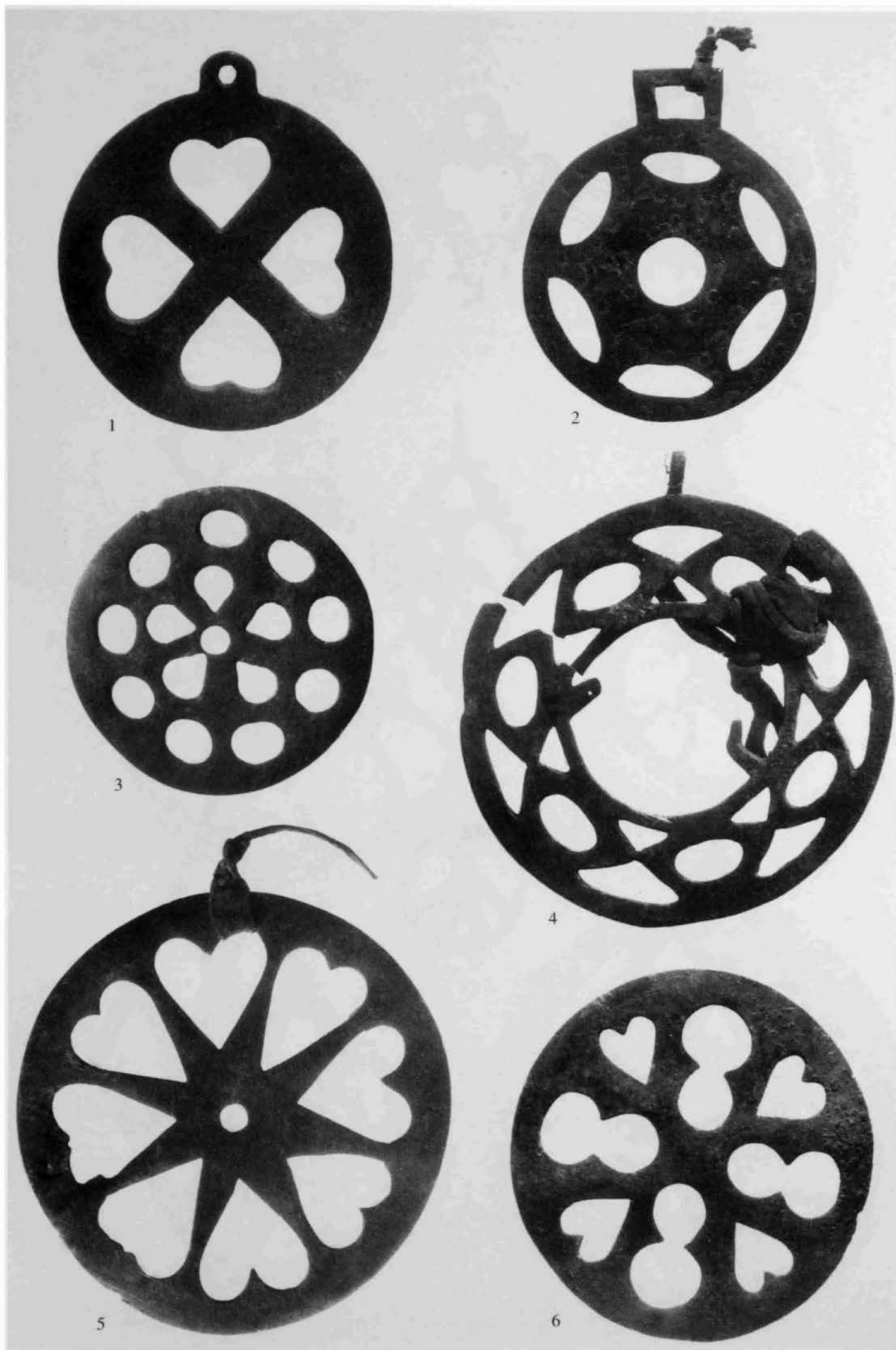

Рис. 128. Ажурные медные бляхи-подвески

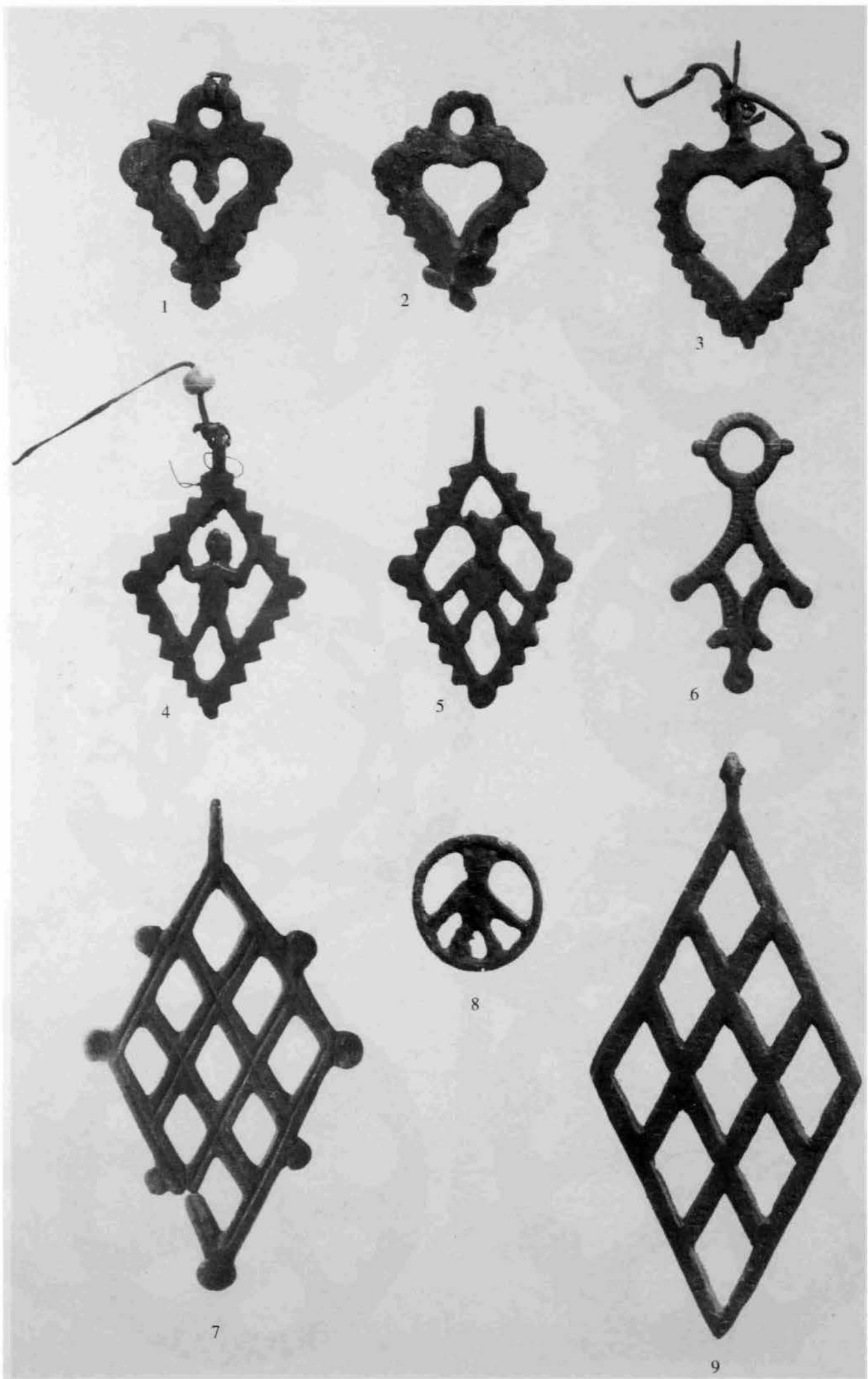

Рис. 129. Ажурные медные бляхи-подвески

Рис. 130. Ажурные медные бляхи-подвески с изображениями коньков

Рис. 131. Медные и оловянные бляхи-подвески с изображениями птиц

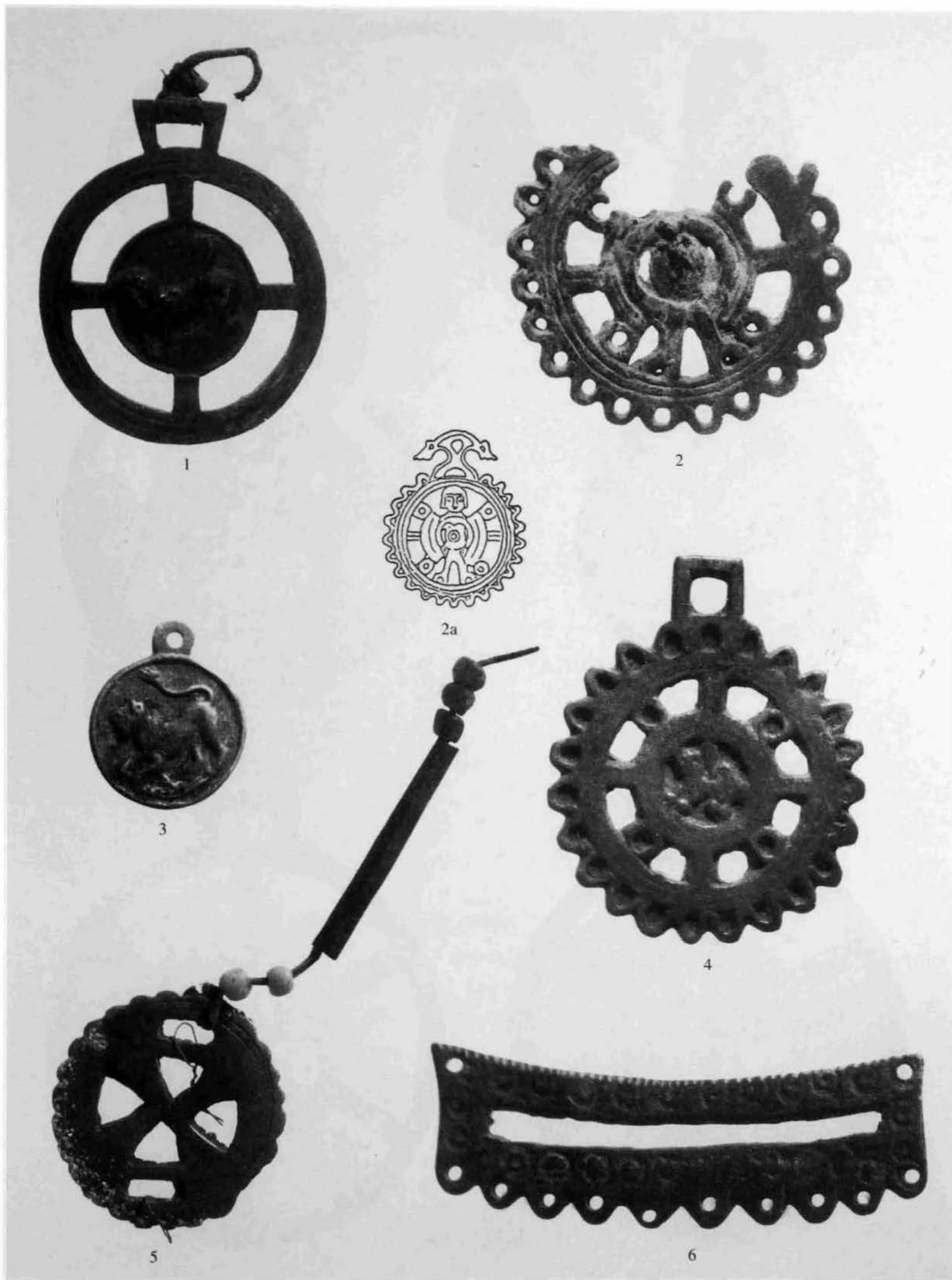

Рис. 132. Ажурные медные бляхи-подвески

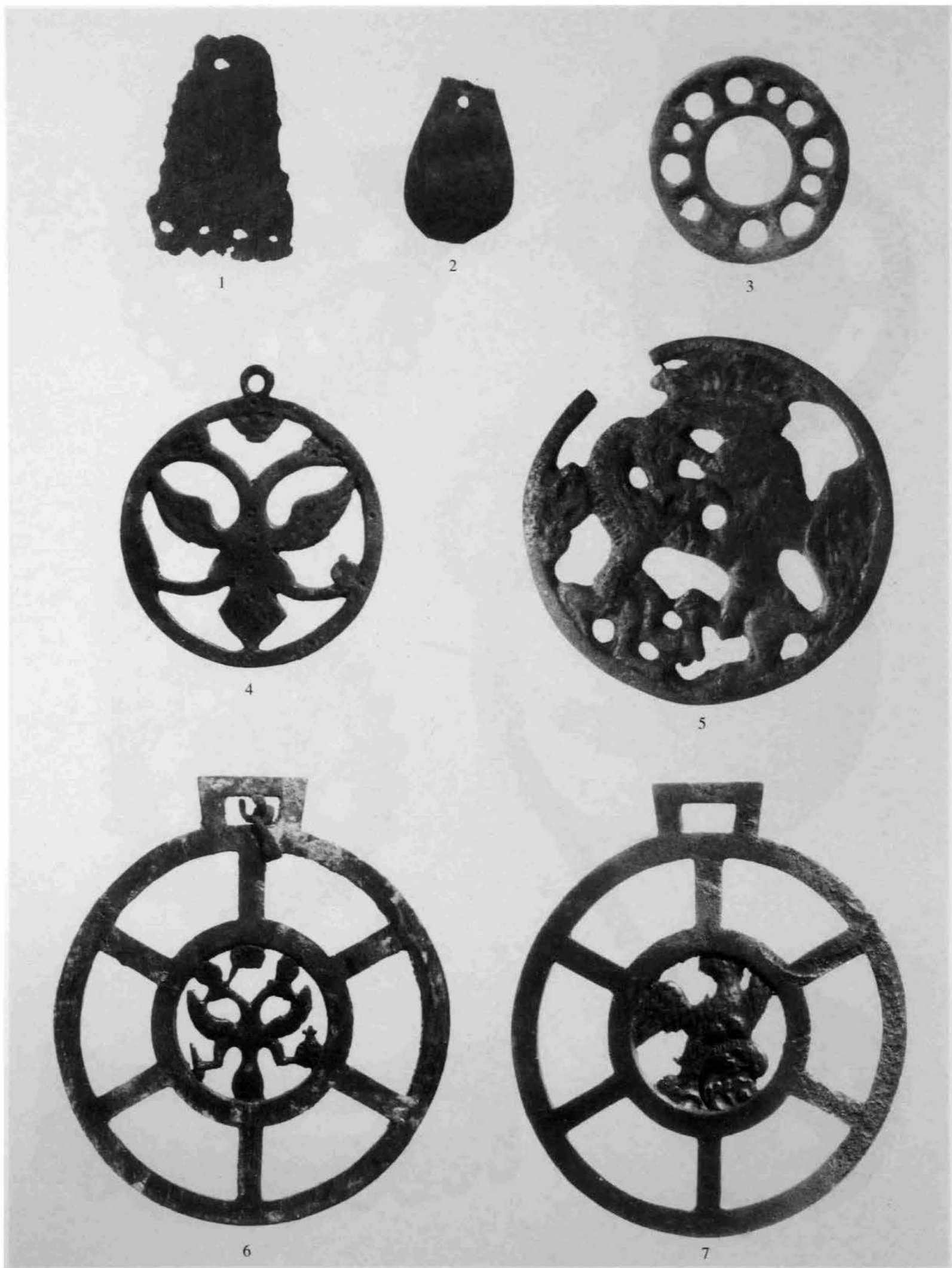

Рис. 133. Медные бляхи-подвески

Рис. 134. Медные бляхи-подвески с изображениями кентавров

Рис. 135. Медные бляхи-подвески с изображениями камлания в чуме, охотника, оленя, борьбы семиглавого зверя и льва, львов у мирового древа

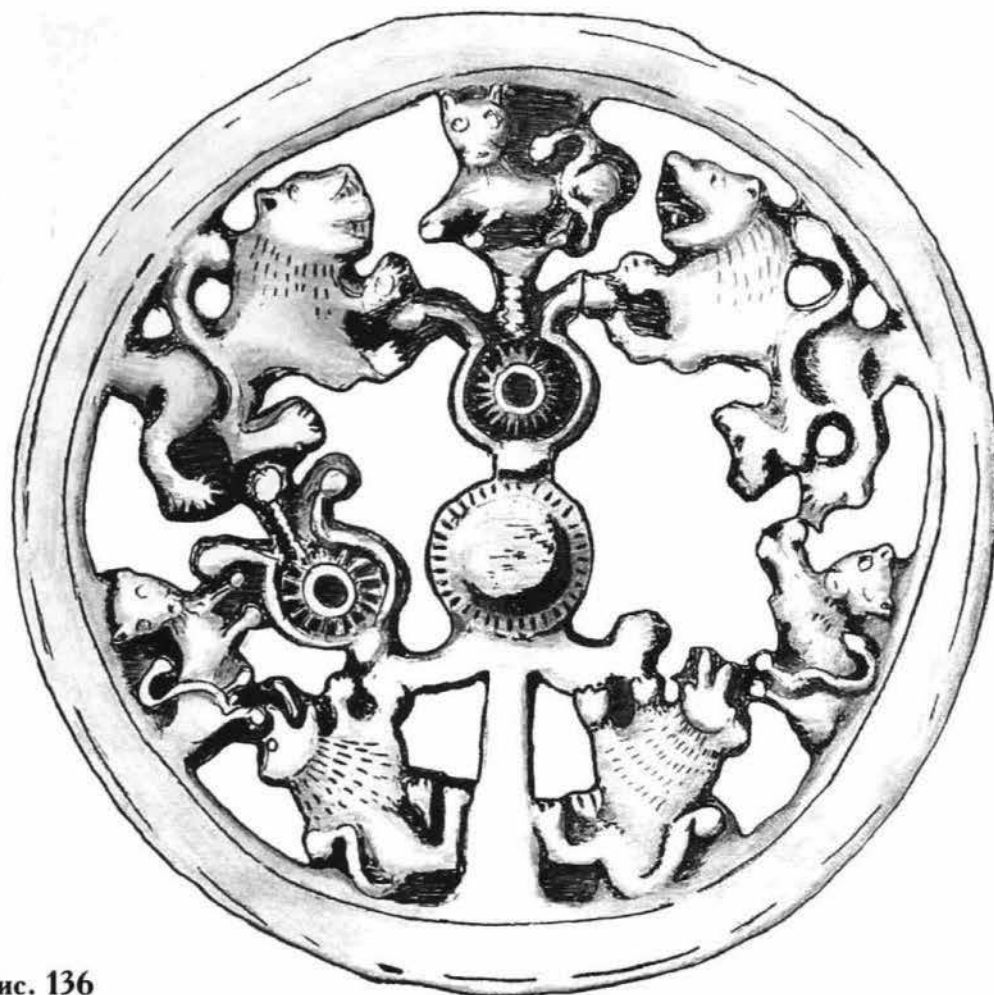

Рис. 136

Рис. 137

Рис. 138

Рис. 136. Ажурная медная бляха-подвеска с изображением семи львов у мирового дерева (Краеведческий музей в Салехарде)

Рис. 137. Бляха коновала. Медь, литье. Россия, вторая половина XIX в. (Музей этнографии народов России)

Рис. 138. Копия XIX в. с изразца XVII в., выполненная на заводе В.А. Аксенова для реставрации трапезной палаты Борисоглебского монастыря возле Ростова (Ярославский музей-заповедник)

Рис. 139. Медные бляхи-подвески с изображениями всадников

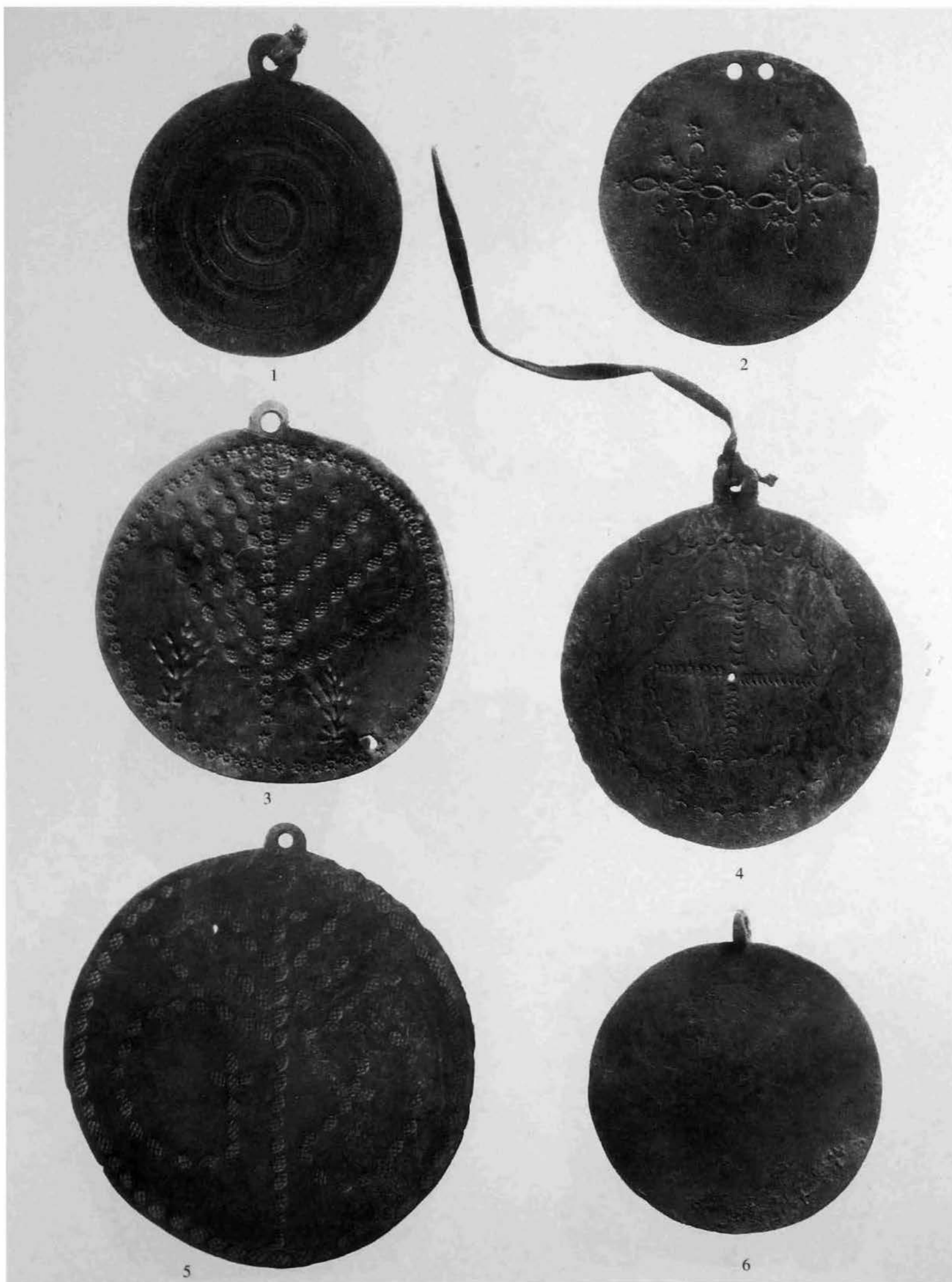

Рис. 140. Медные бляхи-подвески

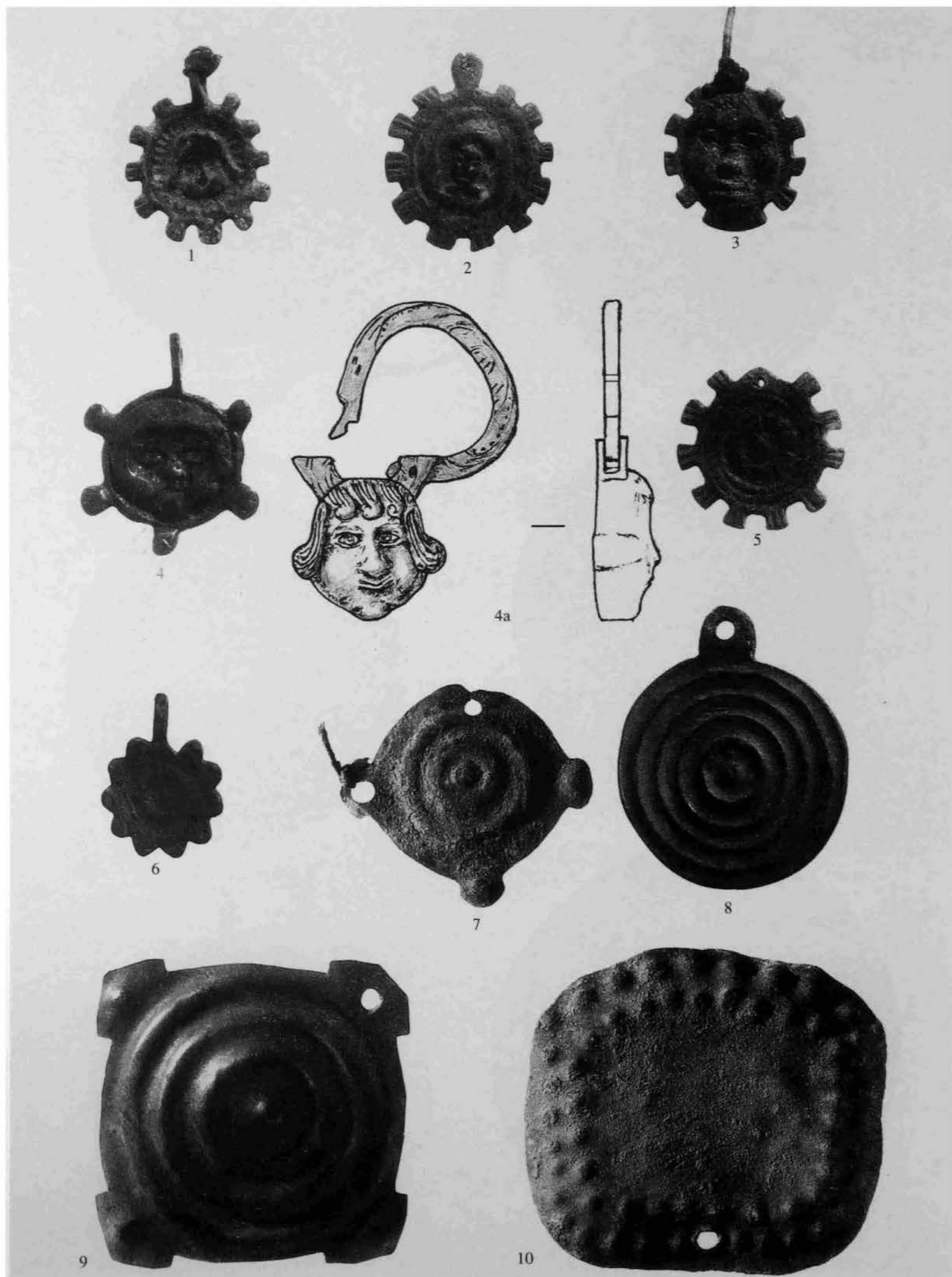

Рис. 141. Медные бляхи-подвески и аналогия изображению личины на замке-маскароне

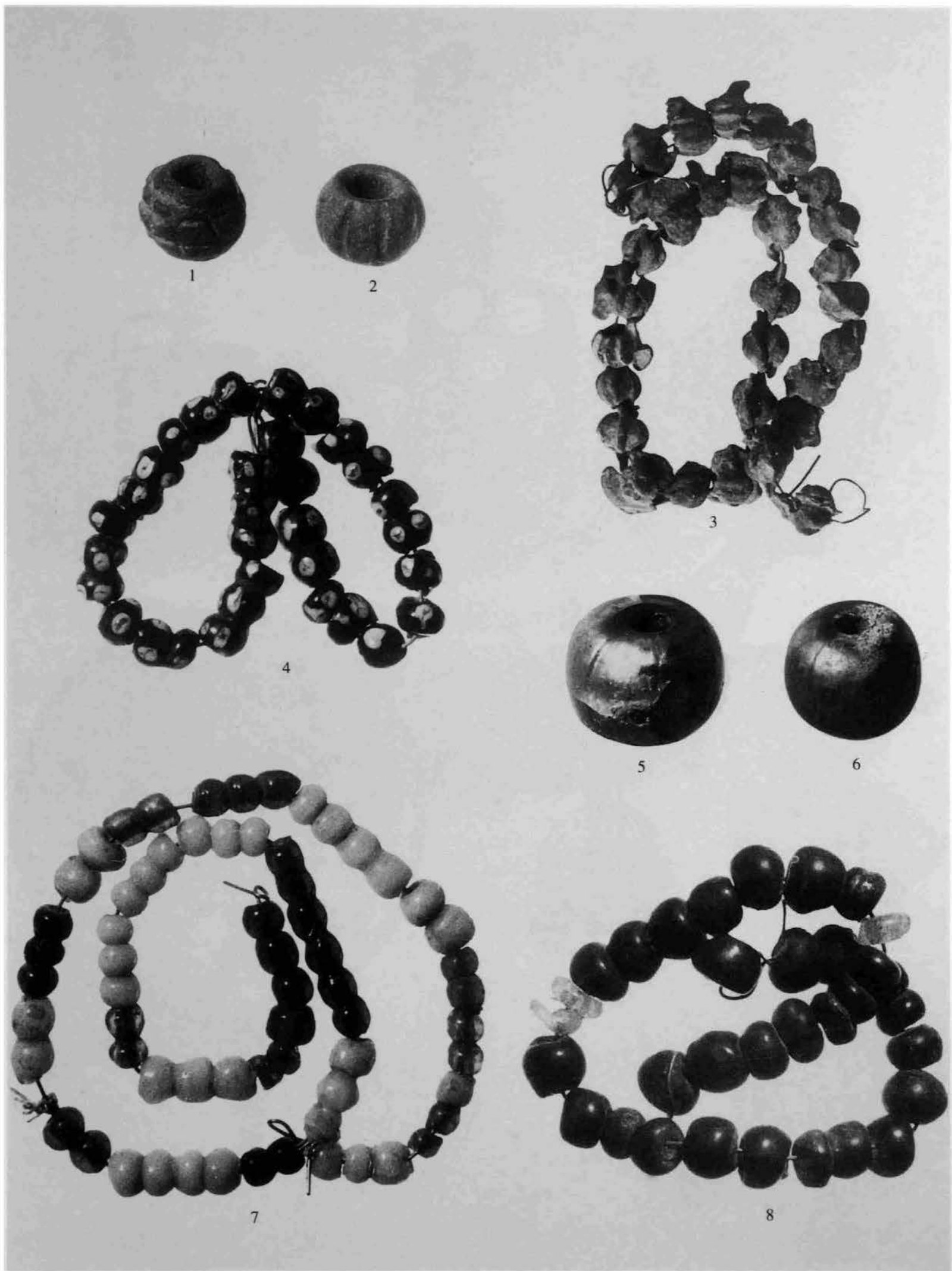

Рис. 142. Бусы

Рис. 143. Медные изделия, нательный крест, свинцовая печать

Рис. 144. Деревянные и оловянная игрушки

Рис. 145. Кукла — изображение умершего

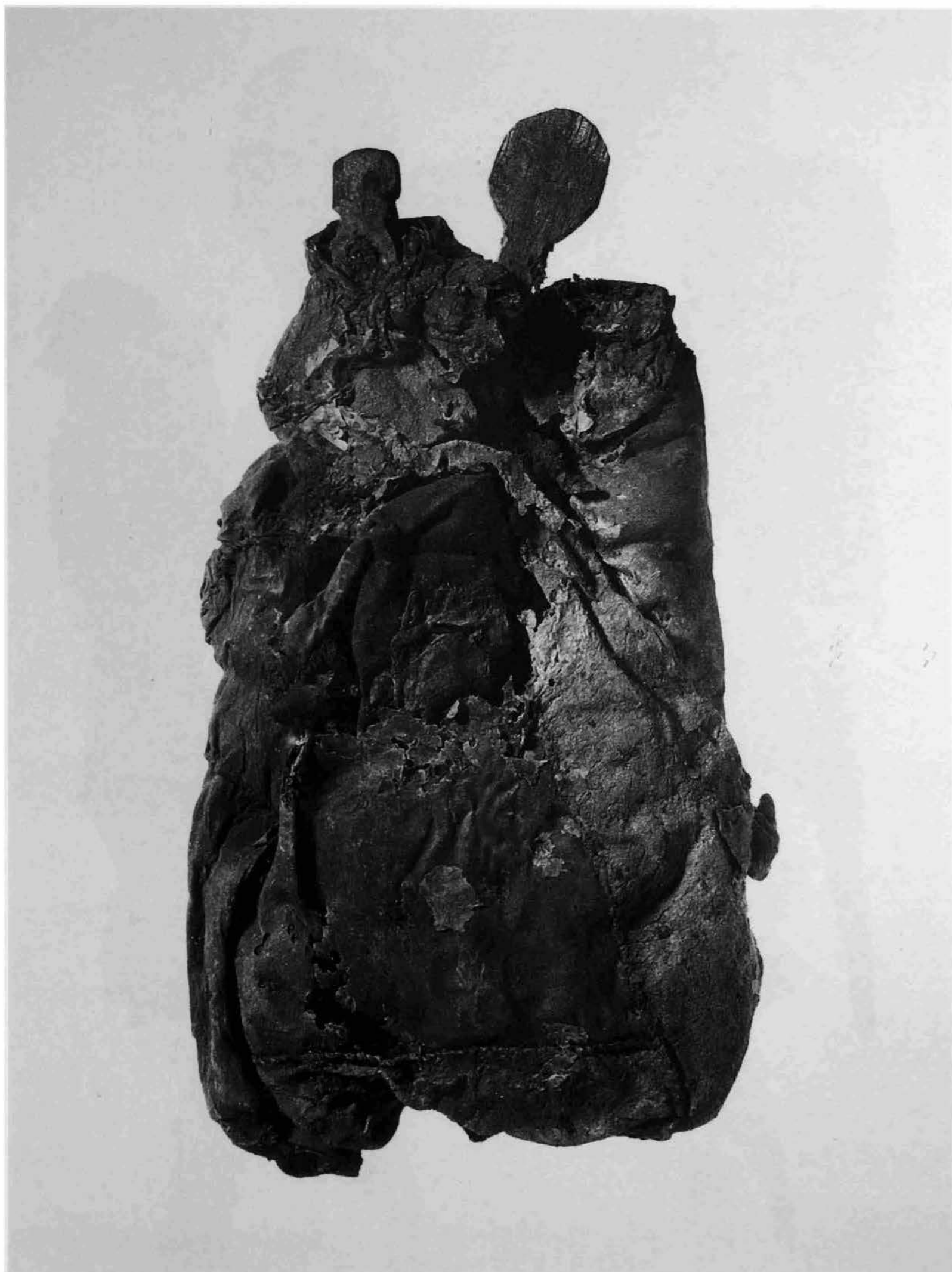

Рис. 146. Куклы — изображения умерших

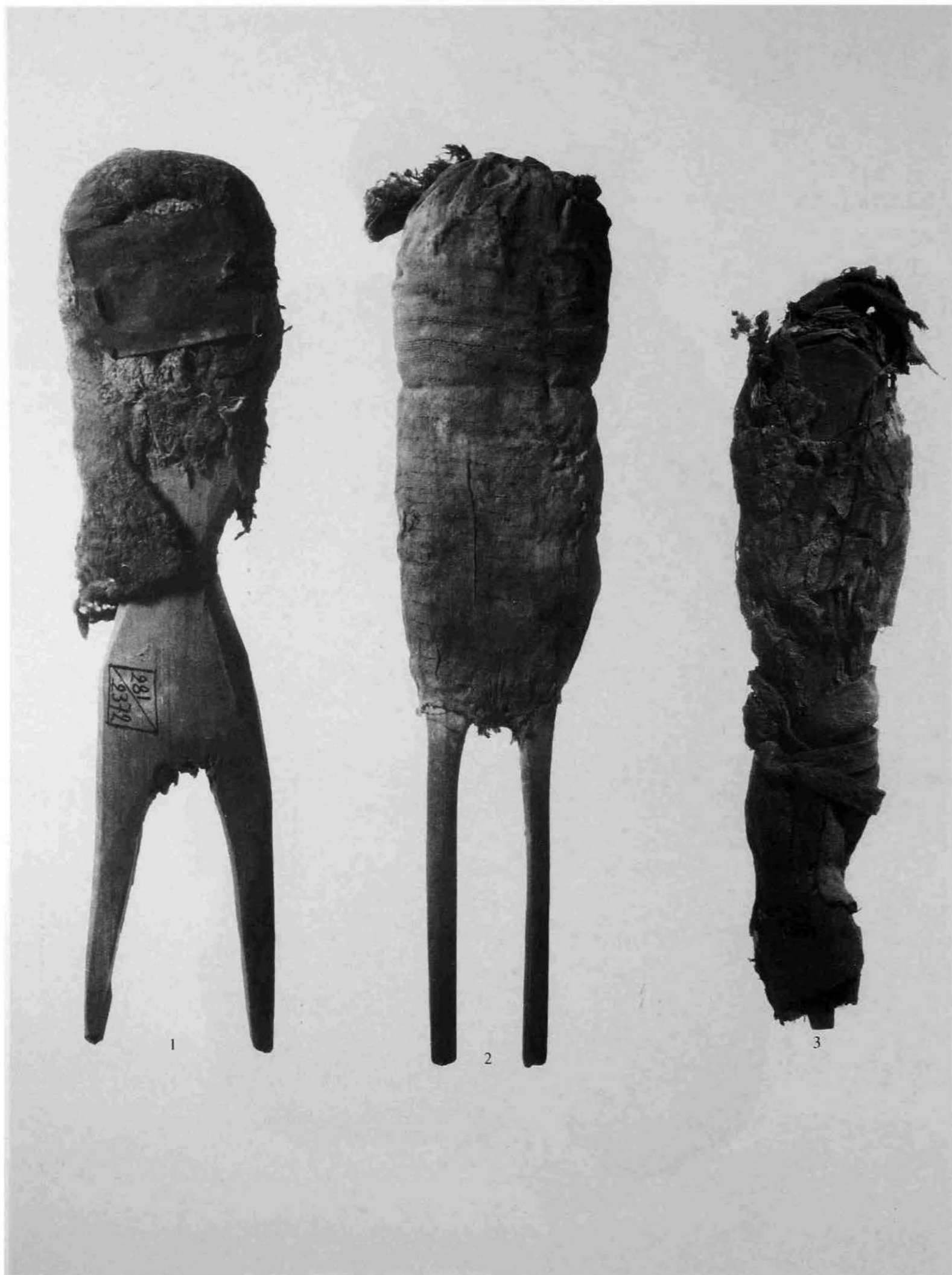

Рис. 147. Куклы — изображения умерших

Рис. 148. Куклы — изображения умерших

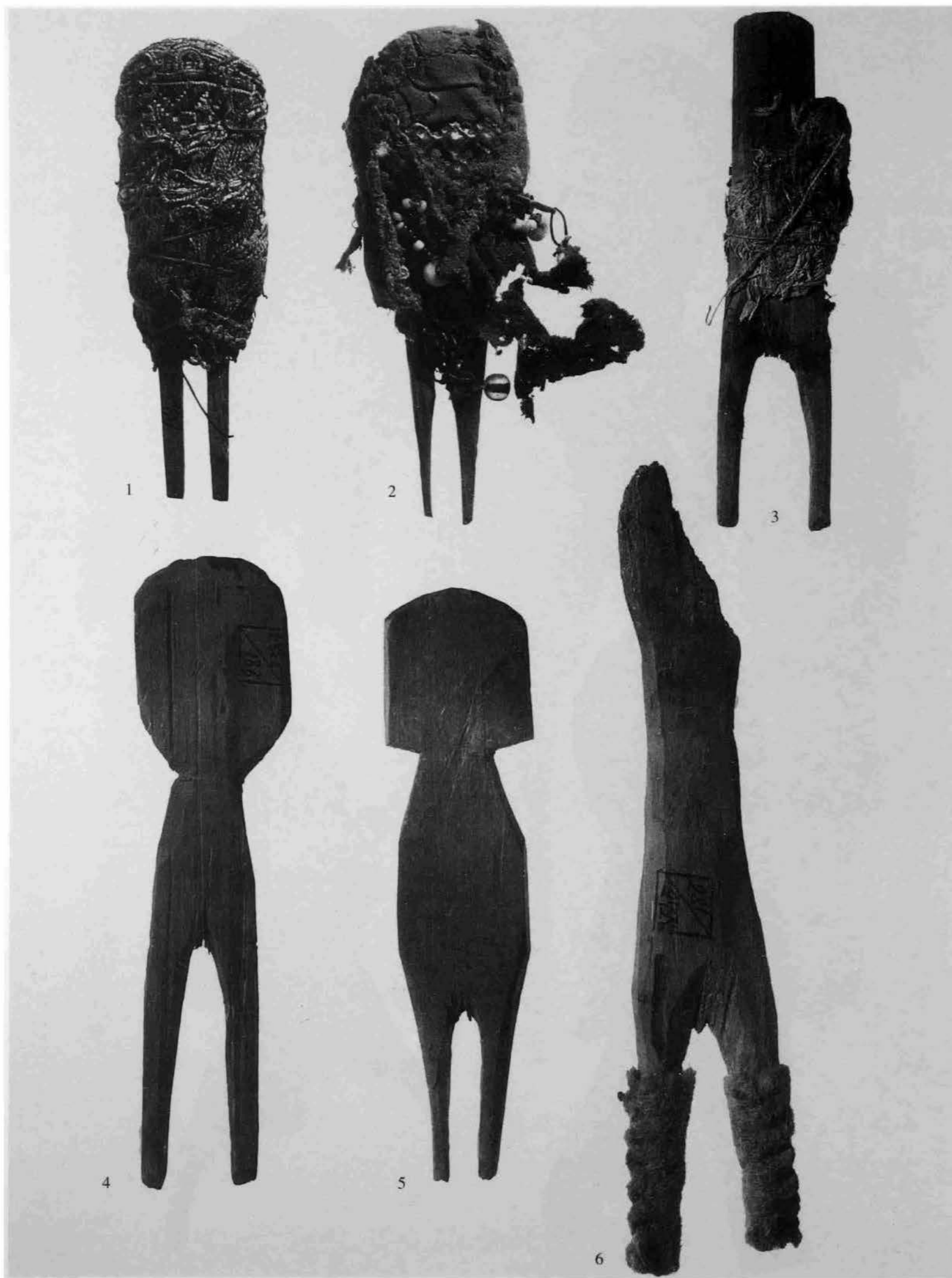

Рис. 149. Куклы — изображения умерших

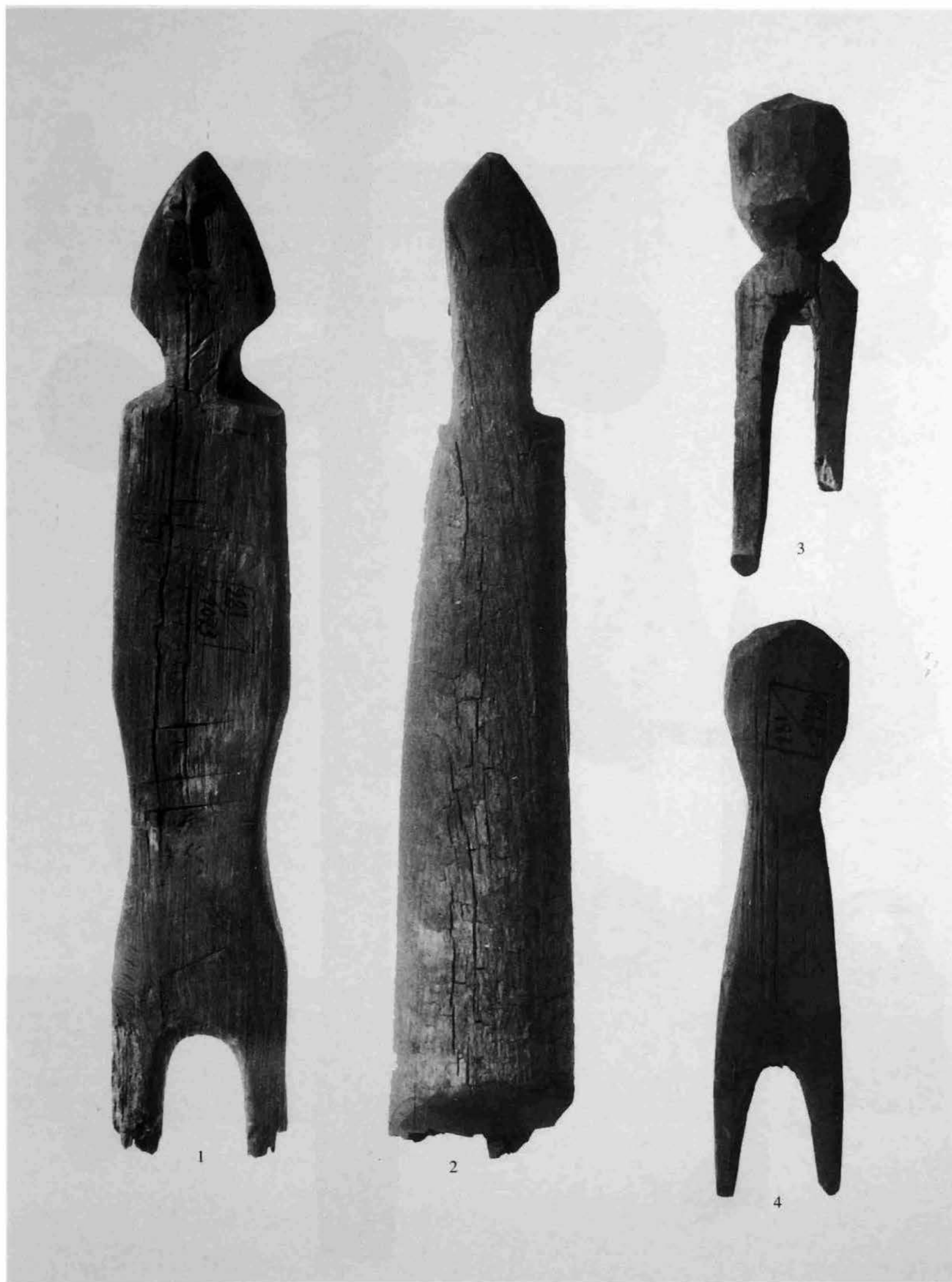

Рис. 150. Идол-сядай и куклы — изображения умерших

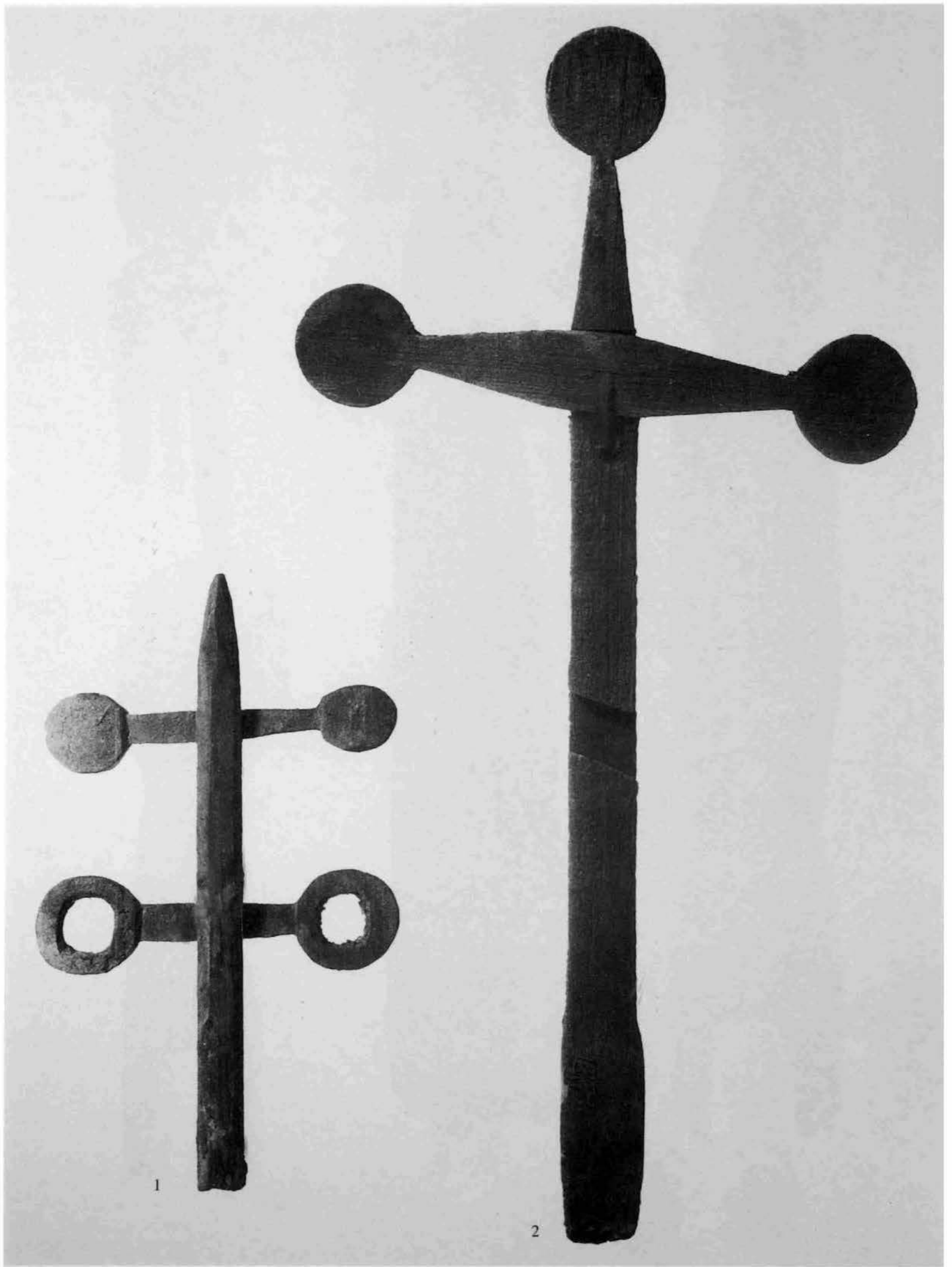

Рис. 151. Надмогильные кресты

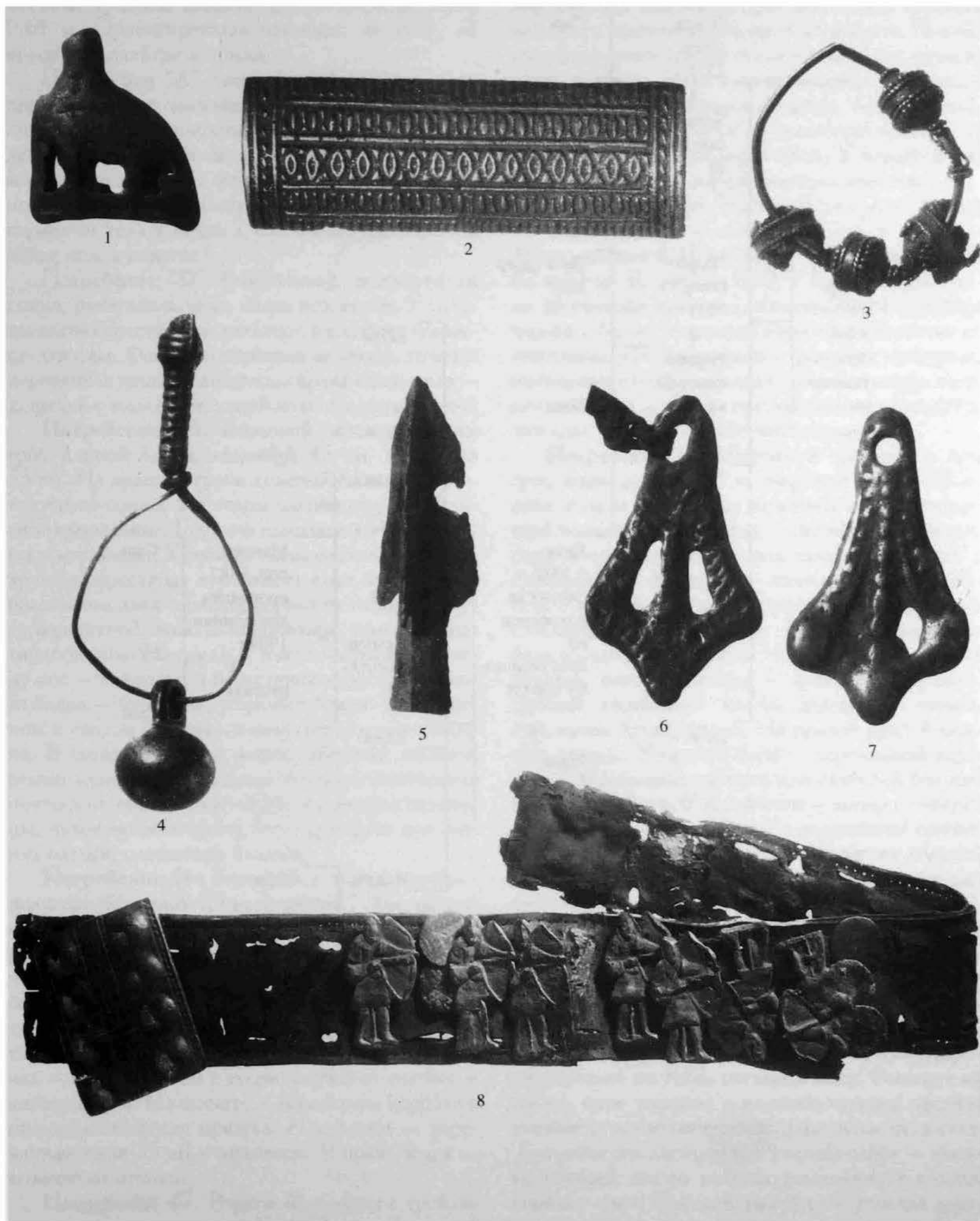

Рис. 152. Медные вещи I—II тыс. н.э., вторично использованные в XIX в.

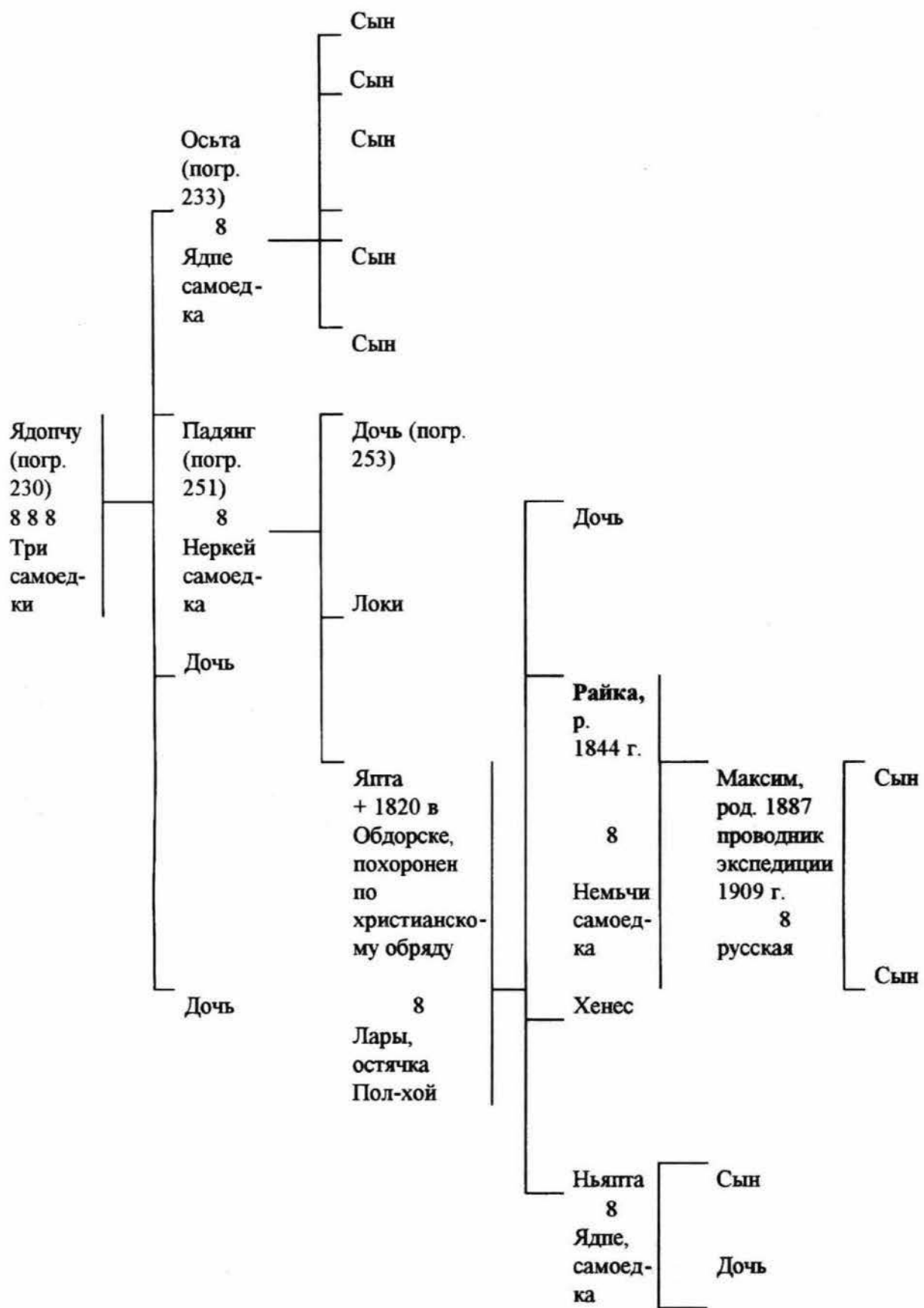

Рис. 153. Родословная фамилии Ядопчу, составленная Д.Т. Яновичем
8 — обозначение брачной связи; полужирным выделен информатор

Вне хольмера со стороны ног — железный котел. Внутри 2 гроба-ящика. Размер хольмера в длину 1,31 м, в головах ширина 0,78 м, в ногах — 0,73 м, гробики длиной 1,1 м, ширина обоих 0,61 м. Ориентированы головами на ЮВ, на крышке — шайтан и ложка.

Погребение "А" (западное): у головы слева две деревянные чашечки, на ухе кожаный ремешок с двумя пуговицами, у головы справа — железный ковш с ручкой, на животе — деревянная игрушка-всадник, на ногах — корытце для еды, в ногах деревянная чаша с маленькой ложкой, справа от тела у пояса 2 колокольчика, справа в ногах нож в ножнах.

Погребение "В" (восточное), вытянуто на спине, руки вдоль тела, кисти под тазом. У головы слева берестяная коробочка, на животе корытце для еды, бляшки оловянные на поясе, точеная деревянная чаша на коленях, справа вдоль тела — дощечка с желобком, узкий нож, столовая ложка.

Погребение 45. Верховой хольмер, в нем гроб длиной 1,7 м, шириной 45 см, в головах 53 см. На крышке гроба толстый сидырянг. Вытянуто на спине, под телом оленьи шкуры. Женское самоедское. Голова в кожаном уборе с бусами и кружками. У головы слева олений халцалу, круглая берестяная коробочка, медная бляха с изображением льва и оленя, справа от головы — тус берестяной, нож, 2 колокольца, половник остяцкого типа. На груди — платок ситцевый, между ног — квадратная берестяная коробочка, у левого бедра — бубенчик, у правого бедра — женский нож с узором на ручке, колоколец, бусы и цепочка. В ногах — модель лодки, кожаные женские ремни алаки 4 шт., медная большая самоедская пряжка от пояса, стеклянные узорчатые пуговицы, пучок медных колец, железная цепь для задних оленей, оловянные бляшки.

Погребение 46. Верховой хольмер с гробом-полулодкой длиной 1,9 м, шириной 57 см, ногами на СВ к носу лодки. Все заросло карликовой березой и воронцом. Возле носа лодки — "алаки", железные петли от цепей для задних оленей, тобольский сундучок, в котором бусы и бисер. Вытянуто на спине. Верхняя часть туловища накрыта женским остяцким ситцевым платком. На плечах — бляхи с конем и гусем, справа от головы — женский нож. На животе — берестяная коробочка и медная самоедская пряжка. Над тазом — деревянная чаша 35 см в диаметре. У прав. бедра — колечко от штанов.

Погребение 47. Верховой хольмер с гробом-ящиком внутри длиной 1,58 м, шириной 45–60 см. На крышке из трех досок лежал сидырянг — сончат, узорчатая берестяная тавлинка (та-

бакерка). Женское, вытянуто на спине, голова на юг, кисти рук под тазом. На голове истлевшая женская кожаная шапка из полосок кожи, мешок с шерстяными тесемками для кос. Лицо накрыто платком с нашивками на месте глаз и рта. Покойница обернута в суконный сах и олений сах, руки не вдеты в рукава. Ноги в оленьих пимах. У головы с обеих сторон по фарфоровой чашке. У правого плеча — топор, листовая табак, железный котелок, на груди 7 железных колец и бусы. У левого плеча нож. На животе — деревянная плоская чаша.

Погребение 48. Верховой хольмер, длиной 90 см, шириной в головах 47 см, в ногах — 40 см, вышиной 31 см, в нем гроб-ящик детский 82 × 22 см. Головой на ЮЗ. У головы слева чашка деревянная красноокрашенная, буса-пуговица черная с белым и красной каемкой, шайтанчик со свастикой, у головы справа — ремешок с узорами, шайтанчик-гилян, столовая ложка, кольцо медное, на груди — связка бус, на животе — корытце для еды, в ногах — шайтанчик-гилян.

Погребение 49. Верховой хольмер, в нем гроб-ящик длиной 1,8 м, шириной 70 см. Женское, голова на юг. Под крышкой накрыт ситцевым пологом и замшевым... Вытянуто на спине, руки вдоль тела, кисти под тазом. Завернуто в суконный сах. На трупе — женский остяцкий капор. У головы справа — фарфоровая чашка синяя с белым, деревянный ящик, в нем железный скобель и 2 ситцевых платка. Над головой железный ковшик, слева у головы — фарфоровая чашка, русская деревянная ложка, деревянная чашка, зуб, кусок сукна, отлиб. На правой руке 4 медных кольца. У правой ноги — деревянный ящичек, 2 деревянных рукояти для скобелей без железных скребков. У левой ноги — топор с топорищем, женский нож, в ногах — деревянный сончат, гилян, мужской нож, костяной нож из оленьей лопатки, 3 свернутых шерстяных тесемки для кос, блоки оленьей упряжи.

Погребение 50. Верховой хольмер с двумя укреплениями, наверху которых и на гробе не оказалось ни одной вещи, размер хольмера в длину 2,2 м, ширину — 0,73 м в головах, 0,52 м в ногах, вышиной 45 см. Внутри гроб-полулодка длиной 2,1 м, шириной в головах 0,69 м, ориентирован головой на ЮЗ, ногами к носу. Вытянут на спине, ноги согнуты в коленях, голова закрыта тканью с нашитыми пуговицами на местах глаз. Труп объединен лисицами. У головы слева — пенал из оленьей кости, ковшик железный, у головы справа — нож мужской, на груди — точеная деревянная чашка, на правом локте медная бляха и плоская солдатская пуговица, в ногах деревянное корытце для еды.

Погребение 51. Верховой хольмер, в нем гроб-полулодка длиной 2,2 м, шириной 0,55 м. Женское. Труп на шерстяной толстой ткани. Ногами к носу, голова на ЮЗ, вытянут на спине, руки вдоль тела, кисти под тазом. Над головой на крышке гроба — сончат в женском остяцком платочке с бахромой, тавлинкой и ложкой. Лицо накрыто оленьей шкурой и ситцевым платком с нашитыми бляшками на местах глаз. Под телом — соломенная подстилка (тахар). У головы слева — деревянный половник, справа — березовый кап, который прибавляют к нюхательному табаку, остяцкая маленькая ложка, железный ковш без ручки. На сердце медная треугольная пряжечка с дырками. На поясе кольцо, на правой руке — кольца, у левой ноги берестяная тавлинка. В ногах — топор, кожаные “алаки”, железная цепь, березовые капы, женский нож с деревянной ручкой, железный ковш без ручки.

Погребение 52. Хольмер сгнил, гроб-полулодка развалился, весь порос березой и травой. Длина гроба 2,45 м, ширина 0,55 м, на крышке ножной лук. У носа лодки — железный клепаный котел. Ноги к носу лодки, головой на юг, вытянут на спине, руки вдоль тела, кисти под тазом. Труп накрыт ситцевым пологом. Мужчина. У черепа справа — роговая табакерка, у левого плеча костяная пистонница с орнаментом, у левой руки — рожок-табакерка, у таза — остатки медного бубенчика, в ногах — железный наконечник стрелы.

Погребение 53. Верховой хольмер, зарос воронцом и карликовой березой, гроб-ящик, крышка сгнила, длиной 1,9 м, шириной 55 см, высотой 40 см. Головой на юг. Мужчина. Вытянут на спине, руки вдоль тела, кисти под тазом. У головы справа — оловянные бляшки от сидырянга, на поясе берестяная тавлинка, у левого бедра нижняя челюсть оленя (?).

Погребение 54. Верховой хольмер на двух закрепах, на крышке ничего не найдено, размером в длину 2,48 м, в ширину в ногах 0,97 м, в головах 1,0 м, высотой 0,52 м. На крышке гроба найден шайтан головой к ногам, за поясом у него деревянная ложка. Внутри гроб-ящик, головой на ЮЗ. В головах — женский халцелуй, стеклянная рюмка, два пучка пуговиц, синяя с белой каемкой буса, деревянная точеная чаша, опрокинутая деревянная чашка. На груди подвеска медная с бусами, бляха-подвеска, у правого плеча ящичек с бусами, бляшками, обломками медной ложки, железный ковшик, бубенчик, деревянная точеная чашка, справа у пояса — деревянная чашечка, в ногах слева — топор, женский ситцевый платок, свернутый в комок, с бахромой остяцкого типа, под тазом женский широкий нож, вдоль костяка — “алаки”.

Погребение 55. Верховой хольмер, гроб-полулодка длиной 1,8 м, шириной 65 см, внутри полулодки вторая полулодка. Одежда истлела. Вытянут на спине ногами к носу лодки, голова на юг. Лицо накрыто тряпкой, у левого плеча — нож.

Погребение 57. Детское погребение, верховой хольмер, не укреплен стойками, ориентирован головой на юг, размер гроба в длину 1,4 м, в ширину 0,38 м, гроб-ящик прямоугольный. Вытянут на спине, руки вдоль тела, кисти под тазом, подстилка сгнила. Под головой белая бусина, на ногах корыто для еды.

Погребение 61. Детский верховой хольмер, скреплен одной парой стоек, покрыт берестой, на крышках хольмера и гроба ничего не оказалось, гроб-ящик размером 77 × 32 × 25 см (высота 25 см). У головы — 2 колокольчика, пуговица медная, две бусины (белая и голубая) под головой у левого плеча чашка местной работы, у правого плеча берестяная коробочка, на ногах корытце для еды и пуговица.

Погребение 63. Хольмер детский, гроб ящиком, хольмер не укреплен стойками, размером 1,25 × 0,42 × 0,38 × 0,31 м, головой на юг, подстилка берестяная. У головы корытце для еды справа, пуговицы на ткани, прикрывающей лицо, корытце для еды слева, сковорода железная на груди, колокольчик у правого локтя, 2 кольца под спиной, колокольчик с двумя пуговицами справа у пояса, 2 кольца у правой руки, 2 синие бусины между ног.

Погребение 66. Детский гроб ящиком. В стороне оказались табакерка, ложка, сончат. Размер гроба: длина 1,0 м, ширина в головах 31 см, в ногах 29 см. Головой на юг, вытянуто, руки вдоль тела, кисти под тазом. Слева от головы бусы, бусы на груди, ложка-поварешка у правой руки, корытце для еды и 2 кольца на животе, на правой ноге столовая деревянная ложка.

Погребение 69. Хольмер с двойным погребением: А — гроб ящиком, В — в полулодке. Размер хольмера: длина — 2,3 м, ширина 1,3 и 1,25 м. Погребение А — детское, размер гроба 70 × 30 см, вытянут на спине, руки вдоль тела, кисти под тазом на подстилке из оленьей шкуры. У головы слева — деревянная чашка, 2 мужских ножа, наконечник стрелы, у головы справа — железная чаша, на животе корытце для еды. Погребение “В” в полулодке длиной 2,05 м, шириной в головах 65 см, на крышке полулодки лук и весло, ногами к носу, вытянуто на спине, руки вдоль тела, кисти под тазом, подстилкой служит олений мех. У головы справа — деревянная чашка, на груди справа — деревянная чаша, на левом плече — чашка деревянная в ней медная табакерка, на

животе — поварешка деревянная, у пояса справа — нож в ножнах, у правой ноги — нож мужской.

К погребению примыкает детский хольмер (погребение "С") длиной 1,24 м, шириной в головах 0,6 м, гробом служит лодка с обрезанными носом и кормой. Вытянут на спине ногами к носу лодки. У головы слева чаша медная с бисерным шитьем, у головы справа — маленький стаканчик, у правого плеча — нож остяцкий мужской, на груди корыто, справа у пояса колокольчик, в ногах железный котел.

Погребение 72. Детский верховой хольмер, укреплен 2-мя парами стоек, ориентирован головой на юг, размеры хольмера: длина — 1,0 м, ширина в головах 48 см, в ногах — 44 см, гроб ящиком почти вплотную, высота гроба 24 см. Справа от головы — деревянная крашенная ложка русской работы, глян, у левого плеча — прямоугольная берестяная чашка "хуан", на ногах — корыто деревянное.

Погребение 75. Детский хольмер, скреплен 2-мя парами стоек, нарушенный, гроб ящиком, ориентирован головой на юг, размерами: высота 35 см, длина 93 см, ширина в головах 47 см, в ногах 45 см. Голова обернута тканью, на которую пришиты пуговицы против глаз и носа, руки вдоль тела, подстилка из плетеной травы ("кыска"). На голове — железный цилиндрический котелок, слева ковшик с ручкой, колокольчики, справа — корыто ("хуан"), на правом плече маленькая деревянная чашка, корыто, на левом плече — глян с привязанной к нему свинцовой бусиной, у левой руки — скелет птицы, деревянная игрушечная кукла, нож мужской, у правого колена — чашка с остатками узора, связка из 2-х колец и медных пуговиц, на ногах — корыто.

Погребение 77. Детский хольмер, скреплен 2-мя парами стоек, ориентирован головой на ЮЗ, высота 35 см, длина 1,23 м, ширина в головах 54 см, в ногах 54 см, гроб-полулодка, у носа лодки — котел, накрыт был досками и желтым сукном, подстилки не было. Ногами к носу лодки, вытянут на спине. Справа от головы медная чашка, на груди около 20 бус. Слева и справа на уровне пояса по колокольчику, в ногах берестяная коробочка, колокольчик.

Погребение 80. Детский хольмер, укреплен 2-мя парами стоек, ориентирован головой на юг, размеры: 93 × 45 × 40 см, высота 30 см. Гроб-ящик под досками накрыт черным сукном, покойник накрыт гусем. На голове у него надет капор, накрыт сероватой тканью, на которой бусы. Черепа нет.

В головах — по чашке в углах гроба, блюде с чашкой, жестяная лампа, под ней ложка, слева —

детская обувь, нож женский фабричной работы. В средней части гроба — стеклянная бутылка и деревянная рюмка, обломок кузнецовского фаянсового блюда, медаль медная у пояса, деревянная чаша, шайтанчик, деревянная палочка с концом, оформленным в виде креста, выкрашена в красный цвет. В ногах — чашка, стеклянная бутылка.

Погребение 84. Нарушенный хольмер размером 2,2 × 0,78 × 0,7 м, высотой 50 см. На крышке хольмера было 2 ножных лука, весло, 2 стрелы, берестяная покрывка от чума. Гроб-полулодка размером 1,98 × 0,75 м, высотой 38 см. Покрывка гроба из полулодки. Вытянут на спине, руки вдоль тела, кисти на бедрах, лицо накрыто тряпкой с пришитыми пуговицами против глаз. Подстилка из плетеной травы. У головы справа — половник, слева — рожок-табакерка, чашка и поварешка. Слева на уровне пояса — нож. На коленях — деревянная чаша. В ногах — мужская оленья упряжь.

Погребение 88. Хольмер покрыт досками от лодки, стенки сделаны из того же материала, покрыт кроме того берестой от чума. Размеры: 2,2 × 0,7 × 0,5 м. Размеры гроба-полулодки 1,78 × 0,61 м. На крышке гроба точеная чашка, 2 берестяных коробочки, ложка, четырехугольный берестяной поднос. В одной чашке находились бусы, пуговицы, кольца, кукла, бубенчик и медные подвески, шайтанчик, одетый в женский гусь. Голова на ЮЗ, ноги к носу лодки, руки под тазом. В головах — череп птичий, табакерка, бусы разных цветов и размеров. Под головой наперсток и женская самоедская пряжка. На груди и животе — корыто, справа от тела — поварешка, железный ковш, нож.

Погребение 92. Хольмер верховой, на крышке гроба-лодки — сидырянг с пряжкой оловянной на груди. Длина гроба-лодки 1,84 м, в головах ширина 0,82 м, голова на юг, ноги к носу лодки, вытянут на спине, голова обернута, подстилкой служит травяная циновка остяцкого образца. Над головой 8 звездоподобных подвесок, бусы, у левого плеча — нож женский в деревянной оправе, желтая глиняная чашка, у правого плеча — нож в ножнах, коробочка берестяная, в ней ложка, справа у пояса — тавлинка плоская бочечком, медная круглая подвеска, у правой голени — медная солдатская пуговица.

Погребение 92. Хольмер верховой, укрепленный двумя парами стоек, ориентирован головой на юг. Гроб накрыт полулодкой, сам же гроб — также полулодка. Длина хольмера 2,26 м, ширина в головах и в ногах 0,7 м, длина гроба 2,16 м, ширина 0,63 м. Вытянут на спине ногами к носу

лодки, руки вдоль тела, кисти под тазом. Под головой 4 кольца, пуговицы больших и малых размеров, справа от головы — берестяная узорчатая круглая коробочка с оленьими жилами, справа на груди — медная подвеска, у правой руки — нож.

Погребение 94. Верховой хольмер головой на ЮЗ длиной 2,15 м, шириной 0,88 м в головах и 0,67 м в ногах. На крышке хольмера сидырянг и 3 петли от упряжи из мамонтового зуба. Гроб-полулодка, такая же крышка шириной 66 см, длиной 2,05 м, покрывка берестяная, поверх ее расположена доска. Мужчина. Вытянут на спине ногами к носу лодки, руки вдоль тела. От атланта до пят 1,4 м. У головы слева — железная узорчатая чашка, медная подвеска, справа — старинный стеклянный штоф, шило, на сердце — пучок пуговиц на цепочке, у левой руки — ножик, табакерка, кольцо медное, у правой руки — табакерка, на бедрах — деревянное корыто “хуан”, в ногах — пучок пуговиц на цепочке.

Погребение 96. Верховой хольмер, ориентированный головой на юг, длиной 2,26 м, шириной в головах 94 см. Гроб-полулодка длиной 215 см. Женщина, вытянута на спине ногами к носу лодки, руки вдоль тела, кисти под тазом, от атланта до пят 1,3 м, подстилка из оленьих шкур.

У головы слева — деревянная чашка, у левого предплечья — две большие медные подвески и пуговица, на сердце — медная бляшка (?), у правого предплечья — нож и деревянная ложка. Под спиной медная трубочка для косы. Вдоль ног около 30 оловянных подвесок, в ногах железный ковшик, крышка глиняная круглая, кожаная оленья упряжь с узором.

Погребение 98. Хольмер верховой, скрепленный 2-мя парами стоек, ориентирован головой на ЮЮЗ. На стойке в ногах — олений рог, длина 2,16 м, ширина в ногах 0,60 м, в головах 0,84 м, высота 0,5 м, гроб-полулодка длиной 2,04 м, шириной 0,57 м покрыт досками и берестой от чума. У носа лодки внутри хольмера — цепи от упряжи, топор, в головах хольмера — медный котел, ящик обитый жостью, в котором были цепочка, кольцо и пуговицы медные, халцедуй. Женщина-самоедка, ногами к носу лодки, у головы слева — железный ковш, у левой руки 2 бубенчика, нож, бусы, кольцо, наперсток, берестяная коробочка с узором, у правой руки — 2 бляхи медные, самоедская женская пряжка от пояса, в ногах — полулунное украшение для головного убора, 3 медные кольца, деревянная чашка.

Погребение 101. Верховой хольмер, ориентирован головой на юг с отклонением к западу на 5 градусов, покрытый досками и берестой. Гроб-полулодка покрыт другой половиной лодки.

Мужчина, вытянут на спине, руки вдоль тела, кисти под тазом, подстилка не обнаружена, от атланта до пят 1,26 м. У головы слева — деревянная чашка и ложка, справа — железный ковш, на животе пояс кожаный с бляшками, корыто для еды, у левой руки — узкий мужской нож, в ногах — обыкновенное железное ведро.

Погребение 102. Верховой хольмер, укрепленный 2-мя парами стоек, покрыт берестой и досками от лодки. Гроб-полулодка, покрыт также полулодкой, ориентирован головой на ЮЗ. Размер хольмера: длина 2,33 м, ширина в головах — 78 см, в ногах — 63 см, размер гроба — длина 2,1 м, ширина 0,74 в головах. Мужчина ногами к носу лодки вытянут на спине, руки вытянуты вдоль тела, кисти на бедрах, от атланта до пят 1,33 м. У головы справа — сидырянг и корыто для еды, на животе — кожаный пояс и медная подвеска.

Погребение 104. Верховой хольмер, укрепленный двумя парами стоек, на нем найден обломок лыжи и корыто для еды — “хуан”, ориентирован головой на ЮЗ. Размеры хольмера: длина 2,25 м, ширина в головах 83 см, в ногах 62 см, гроб-полулодка длиной 1,9 м шириной 0,7 м. У носа гроба стоит железный котел. Мужчина вытянут на спине, руки вдоль тела, подстилка берестяная. У головы слева — дно от пивной бутылки, табакерка-рожок, ножик мужской, кольца медные, пуговица медная, у головы справа — подвеска с бусами, железная чашка, стеклянная бутылочка, у правой руки — цепи оленьи и кожаная оленья упряжь, на правой голени — поварешка.

Погребение 105. Детский верховой хольмер, укрепленный двумя парами стоек, ориентирован головой на ЮЗ. Размер хольмера 1,5 м, ширина 84 и 90 см, гроб ящиком. Вытянут на спине, руки вдоль тела, кисти под тазом, от атланта до пят 69 см. У головы справа сидырянг и ложка, на груди — чашка деревянная, у пояса слева обломок корыта для еды, подвеска медная, у правого бедра колокольчики.

Погребение 107. Верховой хольмер укреплен двумя парами стоек, гроб ящиком размером 1,71 м длиной, шириной 0,83 м в головах, 0,73 м в ногах, покрыт берестой от чума, ориентирован головой на ЮЗ, вытянут на спине, руки вдоль тела, от атланта до пят 1,18 м.

На голове пояс от головного убора, справа от головы — деревянная чашка, медный ковшик, разломанная деревянная чашка, мужской ножик, на правой ключице медная подвеска, у таза — пояс кожаный с блестками, сгнивший, вдоль тела справа палка из лиственницы длиной 83 см, у правой голени сгнившая деревянная чаша, рожок-табакерка, женский широкий нож.

Погребение 109. Детское погребение, хольмер укреплен парой стоек, ориентирован головой на ЮЗ. От атланта до пят 0,63 м. У головы слева — ложка, над головой — 2 связанных колокольчика, бусы; у головы справа — ковшик, на животе — чашка железная.

Погребение 110. Детский хольмер, укрепленный двумя парами стоек. Ориентирован головой на юг, от атланта до пят 0,63 м, подстилка из травы. У головы слева ложка, деревянная чаша точеная, справа — стеклянная бутылочка, на животе железная тарелка, под ней — бусы, слева от таза — нож, справа — бубенчик и колокольчик, у ног 2 пуговицы.

Погребение 112. Детский хольмер, укрепленный стойками, гроб-полулодка, накрыт другой полулодкой, длина 1,45 м, ширина в головах 0,4 м. Голова на юг. Вытянут на спине ногами к носу лодки, от атланта до пят 0,98 м. У головы слева — медная подвеска-конь, справа — сидырянг, железный котелок, в нем медная подвеска, ложка, кольцо с бусами, на груди — халцелуй от женской упряжи, у кисти правой руки — деревянная чашка, в ногах пустой деревянный ящик, обитый жостью.

Погребение 114. Детский хольмер покрыт досками, укреплен двумя парами стоек, гроб ящиком, ориентирован головой на ЮЗ. От атланта до пят 0,77 м, лицо накрыто платком, на который нашиты пуговицы против глаз. На груди колокольчик, под ним — бусина, на животе берестяная коробочка, вдоль правой руки — стрела.

Погребение 115. Верховой сгнивший хольмер длиной 2,5 м, шириной 75 см, гроб-полулодка, все заросло кустарником. На хольмере под кустом большой железный клепаный котел. Длина костяка, сгнившего совсем, 1,55 м. У головы слева — деревянная чашка, справа — рожок, у правого плеча деревянная чашка, у правого бедра нож в деревянных ножнах, обшитых кожей, у правой пятки 2 железных вильчатых наконечника стрел, между ногами остяцкий ковшик.

Погребение 116. Хольмер сгнил и упал, гроб-полулодка носом к северу длиной 1,7 м, шириной 0,6 м. Длина сгнившего костяка 1,7 м от головы до пяточной кости. У головы справа — деревянная чашка, на левой руке железная бляха (от лука?). В ногах узкие мужские “алаки”.

Погребение 117. Детский гроб-ящик, не укрепленный стойками, ориентирован головой на юг, длина 69 см, ширина 41 см, высота 35 см, ящик был покрыт берестой от чума, вещей не оказалось.

Погребение 118. Детский гроб-ящик, ориентированный головой на ЮЗ, длиной 1,0 м, шири-

ной в головах 38 см, в ногах — 35 см. От атланта до пят 63 см. Вытянут на спине. У головы слева — донышко от пивной бутылки, справа — корытце для еды, ложка, мужской нож, на груди — деревянная чашка с ручкой, по обеим сторонам от таза по бубенчику, на ногах — деревянная чаша.

Погребение 119. Верховой хольмер, гроб-полулодка длиной 2,4 м, шириной 1 м. У носа лодки — цилиндрический сосуд деревянный диаметром 28 см, высотой 16 см. На крышке суконное и набойчатое покрывала. Парчовый сах истлел. Лицо накрыто платком и куском ситца, на который нашиты 3 медные пуговицы. Костяк закрыт оленьими шкурами и лежит также на шкуре. Самоедка. Тело вытянуто на спине, руки вдоль туловища, кисти под тазом, головой на юг, ногами к носу лодки. У головы слева — медный и железный ковшики, справа — кожаный мешок. На груди — остяцкий желтый платок с бахромой, под ним половник, медная продырявленная бляха, под спиной 7 блях со звездами, у правой руки топор, слева вдоль тела деревянная палка для выбивания вшей из постели, у левой голени — нож с деревянной ручкой, в ногах женская самоедская поясная пряжка из железа, 5 деревянных блоков от оленьей упряжи, “алаки” с медным “халцелуем” от передового оленя.

Погребение 120. Детский гроб-ящик, ориентированный головой на ЮЗ. Длина 113 см, ширина в головах 50 см, в ногах — 40 см. Вытянут на спине, от атланта до пят 0,9 м, подстилка из плетеной травы и оленьих шкур. У головы слева — ложка, справа — деревянная чашка, мужской нож, на бедрах красная деревянная чаша.

Погребение 121. Верховой хольмер на 2-х скрепах, длина 3 м, ширина 1,2 м. Внутри него гроб-полулодка носом на север, у носа лодки сундучок, обитый полосами железа и кожи. Содержание сундучка: медный шандал для 3-х свечей, берестяная круглая коробочка с узором, плоская железная табакерка с медными перстнями, пара сафьяновых... (неразб.) с обшивкой из оловянных бляшек, кусок шелковой ткани, из которой сшит “сах”, синие бусы, разного цвета бисер, медная ложка, шерстяные тесемки от кос с медными их украшениями из пуговиц и колец, рожок с оловянной инкрустацией. У носа лодки рядом с сундуком лубяная коробочка, а в ней медная поясная пряжка и железные цепи для задних оленей. С другой стороны носа лодки 2 медных блока для оленьей упряжи. На крышке гроба глиняная кубышка, сидырянг и его женский нож. Тело вытянуто на спине, ногами к носу лодки, кисти под тазом. Длина истлевшего костяка 1,56 м. Самоедка. Покойница была завернута в сах, голова —

в платок. У головы слева — 5 блях от головного убора (всадник, простая, с конем и две с орлом), колокольчик, у головы справа — русский колокольчик, накрытый деревянной чашей, опрокинутая деревянная чашка из капа, под головой березовый гриб. На суконном сахе нашиты в районе груди оловянные бляшки и медные пуговицы. У обеих кистей рук рядом с тазом — бубенчики, слева от таза — нож с медной рукоятью, у левой голени — топор. В ногах — кожаные “алаки” с медным вертлюгом.

Погребение 122. Детский хольмер, укрепленный 2-мя парами стоек. На верш хольмера деревянный сплюснутый обод для бубна, покрыт досками. Хольмер служит одновременно гробом. Длина 85 см, ширина в головах 39 см, в ногах — 34 см. Голова на ЮЗ, вытянут на спине, от атланта до пят 63 см. У левого плеча свинцовая подвеска, между ног бисер, бусы и пуговица-подвеска. Зеленая бусина у левой ноги.

Погребение 123. Хольмер, укрепленный 2-мя парами стоек, ориентирован головой на ЮВ. Хольмер служит и гробом. Костяк накрыт ситцевым платком. Под головой подвеска-всадник и 3 бусины, осколок точеной деревянной чашки, у правой руки синие бусы и несколько оловянных подвесок, у левого плеча колокольчик и листовничный туесок, на животе корыто для еды.

Погребение 124. Разрушенный хольмер длиной 2,26 м, шириной в головах 73 см, в ногах — 47 см, головой на юг, вытянут на спине, череп смещен. Женщины-остячка. В районе головы — 3 подвески конька, камень, бусы средней величины разных цветов от головного убора, 2 медных кольца, 20 шт. оловянных подвесок, 3 медные подвески с изображением бьющихся животных и 2 подвески с изображением лошади, фрагмент кожаного головного убора, следы медного котелка, у позвоночника — железные трубки для кос. У правой руки нож женский с берестяной наборной ручкой и бусина синяя. На тазе — осколок кости и челюсти животного, у правого бедра остаток глиняной чашки зеленого цвета без узора.

Погребение 125. Верховой хольмер, гроб-полулодка, на сгнившей крышке гнилой сидырянг, ложка русская, перстень медный. У носа лодки женские “алаки” и 7 звеньев от оленьих пут. Женское. Головой на юг, ногами к носу лодки, вытянуто на спине, руки вдоль тела, кисти под тазом, накрыта шелковым сгнившим сахом, голова накрыта шелковым платком с остяцкой бахромой. Длина костяка 1,48 м. На голове 6 медных колец, справа от головы деревянная чаша, 4 медных бляхи от головного убора, слева 2 медных бляхи от головного убора, у левого плеча — 2 мед-

ные бляхи. У левой руки женский нож с ручкой из нанизанных кусков кожи. На левой руке одно кольцо, на правой — 2 медных перстня. У пояса слева — рожок с оловянной инкрустацией. Справа в ногах — две палки для выколачивания вшей, ножик женский.

Погребение 126. Хольмер зарос, гроб-полулодка, крышка гнилая, длина 2,44 м, ширина 0,85 м. У носа лодки стоял сундучок, обитый железом, в нем: валдайский колокольчик 1810 года и 2 стеклянные бутылки — одна старая туалетная, другая продолговатая. Рядом с сундучком — зырянская коробка, а в ней: глиняная кружка, 2 бляхи с конем, медная самоедская пряжка, нижняя часть старинного зеленого полуштофа, 6 звеньев оленьей железной цепи, кожаный “алаки”, железное ведро с ушками.

Головой на юг, ногами к носу лодки. Женское погребение, самоедка. На голове и теле шелковый халат. У головы слева — табачный рожок с узором, верхняя половина зеленого стеклянного полуштофа, под головой сгнивший кожаный мешок с наперстком в кармашке, справа от головы — медная дугообразная пластина от головного убора, железный ковшик. На груди — сидырянг, ниже таза между ног — железный ковш, у кистей обеих рук по бокам тела — бубенчики, у правой ноги — доска с долбленной, как в корыте, выемкой.

Погребение 127. Детский хольмер, укрепленный 2-мя парами стоек, покрыт досками, из-под которых череп был виден, длина 1,32 м, ширина в головах 46 см, в ногах 40 см, голова на юг, подстилка из плетеной травы. На животе кожаный пояс с пуговицами и бляшками, слева железная стрела и остатки свинцовой табакерки.

Погребение 128. Верховой хольмер, на нем глиняная большая белая бутылка с надписью “Selters”, гроб — полулодка. Крышка сгнила, все заросло кустарником. Женское погребение. Голова на юг, ноги к носу лодки, вытянуто на спине, руки вдоль тела, кисти рук под тазом, длина костяка 1,35 м. У головы слева медная бляха со всадником, над головой — ножка от медного халцелуя, справа от головы — деревянный сидырянг, железный ковшик, у правой руки — большой табачный рожок с узором, у кистей рук с обеих сторон тела по колокольчику, у правого бедра 2 широких женских ножа.

Погребение 129. Детский хольмер, покрытый досками и отесанными в брусья бревнышками, ориентирован головой на ЮВ, длиной 1,0 м, шириной 45 см, гроб накрыт доской. Покойник покрыт кожаной оленьей упряжью. От атланта до пят 0,61 см. У головы слева ложка и табакерка времен Екатерины II, в ней медная подвеска,

справа от головы медная большая подвеска с бусами и свинцовыми пуговицами. У левого плеча — колокольчик, на груди кольцо с подвеской и пуговицей. У правой руки два перстня, на животе и ниже 2 корытца для еды, поварешка, слева от таза — нож русского типа, в ногах блоки оленьей упряжи, железная чашка.

Погребение 130. Верховой хольмер сгнил, гроб-полулодка длиной 135 см, шириной 80 см. Под носом лодки мужские кожаные “алаки”, головой на юг, ногами к носу лодки, мужчина, вытянут на спине. У головы слева деревянная чашка, справа — табачный рожок. На животе деревянное корыто. Шаман. Пояс завязан крепким и толстым узлом. У левой руки — 3 железных вильчатых наконечника стел. По бубенчику у кистей рук, у левой ноги деревянная доска с вырезанными на ней 7-ю знаками (в том числе япасом тех, кто хоронил), у правой ноги топор. Ясности нет, кто хоронил.

Погребение 131. Детский хольмер, укрепленный 2-мя парами стоек, ориентированный головой на юг, покрыт досками и берестой от чума, длиной 1,2 м, шириной 45 см, гроб и крышка — полулодки. Вытянут на спине, руки вдоль тела, подстилка из плетеной травы. У головы слева — ножик мужской, справа — корытце для еды, деревянная чашечка, под ней пуговицы, у левого плеча деревянная табакерка, на животе — деревянная чаша, медная пуговица у левого колена.

Погребение 132. Верховой хольмер длиной 2,35 м, шириной 82 см, гроб-полулодка. Длина костяка 138 см, головой на юг, ногами к носу лодки, вытянут на спине. Руки вдоль тела, кисти правой и левой рук соединены на тазу. Женщина, слева от головы — рожок табачный, железный ковш, справа от головы пучок колец и пуговиц, железный ковш, у правого плеча — бляха, у предплечья — нож женский, рожок, бляха со звездой и бляха с крестом, на животе деревянная чаша, у правой ноги топор.

Погребение 133. Верховой хольмер, закрыт берестой, на 2-х скрепах, гроб-ящик длиной 1,3 м, шириной 45 см. Толщина листовенных досок хольмера достигала 9 см. Между хольмером и гробом в головах — зеленая стеклянная бутылка, в ногах — берестяная тавлинка. Остяцкая девочка. Вытянута на спине, руки вдоль тела, труп в шелковом платке с остяцкой бахромой, на оленьей шкуре и соломенной подстилке. Лицо закрыто платком с нашитыми на нем 3-мя пуговицами. У головы слева — бляхи, пуговицы, бусы, берестяной туесок, игрушка, над головой котел, на котле сидырянг, а над ним головной убор с вычеканенной сценой — стрелок и деревья, рядом с

ним 2 медные бляхи и бисер. У сидырянга платок с остяцкой бахромой. У головы справа мешочек с деревянными игрушками, под ним кольца и цепи, женский нож с узором, сядай, берестяная коробка с 2-мя деревянными круглыми чашками и аптечной банкой. По обеим сторонам головы по 2 колокольчика. На голове и груди — столовая ложка. На груди круглый железный поднос диаметром 20 см. У правой руки — короткий и длинный женские ножи. Под спиной еще 6 блях и бусы. У правого колена 5 блях медных. У правой стопы 2 колокольчика и стеклянный шарик, у левой стопы — маленький колокольчик. В ногах железное ведерко, а в нем глиняная чашка и русские туфли. За ведерком вышитый шелковый мешочек с пуговицами и цепочками.

Погребение 134. Детский хольмер покрыт досками и берестой от чума длиной 1,77 м, шириной 61 см в головах и 50 см в ногах, гроб и крышка — полулодки. Голова на юг. Вытянут на спине, руки вдоль тела, от атланта до пят 1,06 м. У головы слева сидырянг, на груди ложка, у правой руки две медных пуговицы, у левой ноги остаток корытца для еды, в ногах топор, вдоль тела слева лыжа длиной 73 см.

Погребение 135. Детский хольмер длиной 2,12 м, шириной в головах 60 см, в ногах 55 см, гроб и крышка полулодки, покрыты доской и берестой от чума. У носа лодки лежит топор. Голова на юг, ногами к носу лодки, от атланта до пят 1,25 м, у головы справа берестяная чашка, на груди — подвеска с изображением коня и табакерка-рожек с узором, у правой руки нож мужской.

Погребение 136. Верховой хольмер, заросший воронцом. Гроб-полулодка длиной 2,15 м, шириной 0,75 м. Головой на юг, ногами к носу лодки, вытянут на спине, костяк истлел. У головы слева — рожок, ножны, ложка, справа — пуговица и кольцо, красные глиняные и стеклянные бусы, 2 ложки русской работы. На правой руке — “коренушка” (деревянный сосуд), медная пуговица и кольцо, рассыпаны красные бусы из глины. На груди — поварешка, на животе — бляха со звездой, по обоим сторонам таза — по 2 медных колокольца, вдоль туловища слева — ножной лук, на левом бедре 5 деревянных стрел и 1 железный вильчатый наконечник, в ногах — ручной лук длиной 66 см, разбитая бутылка зеленого стекла, деревянная лодка-игрушка, модель ножного лука с 4 зарубками по краям каждого ребра.

Погребение 137. Детский гроб-ящик, укрепленный 2-мя парами стоек, ориентирован головой на юг, длиной 1,0 м, шириной 0,33 м, покрыт досками и берестой от чума, вытянут на спине, руки

вдоль туловища, верхняя часть костяка потревожена, в районе груди черная бусина.

Погребение 138. Верховой сгнивший хольмер длиной 2,67 м, шириной 85 см, гроб-полулодка носом на север. Длина костяка с головы до пят 1,4 м, ногами к носу лодки, вытянут на спине. Женское. Голова укрыта ситцевым платком, к концам которого прикреплено по бубенчику. На покойнице суконный сах, обшитый оловянными бляшками, бусами. Под головой две полоски бересты лежат крест-накрест. У головы слева — корытце для еды, тонкая кость с плеткой из оленьих жил, завернутая в оленью шкуру, справа — ковшик деревянный резной, под ним оловянные квадратные бляшки, на правом плече — доньшко квадратное от деревянной коробки, на груди — деревянная чаша, а в ней серьга и перстень, шелковый остяцкий платок, в нем сончат сгнивший, окутан отлибом, бляха с птицей, оловянные серьги, бусы и бисер, перстни, позолоченная бляха с лошадью, плоская глиняная плошка, на левой руке медная ложка, на животе — деревянная чаша, у кисти левой руки нож с деревянной ручкой, в ногах железные цепи от оленьей упряжи, сгнивший цилиндрический туесок, бутылка с отбитым горлом.

Погребение 139. Верховой детский хольмер длиной 1,3 м, шириной 0,47 м, в нем гроб-полулодка, покрытая полулодкой, носом на СЗ, голова на ЮВ, от атланта до пят — 63 см. У головы слева — железная чашка, справа — глиняная аптечная баночка, берестяная коробочка, у левого плеча — сидырянг, берестяная коробочка, у правого плеча железная полая пуговица. На груди — бубенчики, у кисти правой руки — 3 медных пуговицы, бляха из железа, 2 колокольчика, 2 счетных жетона Людовика XVI, на животе деревянная чаша.

Погребение 140. Верховой детский хольмер, ориентированный головой на ЮВ, длиной 2,03 м, шириной в ногах 0,49 м, в головах — 0,53 м, гроб-ящик, от атланта до пят 1,11 м. Под головой деревянная дощечка с просверленными дырочками, около головы деревянная лопатка, берестяная коробочка, связка пуговиц, кольцо и 20 бус, 2 су Людовика XVI (на самом деле, счетные жетоны. — Н.К.), на животе берестяная коробочка, шитая оленьими жилами, синяя бусина, в ногах — олений рог.

Погребение 141. Хольмер длиной 2,9 м, шириной 1,7 м, двойное погребение в полулодках носами на север.

Погребение “А” (восточное). На крышке гроба топор, 3 ножных лука и пара лыж и шелковый сах. Вытянуто на спине. Длина костяка 1,3 м,

под трупом берестяная подстилка. Слева от головы деревянная чашка, на груди 2 бляхи (со всадником и со звездой), у правого бедра — мужской нож в деревянных ножнах, в ногах железное цилиндрическое ведро, 5 блоков от оленьей упряжи, мужские “алаки”.

Погребение “В”. У носа лодки лежат 2 ножных лука, медный котел. Костяк вытянут на спине, длина 1,49 м. У головы слева корытце для еды, под ним дно глиняной плошки. На ключицах 2 бляхи с конем. На груди сончат гнилой, с ним отлиб, рожок табачный, на правом плече берестяная коробочка из целого куска, у левого плеча — бляха с орлом, на левой руке рожок-пороховница и нож. На животе бляха с кругами и ложка. Деревянная чашка под тазом. Слева от тела — ручной лук длиной 1,98 м. В ногах слева берестяная коробочка из цельного куска и 2 стрелы от ножного лука с железными вильчатыми наконечниками.

Погребение 142. Детский хольмер, полуразрушен, гроб ящиком, ориентирован головой на ЮВ. Длина 0,85 м, ширина 0,31 м. Под головой медная подвеска и 2 бусины. Кости сгнили.

Погребение 143. Хольмер верховой длиной 2,3 м, шириной 0,68 м, на нем весло и лук, гроб-полулодка с такой же крышкой, ориентирован головой на юг, ногами к носу лодки, мужское погребение проросло корнями березы, вытянут на спине, руки вдоль туловища, кисти под тазом, от атланта до пят 1,85 м, подстилка — оленьи шкуры. Череп отсутствовал. У левого плеча остатки чугунной чашки, на груди остатки железного котелка и деревянной чаши. На животе кожаный пояс с 4 бляшками, справа от него нож в ножнах. В ногах оленья кожаная черная упряжь.

Погребение 144. След от хольмера длиной 2,8 м, шириной 1,1 м, все проросло корнями березы, голова на юг, длина костяка 1,6 м. На трупе разбитые оленьи мозговые кости. У правого бедра широкий нож в кожаных ножнах. Труп завернут в шелковый сах с позументом, на ногах железный котел.

Погребение 145. Детский хольмер длиной 1,7 м, шириной 0,75 м. Гроб-полулодка. Голова на ЮЗ, ногами к носу лодки, вытянут на спине, лицо накрыто тряпкой, и она зажата во рту, на ней оловянные бляшки-крестики. Труп лежал на оленьей шкуре и соломенной подстилке. У головы справа — гнилая деревянная рюмка, у левого плеча железный ковшичек, на поясе — 5 медных пуговиц в ряд, справа от таза — железная крупная вильчатая стрела, на коленях — деревянная чаша, между голени деревянный черенок от ножа.

Погребение 146. Верховой детский хольмер, полусгнивший. Гроб ящиком, длиной 1,28 м,

шириной в головах 0,46 м, в ногах — 0,4 м, ориентирован головой на юг, вытянут на спине, руки вдоль тела, от атланта до пят 0,71 м. У головы слева — железная чашка, на ногах кожаный мужской олений пояс, 2 синие бусины, у правой голени — маленький ножик, у левой голени — остатки маленького топорика.

Погребение 147. Хольмер длиной 2,7 м, шириной 0,7 м, истлел, гроб-полулодка. Самоедка. Голова на юг, ногами к носу лодки, длина истлевшего костяка 1,37 м. Под телом — суконный женский халат “поны”, пола которого обшита оловянными бляшками. Слева от головы — бляхи от головного убора, под халатом у плеча бусы. За головой — железная женская самоедская пряжка. Справа от головы — железный ковшик, 5 перстней, на груди — бляха со всадником, на животе — деревянная чаша. Слева от таза женский нож, украшен бусами. Вдоль левой ноги — 7 звеньев цепи для оленей, 2 костяных кривых пластины от оленьей уздечки. В ногах найдены две костяные дужки от берестяных ведер, в которых носят воду, ручка от ножа с металлической головкой, топор, костяная курительная трубка.

Погребение 148. Верховой детский хольмер, ориентированный головой на ЮВ, покрыт досками и берестой. Гроб ящиком длиной 1,85 м, шириной 0,65 м, вытянут на спине, руки вдоль тела. У головы слева — 15 бус и бляшка, справа — 2 разбитых полуштофа (квадратных), 20 бусин к вогнутой подвеске, трубка медная для кос, на груди оловянная подвеска и вогнутая бляха, слева от таза 3 бубенчика, бляха, 18 бусин, у правой руки — женский нож, на правой руке 2 кольца, бусы, у левой ноги 20 оловянных нашивок, 2 крестообразные бляшки с бубенчиком.

Погребение 149. Хольмер разрушен, его длина 2,45 м, ширина 1 м. Гроб-полулодка, все сгнило и проросло корнями. Длина женского костяка 1,4 м. Самоедка. Вытянута на спине, руки вдоль туловища, ногами к носу лодки. Труп одет в шелковый халат с позументом. На голове железный котел, слева от него разбитая бутылочка, справа — разбитый полуштоф, под ним 2 бляхи со всадником, на груди 2 кусочка слюды, на правой руке деревянный половник, на тазе плоская деревянная чаша, у кистей рук по обеим сторонам таза по колокольцу, на груди сверху колокол валдайский, на левой руке серебряный перстень. В ногах 2 деревянных блока от оленьей упряжи, женские самоедские “алаки”, берестяное ведро, глиняная кружка.

Погребение 150. Детский хольмер, ориентирован головой на юг, гроб-ящик длиной 1,23 м, шириной 0,43 м, от атланта до пят 59 см, вытя-

нут на спине, руки вдоль тела. В головах 18 бусин, слева от головы — деревянная чаша, справа — медная чаша, у левой руки обломок хрустального бокала, колокольчик, у пояса 10 пуговиц и 4 пуговицы в ногах.

Погребение 151. Хольмер сгнил, его длина 2,2 м, ширина 0,9 м, гроб-полулодка. На гробу лежала каповая деревянная чаша, а в ней завернут в бересту листовая табак. Костяк истлел, сохранился лишь череп под прикрытием большого железного ковша. Длина костяка 1,45 м, женщина, головой на юг, ногами к носу лодки, вытянута на спине, руки вдоль тела, кисти под тазом. Труп обернут в холщовую ткань с истлевшим позументом.

У головы — остатки женского головного убора из кожи. У левой руки ножик с медной ручкой, на правой стороне груди — 2 медные бляхи, под тазом — корытце для еды, а в нем 2 чашечки.

Погребение 152. Сгнивший хольмер, гроб ящиком длиной 1,04 м, шириной 0,34 м, ориентирован головой на юг, сохранились фрагменты детского черепа, справа в изголовье 2 подвески, 25 стеклянных бусин, стрела, у ног — 2 бубенчика.

Погребение 153. Детский хольмер, гроб ящиком длиной 1,1 м, шириной 0,48 м, доски и крышка истлели, ориентирован головой на юг, погребение проросло корнями березы. Слева от головы — деревянная чашка, справа — обломки звонка, ложка, на животе корыто для еды, обломки звонка, под корытцем — обломки бляхи, у правой руки перстень.

Погребение 154. Детский хольмер длиной 1,25 м, шириной 65 см, гроб-ящик. Кости все в беспорядке, объеден крысами. Под головой железное ведерко, слева от него деревянная чашка, а в ней бусы. Белого стекла туалетная бутылочка, медная пуговица со львом, справа от головы — медный ковшик, на животе кожаный пояс с бляшками, в ногах — подвески и бляшки, бляшки с зубцами, комок медных литых пуговиц, колокольчик, бусы, выгнутая круглая бляха, а на ней бусы.

Погребение 155. Детский верховой хольмер длиной 0,84 м, шириной 0,40 м, ориентированный головой на ЮВ, наверху железный ковшик без ручки. Фрагменты черепа разбросаны, в районе живота — медная чашечка и медная пуговица, на ногах — 2 куса черной воловьей кожи, остаток берестяной коробочки, 10 бус разных цветов.

Погребение 156. Верховой хольмер длиной 2,6 м, шириной 0,8 м, высотой 55 см. Гроб-полулодка, крышка и бока сгнили и проросли корнями. Под носом лодки 2 ножных лука, в головах — железный котел. Под крышкой было накрыто желтое сукно, лицо накрыто куском ткани, засунутой в рот, и сверху — куском кожи. Длина кос-

тяка 1, 5 м, головой на юг, ногами к носу лодки, вытянут на спине, руки вдоль тела, кисти рук под тазом. Мужчина. У головы слева — железный ковш, на груди — берестяная тавлинка, на сердце треугольная бляха с дырочками. На левой руке шитая жилами берестяная коробочка с узором “заячьи уши”, на животе широкий шерстяной пояс, у кистей рук по бубенчику, у правого бедра — след от железного ножа, у правого колена обрывок мужского “алаки”, в ногах — топор, истлевшие русские бродни. На трупе бляшки оловянные.

Погребение 157. Верховой хольмер, в нем гроб-ящик размером 1,0 м × 0,42 м. Между хольмером и гробом найдены палки, которыми спускают гроб. Голова на ЮВ. Подстилка из травы, у ног — береста. У головы справа железная кружка, деревянная ложка, сидырянг, обернутый в тряпье, 2 круглые бляшки с 4-мя дырами, на груди — следы 2-х бубенчиков, деревянная ложка, на животе — пояс шерстяной с 5 пуговицами, 6 бусами и 5 бляшками. Справа 15 бисерин и 2 пуговицы. На ногах деревянная тарелка, 6 бус, 3 оловянные пуговицы.

Погребение 158. Хольмер сгнил, длиной 2,7 м, шириной 1 м. Гроб-полулодка. Крышка сгнила. Головой на юг, черепа не оказалось, уцелела одна челюсть. Направо от гроба 2 ножных лука, у левого бока покойника железный вильчатый наконечник стрелы и ржавый нож, в ногах топор, возле челюсти — железный ковш, а в нем оловянные бляшки.

Погребение 159. Длина следов от хольмера 2,6 м, ширина 0,8 м, гроб-полулодка, головой на юг, вытянут на спине, ногами к носу лодки, руки вдоль тела, кисти под тазом, длина костяка 1,4 м. Женщина. У головы слева — железный ковш, под ним женские “алаки”, справа — 4 большие медные бляхи от головного убора. На сердце круглая медная бляха, у левой руки — женский нож, у правой руки берестяная коробочка из одного куска. Между колен бубенчик, в ногах — железная пряжка от женской упряжи с левого переднего оленя старинной формы с кольцами, наперсток, обломок глиняной крынки, женский нож.

Погребение 160. Детский хольмер, гроб ящиком размером 0,68 × 0,23 м, головой на ЮВ, костяк разбросан, могила проросла корнями деревьев. В головах железная кружка с загнутыми краями.

Погребение 161. Детский хольмер, скрепленный парой стоек, гроб-ящик, длиной 1,12 м, шириной 0,47 м. Между хольмером и гробом обломки деревянной чашки. Ориентирован головой на юг. От атланта до пят 0,49 м, у головы слева — берестяная коробочка. На груди 3 перстня и на-

персток. У ног деревянная чашка, ложка, 9 бус, кожаный узор.

Погребение 162. Хольмер длиной 2,85 м, шириной 1 м, все проросло корнями березы, гроб-полулодка. Наверху было весло. На крышке гроба сидырянг с пуговицами, ложкой и табакеркой. В головах возле лодки железное ведро. Женское самоедское. Длина костяка 1,33 м, вытянут на спине, руки вдоль тела. Труп на соломенной подстилке (“тахар”) и на женских “алаки”, разостланных вдоль дна гроба. У головы слева — комок вара от лодки, 6 прорезных блях с бусами, справа — 2 костяных ножа для чистки рыб из оленьих лопаток, бусы и трубка от головного убора, на груди — ложка, железный ковш, поварешка самоедская, стеклянная цилиндрическая фунтовая банка и маленькая зеленого стекла бутылочка вроде тех, в которых хранят теперь масло и керосин, на сердце бляха с двумя львами возле дерева, у левой руки нож в деревянных ножнах и с деревянной ручкой, маленький деревянный ковшик, у правой руки — рожок-табакерка с инкрустацией, широкий женский нож с деревянной рукоятью, у правого бедра ковш птичкой самоедский, у левого бедра ендова медная опрокинутая, на левой голени — кожаный мешок, а в нем берестяная коробочка, в которой пучки колец, пуговиц, бусы, бисер и кусочки слюды, у левой стопы — 2 железных петли от лямок к оленям, в ногах крынка черной глины, “алаки”, старинная пряжка, железный ковш.

Погребение 163. Детский верховой хольмер, в нем гроб ящиком длиной 75 см, шириной 40 см. Хольмер и гроб покрыты досками, голова ориентирована на юг, вытянут на спине, руки вдоль туловища, от атланта до пят 44 см. У головы слева берестяной короб с узором, на животе чашка из желтой глины, у правой руки женский нож.

Погребение 164. Верховой хольмер, накрыт досками, длиной 2,3 м, шириной в головах 0,73 м, в ногах — 0,63 м, в нем гроб-полулодка накрыт досками и берестой. Мужчина, вытянут на спине, руки вдоль тела, ногами к носу лодки, головой на юг, от атланта до пят 1,48 м. У головы слева табакерка деревянная овальная, наконечник стрелы железный вильчатый, маленький железный ковшик, ножик мужской, рожок-табакерка. У головы справа — табакерка берестяная, сидырянг в железном ковше, мужской нож, у правого плеча — берестяная коробочка, между ног топор, в ногах — железный котел и кожа от мужской оленьей упряжи и оленья яро.

Погребение 165. Детский хольмер с гробом-ящиком, длина 1 м, ширина 0,37 м, головой на ЮЗ, вытянута на спине. Подстилка — оленья

шкура, под которой береста. Девочка. Справа от головы — сидырянг, от головного убора бляшки оловянные и бусы на сукне, на животе корытце и лодка костяная.

Погребение 166. Хольмер длиной 2,25 м, шириной 0,75 м, все разрушено и заросло кустами березы. Гроб-полулодка. На гробе было 2 ножных лука. Длина костяка 1,4 м. Мужчина, ногами к носу лодки, вытянут на спине, на лице — тряпка с нашитыми против глаз и носа пуговицами, у головы справа — берестяная коробка с узорами, деревянная чашка, окрашенная красной краской, мужской ножик. По обеим сторонам таза у кистей рук — колокольчики, у правого бедра — железный вильчатый наконечник стрелы, в ногах слева — топор, в ногах — мужской “алаки”.

Погребение 167. Хольмер длиной 1,7 м, шириной 0,5 м, головой на ЮЗ, все заросло корнями березы. Гроб-полулодка. Взят один череп, других костей нет и следа.

Погребение 168. Хольмер сгнил, его длина 2,5 м, ширина 0,75 м, гроб цел. Головой на ЮЗ. Мужчина, вытянут на спине, на голове железное ведро, у правого плеча рожок, на животе пояс с медной прямоугольной пряжкой с прорезьями, по обеим сторонам таза возле кистей рук — по колокольчику.

Погребение 169. Детский гроб-ящик длиной 84 см, шириной 27 см, головой на ЮЗ, покрыт досками. Справа от головы — деревянная чашка местной работы, под головой 20 бус, на тазу — ковшичек остяцкий и самоедский с носиком, у правого бедра — чашка деревянная с ручкой инородческой работы, у левой голени — кольцо и оловянная застежка с узором в 2-х частях (книжная? — Н.К.).

Погребение 170. Хольмер сгнил, его длина 2,65 м, ширина — 0,9 м, гроб-полулодка, вросший в землю. Женщина. Костяк длиной 1,35 м, головой на юг. В головах — 2 бляхи с прорезным узором, в ногах — топор.

Погребение 171. Детский хольмер с 2-мя стойками длиной 1,24 м, шириной в головах 0,55 м, в ногах — 0,43 м, накрыт досками, ориентирован головой на ЮВ, подстилка из плетеной травы. От атланта до пят 0,90 м. У головы слева — деревянная чашка, у головы справа — сломанный маленький железный ковшик и сидырянг. У правой руки кухонный нож, у правого бедра — мужской нож, на ногах деревянная тарелка.

Погребение 172. Детский хольмер покрыт досками, в нем гроб-ящик длиной 1,07 м, шириной в головах 0,37 м, в ногах — 0,32 м, покрыт берестой. Вытянут на спине, руки вдоль тела, головой на юг. Костяк истлел, оброс сфагновым

мхом. У головы справа нож, у правой локтевой кости — корытце для еды.

Погребение 173. Могила остячки “Неодю” — Ядыпе-ях. Была замужем за халас-пугорским самоедом. Шаманка. Могила с насыпью высотой 0,2 м. Длина 1,75 м, ширина 0,8 м, глубина 0,6 м. Длина гроба-полулодки с обрезанным концом 1,65 м. На могильном холмике лежало остяцкое корыто, под ним — разливательная остяцкая ложка, круглая точеная чашка и полозья от нарт. На крышке гроба-полулодки — маленький сундук, обитый полосками жести, а в нем разбитая рюмка, 2 аптечные бутылочки, 3 медных трубки от кос, плетеная тесемка для них, два ножа. Вытянута на спине, ногами к носу лодки, головой на юг, руки вдоль тела. Покойница была одета в сах. Голова закрыта красным ситцевым платком. В каждой из глазных впадин по паре розовых стеклянных бус, у головы слева — табакерка, “айкас”, свернутый в комок, у правой руки нож в ножнах, между бедер фарфоровое блюдце (?), у правого бедра фарфоровая чашка.

Пури-сале (щучий мыс). Погребения 174–177

Правый берег Большой Оби, нижний мыс против Сумат-нёла.

Погребение 174. Верховой хольмер-ящик, служащий и гробом. Крышка двускатная, как у хозяйственных ящиков. Длина 1,35 м, ширина 0,5 м, высота 0,33 м. Сверху гнилая оленина. Девочка, головой на юг, вытянута на спине, лицо закрыто суконной тряпкой, одета в желтый суконный сах, на который нашиты медные кольца. Под головой пара оленьих кисов. Под сахом у левой кости таза — железные кольца от штанов. Руки под тазом. От детского головного убора остатки кожи, под спиной трупа — цепочки, черные старинные бусы с глазками. Под гнилыми шкурами, на которых лежал труп — стружки от досок. У головы слева — глиняная плошка, справа — деревянный сундучок с кукольным изображением покойной. У правой руки бисер и медный наперсток, на правой голени — берестяная коробочка, в ногах сломанная деревянная ложка.

Погребение 175. Детское погребение в земле, гроб ящиком длиной 0,78 м, шириной 0,40 м в головах и 0,33 м в ногах, ориентировано головой на юг. Труп высохший, на голове сгнивший чепчик и головной убор от гуся, на глазах пара синих бус и кругом головы привязана ниткой, под головой древесная стружка. У головы слева — деревянная чашка, связка синих и белых бус, спра-

ва — берестяная коробочка, на груди медная подвеска, в ногах слева — мужской нож.

Погребение 176. Детское погребение в земле, гроб размером $33 \times 37 \times 35$ см, высота могилы 36 см. Голова на юг. В ногах деревянная ложка, корытце детское для еды и нож женский. Под ногами найдены камни для прикладывания к пупу.

Погребение 177. Казым-хой — кости медвежьего шамана Ньенуттанэ. Деревянный ящик из досок, высотой в 3 доски, почти квадратный, на крышке старый мужской “алаки”, завязанный узлом. В ящике в центре коробка с черепом, перед ней ковшик металлический, слева в углу — крестовая кость, в другом углу — чайник, ложка.

Погребения остяков Орас-ях Суматнэльских юрт (погребения 178—182)

Погребение 178. Правый берег Оби против Сумат-нэла. Хольмер совершенно разрушен, кости истлевшие разбросаны. Женское погребение. В ногах найден череп, зубов — 10, по 5 в каждой челюсти. Ногами на ЮВ. Найдено 16 бус, трубка от головного убора, медная литая пуговица.

Погребение 179. Хольмер разбросан по доскам, кости полуистлевшие переломаны и валяются перемешанными с гнилой оленьей шерстью. Найден череп, а в другом углу челюсть. Гроб-ящик. Женское погребение. Ногами на ЮВ, головой на Обь. Найдены топор, женский нож, деревянная чашка.

Погребение 180. Хольмер разрушен, кости разбросаны, вещей нет, головой на СЗ.

Погребение 182. Хольмер разрушен, череп под ближайшим березовым кустом, челюсть под бревнами. Женское погребение. В трухе несколько бус и гнилой нареп — меч от вшей, деревянное корыто, медная пуговица, ложка и железное огниво.

Кладбище Халай-Воде-нял (погребения 184—198)

Погребение 184. Могила глубиной 0,87 м. Гроб длиной 1,85 м, шириной в головах 0,5 м, в ногах — 0,45 м, головой на юг. Самоедка, бывшая замужем за остяком. Вытянута на спине, ноги чуть подогнуты в коленях, руки вдоль тела, кисти под тазом. Под головой отлиб, гнилой тантлэс — скребок. У головы слева фарфоровая чашка с блюдцем, мешочек с гребнем, футляр для огнива,

у головы справа — деревянная чашка. У левой руки 2 ножа, лежащих один лезвием к ногам, другой лезвием к голове, на лобке — берестяная коробка.

Погребение 185. Детский хольмер, ориентирован головой на СЗ, длиной 0,9 м, шириной 0,32 м. Костяк сгнил без остатка. В головах (?) чашка деревянная с камешком внутри, в середине 3 бусины и колокольцы по бокам.

Погребение 186. Хольмер длиной 2,2 м, шириной 0,55 м покрыт досками от лодки, листовыми бревнами, берестой. На гробу лежал медный котел. Гроб-полулодка, голова на ЮВ, костяк в беспорядке. Подстилка из оленьих шкур. В районе таза — железный ковшик, табакерка, женский нож в ножнах.

Погребение 187. Детское погребение в верховом хольмере размерами $39 \times 28 \times 28$ см, в нем гроб размером $30 \times 15 \times 13$ см. Головой на ЮВ. В головах — ложка и табакерка, в ногах — сидырянг.

Погребение 188. Детское погребение в земле, головой на восток. Размер гроба $1 \times 0,5$ м, длина от атланта до пят — 0,55 м, кожаная подстилка.

Погребение 189. Женское погребение в земле. Гроб-полулодка, головой на ЮВ. От атланта до пят 1,3 м. На глазницах пуговицы. Под головой кожаная оленья упряжь, за головой — берестяная табакерка с узором. Справа от головы — маленькая берестяная коробочка, большая берестяная табакерка, нож с деревянной ручкой. Слева от таза — 4 кольца, справа от таза — 3 медных кольца.

Погребение 190. Женское погребение в земле. На могиле — корыто для еды и котел железный и железный ковш. Могила в форме полулодки, тело обернуто в бабью ягушку, подстилка — суконная тряпка. Головой на юг. Руки на тазу, в изголовье слева — желобок деревянный, у головы справа — рожок-табакерка, целая фарфоровая чашка Кузнецова, около рук — медные кольца-застежки, у пояса (шерстяная опояска), справа — 2 ножа.

Погребение 191. Детское погребение в верховом хольмере длиной 1,3 м, шириной 0,7 м, укрепленном 2-мя парами стоек. Гроб-ящик. Кости в беспорядке, череп смещен, ноги на СЗ. В головах слева — 2 железных кольца, справа — овальная табакерка и берестяная прямоугольная чашка, на животе — деревянная ложка, в ногах — ножны.

Погребение 192. Шаман Хемберча — Орас-ях, остяк. Похоронен 20 лет назад в возрасте около 70 лет. (Старик Райка не сказал его име-

ни — очень страшное⁴). Орас-ях называют его прадедом нытгырма и почитают как пената-святого. На гробе — бубен и колотушка. Верховой гроб-полулодка (без верхового хольмера), укрепленный 2-мя парами стоек. Длина 2,41 м, ширина в головах 0,83 м. Под гробом у правой руки — деревянная палка длиной 1,08 м. Гроб заколочен деревянными гвоздями. Труп покрыт ситцем. Голова на ЮВ. Волосы заплетены в 4 косы. На пояснице — 2 речных валуна фунта в 2, на спине еще 2 камня весом 3—5 фунтов, чтобы он не выходил по ночам и не пугал никого. В суконном кусе и оленьей малице (мертвого шамана одевают как живого). Шаман может пройти сразу по обеим сторонам растущего дерева и оставить свой след и направо и налево от ствола, так что дерево будто прошло через него.

Вытянут на животе, правая рука согнута в локте и лежит под грудью ладонью к телу, левая полусогнута, лежит под гусем и под тазом ладонью к телу. Все зубы целы. Под головой лежат кисы с соломенной подстилкой. Справа от головы — оловянная табакерка в форме рожка. В ногах деревянная чаша с табакеркой и две другие деревянные чаши диаметром 24 и 30 см.

Погребение 193. Верховой хольмер длиной 1,8 м, шириной 0,8 м, высотой 0,6 м. Самоедка, жена самоеда Яптик. Старик Райка ее знал.

Вытянута на спине. Руки вдоль тела. Левая кисть под тазом, правая кисть — на тазе. Голова на правом боку, на глазах по синей бусине. На голове — шапка из зеленого и желтого сукна с опушкой из песцовых хвостов и специальной черной собачьей шкурой. Под головой мешок с отлибом. За головой женский нож. Слева от головы — пест, ступка для растирания нюхательного табаку, у головы справа — суконный портфельчик, чаша с оленьим салом. Волосы расплетены. У левой руки — деревянная чаша с мукой, костяной гребень, у правой руки — скребок самоедский для кож, на груди дно и крышка от табакерки-тавлинки, на животе самоедская женская поясная пряжка, пояс завязан узлом. У левого бедра — скребок с деревянной рукоятью, лиственничная палка длиной 64 см, у правой голени — меч для выколачивания вшей, дужка от котла. Под спиной железный штырь.

⁴ Шаманов хоронят ничком, спиной кверху, руки вдоль трупа, который обвязывается веревками, чтобы не вставал по ночам и не мстил врагам. Похоронен лет 20 тому назад. Когда его похоронили, через 2-е суток он стал пугать семью казымских остяков, в которой жил, его и связали веревками, чтобы не вставал. Старик Райка Ядопчу, увидев его табакерку, закрыл ее, сказав: "Из нее я еще табак нюхал".

Погребение 194. Женское. Верховой хольмер, укрепленный 2-мя парами стоек, ориентирован головой на запад. Вытянуто на спине, руки вдоль тела, кисти под тазом. Лицо накрыто сукном с нашитыми против глаз бусами. В головах слева ... (неразб.) из оленьих жил. На груди бляха с 4-мя кружками. Под спиной 2 подвески с изображением птицы. У правой руки мешочек с наперстком. На животе самоедская поясная пряжка. Слева на тазу деревянная чаша с ложкой, 2 трубочки для подвесок с бусами и медными подвесками, справа на тазу — деревянная чаша. У левой ноги — меч для выколачивания вшей, топор, костяшки от оленьей упряжи. На левой стопе — ложка-поварешка. У правой голени — ножик, у правой стопы — железный ковшик, медное кольцо и 2 перстня.

Погребение 195. Покойница — остячка была похоронена лет 10 назад, была замужем за остяком Орас-хой Суматнелльских юрт. Верховой хольмер длиной 1,95 м, шириной 0,95 м, высотой 0,7 м. На гробе — обрезанная спереди и сзади лодка. В середине крышки — слой гнилых меховых одежд, женский сах из полос разноцветного сукна, опушенный по подолу белым собачьим мехом, затем шли полосы красного и черного сукна, обшивка из черной собачьей шкуры. С правой стороны крышки — сончат, одетый в женский сах, женский ситцевый остяцкий платок, у него ложка, чашка фарфоровая, покрытая блюдцем. В левой части крышки — 2 саха, суконный и олений, крынка из красной глины, медный цилиндрический чайник, в ногах слева — сундучок с чайными принадлежностями. За гробом в головах — деревянная ручка от длинного скребка, топор, деревянная большая ложка, деревянный меч от вшей. Под гробом соломенная подстилка — тахар.

Длина гроба 1,8 м, ширина — 0,85 м. Головой на ЮВ. Вытянута на спине, руки вдоль тела. Лицо закрыто ситцевым платком, на глазах по пуговице. На голове гнилая песцовая шапка. Под головой суконный мешок с "бобровым" узором, набитый отлибом. У головы слева — 2 ножа в ножнах, наперсток, женский рабочий мешок, внутри которого лоскутки, бусы, кусочки оленьих шкур, жилы-нитки, 4 пуговицы, у головы справа — табакерка-тавлинка, бусы и медяшки от головного убора, 2-я шапка, деревянная точеная русская чашечка. На сердце бляха. Вдоль тела тесемки от кос. У левой руки — деревянное бердо и деревянный ножик к нему. Кисти рук завязаны в тряпочки. Пояс завязан. У левого бедра — рожок, между бедер — деревянная чаша. Под спиной под желтовато-красным платком, у которого были завернуты полы, 4 ромба и 3 больших бляхи на трубочках и трубочки с бусами.

Погребение 196. Мужское. Остяк рода Орас-ях по имени Ул-ням. Хольмер верховой, ориентирован головой на ЮВ. Укреплен 3-мя парами стоек, покрыт сверху досками. На хольмере 3 насторожки для ножного лука, лопатка для ловли куропаток, 2 ножных лука, доска от стола размером 64 × 40 см, крючок железный для подвешивания котла над очагом, переделанный из дужки от ведра. Ведровый железный котел возле (?) хольмера. На крышке гроба из 3-х досок — полог (красный кумач), топор и ящик с чашкой и блюдцем (чайный несессер тобольского типа). Гроб — обрезанная с обоих концов лодка. Труп покрыт оленьими шкурами, ягушкой, покрытой сверху ситцем. Лицо накрыто платком, голова обернута в головной убор гуся. Подстилка — оленьи шкуры. Вытянут на спине, руки вдоль тела, левая кисть под тазом, правая — вдоль бедра. Слева от головы — берестяная табакерка, деревянная чаша, справа от головы — чашка деревянная, пара кысов от пимов, на животе — шерстяной пояс, слева от таза — берестяная табакерка, железные кольца. Справа от таза железное кольцо и нож. Вдоль левой голени — топор.

Погребение 197. Ханды-орас-ях (не настоящий остяк, а остяк самоедского происхождения, все из рода орас-ях женятся на ямальских самоедках также как и Ядопчу). Отец шамана Хэмберча, похороненного ничком (погребение № 192). Могила в земле, закидана сверху стволами лиственниц, которые лежат на гробовых досках, закрытых берестяными тисками. Некому было делать хольмер, один Хэмберча, а он был мал, так как отец умер молодым. На могиле пара мужских лыж, хорей. К северу — опрокинутые нарты. Длина гроба 2,8 м, ширина в головах 0,9 м, в ногах — 0,7 м, глубина гроба — 0,55 м. На гробовой доске женские “алаки” и медная пряжка, которые положила жена. Головой на СЗ, вытянут на спине, руки вдоль тела, кисти рук продеты под пояс и лежат на тазе. У головы слева — медный чайник. На правом локте оловянная табакерка русской работы. Пояс, обшитый медными пуговицами с прикрепленным к нему ножом в ножнах, не застегнут. На коленях деревянная точеная чашка. У правой стопы — сломанная лопатка, употребляющаяся при ловле белых куропаток, у левой стопы — сундучок с чайными принадлежностями.

Погребение 198. Самоедская девочка. Верховой детский хольмер, ориентированный головой на СЗ. Укреплен 2-мя парами стоек, покрыт берестой и досками. Гроб ящиком. Руки под тазом, подстилка — олений мех. Слева в головах — чайная чашка фабрики Кузнецова, обло-

мок колокольчика, половина бубенчика, подвеска-звездочка, справа в головах — деревянная ложка кустарной русской работы, чайная чашка фабрики Кузнецова, маленькая фарфоровая чашечка, колокольчик целый и обломанный. В центре ящика — блюдец Кузнецова. У левой ноги — железная поварешка, у правой ноги — старинный самоедский нож с железной ручкой, маленькая чашечка.

Кладбище Тара-Вануй-Халайт (погребения 199–208)

Погребение 199. Мужчина Похренг-ях из Похрумковских юрт. На хольмере длиной 1,75 м, шириной 0,7 м лежали ручной и ножной луки, хольмер закрыт берестой, досками и необработанными лиственницами. Без гроба. Головой на юг. Вытянут на спине, руки вдоль тела, левая полусогнута, кисти под поясом. У головы справа — медная чашка от ковш, на тазе — кожаный пояс, обшитый пуговицами, у правого бедра след от ножен и мужской нож, 3 стрелы с березовым древком, на одной железный вильчатый наконечник, топор. У левого бедра мужские “алаки” и блоки от упряжи.

Погребение 200. Женское. Верховой хольмер, скрепленный 2-мя парами стоек, без гроба. Ориентирован головой на юг. На хольмере лопата для снега. Вытянуто на спине, нижняя половина костяка потревожена. У головы слева — кожаные “алаки”, под спиной у лопатки 19 бус пестрых и 4 медных трубочки для кос, 2 медные подвески со всадниками и 1 с кругами. У головы справа — деревянная чаша и 2 оленьих цепочки. У таза справа — 2 медных кольца, поварешка, рожок-табакерка, меч для выколачивания вшей. У таза слева — кольцо медное, железная ручка от ведра, цепь от упряжи заднего оленя, деревянная ложка, напильник. В ногах — дощечка для шитья, “алаки”.

Погребение 201. Совершено в кормовой половине русской лодки. Мужчина. Кости в беспорядке. Справа остаток от сончата.

Погребение 202. Верховой хольмер длиной 2,57 м, шириной 1,15 м, высотой 0,6 м. Гроб-полулодка, покрыт крышкой из 3-х досок, головой на ЮЮВ. У носа лодки стоит пустой сундук и лежит скребок с длинной ручкой. Покойница ногами к носу лодки, вытянута на спине. Лицо закрыто шелковым платком, на глазах голубые бусы, труп накрыт красным сукном. Длина от 2-го шейного позвонка до пят 1,32 м. У головы справа — деревянная чаша, под ней глиняная чашка и

железный ковш. У левой руки — топор, на сердце ромбическая прорезная медная подвеска, у левой голени табакерка и нож.

Погребение 203. Детский верховой хольмер без гроба, ориентирован головой на юг. Хольмер накрыт досками и берестой от чума. Под головой древесная стружка, костяк сгнил. Справа у пояса — кольцо медное, слева — колокольчик. В ногах деревянная чашечка, фрагмент стеклянной рюмки, маленькая берестяная коробочка.

Погребение 204. Верховой хольмер, укрепленный 2-мя парами стоек, длина — 1,91 м, ширина в головах 0,6 м, в ногах — 0,45 м. Без гроба, ориентирован головой на ЮВ. Мужчина. Вытянут на спине, руки вдоль тела. У правого плеча — сидырянг с деревянной ложкой, у пояса справа — нож с костяной ручкой, в ногах сидырянг.

Погребение 205. Остяк по имени Хоки из рода Ларку-ях, брат похороненного в погребении № 207. Верховой хольмер длиной 2,3 м, шириной 0,6 м, на нем 3 ножных лука, куропаточья лопата, одна лыжа, весло. Гроб-полулодка. У носа лодки — ящик с 5 стрелами, пояс, с другой стороны — 2-я лыжа. На дне хольмера по обеим сторонам гроба — по ножному луку. Головой на ЮЮВ, ногами к носу лодки, вытянут на спине, руки вдоль тела. На левой ключице берестяная тавлинка, ниже сердца — медная бляха с двуглавым орлом. На животе — деревянная точеная чаша, в ней ложка зырянская. Справа от пояса — ножны с мужским ножом, у правого бедра — 2-й нож, лучковое сверло.

Погребение 206. Женщина самоедка. Верховой хольмер длиной 1,68 м, шириной в головах 0,6 м, в ногах — 0,54 м, ориентирован головой на юг. Покрыт досками и берестой от чума. Длина костяка от атланта до пят 1,28 м. Под головой полулуная пластина для уборки прически, на животе берестяная коробочка, в ногах кожаные “алаки”.

Погребение 207. Остяк по имени Паппа из рода Ларку-Похрон-ях. Верховой хольмер с 6 бревнами лиственницы, 5 ножных луков с яспасом (родовым клеймом), Куропаточья лопата (“соха-лис-сар”, перевод: куропатка-петли-лопата). Крышка из 3-х досок, гроб-полулодка. Вытянут на спине, руки вдоль тела. На голове вместо шапки — крышка от медного чайника, у головы слева — фарфоровая чашка, справа — блюдце. На груди справа — тавлинка, у правой руки — нож, на лобке и у правого бедра 2 чаши, у правой голени — топор.

Погребение 208. Погребение шамана Пикче-Ларку-Похрон-ях, двоюродного брата № 205 и 207. (Пикча означает по-самоедски 2-й боль-

шой палец). Умер в 1906 г. Он не неттырма. Шаман был кузнец. Верховой хольмер на 2-х скрепах, длина 2,33 м, ширина 0,94 м, высота 0,6 м. Крышка покрыта берестой на ней 3 лука ножных, лыжи, лопата для ловли куропаток. Головой на юг. На крышке гроба⁵ 2 чашки, сончат, корзинка, нож. Шаманские принадлежности, которыми он перед камланием отворяет ящик с божками. Все это лежит на песцовой шкуре и на белой оленьей шкуре. Размер гроба-полулодки, обрезанной с конца — 2 м.

На трупе зимняя малица, суконные красные куус, 2 замшевых с летней малицей с соб. пандой и спальный олений сах, завязанный на поясе. Вытянут на спине, руки вдоль тела. Кисти рук завязаны. Обвязан поясом по плечевым костям. Ноги связаны веревками из оленьих жил. Под головой 2 пары “кинц” — чижы, 3 пары узорчатых “уай эт”. На лице ситцевый платок. Умер с открытым ртом, так и похоронен. У головы слева — фарфоровая чашка фабрики Кузнецова. У головы справа фарфоровое блюдце и пояс комком. Под спиной и тазом железный крюк “похланты-корды”. Во время камлания этой железкой он прокалывает себя насквозь в то время, как бьет в бубен.

Кладбище на острове Хея⁶ (погребения 209–250)

Самоедские остяки. Покойники остяцкого рода Ядопчу Похрон-ях с женами (больше из ямальских самоедов и потому до сего года более говорят между собою по-самоедски. Кладут иногда и женские вещи мужчинам в гроб).

Погребение 209. Остячка. Хольмер длиной 2,5 м разрушен, след от гроба-полулодки. Под носом лодки — топор. Череп наполовину наружу, челюсть лежит сверху крышки. Длина следа от костей 1,6 м. Головой на юг. Вытянута на спине. Остатки тонкого шелкового сахара. У головы слева — красная глиняная плошка с зеленой поливой внутри, под ней кожаные лямки от замшевых женских штанов. У головы справа — деревянная точеная чашка из капа. На груди справа — кусок смолы от лиственницы (бабы жуют её), на левой ключице — женский кожаный мешочек для смолы, на животе железный ковш.

Погребение 210. Верховой хольмер, в котором два погребения. Погребение “А” девочки в

⁵ В дневнике без объяснения нарисован знак ⊥, который являлся, вероятно, клеймом погребенного.

⁶ Близ Тарасовского рыболовного песка на левом низменном берегу Большой Оби.

гробе-ящике, "В" — женщины в полулодке, накрытой другой полулодкой. Оба погребения головами на юг. Проросли травой и корнями березы и рябины.

Погребение "А" от атланта до пят 0,69 м. Слева от головы 1 подвеска и медный ковшичек, справа — 2 подвески и деревянная чашечка для еды. Под головой 11 бус разных цветов и 4 медные трубочки для кос. На груди медная круглая подвеска с 10 бусами и двумя оловянными бляшками. Справа от таза — нож, колокольчик, медная пуговица, слева — колокольчик, костяная ручка от ножа. В ногах — деревянное корыто, поварешка, деревянная коробка.

Погребение "В" от атланта до пят 1,3 м. Подстилка — суконный гусь и травяной ковер. Вытянуто на спине, руки под тазом. В ногах — крынка из черной глины, доска для шитья, берестяная шитая жилами коробка. У головы слева — железный большой ковшик, справа от головы — доньшко от роговой табакерки, медная трубочка для кос, медный полумесяц, круглая медная подвеска. Под головой — оленья упряжь. У кисти правой руки 2 перстня.

Погребение 211. Женское. Хольмер длиной 1,7 м, шириной 0,65 м. Костей нет, только 3 зуба и челюсть. В головах — доньшко от плоской круглой табакерки с плохим табаком, бусы, медный наперсток, колокольчики. На животе — остаток женского ножа, медная круглая бляха, железный халцелуй.

Погребение 212. Остяк по имени Сялтуко из роду Ядопчу, умер 40 лет тому назад. Хольмер разрушен, длина 2,8 м, ширина 0,8 м. На хольмере 2 ножных лука. Крышка сгнила, на берестяной крышке голубая бусина и пуговица от сончата. На внутренней стороне головной доски хольмера яспас — клеймо. Гроб-полулодка. Голова на юг. Длина следа от пяточной кости до атланта 1,5 м, кости сгнили. Кисти рук под тазом. На сердце — медная бляха и справа к ней острием — женин нож. Справа вдоль тела — ручной лук. В ногах — корыто, мужские "алаки" и топор.

Погребение 213. Женское. Длина хольмера 3,24 м, ширина 0,8 м. Крышка провалилась на костяк. На ней глиняный горшочек для растирания табака и сгнивший пест. Гроб — полулодка. В головах у полулодки — бляха, бусы, ложка от сончата, топор. У левого борта — меч для выбивания вшей. Череп наполовину сгнил, лежит на правом боку. Головой на юг. Ноги в сторону носа лодки. Труп был завернут в замшевый "нючи" и укрыт сверху "алаками". В головах: железный ковшик, в нем сончат, бляха со всадником, бляха с 4-мя сердечками, 2 бляшки оловянные от сон-

чата, деревянная чашка, в ней бубенчик от платка, 10 звеньев железной цепи от задних оленей, под головой — отлиб, проволочное колечко от тряпки, которой закрывают лицо. Пояс выше таза завязан. На животе лежат большая ложка, нож женский, ложка среднего размера, рожок с оловянной инкрустацией. Правая рука на тазе, на пальцах 4 перстня. Ниже таза — деревянная чаша. У левой голени — "ороп" из кожи и бересты. В ногах медный котел и блок от упряжи.

Погребение 214. Женское. Хольмер длиной 2,3 м, шириной 0,85 м, сгнил. Голова на юг. Все поросло корнями, кости истлели. Голова в кожаном головном уборе лежала в медном котле, рядом железный наперсток, справа от головы — деревянная чаша, 3 бляхи с ушками с изображениями всадников, под обоими плечами — по березовому грибу, на левом предплечье — бляха со всадником без ушка. У правого бедра — рожок-табакерка, у левого бедра — большая ложка для жира перевернута, 6 звеньев железной цепи для задних оленей, в ногах — большой топор и 3 звена железной цепи для оленей.

Погребение 215. Женское. Длина хольмера 2,4 м. На крышке гроба пестик для растирания табаку с 6-ю зарубками. Труп был на желтом сукне и на оленьих шкурах, которые все сгнили. Голова на юг, вытянут на спине. Длина костяка 1,35 м. Голова в железном котле, у головы справа — железный ковшик на длинной ручке, который используют во время езды не слезая с нарт, большая бляха со звездочками, бляха со всадником, цепь в 6 звеньев для оленей, слева от головы — берестяная коробочка. На животе — табакерка из оленьей кости. На левой руке 3 перстня, на правой — 2 перстня.

Погребение 216. Женское. Верховой хольмер, длиной 2,2 м, шириной 0,67 м в головах, 0,58 м в ногах, в нем гроб-полулодка. Головой на ЮВ. У головы слева — фрагменты деревянной чаши, два кресала с звеньями для добычи огня из камня. У правого и левого плеча по большой медной подвеске. На груди обломки черных бус. На животе медная самоедская пряжка с кожаным поясом. У пояса слева — нож. В ногах слева железный котел, топор.

Погребение 217. Самоедка, девочка. Длина гроба 1,4 м, ширина 0,45 м. Руки под тазом. За головой — ножик, у головы — бляшки от головного убора, бусы. На груди бляшки с халата, ножик женский. На лобке — круглая бляха, у кисти правой руки — бубенчик. На бедрах медная ложка, у левой стопы корытце. В ногах медный венчик от головного убора, самоедская железная пряжка, корытце, игрушки и круглая чашечка.

Погребение 218. Остячка. Гроб-полулодка длиной 3,35 м, шириной 1,28 м, под носом лодки — железная цепь, “алаки”, деревянное корытце. Черепа нет. Ногами к носу лодки. Вытянута на спине. Труп в желтом сахе, обшитом позументом. Длина костяка без головы 1,3 м. Руки завязаны под тазом. У правого плеча — 2 медные бляхи на трубочках, у левого плеча — три бляхи на трубочках от головного убора. На сердце старинная русская запонка со стеклом. У правой руки меч от вшей, ложка, 2 сончата — мать и дитя, у правой ноги — дощечка для чистки гребня. У левой руки — бусы, бляшки, цепь оленя, большой железный ковш, под ним деревянная чашка. На правой руке перстень. На бедрах — деревянная чаша, на ногах — оловянные бляшки от саха. В ногах овальная коренушка, а в ней глиняный горшок и медная ложка, деревянная заплатка на сломанную руку или ногу.

Погребение 219. Женское. Хольмер длиной 1,45 м, шириной 0,68 м в головах, 0,45 м в ногах, без гроба. Головой на юг. Покрыт досками и берестой от чума. На хольмере обод от барабана, подстилка из соломенного ковра. От атланта до пят 0,65 м. Под головой 30 бус. Слева в середине — 2 колокольчика. На коленях — 3 пуговицы, перстень и связанные в пучок медные пуговицы. В ногах — деревянная чаша, берестяная шитая оленьими жилами коробка, медный ковшик с отломанной ручкой, сгнивший мешочек с медными кольцами, 29 бус черного цвета.

Погребение 220. Женское погребение, остячка. Хольмер длиной 3 м, шириной 0,9 м, высотой 0,65 м. Гроб — полулодка русская. Ногами к носу лодки. Головой на ЮВ. Вытянуто на спине. Длина костяка 1,35 м. У головы слева 3 большие бляхи, у головы справа — деревянная чаша, 2 ножа. На груди — корытце, две из четырех палочек, употребляемых для распливания свежей медвежьей шкуры. Под левой ступней — “ороп”. В ногах — шелковый женский остяцкий платок, бубенцы, колокольцы, оловянные бляшки, заготовленные для обшивки суконного саха, берестяная коробка с мешочком, в котором 8 человеческих зубов, глиняный горшочек, 4 перстня, ложка, туес, шелковый платок.

Погребение 221. Верховой хольмер длиной 2,60, шириной 0,7 м, головой на восток. На хольмере 3 пары оленьих голов и оленя железная цепь в 8 звеньев. Гроб-полулодка. Подстилка из плетеной травы, проросло травой. Вытянуто на спине, от атланта до пят 1,65 м. У головы слева — деревянная чаша токарной работы, подвеска. За головой справа железный халцелуй и цепь от упряжи. У головы справа — круглая подвеска, бере-

стяная коробочка, роговая табакерка, медная подвеска. На груди медная подвеска, у кисти левой руки — колокольчик. У таза справа — деревянная точеная чаша. В ногах пряжка от самоедского женского пояса, топор, 5 звеньев от оленьей цепи.

Погребение 222. Шаман по имени Нэуа из фамилии Ядопчу. Хольмер и гроб совершенно сгнили. На месте погребения выросла густая 3 метра высотой рябина. Голова и медвежья шкура ... (неразб.), его длинный меч, которым он себя колот во время моления и шаманский меч. Головой на юг (сомневаюсь, его ли челюсть).

Погребение 223. Женское. Верховой хольмер, скрепленный 2-мя парами стоек, на нем 2 пары оленьих рогов, на крышке гроба сидырянг. Голова на восток. От атланта до пят 1,2 м. У головы слева — деревянная чашка, справа глиняная разбитая чашка и деревянная ложка, на груди медная подвеска, деревянная ложка. Вдоль по спине и на руках парчевая нашивка на сукно. Слева от тела 2 ножных лука.

Погребение 224. Женское. Хольмер длиной 2,55 м, шириной 0,9 м сгнил, гроб тоже. Вытянут на спине, руки вдоль тела. Длина костяка 1,4 м. На правом локте бляха со всадником, на животе большая ложка. Под спиной 2 железные трубки от кос, у таза слева — женский нож.

Погребение 225. Женское. Длина следов от хольмера 1,75 м, ширина 0,75 м. Кости перемещены. На тазу женский нож. С правой стороны деревянный старушечий посох длиной 1,05 м.

Погребение 226. Длина следов от сгнившего и затянутого корнями хольмера 2,45 м, ширина 0,95 м. Вытянут на спине, голова на юг, череп на правом боку. Левая рука согнута в локте, кисть около шеи. У правого бедра — железный нож.

Погребение 227. Верховой хольмер длиной 2,4 м, шириной 0,7 м, высотой 0,45 м. Голова на юг, кости истлели. Гроб-полулодка. На крышке гроба — железная вильчатая стрела. Погребение проросло корнями. Справа от головы глиняная чашка с желто-зеленой поливой.

Погребение 228. Женское. Длина следов от хольмера 2,8 м, ширина 0,75 м. Под хольмером в яме — оловянные пряжки. Вытянуто на спине, в шелковом сахе с позументом, череп попорчен. За головой колокольчик. На голове медная дуга от головного убора. На груди 4 медные бляхи. На животе лежит таз. Слева от таза 2 бляхи с крылатым всадником. Между бедер деревянная чаша. В ногах широкое корыто, “алаки” с медным халцелуем, 2 колокольцами, железная цепь от оленей.

Погребение 229. Череп без челюсти. Найдено мною в намывном песке около кустов на самом берегу острова, где находится кладбище фамилии Ядопчу рода Похрон-ях Похронковских юрт.

Погребение 230. Ядопчу прапрадед. Хольмер длиной 3,6 м, шириной 1,12 м. 23 оленьих лба с рогами. Гроб-полулодка. Череп под хольмером, там же кусок деревянного посоха. Челюсть у правого плеча. Под ней медная пуговица с цветком. В головах ковшик для питья с нарты — “умби”, мужской и женский ножи. На груди бляха. В ногах справа топор и большой железный ковшик, бляха медная, 2 обломанных железных наконечника. В ногах след железного клепанного котла.

Погребение 231. Верховой хольмер. На хольмере 3 оленьих головы с рогами. Гроб ящиком длиной 1,4 м, шириной 0,8 м в головах и 0,6 м в ногах, погребение поросло травой, головой на юг. Голова откатилась далеко от хольмера. В головах слева — средний медный колокольчик, оловянная нашивка, перстень, деревянная ложка, бубенчик, справа в головах — женский нож, на груди — оловянная нашивка медная пуговица и бусина, остаток сгнившей деревянной ложки. У пояса слева — звено оленьей упряжи, справа — черная бусина, медная пуговица, нож с костяной пуговицей. На ногах остаток узорчатой берестяной коробки, деревянная чашка.

Погребение 232. Женщина. Верховой хольмер изгнивший, проросший корнями травы, березы, рябины. Голова на юг. Костяк в беспорядке. Гроб ящиком. Длина 2,1 м, ширина в головах 0,75 м, в ногах — 0,65 м. В головах слева самодская серьга — пуговка медная на проволоке с фарфоровой пуговкой. У нижней челюсти справа — маленькая медная пуговка, у правого предплечья — сидырянг, нож без черенка, рожок-табакерка. Возле левой руки — перстень и 2 пуговики, связанные вместе. Вдоль левой ноги — топор, рукоятку в сторону головы.

Погребение 233. Младший сын Ядопчу по имени Осьта. Рядом с № 230. Хольмер разрушен, гроб-полулодка более уцелел. Под лодкой ручной лук. Головой на юг, ногами к носу лодки. У левого плеча — сончат. На голове — котел, деревянная ложка с яспасом “Ядопчу”, ножик для продырявливания отверстий в нартах, медная заплата для котла. У правого плеча — нож, пояс кожаный с бляхами. На груди 2 рожка табачных. На животе круглая медная бляха. На пальце правой руки медный перстень, возле кисти — бубенчик. У левой руки железное сверло, наконечники железные вильчатые 5 стрел. В ногах — большой топор, “алаки”, кусок смолы для лодки.

Погребение 234. Верховой хольмер, гроб ящиком. Все изгнившие. Погребение проросло корнями травы и деревьев. Женщина, голова на ЮЗ. От атланта до пят 1,33 м. У головы слева — фарфоровое блюдо, берестяная коробочка, шитая оленьими жилами, в ней подвеска и серьга. За головой — нож с деревянной ручкой в кожаных ножнах. На груди под головой маленькая берестяная коробочка, у головы справа — маленькая берестяная коробочка.

Погребение 235. Остяк по имени Курли (хромой) Ядопчу Похрон-ях, двоюродный брат Падянга и племянник самого Ядопчу. Длина следа от хольмера 3,1 м, ширина 1 м. Голова на юг. Костяк почти разрушен. Череп с челюстью уцелел и прикрыт железным клепаным котлом. На груди медная бляха, у правого бедра железный ковш. Крестец сросся с тазовой костью отростку, поэтому он и имел такое имя Хромой — не мог бегать. Вещей нет.

Погребение 236. Детский хольмер, гроб ящиком. Девочка. Костяк изгнил. Остатки соломенной подстилки под покойницей. Голова на ЮВ. Справа от головы — красная деревянная чашка токарной работы, на животе — железный ковшик, у правого плеча — нож, с правой стороны живота — гладкая медная подвеска, с левой стороны на уровне пояса маленький колокольчик.

Погребение 237. Тятьма Ядопчу, двоюродный брат Падянга и Курли, племянник Ядопчу. Был замечательным охотником на песцов. До капканов были деревянные ловушки на песцов, которые теперь не изготавливают. Длина следов от хольмера 2,8 м, ширина 0,8 м. Хольмер сгнил, крышка тоже. На гробе 8 оленьих лбов. Гроб-полулодка. У носа лодки и под ней — мужской нож, ручной лук, 3 копыла от нарт, сделанных перед смертью, пара лыж. Вытянут на спине, ногами к носу лодки. Красный куус и слой оленьих шкур. Голова в железном котле, у левого плеча берестяная коробочка, у левого плеча нож, на груди красной меди бляха со всадником вправо, на животе кожаный пояс с медными бляхами, у правого бедра рожок табачный с узором, у левого бедра кольцо от штанов. В ногах топор, ковшик железный, мужской “алаки”, 2 ножных лука с боков. На ножном луке тавро — “яспас”.

Погребение 238. Детский хольмер длиной 1,6 м, шириной 0,5 м, могила проросла корнями березы. Хольмер и костяк изгнили. Девочка, голова на ЮВ. У головы слева — остатки железного ковшика, за головой обломки медной полоски, под челюстью — 2 медные пуговицы, на груди гладкая медная подвеска, на животе — медная круглая табакерка с изображением Екатерины II.

У левой руки — нож, деревянная ложка, медный перстень, бронзовое кольцо для косы.

Погребение 239. Хольмера нет. Череп наружу, на левом боку. Длина следов от гроба 2,35 м, ширина 0,9 м. Головой на СВ, в противоположность всем соседям. Почти весь костяк цел. Над правым плечом глиняный разбитый горшочек на крышке гроба. У локтя левой руки — женский нож с костяной ручкой. На животе — плоская овальная заржавленная табакерка. Налево от таза — бляха с выступами. В ногах два больших деревянных блока от упряжи, а также железная оленья цепь. За хольмером в ногах голубая бусина от сончата.

Погребение 240. Хольмер пророс корнями деревьев, головой на юг. Костяк в беспорядке разбросан. В головах — железный котел, топор, на груди — корыто для еды сгнившее, справа от таза — остаток суконного “нюки”.

Погребение 241. Сгнивший хольмер длиной 2,5 м, шириной 0,85 м, могила проросла корнями деревьев, гроб-полулодка, ногами к носу лодки. Головой на восток. Подстилка из оленьих шкур. Мужчина. От атланта до пят 1,41 м. На голове железный котел, слева от него оловянная подвеска. На груди круглая медная подвеска, железный ковшик, справа на груди — деревянная чаша. В ногах слева — железный ковшик, справа — самоедские очки.

Погребение 242. Мужчина — остяк, брат Сялтух-Ядопчу (похоронен при Япте). Хольмер длиной 2,1 м, шириной 0,9 м истлел, гроб-полулодка. Под гробом 2 вильчатых железных наконечника от стрел и деревянная тупая стрела на белку — тамар. Головой на юг, вытянут на спине, ногами к носу лодки. Труп в шелковом сахе на соломенной подстилке-тахаре. У головы справа — разбитый штоф от вина с клеймом, под ним разбитый бокал от шампанского. Слева у головы ковшик железный, над ним 2 деревянные точеные чашки. На груди в центре — медная круглая бляха с конем, у левого предплечья — пояс, ножик, у локтя — рожок-табакерка с узором, на пальце серебряный перстень. У правой руки сверло — “пар”, на пальцах 3 перстня, один с желтой стеклянной вставкой. В ногах слева костяной “олдап” — желобчатая костяшка с отверстием для строганья деревянных стрел. В носу лодки — мужской “алаки”, старинная круглая медная бляха.

Погребение 243. Голова найдена в кустах рядом с предыдущей.

Погребение 243⁷. Самоедская девушка. Гроб-ящик длиной 1,7 м, шириной 0,6 м. Головой

на юг. В левой руке ложка, около нее — колокольчик. На черепе — венчик с бусами, под головой бляха, на пальцах левой руки 2 перстня, на животе — самоедская пряжка, между ногами — железные кольца. У левой ступни — дужка от замка, у правой ступни — бусы, две 2-х копеечные монеты Павла I от кос. В ногах за гробом — берестяная коробка, железная цепь от оленей, женские “алаки” от оленя, под трупиком — другой “алаки”.

Погребение 244. Мужчина. Разрушенный хольмер. Головой на юг. Наверху — широкая женская лыжа и 6 оленьих рогов. Гроб ящиком длиной 1,85 м, шириной 0,63 м в головах и 0,55 м в ногах, проросло корнями рябины. Подстилка из оленьих шкур, под днищем гроба береста от чума. Вытянут на спине. От атланта до пят 1,39 м. Погребение покрыто “нюки”. На животе черный кожаный пояс с нашитыми пуговицами, у левой ноги — железные вильчатые наконечники стрел. В центре живота — медная круглая подвеска, пуговица медная гладкая, справа от таза — нож, топор. В ногах справа — сплюснутый железный котел.

Погребение 245. Длина следа от хольмера 3,1 м, ширина 0,9 м. Все проросло большой березой и рябиновым кустом. Гроб-полулодка. У носа лодки лежали железная цепь от оленей, деревянный меч от вшей, женские “алаки”. Головой на юг, ногами к носу лодки, вытянуто на спине. Лицо закрыто тряпкой и шелковым платком с 3 бусами. У головы слева — 5 звеньев от оленьих пут, рожок с инкрустацией оловом, справа — 3 бляхи (с всадником, с птицей, сплошная), деревянная чаша. На левой руке — широкий женский нож русской работы, на сердце — круглая бляха с ушком. На пальцах правой руки 2 перстня, справа от таза — рожок и оловянные бляшки суконного саха. На бедрах — деревянная чаша. В ногах — топор, сгнивший ящик, в нем — бусы, ложки, чашка, перстни, браслеты, табакерка, кольца, медная ручка от ножа.

Погребение 246. Верховой хольмер, гроб-полулодка сгнил, ногами к носу лодки, голова на юг. Женщина. Вытянута на спине. На груди желтая глиняная плошка, 2 черные бусины, на животе — ручка от сгнившей поварешки, у левой руки — синяя бусина. В ногах — корытце для рыбы, разбитая черная глиняная крынка, остатки железного котла.

Погребение 247. Чужой самоед. Хольмер длиной 2,63 м, шириной 1 м. Гроб-полулодка. У лодки два ножных лука и две насторожки от ножных луков. Голова на юг, ноги к носу лодки, вытянут на спине, руки вдоль тела. На лице черепа уце-

⁷ Дублирование номеров в оригинале дневника. — Н.К.

лела кожа. Справа от головы — самоедский нож с узорчатым черенком в ножнах. У левого плеча — 2 вильчатых железных наконечника от стрел. У правого плеча — пучок медных пуговиц. На груди — круглая медная бляха, остяцкое корытце. У левой ноги наконечник от стрелы для ручного лука, у правой голени — топор, железный наконечник от хороя. В ногах — “алаки”, 4 деревянных нэнтырчан (блоки от упряжи, судя по рисунку. — Н.К.).

Погребение 248. Детский хольмер без гроба длиной 0,76 м, шириной в головах 0,33 м, в ногах — 0,29 м. Головой на юг. Под головой подушка из отлиба, подстилка — тряпка. Вытянут на спине, руки вдоль тела, у локтя правой руки бубенчик.

Погребение 249. Девушка из фамилии Ядопчу. Хольмера нет, гроб-полулодка. Направо от головы деревянная чаша, налево — бляхи звездообразные, по всему костяку — бусы, на левой руке кольцо и перстень.

Погребение 250. Мальчик из фамилии Ядопчу. Хольмера нет, гроб-ящик длиной 1,6 м, шириной 0,7 м. Кости истлели. Взят череп и 2 бусины. У рук были 2 колокольчика.

Кладбище Похронховских юрт Тяныенколоуа-яха-няу хольмеер⁸

Погребение 251. Остяк по имени Падян сын Ядопчу, отец Япта. Верховой хольмер длиной 2,85 м, шириной 1,05 м, высотой 0,51 м. На крышке хольмера два ножных лука и под берестой — корыто русского типа. Гроб-полулодка. Головой на юг, ногами к носу лодки. Вытянут на спине, руки вдоль тела. Кисти рук под тазом. У головы слева — деревянная чашка, справа — медная бляшка. За головой — 7 звеньев от оленьей цепи. У левой руки — стрела с вильчатым железным наконечником, у правой руки такая же стрела и два ножа в ножнах.

Погребение 252. Остяк по имени Хоненг Похрон-хой. Верховой хольмер длиной 2,35 м,

⁸ Подъем к устью реки Няу, правый берег Большой Оби, у старинной оленьей дороги против о. Хея. Кладбище находится по левую сторону старой оленьей дороги, разрушенной весной 1909 г. бурными потоками талой воды. Здесь стали хоронить с тех пор, как Обь оторвала часть левого берега с несколькими более старыми хольмерами на старинном фамильном кладбище на острове Хея. Фамилия Ядопчу была самой богатой, честной и физически сильной из рода Похрон-ях. Больше тысячи оленей, хорошее рыболовное место, отнятое у самоедов, меньше охотиться на зверей — были преимуществами Ядопчей над родственниками.

шириной 1,0 м, высотой 0,55 м, покрыт бревнами лиственницы. При хольмере стоял воткнутый ножной лук длиной 2,8 м. Гроб полулодка. Крышка его — доска из полулодки. На крышке лежали 2 сидырянга и табакерка берестяная, старинная железная стрела, нож с деревянной ручкой. У носа лодки — 2 наконечника железных стрел, деревянная стрела на белку, деревянная ложка, “ядоку”, 2 круга от коренушки. Головой на юг, от атланта до пят 1,35 м. Подстилка — суконный “нюки”. У головы слева — деревянная чашка, слева — медная чашечка, деревянная чашка, медный ковш. На груди — медная круглая подвеска. На животе — нож, рожок-табакерка, деревянная ложка, ниже живота — железный ковшик.

Погребение 253. По словам Райки, костяк принадлежит единственной дочери Падянга Ядопчу. Самоедская остячка. Верховой хольмер, длиной 2,5 м, шириной 0,8 м. Кости заросли корнями карликовой березы. Головой на юг. Между ногами острием к тазу — большой женский нож. Других вещей нет.

Погребение 254. Самоед по имени Куру Ядопчу. Верховой хольмер полуразрушен. Вне хольмера ножной лук, за головами — чугунный котел. Гроб ящиком длиной 1,93 м, шириной 0,68 м, костяк кем-то разбросан. Головой на ЮВ. Под головой — коврик, подстилка из соломы. Слева от головы — осколки зеленого четырехгранного полуштофа, след деревянной чашки, перстни. Справа от головы — деревянная ложка, железная чашка. За головой — нож с деревянными ножнами, под ним бусы с медной цепочкой, бисер белый. На груди круглая медная подвеска, рожок-табакерка. У левой ноги — сидырянг с треугольной оловянной бляшкой, у правой голени — медное кольцо.

Погребение 255. Шаман по имени Сэба Хачеуа (Похрон-ях). Хольмер длиной 3,29 м, шириной 1 м, высотой 0,84 м. Гроб-полулодка. На крышке было кормовое весло, ложки, сидырянг, чашка точеная, ендова медная, медный ковш, 12 оленьих рогов. У носа лодки — 2 медных кольца и железное ведро, насторожка для ножного лука, пара лыж, мужские “алаки”, лопатка для сбивания снега с одежды. Головой на юг, ногами к носу лодки, вытянут на спине. Кисти рук завязаны. Длина костяка 1,35 м. За головой — топор, аркан-тынзян. У головы слева — сверло с лучком, деревянная чаша, справа — деревянная чаша. Бляха на сердце. На шее и плечах — разложенный пояс, на левом плече — нож. Вдоль правой руки стрелы с костяными наконечниками разных типов. На животе расправленный пояс. На левой

кисти — 3 кольца, на правой — 2 кольца и 1 перстень. На правом бедре ковш с длинной ручкой, между бедер — железный ковш. На коленях — по кольцу от штанов. В ногах — медный таз, как для варенья, 6 костяных блоков от упряжи, сундучок с 4 костяными пряжками. Слева вдоль тела — ручной лук длиной 1,6 м.

Погребение 256. Женщина самоедка. Хольмер полусгнивший длиной 2,2 м, шириной 0,7 м в головах и 0,6 м в ногах. На восток от погребения на лиственнице надето 4 оленьих головы. На юг в полшага от гроба железный котел. Гроб-полулодка. Головой на юг, ногами к носу лодки. Вытянута на спине. Костяк истлел, его длина от атланта до пят 1,24 м. Подстилка — оленьи шкуры, а под ними суконные “нюки”. Слева от головы — деревянная чаша, 2 трубочки для кос, 2 медных подвески. Справа от головы 2 трубочки для кос, подвеска, деревянная чаша. У правого плеча — табакерка с изображением Екатерины II. На груди 4 бусины, круглая подвеска на сердце. На животе — остяцкая железная чашка, медная разломанная женская круглая пряжка для пояса.

Погребение 257. Мальчик. Верховой хольмер длиной 2,2 м, шириной 0,8 м. Гроб-полулодка. Сбоку от лодки — железный ковш для питья с нарт, деревянная чаша. У носа лодки — люлька. На крышке справа — сидырянг. Кости все сгнили. У головы справа — медный стакан, на груди — бляха с кентавром, на животе — медная ручка от ножа, кожаный пояс, бусы, колокольчик у кисти правой руки, между бедер — стеклянная бутылка, 4 медных кольца. В ногах — остяцкое корыто и “алаки”.

Погребение 258. Женщина. Верховой хольмер длиной 1,73 м, шириной 0,6 м в ногах, 0,68 м в головах. Гроб-полулодка. Головой на юг. В головах (череп не было) — сидырянг, колокольчик, железный замок с ключом. На груди табакерка берестяная. У правой руки — топор, рукоятью к ногам. У правой ноги — скребок для обработки шкур.

Погребение 259. Хольмер длиной 3 м, шириной 0,9 м, высотой 0,95 м. На крышке 2 ножных лука с яспасом, сидырянг, мужской нож. На хольмере 6 рогатых лбов оленей и челюсть. Головой на юг, ногами к носу лодки. На голове медный котел. Слева от головы деревянная чаша и рожок с узором. На сердце медная монета. Вдоль левой руки — стрела с вильчатым наконечником, обращенным к ногам. Вдоль правой руки — пояс и 2 мужских ножа, топор. На животе ковшик железный, на правом бедре — табакерка-рожок.

Погребение 260, 263. Двойное погребение в хольмере длиной 2,9 м, шириной 1,6 м.

Западное погребение (260). Мужчина из фамилии Ядопчу. Гроб-полулодка. Голова на юг, ноги к носу лодки. Вытянут на спине. У головы справа железный ковш, на груди медная бляха, у левого плеча — медная чаша. На животе кожаный пояс с медной пряжкой. С правой стороны у пояса нож. В ногах медный котел, долото (?).

Восточное погребение (263). Женское (жена № 260). Гроб-полулодка. Голова на юг, ноги к носу лодки, вытянуто на спине. На голове медный котел, остатки головного убора с узором. Справа от головы — ендова, нож. Слева от головы — пуговица. На сердце круглая бляха. Вдоль левой руки топор, палка с зарубками, обозначающими калым, “ятлоб”. У таза слева — рожок, женский нож (?). В ногах большой медный ведерный цилиндр для вина, два вильчатых железных наконечника стрел.

Погребения 261, 262. Верховой хольмер. Двойное погребение, оба гроба ящиком, перегородкой не разделены. Головами на ЮВ. Проросли корнями березы и лиственницы. Восточное погребение (№ 261) — женское. От атланта до пят 1,2 м. Под головой берестяная коробочка без узора. За головой — пояс кожаный с оловянными нашивками. На груди медная подвеска с изображением всадника. У пояса слева — табакерка-рожок с узором. В ногах — сидырянг, черная бусина, халцедуй с кожей для упряжи оленьей, оленья цепь в 8 звеньев. Подстилка — олений мех и соломенный ковер.

Западное погребение (№ 262). Женщина. Голова на ЮВ. Вытянута на спине. От атланта до пят 1,31 м. Подстилка — оленьи шкуры, под ними коврик, сплетенный из соломы.

У головы слева деревянный ящик, у головы справа — берестяная шитая оленьими жилами коробочка, круглая точеная коробочка, 4 медные подвески (звезда 5-лучевая в круге). По такой же подвеске — на груди и животе. У таза справа — рожок-табакерка.

Погребение 264. Остяк по имени Пиня Ядопчу. Хольмер длиной 3,9 м, шириной 1 м, высотой 0,5 м. Наверху лук, на нем сбоку — яспас (личный знак). Гроб-полулодка. Голова на юг, ноги к носу лодки. Вытянут на спине, руки вдоль тела, кисти под тазом. У головы слева — глубокая медная чаша, справа — деревянное точеное блюдо владимирского (?) типа, 18-го столетия фарфоровый битый чайник. На груди — медная банка для вина. На животе — деревянная чаша, рожок. У правого локтя деревянная табакерка с табаком, нож. Поперек ног на коленях — нож.

Погребение 265. Самоедка с Ямала, старуха, жена шамана Хэччи (Казым-хой). Хольмер

сложен из лиственничных бревен, рубленных в крюк 0,5 м. Гроб-полулодка, спиленная с обоих концов, длиной 1,53 м. Голова на юг, ноги к носу лодки. Вытянута на спине, руки вдоль тела, кисти на тазу. Лицо накрыто тряпкой с привязанной шерстяной тесьмой с нашитыми на глазах белыми бусами. По сторонам головы части деревянной точеной чашки. Ниже таза между ног деревянная долбленая чаша. В ногах стельки от кисов, мешочек с волосами покойницы, женский нож без черенка.

Погребение 266. Самоедка, сноха Хэчи. Хольмер из неободранных лиственничных бревен длиной 2,3 м, шириной 0,5 м на 2-х скрепах, рублен в крюк, как для русской избы. Гроба нет. Над трупом 2 ряда бревен, переложенных сфагнумом. На нижнем ряду разломанная на 2 части фарфоровая чайная чашка. Ногами к Оби на запад, головой на восток. Вытянута на спине, череп на правом боку, руки согнуты в локтях, кисти обхватывают локти (кисть правой на тазу), ноги в коленях слегка подогнуты. В левой руке — берестяная тавлинка. На бедрах корытце дном кверху. Вдоль тела слева — ятчан — старушечий посох длиной 1,13 м.

Погребение 267. Остяцкий шаман Хэчи-сэбын-Казым-хой. Хольмер крыт бревнами длиной 2,5 м, шириной 0,58 м, на 2-х скрепах, на левой нижней — олений череп. Гроб-полулодка. У носа лодки скамейка и маленький железный котелок. Под лодкой справа — кормовое весло калданной лодки. Голова на юг, ноги к носу лодки, вытянут на спине. Лицо накрыто красной ситцевой тряпкой. Под головой подушка из тобольской набойки, набитая оленьей шерстью. Волосы собраны в мелкие пряди и переплетены поверх головы. Тело укрыто сахом и шерстяной малицей. На ногах кисы с завязанными завязками. У головы слева — фарфоровое блюдо, русский шерстяной пиджак, который шаман надевал во время молений. У головы справа — блюдо, свернутые кисы. На груди на сахе медный перстень. На животе справа — долбленая чашка, а в ней нож в деревянных ножнах, под ней — блюдец.

Погребение 268. Самоедка. Хольмер на берегу ручья. Длина 1,85 м, ширина 0,75 м. Гроб-полулодка. В головах, за обрезанной частью лодки — железный котел. Справа от лодки (глядя со стороны носа) — корытто, около него большая разливательная ложка. Вытянута на спине ногами к носу лодки. Труп на шкуре и закутан в "нюки". У головы слева — наперсток, справа — глиняная плошка, женский нож, пучок отлиба. На груди — железный ковш. На груди справа 3 большие круглые медные бляхи. У левого плеча ложка, в

которой лежал круглый белый камешек. На животе тавлинка, женская железная пряжка для пояса. На тазе — "ороп". У правой ноги — железка от тэнтис-корды и неподвижный скребок, рожок табачный с узором. У левой ноги — женский нож. В ногах ступка для растирания табака.

Могильник Сарман-Вануй

Погребение 269. Мальчик остяк. Верховой хольмер без гроба с полом длиной 1,45 м, шириной 0,6 м, высотой 0,34 м. Голова на юг. Справа у головы — сончат, ковшик. Под головой — пимы.

Погребение 270. Двойное самоедское погребение, муж и жена. Хольмер длиной 2,7 м, шириной 1,1 м. Все проросло корнями. Два гроба полулодки, носами в противоположные стороны.

Женское погребение (северное), головой на ЮВ, ногами к носу лодки. Длина костяка 1,5 м. Вытянуто на спине, руки чуть согнуты в локтях, кисти соединены на тазу. Голова закрыта сукном. Под головой сидырянг, одетый в красную суконную одежду. Справа от головы — берестяная обкладка от сидырянга. Слева от головы — берестяное изделие, на сердце — бляха со всадником. На тазу справа — неттырма-сядай, берестяная коробочка, на тазу слева — нож с женским лезвием. В ногах — "нареп" — меч от вшей, костяшки от оленьей упряжи.

Мужское погребение (южное), головой на СВ, ногами к носу лодки. Длина костяка 1,6 м. Все проросло корнями. Вытянут на спине. Справа от головы берестяная коробочка, на животе 4 литые медные пуговицы, железный ковш без ручки, слева от таза — мужской нож, на коленях по медному кольцу от штанов. Между голеней — ложка, костяной мужской халцелуй, шишка от хорей.

Погребение 271. Хольмер длиной 2,5 м, шириной 0,6 м в ногах и 0,75 м в головах. К хольмеру приставлен хорей. Крышка — доски от лодки. Гроб-полулодка. Голова на ЮВ. Вытянуто на спине, ногами к носу лодки. Проросло травой. Подстилка — суконный нюча, под ним оленьи шкуры и соломенная цыновка. От атланта до пят 1,4 м. На голове железный котел. Слева от головы — деревянная ложка. Справа от головы — сидырянг с четырехугольной оловянной бляшкой. На груди круглая медная подвеска, у правой руки рожок-табакерка. В ногах — топор со сгнившим топорисцем, нож с деревянной рукоятью.

Погребение 272. Остяки рода Казым-ях. Двойной хольмер длиной 3 м, шириной 1,75 м, высотой 0,75 м. На крышке хольмера лежала пара лыж и 2 ножных лука.

Женское погребение в полулодке, головой на юг, ногами к носу лодки, вытянуто на спине. Кисти рук под тазом. Труп на тахаре (подстилке из травы). Длина костяка 1,43 м. Череп с волосами, лежит на левом боку. У головы слева — 3 бляхи со звездами, кожаный портфельчик, бусы, остатки женского остяцкого платка с нитяной бахромой. У головы справа — берестяная коробочка. На груди бляха. На животе 2 темно-синие бусины. У бедра слева — женский нож и ножны. В ногах — крыночка и топор.

Мужское погребение. Имя погребенного — Сахе, из Пайхатских юрт. Гроб-полулодка. Над головой на крышке гроба лежал сончат с 4 зарубками (?), лицо — из оловянной бляшки, бусы, ложка. Костяк вытянут на спине, ногами к носу лодки, руки вдоль тела, кисти под тазом. На голове медный котел. Труп и котел были накрыты “нючами”. Под котлом большая ложка русского типа. Слева от головы — деревянная чашка. На правой ключице — деревянная чашка. У правой руки медные пуговицы от пояса. На тазе — кожаный мешочек для оселка, рожок табачный с узором, слева от таза — нож мужской. В ногах кожаный мешок с отлибом.

Погребение 273. Верховой хольмер длиной 1,5 м, шириной в ногах 0,45 м, в головах — 0,5 м. Укреплен 2-мя стойками. Гроб-полулодка, на крышке 2 ножных лука. Погребение мужское остяцкое проросло травой и корнями березы. Головой на восток. Вытянут на спине, ногами к носу лодки. У головы слева — большой железный ковш, у головы справа — сидырянг. У правой руки — рожок-табакерка с узором, мужской нож, свернутая в трубку берестяная коробочка. На груди и животе большая деревянная чаша. Перстень на левой руке, перстень на среднем пальце правой руки, медная подвеска под спиной. В ногах 2 нельч (изделие с желобком для стругания древков стрел) — один деревянный, другой — из кости оленя.

Погребение 274. Остячка. Хольмер длиной 1,8 м, шириной в ногах 0,75 м, в головах — 0,84 м, высотой 0,51 м. Укреплен 2-мя парами стоек. На хольмере лежало весло от маленькой лодки и 5 оленьих голов. Гроб-полулодка. У носа лодки — топор, у кормы в головах слева — железный нож. Покойница вытянута на спине, головой на восток, руки вдоль тела, кисти под тазом. Обернута в шелковый сах, под ним далее к телу суконный сах и полотняный сах и олений сах. Под головой подушка из отлиба, под всем корпусом — олений мех и цыновка внизу. На голове медный котел, слева от головы — большой железный ковш, справа от головы — остатки кожаной

обшивки от одежды, деревянная чаша, сидырянг. Справа от таза — большой деревянный ковш, деревянная ложка, рог-табакерка. На тазе слева — 2 деревянные чаши, женский нож, медная подвеска. На левой стопе — берестяная шитая оленьими жилами коробка, под ней крышка глиняная, в ногах остатки кожаного “хыра”.

Погребение 275. Остяк из рода Казым-хой. Верховой хольмер длиной 2,65 м, шириной 0,7 м. Гроб-полулодка, головой на юг, ногами к носу лодки, кисти рук под тазом. Голова на левом боку. Длина истлевшего костяка 1,5 м. Под головой был кожаный мешок с отлибом. За головой — деревянный блок от упряжи. Слева от головы — сончат с бляшкой и бусами, нож, деревянная чаша, ложка, берестяная коробочка. Справа от головы штоф, ручка от ножа. В середине груди (“на сердце”) — круглая бляха, под ней на животе — мужской нож. Справа от таза тавлинка с узором, бусы.

Погребение 276. Самоедка. Верховой хольмер длиной 2 м. Гроб-полулодка. Головой на юг, ногами к носу лодки. Вытянута на спине. Длина костяка 1,43 м. Под головой кожаный мешок с отлибом, сгнившая наттырма женская. За головой — ложка. У головы слева — железный ковшик. У головы справа — берестяной туюсок для соли. На груди — 2 бляхи, медный старинного типа чайник. Слева вдоль тела — меч от вшей, топор рукоятью к голове. У правого бедра — два железных кольца, между голеней — опрокинутый чугунок.

Погребение 277. Остячка. Верховой хольмер высотой 0,56 м, прикрыт досками. На нем 7 оленьих голов. Гроб и крышка — полулодки. Вытянута на спине головой на восток, руки вдоль тела, кисти под тазом. Подстилка — цыновка. От атланта до пят 1,56 м. Кругом головы 45 блях. Слева от головы — медная табакерка с изображением Екатерины II, под ней медная ложка, справа от головы — 8 бус с маленькой оловянной подвеской, железный ковшик, рожок-табакерка, сидырянг, у левого плеча — бляшка-всадник, на груди — маленькая берестяная коробочка, на груди и животе — рог-табакерка с узором, медная самоедская женская бляха от пояса, у левой руки — топор, топорием в сторону ног, под 5-м позвонком — медная подвеска. Между бедер — перстни и колокольчик. У левой ноги — железный крюк для доставания из котла мяса. У правой руки — 5 перстней и колокольчик, у правой ноги — деревянная поварешка и деревянная лопата для разгребания снега.

Погребение 278. Самоедка. Верховой хольмер длиной 2,4 м, шириной 0,9 м. Головой на юг,

ногами к носу лодки, вытянута на спине. Руки полусогнуты в локтях, кисти у таза. Длина костяка — 1,45 м. Лицо закрыто тряпкой с 2-мя бляшками. На голове медный котел, под ним бляхи. Слева от головы — маленький железный ковшик, железный ковшик больших размеров, в нем ложка. У левого локтя женский нож с каповым черенком с оловянной инкрустацией. На груди берестяной туес, рожок-табакерка с узором. На правой руке меч от вшей, на локте — берестяной портфельчик с отливом, напитанный кровью покойницы. У кистей рук по обеим сторонам от таза — по колокольчику. У левого бедра — кожаный портфельчик, а в нем вместо железного огнива — деревян. ... (неразб.). На бедрах — женская пряжка от пояса, пуговка от штанов. У правой голени — туес. Между ступней красной глины крыночка без дна. В ногах железные цепи для задних оленей — 16 звеньев.

Погребение 279. Остяк. Верховой хольмер длиной 2,6 м, шириной в ногах — 0,75 м, в головах — 1,0 м, высотой 0,53 м, укреплен 2-мя парами стоек. На нем хорей. Гроб-полулодка. У носа лодки — топор, корыто для держания стрел, под ним 5 стрел. Головой на ЮВ. От атланта до пят 1,6 м. У головы слева — стеклянная бутылка, деревянная чаша, сидырянг, у головы справа — маленькая медная чашка. На груди — медная бляха на 5-м позвонке, рожок-табакерка с узором. На животе остатки сгнившей деревянной тарелки. У левой ноги — железный наконечник от хорей, деревянный посох.

Погребение 280. Верховой детский хольмер длиной 1,3 м, шириной 0,5 м. Длина костяка 0,87 м. У таза была одна бусина.

Погребение 281. Остяк Ханды-хой. Хольмер длиной 2,7 м. На хольмере лежало весло с двумя лопастями (хой-луп). Головой на юг, вытянут на спине ногами к носу лодки. Руки вдоль тела, кисти рук под тазом. Длина костяка 1,58 м. Слева от головы — бляха от штанов. Справа от головы — сончат, медная ложка сидырянга, железный ковшик. На груди (“на сердце”) — бляха (люди в чуме). На груди и у левого бедра 2 кольца медные от штанов. Справа от таза — нож. Слева вдоль тела — ручной лук. У правого колена — 2 железных вильчатых наконечника стрел. На бедрах — берестяная коробка с узором. В ногах — свернутый пояс, топор. Под спиной — железный посох — корды-ятчан.

Погребение 282. Остячка. Хольмер длиной 2,72 м, шириной в ногах 0,93 м, в головах — 1,0 м, укрепленный 2-мя парами стоек, покрыт деревянными плахами, гроб-полулодка покрыт тонкой доской. У носа лодки железный нож.

Головой на ЮВ. Вытянут на спине, ногами к носу лодки. Руки вдоль тела, кисти на тазе. От атланта до пят 1,36 м. Подстилка — оленьи шкуры и травяная циновка. У головы слева — подвеска с трубочками и бусами, суконный бинт для держания огня, у головы справа — большой железный ковшик, железная трубочка, подвески под 4-м позвонком, круглая медная подвеска на животе, у левой руки — рожок-табакерка. На левой и правой пясти — по медному браслету. Справа от таза — медная табакерка, медная чашка. У левой ноги — железный крюк для вылавливания мяса, деревянная поварешка, игольник точеный.

Погребение 283. Самоедка ямальская, мать № 284. Верховой хольмер длиной 1,75 м, шириной 0,75 м. Гроб-полулодка. Голова на юг, вытянута на спине, ноги к носу лодки. Длина костяка 0,95 м. За головой — железное ведерко. Слева от головы — берестяная коробка с узором на дне, в ней деревянный игольник и 3 медных кольца. Справа от головы — шитая круглая берестяная коробочка, медная ложка. На шее деревянная каповая чашечка. На сердце — медный кружок. На правом локте — 2 зубчатые круглые бляхи, деревянная ручка от ножа. На кисти левой руки 2 кольца. На кисти правой руки 2 перстня. По обеим сторонам таза по бубенчику. На бедрах медная женская пряжка от пояса. На голених берестяная коробочка (?) — созан. Под спиной прямоугольная слегка закругленная дощечка — ядоку, по-остяцки.

Погребение 284. Остяки Казым-ях. Двойной детский хольмер длиной 1,65 м, шириной 0,8 м, высотой 0,3 м. Два гроба-полулодки. Головами на юг, ногами к носу лодок, вытянуты на спине.

Восточное погребение (мальчик). Длина костяка 1,15 м. Со стороны темени к голове прислонен мужской детский ножичек. У головы справа сгнивший сидырянг. Слева от таза — табачный рожок.

Западное погребение (девочка). Кисти рук под тазом. Длина костяка 1,17 м. На груди бусы и 3 круглые бляхи, у таза слева — женский нож. По обеим сторонам таза по колокольчику. Под ногами — наласты-сохал, доска длиной 45 см, шириной 9 см для размягчения кож.

Погребение 285. Остяк Казым-хой, дядя Хэчи, похороненного на Сарман-Вануй (погр. № 267). Хольмер длиной 2,1 м, шириной 0,85 м. 3 оленьих черепа на стойках, скреплявших хольмер. Гроб-полулодка. Голова на юг, вытянут на спине, ногами к носу лодки, руки вдоль тела. Длина костяка 1,45 м. Слева от головы — сончат, табакерка, мужской нож и медное блюдо от сон-

чата. Справа от головы — тавлинка с узором. На сердце медная бляха. На тазе справа — мужской нож, двойной кожаный пояс и мешочек для оселка. У таза слева — долбленный ковшичек с яспасом. Слева вдоль тела — ручной лук, у левой голени — бутылка. У правой ноги 5 стрел с железными наконечниками и деревянная тупая стрела. В ногах кожаный “алаки”.

Погребение 286. Детский хольмер. Гроб ящиком длиной 93 см, шириной в головах — 31 см, в ногах — 29 см, высотой — 32 см. Из вещей — деревянная рюмочка.

Погребение 287. Остяк-шаман. Верховой хольмер. На нем 3 ножных лука, 1 ручной лук, палка для погоняния оленей. Гроб-полулодка. На лодке яспас, в головах маленький ковшик шаманский. Голова на юг, в головах — береста. Покойник лежал вытянуто на спине, левая рука под тазом. Правая на животе, перекинута на левую сторону, кости ребер перепутаны. От атланта до пят 1,54 м. Справа от головы — 5 гилянов⁹, нож в ножнах. За головой — гилян-сончат. Слева у головы — плоский железный крючок, большая берестяная коробка, ложка, круглое доньшко. У правой руки — 5 стрел, шпага. У левой руки — нож в ножнах. На сердце — подвеска, на груди — нашитая на парчу от саха подвеска, корытце для еды, табакерка овальная, табакерка круглая. На бедрах — клинок для приготовления... (неразб.). В ногах — кожаная оленья упряжь.

Погребение 288. Верховой хольмер. На крышке хольмера 5 ножных луков и кормовое весло. Гроб-полулодка. Вытянут на спине, ногами к носу лодки. Слева от головы — железный ковшичек, 4 железные вильчатые стрелы. Справа от головы — деревянная чашечка, 3 железных вильчатых стрелы, нож в ножнах. На животе табачный рожок. Вдоль левой руки железный посох. Вдоль левой ноги — топор, рукоятью в сторону головы. В ногах — лучковое сверло для нарт, “алаки”, половинка чашки.

Погребение 289¹⁰. Самоедка. Хольмер зарос березняком, его длина 2,3 м. Гроб-полулодка, голова на юг, вытянута на спине, ногами к носу лодки. Длина следов от костяка 1,2 м. У головы справа трубки и 2 бляхи с конями, на животе пряжка от женского пояса и табачный рожок. Справа от таза — бубенчик. В ногах топор и железный ржавый горшок.

Погребение 290. Девочка остячка. Детский хольмер длиной 1,5 м, шириной 0,6 м, зарос бере-

зой. Под головой сапог замшевый. Слева от головы — берестяная коробка, на шее бусина. На груди долбленная чаша. У правой руки — поломанная бляха, на животе железный котел, у левой руки перстень, медный наперсток.

Погребение 291. Дитя-остячок. Хольмер длиной 1,4 м, шириной 0,65 м. Длина костяка 1,05 м. Справа от черепа — сончат с ложкой в берестяной коробке. Слева от черепа — бляха, на груди такая же круглая бляха. На левой руке стрела вильчатым наконечником к ногам.

Погребение 292. Женщина. Хольмер длиной 2,8 м, шириной 0,7 м, зарос. Гроб-полулодка. Длина костяка 1,4 м. Справа от головы деревянная чаша. На груди и у левой руки — по перстню. В ногах сундук, в нем железная крышка, наперсток, медный гребешок.

Погребение 293. Женское. Хольмер длиной 2,95 м, шириной 0,85 м. Гроб-полулодка. Вытянуто на спине, ногами к носу лодки. Костяк длиной 1,3 м. Слева от головы кусочек слюды, справа — медная бляха, женский ножик. На груди слева — бляха, справа от таза — деревянный долбленный ковш. В ногах — железная цепь от задних оленей.

Погребение 294. Хольмер длиной 2,7 м, шириной 1 м. Гроб-полулодка. В головах возле лодки стоит железный котел. На гробе — 4 ножных лука. Вытянут на спине, ногами к носу лодки. Длина костяка 1,5 м. Слева от таза большой рожок табачный. У левой ноги бубенчик, наконечники от стрел. В ногах зырянская пряжка.

Погребение 295. Детский хольмер, гроб ящиком длиной 1,0 м, шириной — 0,4 м. Головой на ЮВ. Подстилка — травяная циновка. В головах слева — деревянная чашка, прямоугольная медная бляха-подвеска, такая же — на груди. За головой — корытце для еды.

Погребение 296. Девочка. Детский старинный хольмер длиной 1,2 м, шириной 0,45 м. Головой на ЮЗ. Справа от головы — деревянная каповая чаша, на животе — корытце.

Погребение 297. Мужчина. Головой на юг. Кости сгнили, проросли и разбросаны. На тазе нож мужской.

Кладбище Юмбар на реке Щучьей (погребения 298—358)

Погребение 298. Верховой хольмер без гроба длиной 1,8 м, шириной в ногах — 0,8 м, в головах — 1,03 м, высотой — 0,6 м. На хольмере — колокольчик. На земле около хольмера — железный ведерный котел. Головой на запад. Вытянут

⁹ На соседней странице дневника надпись “семь гилянов”.

¹⁰ Могильник Пайхата, ближнее кладбище.

на спине, руки под тазом. Подстилка — суконная нюки. 3 бусины над глазами и носом. У левого плеча — мешок женский кожаный, у правого плеча — женский кожаный мешок и глиняная крышка. На груди — медная подвеска, под ней — медная табакерка. На животе женская медная пряжка для пояса. У таза слева — деревянная чашка, фарфоровая чашка и блюдце фабрики Кузнецова, ложка, стеклянная бутылочка, мешочек с огнивом. Вдоль правой ноги — меч для выбивания вшей, 3 двойных скребка для кож и один с одной железной вставкой, под ними — топор. У левого бедра — кухонный нож. У левой ступни — нож, куча поясков для кож.

Погребение 299. Самоедка ямальская. Длина хольмера 2 м, ширина 0,72 м. Гроб-полулодка. Головой на запад. Вытянута на спине, руки вдоль тела. Длина костяка 1,55 м. На голове — остаток самоедского женского головного убора. У головы справа — отлиб, бутылка, деревянная плоская чашка. Под спиной 5 звеньев от оленьей цепи. На груди — бляшка, кольцо, рожок-табакерка. У левой руки — нож, скребок. На тазе — женская кольцевая пряжка от пояса. Справа от таза — нож. На левом бедре — гребень, наперсток. На правом бедре — бусы, кожаная подвеска к косам. У левой ноги — топор. В ногах — скребок, меч от вшей, сгнившая ступка.

Погребение 304. Верховой хольмер из досок. Мальчик, от атланта до пят 87 см, головой на запад. Слева от головы — пика от шеста, которым погоняют оленей. У головы справа — овальная деревянная чаша. На животе остатки кожаного пояса с нашитыми пуговицами. На тазу — деревянная чашка, справа от таза — нож самоедский с 2 цепочками, у правой ноги — топор, рукоятью обращенный в сторону головы.

Погребение 306. Девочка самоедка. Верховой хольмер из досок. Наверху у головы железный котелок в 0,25 ведра. Вытянута на спине головой на запад. От атланта до пят 1,07 м. У шеи справа — детская игрушка, на шее — роговая гребенка, у левого плеча — железный ковшик. На животе — женская кольцевая пряжка для пояса, пояс с пуговицами, цепочка для кос. На бедрах — чашка для еды. У правой ноги — доска для шитья.

Погребение 340. Самоед. Гроб-ящик с двускатной крышкой. Головой на СЗ, вытянут на спине, руки вдоль тела, кисти вдоль тела. Лицо закрыто сукном. Нос прикрыт овальным стеклышком от полярных очков. Труп закутан в замшевое полотно от чума, завязан веревками из оленьих жил. У головы слева — кожаный “алаки”, лучковое сверло, бутылка. У головы справа — женская суконная оленья узорчатая попона

с упряжи, топор, маленькая шкатулка, обитая железом с отлибом и медной пуговицей, бутылка. На груди — круглая бляха. У правого бедра — медный чайник, боченок от водки. На коленях большая чаша русской работы, у каждого колена по медному кольцу от штанов. У правой голени — сундучок, а в нем чашка с блюдцем, берестяная тавлинка, крышка от самовара. У левой стопы — мужской кожаный пояс без украшений с мешочком для оселка, на ремешке которого большая голубая бусина, набор ножей, правило для ножей, желобок для строганья с одним отверстием.

Погребение 341. Самоедка. Головой на СЗ. Вытянута на спине, руки вдоль тела, кисти рук на головках бедренных костей. Труп закутан в нюки и сшитые вместе оленьи шкуры. На голове женская шапка из лоскутов красного, желтого, синего сукна с оторочкой из черного и белого собачьего меха. Под головой — свернутые замшевые штаны и верхний пояс, бусы и бисер. У головы слева — деревянная чашка, нож в ножнах, справа — круглый медный подносик, цепочка из проволоки. Под спиной 4 бляхи и бусы от капора. У правого плеча — костяная чашечка и патрон-игольник. У правого локтя фарфоровая чашка, а в ней табакерка ящичком. Между бедрами круглые кольца. У правого колена 2 трубочки, меч от вшей с узором. У левой голени длинная цепочка, в ногах медный халцедуй.

Погребение 342. Самоед. Гроб-хольмер, ящик с двускатной крышей. У гроба — хорей с железным копьем на конце. Голова на СЗ, вытянута на спине, руки вдоль тела. Труп на 3-х оленьих постелях. Волосы не заплетены. Труп одет в “мальче”, руки не продеты в рукава. У головы слева — бутылка, фарфоровая чашка фабрики Г.М. Маркова, у головы справа — фарфоровая чашка и ложка. На груди к одежде, в которую одет покойный, пришита бляшка с гусем. На животе берестяная тавлинка. Справа от таза — нож в ножнах. На бедрах ниже таза — нож с костяной рукоятью в ножнах, слева от таза — мешочек для оселка. У правого колена — долбленая чаша. В ногах — пара кожаных рыбацких бродней тобольской работы, 4 стрелы (2 костяных наконечника, 1 — железный, 1 — цельнодеревянный). Вдоль правой ноги — топор.

Погребение 343. Детский хольмер-ящик с двускатной крышей. Голова на СЗ. В шкуре найдены свежие мышинные гнезда. Костяк сгнил, череп взят и медная дужка от девичьего головного убора с бусами и цепью.

Погребение 344. Детский хольмер-ящик с двускатной крышей. Цепочки — подвески с кос. Слева от черепа — деревянная чашка, справа —

железный ковшик, под головой подвески — бисер и бусы с бляшками. У правой ноги — нож с костяной рукоятью.

Погребение 345. Мальчик-самоед. Детский хольмер, кости истлели. Из сидырянга-мя = сончат-хат — бляшка со всадником. Головой на СЗ. Слева от головы — деревянная долбленая чаша. Слева у бедра — нож в деревянных ножнах. В ногах — железная стрела, ложка и квадратная крышка от медной коробки, боченочек, игрушка.

Погребение 346. Детский хольмер с двускатной крышей. Длина костяка 1,22 м. Руки вдоль таза. По сторонам черепа налево — опрокинутая большая тобольская чашка, справа — нож с деревянной рукоятью и ножнами и железный ковшик. Под головой — бляхи, бусы, трубочки от капора. На животе разломанная женская кольцевая поясная пряжка от пояса. У левой ноги сломанная табакерка.

Погребение 347. Самоедка. Гроб — ящик с плоской крышкой из 3-х досок. Костяк длиной 1,35 м. Головой на СЗ. Вытянут на спине. У головы слева — деревянная чашка. У черепа — ремешки от женского капора. Справа от черепа — бисер и бусы. На груди — кольца, бусы, ложка. Под спиной бляхи и бусы. У правой руки — пучок отлиба. Справа от таза — нож, берестяная коробочка, слева от таза перстень, 2 кольца. У левого бедра — игольник из лебединой кости.

Погребение 348. Самоедка (?). Длина костяка 1,5 м. Кости истлели. Справа от головы — опрокинутое железное ведро. На груди — пуговицы. У правого бедра — мужской нож в деревянных ножнах. На правом бедре тавлинка, у левой колени — бутылка.

Погребение 349. Хольмер-ящик с двускатной крышей. Длина костяка 1,3 м. На трупе “пчань”. Перед головой женская кольцевая поясная пряжка. На голове капор из собачьей шкуры и сукна, направо — сверток самоедских поясков. На ногах между берцовыми костями — 4 бляхи. Под спиной — 3 больших бляхи и бусы. На правом плече — ложка, у левой ступни — опрокинутое железное ведро.

Погребения 350–355. На семейном хольмере, представлявшем из себя большой квадратный сруб со сторонами по 3 м. Каждая сторона состоит из 4-х бревен, отесанных с внутренней стороны в полбревна. Высота 45 см. Сруб с северо-западной стороны имел вход, заложенный бревнами.

Погребение 350. Женщина. Головой на СЗ, вытянута на спине, руки вдоль тела. Кисть правой руки под тазом и на ней 4 медных кольца. Длина костяка 1,52 м. У головы справа — нож с узорчатой рукоятью, слева — железный “нен-

дерч”. У левого плеча — бусы, цепочки, наперсток. Под спиной — цепочки, бляшки, трубочки и голубые бусы. На правом локте — оловянный табачный рожок. Вдоль правой руки — двойной скребок, 2 меча от вшей, подвижный скребок — пидеръч. На тазе — женская кольцевая пряжка от пояса, по бокам от нее — бляшка и подвеска медные. Слева от таза — ступка для табака — сяр-примбонч. На ногах маленькое самоедское “ядокку”. В ногах женское “алаки”.

Слева у ног погребения 350 — костяк девочки на правом боку с подогнутыми ногами. Возле пояса у нее — медная дуга, цепь, бусы, кольца, ложка.

Слева у плеча — голова ребенка, костей нет.

Погребение 351. Самоедка. Головой на СЗ, вытянута на спине, руки вдоль тела, левая кисть на тазе, правая кисть — на бедренной кости. Длина костяка 1,4 м. Трупы закрыты поверху желтым сукном. У головы справа — бляха-ромб, медные трубочки, черные бусы. Слева от головы — сломанный халцелуй, деревянная фигурка волка — “сармик”. На левом плече — бирка с зарубками. На сердце пуговица. Под спиной медная бляха. На дне общего гроба — цепь. На животе слева — 2 кольца. На тазе женская кольцевая пряжка от пояса. Между бедер — табакерка, сделанная из берцовой кости задней ноги оленя, между ног — меч от вшей.

Погребение 352. Костяк на животе, спиной кверху, ноги подогнуты, руки согнуты. Голова на СЗ. Похоронен в том положении как умер (умерла) и окоченела. Следов одежды нет. Подстилка — суконный “пьяны”. Рядом с трупом деревянное корыто.

Погребение 353. В левом углу сруба, головой на СЗ, вытянута на спине, руки вдоль тела, кисти обеих рук сближены. Волосы заплетены в косы и лежат под спиной со всеми бусами и ромбическими бляшками. На сердце — бляха. У левой руки 4 бляхи и 3 медных трубочки. У правой руки берестяная коробочка, ножик с деревянным черенком. На животе — женская кольцевая пряжка от пояса. Справа от таза — ныттырма из лиственницы. Между бедер — пучок цепочек, ложка (“хуу”). У правого бедра — скребок неподвижный. Слева от левой голени — деревяшки от 2-х неподвижных скребков, 2 широких скребка, железный крюк для вынимания мяса из котла, тупка (похожа на топор).

В ногах — детский череп и около него костяная чашечка “есе-ьине” и буса.

Погребение 354. Мужчина. Головой на СВ. На спине, руки согнуты, правая лежит на груди. На правой ступне — табакерка.

Погребение 355. Самоедка. Голова на ЮЗ. Вытянута на спине, руки вдоль тела. Длина костяка 1,36 м. За головой пестик от табачной ступки. Под головой — корытце. На груди — рожок-табакерка, бляшка с личиной. У правого плеча — опрокинутый железный ковшик. Справа от тела — железная дуга от детской люльки, подпертая чашечкой — ступкой для табаку, большой железный напильник, бусы в мешочке, 3 бляхи и трубочки, 2 колокольчика, 2 блока от упряжи с узором.

Погребения 356–357. Самоеды. Погребения в земле, в сгнившем гробу. Закиданы сверху бревнами лиственниц. Головой на запад. Глубина могилы 0,7 м, длина — 2,2 м, ширина 1,2 м. Сверху — оленьи кости. Слева мужчина, справа — женщина. Лица закрыты сукном, кости истлели. У мужчины — мужской нож, у женщины — бусы, бляхи.

Погребение 358. Старуха-самоедка. Хольмер — ящик с двускатной крышей на 3-х скрепах, вставленных в лиственничные бревна, лежащие на 2-х других поперечных. На перекладине —

колокольчик. На мече от вшей под хольмером — яспас самоедского рода Хонинга. Под хольмером — ящик для чашек, а под головой — опрокинутый медный котел.

Голова на запад. Вытянута на спине, руки вдоль тела полусогнуты в локтях. Под головой мешок с отливом. На голове капор из пестрого сукна и собачьей бахромы. Лицо закрыто куском сукна. Труп одет в красный распашной суконный халат и закрыт другим меховым халатом. Ноги в сапогах со стельками из сухой соломы. Лежит на 3-х оленьих шкурах. Слева от головы — свернут женский старый халат — “пьяны”, справа от головы — медный халцелуй, костяшки оленьей упряжи и уздечки, 2 гребня, 3 медных кольца от упряжи. На сердце — круглая бляшка. Под спиной 4 медных бляхи с трубочками от капора. Справа от таза — мешок с бусами, бисером и бляшками. У правой голени — железный ковшик. В ногах железка от скребка без древка. У левого бедра — нож и железный скребок. На ногах наискосок лежит посох (?).

Местные названия предметов погребального инвентаря, упомянутые в полевых записях Д.Т. Яновича

- Алаки* (п. 30) — кожаная упряжь для оленя
- Гилян* (дилян) (п. 48) = сидырянг (п. 30) = сонгот (сончат) (п. 30, 287) = шайтанчик (п. 72) = ниттырма (п. 276) — антропоморфное деревянное изображение в одежде и без нее, находящееся в погребениях либо на крышке гроба или хольмера
- Есе-ыине* — костяная чашечка (п. 353)
- Калан-сар-лоу* — табакерка из кости от задней ноги оленя (плюсны) (п. 215)
- Кисы* — обувь
- Корды-ятчан* — железный посох (п. 281)
- Кунцап-хули-пайты-юх* — дощечка для чистки гребня (п. 218)
- Куус* — одежда малица зимняя суконная красная (п. 208, 237)
- Кыска* — подстилка из плетеной травы (п. 75)
- Лебах-юхул* — деревянная ловушка на песцов (п. 237)
- Мальче* — одежда (п. 342)
- Меэтапче* — длинный скребок (п. 299). См. также “тантыс-корды”
- Мордаледы-юх* — мерка ? (п. 207)
- Наласт-корды* — железный скребок ? (п. 179)
- Наласты-сохал* — доска длиной 45 см, шириной 9 см для размягчения кож (п. 284)
- Наралых* — лопатка для сбивания снега с одежды ? (п. 255)
- Нареп* — деревянный меч от вшей (п. 195, 255)
- Нельч* — изделие из дерева или кости с желобком и отверстием для ножа для стругания древков стрел п. 273 См. также “олдап”
- Нентырчан* (нэнтырчана) — деревянный или железный блок от упряжи — петли от лямок к оленям (п. 162, 213, 247)
- Ниттырма* (наттырма-сядай, ныттырма) — деревянное антропоморфное изображение (п. 276)
- Ний-есе* — женская кольцевая пряжка от пояса (п. 355)
- Нимар* — мужская пряжка (п. 355)
- Номзе-уода* — крюк для вынимания мяса из котла (п. 353)
- Нючи* — одежда замшевая (п. 49, 213, 272)
- Нъумные* — наперсток (п. 299)
- Нъэпт* — маленькие кожаные подвески к косам (п. 299)
- Одеку* — буса (п. 353)
- Олдап* — желобчатая костяшка с отверстием для строгания древков стрел (п. 242)
- Ороп* (в’ороп, ай-кась) — пояс стыдливости (п. 195, 268)
- Отлиб* — стружка (п. 268)
- Пар* — сверло (п. 242)
- Печеньч* (петеньц) — меч от вшей самоедск. (п. 5, 299). См. также “нареп”
- Пидеръч* — подвижный скребок (п. 350)
- Поны* — одежда из сукна (п. 147)
- Похланты-корды* — железный крюк (п. 208)
- Пъемб* — гроб (самоедск.)
- Пъяны* — женский халат (п. 358)
- Сабам* — гробница (остяцк.)
- Сан* — березовый гриб (п. 121)
- Сармик* — деревянная фигурка волка (п. 351)

- Сар-руутты-юх* — глиняный горшок для растирания табака и пест (п. 213)
- Сах* — шуба парчевая на подкладке, суконная, из оленьих шкур (п. 28)
- Серес* — подпилоч (напильник) — п. 355
- Сидырянг* = Сончат — деревянное антропоморфное изображение (п. 32)
- Соу-ан* — берестяная коробка (п. 243)
- Соха-лис-сар* — лопатка для ловли белых куропаток (п. 207)
- Соцан* — берестяная коробочка ? (п. 283)
- Сядай* — деревянное антропоморфное изображение (п. 270)
- Сяр-няйкл-папче* — пестик от табачной ступки (п. 355)
- Сяр-примбонч* — ступка для табака (п. 350)
- Там-ан* — дужки от замка (п. 243)
- Тамар* — деревянная тупая стрела на белку (п. 242)
- Тантыс-корды* (тантлэс-корды, тантлас-корды) — самоедский длинный скребок для кож, неподвижный скребок (п. 184, 193, 268)
- Тар* — железные кольца от штанов (п. 174).
- Тахар* (тагар) — подстилка из травы, соломы (п. 24, 145, 272)
- Тучан* — женский рабочий мешок (п. 195)
- Тынзян* — аркан (п. 255)
- Тъин* — верхний ящик гроба (самоедск.)
- Умби* (инч-естьы-умби) — ковш на длинной ручке, из которого пьют не слезая с нарт (п. 215, 230)
- Хам-юх* — гроб (остяцк.)
- Халцелуй* — пряжка от упряжи передового оленя, для поддержания вожжи (п. 119)
- Хар* — нож (п. 355)
- Харн-сее* — ножны (п. 355)
- Хой-луп* — весло с двумя лопастями (п. 281)
- Хольмер* (хальмэр) — наземное могильное сооружение в виде ящика, сделанное из досок,местилище гроба
- Хуан* — корытце для еды
- Хуу* — ложка
- Хыр* — большой мешок с отлибом из оленьих шкур (п. 22)
- Юх-кезы* — ножик для продырявливания отверстий в нартах (п. 233)
- Ягушка* — женская и мужская одежда (п. 190), спальная ягушка из оленьего меха.
- Яделлапче* — двойной скребок (п. 299). См. также “наласт-корды”
- Ядоку* (ядокку) — прямоугольная слегка закругленная дощечка (п. 283, 350)
- Яспас* — личный знак, клеймо
- Яспар* — ? (п. 270)
- Ятлобчан* (ятлобч) — скребок (п. 4, 49, 202)
- Ятчан* (ядопчан) — старушечий посох (п. 225, 266)

Топонимика и ономастика по данным дневниковых записей Д.Т. Яновича

Названия могильников и кладбищ из дневника Д.Т. Яновича

- Могильник Пам-Похол-халас (погр. 1, 2)
 Кладбище самоедского рода Янгаровых на “Святом мысу” в устье р. Лонгот-Юган (погр. 3–19)
 Могильник Халас-Пугор (погр. 20–173)
 Пури-сале (щучий мыс). (погр. 174–177)
 Погребения остяков Орас-ях Суматнѣльских юрт (погр. 178–182)
 Кладбище Халай-Воде-нял (погр. 184–198)
 Кладбище Тара-вануй-халайт (погр. 199–208)
 Кладбище на острове Хея (погр. 209–250)
 Кладбище Похронховских юрт Тяныенколо-уа-яха-няу хольмеер (погр. 251–268)
 Могильник Сарман-Вануй (погр. 269)
 Могильник Пайхата (погр. 270–297)
 Кладбище Юмбар (Юмбарада) на реке Щучьей (погр. 298–358)

Названия родов, фамилий и имен, упомянутых в дневниках Д.Т. Яновича

- Казым-хой* — “Остяцкий шаман Хэччи-сэбын-Казым-хой” (погр. 267); “Остяк из рода Казым-хой” (погр. 275), “Остяк Казым-хой, дядя Хэччи”, (погр. 285)
Казым-ях — “Остяки рода Казым-ях”, (погр. 272); “Остяки Казым-ях”, (погр. 284) «Сончат шамана Хэмберча (Орас-хой), а главное удалось достать небольшого остяцкого идола “Орт-их” (по самоедски Иерку сын Яумал), принадлежавшего роду Казым-ях в юртах на острове “Хея”» (30 августа)

- Курли* — Остяк (хромой) Ядопчу Похрон-ях (погр. 235), двоюродный брат Падянга и племянник самого Ядопчу
Куру — Ядопчу самоед (погр. 254)
Ламдо — “самоедом Янгой по фамилии Ламдо”
Ларку-ях — “Остяк по имени Хоки из рода Ларку-ях” (погр. 205)
Ларку-Похрон-ях — “Остяк по имени Паппа из роду Ларку-Похрон-ях” (погр. 207); “Погребение шамана Пикче-Ларку — Похрон-ях, двоюродного брата № 205 и 207 (Пикча означает по самоедски 2-й большой палец)” (погр. 208)
Лары — остячка Пол-хой, жена Япта
Немчи — жена Райки Ядопчу
Неркей — самоедка, жена Падянга (погр. 251)
Ньяпта — сын Япта Ядопчу
Нэокдэтта — “Ядопчу приехал с шаманом Нэокдэтта... Вызвался сам добыть для меня идол Орас-яхов. Старик Няурем из Войкар обещал мне показать где-то в устье Малой Оби в кустах целых 3-х идолов — имен которых он не знает” (29 августа)
Нэуа — Шаман из фамилии Ядопчу (погр. 222)
Орас-ях — “Погребения остяков Орас-ях Суматнѣльских юрт” (погр. 178); Остяк рода Орас-ях (погр. 196)
Осьта — сын Ядопчу (погр. 233)
Орас-хой — “остяком Орас-хой Суматнѣльских юрт” (погр. 195)
Осяс — “...остяк местный вотчинник рода Осяс с сыном, смотрели на нашу работу”, Дневник странствований..., запись 19 августа (раскопки могильника Халас-Пугор); “...неводит богатый остяк Сергей рода осяс из Кривообских юрт с самоедом Янгой по фамилии Ламдо и

архангельским Преркой и каким-то белорусым зырянном...” (запись 21 августа)
Падянг — сын Ядопчу (погр. 251)
Паппа — Остяк из рода Ларку-Похрон-ях (погр. 207)
Похрон-ях — “Мужчина Похренг-ях из Похрумковских юрт” (погр. 199), “Шаман по имени Сэба Хачеуа (Похрон-ях)” (погр. 255)
Похрон-хой — “Остяк по имени Хоненг Похрон-хой” (погр. 252)
Сахе — остяк из Пайхатских юрт рода Казым-хой (погр. 272)
Сялтуко — Остяк из роду Ядопчу (погр. 212)
Сялтух — из рода Ядопчу (погр. 242)
Тятыма — Ядопчу (погр. 237), двоюродный брат Падянга и Курли, племянник Ядопчу
Ул-ням — Остяк рода Орас-ях (погр. 196)
Ханды-орас-ях — “Ханды-орас-ях” (не настоящий остяк, а остяк самоедского происхождения, все из рода орас-ях женятся на ямальских самоедках, так же как и Ядопчу) (погр. 197)
Ханды-хой — “Остяк Ханды-хой” (погр. 281)
Хоки — Остяк из рода Ларку-ях (погр. 205)
Хонинта — “Юмбар-то..., где в последнем десятилетии похоронена жена местного вотчинника Юмбарского самоеда Хонинта”, “... Непа Хонинта, который в благодарность за то, что я исполнил его просьбу не брать костей его родителей — обещал подарить мне шкурку черной лисицы”. «... В чуме у них купил нотгарму его отца “Сероку Хонинта” ... В подарок получил шкурку черной лисицы» (записи 4, 9, 10 сентября)
Ядопчу — “Покойники остяцкого рода Ядопчу Похрон-ях с женами” (перед погр. 209); “Остяк по имени Сялтуко из роду Ядопчу”

(погр. 212) “Шаман по имени Нэуа из фамилии Ядопчу” (погр. 222); “кладбище фамилии Ядопчу рода Похрон-ях Похронковских юрт” (погр. 229). “Ядопчу прапрадед” (погр. 230). “Отправились на берег на кладбище фамилии Ядопчу... Ядопчу давно уже не хоронят здесь своих, последнее погребение было совершено здесь лет 48 тому назад, как помнит Райка, еще не бывший в то время женатым. Его отец “Япта” — старик лет 90, последние дни свои доживал в Обдорске, похоронили на местном кладбище по христианскому обряду...” (запись 27 августа)

Ядпе — самоедка, жена Ньяпта

Янгаровы. — “Кладбище самоедское рода Янгаровых” (погр. 3)

“...дальнее кладбище принадлежит крещеному самоеду Янгарову” (запись 13 августа)

Япта — внук Ядопчу

Погребения шаманов, по данным дневников Д.Т. Яновича

Погр. 130. Халас-Пугор, остяк

Погр. 173. Халас-Пугор, остячка Неодю

Погр. 177. Пури-Сале, “Медвежий шаман”
Ньенутаннэ Казым-хой

Погр. 192. Остяк Хэмбэрча. Орас-ях

Погр. 208. Тара-Вануйт. Пикче-Ларку, Похрон-ях, остяк

Погр. 222. О. Хэя. Нэуа из Ядопчей

Погр. 255. Кладбище Похронховских юрт. Сэба Хачеуа (Похрон-ях)

Погр. 267. Кладбище Похронховских юрт. Хэчи Сэбын. Казым-Хой

Погр. 287. Пайхата, остяк

Докладная записка Д.Т. Яновича

(Архив Музея антропологии МГУ Х1-46-1)

В отчетном году в Антропологический музей пожертвована Н.Гр. и Г.Гр. Кузнецовыми — организаторами экспедиции 1909 г. на Северный Урал, этнографическая коллекция, собранная Д.Т. Яновичем между Обдорском и р. Щучьей у остяков и остяцких самоедов. Собрание распадается на 2 отдела: 1) 410 предметов современного домашнего быта инородцев — рыболовов, живущих по берегам Оби (идол бога Орта, большие и малые идолы Юх-гилянов, священные камни, божки в честь предков, лонги, изображения свящ. гагар, предметы местного шаманизма, вещи с мольбищ и жертвенных мест, образцы одежды, домашней утвари, инструменты оленевода, образцы оленьей упряжи, наборы костяшек для уздечек, аркан, женские рабочие мешки из оленьей и налимьей кожи, типы грузил и поплавков с рыболовных сетей, резные изображения животных, черпаки, капканные якоря, погоняльный шест, типы скребков для отделки кож и замши, стрелы с железными и костяными наконечниками, деревянные мечи для выколачивания постельных шкур, женские портфели для огнива и трута, менструальные пояса и женские очистительные камни, табакерки, игольники из лебединых костей, веер из крыльев дикого гуся, детские игрушки, полярные очки, лопаты для отгребания снега, ночные подстилки, котельные крюки, камень для разбивания мозговых костей, берестяная люлька со спинкой для детей второго возраста и пр.)

2) Предметы погребальной обстановки, собранные в 360 инородческих языческих могилах, вскрытых и изученных собирателем на знаменитом Острове Мертвых (Халас-Погор) на Малой Оби, на Сангом-пане, на кладбищах близ свя-

щенного места около устья р. Лонгот-юган (Хэ-хэ-яга), близ устья Пури-яга, около жертвенного места Воде-нял, на острове Хея, на Пай-хат, близ Танынколоуа-няу-яга, близ Иондырских юрт и др. мест, где по берегам Большой Оби находились одиночные могилы. Из могил извлечено 117 мужских черепов (из них 26 с костяками), 110 женских (18 с костяками), 111 — детских (из них 5 с костяками), 13 черепов от особей, пол которых по погребальной обстановке остался неопределенным, всего 351 череп и около 2500 вещей, положенных в гроб вместе с покойниками (берестяная орнаментированная посуда, ножи с оловянной инкрустацией и медные литые с изображениями различных религиозных сцен на рукоятках, перстни, древние большие медали и бляхи, служившие подвесками к женским головным уборам и накрывавшие сердце на мужских трупах. На бляхах изображения всадников, кентавров, сцен охоты на белку с луком и стрелами, львов, шестиглавых драконов, коней, оленей, гагар, лебедей, орлов, звезд и разнообразных розет. Почти из каждой могилы извлечен идольчик в честь покойного, его сончат с домашними принадлежностями в миниатюрных моделях; есть предметы, снабженные знаком свастики, старинные игрушки из детских могил, поясные женские пряжки, подвески с кос и головных уборов, куклы в избушках, сделанные в честь умерших, костяк медвежьего шамана с сундуком, где он хранился и т.д.

С кладбища на берегу р. Лонгот-юган привезен сохранившийся в сухом виде труп остяка в гробу-полулодке, в похоронной одежде со всей погребальной обстановкой. Кроме того, братьями

Кузнецовыми переданы в музей собранные тем же лицом во время остановки парохода “Тобольск”, предоставленного Министерством Путей Сообщения для перевозки экспедиции и ее коллекций, в Аремзянских юртах (на Иртыше) у переселенцев из Бухары — 14 медных мусульманских кумгана разных форм, 3 чугунных кумгана, 1 медный чайник, 1 туркестанский самовар из красной меди, 5 деревянных ложек-дуршлаков разной формы для пельменей, 1 ручная мельница

с деревянными жерновами, 1 железная ложка-скребок для растирания кирпичного чая и 1 женский мусульманский амулет, привезенный из Мекки.

Для хранения коллекции и приведения ее в порядок переданы гг. Кузнецовыми в распоряжение директора музея особые средства на устройство шкапов, витрин для вещей и турникетов для 500 фотографий, снятых Д.Т. Яновичем во время поездки.

Письмо О.О. Баклунда Д.Н. Анучину 1910 г.¹

От бывшего начальника экспедиции
бр. Кузнецовых на Полярный Урал

Глубокоуважаемый господин профессор,
покорнейше прошу простить, если еще раз использую Ваше драгоценное время, но постараюсь быть кратким. Вернувшись из Москвы со съезда, я убедился, что об экспедиции, во главе которой я имел честь стоять минувшее лето, среди участников съезда распространяют самые невыгодные слухи, которые отчасти направлены против меня лично, отчасти же против моих товарищей-спутников и даже против Академии Наук, которая принимала столь близкое участие в организации экспедиции. Слухи достигли таких размеров, что знакомые мне ученые считают экспедицию неудобной темой для разговоров, и по возвращении из Москвы этнографы академического Музея каждый в отдельности обращались ко мне с вопросом, отчего я не даю огласки делам экспедиционным. Газетную полемику я избегаю потому, что она может затронуть интересы лиц, стоящих в стороне от экспедиции, и к тому же будет иметь личный характер. Но в конце концов, может быть, придется прибегнуть и к этому способу... Чтобы предотвратить такой исход, прилагаю при сем копию письма И.А. Рочев-Моторова, старосты села Обдорска, и к нему могу дать следующие объяснения: 1. Рочев-Моторов не мало услужил экспедиции, помогал г-ну Вардропперу нанимать оленей, затем летом устраивал склады на пути экспедиции и помогал г. Яновичу словом и делом. Г. Янович с 10 июля работал самостоя-

тельно и отдельно от экспедиции. До этого времени, когда он шел совместно с экспедицией, я ему, г. Яновичу, безусловно запрещал во время хода экспедиции: 1) в отсутствии владельцев трогать или вообще развязывать нарты с зимней одеждой и утварью, оставляемые инородцами на лето без присмотра среди гор (было предложение со стороны г. Яновича осматривать такие нарты и забирать этнографически ценные предметы, оставляя на место их монету, например рубль); 2) похищать фамильные шайтанчики наших подвозчиков, в виду того, что г. Янович сообщил мне, что некоторые из экспедиционных рабочих согласились после окончания экспедиции "стащить" эти шайтанчики. Кроме того, я советовал ему, г. Яновичу, избегать могильных раскопок на глазах у инородцев, во всяком случае скрывать следы таковых. Кроме того, я запрещал экспедиционным рабочим-зырянам участвовать в делах, противных нравам края, что отнюдь не исключает раскопок могильных, так как зыряне часто сами от себя не прочь исследовать содержание могил с известными предосторожностями. Насколько последнее условие исполнено, показывают фотографии, которые я при первом желании могу предоставить. Такой *modus* раскопок принудил меня, благодаря быстрой огласке дела, помимо членов экспедиции выставить свою точку зрения в присутствии местных властей. По известиям из Обдорска, помимо дел, описанных г-м Рочевым, предвидится их целый ряд, которые грозят судебным следствием и которые во всяком случае тяжело скомпрометировали экспедицию в глазах местных жителей.

Если г. Янович в известный срок не представит опровержения, то я буду принужден, чтобы

¹ На бланке Геологического музея им. Петра Великого (Архив ГМА. X1-46-6).

оградить себя, своих товарищей и покровительствовавшую экспедиции Академию, предать дело огласке. Покорнейше прошу простить меня, глубокоуважаемый Господин Профессор, что обременяю Вас этим делом, но в виду того, что Вы единственный имеете некоторое влияние на г. Яновича, я бы покорнейше просил дать делу ход. В этнографический Музей Академии, в который я обратился при первом конфликте с г. Яновичем по делу о порче коллекций и принадлежности фотографических снимков, я по этому делу не обращаюсь в виду того, что знаю о плохих личных отношениях работающих там ученых к г. Яновичу. К тому же, по-видимому, дело до того гнусно-позорно, что было бы хорошо, если бы небольшое пока количество людей знали о нем. Поэтому я так долго не сообщал об этом деле, посылал лишь гг. Кузнецовым копию с письма в оправдание своего отношения к г. Яновичу, но обстоятельства сами принуждают меня сделать шаг в этом направлении, и это обращение к Вам происходит только по совету Б.Ф. Адлера.

Обвинение меня в небрежном и ведущем к порче обращении с этнографическими коллекциями ни на чем не обосновано. Если бы я не взял в руки отправленные их из Обдорска, то они безусловно остались бы зимовать в Обдорске и едва ли тогда удалось бы спасти их, так как теперь выясняется, что они приобретены не совсем правильным путем, о чем узнали бы в течение зимы хранящие их местные жители, и тогда было бы трудно оградить их как следует. На обвинение в недоплате инородцам за этнографические предметы г. Янович мог бы ответить звучащим странно заявлением, что мною ему не было оставлено достаточно средств для приобретения их, но это не совсем так. Я ему оставил 200 р. и весь обменный товар, приобретенный в Москве и др. местах примерно за 1000 р.; если понадобились ему деньги наличными, то он мог бы занять у любого

Обдорянина под залог товара, наконец гг. Кузнецовы оставили ему помимо меня известную сумму. К тому же сам г. Янович мне заявил при возвращении моем в Обдорск, что жалел о том, что во второй приезд свой в Обдорск (начало августа) бросил там обменный материал, потому что инородцы неоднократно требовали уплаты натурой, и повсюду с меня просили уплаты предметами первой необходимости, я же им мог платить только провизией. Обменный материал остался почти неиспользованным, так как я не решился им пользоваться в ущерб этнографии; большая часть погибла, благодаря небрежному обращению ими; и в Обдорске, когда ждали опаздывавшего прибыванием г. Яновича, я и все члены экспедиции с некоторыми жителями Обдорска были заняты 3 дня с утра до вечера разборкой и оценкой брошенного г. Яновичем обменного материала, за который получили около 300 р. Об этом я писал в подробном отчете гг. Кузнецовым. Наконец, неуплата или условие какое-нибудь требует объявление об этом.

Позволю себе иметь надежду, что Вы, глубокоуважаемый Господин Профессор, уделите этому делу должное внимание. Далее смогу сообщить, что 3 ящика этнографических предметов отправлены из г. Омска через транспортную контору в Москву, угол Моховой и Большой Никитской, здание Университета. Весу в двух 2 п 26 ф и 2 п 17 ф, на третьем есть надпись "Обдорск, ЕВ Бл. Господину приставу 2-го стана" и т.д. и весом от 1 п 12 ф. Далее в Геологическом музее есть шайтан — деревянный идол, взятый на берегу моря недалеко от устья р. Талота, который также будет переправлен в Москву, как только к нему будет приготовлена фотография, характеризующая условия находки.

С искренним уважением

О. Баклунд

1910, января 14.

Письмо Бруно Федоровича Адлера Максиму Григорьевичу Левину¹

Надписи на конверте: 444 Обдорск.

печать Обдорска 10.7.36

печать Москвы 15.7.36

Москва, Моховая 11 МГУ

Гос. Институт Антропологии

М.Г. Левину от Адлера ул. Мерюгина, 1 а.

10/7 36 Уважаемый Максим Григорьевич, вчера получил Ваше письмо с припиской М.С. (Плисецкий. — *Авт*). Тотчас же навел просимые справки, которые, к сожалению, мало утешительны. Никто из старожилов не помнит об экспедиции Яновича. Зато многие хорошо знают те кладбища, которые Вы перечисляете. "Остров мертвых", который Вас больше всего интересует, представляет большое старое кладбище, преимущественно остяцкое с легкой примесью самоедов. То же и второе место у устья Лонгот-Юган смешано. Третье, Пом-попол-халайт, никто не знает. Утверждают что Янович перепутал название, что касается острова Хея, то это выше Нового Порта и является чисто самоедским местом. Первые два кладбища недалеко от Обдорска по Малой Оби, близ спецпоселка Аксарки. — В настоящее время здесь работает Андрианов. Копал он и могильники, но как человек мало подкованный в этнографии, он плохо разбирается в этнической датировке черепов.

Между тем это довольно легко, если хорошо знаешь этнографию этих племен. Мне интересно,

почему Вы не снеслись с женой Яновича — ведь должны же быть его записи, да и таблицы с могил дают хорошие отправные пункты. Я всегда жалел, что М.С. отдал Голомшрку часть вещей. Я на коллекцию Яновича всегда глядел как на мост между археологией и этнографией. Что же касается краниологической части, то ее в части 1, 2 и 3 (?) могильников следует считать остяко-самоедской, или даже вернее неопределимой. Лишь серия 4 даст Вам верный самоедский материал. Вообще же параллельно с изучением черепов необходимо немедленно же изучить и физический тип этих племен. Этого до сих пор не сделано. Между тем более резкой разницы у народов, живущих в одном месте, я нигде, пожалуй, не видал, как здесь. Остяки во многих случаях до того похожи здесь на индейцев СЗ Америки, что думаешь, что ты в Новом Свете. Самоеды, наоборот, наши азиаты: даже т.н. зырянские самоеды, утратившие свой язык и живущие в чумах, но на зырянский лад. Однако это на глаз. Что скажет циркуль, не знаю, так как антропометрических инструментов не имею и дальше 3-х км. от Обдорска отлучаться не могу.

Пока все! Привет М.С., Я.Я. (Рогинский. — *Авт*) отгиск статьи об моем друге Ярхо я получил, но к сожалению, не знаю кто ее автор. Раньше Я.Я. мне писал, что статью будет писать Дебец. Кто же автор? И почему нет некролога, который меня особенно интересует?

Всего хорошего
Ваш Адлер

¹ Архив Музея антропологии МГУ. XI-46-10.

Приложение 8

Похозяйственные книги 1991 г. поселков Халас-Пугор и Горно-Князевск

Похозяйственная книга поселка Халас-Пугор на 1991 год

№ семьи	Фамилия, имя, отчество	Родство	Год рождения	Национальность	Образование	Место работы
1	Падранхасов Владимир Михайлович	муж	1958	хант	среднее	рыбак, кооп. "Обь"
	Ольга Владимировна	жена	1962	хантыйка	н/среднее	рыбачка
	Сергей Владимирович	сын	1983	хант		
	Прасковья Владимировна	дочь	1984	хантыйка		
Имущество: сеть 25 м						
2	Сяддай Даниил Степанович	муж	1935	ненец	нач.	пенсионер
	Мария Петровна	жена	1935	хантыйка	нач.	пенсионер
	Борис Данилович	сын	1965	ненец	н/среднее	рыбак, кооп. "Обь"
	Валентина Даниловна	дочь	1968	ненка	н/среднее	инвалид 2 группы
	Тамара Даниловна	дочь	1963	ненка	среднее	
	Петр Данилович	сын	1970	ненец	н/среднее	рыбак, кооп. "Обь"
	Илья Данилович	сын	1972	ненец	н/среднее	
	Виталий Данилович	сын	1975	ненец	7 классов	
имущество: снегоход Буран, лодка, сеть 25 м, лошадь						
3	Сяддай Павел Данилович	муж	1967	ненец	н/среднее	рыбак, кооп. "Обь"
	Ульяна	жена		ненка		домохозяйка
	Лариса Павловна	дочь	1991	ненка		
Имущество: сеть 25 м						
4	Сяддай Зоя Степановна		1942	ненка	нач.	рыбачка, кооп. "Обь"
Имущество: сеть 25 м						
5	Сяддай Яков Данилович	муж	1967	ненец	н/среднее	рыбак, кооп. "Обь"
	Титкина Октябрина Аграновна	жена	1974	хантыйка	н/среднее	домохозяйка
	Василий Яковлевич	сын	1992	ненец		

№ семьи	Фамилия, имя, отчество	Родство	Год рождения	Национальность	Образование	Место работы
6	Круптинский Владимир Григорьевич	муж	1937	хант	нач.	Харсаимский рыб. участок
	Ирина Александровна	жена	1935	ненка	нач.	пенсионер
	Татьяна Владимировна	дочь	1970	хантыйка	н/среднее	рыбачка
	Тамара Владимировна	дочь	1972	хантыйка	н/среднее	н/работает
	Виктория Владимировна	дочь	1975	хантыйка	н/среднее	н/работает
	Андрей Владимирович	сын	1978	хант	8 класс	
Имущество: 2 коровы, 1 лошадь						
7	Круптинский Вячеслав Владимирович	муж	1967	хант	н/среднее	рыбак, кооп. "Обь"
	Светлана Леонидовна	жена	1969	хантыйка	н/среднее	домохозяйка
	Артур Вячеславович	сын	1988	хант		
	Владимир Вячеславович	сын	1990	хант		
Имущество: снегоход Буран, сеть 25 м						
8	Падранхасов Владимир Иванович	муж	1961	ненец	среднее	рыбак, кооп. "Обь"
	Александра Зосимовна	мать	1917	ненка	нач.	пенсионер
Имущество: ружье, сеть 25 м						
9	Падранхасов Архип Иванович	муж	1953	хант		рыбак, кооп. "Обь"
	Зоя Петровна	жена	1950	хантыйка	н/среднее	рыбачка, кооп. "Обь"
	Тогачева Надежда Петровна	приемная дочь	1971	хантыйка	среднее	учится в Салехарде
	Татьяна Архиповна	дочь	1976	хантыйка	8 класс	
	Иван Архипович	сын	1978	ненец	6 класс	
	Мария Архиповна	дочь	1984	ненка		
	Лариса Архиповна	дочь	1981	ненка	4 класс	
	Евсипов Александр Николаевич	муж	1955	русский	среднее	Аксарковский рыбзавод
10	Наталья Андреевна	жена	1954	русская	среднее	Аксарка, продавец
	Перерва Ольга Васильевна	дочь	1975	русская		Салехард, педучилище
	Выжигара Дарья Кузьминична		1909	хантыйка	нач.	пенсионер

Похозяйственная книга поселка Горно-Князевск на 1991 год

№ семьи	Фамилия, имя, отчество	Родство	Год рождения	Национальность	Образование	Место работы
1	Куйбин Никон Николаевич	муж	1952	хант	н/среднее	рыбак, Харс. участок
	Мария Ивановна	жена	1956	ненка	нач.	рыбачка, Харс. участок
	Сэрэото Евдокия Филипповна	теща	1908	хантыйка		умерла
	Куйбина Юлия Никоновна	дочь	1975	хантыйка	9 класс	
	Прасковья Никоновна	дочь	1976	хантыйка	8 класс	
	Роза Никоновна	дочь	1979	хантыйка	6 класс	
	Владимир Никонович	сын	1981	хант	3 класс	

№ семьи	Фамилия, имя, отчество	Родство	Год рождения	Национальность	Образование	Место работы
	Константин Никонович	сын	1983	хант	1 класс	
	Вячеслав Никонович	сын	1985	хант		
	Майя Никоновна	дочь	1987	хантыйка		
	Имущество: буран, ружье, сеть 25 м					
2	Куйбин Вениамин Николаевич	муж	1966	хант	среднее	рыбак, Харс. участок
	Елена Ивановна	жена	1960	хантыйка	н/среднее	рабочая Харс. участок
	Айхо Иван Александрович	сын	1982	хант	2 класс	
	Куйбина Маргарита Вениаминовна	дочь	1988	хантыйка		
	Николай Вениаминович	сын	1991	хант		
	Имущество: снегоход Буран, сеть 25 м,					
3	Куйбин Тихон Николаевич	муж	1959	хант	н/среднее	инвалид 2 группы
	Яптанги Марфа Вячеславна	жена	1966	ненка	среднее	рабочая Харс. участок
	Леся Тихоновна	дочь	1987	хантыйка		
	Андрей Тихонович	сын	1991	хант		
	Имущество: буран, сеть 25 м, ружье					
4	Салиндер Сергей Николаевич		1939	хант	неграмотн	рабак Харс. участок
	Имущество: сеть 25 м					
5	Салиндер Степан Николаевич	муж	1960	хант	н/средн	рыбак, Харс. участок
	Имущество: сеть 25 м					
6	Тайшин Анатолий Александрович	муж	1960	хант	среднее	рыбак, Харс. участок
	Юлия Ивановна	жена	1959	хантыйка	н/средн.	домохозяйка
	Аркадий Анатольевич	сын	1983	хант		
	Антон Анатольевич	сын	1985	хант		
	Наталья Анатольевна	дочь	1987	хантыйка		
	Анжея Анатольевна	дочь	1989	хантыйка		
	Имущество: буран, ружье, сеть 25 м					
7	Титкина Анна Егоровна		1921	хантыйка	неграмотн	пенсионер
	Надежда Павловна	дочь	1963	хантыйка		продавец
	Герасимов Дмитрий Александрович	внук	1990	русский		
8	Тайшина Елена Семеновна		1936	хантыйка	среднее	рыбачка, Харс. участок
	Геннадий Александрович	сын	1969	хант	н/среднее	рабочий, Харс. участок
	Роман Александрович	сын	1971	хант	н/среднее	
	Сара Александровна	дочь	1977	хантыйка	7 класс	
	Клавдия Александровна	дочь	1977	хантыйка	7 класс	
	Имущество: сеть 25 м					
9	Тайшин Ефим Александрович	муж	1963	хант	среднее	рыбак, Харс. участок
	Людмила Ефимовна	жена	1972	хантыйка	н/среднее	
	Борис Ефимович	сын	1989	хант		
	Снежана Ефимовна	дочь	1990	хантыйка		

№ семьи	Фамилия, имя, отчество	Родство	Год рождения	Национальность	Образование	Место работы
10	Тайшина Надежда Семеновна		1925	хантыйка	неграмот.	пенсионер
	Екатерина Николаевна	дочь	1951	хантыйка	нач.	рыбачка, Харс. участок
	Дмитрий Николаевич (его дед Василий был последним князем)	сын	1960	хант	среднее	рыбак, Харс. участок
	Марина Валерьевна	внучка	1986	хантыйка		Лабытнанги, детдом
	Александра Валерьевна	внучка	1989	хантыйка		
11	Сибарев Юрий Дмитриевич	муж	1962	хант	н/среднее	рыбак, Харс. участок
	Татьяна Николаевна	жена	1963	хантыйка	н/среднее	домохозяйка
	Виталий Юрьевич	сын	1987	хант		
	Гаврил Юрьевич	сын	1989	хант		
	Денис Юрьевич	сын	1991	хант		
12	Куйбина Молдас Григорьевна		1938	хантыйка	неграмотн	пенсионер
	Анна Григорьевна	сестра	1932	хантыйка	неграмотн	пенсионер
	Тамара Григорьевна	сестра	1930	хантыйка	неграмотн	пенсионер
	Имущество: буран, сеть 25 м					
13	Салиндер Александр Николаевич	муж	1942	хант	нач.	рыбак, Харс. участок
	Людмила Николаевна	жена	1953	хантыйка	нач.	рыбачка, Харс. участок
	Имущество: буран, сеть 25 м					
14	Грищенко Леся Васильевна	жена	1939	украинка	ср. спец.	фельдшер
	Валерий Иванович	муж	1949	русский	среднее	слесарь Харс. рыб. участка
	Максим	сын	1971	украинец		рыбак, Харс. участок
	Имущество: буран, сеть 25 м, лодка 25 сил					
15	Мещеряков Александр Михайлович	муж	1959	русский	среднее	инд. труд. деятельность
	Евдокия Александровна	жена	1967	хантыйка	ср. спец.	зав. клубом
	Михаил Александрович	сын	1989	хант		
	Елена Александровна	дочь	1992	хантыйка		
16	Тайшина Варвара Григорьевна		1945	хантыйка	неграмотн	рыбачка, Харс. участок
	Ольга Григорьевна	сестра	1933	хантыйка	неграмотн	пенсионер
17	Рускаланов Борис Васильевич		1968	хант	среднее	рыбак, Харс. участок
18	Климов Павел Васильевич		1954	хант	н/среднее	рыбак, Харс. участок
	Анна Николаевна	жена	1957	хантыйка	н/среднее	рыбачка, Харс. участок
	Оксана Павловна	дочь	1983	хантыйка	1 класс	
	Сергей Павлович	сын	1987	хант		
	Максим Павлович	сын	1989	хант		
	Вадим Павлович	сын	1991	хант		
19	Тайшина Римма Ильинична		1944	хантыйка	нач.	домохозяйка
	Евдокия Андреевна	дочь	1971	хантыйка	н/среднее	
	Светлана Андреевна	дочь	1973	хантыйка	8 класс	

Литература

- Абрамов Н.А.*, 1857. Описание Березовского края // Записки Русского географического общества. СПб. Кн. 12.
- Алексеев В.П.*, 1979. Историческая антропология. М.
- Алексеева Т.И., Козловская М.В., Федосова В.Н.*, 1988. Опыт палеоэкологической реконструкции (на примере хантов) // Палеоантропология и археология Западной и Южной Сибири. Новосибирск. С. 83–104.
- Алексеева Т.И., Эренбург Р.Б.*, 1979. Каталог краниологических и остеологических коллекций Института и Музея антропологии МГУ (1865–1977). М.
- Антропова В.В.*, 1957. Вопросы военной организации и военного дела у народов Крайнего северо-востока Сибири // ТИЭ. Новая серия. М.; Л. Т. 35.
- Анучин Д.Н.*, 1890. Сани, лабя и кони как принадлежности похоронного обряда: Археолого-этнографический этюд. // Древности: Тр. Московского археологического общества. М. Т. 14.
- Анучин Д.Н.*, 1899. К истории искусства и верований у приуральской чуди. Чудские изображения летящих птиц и мифических крылатых существ // Материалы по археологии восточных губерний. М. Т. 3.
- Археология республики Коми / Отв. ред. Э.А. Савельева. М., 1997.
- Асеев И.В.*, 1974. Археология западного побережья Байкала и проблемы этногенеза кочевников Прибайкалья // Изв. Сиб. отд. АН СССР. Сер. обществ. наук, № 11, вып. 3.
- Бабаков В.Г.*, 1976. К этнокультурному изучению хантов // Советская этнография. № 6.
- Баклунд О.О.*, 1911. Общий обзор деятельности экспедиции бр. Кузнецовых на Полярный Урал летом 1909 г. // Зап. Имп. академии наук по физико-математическому отделению. СПб. Т. XXVIII, № 1.
- Бартенев В.*, 1895. Погребальные обычаи остяков // Живая старина. № 4.
- Бартенев В.*, 1896. На крайнем Северо-Западе Сибири: Очерки Обдорского края. СПб.
- Бахрушин С.В.*, 1927. Очерки истории колонизации Сибири в XVI и XVII вв. М.
- Бахрушин С.В.*, 1935. Остяцкие и вогульские княжества в XVI–XVII веках. Л.
- Белов М.И., Овсянников О.В., Старков В.Ф.*, 1981. Мангазея: Материальная культура русских полярных мореходов и землепроходцев XVI–XVII вв. М. Ч. 2.
- Белявский Фр.*, 1833. Поездка к Ледовитому морю. М.
- Берг Л.С.*, 1935. Открытие Камчатки и экспедиция Беринга. Л.
- Боброва А.И., Петрова Н.В.*, 1992. Реконструкция поясов позднесредневекового населения Нарымского Приобья и Причулымья // Новое в археологии Сибири и Дальнего Востока. Томск.
- Боброва А.И.*, 1981. Отчет о полевых исследованиях Среднеобского отряда археологической экспедиции Томского университета в 1980 г. Томск. (Архив Ин-та археологии РАН, Москва. Р-1. № 7732).
- Богораз В.Г.*, 1991. Материальная культура чукчей. М. Пер. с изд.: Bogoras W. The Chukchee. 1: Material Culture. New York; Leiden, 1904.
- Боярский П.В., Лютый А.А.*, 1999. Остров Вайгач: Хабидя-я – священный остров ненецкого народа. Природное и культурное наследие. М.
- Булычев И.Д.*, 1856. Путешествие по Восточной Сибири. Атлас. СПб. Часть 1: Поездка в Камчатку. Вып. VIII.
- Бычков С.*, 1994. Пушкин глазами православного священника // Васильев Б.А. Духовный путь Пушкина. М.
- Василевич Г.М.*, 1949. Тунгусский нагрудник у народов Сибири // Сборник Музея антропологии и этнографии. М.; Л. Т. 11.
- Васильев В.И.*, 1979. Проблемы формирования северо-самодийских народностей. М.

- Гагемейстер Ю., 1854. Статистическое обозрение Сибири. СПб.
- Вся Москва на 1895 г. М., 1895. Ч. 2.
- Гоголев А.И., 1990. Археологические памятники Якутии позднего средневековья (XIV–XVIII вв.). Иркутск.
- Голованова И.М., 1962. Хантские бляхи в собрании Государственного Исторического музея // Ежегодник ГИМ: 1960 год. М.
- Головнев А.В., 1991. "Свое и чужое" в представлениях хантов // Обские угры (ханты и манси): Материалы к серии "Народы мира". М. Вып. 7.
- Головнев А.В., Зайцев Г.С., 1992. История Ямала. Тобольск; Яр-Сале.
- Гондатти Н.Л., 1888а. Предварительный отчет о поездке в Северо-Западную Сибирь. М.
- Гондатти Н.Л., 1888б. Следы язычества у инородцев Северо-Западной Сибири // Общество любителей естествознания, антропологи и этнографии при Московском университете. Труды этнографического отдела. М. Кн. 8.
- Гончарова Л.Н., 1983. Художественные изделия из металла русских мастеров для народов Севера и Сибири (XVIII–XX вв.) // Общественный быт и культура русского населения Сибири. Новосибирск.
- Гофман Э., 1856. Северный Урал и береговой хребет Пай-Хой: Исследования экспедиции, снаряженной Императорским Русским географическим обществом в 1847, 1848 и 1850 гг. СПб. Т. 2.
- Грачева Г.Н., 1971. Погребальные сооружения ненцев устья Оби // СМАЭ. Л. Т. XXVII.
- Грачева Г.Н., 1981. Культовый комплект нгансан // СМАЭ. Л. Т. 37.
- Грачева Г.Н., 1983. Традиционное мировоззрение охотников Таймыра. Л.
- Гребнева Г.И., 1976. Отчет об археологических исследованиях кетского отряда в 1976 г. (Архив Ин-та археологии РАН. Р-1. № 6301).
- Грибова Л.С., 1975. Пермский звериный стиль. М.
- Грибова Л.С., 1980. Декоративно-прикладное искусство народов коми. М.
- Губарев К., 1863. Обдорск // Современник. СПб. Т. 99.
- Даль В., 1956. Толковый словарь живого русского языка. М.
- Дебец Г.Ф., 1951. Антропологические исследования в Камчатской области // ТИЭ. М. Т. 17.
- Долгих Б.О., 1960. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. // ТИЭ. Нов. серия. Т. 51, М.
- Долгих Б.О., 1961. О похоронном обряде кетов // Сов. Археология. № 3.
- Долгих Б.О., 1970. Очерки по этнической истории ненцев и энцев. М.
- Дремов В.А., 1973. Краниология обских угров // Проблемы этногенеза народов Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск.
- Дремов В.А., 1984. Расовая дифференциация угорских и самодийских групп Западной Сибири по данным краниологии // Проблемы антропологии древнего и современного населения севера Евразии. Л.
- Дульзон А.П., 1953. Поздние археологические памятники Чулыма и проблема происхождения чулымских татар // Учен. зап. ТГПИ. Томск. Т. X.
- Дульзон А.П., 1955а. Остяцкие могильники XVI и XVII вв. у с. Молчаново на Оби // Учен. зап. ТГПИ. Томск. Т. XIII.
- Дульзон А.П., 1955б. Пачангский курганный могильник // Учен. зап. ТГПИ. Томск. Т. XIV.
- Дульзон А.П., 1957. Остяцкий курганный могильник XVII в. у с. Молчаново на Оби // Учен. зап. ТГПИ. Томск. Т. XVI.
- Дунин-Горкавич А.А., 1904. Тобольский Север: Общий обзор страны, ее естественных богатств и промышленной деятельности населения. СПб. Т. 1.
- Дунин-Горкавич А.А., 1908. Нужды Тобольского Севера и меры для их удовлетворения // Памятная книжка Тобольской губернии на 1908 г. Тобольск.
- Дунин-Горкавич А.А., 1909. Географическое описание Низовьев реки Оби и условия судоходства. // Записки по гидрографии. СПб. Вып. XXXI.
- Дунин-Горкавич А.А., 1911. Тобольский Север: Этнографический очерк местных инородцев. Тобольск. Т. 3.
- Дьяконова В.П., 1975. Погребальный обряд тувинцев как историко-этнографический источник. Л.
- Жук А.В., Мельников Е.В., 1995. Археологические изыскания И.Н. Шухова: Нижнеобская экспедиция 1911 г. // Средневековые древности Западной Сибири. Омск. С. 4–16.
- Зах В.А., 2001. Отчет об археологических исследованиях 3-го отряда Института проблем освоения Севера СО РАН в 2000 г. (Архив Ин-та археологии РАН).
- Земля Ямал., 1998. Альбом ямальских экспедиций В.П. Евладова Сост. / Т.И. Пика. М.
- Зуев В.Ф., 1947. Материалы по этнографии Сибири XVIII в.: 1771–1772. (Описание живущих Сибирской губернии в Березовском уезде иновечерских народов остяков и самоедов) // ТИЭ. Нов. серия. М.; Л. Т. 5.
- Зыков А.П., Кошкаров С.Ф., Терехова Л.М., Федорова Н.В., 1994. Угорское наследие. Екатеринбург.
- Иванов [И.Н.], Бережных., 1847. Опись берегов северного океана от Канина носа до Обдорска 1826–1828 г. // Зап. Гидрографического департамента Морского министерства. СПб. Ч. 5.
- Иванов С.В., 1963. Орнамент народов Сибири как исторический источник // ТИЭ. Нов. серия. М.; Л. Т. 81.
- Изделия остяков Тобольской губернии. Тобольск, 1911.

- Иринарх.*, 1903. Из дневника Обдорского миссионера // Православный благовестник. М. Т. 3, № 17, сент., кн. 1.
- Исмаилов Р.Б.*, 1995. Средневековые комплексы и случайные находки из Южного Приуралья // Наследие веков: Охрана и изучение памятников археологии в Башкортостане. Уфа. Вып. 1.
- Историко-этнографический атлас народов Сибири. М.; Л., 1961.
- Исторический памятник русского арктического мореплавания XVII в. М. 1951.
- Казанцев А., Хороших П.*, 1962. Старинные бурятские погребения на острове Ольхон // Тр. Бурятского комплексного научно-исследовательского института. Улан-Уде. Вып. 10. Сер. историческая.
- Калашников Н.М., Плужникова Г.А.*, 1990. Одежда народов СССР. М.
- Кардаш О.В.*, 2000. Отчет о научно-исследовательской работе: комплексное изучение Надымского городища летом 1999 г. Нефтеюганск (Архив Ин-та археологии РАН).
- Кардаш О.В.*, 2001. Комплексное изучение Надымского городища в 2000 г. (Архив Ин-та археологии РАН).
- Кастрен А.*, 1860. Путешествие Александра Кастрена по Лапландии, северной России и Сибири (1838–1844, 1845–1849) // Магазин земледелия и путешествий. М. Т. VI, ч. 2.
- Каталог этнографических коллекций Музея археологии и этнографии Сибири Томского университета. Томск, 1979. Ч. 1.
- Каховский В.Ф.*, 1977. Исследования чувашской археологической экспедиции 1976 г. Чебоксары. (Архив Ин-та археологии РАН. Р-1. № 6372).
- Каховский Б.В., Каховский В.Ф.*, 1992. Археология Среднего Поволжья. Чебоксары.
- Клюева Н.И., Михайлова Е.А.*, 1988. Накосные украшения у сибирских народов // Материальная и духовная культура народов Сибири: Сб. Музея антропологии и этнографии. Л. Т. 42.
- Ковальский М.*, 1853. Северный Урал и береговой хребет Пай-Хой: Исследования экспедиции, снаряженной Императорским Русским географическим обществом в 1847, 1848 и 1850 гг.: Географические наблюдения мест и магнитных наблюдений. СПб. Т. 1.
- Константинов И.В.*, 1971. Материальная культура якутов XVIII в. Якутск.
- Коробков Н.М.*, 1936. Московская аптекарская посуда в XVII–XVIII вв. // По трассе первой очереди Московского метрополитена. М.
- Коровушкин Д.Г.*, 1996. Русское охотничье снаряжение в коллекциях Новосибирского областного краеведческого музея // Новейшие археологические и этнографические открытия в Сибири. Новосибирск.
- Краснов Ю.А., Каховский В.Ф.*, 1978. Средневековые Чебоксары. М.
- Кренке Н.А.*, 1984. Коллекция В.В. Радлова из раскопок курганов XVII в. в Сибири // Западная Сибирь в эпоху средневековья. Томск.
- Кренке Н.А.*, 1987. Отчет об археологических работах на территории заповедника "Коломенское" в 1986 г. М. (Архив Ин-та археологии РАН. Р-1. № 11952).
- Кренке Н.А.*, 1996. Отчет об археологических исследованиях на территории леспаркхоза "Горки" в Московской обл. М. (Архив Ин-та Археологии РАН).
- Кренке Н.А., Макаров Н.А.*, 1995. Скандинавская фибула из Салехарда // Сов. археология. № 3.
- Кривоносов В.Т., Макаров Б.А.*, 1986. Архитектурный ансамбль Борисоглебского монастыря. М.
- Крюков М.В.*, 1989. Этничность, безэтничность, этническая непрерывность // Расы и народы. М. № 19.
- Кушелевский Ю.И.*, 1868. Северный полюс и земля Ялмал. СПб.
- Левашева В.П.*, 1939. Из далекого прошлого южной части Красноярского края. Красноярск.
- Левин М.Г.*, 1941. Краниологический тип хантэ и манси // Краткие сообщения о научных работах НИИ и Музея антропологии МГУ в 1938/39 гг. М.
- Лесман Ю.М.*, 1990. Хронология ювелирных украшений Новгорода (X–XIV вв.) // Материалы по археологии Новгорода. М.
- Лукина Н.В.*, 1979. Альбом хантыйских орнаментов. Томск.
- Лукина Н.В.*, 1985. Формирование материальной культуры хантов (восточная группа). Томск.
- Маак Р.*, 1887. Вилюйский округ Якутской области. СПб. Ч. 3.
- Марки фарфора, фаянса и майолики русские и иностранные. П., 1919.
- Матвеев П.И., Орлов.*, 1877. Отчет по экспедиции от общества для содействия русской промышленности и торговле, снаряженной в 1876 году, для исследования водяного и сухопутного путей сообщения Байдарской губы Карского моря с рекой Обью. СПб.
- Медведев В.Е.*, 1979. К вопросу о погребальных обрядах нанайцев (погребения в устье р. Тунгуски) // Древние культуры Сибири и Тихоокеанского бассейна. Новосибирск.
- Мельников П.*, 1846. Нижегородская ярмарка в 1843, 1844 и 1845 гг. Нижний Новгород.
- Миддендорф А.*, 1869. Путешествие на Север и Восток Сибири. СПб. Ч. 2.
- Миненко М.А.*, 1975. Северо-Западная Сибирь в XVIII – первой половине XIX в. Новосибирск.
- Мовсеян А.А., Мурашко О.А.*, 1983. О самодийском компоненте в материалах самодийского могильника Халас-Погор // Проблема этногенеза и этнической истории самодийских народов Сибири. Омск.
- Могильников В.А.*, 1964. Элементы древних угорских культур в материалах хантыйского могиль-

ника Халас-Пугор на Оби // Археология и этнография Башкирии. Уфа. Т. 2.

Могильников В.А., 1987. Угры и самодийцы Урала и Западной Сибири // Финно-угры и балты в эпоху средневековья. М.

Молодин В.И., 1979. Кыштовский могильник. Новосибирск.

Морозов В.М., 1981. Отчет о работах Северного отряда УАЭ на трассе газопровода Надым-Ивдель. Т. 2. (Архив Ин-та археологии РАН. Р-1 № 8169).

Морозов В.И., 1992. О соотношении археологического и этнографического комплексов городища Ермаково I // Модель в культурологии Сибири и Севера. Екатеринбург.

Мошинская В.И., 1953. Городище и курганы Подчешаш // Материалы и исследования по археологии СССР. М. № 35.

Мурашко О.А., Ефимова С.Г., 1981. Об этнической интерпретации материалов могильника Халас-Погор // Методологические аспекты археологических и этнографических исследований в Западной Сибири. Томск.

Мурашко О.А., Кренке Н.А., 1985. Металлические бляхи-подвески в погребальных комплексах аборигенного населения севера Западной Сибири // Мировоззрение народов Западной Сибири по археологическим и этнографическим данным. Томск.

Мурашко О.А., Кренке Н.А., 1993. Могильник Халас-Пугор на Нижней Оби: погребальный обряд, датировка, этническая интерпретация // Антропология и история культуры. М.

Мурашко О.А., Эренбург Р.Б., 1977. Остяцкие коллекции НИИ и Музея антропологии МГУ // Вопр. антропологии. Вып. 55.

Народное искусство / Государственный музей этнографии народов СССР (Комплект открыток). Л., 1975.

Народы севера Сибири в коллекциях Омского государственного объединенного исторического и литературного музея / Под ред. Н.А.Томилова. Томск. 1986.

Народы Сибири. 1956. М.; Л.

Научные работники Москвы. Л. 1930.

Недошивина Н.Г., 1997. Древнерусские амулеты в виде миниатюрных предметов быта и их роль в погребальном обряде // Археологический сборник: Погребальный обряд. М. (Тр. ГИМ. Вып. 93).

Новицкий Г., 1884. Краткое описание о народе остяцком, сочиненное Григорем Новицким в 1715 году. СПб.

Норденшельд А.Э. 1881. Путешествие А.Э. Норденшельда вокруг Европы и Азии на пароходе "Вега" в 1878–1880 годах. СПб.

Носилов К.Д., 1895. Мои записки о жизни, обычаях и верованиях самоедов // Православный благовестник, М. № 15.

Обдорской управы книга для записи приговоров по тяжбам, спорам и проступкам инородцев (1881–1901). Томск, 1970.

Овсянников О.В., 1997. Новые памятники "звериного стиля" в Большеземельской тундре // Славяне и финно-угры: Археология, история, культура. СПб.

Ожередов Ю.И., 1989. Отчет о полевых исследованиях Южнотаежного отряда археологической экспедиции Томского университета в Чаинском районе Томской обл. в 1987 г. Томск. (Архив Ин-та археологии РАН. Р-1 № 13125).

Ожередов Ю.И., Приступа О.И., 1997. Позднесредневековые ажурные бляхи со всадником из Нарымского Приобья // Актуальные проблемы древней и средневековой истории Сибири. Томск.

Ожередов Ю.И., Смолин А.В., 1992. Западно-европейские жетоны из курганной группы Барклай // Новое в археологии Сибири и Дальнего Востока. Томск.

Окладников А.П., 1950. Бронзовое зеркало с изображением кентавра, найденное на острове Фаддея // Сов. археология. № XIII.

Ополовников А.В., Ополовникова Е.А., 1998. Древний Обдорск и заполярные города-легенды. М.

Орлов В., 1982. В ясный день на берегу Щучьей // Вокруг света. № 11.

Отчет Обдорского миссионерского братства во имя святителя Гурия с 4 октября 1908 по 4 октября 1909 г. Тобольск, 1910.

Памятная книжка Тобольской губернии на 1860 г. Тобольск, 1860.

Памятная книжка Тобольской губернии на 1884 г. Тобольск, 1884.

Памятная книжка Тобольской губернии на 1908 г. Тобольск, 1908.

Паллас П.С. 1788. Путешествие по разным провинциям Российского государства. СПб.

Патканов С.К., 1911. Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев. СПб. Т. 2.

Позднепалеолитическое поселение Сунгирь (погребения и окружающая среда) / Ред. Н.О. Бадер, Ю.А. Лаврушин. М. 1998.

Попов А.А., 1948. Нганасаны // ТИЭ. Нов. серия. М.; Л. Т. 3.

Попов А.А., 1958. Коллекции по материальной культуре долганов в Музее антропологии и этнографии // СМАЭ. М.; Л. Т. XVIII.

Прыткова Н.Ф., 1949. Металлическая культовая посуда у угров // СМАЭ. М.; Л. Т. X.

Расторопов А.В., 1982. Отчет о раскопках Солянковского грунтового могильника в Уватском районе Тюменской обл. в 1982 г. М. (Архив Ин-та археологии РАН. Р-1, № 9134).

Рашин А.Г., 1956. Население России за 100 лет. М.

- Решетов А.М.*, 1994. Репрессированная этнография: люди и судьбы // Кунсткамера: этнографические тетради. СПб. Вып. 4.
- Рогинский Я.Я.*, 1954. Величина изменчивости измерительных признаков черепа и некоторые закономерности их корреляции у человека // Учен. зап. МГУ. М. Вып. 166.
- Розенфельдт Р.Л.*, 1968. Московское керамическое производство 12-18 вв. // Свод археологических источников. М. Вып. Е-1-39.
- Росляков И.П.*, 1895. Похоронные обряды остяков // Ежегодник Тобольского губернского музея. Тобольск. № 5.
- Руденко С.И.*, 1914а. Инородцы Нижней Оби. СПб.
- Руденко С.И.*, 1914б. Предметы из остяцкого могильника возле Обдорска // Материалы по этнографии России. СПб. Т. 2.
- Руденко С.И., Станкевич Я.В.*, 1951. Стрелы и принадлежности для стрельбы из лука // Исторический памятник русского арктического мореплавания XVII века. Л.; М.
- Румянцев В.Е.*, 1869. Древние здания Московского печатного двора // Древности: Тр. Московского археологического общества. М. Т. 2, вып. 1. Русская историческая библиотека. СПб., Т. 2. 1875.
- Рябинин Е.А.*, 1981. Зооморфные украшения Древней Руси X–XIV вв. М.
- Северные россыпи (сборник творчества северян). Салехард, 1962.
- Седова М.В.*, 1981. Ювелирные украшения древнего Новгорода (X–XV вв.). М.
- Семенова В.И.*, 1984. Отчет об археологических раскопках могильника Усть-Балык в 1983 г. Тюмень. (Архив Ин-та археологии РАН. Р-1. № 9382).
- Симченко Ю.Б.*, 1996. Традиционные верования нганасан. М. Ч. 2.
- Сирелиус У.Т.*, 1906, 1907. Домашние ремесла остяков и вогулов // Ежегодник Тобольского губернского музея. Тобольск, 1906, 1907. Вып. 15, 16. Пер. с изд.: Sirelius U.T. Die Handarbeiten der Ostjaken und Wogulen / Journ. de la Societe Finno-ougrienne. Helsingfors, 1904. Bd. XXII.
- Скалозубов Н.Л.*, 1895. Опыт обзора крестьянских промыслов Тобольской губ. Тобольск.
- Соколова Э.П.*, 1971. Пережитки религиозных верований у обских угров // СМАЭ. Л. Т. XXVII.
- Соколова Э.П.*, 1979. Численный, фамильный и брачный состав хантов и манси в 18 – начале 20 в. (Материалы). М. (Деп. ВИНТИ № 3513).
- Соколова Э.П.*, 1983. Социальная организация хантов и манси в XVII–XIX вв. М.
- Сокровища Приобья. СПб., 1996.
- Спасский Г.*, 1824. Замечания о Северо-Западной Сибири // Сибирский вестник, издаваемый Григорием Спасским. СПб. Ч. 3.
- Спасский И.Г.*, 1951. Счетные жетоны // Исторический памятник русского арктического мореплавания 17 века. Л.; М.
- Список населенных мест Тобольской губернии. Тобольск. 1904.
- Список населенных пунктов и административное деление Тобольского округа Уральской области. Тобольск. 1926.
- Список населенных пунктов Тобольского округа Уральской обл. Тобольск. 1924.
- Старцев Г.*, 1928. Остяки. Л.
- Старцев Г.А.*, 1930. Самоеды (ненча). Л.
- Талицкая И.А.*, 1953. Материалы к археологической карте Нижнего и Среднего Приобья // Материалы по археологии СССР. М. № 35.
- Терешкин Н.И.*, 1966. Хантыйский язык // Языки народов СССР. М. Т. 3.
- Терещенко Н.М.*, 1966. Ненецкий язык // Языки народов СССР. М. Т. 3. Москва.
- Теплоухов С.А.*, 1932. Металлический период // Советская Сибирская энциклопедия. М. Т. 3.
- Уздеников В.В.*, 1985. Монеты России: 1700–1917. М.
- Устав об инородцах 1822 г. // Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Т. 38.
- Финш О., Брэм А.*, 1882. Путешествие в Западную Сибирь. М.
- Хайду П.*, 1985. Уральские языки и народы. Москва. Пер. с изд.: Hajdu P. Urali nyelvek es perек.
- Хлобыстин Л.П.*, 1986. Отчет о работах Запалярной экспедиции в 1986 г. (Архив Института археологии РАН. Р-1. № 11821).
- Хлобыстин Л.П.*, 1992. Святилища острова Вайгач // Древности славян и финно-угров. СПб.
- Хлобыстин Л.П., Овсянников О.В.*, 1973. Древняя “ювелирная” мастерская в Западносибирском заполярье // Проблемы археологии Урала и Сибири. М.
- Хомич Л.В.*, 1966. Ненцы. Л.
- Хомич Л.В.*, 1984. Об иноэтнических элементах в традиционной культуре ненцев // Этнокультурные контакты народов Сибири. Л.
- Хондажаевский Н.К.*, 1880. Зимнее исследование нагорного берега Иртыша от Тобольска до Самарова и северных тундр между Обскою губою и Сургутом // Зап. Западно-Сибирского отдела Русского географического общества. Омск. Кн. 2.
- Художественный металл в России 17 – начала 20 века: Каталог выставки. Л. 1981.
- Чернецов В.Н.*, 1953. Бронза усть-полуйского времени // Материалы и исследования по археологии СССР, № 35, Москва.
- Чернецов В.Н.*, 1957. Нижнее Приобье в 1 тыс. н.э. // Материалы и исследования по археологии СССР, М. № 58.
- Чернецов В.Н.*, 1959. Представление о душе у обских угров // ТИЭ. Нов. серия. М. Т. 51.

- Чернов Г.А., 1951а. Археологические находки на реке Щучьей // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. М. Вып. XL.
- Чернов Г.А., 1951б. Археологические находки в восточной части Большеземельской тундры // Сов. археология. № XV.
- Чернов Г.А., 1985. Атлас археологических памятников Большеземельской тундры. М.
- Чикишева Т.А., Бацевич В.А., 1988. Применение методов оценки патологического состояния скелета при изучении древнего населения // Палеоантропология и археология Западной и Южной Сибири. Новосибирск.
- Шутова Н.И., 1992. Удмурты XVI – первой половины XIX в. Ижевск.
- Шухов И., 1928. Зыряне Тарского округа и их охотничий промысел // Изв. Гос. Западно-Сибирского музея. Омск. № 1.
- Шухов И., 1914. Река Щучья: Географическое описание реки и путешествия в ее долину в 1913 г. // Ежегодник Тобольского музея. Тобольск. Вып. 22.
- Яковлев Я.А., 1980. Отчет о работах Тымского археологического отряда в 1980 г. в Каргасокском районе Томской области. (Архив Ин-та археологии РАН. Р-1. № 8463).
- Яковлев Я.А., 1992. Позднесредневековые бляхи с изображением всадника из Северо-Западной Сибири // Орнамент народов Западной Сибири. Томск.
- Янович Д.Т., 1926. Калистрат Фоломеевич Жаков: Некролог // Коми-зырянский край. Усть-Сысольск. № 1–2.
- Янович Д.Т., 1930. По поводу наблюдений В.А. Варсонофьевой над вогулами // Северная Азия. М. 1929. № 5.
- Ясинский М.Э., Овсянников О.В., 1998. Взгляд на европейскую Арктику. Архангельский север: проблемы и источники. СПб. Т. II.
- Castren M.A., 1853. Reiseerinnerungen aus den Jahren 1838–1844. St. Petersburg.
- Erman A., 1833. Reise um die Erde durch Nord-Asien und die beiden Oceane in den Jahren 1828, 1828 und 1830. В. Bd. 1. Рус. пер.: Обдорск. Из путешествия доктора Эрмана вокруг Света // Журнал Министерства внутренних дел. СПб., 1835. Ч. 17.
- Finsch O., 1879. Reise nach West Sibirien im Jahre 1876. В.
- Hackman A., 1900. Vorgeschichtliche Altertümer aus Finnland. Helsingfors.
- Hajdu P., 1948–1950. Die Benennungen der Samojede // Journ. de la Soc. Finno-Ougrienne. Helsinki. [Т.] LIV.
- Hrdlička A., 1942. Crania of Siberia // American Journal of Physical Anthropology. Vol. 29, № 4.
- Jonaitis Aldona, 1988. From the land of the Totem poles. New York; Seattle.
- Kennan G., 1910. Tent life in Siberia. New York.
- Krenke N.A., 1992. Archaeological evidence of cultural interaction at Ob delta region in the 19 century // Kontaktstencil 36. Turku.
- Murashko O., Krenke N., 1996. Burials of indigenous people in the lower Ob region: dating, burial ceremonies, and ethnic interpretations // Arctic Anthropology. Vol. 33, № 1.
- Nordenskiöld A.E., 1882. Die umsegelung Asiens und Europas auf der Vega. Leipzig. Bd 1.
- Pallas P.S., 1773. Reise durch verschiedene Provinzen des Russischen Reichs in den Jahren 1768–73. St. Petersburg.
- Pauly., 1862. Description Ethnographique des Peuples de la Russie. Saint Peterbourg.
- Rybakov B.A., 1971. Russian applied art of 10–13th centuries. Leningrad.
- Schwindt T., 1893. Karjalan Rautakaudesta // Finska Fornminnesforeningens Tidskrit // Suomen Muinaismuisto-Yhdistyksen Aikakauskirja. Helsingissa. [Т.] XIII.
- Sirelius U.T., 1915. Suomen Kansanpukujen Historia // Journal de la Societe Finno-Ougrienne. Helsinki. [Т.] XXXI.
- Sirelius U.T., 1983. Reise zu den Ostjaken. Helsinki.
- Sommier S., 1885. Un' Estate in Siberia. Firenze.
- Sommier S., 1887. Ostiacchi e Samoiedi dell'Ob // Archivio per L'Antropologia e la Etnologia. Firenze. Vol. 17.
- Virchow R., 1877. Ueber Westsibirische Schadel (Samojeden, Ostiaken) // Berliner Gesellschaft für Anthropologie, Ethnologie und Urgeschichte. Sitzung vom 21 Juli 1877.
- Zachrisson I., 1976. Lapps and Scandinavians. Motala.

Список сокращений

- ГИМ – Государственный Исторический музей
- МА МГУ – Музей антропологии Московского государственного университета
- СМАЭ – Сборник Музея антропологии и этнографии
- ТГПИ – Томский государственный педагогический институт
- ТИЭ – Труды Института этнографии

Список иллюстраций

1. Карта Полярного Урала и севера Западной Сибири. На врезке — район работы археолого-этнографического отряда экспедиции 1909 г.: а — изученные памятники; б — маршрут экспедиции. 1 — Пам-Пухол; 2 — Халас-Пугор; 3 — Еман-Нял Халас; 4–10 — Пури-Сале; Воде-Нял Халас; Тар-Вануйт Халайт; кладбище рода Ядопчей на о-ве Хэя; Яга-Няу Хальмээр; кладбище Пахрумковских юрт, Сарман-Вануй; Пайхата-Халайт; 11 — Юмбарада-Хальмээр
2. Автограф первого листа докладной записки Д.Т. Яновича о результатах работы этнографического отряда экспедиции 1909 г. на Полярный Урал (Научный архив НИИ и Музея антропологии МГУ)
3. Автограф первого листа письма О.О. Баклунда к Д.Н. Анучину по поводу конфликта, возникшего в экспедиции 1909 г. (Научный архив НИИ и Музея антропологии МГУ)
4. Автограф первого листа письма Б.Ф. Адлера к М.Г. Левину (Научный архив НИИ и Музея антропологии МГУ)
5. Профиль верхней части обнажения левого берега Малой Оби в 150 м к северу от домов поселка Халас-Пугор: 1 — дерновый торфообразный слой, 2 — светло-бурый песок, 3 — темно-серая супесь (культурный слой), 4 — светло-бурый песок, 5 — темно-серая супесь, 6 — песчаные аллювиальные отложения. Внизу — керамика и медная пряжка, найденные у подножья обнажения в 1992 г.
6. Вид Обдорска с кочующими самоедами и обдорской ярмарки (по Кушелевскому, 1868)
7. Мужские пояса с металлическими пряжками, обшитые пуговицами, принадлежащие семье Сяддаев, современных жителей пос. Халас-Пугор (снимок 1991 г.)
8. Пряжка от пояса Г.Д. Филиппова, уроженца Халас-Пугора, подаренного ему отцом (1). Пряжки для “оленоводов” (2), купленные в магазине в Салехарде в 1991 г., изготовленные кооперативом из Новослободского (?)
9. Лист из полевого дневника Д.Т. Яновича с зарисованным погребением № 27 в могильнике Халас-Пугор. Расшифровка надписей: справа — “длина 2 м 40 см, высота гроба 0,35 м, хольмер разрушен, погребение в полулодке”, “серо-медная пряжка”, “рожок с оловянной инкрустацией”; слева — “мужской нож”, “кожаный пояс с оловянными бляшками”, “рожок”
10. План поселка и урочища Халас-Пугор по глазомерной съемке Н.А. Кренке 1991, 1992 г.
11. Вид на Халас-Пугор с Малой Оби (снимок 1991 г.)
12. Вид на поселок Халас-Пугор от старого кладбища (снимок 1991 г.)
13. Вид на дома современного поселка Халас-Пугор с севера от старого места поселка. На переднем плане слева от мачты ветряка — скамеечка семьи Сяддаев (снимок 1992 г.)
14. Вид с юга на старое кладбище в Халас-Пугоре, сзади виднеются крыши домов поселка (снимок 1991 г.)
15. Брошенные дома (баня и сарай) старого поселка Халас-Пугор (снимок 1991 г.)
16. Старое кладбище Халас-Пугор. Надмогильное сооружение в виде ящика (снимок 1991 г.)
17. Старое кладбище Халас-Пугор. Гроб-лодка с обрезанной кормой в деревянном ящике (снимок 1991 г.)
18. Старое кладбище в Халас-Пугоре. Вид с юго-запада, на заднем плане — постройки поселка (снимок 1992 г.)
19. Старое кладбище в Халас-Пугоре. “Молодая” группа наземных погребений в ящиках, сколоченных тянутыми гвоздями (снимок 1992 г.)
20. Старое кладбище в Халас-Пугоре. Погребение в лодке с обрезанными носом и кормой (снимок 1992 г.)
21. Старое кладбище в Халас-Пугоре. Погребение в лодке с обрезанной кормой (снимок 1992 г.)
22. Старое кладбище Халас-Пугор. Котел в истлевшем наземном погребении (снимок 1992 г.)

23. Одно из наземных погребений старого кладбища в Халас-Пугоре в двойном ящике (снимок 1992 г.)
24. Поселок Халас-Пугор. Сын Д.С. Сяддая в зимней одежде (снимок 1991 г.)
25. Поселок Харсаим. Местный житель на крыльце сельского совета (снимок 1991 г.)
26. Новое кладбище в Халас-Пугоре. Перевернутая лодка на надмогильном холме (снимок 1992 г.)
27. Кладбище аборигенного населения в поселке Харсаим (снимок 1992 г.)
28. Могильник Халас-Пугор. Чертежи и комплексы вещей погребений 27, 34, 44
29. Могильник Халас-Пугор. Чертежи и комплексы вещей погребений 48, 58, 59
30. Могильник Халас-Пугор. Чертежи и комплексы вещей погребений 68 и 76
31. Могильник Халас-Пугор. Чертежи и комплексы вещей погребений 69 а, б, с
32. Могильник Халас-Пугор. Чертежи и комплексы вещей погребений 75, 80, 89
33. Могильник Халас-Пугор. Чертежи и комплексы вещей погребений 103 а, б
34. Могильник Халас-Пугор. Чертежи и комплексы вещей погребений 106 а, б
35. Могильник Халас-Пугор. Чертежи и комплексы вещей погребения 133
36. Могильник Халас-Пугор. Чертежи и комплекс вещей погребения 141; могильник Воде-Нял Халас, погребение 193
37. Могильник Сарман-Вануй. Чертежи и комплексы вещей погребений 264, 266, 267
38. Могильник Пайхата-Халайт. Чертежи и комплексы погребений 270, 278, 281
39. Могильник Пайхата-Халайт. Чертежи и комплексы погребений 284, 287, 288
40. Могильник Юмбарада-Хальмээр. Чертежи и комплексы погребений 299, 300, 301
41. Могильник Юмбарада-Хальмээр. Чертежи и комплексы погребений 302, 303, 305
42. Могильник Юмбарада-Хальмээр. Чертежи и комплексы погребений 307, 308, 310
43. Могильник Юмбарада-Хальмээр. Чертежи и комплексы погребений 311, 313, 316
44. Могильник Юмбарада-Хальмээр. Чертежи и комплексы погребений 312, 317, 318
45. Могильник Юмбарада-Хальмээр. Чертежи и комплексы погребений 320, 323
46. Могильник Юмбарада-Хальмээр. Чертежи и комплексы погребений 324, 331, 332
47. Могильник Юмбарада-Хальмээр. Чертежи и комплексы погребений 336, 337, 339
48. Могильник Юмбарада-Хальмээр. Чертежи и комплексы погребений 340, 342, 358
49. Могильник Пайхата-Халайт. Погребение
270. Прорисовка фотографии 1909 г.
50. Могильник Юмбарада-Хальмээр. Чертежи и комплексы погребений 350—355 (коллективная усыпальница)
51. Счетные жетоны, монеты и монетовидные подвески
52. Мужские пояса
53. Пряжки мужских поясов и пряжки неизвестного назначения
54. Мужской пояс с ножом в ножнах
55. Рукояти ножей
56. Ножи
57. Ножи
58. Ножны для ножей
59. Части “ружейного прибора”
60. Табакерки из рога
61. Табакерки из рога
62. Наконечники стрел и древко стрелы
63. Очки для защиты глаз от блеска снега и пластины для предохранения руки при стрельбе из лука
64. Изделия из дерева
65. Изделия из кости и дерева
66. Замок и ботало
67. Кожаная ляжка оленьей упряжи
68. Медные детали оленьей упряжи
69. Железные детали оленьей упряжи
70. Костяные и медные детали оленьей упряжи
71. Крюк для распутывания узлов и детали узды
72. Блоки для крепления оленьей упряжи к нартам
73. Цепи от оленьей упряжи
74. Наконечники хореев и пешня
75. Топоры
76. Лучковое сверло, рубанок и шило
77. Струг и скобель
78. Футляр для наперстка, наперстки и сумочки для шитья
79. Бёрдо (приспособление для плетения поясков)
80. Крюки для доставания мяса из котла и ушко котла
81. Ложки бронзовые
82. Ложки деревянные
83. Черпаки деревянные
84. Ковшики железные
85. Ковшики и миски медные
86. Чашка фарфоровая завода Г. Маркова и блюдец завода М.С. Кузнецова
87. Чашка фарфоровая завода Дунашова и блюдец гжельское
88. Чашка фарфоровая гжельская, фрагмент глиняного блюда и чернильница
89. Чаша из черепа и глиняный горшок
90. Рюмки, кубок и флакон из стекла
91. Бутылки и штоф стеклянные
92. Чашки и корытца для еды деревянные
93. Чаши и рюмка деревянные
94. Ковшики и изделие неизвестного назначения деревянные

95. Культовая посуда
96. Берестяные коробочки
97. Гребни
98. Табакерки берестяные и медные
99. Подсвечник и табакерки бронзовые
100. Трубки курительные и медные пронизки
101. Кресала железные
102. Палки для выбивания снега и вшей из одежды
103. Кожа и ткань с орнаментом
104. Фрагменты ткани, сукна и тесьмы
105. Ткань с шитьем
106. Украшения из бисера
107. Поясок и кожаный предмет для прикрытия женских половых органов (вороп)
108. Обдорские остяки (по Sommier, 1887)
109. Пряжка от женского пояса из железа
110. Пряжка от женского пояса из меди
111. Пряжка от женского пояса из меди
112. Пряжка от женского пояса из меди
113. Пряжка от женского пояса из меди
114. Пряжка от женского пояса из меди
115. Пряжки от женского пояса из меди
116. Пряжки от женского пояса из меди
117. Пряжка от женского пояса из меди
118. Оловянные отливки
119. Перстни и кольца
120. Пуговицы и сбруйное украшение (16)
121. Пуговицы и нашивные украшения
122. Бусы, бубенчики и колокольцы
123. Украшение шапки (?) в виде лунницы с подвесками
124. Украшения шапки (?) в виде лунницы с подвесками
125. Ажурные медные бляхи-подвески
126. Ажурные медные бляхи-подвески
127. Ажурные медные бляхи-подвески
128. Ажурные медные бляхи-подвески
129. Ажурные медные бляхи-подвески
130. Ажурные медные бляхи-подвески с изображениями коньков
131. Медные и оловянные бляхи-подвески с изображениями птиц
132. Ажурные медные бляхи-подвески
133. Медные бляхи-подвески
134. Медные бляхи-подвески с изображениями кентавров
135. Медные бляхи-подвески с изображениями камлания в чуме, охотника, оленя, борьбы семиглавого зверя и льва, львов у мирового древа
136. Ажурная медная бляха-подвеска с изображением семи львов у мирового древа (Краеведческий музей в Салехарде)
137. Бляха коновала. Медь, литье. Россия, вторая половина XIX в. (Музей этнографии народов России)
138. Копия XIX в. с изразца XVII в., выполненная на заводе В.А. Аксенова для реставрации трапезной палаты Борисоглебского монастыря возле Ростова (Ярославский музей-заповедник)
139. Медные бляхи-подвески с изображениями всадников
140. Медные бляхи-подвески
141. Медные бляхи-подвески и аналогия изображению личины на замке-маскароне
142. Бусы
143. Медные изделия, нательный крест, свинцовая печать
144. Деревянные и оловянная игрушки
145. Кукла — изображение умершего
146. Куклы — изображения умерших
147. Куклы — изображения умерших
148. Куклы — изображения умерших
149. Куклы — изображения умерших
150. Идол-сядай и куклы — изображения умерших
151. Надмогильные кресты
152. Медные вещи I—II тыс. н.э., вторично использованные в XIX в.
153. Родословная фамилии Ядопчу, составленная Д.Т. Яновичем

Summary

'The Ostyak' collection (N 281) from the Museum of Anthropology Moscow State University, collected by D.T. Yanovich in 1909, is probably the most extensive assemblage of skeletal remains and material culture of the indigenous peoples of the Lower Ob region in the nineteenth and early twentieth centuries. The collection numbers 5159 items.

Most of the materials are from the large Khalas-Pugor cemetery. Additionally, there are items from a number of cemeteries along the Bolshaya and Malaya Ob Rivers and the Longot-Yugan River (Fig. 1). A part of the collection was acquired from local people. D.T. Yanovich conducted archaeological and anthropological work within the frame of Russian Royal Academy of Science expedition 1909 to Polar Urals that was sponsored by the Kuznetsov brothers (an industrialist family) under the leadership of O.O. Baklund.

The materials collected by D.T. Yanovich present an opportunity to compare a typical archaeological collection with textual data from the same period. Almost all decades of the nineteenth century have been marked by expeditions to the Lower Ob region. Some individuals buried at the cemeteries investigated in 1909 were indeed among those observed and described in the 1844 ethnographic studies by Alexander Castren (Castren, 1853), and also by Finsch and Brehm in 1876 (Finsch, 1879), by Stephan Sommier in 1880 (Sommier, 1885), etc.

The Lower Ob region holds much current interest for the history of material culture. The region around Obdorsk (now the city of Salekhard) used to be a remote border zone that attracted southern and western cultures. This cultures left behind abundant archaeological records characterized by extensive scale of movement of material objects. The Scandinavian-made oval-shaped brooch of the tenth century stored in Salekhard Museum and English-made tin plates of the

nineteenth century discovered by Finsch in the Yondyr settlement clearly attest to this fact.

In relatively recent historic times, the Nenets and Khanty peoples and then Russian and Komi advanced into the lower reaches of Ob River basin.

From the descriptions of nineteenth century travelers and scientists, we know that the most significant event at the time — the climax, so to speak, of the annual cycle — was the Obdorsk Fair. The Yanovich collection is a reflection of that fair. Looking into this reflection, we can imagine ourself in the sledges of the Osyak (Khanty) or Samoyed (Nenets) returning home from Obdorsk in the later days of January.

It is important to emphasize that the study of cultural heritage of the nineteenth century is valuable not only as a retrospective view of the past, but also for modern material culture processes. Many of the craft items of the late nineteenth century continue to be used today and remain as objects for making copies (metal ornaments for belts, buckles, knives and their sheaths, and decorations for women's hats are examples of craft continuity).

"Ethnographic exotica" and juxtaposition of two cultures — "European civilization" and the traditional way of life of the indigenous people — had been explicitly perceived in Obdorsk of the nineteenth century. Local cemeteries with surface burials surrounded by abandoned sledges and with remains of ceremonial sacrificial feasts and complete sets of burial utensils, played a significant part in the "ethnographic exotica" perception of the region.

From the beginning of the seventeenth century, when Russian settlers penetrated the Lower Ob area, mass cemetery robberies came into play (the local populations had also been involved), which resulted in the Czar's Decree of 1610 that prohibited desecration of Ostyak graves (Russian Historical Library 1875. P. 216).

Nineteenth century scientists were understandably tempted to delve into the above-ground caskets (miniature ethnographical and anthropological museums) that were at everyone's view — wooden boxes with remains of the Ostyaks and the Samoyeds buried in them. They found that many of the things discovered in the graves were imported; however European scientists did not think of these objects as "their own", but saw them as ethnographic objects that were worth collecting. The collection compiled by Yanovich was no exception, as confirmed by numerous examples, since a considerable number of the objects were items that had recently crossed the Ural ridge.

Transportation of the same objects back and forth across the Urals — first as trade items and later as scientific specimens — attested to a more complex interaction between the "central" and "provincial" culture than it first appeared. It is reasonable to suggest that one cannot completely comprehend the culture of the "center" without the study of what seems at first to be a strictly "ethnographic province".

Description and Dating of the Sites.

The 1909 studies reported in Yanovich's diary¹ indicate that 11 sites were investigated. A total of 358 burials were studied.

The works in the vicinity of Khalas-Pugor (in Khanty it means the "island of the dead") in the Malaya Ob region were conducted on the most substantial scale. 154 burials (N 20–173) were studied there. Burials of this site were first described by a participant of Bremen expedition to West Siberia, O. Finsch who investigated four of them (Finsch, 1879. S. 499, 546). Craniological studies were conducted by Rudolf Virchow. The total number of burials was about 50, as estimated by Finsch. This number included both well-pronounced surface burials in wooden caskets and below-ground burials in shallow pits with walls or coverts made of wooden

¹ The fate of the Ostyak collection of the Museum of Anthropology was a reflection of controversy in the history of twentieth century Russia. The study of museum materials and preparation for publication was begun by D.T. Yanovich, with Professor D.N. Anuchin as scientific advisor, but had not been finished by 1914 and was interrupted by the war and revolution. In 1930s Yanovich was subject to political repression and died in exile. B. Vasiljev who held the position in museum as ethnographer in 1930s also was exiled. As of the mid 1930s only small part of the collection documentation was preserved, which resulted in numerous and serious mistakes in the provenance documents. The primary mistake was to associate all the burials with the same site — Khalas-Pugor. Only in 1994 did the authors manage to find the descendants of Yanovich, who had preserved a part of archives, including a field diary of the 1909 expedition that shed light on the unknown history of some of the collection artifacts.

planks. The tree-ring determinations of the trees growing on the graves prove that they not younger than 40 years old.

According to Yanovich's diary cemetery at Khalas-Pugor located several hundred meters from the chooms (nomad tents) and was, judging by the evidence, an active cemetery. By virtue of circumstances, the fieldwork (more precisely, disassembling of the graves) did not encompass most recent burials. In most cases, old half-rotten kholmers (grave construction) were investigated, but the memory of some of the buried people was still alive. For example, Yanovich became aware of the fact that burial N 173 belonged to the Ostyak woman called Neodyu who could perform shaman ceremonies and who was married to a Samoyed of the Yadope family. This attested to the fact that some, at least, burials were relatively recent.

To collect additional evidence on the site, investigations were initiated in 1991 and 1992, when it was discovered that remains of "old cemetery of Khalas-Pugor" still exist in the vicinity of the modern settlement somewhat to the south of the original settlement (Fig. 7). According to local people — the Komi and Nenets and the Khanty — (A.M. Rochev, G.D. Filippov, D.S. Syaddai, V.G. Krouptinsky), the old cemetery has not been used since the 1940s because an administrative decree prohibiting surface burials had been imposed.

The topography of the Khalas-Pugor area features the left bank of the Malaya Ob River that is about 500 m above the river level and extends about 500 m from north to south and 200 m from east to west. During floods, the elevated part of the bank becomes island. Studies of exposures along the steep riverbank show that on the north end of the "island", where a settlement dating to the nineteenth and beginning of the twentieth centuries was located, there was also a medieval settlement. Ceramic fragments collected on the bank suggest that the approximate age of this settlement goes back to the end of the first millennium B.C. (Fig. 8).

The old cemetery site is located on a small elevation (up to 1.5 m), thickly covered with dwarf birch, wild rosemary, and bilberry; there are several birch trees that have grown up to 4 m high.

Remains of surface and other types of burial constructions are located in a 2000 square meters area. The total number of observed burials not exceeded 40–60, but there are reasons to believe that there are more. On the cemetery site, among the shrubs, several well-preserved rectangular grave boxes with dimensions of about 2 m long and 0.8 m wide were found. The height of the structures is approximately 0.5 to 0.8 m. In all probability, they were made in

the first decades of the twentieth century. The wooden covers of these grave boxes have fallen through, exposing boat-shaped coffins inside (Fig. 24). The bowes and sterns are severed and fixed with planks. In most cases, remains of the deceased were not found in the coffins, but occasionally there were weathered white skulls and burial utensils (bronze chains, bells, and porcelain). The bodies were oriented with their heads toward the southwest. Bronze and iron cauldron were placed at their feet inside the caskets. Some of the dead seemed to be buried in pits. Such graves resembled small oval mounds surrounded by remains of wooden constructions. "Ugly and way too explicit" (Baklund, 1911. P. 112) traces of 1909 excavations are now completely lost in time; modern inhabitants of the settlement remember them rather vaguely.

Burial utensils, along with scientific observations, have allowed to date the graves. For example, in burial no. 89 there was found a five-kopeik coin of 1766 together with two kopeik copper coins of 1800 and 1801, which were struck at the Ekaterinburg mint.

In burial no. 88 a pendant made in the form of provincial coins with a blessing inscription in Arabic was found (Fig. 51). According to the script, it dated to the eighteenth-nineteenth centuries. Similar pendants were observed on the Khanty ornaments acquired by Sirelius in the vicinity of the Vasyugan River in 1898 (Sirelius, 1983. S. 258).

Bronze bells cast by Vasiliy Makushin in the city of Slobodskoy of the Vyatka district in 1817 were found in burial no. 133 (similar to those in Fig. 122). It should be noted that similar bells were found among other ethnographic collections made by Yanovich. In 1966, G.N. Gracheva found a bell made in 1806 in a modern Nenets burial on the Yamal Peninsula (Gracheva 1971. P. 253).

In burials no. 139 and no. 150 were found tokens made by Ernest Laurer, who worked in Nurenberg from 1791 to 1797 (Fig. 51), depicting King Louis XVI. It goes without saying that the tokens give us only terminus post quem. The tokens have perforations in them, since they were used as decorations. It is quite possible that they were used for a prolonged period of time and that the burials they were associated with date back not to the eighteenth, but to the nineteenth century.

Some burials contained flat round snuffboxes made of bronze with a round center stamp. In one type, the Empress Catherine II (?) is depicted and in another, a man with a beard (Fig. 99). The snuffboxes exhibit skillful workmanship: they were made on a lathe with a cast image stamped on a gilded background. They seem to have been manufactured in one of the central cities of Russia. The time of pro-

duction is probably the end of the eighteenth and the beginning of the nineteenth centuries. Burials no. 203 of Tar-Vanui Khalait had a similar snuffbox, with an image of Ekatherina II that was placed next to porcelain cup made in Gzhel in the second half of nineteenth century (Fig. 88). Burial no. 56 included a porcelain cup (Fig. 86) with cobalt painting made at the G.A. Markov plant located in the Bronnitsky District in the vicinity of Moscow (founded in 1830). According to the features on the stamp, this cup could be dated between the 1860s and 1890s.

Besides porcelain, glass utensils were also found in the burials. A wine glass found in burial no. 54 may be dated between the 1830s and 1840s (Fig. 90: 1). In the burial at the Tchaya River in the Tomsk region, a similar glass cup was found along with coins of 1828–1836.

A tin doll in burial no. 74 was dressed in the fashion of the first half of the nineteenth century (Fig. 144).

Bronze and wooden spoons found in burial nos. 40, 103, 121, and 133 (Fig. 81, 82) indicate the nineteenth century. Some wooden utensils still preserve traces of varnish and paint. According to Gubarev, wooden spoons were popular items at the Obdorsk Fair; the Ostyak and the Samoyeds gladly purchased them. Fragments of a bronze candlestick found in burial no. 121 also belonged to the nineteenth century (Fig. 99).

A large collection of buttons, including one that features a warrior in early nineteenth century uniform, unquestionably belongs to that century (such buttons were found in several burials studied in 1909; these are burials nos. 50, 203, 264 and 351. See Fig. 120, 121).

In burial no. 80, a knife was found with a bone handle and a stamp featuring ("Pavla") on the blade (Fig. 56). It was probably made in the shops of the Pavlovo village at Oka River in the Nizhny Novgorod District, which was famous for its knife production in nineteenth century Russia.

Snuffboxes made of cow's horn and inlaid with tin were found in burial nos. 28, 126, and 128 (Fig. 60, 61). Zuyev noted in 1771 that the Ostyak living in the lower Ob area widely used horns filled with tobacco. Kovalsky, who spent the winter of 1848 in Obdorsk, mentioned a horn with tobacco in it as a burial item the Ostyak people put in their graves. Rudenko, who traveled to the Lower Ob area in 1909, noted that he had never observed similar snuffboxes as household items of the Ostyak people he studied. However, in several graves at the Obdorsk cemetery that he was able to date to the 1840s–1850s, he found similar snuffboxes. Ivanov, who studied one of the snuffboxes found at Khalas-Pugor (burial no. 128, Fig. 61) without inlaid orna-

mentation but with a carving, noted that its circular ornamentation is characteristic for Russian bone carving of the eighteenth and early nineteenth centuries. He suggested that these snuffboxes had been acquired from Russians and were examples of Russian workmanship.

Some types of items were found in the graves also occur in ethnographic collections dating to the end of the nineteenth and the beginning of the twentieth centuries. They include a copper comb (burial no. 24, Fig. 97) with paired horse's heads (only one preserved), probably manufactured in Russia. Similar decorative patterns can be found in the festive clothing of the Khanty living in Berezovsky District (Museum of Tobolsk, inventory N 1999/1624) and in the clothing of the Mordva-Moksha in the central Volga River region. Another example is the massive, round openwork buckles made of iron or copper fashioned into women's belt and worn over the outer clothing which were found in burial nos. 121, 126, and others (Fig. 109-117). These items were described by Zyuev and Belyavsky (1833. P. 57). Finsch wrote that the buckles were manufactured by Zyryans (the Komi) and sold to the Samoyeds for high prices (Finsch, 1879. S. 535). In Pauly's album, such a buckle was featured on the belt of a "Mezen Samoyed woman" (Pauly 1862). We observe a similar buckle on the belt of an Ostyak woman from Obdorsk in the picture by Sommer (Fig. 108).

Negative evidence can be used to support the burial dates. For example, among the many finger rings at Khalas-Pugor, none were of the types found in West Siberian burials of the seventeenth century and the first half of the eighteenth century. The absence of rings of these earlier types indicates that none of the burials at Khalas-Pugor is older than second half of eighteenth century.

Most of the investigated burials in Khalas-Pugor, judging by association funerary objects, date from the early to middle nineteenth century; the latest are from the end of that century. In support of this conclusion, we present one more piece of indirect evidence. A letter from the Director of the expedition, O.O. Baklund, to professor D.N. Anuchin, dated the 14th October 1910 (archives of the Anthropological Museum Moscow State University), states that the grave-studies by Yanovich resulted in conflict with the local population and threat of litigation. This is very important because it could indicate that recent burials had been destroyed.

After the work at Khalas-Pugor, the expedition of 1909 moved into the Bolshaya Ob area where excavations were undertaken at several large burial

sites (Fig. 1). More than 40 burials were excavated in the clan cemetery of the Yadopchu clan. Yanovich was able to obtain detailed information on this site because two representatives of the clan were members of his excavation crew. Here is an excerpt of his diary: "On a small dry sandy hill that is thickly covered with birch trees, willows, ash trees, wild rosemary, mosses, and lichens, lie remains of the kholmers (burial constructions). Many of the kholmers some still standing, are covered by trees growing from the middle of the burials. None of the kholmers are completely intact or recently constructed. The Yadopchu Clan does not bury its dead here any longer; the last burial took place about 48 years ago (i.e., about 1860)."

According to the genealogy of the Yadopchu Clan (Fig. 153) compiled by Yanovich, the excavated burials date from the end of the eighteenth century to the middle of the nineteenth century. The burial goods and a major part of the utensils belonging to the nineteenth century, along with earlier artifacts, confirm this hypothesis. For example, in burial no. 245 there was a brass cup, perhaps used for vodka. The cup is decorated with chasing and engraving and its style suggests that it belongs to the second half of the eighteenth century (Fig. 95). At the same burial was an even earlier item, a silver earring with beads, decorated with filigree dated from thirteenth to fourteenth centuries (Fig. 152. 3). Neither the cup nor the earring can be used to determine the age of the burial under consideration, in which ornaments characteristic of the nineteenth century were also found (Fig. 130. 5; 141. 9).

A copper plate with a hunting scene motif is of special interest for dating (Fig. 95. 1). It was found in burial no. 257 at the cemetery of Sarman-Vanuy in the vicinity of the former settlement Pokhrumkovckiyе yurty. On the age of the plate there are perforations for hanging, which suggest its use for cultic purposes. About ten plates with similar patterns are known according to descriptions and finds in the Lower Ob area near Obdorsk. As Prytkova suggested, they were commonly manufactured in the same place. Some plates are marked with the date of 1834. Similar plates were common to household up to the beginning of the twentieth century. The Museum of Tobolsk acquired one of these plates in 1903 (N 3890/1694).

The last works undertaken by Yanovich in the Bolshaya Ob area were in the vicinity of Pai-Khatu (Kazym-Paikhatskie yurtas), where at three sites there was a concentration of 200 kholmers. According to Yanovich's diary, the works took place at the "new cemetery", where about 20 burials were investigated, including some containing two bodies

(Fig. 50). It is not inconceivable that older burials were mixed in among more recent ones. For example, there are not good reasons to conclude that burial no. 292 could not have belonged to the second half of the eighteenth century. Only two items were found in it — a fragment of a wooden cup and a copper comb (Fig. 97, 2). The latter in all probability, was exported from Russia. A similar comb occurred in burial dating to the end of the seventeenth and beginning of the eighteenth centuries at the Martynovsky site in Chouvasiya.

The burial nos. 298-358 belong to the cemetery Yumbarada Khalmeer near by the mouth of the Shchuchya (pike) River at the vicinity the Lake Yumbar-to (Fig. 1. 11). Yanovich describe this place as follows: "The cemetery is located on the northwest sandy slope elevated abruptly 4 arshins (284 cm) above the lake level. There are approximately 100 graves, which are oriented along the northwest ridge of a watershed. This is connected to the bank of another lake containing clean tasty water, which lies at the west end of the cemetery. In the last decade the wife of the great landowner, Yumbar Samoyed Khonant, was buried there. There are also two small larches, lonely among the tundra vegetation."

The kholmers constitute boxes with two sloping surfaces forming a roof; among them there was a communal grave, with impressive dimensions (Fig. 49). To the north of each grave there were many abandoned sledges. The investigated burials were fairly recent, mostly belonging to the second half of the nineteenth century. Good preservation of organic remains and burial utensils support this interpretation.

Bells dating to 1817 were found in burials no. 308 and no. 351. In burial no. 340, was a cup manufactured at the M.V. Dunashev plant and dated at 1850 to 1870 (Fig. 87). In burial no. 316, a saucer manufactured by M.S. Kuznetsov and dating after 1892 was found (Fig. 86. 2). The harness ornamentation (Fig. 120. 16) from burials nos. 320 and 350 is characteristic of type widely spread throughout nineteenth century Russia.

Another distinctive item is a man's belt with a buckle and knife in the sheath (Fig. 54). The earliest evidence of such types of artifacts belongs to the 1870s (one from the Museum of Tobolsk is pictured by Finsch). Khondazhayevsky acquired a similar belt in 1879 from Nenets, who purchased it from the Zyryan. A similar belt was acquired in 1878 by Nordenskiöld from Nenets in the Khabarovo village, Yugor Peninsula (Nordenskiöld, 1882. P. 80). Belts of this type are common among the modern Khanty and Nenets; they are also common among the modern Khalas-Pugor inhabitants.

Reindeer harnesses with copper parts (Fig. 68, 70, 72) appeared in nineteenth century. These items were manufactured in the shops owned by Stepanov in Tobolsk, by the Zyryans. Finsch mentioned a Zyryan craftsman who lived in Obdorsk.

Copper decorative plates and pendants that decorated women's hats (Fig. 125–135) and were used as amulets were one of the most common items recovered in the burials of the Lower Ob area. They were found in 162 grave assemblages. The collection contains 90 types and a total of 580 specimens. The Russians start to export prototypes of such decorative plates as early as the seventeenth century. Numerous shops continued to cast this old style of decorative pendants during the eighteenth and nineteenth centuries in West Siberia (in particular, in Tobolsk, Berezovo, Obdorsk etc.) and in the Arkhangelsk region (Khimzha, Izma).

Among the specimens from Yumbarada Khalmeer mentioned above, only one more old item was found in a grave no. 337. It was engraved wine glass with the stem cut off, made in Russia in the mid eighteenth century (Fig. 90, 3). Very probably that it was in use for a long time before being placed as a grave goods.

Burial Customs

One can gather information about the burial practices from drawings and written field notes made by Yanovich during the 1909 expedition. A total of 286 descriptions of the burials have survived.

The largest of the sites excavated, Khalas-Pugor, is noted for its uniformity of burial ceremony. Only two out of 154 burials took place in pits; the rest were surface burials. When describing funeral constructions (grave houses), Yanovich used terms "upper kholmer", "kholmer", and a "kholmer supported by two or tree posts". Inside the kholmer, there was a coffin that was made of half of a boat. Adults were buried in the half-boats with their feet oriented to the bow; children's burials, as a rule, took place in box caskets. Sometimes a half-boat coffin was covered with another half of the boat, or with sledge planks, or birch bark removed from the choom (tents).

All the burials, except for two, were oriented to the south, southwest, or southeast; i.e., with the feet oriented downstream. Similar orientation prevailed in all the cemeteries investigated in the Bolshaya Ob area. In the burials studied along the Longot-Yugan River, the dead were oriented to the north, northeast, and northwest with their feet towards the river.

Certain features of surface burials studied at the Longot-Yugan River lead to the conclusion that some of them had no grave constructions or coffins; the

dead were simply placed on a wooden floor and covered with logs.

The Vode-Nyal cemetery in the Bolshaya Ob area is different from all the others in its comparatively large number of pit burials. At the same time, half-boats served as coffins. The graves were covered with larch trees.

In the clan cemetery of the Yadopchu family on Kheya Island, the deceased, both children and adults, and especially women, were placed in casket boxes, a characteristic feature for this site. Almost half of the women interred at this cemetery were placed in casket boxes. This peculiarity bridges the gap between the cemetery on Kheya Island and the Yumbarada Khalmeeer cemetery, which is the northernmost site excavated by Yanovich at the mouth of the Shchuchya River.

Human remains at the Yumbarada site were placed in box kholmers without half-boat coffins. The dead were oriented with their heads toward the northwest. Some of the burials hint at Christian customs. For example, the grave pits were relatively deep, up to 0,7 m, with the heads oriented to the west.

A characteristic feature of all the burials is an extended, supine position of the body. There are only a few burials that do not fit this pattern. The most common practice for all sexes and age groups was the extended, supine position with arms positioned along the body. There are some cases with different positions of the arms. Rather often both or one hands placed under the pelvic area. There is certainly ceremonial significance in this position of the arms. This position is common for men and women.

There were several cases observed where the hands were placed on the belly area. One could suggest that this was inspired by Christian ceremonial practices. Additional features of other, similar graves confirm this suggestion. For example, in burial no. 316 at the Yumbarada Khalmeeer site, a body cross was found (one of only two found on the cemetery).

There were several cases where the dead were placed with their faces down. The body position, including arrangement of the arms and legs, was also different. In some cases, the body was extended with arms placed under the belly. In others, the legs and arms were slightly bent, and occasionally the hands were tied up. This seems to be the shaman burial style.

In the description of burial no. 192 (the Vode-Nyal cemetery), Yanovich wrote that the shamans were buried face down, with arms along the bodies and tied up with a rope. River cobble stones were placed on the back and waist area. A grave of this type was known to be that of a shaman buried at the end of the 1880s and considered a saint by oras-yakh (a clan name among the local population).

It seems that not all shamans burials were performed with these rites. For example, in burial no. 130 at the Khalas-Pugor site, defined by Yanovich as a shaman burial (probably based on local oral history), the body was extended, lying on its back, and only the waist line was tied up with tight knot. In his comments on burial no 166, Yanovich noted that men did not have knots tied at their waist lines, but the women and shamans did.

Burial no. 173, mentioned before, at the Khalas-Pugor site, belonged to the Ostyak shaman woman, Neodyu. In this case, the body was placed in the grave pit in a half-boat coffin, extended and positioned on the back with arms stretched along the body.

The most common tradition for dressing the deceased was to cover the face with a piece of cloth, using buttons for eyes. Burials in a shroud were rare; often one could observe the remains of outer clothing, a leather belt or a fur hat.

Worth to note that shaman named Khechi-Sebyn (burial no. 267) was dressed with Russian wool coat which he had used while shaman rituals.

In some cases the head of the person was covered with a cauldron, perhaps for isolation purposes.

The burial goods were placed both inside the coffin (whether a casket or a boat) and in the vacant space between the coffin and the outer box or kholmer. Some large things were put down on the lid of the kholmer or stand near by. More than half of the grave assemblages in the collection number less than 10 items. But one must take into account that Yanovich was unable to bring a number of items, especially large ones, back to Moscow. There are a few burials containing 50 or more items. The most abundant grave goods were in burial no. 133, which belonged to a teenager and contained 92 items.

Almost all the male and female burials contained domestic utensils, mostly made of wood. The women's burials contained a wider variety of such utensils. The dishes were usually placed near the head and occasionally near the body. Domestic utensils also were often placed at the feet. In some burials, chests containing porcelain tea sets were found.

Knives were common in the burials of both sexes. There were also axes, parts of reindeer harnesses, and snuffboxes. Sometimes there were two or three knives in the same burial. They were usually placed at the hips, but in some cases, they were attached to the belt on the left side. The axes were usually placed at the right hand.

The men's set of grave goods: they contained tools for woodworking (drill and braces), hunting weaponry (a bow, arrows, and powder flasks), and khoreis (a pole to control a harnessed reindeer). In women's burials, a specific set of utensils could be

found. It consisted of tools to process skins (scrapers and special boards on which to stretch the hides), certain type of dishes, working bags, ornaments, and sticks for beating clothes to clean them from snow and louses. Children's burials contained toys. As a rule, in men's burials the "men's" objects were placed to the right. In women's burials, items more often were placed either to the left or in the middle.

Miniature wooden anthropomorphic figurines were a common element in the inventory of all burials studied, except for those at Yumbarada Kholmeer. These figurines (Fig. 145–150) were clothed and instead of faces, tin plaques were used. In his descriptions, Yanovich called them by their Ostyak name — "sidyryan" or "sonchat". These small idols were manufactured in memory of the deceased as temporary dwelling places for his or her soul. They were placed by the head, near the dishes.

Ethnic identification.

In an attempt to make an ethnographic interpretation of the archaeological materials in this assemblage, the history of archaeological and anthropological materials collected by Yanovich has been studied. Comparative and statistical analysis, as well as studies of the historical context of the burials themselves and of excavations have been made.

The first attempt at making an ethnographic identification of the population which left burial sites in the Lower Ob area was done by Finsch; the craniological studies were done by Virchow.

Finsch placed at Virchow's disposal 17 skulls from the "pagan burials" to study. These had been obtained from the place where, 33 years later, Yanovich collected his materials, including four skulls from the Khalas-Pugor cemetery. In his interpretation of the results of the study by Virchow, Finsch wrote: "The skulls from the Lower Ob (Khalispagor) allow us to suggest that there was "a great mix of tribes" since among 4 skulls found there was one with narrow nose bridge, another with a medium bridge, the third one with a flat bridge, and the fourth one with an unusually wide bridge at the nose... From that follows, I am inclined to suggest that the skulls A and B from Khalispagor belong to the Samoyed people; but I have reason to believe, that these are Ostyak skulls, whereas the skulls with Finnish pattern (N 6, for example), are evidently of Samoyed origin" (Finsch 1879. S. 499).

As the polemic text by Finsch indicates, he was dissatisfied with the results of Virchow's study, since it contradicted his own conclusions. But it is not clear from his text what convinced Finsch that his own ethnographic interpretations were correct and what evidence they had been based on. Probably Finsch

had some conclusive information on the population of Khalas-Pugor which allowed him to be firm in his opinion. It is highly doubtful that Finsch's definition was based on the burial customs, since he had stated that in the "area discussed both people live together and their burial ceremonies are quite similar" (Finsch, 1879. S. 499).

In connection with this, it is of interest to recall a remark made by Sommier. At Khalas-pugor he met a Russian, called P.N. Roslyakov, who clearly remembered the visit of Finsch and Brehm to Khalas-Pugor. Roslyakov assured Sommier "that almost all the graves belonged to Ostyak" (Sommier, 1885. P. 431). It is quite possible that the opinions of Roslyakov, which were recalled by Sommier, also had convinced Finsch, who remarked that he was indebted to Roslyakov for obtaining valuable information.

In 1941, Levin published the results of his study on the skulls from Khalas-Pugor. This publication was a brief summary of craniological studies from a series of skulls from northwest Siberia. Regarding the skulls which we were concerned, it was only mentioned that they come from the Khalas-Pugor cemetery, "which according to existed data, could belonged to the Ostyak, with only small part of the population being Nenets" (Levin, 1941. P. 27).

In the Scientific Archive at the Museum of Anthropology at Moscow State University, a letter written by B.F. Adler in 1936 in answer to a request by M.G. Levin was found. In this letter, Adler wrote that Khalas-Pugor "is a big, old cemetery belonging to the Ostyaks and a small number of the Samoyeds". These "data" seem to have been used by Levin in his brief report. Adler, exiled to Salekhard, could not freely leave the town, so his data could have only been obtained by interviewing the local population.

Debets used Levin's results when he compiled his classification of the Mongoloid types. In presenting craniological materials, Debets used ethnic principles and modern ethnic terminology. The section on the Khanty was represented by a craniological series from Khalas-Pugor, and the section on the Nenets, along with other less numerous series, also included six skulls from Khalas-Pugor. Yanovich assigned these burials to the "Samoyed".

In 1942, Ales Hrdlička used materials from Khalas-Pugor in the comparative analysis terming them the "Ostyak" collection (Hrdlička, 1942).

In 1973, Dremov studied the results of measurements published by Debets, and came to the conclusion that, according to some features, the skulls from Khalas-Pugor resemble "the Nenets skulls, which apparently reflects the reality that the Nenets and the

Khanty intermingled racially in the lower reaches of the Ob River". Dremov concluded, that "the Khanty of Khalas-Pugor constitute a group that resulted from the commingling of the Ob Ugrians with local ethnic groups" (Dremov, 1973: 101–102).

In two works on the culture published in 1950 and 1964, the archaeologists used the materials from this collection, interpreting them as being "Ostyak" or "Khanty" (Okladnikov, 1950, Mogilnikov, 1964).

It is stated in the documentation of the collection that ethnological attributes of the collection belonged to Khanty and Nenets. In the 1909 report by D.T. Yanovich it is stated: "During the current year, the Kuznetsov, Mr. N and Mr. G., were the organizers of the expedition to the Polar Urals in 1909. They donated an ethnographic collection to the Anthropological Museum, compiled by D.T. Yanovich. The collection of artifacts was gathered in the locality between city of Obdorsk and the Shchuchya River, which was inhabited by the Ostyak and the Ostyak Samoyeds".

First we attempted to conduct a comprehensive statistical analysis; i.e., to identify certain uniform features by linkages between the attributes and to determine whether the similarities were correlated. In the process, some traits inevitably dropped out of the study due to low frequencies of occurrence, and the "assemblages" revealed eluded ethnic interpretation.

Out of the abundance of items found in the Yanovich collection, only anthropomorphic figurines and women's round belt buckles could be considered (hypothetically) as "ethnic markers". The anthropomorphic figurines were considered to be of "Khanty" origin and the round belt buckles of "Nenets" origin. Studies have established that only the Ostyak people practiced the rite of interring effigies of the deceased in the graves. Anthropomorphic effigies were found in 78 burials.

Ring-shaped women's belt buckles of the eighteenth century were observed by Zuyev only among Nenets women. Yanovich wrote that these buckles were "Samoyed" origin. However, other researches of the nineteenth and twentieth centuries observed similar buckles among the Khanty and Zyryan women. There are 44 similar buckles in the collection, most of them in Yumbarada-Khalmeer site.

Chi-square analysis to determine associations between the anthropomorphic effigies and the ring-shaped buckles showed a negative correlation in women's graves (i.e., separating the "Khanty" and the Nenets groups).

An addition point to emphasize that some ceremonial customs seem to have definite ethnological

associations. Chernetsov wrote about a custom among the Khanty people to place plaques on the chests of the deceased for religious purposes. There is no evidence in ethnographic literature that this custom existed among the Nenets people.

According to the ethnographic studies, the custom of using a boat as a coffin is more common among the Khanty than among the Nenets.

The chi-square test established a positive statistical correlation between the presence of anthropomorphic effigies in women's burials and placement of a plaque on the chest in men's burials (i.e., a alignment of two "Khanty" traits). A trend also exists to combine the "Khanty" ethnic markers with boat burials, and the "Nenets" markers with the use of box caskets.

Hence, three groups of burials were identified: those with "Khanty" features, those of the "Nenets" tradition, and those with neither of these features.

It was later discovered, when the diaries by Yanovich surfaced, that the statistical divisions of burials into two traditions — the Khanty and the Nenets — coincided precisely with the division of the materials by site. One group included all the burial sites located in the Bolshaya Ob area and Khalas-Pugor; another coincided with the Yumbarada-Khalmeer site. However the problem of ethnic identification for the entire material culture collection is not solved.

The written evidence of the eighteenth century indicates not only coexistence of the Ostyaks and Samoyeds in the lower reaches of the Ob River, but also the existence of populations of mixed origin. Census results of the eighteenth century support numerous intermarriages between the Obdorsk Ostyak and Samoyed. The results of census IV (1782) showed that 43% of the Ostyak males from the city of Obdorsk were married to "Samoyed women", and 38% of the Samoyeds in the Obdorsk region were married to "Ostyak women" (Vasilyev, 1979. P. 125–126).

Alexander Castren who visited Obdorsk in 1844, wrote: "According to their ways of life, the Obdorsk Ostyaks could be divided into two categories: fishermen and reindeer breeders. The former live in the vicinity of the rivers, primarily along the Ob and Narym Rivers, the latter are nomads. At least for part of the year, they spent time in the tundra and are in constant contact with the Samoyed tribe. The number of the Ostyaks that are engaged in reindeer breeding is relatively small and annually decreasing due to the commingling with the large Samoyed tribe population. The Samoyed influence was so strong that the Ostyak reindeer breeders not only adopted the religion, customs, and ways of life of

their neighbors, but they also spoke the Samoyed language more freely than their own. That is why those who wanted to study Ostyak ways of life should look to the Ostyak fishermen. But even the fishermen had different lifestyles: some of them only fished, others both fished and bred reindeer. The latter, at least in summer, had two households: some remained at the rivers, while others followed the reindeer on their migration... Roaming with their reindeer along the coast of the Arctic Sea, the Ostyaks, much like the Russians and the Samoyeds, fished, hunted walrus, seal, polar bear, etc... The Samoyeds and the Ostyaks, whose only occupation was to breed reindeer, used to go to the sea coast in early spring; those who left part of their families at the rivers were not a hurry to the remote sea coast anyway. They lived in permanent dwellings, called *yurtas*, in the forests, whereas some Samoyeds and nomad Ostyaks did not have this type of dwelling. By the end of December, all these roaming hordes used to show up at the Obdorsk Fair" (Castren, 1860. P. 192–193).

This lengthy quotation not only accurately reflects the system of land-use of the indigenous people of the Obdorsk North, who had synthesized all traditional ways of using the natural resources in the region, but also illustrates the impossibility of ethnic differentiation among this population using administrative ethnographic stereotypes such as "the Ostyak – fishermen-*yurta*" or "the Samoyed – reindeer – *choom*".

Among the Obdorsk Ostyaks, the investigators of the nineteenth century mentioned a large number of linguistic borrowings from the Samoyed and Zyryan languages. Modern taxonomy of the Obdorsk Ostyak language has not been determined, and in the work of one of the authors it is mentioned both as "an Obdorsk dialect" and "Obdorsk version of the western dialect of the Khanty language" (Tereshkin, 1966). Hajdu mentioned lexical borrowings in the northern Khanty dialects from the Komi and Nenets languages and wide-spread bilingual and multilingual occurrences (Hajdu, 1985. P. 48).

Judging from the local and dialectical subdivisions of the Samodayan and Ob-Ugrian languages, from local identification of the indigenous people

(i.e., wide-spread self-identification according to the place of habitation), and from numerous descriptions of local subethnic and interethnic versions of material culture among people living in northwest Siberia, the linguistic, cultural, and economic synthesis of the "Obdorsk Ostyaks and Samoyeds" was the rule, rather than exception.

Ethnocultural and ethnolinguistic trends described by the authors of the eighteenth and nineteenth centuries fit into the picture of ethnic continuity, which is characterized by vague linguistic and ethnographic boundaries and by the many commonalities observed. Theoretical analysis of similar phenomena was represented in the works of Alekseev (1979) and Kryukov (1989).

Hence, it is evident that the burial sites we have been discussing were located in a region where prolonged and close contacts between all three branches of the Ural languages are suggested to have taken place. This region has also been noted for the intermingling of every kind of traditional arctic land-use, and for the direct influence of trade relationships with Russia at the Obdorsk Fair that was held by the Obdorsk people for two months out of every year.

We could not establish definite correlations of the terminology of official ethnic identification in the aboriginal population of the lower Ob area in the nineteenth and twentieth centuries. The terminology that was used by the indigenous population of the nineteenth century to express their ethnic identity was adequate to their own self-awareness. That is why we can consider the aggregate of archaeological materials that have come down to us preserved in the collection as a late colonial version of the "Obdorsk aboriginal" culture.

The culture of the Obdorsk aboriginals of the nineteenth century was, on the one hand, subdivided into numerous factions that preserved local clan peculiarities of certain groups of Samodayan and Ugrian people in the Lower Ob region within a single type of traditional economy and land-use. On the other hand, this culture experienced strong influences from outside that later were included in the structure of close trade connections, especially in the nineteenth century.

Научное издание

**Мурашко Ольга Ануфриевна,
Кренке Николай Александрович**

**Культура аборигенов
Обдорского Севера
в XIX веке**

Утверждено к печати
Ученым советом Института археологии
Российской академии наук

Зав. редакцией
Н.Л. Петрова

Редактор
М.М. Леренман

Художник
В.Ю. Яковлев

Художественный редактор
Т.В. Болотина

Технический редактор
О.В. Аредова

Корректоры
Н.П. Круглова, Т.И. Шеповалова

Верстка выполнена в издательстве
на компьютерной технике

ЛР № 020297 от 23.06.1997

Налоговая льгота —
общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Подписано к печати 08.10.2001

Формат 60 × 90 1/8. Гарнитура Академическая

Печать офсетная

Усл.печ.л. 20,0 + 18,0 вкл. Усл.кр.-отт. 42,0. Уч.-изд.л. 30,1

Тираж 1000 экз. Тип. зак. 4660

Издательство “Наука”

117997 ГСП-7, Москва В-485, Профсоюзная ул., 90

E-mail: secret@naukaran.ru

Internet: www.naukaran.ru

ППП “Типография “Наука”
121099, Москва, Шубинский пер., 6